БОГ КАЛЬМАР
ВНЕЗАПНОЕ ВТОРЖЕНИЕ

БОГ КАЛЬМАР
ВНЕЗАПНОЕ ВТОРЖЕНИЕ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

NICK
POLLOTTA

PHIL
FOGLIO

THAT DARN SQUID GOD

ILLEGAL ALIENS

НИК ФИЛ

ПОЛЛОТТА ФОГЛИО

БОГ КАЛЬМАР

ВНЕЗАПНОЕ ВТОРЖЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
МОСКВА
2006

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
П52

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Nick Pollotta & Phil Foglio
THAT DARN SQUID GOD
ILLEGAL ALIENS

Перевод с английского В. Гришечкина, В. Федорова

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А. Сергеева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения издательства Wildside Press LLC
и литературного агентства Александра Корженевского.

**Подписано в печать 26.01.06. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 3 000 экз. Заказ № 3113.**

Поллотта, Н.

П52 Бог Кальмар. Внезапное вторжение : [фантаст. романы: пер. с англ.] / Ник Поллотта, Фил Фоглио. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. — 698, [6] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-035122-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-1963-9 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-3519-6 (ООО «Транзиткнига»)

Викторианской Англии — а заодно и всему миру — грозит мучительная гибель, потому что таинственная мистическая секта упрямо намеревается возродить ужасного Бога Кальмара, которого не убить никаким человеческим оружием.

Извечное «бремя белых» — спасение цивилизации — мужественно принимают на себя верные подданные ее величества — чудаковатый владелец Музея украденных артефактов и экстравагантный аристократ... Охота за сектантами начинается!..

В Центральном парке Нью-Йорка садится звездолет пришельцев, и гнусные «чужие» под видом «тестирования землян на цивилизованность» захватывают шестерых пленников.

Ма-а-аленькое «но»: захваченные представители человеческой расы — лихие ребята из МОЛОДЕЖНОЙ БАНДЫ, не боящиеся ни Бога, ни черта, ни копов — что уж говорить о каких-то жалких пришельцах!..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Nick Pollotta & Phil Foglio, 2004, 1989
© Перевод. В. Гришечкин, В. Федоров, 2006
© ООО «Издательство АСТ», 2006

БОГ КАЛЬМАР

1

В лондонской ночи царил клубящийся туман.

Шагнув из экипажа в серую мглу, профессор Феликс Эйнштейн остановился у края тротуара и привычно сверился со стеклянным шариком, который держал в свободной руке. В центре прозрачной сферы находился мумифицированный египетский тарантул. Насекомое не шелохнулось под пристальным взглядом профессора, и тот расслабился, увидев знак того, что никакой злой магии в непосредственной близости нет. Пока, во всяком случае.

Удовлетворенный развитием ситуации, проф. Эйнштейн убрал талисман обратно под свое замечательное шотландское пальто-инвернесс с пристегивающимся капюшоном. Одетый словно банкир с Боу-стрит, Эйнштейн щеголял в этом пальто, под которым скрывался костюм в серую полоску и оксфордский университетский галстук с обязательным пятнышком от овсянки. Лицо профессора, с резковатыми чертами, покрывал густой загар, а серебристая прядь в волнистых волосах почти идеально сочеталась с серебряным набалдашником в виде головы льва на трости черного дерева. Внутренний карман его пальто оттопыривался, выдавая таившийся в нем револьвер «Адамс» тридцать второго калибра, а поперек жилета протянулась золотая цепочка часов с болтающимся на ней в качестве брелока окаменевшим акульим зубом. Из верхнего же кармана жилета выглядывал изящный футляр с многочисленными визитными карточками, на которых стояли только имя, фамилия и адрес владельца, а также несколько десятков носимых им титулов. Настоящей его профессии среди них не значилось.

Уже оборачиваясь к дожидающемуся кэбмену, проф. Эйнштейн вдруг нахмурился, уловив донесшийся из ближайшего здания шум бурного веселья. Это еще что? По квалифицированному мнению профессора, даже мексиканский танец харабе[1]* в исполнении отряда зулусских воинов не был бы сейчас более неуместен, чем этот громкий смех, доносящийся из окон первого этажа выделяющегося среди других зданий квартала шикарного пятиэтажного особняка.

За последние несколько недель Эйнштейн заметил, что картина погоды во всем мире неуклонно меняется к худшему: снег в Египте, торнадо в джунглях Амазонки, ярко сияющее солнце в Ливерпуле и тому подобное. Но это были лишь побочные эффекты надвигающегося апокалипсиса.

«Да кто же может смеяться в такое страшное время? — раздраженно спросил себя профессор. — *Уж наверное не мои знакомые по клубу! Возможно, туман искажает звуки: где-то далеко идет вечеринка, а кажется, будто веселятся поблизости? Ну конечно, в этом все дело. Как все просто».*

— Смотри в оба, Дэвис, — сказал проф. Эйнштейн, протягивая на прощанье руку дюжему вознице. Сложная процедура рукопожатия заняла несколько мгновений, так как включала соприкосновения большими пальцами, кулаками, щекотание и хлопанье ладонями. Она больше походила на дружеский кулачный поединок, чем на приветствие.

— Я бы порекомендовал действовать по схеме номер девять, — добавил Эйнштейн, когда они, наконец, завершили ритуал.

— Да я и сам так думаю, — прошептал Дэвис, ощупывая заткнутую за широкий кожаный пояс железную дубинку. «Ливерпульский законодатель» — такое имя носила эта вещица — был отполирован от постоянного применения и выглядел столь же внушительно, как корабль сопровождения линкора королевского флота. — Оглянуться не успеете, командор, как я буду на месте.

— Вот и славно.

Подмигнув профессору, Дэвис тряхнул поводьями, и две упряжные лошади тронулись от тротуара, тут же перейдя на

---

[1] Объяснения терминов, фраз и т.д. помеченных *, см. в конце книги (здесь и далее примечания переводчика).

легкий галоп. Кэб исчез в клубящемся тумане, словно призрак, оставив после себя лишь затихающий стук колес по булыжной мостовой.

Стряхнув чувство беспокойства, проф. Эйнштейн, прежде чем двинуться по тротуару к гигантскому особняку, проверил заряженный револьвер в кармане. Снова донесся этот странный смех, на этот раз громче, и совершенно определенно из клуба. Возмутительно! Раздраженно фыркнув и теряя терпение, Эйнштейн двинулся широким шагом к возвышающемуся особняку.

Достигнув фасада огромного здания, проф. Эйнштейн быстро поднялся по истертым ступеням мраморной лестницы, продолжая размышлять о странном смехе. Эйнштейн отлично знал, что редкое заседание клуба обходится без того, чтобы руководитель очередной недавно вернувшейся экспедиции не развлекал собравшихся самыми свежими рассказами о своих лихих похождениях, усиливая производимое впечатление с помощью звуковых эффектов, визуальных средств и при неохотном содействии бедолаги из обслуживающего персонала, которого угораздило подвернуться под руку. Надо сказать, что лондонский «Клуб исследователей» был единственным в своем роде заведением в Англии, обязанным доплачивать своей обслуге «за вредность». Но столь вульгарный смех в тот момент, когда мир на грани уничтожения? Профессор Эйнштейн в замешательстве нахмурился. Совершенно неподобающе. Он искренне надеялся, что, по крайней мере, некоторые из членов клуба окажутся в состоянии разглядеть в происходящем предзнаменования грядущего апокалипсиса. Наверное, он ошибался.

Распахнув обитую бронзой дверь из красного дерева, Эйнштейн вошел внутрь и отдал швейцару пальто, шляпу и трость, а тот в свою очередь передал их ливрейному лакею. Сделав глубокий вдох, профессор выдержал блаженную паузу, давая теплому воздуху проникнуть до самых костей. Пряная атмосфера клуба была пропитана уютным, домашним запахом полированного дерева, трубочного табака и бездымного пороха. *Ах, дом родной, мой милый дом!*

В этот самый момент раздался новый взрыв смеха, который, впрочем, тут же оборвал суровый мужской голос. Эйнштейн попытался уловить, что именно произнес этот голос, но слова быстро заглушил очередной приступ веселья. Шум, похоже, доносился из Большого зала. Несмотря на срочность своей миссии,

профессор вынужден был признать, что это становится интересным. В клубе существовало неписаное правило: рассказчик сам должен чувствовать, когда лучше придерживаться правды, а когда можно чуточку приукрасить рассказ. Правило это многие соблюдали не слишком строго, но мало кто по-настоящему нарушал. К сожалению, значительное число экспедиций не встречало на своем пути ничего более захватывающего, чем зловонные джунгли, подобострастные туземцы и тупые животные, отличавшиеся столь откровенной глупостью, что набредали прямо на тебя и деликатно дожидались, пока ты откопаешь из рюкзака старенькое ружье «мартини-генри» калибра 0,577 и окажешь несчастным тварям любезность, вышибив им мозги. Но такие истории едва ли заслуживали пересказа.

Быстро проследовав по центральному коридору, профессор Эйнштейн свернул у испанских рыцарских доспехов налево и вошел в Большой зал. В названии помещения не было никакой передержки: оно было добрых триста шагов в длину, а дубовые потолочные балки терялись где-то в вышине. Квадратное пространство простого деревянного пола сотней островков занимали индийские ковры и обитые бархатом курительные кресла, а в центре зала негромко журчал и поплескивал многокаскадный итальянский фонтан. Вдоль стен выстроились исполинские книжные шкафы, храня в своих недрах свыше миллиона томов в кожаных переплетах, в большинстве своем — первых изданий, и рукописных дневников многочисленных экспедиций. Картину всего этого великолепия завершал прекрасно исполненный бронзовый бюст Марко Поло. С высоты галереи второго этажа святой покровитель исследователей по-отечески приглядывал за своими потомками-учениками.

Рядом с жарко пылающим камином вокруг дубового демонстрационного стола столпилась группа членов клуба. На исцарапанной темной поверхности стола взгляд привлекал деревянный кораблик, не больше фута длиной[1]. Единственная приземистая каюта располагалась посередине палубы крошечного судна. И паруса, и мачты у этого суденышка отсутствовали, а руль был сломан.

— Ей богу, Карстерс, — рассмеялся из-под модных в британской Королевской морской пехоте пышных усов лорд Данверс. — Вам придется показать что-то более существенное!

[1] 1 фут = 30,48 см

— Да уж, куда более существенное, — фыркнул доктор Томпкинс, снова погружая свой красный нос в полупустой стакан виски. — По-моему, это вздор. Нарушает неписаное правило. Ну надо же, в самом деле, — Ноев ковчег!

Охваченный праведным негодованием, лорд Бенджамин Карстерс поднялся во весь свой рост, и ему не требовалось шляпы, чтобы возвышаться над остальными членами клуба.

Наблюдая происходящее холодным испытующим взглядом ученого, проф. Эйнштейн рассудил, что в этом малом должно быть более шести футов роста и фунтов двести веса[1], при этом без единой унции жира в атлетичной, почти геркулесовой фигуре. Одевался великан не без щегольства: на нем была тройка из коричневой шерстяной материи, идеально дополнявшей его белую рубашку, и полосатый гарвардский галстук. Его удлиненный подбородок и впалые щеки были выбриты с болезненной тщательностью, тогда как светло-каштановые волосы и голубые глаза явственно говорили о саксонском происхождении.

«Что ж, никто не совершенен», — иронически усмехнулся про себя потомок норманнов Эйнштейн.

— Я настаиваю на своем прежнем утверждении, — спокойно заявил лорд Карстерс, опуская загорелую руку на маленькое судно. — Вы видели мои экспедиционные дневники и прочли мои заключения. Этот корабль был найден на вершине горы Арарат погребенным под напластованиями древнего размыва почти у самой границы снегов. Он сделан из древесины гофера, возраст которой четыре тысячи лет, и обмазан необработанной смолой. Все пропорции полностью соблюдены и идеально совпадают с описанием судна в Книге Бытия, главы с шестой по десятую. Я считаю, что его сделал Ной Бен Ламех в качестве рабочей модели, прежде чем построить собственно настоящий мореходный ковчег.

В зале снова грянул хохот, а какой-то грубиян добавил еще и громкий непристойный звук губами, на американский манер.

— Добрый вечер, джентльмены, — громко произнес, перекрывая смех, профессор Эйнштейн.

Реакция последовала незамедлительно. Веселящаяся толпа разом прекратила шуметь и дружно повернулась к вошедшему.

---

[1] 1 фунт = 453,59 грамм

— Феликс, старина! — вскричал барон Эджуотерс, окладистая борода которого, казалось, весила больше, чем его объемистый живот. — Ты, как всегда, вовремя. Тут у нас сегодня такое — ты только послушай!

— Парень уверяет, будто нашел реликвию, имеющую отношение к Ноеву ковчегу — каково! — фыркнул лорд Данверс и сделал еще один приличный глоток. — Думает, ему удастся одурачить нас, как одурачил в семьдесят четвертом Томсон со своей теорией «континента под Антарктикой». Ха!

— Чудесно, чудесно, — бросил Эйнштейн, нетерпеливым жестом давая понять, что́ эта тема ему неинтересна. — Он нашел Ноев ковчег. Поздравляю от всей души. Но у меня есть для вас еще более экстренная новость.

— Я сказал модель, а не сам ковчег, сэр, — сухо поправил Карстерс.

— Как вам угодно, — пожал плечами профессор. — Это не имеет значения.

— В самом деле? И что же такое может быть важнее этого? — вопросил лорд Данверс, оглаживая усы.

Проф. Эйнштейн уже открыл было рот, чтобы поведать о своем открытии, но его перебил лорд Карстерс.

— А кто вы, собственно, такой, сэр? — спросил лорд.

— Неужели вы никогда раньше не встречались? — ахнул от удивления д-р Томпкинс, поднимаясь из кресла.

— Нет, — в один голос ответили оба.

— Но это прискорбное обстоятельство должно быть исправлено как можно быстрей! — провозгласил полковник Пирпонт, поправляя пенсне и принимая важную позу. — Карстерс, разрешите представить вам профессора Феликса Эйнштейна из Международного Британского музея, частная компания. Эйнштейн, разрешите представить вам лорда Бенджамина Карстерса из Хедер-Даунса, в Престоне.

Сцепив руки за спиной, Карстерс кивнул в знак приветствия:

— Рад знакомству, сэр. Я с интересом прочел ваши книги по археологии. Особенно вашу монографию о той гипотезе, что Стоунхендж является разновидностью солнечного календаря.

Охваченный нетерпением, Эйнштейн принял комплимент со всей любезностью, на какую был способен при данных обстоятельствах.

— Не слишком значительная работа. А я довольно хорошо ознакомился с вашими путевыми заметками, сэр. Ваши теории о возможном ацтекском происхождении статуй острова Пасхи весьма впечатляют.

— Благодарю вас.

— И если это ускорит дело, то я, как старший член клуба, официально признаю ваше открытие и поздравляю вас с находкой, — продолжал Эйнштейн. — Потому что это вовсе не модель, как вы полагаете, а самый настоящий ковчег.

Все присутствовавшие в зале исследователи остолбенели, словно в клуб вошла живая женщина.

— В-вы с ума сошли, Феликс? — выдавил потрясенный сэр Лавджой, сделавшись еще бледнее обычного. — Это судно всего в фут длиной! Как, во имя королевы Виктории, эта игрушка могла свезти всех представителей земной живности, в двух или в семи экземплярах каждый?

— Объяснитесь, сэр! — потребовал д-р Томпкинс.

Крайне раздосадованный, проф. Эйнштейн закрыл глаза, чтобы никто не увидел, как он закатывает их к потолку. О боги, похоже, никакая другая тема разговора рассматриваться не будет, пока не разрешится этот мелкий вопрос. Ну, что же, пусть будет так.

— Дживс! — чуть повернув голову, крикнул профессор.

В дверях тут же появился дворецкий в ливрее, словно только и дожидался этого звучного вызова.

— Да, сэр? — протянул он с почтительностью слуги.

— Свежие газогены, пожалуйста, — распорядился Эйнштейн, задумчиво потирая свой счастливый акулий зуб. — Все чертовы сифоны, какие у нас есть.

Это требование привело Дживса в замешательство. Рядом с профессором на столике с напитками стоял едва начатый сифон с содовой водой. Зачем ему понадобились дополнительные емкости? Да к тому же все? Для такого заведения, как «Клуб исследователей», это означало, по меньшей мере, несколько десятков. И тут дворецкий похолодел. *«О нет,* — горячо взмолился он, — *только не еще одни "джунгли Амазонки". Что угодно, только не это».*

— А я и не знал, что вы недавно побывали на Амазонке, Феликс, — подивился лорд Данверс, снова наполняя стакан, когда дворецкий понуро удалился.

Оставив это замечание без внимания, проф. Эйнштейн невозмутимо ждал возвращения Дживса. Через несколько минут наученный горьким опытом дворецкий явился в макинтоше и резиновых сапогах, толкая перед собой столик на колесиках, нагруженный деревянными упаковками содовой воды в сифонах. Еще там были зонтик и ведро.

— Благодарю вас, Дживс, — вежливо произнес профессор, беря с тележки газоген. Зонтик и ведро были предосторожностью мудрой, но в данном конкретном случае излишней. — А теперь раздайте, пожалуйста, всем присутствующим по одной такой штуке.

Тем временем пока дворецкий раздавал сифоны, Эйнштейн передвинул демонстрационный стол в центр зала. Вооружившись газогенами, все теперь ждали, что же будет дальше. Феликс Эйнштейн пользовался заслуженной славой мастера вытаскивать кроликов из шляпы. Чего стоил один этот его экстравагантный музей.

Действуя с предельным вниманием, проф. Эйнштейн установил «модель» так, чтобы ее киль был расположен строго по продольной оси зала. Дерево казалось на ощупь сухим как пыль, при этом пальцы Эйнштейна слегка прилипали к нему, что определенно подкрепляло догадку профессора относительно происхождения кораблика. Профессор в последний раз чуть-чуть подправил его положение на столе, добиваясь максимальной точности. Так. Пожалуй, достаточно.

— По моему сигналу, джентльмены, начинайте поливать ковчег водой, — велел Эйнштейн, принимая позу стрелка. — Товьсь, целься...

Окружающая толпа пребывала в неописуемом восторге, в то время как ошеломленный лорд Карстерс опустил сифон.

— Вы уверены, что это благоразумно? — спросил он с неподдельной тревогой в голосе.

— Пли! — выкрикнул проф. Эйнштейн, нажимая на спуск сифона. На миниатюрное судно обрушился искрящийся поток шипучки. Все струи попали точно в цель, но с кораблика не скатилось на стол ни одной капли жидкости. А через мгновение деревянное суденышко издало зловещий скрип.

— Всем залп! Немедля! — рявкнул Эйнштейн, перекрывая шипение газированной воды. — Быстро поливайте его, а не то корабль разорвет на куски!

Эта резкость тона, как щелчок кнута, побудила членов клуба к действию. В согласованной атаке струи газированной воды обрушились на реликвию, окатывая ее от кормы до носа и обратно.

Когда давление в газогенах, наконец, иссякло, поток содовой воды уменьшился, и вот уже последние капли упали с носиков сифонов на индийский ковер.

— Поразительно, — выдохнул лорд Фардингтон, не отрывая глаз от кораблика. Тот лишь слегка увлажнился. Здесь определенно происходило что-то странное.

С причудливым всасывающим звуком лужицы влаги втянулись в корпус, и прямо на глазах у потрясенных членов клуба иссохшее судно начало разбухать, словно какая-то невозможная губка. Увеличивающийся с невероятной скоростью корабль стал больше демонстрационного стола, отодвинув в сторону пустое кресло; вдребезги разлетелась лампа.

— Назад! — выкрикнул полковник Пирпонт, вскидывая руки и ненароком сшибив с себя пенсне.

Уговаривать никого не пришлось — пораженные члены клуба бросились врассыпную. Демонстрационный стол с громким треском разломился пополам и рухнул на пол. Ковчег продолжал стремительно увеличиваться в размерах во все стороны, не переставая при этом скрипеть и стонать, словно его молотили волны открытого моря. Он достиг пяти ярдов[1], десяти, двадцати ярдов в длину, прежде чем процесс замедлился.

— Боже милостивый! — возопил укрывшийся за оттоманкой барон Эджуотерс. — Вы только гляньте на это! Эта чертова штука действительно Ноев ковчег!

— Вне всякого сомнения, — откликнулся кто-то с другой стороны судна.

— Тут налицо такое сильнейшее обезвоживание, о каком не слыхали во всем цивилизованном мире! — добавил другой член клуба откуда-то из района форштевня.

— Или в Англии, — добавил из-за оконных штор некий патриот.

— Поздравляю, Бенджамин! — прогремел лорд Данверс из-под столика с напитками.

Выбравшись из своих убежищ, все присутствующие окружили лорда Карстерса и устроили ему бурную овацию. Откровенно

---

[1] 1 ярд = 91,44 см.

сияющий от внезапного удовольствия, Карстерс внезапно изменился в лице и с ужасом указал на корабль. Все обернулись как раз вовремя, чтобы увидеть, как все еще медленно растущий нос судна уткнулся в чашу фонтана.

— Черт подери, — тихо прошептал, попятившись, проф. Эйнштейн.

Раздался громкий звук всасываемой воды, тут же перешедший в оглушительное стенание терзаемой древесины, и ковчег одним махом увеличился вдвое. Сделавшееся более пятидесяти ярдов длиной судно угрожающе нависало над бросившимися наутек членами клуба, не прекращая расти, стремительно заполняя собой Большой зал. Послышался треск сокрушаемого камня, и фонтан с грохотом обрушился; корабль же утвердился на каменных останках, извергающих мощный столб воды, которая окатила корабль, вновь придав ускорение его росту.

— Водопровод! — крикнул лорд Карстерс прислуге, ошалело глазевшей на происходящее из дверного проема. — Перекройте воду!

Один из служителей послушно развернулся и стремглав помчался по коридору.

Между тем проф. Эйнштейн, в голове которого вертелась довольно пугающая арифметика, в оцепенении смотрел на вырастающую перед ним чудовищную громаду. *Все твари земные... По паре и по семь... Насколько же большим может стать ковчег? Ответ очевиден: чересчур большим, черт побери. Зря я все это затеял!*

В своем неотвратимом движении вперед нос судна, словно деревянный экспресс, врезался в камин, разнес очаг и сшиб писанный маслом портрет Ее Королевского Величества. В ту же секунду корма корабля встретилась с противоположной стеной, раздробив штукатурку и стряхнув бюст Марко Поло с пьедестала на галерее второго этажа. Когда массивное бронзовое изваяние полетело прямо на перепуганного Дживса, лорд Карстерс бросился вперед и оттолкнул дворецкого в сторону. В результате тяжелый бюст обрушился на самого Карстерса, и жестокий удар бросил лорда на колени, хотя он все же с трудом сумел перевести триста фунтов металла на пиратский сундук семнадцатого века. Сундук разлетелся в щепки как от попадания метеорита, а похожий на взрыв грохот было хорошо слышно даже сквозь скрип ковчега.

Побелевший и трясущийся Дживс на мгновение потерял дар речи.

— В-вы спасли мне жизнь — заикаясь, вымолвил наконец дворецкий, выронивший на пол зонтик из онемевших пальцев.

— Пустое, — отмахнулся Карстерс, тяжело дыша и разминая кисти для прекращения колотья. — Уверен, вы сделали бы для меня то же самое.

Дживс покосился на металлического путешественника, лежащего посреди бывших некогда крепким корабельным кофром обломков.

— Несомненно, — со сдержанной искренностью произнес слуга.

В этот момент под ковчегом что-то заскрежетало, раздался металлический лязг. Рост сразу же прекратился, и с заключительным стенающим креном, вышибив напоследок восточный световой люк, титаническое судно, наконец, замерло.

— Господи боже! — шептал куда-то в сторону один из членов клуба, с трудом протискиваясь между книжным шкафом и сломанным рулем. — А я-то считал крайне волнующим отчет Уильямсона о его путешествии на Женевское озеро!

Потрепанные, но невредимые, исследователи постепенно выползали из-под мебели и отряхивали с себя пыль, глядя во все глаза на невозможное судно. Пройдя к останкам разбитого шкафчика с напитками, лорд Данверс налил себе чего покрепче.

Проф. Эйнштейн поправил возвращенный на стену портрет королевы. *Вот так-то лучше.*

— Черт возьми, сэр! — вскричал герцог Фардингтон, хлопая по плечу лорда Карстерса. — Да за вами трудно угнаться!

Нервно посмеиваясь, более молодые члены клуба принялись убирать разные обломки, в то время как старшие разглядывали заполнившего зал библейского исполина.

— Конечно, то, как мы его вытащим отсюда, это совсем иной вопрос, — заметил, допивая виски, лорд Данверс.

— Чертовски неудобно устраивать заседания при этой нависшей у нас над головами штуковине, — констатировал судья Фоксингтон-Смайт, задумчиво поглаживая один из своих многочисленных подбородков. — Но мы можем просто снести стену-другую и потихоньку выпихнуть его на задний двор. Из него выйдет отличная смотровая площадка, точно. Произведет неизгладимое впечатление на соседей.

Всякие работы разом прекратились, так как все повернулись к судье и уставились на него во все глаза.

— Наружу? — удивленно переспросил кто-то из исследователей.

— Где бывает *дождь*? — добавил другой.

Все, кто слышал эти слова, побледнели и посмотрели на ковчег; ужас на лицах с каждым мгновением проступал все сильнее. Что же делать с этой громадиной?

Хлопнув в ладоши, проф. Эйнштейн вернул членов клуба к прерванным занятиям, и через некоторое время им удалось расчистить дорожку к дверям. Тут же набежали слуги с метлами и мусорными совками и принялись за гераклов труд по приведению зала в порядок. Предоставив слугам заниматься этим делом, взъерошенные члены клуба собрались теперь вокруг Карстерса и Эйнштейна.

— Члены Клуба исследователей, — торжественно провозгласил лучшим своим парламентским голосом герцог Фардингтон. — Лорд Бенджамин Карстерс!

Члены клуба, как положено, зааплодировали, а английский лорд отвесил поклон.

— Спасибо, джентльмены, крайне вам благодарен. — После чего Карстерс проговорил уже тише, обращаясь к проф. Эйнштейну: — И спасибо вам, сэр, за спасение моей репутации. Если я когда-нибудь смогу отплатить вам, то умоляю, дайте мне знать.

— Сейчас — самое время, — напрямик ответил ему проф. Эйнштейн. — Я пришел сюда для того, чтобы найти двух-трех людей, готовых помочь мне в одной крайне опасной экспедиции. — Тут профессор улыбнулся, оглядывая щегольски одетого юного голиафа. — Впрочем, похоже, вы один сойдете за двоих-троих.

Данное наблюдение едва ли было оригинальным, поскольку лорд Карстерс принял эти слова хоть и с удовлетворением, но как нечто само собой разумеющееся.

— Какова же цель этой экспедиции, позвольте узнать?

— Спасти мир от полного уничтожения.

Не ожидавший ничего подобного Карстерс несколько раз моргнул.

— Вы это серьезно, профессор?

— Абсолютно, лорд Карстерс, — кивнул Эйнштейн.

Поскольку на кон была поставлена честь, решение пришло к лорду мгновенно.

— Тогда я в вашем распоряжении, сэр, — сказал лорд Карстерс, протягивая профессору внушительных размеров ладонь.

Проф. Эйнштейн принял поданную руку с такой же осторожностью, как если бы это был взведенный медвежий капкан, и они обменялись рукопожатием.

— Превосходно, молодой человек! — воскликнул Эйнштейн, окидывая взглядом окружавший их беспорядок. — Но здесь самое неподходящее место для разговора. Идемте, я расскажу вам все подробности по дороге к моему дому.

— Полноте, что за спешка? Разве дело настолько неотложное?

— Да, фактор времени играет очень существенную роль.

— Что ж, принято.

Когда они выходили из зала, лорд Карстерс задал еще один вопрос:

— Есть ли у нас шанс вернуться оттуда — куда там мы отправляемся — к началу следующего месяца? Мы с друзьями собирались еще раз попробовать отыскать в Африке кладбище слонов.

Уже готовый съязвить, профессор Эйнштейн сдержался и вместо этого тактично произнес:

— Юноша, если наша экспедиция окончится неудачей, вам не придется беспокоиться о таких делах.

Лорд Карстерс помрачнел: эта туманная фраза наводила на тревожные размышления.

— В самом деле, сэр, — пробормотал он.

В вестибюле ливрейный лакей передал их пальто швейцару, а уж тот чопорно вручил верхнюю одежду владельцам. Со стороны Большого зала, точнее, того, что от него осталось, доносились стук и приглушенные расстоянием проклятья.

Надев пальто, спутники покинули клуб и подошли к краю тротуара. Сунув два пальца в рот, проф. Эйнштейн пронзительно свистнул; из клубящегося тумана послышалось щелканье кнута, лошадиное ржание, и в поле зрения появилась карета с Дэвисом на облучке.

Забравшись внутрь, исследователи удобно расположились на сиденьях, и Дэвис тронул с места. Когда кэб углубился в наползающий со стороны реки туман, из темного переулка по соседству

с Клубом исследователей появилось несколько фигур в низко опущенных капюшонах. Стряхивая с одежды битое оконное стекло, вышедшие из переулка поправили скрывавшие их черты шарфы, достали ножи и быстро последовали за удаляющейся каретой. Странное дело — ступая по гранитным булыжникам городской улицы, жесткие подошвы их сапог не производили ни звука.

2

Могучий Биг-Бен начал отчетливо и громко отбивать полночь; где-то в сером тумане приглушенно завыла сирена, подавая сигнал кораблям на Темзе.

В подпрыгивающей на булыжниках карете лорд Карстерс откинулся на спинку роскошного кожаного сиденья.

— Редкостная удача — так быстро найти кэб в столь скверную ночь, — сказал он. — Может быть, это доброе предзнаменование для нашего путешествия?

— Ничего подобного, юноша, — возразил Эйнштейн, сверяя время по своим золотым Beugueret. — Я велел ему дождаться меня, вот и все.

— Весьма необычно, — заметил Карстерс, вытягивая ноги. — За такую услугу вы, должно быть, заплатили ему непомерную цену. Или он состоит у вас в штате?

— Простая цеховая любезность, — поправил профессор, демонстрируя Карстерсу левый мизинец с изысканно украшенным перстнем с печаткой.

Лорд Карстерс выгнул бровь, рассматривая необычное ювелирное изделие.

— Вы член гильдии кэбменов? — недоверчиво спросил он.

— Мы предпочитаем называться Коалицией улицы, но — да, я почетный член, — подтвердил Эйнштейн, подышав на перстень, прежде чем потереть его о колено. — В своей работе я весьма часто находил в высшей степени полезным принадлежать к как можно большему числу частных ассоциаций и закрытых клубов. Никогда не знаешь — бывает так, что помощь коллеги крайне желательна.

— В этом определенно есть смысл, — вежливо отозвался Карстерс.

Положив на колени трость, профессор грустно улыбнулся:

— Пока что единственное общество, которое категорически отказало мне в приеме, это «Дочери Лесбоса».

Не уверенный, шутка это или нет, лорд Карстерс откинулся назад и достал из внутреннего кармана пальто золотой портсигар. Щелкнув крышкой, лорд учтиво протянул профессору набор катанных вручную кубинских сигар. Эйнштейн с опаской поглядел на цилиндрики из листьев.

— Импорт, гаванская смесь, — ободряюще сказал лорд Карстерс. — По моему личному рецепту.

Сознавая бесполезность спора о здоровье с заядлым курильщиком, профессор смягчил свою обычно непримиримую позицию и последовал примеру компаньона, закурив тонкую панателу[1]. Очень скоро видимость в кэбе стала не лучше, чем снаружи, но, несмотря на то, что Эйнштейн как ученый относился к подобному занятию резко отрицательно, ему пришлось признать: да, сигара действительно чертовски хороша.

Спереди донеслось щелканье кнута, лошадиное ржание, и карета сделала резкий поворот. Чуть не попадав с сидений, оба пассажира ухватились за ременные петли у дверцы, пытаясь сохранить вертикальное положение.

— Неумелый лихач, — сердито пробормотал лорд Карстерс.

— Тактика уклонения, — поправил его проф. Эйнштейн.

— Нас преследуют, сэр?

Эйнштейн лишь молча рассматривал конец своей сигары.

Выпустив изо рта струйку дыма, лорд Карстерс повернулся и глянул в окно. Даже сквозь густой туман с реки можно было различить величественное здание парламента. Массивные стены все еще были скрыты строительными лесами.

— Похоже, ремонт почти закончили, — с удовлетворением заметил лорд, оставляя в воздухе дымный след этих произнесенных им слов.

Попыхивая сигарой в ответ, проф. Эйнштейн согласно кивнул:

— Отличная работа, надо сказать, учитывая, какие сильные повреждения он получил во время...

---

[1] Панателла — длинная, тонкая сигара с прямыми сторонами, скругленными на запечатанном конце.

— ...Событий, — вставил лорд Карстерс, сделав жест сигарой.

Эйнштейн в раздражении нахмурился:

— Это была война, черт побери! Война! Почему никто не может честно признать это?

— Такт, — просто ответил лорд Карстерс.

Вежливость, эта опора цивилизации, не позволила профессору отпустить в ответ какую-нибудь резкость. Он сердито стряхнул пепел в окно; в этот момент туман ненадолго рассеялся, пропустив в кэб серебристое сияние луны.

Эйнштейн ткнул дымящимся окурком в затуманенное небо.

— Ну, а, скажем, луна? — с вызовом спросил он. — Или это тоже нечто такое, что в приличном обществе не склонны обсуждать?

— Ничуть не бывало, — ответил лорд Карстерс, перемещая сигару в другой уголок рта. — Я слышал о явлении, которое вы имеете в виду, еще на континенте. Королевское астрономическое общество совершенно сбито с толку всем этим делом.

— Как ему и следует быть, юноша, — промолвил проф. Эйнштейн, выпуская колечко дыма в сторону полумесяца. Дым присоединился к туману, и луна снова исчезла. — По каким-то недоступным нашему пониманию законам небесной механики, луна начала медленно поворачиваться вокруг своей оси и готова показать нам свое долго скрываемое лицо. Что вы об этом думаете, а?

Глубоко затянувшись сигарой, Карстерс несколько минут хмуро размышлял.

— Ну, и ничего, для разнообразия...

— Что? И это все, что вы можете сказать? — уставился на него профессор.

— Откровенно говоря, сэр, — пожал плечами лорд, — учитывая положение дел в мире, я не вижу, кто мог бы серьезно переживать в связи с данным событием. Разве что, может быть, поэты, какие-то художники...

— М-да, — разочарованно произнес Эйнштейн, барабаня пальцами по сиденью. — Лорд Карстерс, насколько вы знакомы с мифологией Дутарианской империи?

Прежде чем ответить, лорд Карстерс задумчиво попыхтел сигарой.

— Лишь в общих чертах, — честно признался он. — Это был небольшой изолированный город-государство, где-то в районе

Суматры, основанный около трехтысячного года до нашей эры. Со временем они стали довольно сильной империей с дурной репутацией за счет приписываемой им кровожадности. Лет сто с небольшим были на подъеме, пока не произошла какая-то природная катастрофа, после которой империя полностью исчезла.

Стряхнув с тлеющего кончика сигары пепел, Карстерс снова сунул ее в рот и с наслаждением сделал еще одну глубокую затяжку.

— Что же до религии и мифов, то, по моему, там поклонялись какой-то рыбе. А насчет луны ничего не помню. — Он задержал взгляд на профессоре. — Полагаю, тут есть какая-то связь.

Хотя проф. Эйнштейн старался этого не показывать, услышанное произвело на него сильное впечатление. Большинству университетских ученых потребовалось бы перелистать множество томов, чтобы раскопать те сведения, которые столь небрежно выложил этот молодой человек. Эйнштейн явно не ошибся в выборе помощника.

— Связь, безусловно, есть. Только на самом деле дутариане поклонялись не рыбе, — поправил Эйнштейн, — а гигантскому кальмару. Они называли его Бог Кальмар, хотя, возможно, более точный перевод будет не «бог», а «демон». По преданию, это была некая страшная тварь с тысячью щупалец и дюжиной ртов, совершенно неуязвимая для оружия, созданного человеком.

— И он питался человеческой кровью.

Забыв про сигару, Эйнштейн живо подался вперед в задымленном кэбе.

— Боже правый, вы слышали об этом существе? — воскликнул он.

— Нет, но если б оно поступало иначе, то было бы довольно необычным божеством для воинственного государства, — ответил, непрерывно пыхтя сигарой, Карстерс. — Довольно-таки напоминает мне того ацтекского бога войны, Уитцилопочтли. Он этого добра требовал в огромных количествах — для гарантии наступления рассвета.

— Да, но в ипостаси бога солнца Тонатиу он воспринимался как даритель жизни, — поднял палец Эйнштейн. — А Бог Кальмар был известен только как разрушитель, лишь едва-едва контролируемый вызывавшими его дутарианскими жрецами, и, в конце концов, даже они не смогли справиться с ним.

— Вы говорите об этой твари так, словно она действительно существовала, — критически заметил Карстерс, щелчком отправляя окурок сигары в окно. — А ведь это явный абсурд, сэр.

— Такой же, как Ноев ковчег? — негромко спросил Эйнштейн.

Английский лорд с ощутимым звуком закрыл рот, и в последующие несколько секунд на его красивом лице боролись противоречивые чувства.

— Ну, уж никак не меньший, это точно, — с улыбкой заключил, наконец, Карстерс. — Однако, сэр, вы видели мое доказательство.

— А вы, — пообещал профессор, откидываясь на спинку сиденья и глядя в окно, — скоро увидите мое.

* * *

Под цоканье копыт по мостовой карета остановилась перед простым кирпичным особняком, отделенным от тротуара высокой решеткой с чугунными воротами. Выйдя из кэба, проф. Эйнштейн попытался расплатиться с Дэвисом, но тот категорически отказывался принять деньги. Чувствуя, что состязание в великодушии затягивается, лорд Карстерс воспользовался случаем, чтобы хорошенько потянуться после тесноты поездки. Он так и оставался в этой позе, когда профессор, наконец, присоединился к нему.

— Что-то не так? — спросил Эйнштейн, беря спутника за локоть.

— «Международный Британский Музей *Похищенных* Памятников Древности»? — читал лорд Карстерс вывеску над входом. — Право, профессор, это в некотором роде перебор.

Проф. Эйнштейн непринужденно махнул рукой.

— Чистая реклама, юноша. Это вызывает у посетителей трепет сопричастности. Видели бы вы заголовки газет в тот день, когда мы открыли заведение.

— Да, но все-таки... — все еще колебался явно чувствующий себя неловко Карстерс.

— И потом, это не совсем правда, — продолжал Эйнштейн, отпирая ворота и придерживая створку для Карстерса; когда

тот прошел, профессор надежно запер ворота изнутри. — Свыше двадцати процентов наших экспонатов были приобретены вполне законно.

— Так много? — присвистнул весьма впечатленный этой цифрой Карстерс. — Тогда приношу свои извинения.

— Пустяки, — откликнулся Эйнштейн, отпирая и распахивая тяжелую входную дверь.

Войдя в вестибюль, спутники обогнули отмеченный обтянутыми бархатом канатами проход, ведущий к билетной кассе, потом миновали прочный латунный турникет. Весь вестибюль был увешан старыми географическими картами — некоторые на пергаменте, другие на папирусе или бараньей коже. Все карты были богато иллюстрированы: их во множестве украшали изображения мифических существ, которые, предположительно, таились в глубине вод, дожидаясь возможности пожрать всякого, кто отважится покинуть пределы безопасной суши.

Когда они проходили мимо занавешенной ниши, их залил яркий свет, и Карстерс ахнул от неожиданности, в то время как Эйнштейн недовольно фыркнул.

— Должно быть, Оуэн снова забыл выключить этот проклятый свет, — пожаловался проф. Эйнштейн. — Эти чертовы счета за газ доведут меня до банкротства. Уильям Оуэн — блестящий студент и добрый малый, но не имеет никакого понятия о нормах поведения.

— Вот как?

— Ну да, он ведь валлиец, знаете ли, — добавил профессор, будто это все объясняло.

Обводя взглядом музей, Карстерс машинально кивнул в знак согласия. Здание внутри представляло собой один колоссальный зал, раскинувшийся во всю длину и ширину строения. Да в этой громадной постройке с легкостью уместился бы весь Клуб исследователей!

Повсюду тянулись ряды витрин и демонстрационных стендов — целая тысяча, самых разных типов. Стены были украшены гобеленами радужных расцветок; отдельный ряд составляли сверкающие стеклянные пирамиды, внутри которых, надежно укрытые, стояли драгоценные вазы периода династии Мин. Все западное крыло занимал искусно выполненный скелет тиранозавра в боевой позе. Рядом с ним гордо выстроились ярко отлакированные восточные доспехи, словно караул, выставленный

для охраны саркофага с позолоченными краями, стеклянный верх которого позволял видеть лежащую в нем идеально сохранившуюся египетскую мумию.

В восточном крыле располагались полностью восстановленная ладья викингов, римская галера, китайская имперская барка. Все суда находились в прочных сухих доках из красного дерева, снабженных медными табличками с выгравированными на них подробными пояснениями об исторической принадлежности и происхождении экспонатов.

Украшением потолка служили изображения небесной сферы — с панорамой Млечного Пути и восемью известными планетами, в роли которых выступали круглые световые люки, — и двух теоретических миров. Под потолком висела пара огромных покрытых перьями крыльев, соединенных между собой при помощи древней кожаной сбруи. Даже пол, казалось, был экспонатом: на черном в крапинку мраморе проступали странные руны и геометрические узоры. Лорд Карстерс почтительно снял шляпу.

— У меня нет слов, сэр, — произнес он с трудом, поскольку горло перехватило от профессионального восхищения. — Это совершенно не похоже ни на один музей, что мне когда-либо доводилось видеть!

Занятый шторами, которые он задергивал, Эйнштейн при этом заявлении поднял взгляд.

— Вы про этот хлам? Ба! Всего лишь побрякушки на забаву праздному туристу. Настоящий музей начинается по другую сторону вон той двери, с латунными накладками.

Лорд Карстерс повернулся. Названная дверь располагалась рядом с гигантским тиранозавром, в поворотной секции стены, которая, очевидно, служила порталом при поступлении крупногабаритных экспонатов.

— Нельзя ли нам заглянуть на минутку? — с живостью спросил Карстерс.

— Разумеется, — отвесил поклон профессор. — Это по пути к моему кабинету.

— Великолепно!

Профессор и его гость энергичным шагом направились в нужную часть зала. Эйнштейн мысленно отметил, что витрины с экспонатами, как и положено, протерты, в то время как внимание лорда Карстерса привлекал поражающий воображение

подбор выставленных предметов. Здесь были столбики древних монет, шпильки с драгоценными камнями, золотые бичи, а также великое множество в высшей степени изукрашенных корон столь же многих стран, сколь и веков. Богатства сотни королевств выставлялись напоказ без всякой видимой охраны или какой-либо защиты.

— Профессор, а у вас нет хлопот с ворами? — спросил наконец лорд.

— Вовсе никаких, — отвечал Эйнштейн. — Стекло каждой витрины особым образом закалено и укреплено тонкой, как волос, стальной проволокой, что делает его совершенно неуязвимым даже для кувалды. Плюс к тому, ночью территорию патрулируют Ганс, Дольф и Инга.

— А, — со знанием дела кивнул Карстерс, — несомненно, питбули, или, может быть, у вас служат мастиффы? Злющие собаки. Мой помощник использует их для охраны моих поместий.

— Собаки? — переспросил профессор Эйнштейн с таким видом, словно никогда раньше не слышал этого слова. — Чепуха, юноша. Даже самые злые *Canis Familiaris*[1] чересчур добры, чтобы служить защитой моего заведения. Я использую куда более свирепых и кровожадных *Felis Tigris*.

— Б-бенгальских тигров? — ахнул, резко останавливаясь, лорд Карстерс.

— Самых крупных, каких вы когда-либо видели, — добавил с налетом гордости профессор.

Обратив взор в темноту, лорд Карстерс вдруг на долю секунды перенесся в дикий африканский буш, где раздавалось громовое мурлыканье сходящихся сразу со всех сторон огромных кошек-убийц.

— Благоразумно ли это, профессор? — нервно спросил лорд, шаря по тому участку груди, где, будь он на сафари, находился бы патронташ. — Ведь бенгальские тигры — отъявленные людоеды! Кому, как не нашему брату, знать это.

— Ну, «брат» или «сестра» — не принципиально, им вполне по вкусу и дамы, — усмехнулся Эйнштейн. — Хотя это уже чистое предположение с моей стороны. Иной раз, открывая утром учреждение, я нахожу разбросанные повсюду обглоданные кости

---

[1] Canis Familiaris — домашние собаки (*лат.*).

очередного взломщика. К тому времени уже никак не определить, к какому полу принадлежал несостоявшийся вор.

— Боже! И что же вы тогда делаете?

— Распоряжаюсь об уборке и оставляю в этот день кошек без обеда. Ей богу, нет ничего ленивее толстого тигра.

— Тут уж положусь на ваше слово, сэр, — пробормотал лорд Карстерс, обозревая подобный лабиринту музей. Расстегнув воротничок, он зашагал дальше, на этот раз с новой энергией. Бенгальские тигры в качестве домашних кошек? А что — интересная мысль. Может, им понравится природа сельской Англии?

Войдя в металлическую дверь (лорду Карстерсу для этого пришлось пригнуться), Эйнштейн повернул большой выключатель слева на стене; раздался чуть слышный хлопок вспыхнувших под потолком электрических ламп. Лорд Карстерс был готов ко всему, но, несмотря на яркое искусственное освещение, по сравнению с блеском и лоском только что покинутого ими выставочного зала эта комната выглядела невзрачным служебным помещением — квадратная, с кирпичными стенами и простым бетонным полом. Несколько больших мраморных столов были завалены старым хламом, а на полках вдоль стен выстроились рядами какие-то покрытые пылью предметы.

Внимание лорда привлекла массивная каменная плита, слегка потрескавшаяся и покрытая в несколько строк глубоко высеченными символами какого-то витиеватого письма.

— Это просто чудо, — с восхищением произнес он, внимательно изучая камень.

— А, этот экспонат мы особенно любим. Можете что-нибудь здесь прочесть? — в голосе проф. Эйнштейна улавливалось легкое подначивание.

Приняв этот дружеский вызов, Карстерс с энтузиазмом взялся за дело, стараясь извлечь из памяти самые забытые языки, какими он владел, пока, наконец, загадочные знаки не начали обретать смысл, постепенно складываясь в слова. Да ведь это же модифицированная форма эллинского!

— «Жертвуйте...»? Нет, «вкладывайте свои деньги... в Банк... Атлантиды»! «Мы так же... незыблемы... как почва... у вас под ногами». Господи боже! — воскликнул исследователь.

— Когда-то это, вероятно, было правдой, — вздохнул проф. Эйнштейн, печально проводя пальцем по горделивой надписи. — Узрите, как пали сильные*.

— Жаль, потрескалась, — выдержав подобающую ситуации паузу, добавил лорд Карстерс.

— Да-с. Ну, ничто не вечно, — согласившись, пожал плечами Эйнштейн.

Оглядываясь по сторонам в надежде увидеть еще какие-то предметы материальной культуры с пропавшего континента Атлантиды, британский лорд отмечал другие выставленные на обозрение экспонаты, все сильнее выгибая бровь от изумления. В дальнем углу поблескивал стальной меч, воткнутый в стоящую на замшелом валуне наковальню. *Нет, этого не может быть!* С потолка свисал скелет крылатого младенца, все еще сжимавшего крошечный лук и колчан розовых стрел. В небольшой нише под тяжелым стеклянным колпаком располагалась малинового цвета книга, трепещущим страницам которой не давала раскрыться железная застежка. Чуть поодаль стояла на ребре медная монета, пяти ярдов в диаметре, с отчеканенным на ней профилем недавно убитого американского президента и совершенно невероятной датой. Потом шел еще один стеклянный колпак, под которым покоились два фиговых листка с надписями «Его» и «Ее» на древнееврейском. За ним следовал соляной столп в виде женщины, показывающей кому-то язык. Следующим экспонатом являлся потрепанный моряцкий сундучок, на обросшей ракушками крышке которого с трудом прочитывалось имя — Д. ДЖОНС. Был тут и железный котел с радужно сверкающими золотыми монетами*, и еще многие и многие другие предметы, *ad infinitum*[1].

Вскоре лорд Карстерс почувствовал, что голова у него пошла кругом, и вынужден был прерваться. Взяв великана под локоток, профессор вежливо препроводил его к еще одной двери, частично скрытой за выцветшей пестрой ширмой.

— Простите, Карстерс, — извинился проф. Эйнштейн. — Я-то всю жизнь размышляю над теми откровениями, которые представляет этот зал. Ожидать, что кто-либо сможет охватить все это за один обзор, было с моей стороны чистым безрассудством.

Отодвинув в сторону ширму восточной работы, Эйнштейн провел Карстерса в тесное помещение, в котором стоял резкий запах карболовой кислоты.

---

[1] Ad infinitum — до бесконечности (*лат.*).

— Моя мастерская, — объявил профессор, усаживая британского лорда на нечто, напоминающее какой-то причудливый фарфоровый трон.

Странно, но здесь Карстерс почувствовал себя как дома. Эта комната почти ничем не отличалась от мастерской в его поместье. Пол был засыпан мягкой упаковочной стружкой, а кругом стояли штабелями прибывшие из разных концов света деревянные ящики, ожидая, когда их откроют. Центр помещения занимал видавший виды стол, покрытый белой льняной тканью, на которой лежали кусочки алебастровой вазы, а также десяток кисточек, две записные книжки, увеличительное стекло на бронзовой подставке и банка с клеем, выглядевшая куда как старше самой вазы. Вдоль стен тянулись полки, до отказа забитые всякой древней всячиной, ржавыми железками, книгами и разрозненными листами бумаги. В дальнем конце мастерской располагалась химическая лаборатория, главным элементом которой был большой рабочий стол с покрытой гранитом поверхностью. Карстерс нисколько бы не удивился, увидев на нем какие-нибудь бурлящие приметы проводимого прямо сейчас эксперимента.

Пройдя к запертому шкафчику, профессор вернулся с парой лабораторных стаканов, в каждом из которых плескался дюйм жидкости цвета карамели.

— Коньяк «Наполеон», — пояснил Эйнштейн, вручая лорду мензурку и усаживаясь в кресло. — Мой личный запас.

— Как интересно, — проговорил лорд Карстерс, с сомнением глядя на жидкость. — А я полагал, что этот коньяк весь до капли пропал во время Событий.

— Да нет, не весь. Несколько бутылок мне удалось спасти.

После первого нерешительного глотка Карстерс одобрительно кивнул.

— Отменный коньяк! Что ж, сэр, после всего, что я увидел в этом музее, если вы мне скажете, что мифическое Царство Фей собирается вторгнуться в Шотландию, я спрошу лишь — когда?

— Завтра в полдень, — быстро ответил профессор.

Очередной глоток поперхнувшегося от такой новости лорда Карстерса обернулся облачком коньячных брызг.

Несколько смущенный, Эйнштейн протянул лорду носовой платок.

— Извините, юноша, не смог удержаться. Кроме того, ваш ум мне понадобится в своей предельной остроте, а не затуманенный благоговением. Ну как, вам уже лучше?

— Э-э, да, спасибо, — пробормотал лорд не слишком уверенно.

Снова завладев бутылкой коньяка, Эйнштейн вторично наполнил мензурку лорда, на сей раз — в качестве извинения — до краев.

Прежде чем заговорить, лорд Карстерс сделал осторожный глоток.

— Расскажите мне теперь об этом дутарианском боге.

— Буду краток, — серьезно сказал профессор, отставляя в сторону бутылку. — Где-то на рубеже четвертого и третьего тысячелетий до нашей эры жрецы города Дутар призвали сверхъестественное существо, чтобы то помогло жителям справиться с местными горцами, которые постоянно крали их коз. Монстр откликнулся на просьбу, съел всех горцев вместе с козами, но потом не пожелал убраться туда, откуда взялся. Мало того, он угрожал пожрать народ Дутара, если его не обеспечат другой едой, и именно человечиной. Собственно, добыча этой, гм, провизии и лежала в основе двухсотлетней экспансии и завоевательной политики Дутара. А создание империи было всего лишь побочным эффектом.

Покуда лорд Карстерс переваривал услышанное, профессор пригубил из собственной мензурки. Для следующей части повествования ему это определенно требовалось.

— В конце концов население устало от бесконечных сражений и попыталось уничтожить демона. Однако, даже располагая всей военной мощью милитаристской империи, дутариане видели, что битва с монстром оборачивается не в их пользу. Гибель казалась неотвратимой, пока потомки тех самых магов, что когда-то вызвали это чудовище, не пустили в ход чары, над которыми они трудились последние двести лет.

— И? — поторопил профессора Карстерс, взбалтывая в мензурке коньяк, чтобы посмаковать отличный букет.

— И чары те сработали, черт возьми, — в известной степени! — подавшись вперед, Эйнштейн заговорил быстрее. — Прямо под храмом Бога Кальмара произошло извержение вулкана, которое разнесло храм на куски и уничтожило город Дутар, положив конец дутарианскому народу как силе, с которой нужно

считаться, и конец Богу Кальмару. Во всяком случае, так все думали. Когда извержение достигло наивысшей точки, Бог Кальмар и его храм исчезли. Жрецы оказались в ловушке внутри храма и, как все полагали, тоже погибли. Однако лет десять спустя один из них появился вновь. Он совершенно спятил, но речь его оставалась достаточно внятной, дабы открыть слушавшим его, что Бог Кальмар все еще жив, хотя и страшно обожжен. Еще более ужасало известие, что монстр претерпевает какую-то странную мутацию и со временем покинет свое старое тело ради совершенно нового, предположительно, еще более могучего, чем первое. Относительно того, когда именно произойдет это чудо, жрец высказывался несколько туманно, но клялся, что бесспорным предупреждающим знаком будет изменившийся лик луны.

Профессор сделал большой глоток коньяка, полностью осушив мензурку; в помещении был слышен лишь один звук: тиканье часов на каминной полке.

— Похоже, времени на это потребовалось чуть больше, чем все ожидали, — сказал он, отставляя мензурку в сторону. — Но что такое для демона несколько тысяч лет — больше ли, меньше, — верно?

Тяжело задумавшись, лорд Карстерс прокручивал в голове рассказанное профессором.

— И именно на этом основывается ваша вера в то, что мир скоро будет уничтожен?

— По существу, да.

С мензуркой в руке лорд Карстерс встал и принялся расхаживать по лаборатории.

— Поистине захватывающая история, сэр. Хотя, что касается красивых легенд, мифы ульдонских людей-ящериц о сотворении — вот истинное удовольствие для ценителя на долгие годы. Должны быть какие-то материальные подтверждения изложенной вами теории.

Эйнштейн, поколебавшись, встал. *Делать нечего, придется.*

— Признаюсь, в лучшем случае это лишь косвенные доказательства, — сказал он, подходя к полке с множеством папирусных свитков. Выбрав нужный свиток, профессор с хрустом развернул его.

— Прочтите вот это, — указал Эйнштейн. — Третий раздел снизу.

Отставив мензурку, лорд вгляделся в текст.

— «Тысяча армий, по тысяче бойцов в каждой, были лишь игрушками для страшного кальмара», — медленно прочел он. — Интересно. Гипербола фанатичного жреца?

Придвинувшись поближе, проф. Эйнштейн указал на пурпурную печать внизу:

— Рапорт неприятельского генерала.

Лорд Карстерс медленно кивнул.

— Хорошее начало. Есть еще что-нибудь?

— Есть, но соберитесь с духом, юноша. — Запустив руку под стол, профессор извлек оттуда какой-то предмет, завернутый в льняную ткань.

Осторожно положив предмет на стол, проф. Эйнштейн откинул покров. Открывшаяся взору каменная табличка явила лорду Карстерсу нечто такое, что он побледнел и выронил мензурку. Лабораторный сосуд упал на пол и разбился вдребезги.

Прикрыв верхнюю часть таблички, проф. Эйнштейн сказал:

— Под, гм, изображением есть надпись.

Усилием воли лорд заставил себя вновь посмотреть на табличку.

— «Могучий Бог Кальмар на полуденном кормлении... слепыми сиротами. Сувенир из города Дутара». — Карстерс с трудом сглотнул. — «Не пропустите весенний праздник обе-безглавливания м-младенцев».

Эйнштейн принялся медленно разворачивать ткань дальше, открывая следующий фрагмент.

— Довольно! — воскликнул, отводя глаза, лорд Карстерс. — Это мерзость, противная человеку и природе!

— Безусловно, — согласился проф. Эйнштейн, быстро заворачивая и убирая табличку. — И мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы эти отвратительные гнусности никогда больше не повторились.

— Да, да, должны, — поддержал его с растущей решимостью Карстерс, расправляя плечи. — Сэр, должен признаться, что я все еще не вполне убежден в реальности этой угрозы. Как вы сказали, доказательства лишь косвенные. Но коль скоро речь идет о защите мира от *этого*! — Он сделал жест в сторону пустого стола, где только что лежала табличка. — Я с радостью присоединюсь к вам в любой экспедиции, даже если она окажется пустой затеей.

— Благодарю вас, — облегченно выдохнул профессор. Голос его срывался от избытка чувств. — Ни о чем большем я просить не могу.

— Так каким же будет наш первый шаг? — заинтересовавшись, спросил Карстерс, вновь усаживаясь на свой трон. — Если эта тварь в самом деле настолько сильна, как считается, то для нее даже современный линкор — пустяки.

— Просто отлично сказано, юноша, — усмехнулся Эйнштейн. — Но у этого монстра есть ахиллесова пята: он еще только должен родиться!

— Прошу прощения? — переспросил, сильно наморщив лоб, Карстерс. — Как вы сказали?

— Он еще не родился, — медленно повторил проф. Эйнштейн. — Бог Кальмар не возродится, пока на землю не глянет новый лик луны. По моей оценке, у нас чуть более двух недель, чтобы найти и уничтожить храм, в котором обитает эта тварь.

— Что нарушит действие магических сил и не позволит монстру восстать вновь, — закончил в приливе волнения лорд Карстерс. — Но это же проще простого!

Уж что-что, а осквернять священные реликвии британские исследователи умели хорошо.

— Удивляюсь, что вы попросили моей помощи в столь тривиальном деле. Ну, так где же храм-то? На Цейлоне? В Тибете? На Южном полюсе?

Профессор Эйнштейн смущенно замялся под честным взглядом лорда.

— Э-э, видите ли, юноша, в этом-то и загвоздка. Потому что я, как бы вам сказать, не имею ни малейшего представления.

3

— Но знаю, как его найти, — поспешил добавить проф. Эйнштейн, прежде чем лорд смог выразить свое негодование.

Лорд Карстерс сложил ладони домиком.

— В том смысле, что у вас есть карта с какой-то недостающей частью? — рискнул предположить он.

— Почти в точку, юноша, — кивнул Эйнштейн. — Карта эта — зашифрованная головоломка, но у меня есть ключ: мед-

ный браслет в виде объевшегося кальмара. На внутренней стороне имеются скрытые пометы, которые становятся различимы только при солнечном затмении или искусственном свете электрической лампы. Я приобрел его тридцать шесть лет назад на блошином рынке в Амстердаме. Давно собирался заняться этой загадкой, но всегда подворачивалось какое-то дело, кажущееся более важным.

— Конечно, вполне понимаю, — согласился Карстерс. — Боже милостивый, видели бы вы, что пылится у меня в мастерских. — Лорд ослабил свой гарвардский галстук. — Итак, приступим. Скажите вашему парню, Оуэну, принести нам побольше черного кофе, доставайте документы, и займемся расшифровкой.

Эйнштейн направился к двери и дернул висевший там шнур звонка. Подойдя затем к полкам, он достал маленькую деревянную шкатулку.

— Сама карта находится в хранилище, в подвале, но браслет здесь; вы увидите, почему я вообще приобрел его. — Он поднял крышку и нахмурился. — Странно, но она пуста.

Поставив шкатулку обратно на свое место, профессор взял другую.

— Должно быть, в этой.

Но когда он открыл ее, оттуда попытался вылететь большой синий жук. Эйнштейн поспешно захлопнул крышку, оставив насекомое в заточении. Сердитым жестом он сунул шкатулку обратно на полку и протянул руку за другой. Так были обследованы еще несколько шкатулок, но браслета не оказалось ни в одной из них. К этому времени профессор был уже заметно раздражен.

Внезапно он хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ну конечно! Не иначе, эта несносная девчонка снова занялась уборкой. Лорд Карстерс, прошу вас следовать за мной.

Отодвинув засов маленькой двери в конце мастерской, проф. Эйнштейн повел своего спутника по тускло освещенному коридору, от которого в обе стороны шло несколько ответвлений.

— Она кто? — спросил лорд Карстерс. — Вероятно, ваша жена?

— Моя племянница, — объяснил профессор. — Мэри Эйнштейн. Она давно уже грозилась навести порядок в мастерской, и, чует мое сердце, это именно то, что произошло!

Прижав руку к груди, лорд Карстерс всем своим видом показывал, насколько он шокирован и как ему понятно возмущение профессора. Своим людям он строго-настрого приказал: под страхом увольнения никогда и ничего не трогать в его рабочих помещениях. Единственным исключением был слуга Крейнпул, который в одиночку трудился, не покладая рук, чтобы не дать лорду оказаться заживо погребенным под несколькими тоннами доисторического мусора.

Дойдя до двери, отделанной корой пробкового дерева, профессор сильным толчком распахнул ее и крикнул:

— Ты убиралась в моей мастерской!

Склонившаяся перед архивным шкафом молодая женщина продолжала трудиться, сортируя досье. На ней была накрахмаленная блузка в красно-белую полоску и длинная темная юбка, а ее великолепные светло-каштановые волосы были просто, но элегантно уложены.

— Ничего подобного, дядя Феликс, — возразила она, выпрямляясь со стопкой папок в руках. — Не знаю, что вы там потеряли, но эта вещь, скорее всего, на том же месте, где вы ее оставили месяцев шесть назад.

— Нет, это точно ты, Мэри, — кипятился профессор. — Все время твердила мне об этом, а я теперь не могу найти важный документ!..

Тираду ученого прервал жест руки.

— Я предложила навести порядок в крысиной норе, которую вы называете своей мастерской, ровно один раз, более семи лет назад, когда впервые появилась здесь. И ваша истерика в ответ на это предложение навсегда отбила у меня охоту заговаривать на эту тему.

Поманипулировав папками, Мэри сунула последнюю в ящик и задвинула его на место.

— Ну, и что же такое вы искали? — спросила она, поворачиваясь.

У лорда Карстерса перехватило дыхание. Он угодил в омут самой прекрасной пары глаз из всех, что ему когда-либо доводилось видеть. Мэри Эйнштейн была богиней. Безупречность ее черт подчеркивала линия подбородка, выдававшая незаурядную силу характера. Возможно, мужчину меньшего калибра эта особенность отпугнула бы, но Карстерс нашел ее подкупающе обворожительной.

Застигнутая врасплох, Мэри слегка зарделась под этим столь откровенно восхищенным взглядом.

— Извините; дядя, я не знала, что у нас гости.

Пройдя через кабинет, проф. Эйнштейн принялся рыться в ящиках письменного стола, быстро выдвигая их один за другим и со стуком задвигая обратно.

— Гости... Какие гости? Ах, да. Мэри, это лорд Бенджамин Карстерс. Ваша светлость, разрешите представить — моя племянница, Мэри Елизавета Виктория Эйнштейн. Она отвечает за все текущие дела музея.

Чувствуя себя так, словно на ней лохмотья, Мэри слегка расширила глаза, изучая взглядом привлекательного незнакомца, и, после довольно продолжительного молчания, грациозно подала руку.

— Добро пожаловать в наш дом, — произнесла она с непривычной для себя застенчивостью.

Лорд Карстерс начал было отвечать на приветствие рукопожатием, но вовремя передумал и галантно поклонился, приблизив ее пальцы к губам.

— Enchanté [1], — негромко произнес он, задерживая ее руку в своей чуть дольше, чем требовали правила хорошего тона.

— Сэр, — ответила она, еще сильнее заливаясь румянцем.

— Мэри, — подал голос из-за стола раздраженный проф. Эйнштейн, — я никак не найду браслет, с которым работал сегодня утром.

Мэри, которая нервно теребила кружевной воротничок блузки, кое-как привела свои мысли в порядок.

— Вы говорите о том отвратительном изделии из меди, похожем на кальмара, страдающего несварением желудка? Посмотрите в красной деревянной шкатулке.

— Смотрел. Его там нет!

— О!

Не зная, куда девать свои огромные руки, лорд Карстерс сунул их в карманы.

— Может быть, ваш Оуэн куда-нибудь переложил его, — высказал он свое предположение.

Мрачнее тучи, профессор с такой силой задвинул ящик, что покачнулась лампа.

---

[1] Enchanté — очарован (*фр.*).

— Господи, да нет же! Билли предельно внимателен, — категорично заявил Эйнштейн. — Впрочем, где его черти носят? Я же вызвал его звонком — сто лет прошло.

— А ведь я тоже звонила, — добавила Мэри, покусывая ноготь большого пальца. — Совсем вылетело из головы. Он должен был перенести в подвал тот старый экспонат и, наверное, все еще работает.

— Бездельник, — с гневом в голосе проворчал профессор. — Сколько нужно времени, чтобы перетащить дюжину мечей?

Мэри укоризненно подняла брови.

— Ну, вы же знаете, о каком экспонате идет речь, дядя, — сказала она. — Я полагаю, количество времени определяется тем, хотели они отправляться в подвал или нет.

При этом напоминании мрачное лицо Эйнштейна просветлело.

— А, ну да, это все объясняет. Ладно, неважно. В свое время я срисовал изображенные на браслете символы. Мы можем с тем же успехом поработать с этой копией.

— Не принести ли вам с лордом Карстерсом что-нибудь перекусить? — спросила, направляясь к двери, Мэри.

— Спасибо, милая, — улыбнулся подобревший профессор, желудок которого заурчал при одном лишь упоминании о еде. — Это было бы замечательно!

Когда девушка вышла из кабинета, проф. Эйнштейн подошел к архивному шкафу и выдвинул верхний ящик. С натренированной ловкостью перебрав досье, он остановился, затем повторил поиск медленно. И отступил с лицом, выразившим крайнюю степень досады.

— Странно, — пробормотал он вполголоса. — Я мог бы поклясться, что дутарианская карта была в ящике под литерой «Д».

— Возможно, вы поместили ее под литерой «И» — «Империя», — предположил, пытаясь как-то помочь, лорд Карстерс.

Проф. Эйнштейн с сомнением покопался в другом ящике; результат был тем же.

— Да где же она может быть? — вопросил, обращаясь неизвестно к кому, профессор, а затем щелкнул пальцами: — Ну конечно! «К» — «Карты»! — Подойдя к соответствующему ящику, он принялся тасовать планшеты из манильской бумаги, словно огромную колоду игральных карт.

— Нет, — через некоторое время мрачно доложил проф. Эйнштейн, задвигая ящик. — И тут мимо. Может быть, в «Прочем»?

— Я проверю «Г», «Головоногие», — предложил Карстерс, присоединяясь к поискам и выдвигая нужный ящик.

— Отлично, дружище, а я попробую «Б» — «Бог» и «Х» — «Храм».

— Точно!

* * *

Через несколько минут вернулась Мэри, катя перед собой столик, на котором имелось все необходимое для чаепития: горячий чайник, чашки, блюдца, ложки, салфетки, шесть сортов чая, молоко, пшеничные лепешки, горячие булочки, сухари, масло и различные джемы. Количество еды было в несколько раз больше, чем обычно, так как Мэри рассудила, что у лорда Карстерса и аппетит должен быть, как у Геркулеса.

— Ну вот, почему бы не подкрепиться по ходу дела, — весело начала Мэри, мигом осекшись. — Во имя неба, что здесь происходит?!

В обычно аккуратно прибранном кабинете царил полнейший кавардак: в воздухе летали какие-то листки, повсюду валялись папки и большие конверты из манильской бумаги. Эйнштейн и Карстерс, с головой зарывшись в ящики, не глядя швыряли документы через плечо, если поиск в очередной раз не оправдывал ожиданий.

— Вы смотрели букву «З» — «Загадки»? — крикнул профессор, бороздя носом коллекцию путеводителей.

— Конечно, — в сердцах отозвался лорд из-за груды морских карт. — Равно как и «Н» — «Неразгаданное», «А» — «Амстердам», «Р» — «Рынок» и «У» — «Утраченное»!

В Мэри взыграло профессиональное самолюбие.

— Если вы говорите о дутарианском шифре, который переписали с браслета, — сказала она, обходя заставленный горячей едой столик, — то я положила его в папку под литерой «Д» — «Дутар». Пропал только переписанный шифр или вся папка?

— Копия шифра, папка и все мои заметки, — раздраженно фыркнул Эйнштейн. — Включая мои телеграммы, переписку, и расчеты изменений этой самой, чтоб ее, луны!

Откуда-то из-за горы карт мгновенно возникла голова Карстерса:

— Прошу вас, профессор, что за фривольные выражения! Здесь же леди.

— В самом деле? Где? — в замешательстве спросил Эйнштейн. — А, вы имеете в виду мою племянницу? Да полно, она слышала и похуже, юноша. Совершила вместе со мной с десяток экспедиций — в Индию, Африку и даже в Нью-Джерси.

Показав жестом, что ничего страшного не случилось, Мэри приятно улыбнулась.

— Ценю вашу заботу, лорд Карстерс, но моя чувствительность не настолько тонка.

— Как скажете, мисс, — вежливо согласился Карстерс, возвращаясь к прежнему занятию.

Подойдя к столу, Мэри стала перебирать бумаги, проверяя, не проглядели ли случайно мужчины предмет своих поисков.

— Дядя, возможно ли вообще, что Билли что делал с той копией?

— Нет! — крикнул профессор, со стуком задвигая металлический ящик и чуть не прищемив себе палец.

— Вы совершенно уверены, что папка находилась здесь, в кабинете? — спросил лорд Карстерс, пытаясь представить самые невероятные возможности. — Других мест, где хранятся документы, у вас нет? Скажем, в библиотеке? Или в читальной комнате?

— Конечно, нет! — взорвался профессор. — Эти сведения были слишком важны для меня, чтобы просто оставить их лежать, словно пару старых ботинок. — Да черт возьми! Если б вы только знали, через что я прошел, доставая эту карту!

— Одну минуту, дядюшка, — перебила его Мэри, прекращая раскопки. — А как же сейф в подвале? Ведь именно там вы и держите дубликаты, не так ли? Могли вы для сохранности поместить все туда?

— Не исключено, — неуверенно признал проф. Эйнштейн, поигрывая своим счастливым акульим зубом. — Даже, наверное, именно так. Давайте выясним. Прихватите лампу со стола! — И, круто повернувшись, профессор выбежал из кабинета.

— Настоящий банковский сейф? — поинтересовался лорд Карстерс, беря со стола тяжелый масляный светильник. — Необычная практика. Вы храните в доме серебряную посуду?

— Немного. Некоторые из наших экспонатов приходится покупать за твердую наличность, — ответила Мэри, пытаясь справиться с участившимся дыханием. Странно, как жарко стало в кабинете. — Но главным образом, сейф предназначен для ежедневных поступлений от работы музея. Помимо помощи дяде в экспедициях, я также управляю финансовыми делами, а эта сторона предприятия весьма существенна.

— В самом деле, мисс. — Слова Мэри произвели на Карстерса сильное впечатление, и он, осмелев, подошел к ней поближе. — Археолог, секретарь, бухгалтер — да вы женщина многих талантов.

Взволнованная столь близким соседством с ним, Мэри Эйнштейн не пыталась отодвинуться, пока их не позвал знакомый голос из коридора.

— Нам надо идти... Бенджамин, — осмелилась добавить она, сама от себя не ожидая такой неслыханной дерзости.

— Я в вашем распоряжении, миледи, — согласился он sotto voce[1].

Невольно покраснев, она одарила его выразительным взглядом.

Немного пройдя по коридору, молодые люди обнаружили открытую дверь, за которой была крашеная деревянная лестница, ведущая вниз. Пропустив Мэри вперед, Карстерс высоко поднял лампу, освещая путь. Ниже уровня пола стены подвала были сложены из каменных блоков, на манер древнеримских крепостей.

— Как интересно — пробормотал лорд Карстерс с любопытством, на мгновение позабыв обо всем. Да, здание музея определенно было экспонатом само по себе. Но в следующий момент все эти наблюдения оборвал приглушенный крик.

Лорд Карстерс молниеносно перемахнул через перила и приземлился рядом с бледной Мэри. Окруженный штабелями ящиков и бочек, проф. Эйнштейн стоял на коленях возле лежащего ничком на земляном полу бездыханного тела. Из шеи убитого торчал странной формы нож, а земля рядом сделалась темно-

[1] Sotto voce — вполголоса (*итал.*).

красной. Лорд Карстерс поставил свою лампу рядом с упавшим на бок маленьким сигнальным фонарем, по стеклу которого расползлась паутина трещин. Неподалеку от неподвижного тела стоял сейф, стенки которого стягивали широкие железные полосы. Крышка была открыта, а висячий замок и толстая цепь болтались сломанные и искореженные.

— Оуэн? — тихо спросил лорд Карстерс.

Профессор кивнул.

— Мертв, но умер недавно.

Внезапно лорд насторожился, вдруг почувствовав себя так, словно опять оказался в глубине джунглей, окруженный со всех сторон свирепыми туземцами.

— Профессор, из этого подвала есть другие выходы? — прошептал Карстерс, озираясь в темноте.

Мигом сообразив к чему он клонит, Эйнштейн почувствовал, как тело его заполняет холодный поток адреналина. Господи боже, никаких других выходов здесь нет!

— Мэри, дорогая, — напряженно произнес он, стараясь, чтобы голос звучал совершенно нормально, — поднимись, пожалуйста, в дом и вызови полицию.

При этих словах из темноты раздалось проклятье, и оттуда выскочила банда головорезов в плащах с низко опущенными капюшонами, размахивая длинными кривыми ножами, зловещие лезвия которых угрожающе сверкали при свете масляной лампы.

— Засада! — крикнул лорд Карстерс, загораживая собой друзей и поднимая кулаки.

Когда первая волна атакующих приблизилась, лорд ухватился за балку над головой, оторвался от пола и резко выбросил вперед обе ноги. Его сделанные на заказ ботинки нашли пару скрытых капюшонами лиц; брызнула кровь. Обмякнув от сокрушительного удара, две фигуры рухнули на пол, издавая ужасные булькающие звуки. Но — невозможное дело! — они поднялись вновь. Лорд Карстерс чертыхнулся: он видел подобную реакцию, когда путешествовал по Индии. Тогда это были типы, представлявшие какую-то разновидность хашишинов — маньяки-убийцы, одурманенные наркотиком до дикого неистовства, благодаря чему они почти не знали боли и усталости. Призвав на помощь всю свою решимость, Карстерс мрачно двинулся в гущу задрапированных фигур, и его могучие кулаки заходили туда-сюда, словно поршни паровой машины, молотя и круша противостоящих ему.

Еще двое убийц в плащах метнулись в обход внушительной фигуры лорда и напали на пожилого профессора, как раз когда тот выхватил револьвер. Вышибленное из рук оружие отлетело куда-то в темноту. Профессор быстро наклонился к еще не остывшему телу слуги, выдернул нож и взмахнул им, описав клинком сверкающую дугу и отразив нацеленный ему в горло удар ножа противника. Перехватив собственный нож клинком вниз для защиты уязвимого запястья, Эйнштейн выбросил руку вперед, полоснув острым как бритва лезвием по щеке одного из нападавших и врезав рукояткой между глаз другому. Пошатнувшись словно пьяный, убийца в капюшоне повернулся вокруг своей оси и рухнул наземь.

Визжа как можно театральнее, Мэри метнулась через подвал, надеясь, что по крайней мере у одного из непрошеных гостей хватит глупости броситься следом за ней. Погналось целых три, издавая на бегу кровожадные вопли. Добежав до противоположной стены, Мэри, вместо того чтобы упасть в обморок или съежиться от страха, рывком распахнула дверь в чулан и выдернула оттуда метлу. Орудуя ручкой метлы как дубинкой, женщина принялась умело колотить преследователей, да так, что у тех кости трещали при каждом обрушивающемся на них со свистом ударе импровизированного оружия. Однако ее врагов, казалось, было невозможно вывести из строя, и они неотвратимо надвигались на нее, чиркая ножами все ближе и ближе, уже доставая до одежды и отхватывая лоскутки ткани.

Уклонившись от просвистевшего мимо топора, лорд Карстерс умелым прямым безжалостно врезал убийце в челюсть. Когда выплевывающий зубы противник отлетел, теряя равновесие, Карстерс поймал запястье другого плащеносца, заломил его, а затем рывком бросил завопившего фанатика через плечо приемом дзюдо — древнего тайного искусства японской борьбы. Тело с противным звуком шмякнулось оземь, но оппонент тут же вскочил на ноги и снова бешено бросился на лорда. Не теряя больше времени на простую тактику членовредительства, Карстерс въехал правым кулаком прямо в смутно различимое лицо врага, вложив в это действие всю свою силу до последней унции. Страшный удар паровым молотом швырнул нападавшего назад, полы темного плаща распахнулись словно крылья, и лорд в совершеннейшем ужасе увидел, что его сверхстойким противником была женщина! Дурнота, подкатившая при мысли

о том, что он ударил даму, не помешала, тем не менее, лорду Карстерсу стукнуть ее еще раз, после чего он придавил ее к полу упаковочным ящиком с надписью «Метеориты». Даже в столь безнадежной ситуации женщина отчаянно извивалась, пытаясь освободиться.

Пораженный этим зрелищем, Карстерс лишь в последний момент услышал топот у себя за спиной и едва успел повернуться, чтобы встретить сообщника придавленной женщины, который налетел на него с пикой восемнадцатого века. Нападавший взмыл в воздух отдельно от большинства собственных зубов, а лорд сильно нахмурился. Что за опрометчивость со стороны профессора — хранить в подвале опасное оружие. (С грацией солдата, лорд ловко увернулся от еще одного смертоносного выпада.) Опять же — хранишь, так позаботься, чтобы и друзьям хватало!

А профессор Эйнштейн тем временем сделал выпад и сумел поразить в живот одну из фигур в плаще. Выдергивая нож, он попытался завершить дело смертельным поперечным надрезом мышц брюшной полости, но потерпел неудачу, всего лишь вскрыв грудную клетку. Прыгая как на ринге, Эйнштейн клял свою неуклюжесть. Да, размяк он, слишком долго сидел на одном месте, расслабляясь в музее. Не один год уж прошел с тех пор, как он в последний раз по-настоящему дрался. Увертываясь от ножа, который едва не вскрыл ему горло, профессор пнул обидчика в пах и продолжил обрабатывать ему ребра, стремясь переломать как можно больше; одновременно он отмахнулся от другого приставалы, полоснув его ловким обратным ударом. *Боже, боже, как я слаб. Стар, слаб и немощен. Надо будет в гимнастический зал походить, что ли.*

Метла Мэри с громким треском сломалась о череп в капюшоне. Оставшись на время беззащитной, юная леди отступила к стене. Когда же рычащая фигура, взмахнув ножом, бросилась на нее, чтобы убить, Мэри ловко увернулась, и клинок сломался, врезавшись в каменную стену. Перепрыгнув через пароходный кофр, набитый ее детскими игрушками, Мэри выдернула из огромной кучи угля возле печи совковую лопату и завертела тяжелым инвентарем над головой, на манер боевого молота викингов. Плащеносца спасло лишь то, что он споткнулся о тело соратника, лопата же врезалась в деревянную опору, вырвав кусок с кулак величиной.

Выкрикивая что-то на не знакомом никому языке, громила в маске схватил стоящую на бочке лампу и швырнул ее на пол. Полыхнуло огнем, и по плотно утрамбованному земляному полу начала быстро растекаться лужица горящего масла.

С гулом вспыхнула груда рождественских украшений, и злые языки оранжевого пламени принялись лизать деревянный потолок. Через несколько секунд все заволокло густым дымом, и лишь с трудом можно было разглядеть, как капюшоны пытаются добраться до спасительной лестницы.

— Вперед, юноша! — крикнул проф. Эйнштейн, хватая упавшую пику. — Мы обратили их в бегство!

— Ату их! — вторил ему лорд Карстерс, широкое лицо которого раскраснелось от азарта сражения.

— Стойте! Пусть убегают! — крикнула Мэри, отбрасывая в сторону лопату. — Огонь может добраться до музея!

Эта отрезвляющая мысль побудила обоих мужчин к немедленным действиям. Сорвав с себя сюртуки, Эйнштейн с Карстерсом принялись сбивать пламя, в то время как Мэри опять взялась за лопату и начала забрасывать набирающий силу пожар землей.

* * *

С разнесшимся по коридорам и галерее лязгом металлической двери, больше ковыляя, чем бегом, семь фигур в плащах с капюшонами ворвались в главный зал музея. Мгновенно придя в боевую готовность, троица бенгальских тигров с восторженно-громовым урчанием выскочила из укрытия и размытыми полосатыми тенями устремилась в сторону вошедших.

Один из истекающих кровью пришельцев, поясом фиксируя сломанную руку, увидел диких кошек и спокойно указал на них. Другой, понимающе кивнув, скинул капюшон и быстро произвел в воздухе какие-то пассы. Тигров залило радужным светом; они застыли без движения, а затем с панической поспешностью развернулись кругом и, повизгивая от страха, удрали обратно в свое невидимое логово.

— З-заложите чем-нибудь дверь! — приказал один из злодеев, который припадал на одну ногу и хватал воздух открытым ртом. — Э-это их за-задержит на какое-то время.

— Да чем ее заложить, болван? — нервно осведомился другой. — Ты же знаешь, что в этом зале все закреплено.

— Великий Кальмар свидетель, брат мой, нам нипочем не уйти, — просипел третий убийца, прижимая к разбитому носу окровавленный платок.

Получивший увечья вожак шайки отрывисто бросил:

— Мы должны уйти и уйдем. Наш единственный шанс — портал.

Это заявление было встречено одобрительными возгласами.

— Блестяще, — изрекла растрепанная женщина, придерживая одной рукой другую, сломанную.

— Вот потому-то он и вожак, — прошамкал беззубым ртом еще один; его левый глаз уже почти полностью заплыл.

— Но луна пока не полная, — напомнил заговоривший вторым. — Сила еще спит. Понадобится жертва.

Морщась от боли, женщина кивнула в знак согласия, и от этого простого движения из-под разодранного плаща обильно заструилась кровь.

— Убей меня, брат, — добровольно вызвалась она, — и обеспечь ваш отход.

— Да будет так, сестра, — сказал вожак, доставая кривой нож. — И да пребудет на тебе благословение Великого Кальмара.

Рванув на себе плащ, она обнажила горло, и страшный нож полоснул по нему одним быстрым ударом.

* * *

На укрощение огня ушло всего несколько минут, и исследователи возобновили прерванную погоню. Ворвавшись на этаж, они обнаружили, что кабинет пуст, так же как и мастерская с хранилищем. Значит, музей.

Схватив из оружейного шкафа по мощной винтовке, вооруженные исследователи бросились в главное помещение музея. Готовые к бою, лорд Карстерс, профессор и Мэри Эйнштейн вбежали в зал, но не обнаружили там ничего, за исключением небольшой малиновой лужицы на полу. От жуткого пятна вели перепутанные кровавые следы, но уже в ярде от него следы

обрывались, как если бы оставившие их люди просто растаяли в воздухе.

4

Следующие несколько часов Эйнштейны и лорд Карстерс провели, отвечая на вопросы местных констеблей, которые прибыли, чтобы разобраться, чем вызван переполох в музее. Полицейские ожидали, что это всего лишь еще один взломщик, встретивший свою судьбу в когтях больших кошек, и пришли в ужас, узнав о смерти ассистента профессора.

Под присмотром сонного полицейского врача Билли Оуэна вынесли из здания, и все присутствующие скорбно склонили головы, когда завернутое в простыню тело проносили мимо.

После этого музей тщательно обыскали для выяснения, не спрятался ли где-нибудь кто-то из убийц в масках, но здание оказалось чистым. Было уже четыре утра, когда последний полицейский покинул учреждение. Хотя и основательно вымотанные, все трое исследователей без слов сошлись на том, что спать сейчас было бы никак не возможно.

Тщательно заперев здание, Феликс и Мэри провели лорда Карстерса по вымощенной каменной плиткой дорожке к жилым помещениям, расположенным с тыльной стороны массивного здания. Пройдя прямиком на кухню, усталый проф. Эйнштейн заварил чай, в то время как Мэри молча достала из кладовой хлеб и сыр, а Карстерс, тоже не сидя без дела, накрыл на стол. Как только кружки наполнились горячим напитком, все расположились за столом и дали воцариться на некоторое время миру и покою.

Усталость притупила острые грани светскости лорда Карстерса, помешивавшего чай столовой ложкой, остальные же совершенно не замечали этого нарушения светских приличий.

— Мне показалось, что полиция как-то формально проводила опрос по поводу убийства, — заметил, наконец, лорд, испытывая потребность что-то сказать; все равно что, лишь бы нарушить затянувшееся молчание.

— Ну да, вы ведь член палаты лордов, — ответил проф. Эйнштейн, кладя в чай лимон. — А я — почетный член Скотланд-Ярда.

Подавляя зевоту, Мэри поставила на стол полупустую кружку.

— Со всей этой суматохой я только сейчас начинаю понимать, что бедняга Билли мертв. — Глаза ее затуманились, и по щеке скатилась слеза. Она смахнула ее салфеткой. — Он был добрым другом.

С тяжелым вздохом проф. Эйнштейн ссутулил плечи.

— Да, именно так, девочка. Ну-ну, дорогая, не плачь, Билли не захотел бы видеть слез.

— И верно, — шмыгнула носом Мэри.

— Он ведь, знаете, был валлиец, — пояснил профессор Карстерсу.

— Понимаю, — ответил лорд, вынимая из кармана огромный носовой платок и протягивая его Мэри. Та с благодарностью приняла его.

— Думаю, он бы понравился вам, лорд Карстерс, — прошептала Мэри, вытирая глаза.

Потерявший близких друзей во время Событий, Карстерс сунул руку в карман пальто и достал серебряную фляжку со своим фамильным гербом.

— Так поговорите же со мной о нем, — тут же предложил он, кладя фляжку на стол. — Расскажите мне все о Билли.

Профессор не возражал. Открыв фляжку, он щедро приправил свой чай крепким виски, и даже Мэри сделала то же самое. Глотнув из кружек, и профессор, и его племянница содрогнулись, но вскоре заметно расслабились.

Расстегнув накрахмаленный воротничок, проф. Эйнштейн шумно откашлялся.

— Ну, так уж вышло, что впервые я с ним встретился в Египте. Он носился с этой безумной теорией, будто древние пирамиды не были построены из огромных каменных блоков, которые ворочали тысячи рабов, а были отлиты из вещества, схожего по составу с цементом.

— В самом деле? — вскинул бровь лорд Карстерс. — Я знаю, что цемент изобрели римляне, но пирамиды появились за тысячи лет до того.

— Совершенно верно, — подтвердила Мэри между глотками. — Так или иначе, он был полон решимости воспроизвести технологию, и там, в пустыне, вокруг этого оазиса у него на каждом шагу булькал и пузырился какой-нибудь химический эксперимент.

— Вот как? — пригубил виски Карстерс. — И что дальше?

Проф. Эйнштейн подался вперед, не в силах сдержать улыбку при воспоминании о былом.

— Ну, и никто не потрудился предупредить об этом моих погонщиков верблюдов, так что когда из Афин привезли пиротехнику...

* * *

Рассвет уже начал окрашивать небо. Сидя за кухонным столом, трое собеседников все еще смеялись, продолжая нетрезвый разговор, при этом лорд Карстерс делал слабые попытки остановить профессора с племянницей, желая перевести дух. Однако Эйнштейн и Мэри не унимались, твердо решив превзойти друг друга по части баек о злоключениях Уильяма Оуэна.

— ... и вот, когда бедняга Билли пытается читать запретную книгу, раздается гром средь ясного неба и их обоих поражает молния! — закончил драматичным тоном профессор. — Естественно, мандарина тут же убило, но Билли уцелел, потому что так и не снял с себя шлем конкистадора!

Лорд Карстерс расхохотался так, что расплескал приправленный виски чай и чуть не упал со стула.

— И что, он н-никак не по-пострадал? — сумел наконец выдохнуть он.

— Ничуточки, — заверила его Мэри, раскачиваясь на стуле; пустая фляжка со стуком упала на стол. — О, к нему с неделю после этого прилипали металлические опилки, а так ничего.

— Валлиец, знаете ли! — закончили все в один голос.

На этот раз смех получился негромким, быстро сойдя на нет. Снова наступило продолжительное молчание. Слышалось лишь легкое потрескивание углей в камине, да где-то на улице заржала лошадь, а потом залаяла собака.

Профессор, вздохнув, вытер салфеткой слезы смеха.

— Уильям Генри Оуэн был хорошим работником и отличным другом, — тихо произнес он. — И мне лично будет его очень не хватать.

Соглашаясь с ним, Мэри и лорд Карстерс высоко подняли кружки. Профессор поддержал их жест.

— За Билли, — провозгласили они и допили то немногое, что еще оставалось на дне. Затем все трое бросили кружки в камин, и те разлетелись вдребезги, словно разбитые мечты.

В наступившей после этого тишине проф. Эйнштейн вытер салфеткой мокрый стол и неуклюже сунул сырую тряпку в карман.

— Думаю, несколько часов сна — это то, что нам сейчас нужно. Оставайтесь, пожалуйста, Бенджамин. У нас есть роскошная комната для гостей, и мы можем послать в клуб за вашими вещами.

Не в состоянии удержаться, лорд со вкусом зевнул.

— Спасибо, сэр, — устало пробормотал он. — Думаю, так будет разумней всего. Этот чай, знаете ли... Очень крепкая штука.

— Именно так, юноша! Именно так.

До крайности смущенная, Мэри потянула дядю за рукав.

— Его нельзя туда, — прошептала она, — комната для гостей уже сколько недель не проветривалась!

— Чепуха, — заявил Карстерс, снисходительно усмехнувшись. — В моем нынешнем состоянии неудобно спать будет, только если постель загорится.

— Как скажете, Бенджамин, — пробормотала она, чувствуя себя без всякой заметной причины совсем маленькой девчонкой. — Тогда разрешите пожелать вам спокойной ночи.

К горлу Карстерса подступили нежные слова, но, взглянув на профессора, он оставил их при себе, ограничившись лишь ответным пожеланием спокойной ночи. Нетвердо поднявшись со стула, проф. Эйнштейн проводил лорда в комнату для гостей, в то время как Мэри побрела по коридору к своей комнате. Сон слетел к эмоционально выжатым людям на быстрых крыльях, и боги были добры к ним, так как спали они без всяких сновидений.

* * *

Утром лорд Карстерс проснулся, чувствуя себя на сто процентов лучше. Постель была превосходной, а несколько минут физических упражнений разогнали кровь в жилах и прояснили сознание.

Пристанище оказалось более чем сносным. О, да, ботинки не были начищены, и его не ожидал свежий номер «Таймс», но эти мелкие соображения развеивались твердым знанием, что Мэри здесь же, под одной с ним крышей.

Однако во рту у него стоял вкус дохлой полевки. Что за помрачение на него нашло — испортить доброе ирландское виски английским утренним чаем! Брр.

На туалетном столике его ждал тазик с теплой водой, рядом стоял один из его дорожных саквояжей, доставленный из клуба. Превосходно! Приведя себя в порядок, лорд сбежал по лестнице, предвкушая встречу с Мэри. Он прошел на кухню, где уже были разведены все пары, и застал там полную женщину, которая бодро месила тесто для хлеба.

— Доброе утро, ваша светлость! — пропела кухарка. — Завтрак ждет в столовой. Вы проходите, а я мигом принесу вам чашечку отличного чаю.

— Э-э, благодарю вас, мисс... э-э... — запинаясь, произнес он и развел руками, не зная имени.

— Катрина, сэр, — тут же назвалась она, шлепая тесто в кастрюлю.

— Спасибо, Катрина, — улыбнулся лорд Карстерс. — А есть ли шанс получить вместо чая кофе?

Кухарка сделала почтительный книксен.

— Разумеется, ваша светлость, — ответила она, оставляя тесто подниматься, после чего деловито загремела чем-то в кладовой.

Услышав голоса, доносящиеся из-за раздвижных дверей, лорд Карстерс толкнул створку в сторону и оказался в столовой. Склонясь над длинным столом, профессор и Мэри о чем-то совещались, глядя в какие-то бумаги, по виду — расписания поездов и пароходов.

— Доброе утро, юноша! — энергично поздоровался проф. Эйнштейн, отрываясь от бумаг. — Как вы себя чувствуете?

Влекомый манящим запахом, Карстерс подошел к буфету, снял крышку и обнаружил под ней блюдо с копченой селедкой.

— Великолепно, сэр, — ответил он, беря двойную порцию... нет, тройную. Приподняв крышку еще одного блюда, лорд обнаружил холодные яйца и гренки. Ну точь-в-точь такие, бывало, готовила мамина кухарка! Как это по-домашнему.

Основательно загрузив тарелку, лорд Карстерс занял место за столом напротив дяди и племянницы.

— И вам доброе утро, мисс Эйнштейн, — улыбнулся лорд, пристраивая салфетку. — Надеюсь, вам хорошо спалось?

— Учитывая обстоятельства, да, — мило улыбнулась в ответ Мэри. — Благодарю вас.

Карстерс поискал взглядом чашу для ополаскивания пальцев, и, не увидев ничего похожего, решил, что сойдет и так. Богатый опыт путешественника приучил его обходиться без всяких удобств.

— И какие же у нас планы на сегодня, профессор? — спросил он, подступаясь к горе еды.

— Мы отправляемся через час, юноша, — сообщил профессор из-за проспекта пароходной компании. — Так что вы уж, пожалуйста...

Задержав на полпути тяжело нагруженную вилку, лорд Карстерс тщательно прожевал, проглотил и воскликнул: — Превосходно!

Вошла Катрина с чистой чашкой и дымящимся кофейником. Аромат был божественный, и все трое исследователей налили себе по кружке.

— Вы надолго уезжаете, профессор? — спросила Катрина, убирая со стола грязные тарелки. — Если да, то в этом году прислуга могла бы приступить к весенней уборке немного пораньше.

Уже вернувшийся к изучению расписания, профессор покосился в сторону кухарки.

— Что? О, да, вероятно, на несколько недель.

— И куда на этот раз, сэр? — с любопытством спросила Катрина, закрывая крышку сахарницы от настырных мух.

Опустив пароходный проспект, проф. Эйнштейн ответил ей очень выразительным, долгим, суровым и холодным взглядом.

На Катрину этот спектакль не произвел ни малейшего впечатления.

— А, снова тайны, — хихикнула она и скорым шагом покинула столовую, закрыв раздвижную дверь толчком крутого бедра.

— Так куда же мы направляемся, сэр? — спросил лорд Карстерс, щедро намазывая маслом ломтик поджаренного хлеба. Он к этому времени уже умял половину стоящего на столе

«фермерского набора»; как говаривал его отец, чем лучше ешь, тем крепче спишь.

— Мне казалось, что без карты и браслета мы в совершенно безвыходном положении.

— Полнейшая чушь, юноша, — возразил проф. Эйнштейн, распихивая какие-то бумаги по внутренним карманам сюртука. — Сначала мы отправимся во Францию; нет, моя дорогая — это что касается твоего вопроса, — я думаю, лондонский паром отпадает. Мы должны избегать очевидных шагов. Эти слуги Бога Кальмара и так уже чересчур много о нас знают, раз напали прямо здесь, в музее.

— Главное — осторожность, — с большим трудом выговорил Карстерс, старательно жуя.

— Совершенно верно, юноша, — согласился проф. Эйнштейн, обводя огрызком карандаша указанное в расписании время. — Мы отправимся в десять тридцать поездом Южной железной дороги до Саутгемптона, а оттуда отплывем полуденным паромом.

Приняв эту информацию без каких-либо внешних проявлений, лорд Карстерс набросился на идеально приготовленную копченую селедку. И спросил чуть более индифферентным тоном, чем было бы естественно:

— А Мэри будет сопровождать нас?

— Боюсь, что нет, — ответила она, вытирая рот салфеткой. — Кто-то должен оставаться здесь, чтобы охранять музей. Мы не можем быть уверены, что бандиты забрали все, что им было нужно, а я знаю музей лучше, чем кто-либо другой. Разве не так, дядя?

Проф. Эйнштейн кивнул, складывая карту.

— Совершенно справедливо. Они каким-то образом сумели пройти мимо кошек, и одно это достаточно серьезно беспокоит меня. Настолько, что представляется благоразумным, чтобы кто-то из нас остался. Для прикрытия тылов, так сказать.

— Но сэр! — ошеломленно воскликнул лорд Карстерс, роняя вилку. — Женщина, одна, без защиты?

Мэри хладнокровно извлекла из-под стола на обозрение карманный «Адамс-32». Ствол хорошо смазанного оружия заблестел в утреннем свете.

— Одна, но прошу заметить, не без защиты, — проворчала она сурово.

— И к тому же отличный стрелок, — с гордостью добавил проф. Эйнштейн, засовывая в разные карманы новые бумаги. — Даже намного лучший, чем я.

Странным образом взволнованный, лорд Карстерс открыто смотрел на вооруженную женщину.

— Тогда я буду с нетерпением ожидать дня нашего возвращения.

Убирая револьвер в кобуру, Мэри многозначительно помолчала, прежде чем бросить ответный взгляд, более дерзкий и искренний.

— А я, сэр, буду горячо молиться, чтобы этот день настал побыстрее.

При этом обмене романтическими репликами Феликса Эйнштейна чуть не стошнило, потребовалось приложить все силы, чтобы удержаться. *Господи, сделай милость, сохрани меня от страданий юношеской любви.*

* * *

В быстрой последовательности мужчины закончили завтрак, умылись, оделись, вооружились и погрузились в поджидающую их одноконную карету. Лорд Карстерс даже не удивился бы, снова увидев Дэвиса. Но кучер был другой — тощий малый с вислыми усами, и лысый, как яйцо-пашот. Когда исследователи садились в кэб, кучер лишь коснулся головного убора в знак приветствия, без намека на какие-то особые узы товарищества. Интересно.

Когда кэб, гремя колесами по булыжной мостовой, завернул за угол, Мэри Эйнштейн стояла на улице и смотрела, как он исчезает в потоке оживленного лондонского уличного движения. Она постояла несколько минут, а затем вернулась в музей. Тщательно заперев железные ворота, она, прежде чем уйти в дом и запереть входную дверь, повесила на решетку ограды написанное от руки объявление.

Проходивший мимо и насвистывавший нечто немелодичное трубочист случайно взглянул на объявление и остановился как вкопанный. *«Закрыт на весь период...»? Такие объявления во время войны вешают. До чего же чудно́.*

* * *

На вокзале было оживленно: шум, толчея, франты и оборванцы бок о бок в одной толпе; голосистые лотошники продавали пирожки с мясом, а уличные мальчишки ныряли в сточные канавы и визжали от радости, находя оброненную монету.

— Что вы сейчас сказали? — снова проревел профессор Эйнштейн, с громким стуком роняя на пол чемодан.

— Все билеты проданы, — повторил клерк в зарешеченном окошке билетной кассы. — Вам придется отправиться следующим поездом, в четыре сорок.

— Н-но это слишком поздно, — заикаясь и чуть ли не в смятении вымолвил профессор. — Мы же не успеем на паром через пролив!

— Это не мои трудности, приятель, — спокойно ответил кассир, уже глядя мимо исследователей. — Следующий, пожалуйста!

Сдерживая стоящих в очереди одной своей массой, лорд Карстерс угрожающе навис над окошком.

— Послушайте, сэр, я член палаты лордов, наверняка что-нибудь можно сделать.

— Сожалею, милорд, — пожал плечами кассир. — Но сделать ничего нельзя, будь вы хоть самой королевой. «Все билеты проданы» то и означает — Все Билеты Проданы.

Поскольку Карстерсу было не привыкать иметь дело с представителями низших классов, он беспечно достал из внутреннего кармана сюртука бумажник и помахал в воздухе пачкой пятифунтовых банкнот.

— Коль уж речь зашла о Ее Величестве, вы случайно не коллекционируете портреты членов королевской семьи? У меня тут несколько дюжин лишних — мог бы презентовать вам.

Уставясь на сумму, равную его полугодовому жалованью, кассир вытер непроизвольно стекшую на подбородок слюну.

— Не сойти мне с этого места, да для такого джентльмена как вы, я бы в лепешку расшибся, — шумно вздохнул он. — Но ответ прежний и честный: «нет». Все места забронированы контингентом Королевских инженерных войск.

При этих словах проф. Эйнштейн встрепенулся.

— Ну конечно! — радостно воскликнул он. — За мной, юноша. Мы едем.

Увлекая за собой сбитого с толку лорда Карстерса, профессор сошел с забитой народом платформы и направился к голове длинного поезда. Во всех вагонах, в каждом окне были видны мрачные, орущие друг на друга личности. Лорд Карстерс начал было задавать вопрос, но его слова утонули в оглушительном шипении паровоза, смешавшемся с громкой речью пассажиров и возгласами поторапливающего их кондуктора.

— Не беспокойтесь, юноша, я устрою нам места, — уверенно заявил профессор, когда пронзительный свист пара стих. — Пойдемте-ка, поговорим с машинистом.

— А какой смысл? — спросил лорд Карстерс. — Машинист не занимается размещением пассажиров.

Так и излучая таинственность, Эйнштейн снисходительно хмыкнул.

— А вот сейчас увидите.

В открытой кабине локомотива машинист с помощником деловито проверяли показания шипящих манометров и тикающих датчиков, в то время как мускулистый кочегар безостановочно подхватывал на совковую лопату уголь из черной горы антрацита в задней части кабины и отправлял его в пышущую огнем топку под пыхтящей машиной.

Немного подождав из вежливости, пока на них обратят внимание, проф. Эйнштейн дипломатично кашлянул, а затем громко постучал львиной головой серебряного набалдашника трости по железному листу пола.

— Да? И какого дьявола вам надо? — неприветливо бросил седой машинист, стирая грязной головной повязкой пот со лба.

Помощник машиниста глянул на Эйнштейна и Карстерса с открытой враждебностью, в то время как сосредоточенный на своей нескончаемой работе кочегар вообще не повернул головы в их сторону.

— Здравствуйте. Видите ли, сэр, — произнес профессор располагающе дружелюбным тоном, — дело в том, что нам с другом крайне важно поспеть на пароход в Саутгемптоне и поэтому необходимо сесть на этот поезд.

Чуть поодаль вдоль состава шел смазчик, касаясь колес длинным носиком масленки. Кондуктор уже закрывал двери вагонов перед отправлением.

— А мне-то что до того, господин хороший? — проворчал машинист и потянул за рычаг, выравнивая нарастающее давление

в поршнях. Из сплетения железных труб на стенке машины со свистом вырвался белый пар, затянув кабину горячим туманом.

— Ну-у, — протянул проф. Эйнштейн, странными движениями потирая руки, словно они онемели, — я просто думал... — Профессор взялся правой рукой за левый локоть, одновременно стряхивая невидимую пыль с лацканов. — Нет ли чего такого... — он провел ладонью по волосам и поправил воображаемый галстук-шнурок, — ...чем вы могли бы помочь нам, заблудившимся путешественникам из далекой страны.

Профессор произнес еще лишь половину всего этого вздора, а машинист с помощником уже заулыбались. К концу же они просто сияли от удовольствия.

— Ну конечно же! Никаких проблем! — радостно воскликнул машинист. — Хоть в служебном вагоне вместе с поездной бригадой езжайте, хоть оставайтесь здесь с нами. Будет довольно сильно продувать, но у меня тут есть, чем согреться, поделимся с вами.

— Спасибо, это было бы замечательно, — с улыбкой поблагодарил профессор. Загородив обзор Карстерсу, Эйнштейн секунд тридцать обменивался рукопожатием с машинистом.

— Хватайте чемоданы, юноша, — громко распорядился профессор Эйнштейн, ставя ногу на ступеньку металлической лесенки. — Не первый класс, конечно же, зато общество, я думаю, вам покажется куда как более интересным.

— Вы все тут франкмасоны, что ли? — прошептал лорд Карстерс, передавая в кабину коричневый кожаный «гладстон». Как ему смутно помнилось, он читал статью в «Газетт», которая, кажется, намекала, будто большинство представителей технических профессий, архитекторов и ученых принадлежит к этому тайному обществу.

Принимая саквояж с туалетными принадлежностями, Эйнштейн изобразил шок.

— Лорд Карстерс, вы ведь не можете не знать, что правительство Ее Величества объявило общество франкмасонов вне закона и что членство в этом запрещенном ордене карается тюремным заключением?

Машинист с помощником закивали в знак согласия.

— А ведь и правда, профессор, — ответил Карстерс, изо всех сил стараясь сохранить на лице серьезное выражение. — Извините, ошибся.

Проф. Эйнштейн украдкой лукаво подмигнул лорду. Скрывая улыбку, лорд Карстерс продолжил переправлять в кабину многочисленные чемоданы и сумки, и едва он с этим справился, как кондуктор объявил отправление.

— Следующая остановка — Саутгемптон! — раздался победный клич профессора.

* * *

Темноту большого холодного каменного зала разрезал лишь свет единственной масляной лампы, которая была подвешена к засаленной потолочной балке.

Все пространство каменного пола занимали фигуры в балахонах; стоя на коленях, они монотонно нараспев тянули какие-то слова, раскачиваясь из стороны в сторону и не сводя глаз с худого мужчины, возвышавшегося над ними. Кроваво-красный балахон предводителя был богато украшен, а голову увенчивала сложного рисунка корона, которую он постоянно поправлял, продолжая при этом изучать вполне современную карту Центральной Европы.

— Да, — процедил сквозь зубы Верховный Жрец, проводя костлявым пальцем кривую линию по яркой цветной поверхности бумаги. — Это мне нравится. Замечательно! Лучшего места для смертельной ловушки и быть не может.

Толпа при этих словах прекратила песнопение.

— Реки, о любимый жрец, мы внемлем словам твоим! — выкрикнула женщина в балахоне, и толпа согласно загудела.

— Так слушайте же внимательно, братие, — повелел жрец. — Слушайте и повинуйтесь, во имя Бога Кальмара.

Больше не раскачиваясь, толпа замерла, внимая вождю.

— Воспользовавшись порталом, первая группа будет ждать «Восточный экспресс» в Милане. Затем, смешавшись с пассажирами, они сядут на поезд «Итальянский центральный», следующий в Рим, — жестко рубил жрец. — Они ничего не должны предпринимать до тех пор, пока поезд не проследует город Кодого; тогда они должны встать и убить всех в поезде.

— Всех? — озадаченно переспросил кто-то. — Даже женщин и детей?

— Враги наши могут изменить внешность, — рассудительно заметил жрец. — Ни одного оставшегося в живых — это гарантия нашего успеха.

Бормоча клятвы повиновения, люди в балахонах затрясли головами. *О, мудрейший, Верховный Жрец Бога Кальмара.*

— Одновременно, — продолжал жрец, поправляя корону, — вторая группа будет ждать момента, чтобы взорвать динамитную бомбу на Апеннинском мосту. — Его палец ткнул в карту. — Взрыв уничтожит опоры, когда по мосту будет проезжать «Центральный экспресс», и сбросит поезд и всех уцелевших пассажиров с высоты четырехсот ярдов в ледяные воды реки По.

— Но, Святейший, — перебил субъект с забинтованным носом, — разве нам не следует напасть немедленно, и если мы потерпим неудачу, отправить еще одну группу, а потом, если нужно, — еще одну?

— Мы утопим осквернителей в своей крови! — выкрикнул какой-то возбужденный фанатик.

Верховный Жрец улыбнулся своим присным. Ах, они ведь такие дети, неискушенные в порочных путях мира сего.

— План, достойный восхищения, — сказал он. — Но нет. Если мы потерпим неудачу, наша дичь может упорхнуть — сойдут с поезда и отправятся дальше каким-нибудь иным маршрутом, чем серьезно осложнят нашу задачу убить их. Нет. Наша величайшая сила в тот момент будет в их иллюзии отсутствия угрозы. Кроме того, долгое ожидание убаюкает их, внушив ложное ощущение безопасности, так что, когда мы ударим, они будут захвачены врасплох!

Эта хитроумная стратегия вызвала среди поклонников Бога Кальмара одобрительное бормотание.

— Им никак не уйти, — самодовольно ухмыльнулся Верховный Жрец, проводя костлявыми пальцами по карте Италии. — С той минуты, как они сядут в «Итальянский центральный», профессор Эйнштейн и лорд Карстерс покойники!

5

Поездка на паровозе до Саутгемптона прошла для проф. Эйнштейна и лорда Карстерса без происшествий, если не считать

мелкого нарушения спокойствия, в котором были задействованы проститутка, раввин, техасец и китаец со слепым попугаем. Вследствие этого скандала Эйнштейн и Карстерс успели добраться до парома с запасом всего в несколько секунд.

Однако пролив, против обыкновения, оказался чрезвычайно бурным, и французскую шхуну, на которой они плыли, болтало во все стороны на каждой волне. Многие пассажиры, вися на поручнях или уткнувшись лицом в ведро, громко стенали по этому поводу. Они попеременно винили в штормовой погоде арктические ветры, подводные течения, капитана-парижанина и/или британский парламент.

Матросы шхуны считали, что тяжелые условия плавания имеют какое-то отношение к повороту луны. Говорят, лунный диск вызывает приливы и отливы, так если он ведет себя странно, то почему море не может? Многие пассажиры разделяли это мнение, приводя массу примеров, подтверждающих рост количества ненормальных атмосферных явлений по всему миру. Эйнштейн и Карстерс при всех этих дискуссиях и монологах упорно помалкивали.

Когда корабль причалил в Гавре, личное знакомство профессора Эйнштейна с портовыми чиновниками ускорило их с Карстерсом прохождение через таможню. Но вот добыть кэб в самый час пик в этом суетливом городе им удалось исключительно благодаря внушительной внешности лорда Карстерса. Гавр — это был просто сумасшедший дом, уличное движение — кошмар, почти как Саутгемптон в час пик.

Последние штрихи в свой план путешествия исследователи внесли во время трехчасовой поездки до Парижа, Города Огней. Прибыв на парижский вокзал, Эйнштейн и Карстерс открыто купили билеты на поезд, отправляющийся в Марокко на следующий день рано утром. Затем они покинули вокзал, нацепили густые накладные бороды и вернулись, чтобы приобрести билеты на легендарный «Восточный экспресс», до Стамбула, а после этого под вымышленными именами, тайком, отправили к поезду большую часть своего багажа.

Далее Эйнштейн и Карстерс, стараясь не привлекать внимания, прошли в вокзальную комнату «Для джентльменов», и через несколько минут из туалета вышли рослый портовый грузчик и монах-доминиканец. Разделившись в толпе пассажиров, они купили по билету второго класса на «Симплон экспресс», который

через десять минут отправлялся в Милан. До самой посадки на поезд оба благоразумно держались на почтительном расстоянии друг от друга и заняли свои места, взяв с собой только по одному предмету багажа. С независимым видом проф. Эйнштейн и лорд Карстерс уселись друг напротив друга, закрылись очень французскими газетами и старательно делали вид, будто читают, пока поезд медленно не тронулся и вокзал не остался позади.

Под стук колес утекали часы и мили, но никакой угрозы для жизни спутников не возникало, кроме, разве что, скуки, — ни среди пышных виноградников французской провинции, ни среди вздымающихся к небу гор Швейцарии. Но только лишь когда за окном поплыли холмы северной Италии, исследователи, наконец, позволили себе расслабиться, уверовав в то, что сорвали все попытки поклонников Бога Кальмара выследить их.

Сделав пересадку в Милане, Эйнштейн с Карстерсом решили, что можно уже оставить опереточные наряды, и купили обычные билеты первого класса на «Итальянский центральный» — внутренний экспресс, который доставит их прямо в Рим, почти к самому порогу их конечной цели.

Ощущая прилив бодрости от того, что они в своей собственной, а не маскарадной, одежде, Эйнштейн с Карстерсом откинулись на спинки роскошных бархатных сидений отдельного купе и закурили сигары. Почти сразу же явился стюард, чтобы выслушать их пожелания относительно ленча. Отощавшие исследователи буквально умирали от голода после вынужденной диеты под названием «французская кухня», так что сделанные ими из обширного меню заказы были продиктованы аппетитом, который испытывает человек, занимающийся тяжелым физическим трудом. «Итальянский центральный» справедливо славился как скоростью своих 408-тактных паровых машин, так и тем, что многочисленный обслуживающий персонал обеспечивал пассажиров шестиразовым дневным питанием да еще мог накормить и проголодавшегося полуночника. Когда служащий удалился, исследователи заперли дверь и вернулись к своим сигарам.

— Осмелюсь предположить, что нам больше незачем опасаться каких-либо козней со стороны этих проклятых кальмаропоклонников, — потягивая дым, удовлетворенно произнес проф. Эйнштейн. — Ваша идея взять билеты на разные поезда была великолепной. Просто роскошной.

Прежде чем ответить, лорд Карстерс выпустил из носа струйку голубого дыма, смакуя удовольствие, в котором он долго себе отказывал. *Ах, как хорошо!*

— Старый охотничий прием, — сказал лорд скромно. — Я усвоил его от отца, сэра Рэндольфа Карстерса III, когда был еще совсем мальчишкой. Но наш план смог сработать, в первую очередь, благодаря тем отличным костюмам. Где вы их вообще раздобыли?

— Должен вам сказать, этими театральными костюмами нас снабдила моя племянница Мэри, — застенчиво признался Эйнштейн. — Ей представилось, что нам, возможно, понадобится путешествовать скрытно. Умница.

— Как интересно.

— Вы знаете, ведь она — член гильдии актеров.

— Нет!

— Истинная правда.

Британский лорд молча запыхтел сигарой, предаваясь размышлениям. Его будущая жена — актриса? Леди, занесенные в Лондонский светский регистр, будут абсолютно шокированы! Это, конечно же, было веским доводом в пользу такого союза.

— Плутовка, — произнес Карстерс, хотя втайне он находил, что ему нравится дерзость этой женщины.

— Думаю, это наследственное, — заметил профессор, с мимолетным ощущением, что в эти секунды произошло что-то важное, но он не мог понять, что именно.

Отказавшись от новой сигары из казавшегося неистощимым запаса лорда Карстерса, проф. Эйнштейн достал из чемоданчика промасленную тряпицу. Повернув серебряную львиную голову на набалдашнике трости, профессор извлек длинный стальной клинок и принялся энергично полировать его. Когда итальянские пограничники случайно обнаружили клинок, смертоносное оружие произвело большой шум, пока исследователи не обнаружили, что эти бравые парни охотно коллекционируют портреты британской королевской семьи, и тогда шпагу вернули с многословными извинениями.

Стук в дверь заставил исследователей замереть. Но они услышали лишь знакомый голос стюарда, который доставил еду. Уже? Превосходно! Эффектным жестом закончив свой труд, Эйнштейн ловко вернул посеребренную сталь в ее эбеновые ножны. Когда клинок исчез из вида, лорд Карстерс открыл дверь и посторо-

нился, пропуская стюарда с сервировочным столиком. На застилавшей столик белой льняной салфетке куполами возвышались многочисленные сверкающие крышки, от которых поднимались самые восхитительные и соблазнительные ароматы.

— Ах, наконец-то настоящая еда, — вздохнул проф. Эйнштейн, снимая крышку с блюда и потянув ноздрями душистый пар. Двойные порции бифштекса «веллингтон», с безупречной золотисто-коричневой корочкой для полного совершенства. Ну какие препятствия не сможет преодолеть человек, имея в желудке хорошую порцию этой надежной еды? Спаржа в голландском соусе, картофель au gratin[1], и коньячный пудинг, хотя и в высшей степени съедобные, могли претендовать в лучшем случае на второе место.

Достав из жилетного кармана несколько банкнот, лорд Карстерс щедро дал стюарду на чай, и тот вышел, рассыпаясь в благодарностях и уверениях в любви к англичанам. Надежно заперев за ним дверь, Карстерс срезал карманным ножом с бутылки вина восковую печать, выбил пробку и наполнил бокалы.

— Что это? — с спросил проф. Эйнштейн, беря бутылку грушевидной формы. — «Кьянти»? Никогда не слышал.

— Правда?

— Я больше налегаю на кофе.

— Понятно. Ну, это местная марка, сухое красное вино, обладающее исключительно богатым букетом.

— Льется хорошо, — признал профессор, крутя бокал и наблюдая, как темно-красная жидкость стекает по стеклу.

Лорд Карстерс просиял от удовольствия:

— «Кьянти» — чудесный напиток. Он произведет настоящий фурор, как только доберется до Англии в достаточном количестве.

Профессор осторожно пригубил, и по лицу его было видно, что он приятно удивлен. Черт побери, совсем недурно!

— А нельзя ли как-нибудь провезти немного домой? — с надеждой спросил он.

— Профессор! Что я слышу! — тоном оскорбленного благородства ответил лорд Карстерс, тут же улыбнувшись. — Десять ящиков ждут нас на обратном пути в Милане, помеченные как «промышленная вакса».

---

[1] Au gratin — обжаренная в сухарях или протертом сыре.

— Браво, юноша!

Усевшись за стол и приступив к обильной трапезе, проголодавшиеся путешественники всецело предались этому занятию, и в последующие тридцать минут в купе раздавалось только позвякивание серебряных приборов о фарфор вместе с успокаивающе-монотонным перестуком вагонных колес под деревянным полом. В скором времени главное блюдо было уничтожено, и Эйнштейн с Карстерсом уже принимались за пудинг, когда из коридора послышался приглушенный вопль ужаса. Вслед за криком затрещали револьверные выстрелы.

— Бандиты? — спросил, откладывая ложку, проф. Эйнштейн.

— Мы не можем рисковать, — мрачно заявил лорд Карстерс, бросая на пол салфетку и отталкивая в сторону стол.

Выскочив из купе, спутники прислушались, пытаясь определить, в какой стороне раздались крики. Когда прозвучал еще один слабый вопль, оба тут же устремились по узкому коридору в конец поезда.

Соседний вагон оказался переполнен испуганными людьми, но не более того. Отбросив на время внешние приличия, Эйнштейн с Карстерсом бесцеремонно проталкивались сквозь нервную толпу, не обращая внимания на раздававшиеся со всех сторон разноязычные требования объяснить, что же происходит.

Исследователи открыли наружную дверь и, борясь с порывами ветра, осторожно перебрались к следующему вагону и распахнули дверь. Их глазам открылась кошмарная картина. Несколько фигур в капюшонах вонзали ножи в вопящих пассажиров, а на залитом кровью полу уже распростерлось десятка два безжизненных тел. Обернувшись на звук открывшейся двери, один из убийц внезапно замер, а затем, завидев британских исследователей, взвыл что-то неразборчивое.

— Это они! — добавил другой убийца на просторечном английском. — Хвала Великому!

С этими словами поклонник Бога Кальмара оттолкнул в сторону убитую женщину и поднял смертоносный револьвер «ЛеМа». Лорд Карстерс молниеносным движением выдернул из оказавшейся рядом ниши пожарное ведро с песком и со всей своей огромной силой швырнул его в сторону врага. Импровизированный снаряд еще летел через вагон, когда проф. Эйнштейн выхватил свой «Адамс» и выстрелил.

Удар пули отбросил убийцу с револьвером в сторону, и тяжелое ведро пролетело дальше, встретив на своем пути двух типов в балахонах; дальше летели уже эти двое, и полет их закончился за дверью в конце вагона, которую они разнесли в щепки. Ворвавшийся ветер донес пару очень коротких вскриков, когда поклонники Бога Кальмара кувыркнулись на рельсы и имели неприятное рандеву с колесами.

Задетый лишь в плечо, первый бандит попытался встать, но издал страшный булькающий звук и замертво повалился на грязный пол.

Ничего не понимающий Карстерс уставился на профессора, а тем временем мимо них пробегали немногие оставшиеся в живых пассажиры, спеша перебраться в более безопасный вагон.

— Отравленные пули, — объяснил проф. Эйнштейн, помахивая «Адамсом». — Смазаны ядом южноамериканской лягушки «Золотая стрела» — самой смертельной отравой из известных современной науке.

В этот самый момент через разбитую дверь в дальнем конце вагона ворвался облаченный в балахон убийца, вооруженный топориком. Лорд Карстерс без колебаний откинул полу твидового сюртука и, выхватив массивный револьвер, нажал на спуск. От оглушительного грохота этого оружия у профессора чуть не лопнули барабанные перепонки, поклонник же Бога Кальмара, лишившись головы, рухнул в пустующее кресло, мгновенно сделавшись ничуть не более опасным, чем его покойные предшественники.

— «Веблей-455», штатное оружие, Королевские сухопутные войска, — доложил Карстерс, поводя стволом армейского револьвера, чтобы развеять дым, вытекавший из зияющего отверстия. — Для него яд был бы излишеством.

— Совершенно с вами согласен, юноша, — признал профессор с восхищением специалиста.

Сквозь свист холодного ветра со стороны служебного вагона донесся крик боли, и исследователи бросились туда. Перепрыгнув с одной грохочущей площадки на другую, они, с оружием наготове, пинком распахнули дверь в служебный вагон. Но служебный вагон больше походил на бойню; на залитом кровью полу лежали расчлененные тела сменного машиниста, поваров и стюардов, аккуратно выложенные в виде жуткой пентаграммы. Живых в этом тошнотворном аду не было, если не считать двух

десятков плащеносцев, которые радостно бросились в атаку, издавая свои непонятные вопли.

Сделав залп из револьверов, Эйнштейн с Карстерсом отступили на площадку пассажирского вагона. Покуда лорд Карстерс с помощью своего громыхающего «Веблея» сдерживал поклонников Бога Кальмара, профессор лег на пол, чтобы разъединить сцепку, соединявшую вагоны.

Внезапно служебный вагон начал отставать. Один из кальмаропоклонников попытался перемахнуть через расширяющийся разрыв и потерпел полное фиаско с самыми неприятными последствиями. Тут же появилось еще несколько фанатиков с арбалетами в руках и принялись стрелять. Первые стрелы улетели в «молоко», но следующая вонзилась в деревянную обшивку совсем рядом с двумя исследователями.

Приняв стойку, как в тире, проф. Эйнштейн стал палить из револьвера в отдаляющихся врагов, в то время как лорд Карстерс быстро перезаряжал свой. Каждый, в кого попадал профессор, сколь бы незначительным или вовсе пустяковым ни было ранение, дергался раз, падал и тут же затихал.

Затем принялся стрелять Карстерс, и грохочущий «Веблей» заставил маньяков в балахонах броситься в укрытие: с этим оружием им все было понятно.

— Проклятые трусы, — фыркнул лорд, стоя в полный рост. К тому времени служебный вагон уже далеко отстал, выйдя за пределы досягаемости арбалетных стрел, и рослый исследователь презрительно повернулся к этим бешеным псам спиной. И тут же в шоке оцепенел.

— Профессор, сзади! — крикнул Карстерс, когда из ватерклозета выскочила фигура в капюшоне.

Так как напарник находился на одной линии с убийцей, лорд не рискнул выстрелить сразу, но Эйнштейн быстро пригнулся, и оба пальнули одновременно. Поклонник Бога Кальмара грохнулся на пол в ярде от своей обуви, с уже скрючивающимися в агонии пальцами ног.

— Это была нечестная игра, разве нет? — проворчал лорд Карстерс с презрением.

— Совершенно верно, юноша. Но я нахожу все это чересчур уж легким, — заметил проф. Эйнштейн, удаляя из револьвера единственную пустую гильзу. — На самом деле я ожидал большего.

— Согласен, — сказал лорд Карстерс, со щелчком выдвигая тяжелый барабан «Веблея» для перезарядки. — Наверно, в прошлый раз мы убили вожака.

— Сомневаюсь, юноша, — отозвался Эйнштейн, доставая из кармана пиджака пергаминовый конверт. В нем лежала единственная пуля 32-го калибра, свинцовый наконечник которой был покрыт маслянистым желтым веществом.

— А как из лягушек выдаивают яд? — полюбопытствовал лорд Карстерс, набивая барабан патронами 455-го калибра.

— Щекоча их гусиным пером прямо за...

Лекцию прервал дождь осколков выбитого стекла, и слева через окно влетела женская фигура в балахоне. Бросив револьвер, лорд Карстерс перехватил убийцу прямо в воздухе и придал ей ускорение. С грациозностью циркачки на трапеции удивленная убийца продолжила полет через вагон, вышибла окно с правой стороны и исчезла в проносящемся мимо лесу.

— Отлично сработано, юноша, — похвалил профессор, ставя с аккуратным щелчком барабан револьвера на место.

— Спасибо, — поблагодарил лорд Карстерс, поднимая с пола собственный револьвер. А затем нахмурился. — Сэр, мне только что пришла в голову довольно скверная мысль. Что если это неуклюжее покушение — лишь отвлекающий маневр с целью сковать нас, в то время как настоящее нападение произойдет в другом месте?

— Конечно! Мост через реку По! — воскликнул Эйнштейн, хлопнув себя по лбу. — Живее, юноша, к паровозу!

Исследователи со всех ног помчалась обратно к среднему вагону, лишь на секунду задержавшись у своего купе, чтобы лорд Карстерс прихватил свой дорожный чемодан. Добравшись до головного вагона, Эйнштейн с Карстерсом с ходу затолкали истеричного кондуктора в клозет, чтобы не путался под ногами, а затем выбрались на небольшую платформу. Вагонов впереди больше не было. Прямо перед ними находился проклепанный стальной борт тендера с углем.

Видя, что обрез тендера находится слишком высоко, чтобы достать в прыжке, мужчины разделились: каждый со своей стороны, они ступили на узкие мостки, тянувшиеся по обе стороны угольного контейнера и, держась за гладкие железные поручни, стали медленно, дюйм за дюймом, продвигаться вперед. Опора была ненадежной, но добраться до локомотива они могли только

этим путем. Ветер яростно трепал их одежду, больно хлеща по лицу; земля проносилась у них под ногами сплошной серой лентой, о которой они отчаянно старались не думать, так как уже видели, что бывает, когда падаешь с поезда.

Дюймы мало-помалу сделались футами, затем ярдами, и, наконец, они достигли конца мостков. Остановившись, чтобы достать оружие, исследователи рывком перемахнули за углы тендера и шагнули в кабину паровоза, готовые ко всему! Машинист с кочегаром вскрикнули от испуга при неожиданном появлении вооруженных англичан. Но итальянцы оказались одни и без оружия.

Пока проф. Эйнштейн говорил с трясущимися железнодорожниками на их диалекте итальянского, лорд Карстерс выглянул из кабины, чтобы посмотреть, что там впереди. Он по-прежнему чувствовал, что дело еще не закончено и продолжение последует.

Щурясь и напрягая слезящиеся от ветра глаза, лорд с трудом разглядел быстро приближающуюся Апеннинскую переправу с деревянной эстакадой моста через реку По. Он начал было успокаиваться, но вдруг заметил что-то сбоку, в средней части эстакады. О черт.

— Профессор! — крикнул через плечо лорд Карстерс, показывая вперед. —Взгляните-ка вон туда! Посередине пролета!

Мигом присоединившись к другу, Эйнштейн ладонью прикрыл глаза от ветра, а затем выругался на четырех языках, заметив ползущие по одной из опор фигуры в балахонах.

— Бомбу закладывают! — крикнул он, перекрывая свист ветра. — Надо остановить поезд!

Лорд Карстерс покачал растрепанной ветром головой.

— Слишком быстро! Не успеем остановиться!

— Что же делать?

— Гнать вперед!

Выйдя из воздушного потока, лорд откинул крышку дорожного чемодана и вытащил тяжелый деревянный приклад. С уверенностью движений, достойной дворцового хирурга, он ловко присоединил к прикладу длинный стальной ствол, затем приделал ударно-спусковой механизм. Проф. Эйнштейн в ошеломленном удивлении наблюдал за тем, как его друг всего за несколько секунд собрал слоновое ружье «Нитро-экспресс-75» фирмы «Холланд&Холланд».

— Но вам же ни за что не попасть, юноша! — воскликнул профессор. — Поезд трясет, и поправку на ветер не рассчитать!

С упрямой решимостью лорд Карстерс вставил восьмидюймовой длины патрон и взвел курок. Не отвечая профессору, британский лорд высунулся из окна, прищурился, прицелился и нажал на спуск. Раздался громовой грохот, заглушивший на мгновение пронзительный ветер, но больше ничего, казалось, не произошло.

* * *

— Так, теперь дай-ка мне... А-а! — вскрикнул поклонник Бога Кальмара, и его грудь будто взорвалась. Он слетел с опоры словно марионетка, которую дернули за невидимые ниточки.

— Клянусь Великим Кальмаром! — охнул высокий мужчина в капюшоне, когда тело его напарника исчезло в туманной бездне, а через долю секунды издали донесся раскат искусственного грома.

Еще один, коротышка, поспешно взглянул на приближающийся поезд, который вместо того, чтобы, как положено по инструкции, замедлить ход перед переправой, казалось, напротив, увеличил скорость.

— Поджигай фитиль! — заорал он.

Мрачно кивнув, высокий чиркнул спичкой, и в тот же миг из его груди во все стороны хлынула кровь. Тут же, когда вопящий верзила уже летел вниз, донесся новый громовой раскат.

В полном отчаянии последний поклонник Бога Кальмара пристегнул динамитную бомбу к животу и чиркнул спичкой. Когда ветер задул пламя, раздался громкий треск и часть деревянной конструкции разлетелась в щепки под еще один раскат грома. Взывая о божественной помощи, поклонник Бога Кальмара сделал еще одну попытку. Вторая спичка вспыхнула и погасла, а рядом с ним дезинтегрировалась еще одна распорка.

— Защити меня, Могучий! — взмолился он и, выгребя из коробка все спички, чиркнул о коробок сразу всеми. Спички вспыхнули, словно миниатюрный вулкан, ветер отклонил пламя, но не задул его. *Да!* Коснувшись потрескивающим огнем

фитиля, коротышка в экстазе застонал, когда зашипел оживший пороховой шнур.

Есть! Торжествуя победу, кальмаропоклонник вскинул сжатый кулак, грозя стремительно приближающемуся поезду. В этот самый момент треснула деревянная опора у него за спиной, и почти сразу последовал ожидаемый грохот.

«Не очень хороший выстрел, — самодовольно подумал убийца. — *Те первые два, должно быть, были чистым везением».*

Но он был вынужден резко изменить свое мнение, когда освободившаяся секция эстакады начала изгибаться, отваливаясь от моста. Убийца мог лишь повиснуть, цепляясь за деревянную обрешетку, когда та окончательно обломилась и рухнула вниз. Последние его мысли в отношении как своего темного повелителя, так и доказанной теперь меткости невидимого стрелка были не слишком лестными.

* * *

Двигаясь вдвое быстрее рекомендуемой скорости и продолжая набирать ход, поезд находился на середине ослабленного моста, когда сдетонировала падающая бомба. Сила мощного взрыва сотрясла эстакаду, и «Итальянский центральный» опасно закачался, но продолжал стремительно мчаться вперед.

Под протестующий треск и стенания опор моста римский машинист резко опустил к полу рычаг дросселя, и 408-тактная паровая машина передала колесам новый мощный импульс. От этого рывка сильнее посыпались опоры и подкосы поврежденной секции, и мост начал угрожающе раскачиваться.

Эйнштейн с Карстерсом отложили оружие и, присоединившись к тяжело дышащему кочегару, принялись голыми руками бросать уголь в топку. Манометры уже зашкаливало, но поезд продолжал с визгом нестись по проседающему мосту.

Разрушение распространялось теперь по всей эстакаде, словно какая-то страшная болезнь, балки и опоры падали в нарастающем обвале под треск расщепляемой древесины.

Уже выгибались рельсы, мост пошел зигзагом, и, казалось, весь мир вокруг паровоза заходил ходуном; машинист принялся молиться, а кочегар изрыгал проклятия. Один из манометров раз-

летелся вдребезги, треснула труба, выпуская драгоценный пар, скорость упала, но тут воющий паровоз вдруг пошел ровно, вырвавшись с моста на твердую землю! Теперь локомотив снова набрал скорость и вытаскивал вагоны на безопасное место, словно рыбу на леске.

Но в ту же секунду, как последний вагон «Итальянского центрального» преодолел зияющую пропасть, на другом конце моста появился отцепленный служебный вагон. Над ним был натянут грубый парус, состряпанный из шпаг и балахонов, и когда вагон вкатился на мост, орава голых поклонников Бога Кальмара, в горячей погоне за спасающимся бегством врагом, испустила торжествующий вопль. И именно в этот момент вся деревянная конструкция издала последний оглушительный стон и рухнула.

Переворачиваясь в воздухе на бок, набитый ошарашенными кальмаропоклонниками служебный вагон присоединился к лавине из опор и балок, сошедшей в каменистое русло реки По. Если поклонники Бога Кальмара в этот момент и вопили, их невозможно было расслышать из-за оглушительного грохота. Через какие-то мгновения берега широкой речной долины соединяли одни лишь раскачивающиеся рельсы и шпалы железнодорожного полотна, но и они тоже очень скоро разорвались и упали в реку.

Машинист на радостях дал победный гудок, а до предела измученный кочегар, который смог, наконец, разогнуться, закурил; изрядно вспотевшие пассажиры поезда перестали молиться и праздновали свое спасение.

— Великолепная стрельба, юноша, — выдохнул проф. Эйнштейн, вытирая с мокрого лба угольную пыль. — Да еще в движении. Где вы, черт подери, научились этому?

— На сафари, — спокойно ответил лорд Карстерс, разбирая грязными пальцами драгоценную винтовку. — Я часто охотился на львов, разъезжая на слоне. А льва надо бить в глаз, иначе испортишь трофей. Тут все дело в координации, сэр.

— Хорошо, что эстакада была деревянная, — заметил профессор, решив не оглашать свое мнение об охоте как о виде отдыха. Ведь его личные взгляды настолько отстали от времени. — Вероятно, это было временное сооружение, на тот период, пока не будет восстановлен старый каменный мост, уничтоженный в ходе...

— Событий, — перебил машинист, вытирая грязной ветошью расплывшееся в улыбке лицо.

Исповедующий терпимость профессор поглядел на превосходящего его по возрасту итальянца и вздохнул:

— Да-да, как скажете... Хотя, смею предположить, — мрачно продолжил он, — теперь-то уж они поставят нормальный мост.

— С другой стороны, мне чертовски хочется узнать, как эти кальмарники нашли нас, — сказал лорд Карстерс, затягивая ремень на дорожном чемодане. — Мы же сделали все возможное, только что невидимками не стали!

— Совершенно верно, юноша, это и впрямь загадка. — Проф. Эйнштейн задумчиво поиграл брелоком часов — счастливым акульим зубом. Приносящий удачу талисман что-то давал перебои в последнее время. — Либо поклонники Бога Кальмара идут за нами по пятам, либо, того хуже, вычислили нашу конечную цель. Я могу лишь молиться, чтобы мы не опоздали.

Профессор повернулся к собеседнику и горячо произнес:

— Лорд Карстерс, мы должны как можно быстрее попасть в Ватикан!

6

— Ну, вот мы и в Ватикане! — объявил проф. Эйнштейн, когда их коляска свернула за угол.

Розовый рассвет начинал окрашивать шпили десятков соборов, возвышающиеся над великим городом Римом. Размеренно звонили колокола бесчисленных церквей, и их резкие голоса сливались в единую песнь радости.

— И добрались, к тому же, чертовски быстро, — заметил лорд Карстерс, — если учесть время, потраченное на выплаты железной дороге и таможне за пропуск всего нашего оружия.

Сидя на заднем сиденье открытого кэба, лорд все время держал руку на шляпе, так как извозчик нещадно нахлестывал упряжку лошадей, гоня во весь опор. В Италии, если пассажиры просили ехать чуть быстрее, то получали именно это! Люди на тротуаре и в боковых улочках сливались в одно смазанное пятно; дважды коляска пролетала прямо через тележки с фруктами, и

профессор с Карстерсом бросали через плечо горсть лир, расплачиваясь за остающееся у них в кильватере разрушение.

— Деньги — вот язык, на котором говорит весь мир, юноша, - - изрек проф. Эйнштейн, качнувшись из стороны в сторону, когда лошади обогнули кирпичный фруктовый ларек, слишком прочный, чтобы проехать сквозь него.

— Точно! — отозвался лорд со смешком. Но затем нахмурился, когда извозчик начал придерживать лошадей. Проклятье!

Оставив багаж в небольшом отеле, двое исследователей направились прямиком в Ватикан. Нанятая ими коляска резво катила по узким улочкам и переулкам Рима, довольно скоро приблизившись к конечной цели. Но когда Ватикан уже стал виден, сгущающиеся толпы народа замедлили их продвижение до черепашьего шага. Из-за этой задержки проф. Эйнштейн весь кипел и ругался вполголоса. Как всегда дипломатичный, лорд Карстерс наклонился вперед и заговорил с извозчиком, крепким круглолицым мужчиной в старой красной рубахе, к которому они сели, главным образом, потому, что он достаточно хорошо владел английским.

— Scusi, signore[1], — обратился к нему лорд Карстерс, легонько постучав по плечу. — Сегодня что, какой-то религиозный праздник, о котором я не знаю?

Сдвинув потрепанную кепку, извозчик наморщил лоб.

— Нет, *signore*. А почему вы спросить?

Лорд Карстерс показал на мельтешащую толпу.

— Просто я не помню, чтобы Святой город бывал настолько переполнен народом.

— А, вы иметь в виду паломники, — улыбнулся извозчик, демонстрируя до странного идеальные зубы. — Да. Это есть плохая погода, что они приехать. Моря бурные, рыба не ловить, а урожаи совсем плохо. Некоторые винить поворачивающаяся луна. Pazzesco[2]! Странный события пугать людей. И они приезжать молиться.

— Понятно, — отозвался Карстерс, снова откидываясь на спинку сиденья. — *Grazie*, спасибо.

Кучер на универсальном языке всех кэбменов красноречиво пожал плечами.

---

[1] Scusi, signore — извините, синьор (*итал.*).

[2] Pazzesco — сумасшедшие (*итал.*).

— Siete benevenuti[1], — спокойно сказал он.

Испытывая зуд нетерпения, исследователи все же заставили себя остаться в коляске, ибо идя пешком они добрались бы до Ватикана ничуть не быстрее. Здесь, уже совсем рядом со Святым городом, толпа представляла собой сплошную массу, движущуюся волнами и завихрениями, словно какое-то немыслимое Человеческое море. И буквально все молились. Скоро стало трудно что-либо расслышать на фоне непрерывного бормотания и сливающегося в один звук пощелкивания четок. Но извозчик мало-помалу, почти незаметно для глаз, направлял лошадей, прокладывая дорогу сквозь мельтешащую толпу, и, в конце концов, коляска замерла у тротуара, а по другую сторону улицы начинался знаменитый город в городе.

Засидевшийся на месте проф. Эйнштейн энергично выпрыгнул на мостовую еще до того, как коляска полностью остановилась. Размахивая руками, профессор нетерпеливо притопывал ногой, дожидаясь лорда Карстерса, который расплатился с извозчиком, пожелав на прощанье дружелюбному итальянцу хорошего дня. Довольно насвистывая, кэбмен отъехал вовсе уж медленно, и следующие его пассажиры шагнули в коляску, не трудясь дождаться ее остановки.

Поворачиваясь к Ватикану, Эйнштейн с Карстерсом лишь мельком взглянули на всемирно известную колоннаду, протянувшуюся на три четверти периметра площади Святого Петра — четыре ряда мраморных дорических колонн, поддерживающих вознесенную на примерно десятиярдовую высоту галерею, по обе стороны которой стояли статуи многочисленных знаменитостей и святых в натуральную величину. Они уже все это видели, да, к тому же, при лучших обстоятельствах.

Собравшись с духом, исследователи начали протискиваться сквозь толпу, заполонившую улицу. Добравшись до колоннады, они сделали привал возле одной из колонн, наслаждаясь замечательно прохладной тенью, предлагавшей миг передышки после все еще жаркого итальянского солнца. С этого расстояния Эйнштейн с Карстерсом хорошо видели выстроившиеся по периметру сотни швейцарских гвардейцев — в великолепии мундиров, надраенных стальных нагрудников, малиновых плюмажей и горящих на солнце стальных шлемов; полосатые панталоны

[1] Siete benevenuti — пожалуйста (итал.).

были заправлены в подобранные в тон ботфорты. Острые как бритва алебарды рослые гвардейцы держали по стойке «смирно», и у каждого на бедре висела шпага с кистями на темляке. Но, несмотря на пестрый наряд, это был не какой-то там потешный караул: гвардейцы внимательно и пристально вглядывались в толпу жестким взглядом профессиональных солдат. Толпы народа не обращали на швейцарских гвардейцев никакого внимания, если только не требовалось спросить дорогу или уточнить что-либо из истории.

С ловкостью, присущей бывалым покорителям джунглей, проф. Эйнштейн и лорд Карстерс снова нырнули в бурлящую толпу и с помощью локтей и бедер продолжили продвижение вперед. Добравшись до середины площади, они оказались в окружении священников, братьев, монахов и монахинь всех, какие только ни есть, орденов. Все эти люди шли спокойно и неторопливо, да и вообще, казалось, в этом месте царила какая-то умиротворенность. Словно пребывая в неком собственном мире, клирики казались невосприимчивыми к настроениям суетной толпы, и мраморная площадь была спокойнее вымощенных булыжником улиц Рима; шум и гам, обычно ожидаемые от столь большого скопления людей, в основном отсутствовали. Снова стало слышно, как на деревьях поют случайно залетевшие сюда птицы, а воздух был наполнен запахом сладкого ладана и ключевой воды.

Не сговариваясь, двое исследователей на миг остановились. Открывавшееся их взорам зрелище пробуждало чувства удивления и благоговения. В самом центре площади эффектно возвышалась к небу игла египетского обелиска, ярдов двадцати пяти в высоту, а по обе стороны от нее били фонтаны. Центральное место в ансамбле площади занимал собор Святого Петра, величественный даже в своем нынешнем разрушенном состоянии. Паутина лесов опутывала спроектированные Микеланжело Буонаротти гигантские мраморные колонны, могучие каменные башни, поддерживающие знаменитый балкон, и купол. Везде можно было видеть десятки обливающихся потом рабочих и мастеров; они таскали бревна, клали кирпич, красили и выполняли тончайшую резьбу по камню.

Здесь почти физически осязаемо чувствовались минувшие века, твердо напоминая, что это — одна из важнейших и неизменных по значению точек мировой истории. Это место было святым для всех ныне живущих археологов и историков, хотя

совсем по иным причинам, чем для католиков. Приложив изрядное волевое усилие, англичане, наконец, двинулись дальше.

— Итак, профессор, — сказал лорд Карстерс, шагая помедленней и стараясь приноровиться к не столь широкому шагу своего спутника, — где же находится та табличка?

Оглянувшись кругом, Эйнштейн указал на заполненную народом лестницу рядом с великолепной церковью, воспарившие шпили которой устремлялись к звездам.

— Справа, как раз за Папским почтамтом, — вход в Сикстинскую капеллу с первого этажа. Поднимитесь по винтовой лестнице и, следуя указателям, найдите библиотеку. Я буду ждать вас на улице, в кофейне, мимо которой мы проходили.

Глянув себе под ноги, Карстерс выгнул бровь.

— Разве вы не пойдете со мной, профессор?

— М-м, нет, — промямлил профессор, — думаю не пойду, юноша. Может быть, в следующий раз.

— Но почему? — озадаченно спросил лорд Карстерс. — Раз время крайне важно, то присутствие ученого с вашим именем наверняка бесконечно упростило бы дело.

Затоптавшись на месте, проф. Эйнштейн изобразил улыбку.

— Ну, в любой другой ситуации — да. Но мы тут с папой как-то раз чуточку повздорили.

— Повздорили с папой? — нахмурился Карстерс. — А можно спросить, из-за чего?

Подняв взгляд к небу в поисках божественного вдохновения, профессор деликатно откашлялся. Потом кашлянул еще.

— Из-за таблички? — мудро догадался Карстерс.

Эйнштейн в притворном смущении кивнул:

— Мне отказали в доступе к дутарианскому камню, и поэтому я, ну... позаимствовал его.

— Позаимствовали? И когда же именно это произошло, сэр? — осведомился лорд Карстерс, и скрытый смысл его вопроса становился пугающе ясным.

— О, примерно в три утра.

— Вы ограбили Ватикан? — ошеломленно вскричал Карстерс, тут же, впрочем, понизив голос, потому что из толпы стали оборачиваться на его возглас. — Н-но это же непростительно, сэр!

— Ну, папа определенно думал именно так, — устало согласился проф. Эйнштейн.

Мимо пробежала какая-то женщина с младенцем на руках, заставив собеседников на мгновение расступиться. Как только она промчалась, они снова сошлись вплотную.

— Итак, вас поймали? — строго вопросил лорд Карстерс.

— Меня? Ха! Разумеется, нет, — презрительно фыркнул профессор, а затем добавил: — Хотя, оглядываясь назад, похоже, именно это их больше всего и обидело.

Ощущая легкую дурноту, лорд Карстерс бессильно опустился на скамейку у фонтана. Схватившийся обеими руками за голову великан выглядел молящимся, и несколько спешащих мимо священников кратко благословили его на ходу.

— Но вы вернули камень? — с надеждой спросил Карстерс из-под ладоней.

— Конечно, юноша! — заверил проф. Эйнштейн, усаживаясь рядом с другом. Он похлопал лорда по плечу. — Да я даже передал им великолепную копию надписи с моего амстердамского браслета. Но по какой-то причине меня здесь по-прежнему считают персоной нон грата.

Раздвинув пальцы, лорд Карстерс взглянул на усмехающегося профессора. Великан сейчас чувствовал запах отнюдь не лазаньи, а махрового лондонского надувательства.

— И почему бы это? — негромко пророкотал лорд.

— Ну, я взял с них скромную плату за почтовую пересылку и доставку, — застенчиво признался Эйнштейн.

— Профессор!

— В то время это казалось вполне уместным, — беспокойно заерзал на скамье проф. Эйнштейн.

Массировавший виски Карстерс тихо застонал от боли.

— Ах, да, юноша, и еще вам бы лучше отдать мне револьвер, — добавил Эйнштейн, протягивая Карстерсу носовой платок.

Устало насторожившись, лорд Карстерс хмуро посмотрел на ткань.

— Боже милостивый, зачем? Уж не собираетесь ли вы воспользоваться им, чтобы похитить кусочек от Врат Святого Петра или что-то в этом роде?

Небрежным жестом профессор отмел подобное предположение.

— Вздор и чепуха, у меня уже есть кусок. Нет, причина в том, что швейцарская гвардия славится полным отсутствием чув-

ства юмора, когда имеет дело с иностранцами, разгуливающими с оружием где-либо поблизости от папской резиденции.

— Логично, — признал Карстерс, сунув руку во внутренний карман пальто. — Да будет так. — Завернув массивный револьвер в льняной платок, он передал «Веблей» профессору.

Эйнштейн засунул громадную «пушку» во внутренний карман собственного пальто, затем порылся в карманах жилета и извлек коробочку для ювелирных изделий.

— На всякий случай; если возникнут какие-нибудь затруднения с допуском в оккультный сектор, — сказал он, протягивая ее, — предложите им вот это.

Словно бомбу из рук немецкого революционера-фанатика, лорд Карстерс принял коробочку, осмотрел ее, а затем со щелчком открыл крышку. Несколько мгновений он недоуменно разглядывал содержимое, потом внезапная догадка озарила его лицо, а взгляд выразил священный трепет.

— Нет. Это ведь не... этого не может быть! — вымолвил Карстерс, с трудом подбирая слова. — Нет. Это невозможно!

— Насколько мне известно, это подлинная вещь, — вздохнул проф. Эйнштейн, потянувшись было за коробочкой, а затем медленно опуская руку. — Поэтому не расставайтесь с ней без особой нужды, юноша. Воспользуйтесь ею только как последним средством добраться до таблички!

— Безусловно, профессор, — пробормотал Карстерс, благоговейно закрывая коробочку и убирая ее глубоко во внутренний карман. — Хотя с формальной точки зрения, полагаю, она тоже принадлежит им.

— Вздор, юноша, — фыркнул Эйнштейн. — Кто нашел, тот и владелец — вот мой девиз.

Как раз в этот момент в кружащейся подобно водовороту толпе открылся широкий проход, ведущий прямо ко входу в Ватиканский дворец.

— Это вам знак, юноша, — махнул рукой вперед Эйнштейн. — Удачи вам, и ни в коем случае не теряйте остроты ума.

— Обязательно, — откликнулся, расправив могучие плечи, лорд Карстерс. Встав со скамьи, франтовато одетый лорд зашагал прочь; он снова достал крошечную коробочку, крепко сжав ее в покрытом шрамами кулаке, а в это время площадь вновь заполнялась народом.

Понаблюдав за тем, как голова высокого лорда движется над толпой — словно плывущий по морю кокосовый орех, — профессор бросил нервный взгляд на папское жилище и со всей возможной быстротой поспешил к ближайшему выходу. Папа славился многим, но его безграничный гнев по отношению к удачливым ворам входил в первую десятку.

Проф. Эйнштейн покинул площадь и, ужом проскользнув сквозь толпу, выбрался к расположенной поблизости пьяцце[1] и приятному итальянскому изобретению — ресторану на открытом воздухе. Заняв место, чтобы видеть Ватикан, профессор заказал красивому официанту капуччино и приготовился ждать возвращения Карстерса.

Время под теплым средиземноморским солнцем текло медленно. Двумя чашками крепкого кофе и тарелкой обсыпанных сахарной пудрой цеппол позже, начиная уже ощущать признаки изжоги, Эйнштейн все еще ждал известий от лорда Карстерса. Праздно забавляясь, профессор скормил одной из бесчисленных римских кошек кусочек своего пирожного. Этих созданий привез из Египта сам Юлий Цезарь, и уже в пятом веке историки отметили большое число разгуливающих по городу шерстистых зверьков. Граждане Рима шутливо называли их «маленькими королями» и позволяли «царствовать», как им вздумается.

Ловким отработанным движением официант убрал со стола меню ленча и заменил обеденным. Эйнштейн едва начал его просматривать, как появился другой официант, неся новую чашку кофе.

— Английский джентльмен всем доволен? — вежливо спросил официант, ставя на клетчатую скатерть крошечную чашечку и блюдце.

— Вполне. Капуччино замечательный, — похвалил проф. Эйнштейн, делая новый глоток. — Не понимаю, почему мы не можем завести это дома.

— Для этого необходимо купить специальную машину для варки кофе, — любезно объяснил официант, вытирая руки о белый передник, завязанный на талии.

— Интересно. И, конечно же, эти машины не продаются?

— Экскьюза, нет, синьор.

Расслабившись в кресле, профессор задумчиво улыбнулся.

---

[1] Пьяцца — тоже площадь, только поменьше (*итал.*).

— Понимаю. Хитроумный способ гарантировать, что клиенты непременно вернутся еще. Вы, случайно, не англичанин?

— Чистокровный сицилиец, — улыбнулся официант, безупречно произнося последнее слово. — Да, тут еще одно дело, сэр.

Облизывая липкие губы, Эйнштейн опустил осушенную чашку. Как странно. Английский язык официанта улучшился до невероятности.

— Да?

— Дама за восьмым столиком желает выразить свою благодарность, — сказал официант, сделав жест рукой с перекинутым через нее полотенцем.

Подняв бровь, проф. Эйнштейн глянул в сторону названной женщины. Войдя в ресторан, он действительно обратил на нее внимание, отметив поразительную красоту ее лица, которую не могла скрыть даже черная кружевная вуаль. Стиль ее одежды, так же как и спокойное изящество движений, выдавали в ней англичанку. Но, насколько мог судить профессор, она ни разу не взглянула в его сторону.

— Свою благодарность? — с любопытством повторил Эйнштейн. — За что?

Теперь официант наклонился к нему поближе и прошептал:

— Ну как же, за то, что вы так быстро выпили свой приправленный кое-чем кофе, профессор Феликс Таддеус Дэвид Эйнштейн из Международного Британского музея.

В порыве ярости профессор попытался встать, но у него закружилась голова. Нашаривая в кармане револьвер, Эйнштейн обнаружил, что его пальцы онемели и сделались бесполезными, как деревяшки. *Боже правый, да ведь его одурманили! Опоили как матроса в портовом кабаке!* Профессор в отчаянии открыл рот, чтобы громко позвать на помощь, но официант тут же засунул туда теплую цепполу.

Стараясь побыстрее прожевать это препятствие, Эйнштейн почувствовал, как пьяцца безумно закружилась, и услышал доносящийся откуда-то издали звон колоколов. Колокола? Нет, это кровь стучала у него в висках.

Когда теряющий сознание профессор повалился на стол, его последние мысли были об этой засахаренной цепполе и о собственной неминуемой гибели.

7

Медленно проходя одну за другой стадии горячечного бреда, Феликс Эйнштейн постепенно очнулся, чувствуя себя просто ужасно. Стук в висках был громче, чем барабаны джунглей, а в желудке, казалось, поселился рассерженный дикобраз. Плюс к тому, во рту стоял вкус кислого сусла и олова, словно профессор пытался перепить валлийского шахтера. Бу-аа.

Попытавшись встать, Эйнштейн обнаружил, что запястья его привязаны к подлокотникам деревянного кресла, в котором он сидел. Ноги от лодыжек до колен были обмотаны веревкой. Другая веревка обвивала его торс, а еще одна притягивала к спинке кресла горло. Несмотря на серьезность своего положения, профессор невольно восхитился основательностью связывания. Тут поработал настоящий специалист. А это означало, что он и впрямь в большой беде.

Глубоко вдыхая, чтобы выровнять биение пульса, проф. Эйнштейн заставил себя внимательно осмотреть помещение. Оно было небольшим и хорошо освещенным, с обыкновенными оштукатуренными и побеленными стенами, двумя окнами и единственной дверью. Пол устилал ковер, а на окнах висели тонкие кружевные занавески. Наверное, отель или дамский будуар. К несчастью, за окном он не видел ничего, кроме безоблачно-голубого неба. *Проклятье.* Из мебели в комнате были лишь резной умывальник из красного дерева, такого же вида платяной шкаф и прекрасная кровать с балдахином и великолепно расшитым стеганым одеялом превосходного качества.

Оглядывая комнату в поиске вариантов побега (этот осмотр оказался коротким и не внушающим оптимизма), Эйнштейн заметил свои личные принадлежности, лежащие на стеганом одеяле в каких-то двух ярдах от него. Среди них особенно выделялись трость-шпага, револьвер, карманный нож и огромный «Веблей» лорда Карстерса, все еще частично завернутый в льняной носовой платок, на котором красовался фамильный герб Эйнштейнов с латинским девизом: Credo qua absurdum est[1]!

Внимание его привлек скрип, и, повернув голову, он увидел, как дверь распахнулась, впустив фигуру в балахоне с капюшоном; лицо и руки вошедшего скрывали складки темной ткани.

---

[1] Credo qua absurdum est — верую, потому что абсурдно (*лат.*).

— Что, взяли меня живьем, — прорычал проф. Эйнштейн, к этому моменту чувствующий себя уже лучше, что, на самом деле, было весьма и весьма странно. Никакие известные анестетики не могли бы за столь короткое время вывестись из человеческого организма. *Здесь не без капельки магии, а?* Это могло быть не так уж далеко от истины, учитывая, с кем они боролись.

Ответом ему было молчание.

— И что теперь? — продолжал Эйнштейн. — Взятка, чтобы мы прекратили нашу экспедицию? Немного пыток? Или я заложник?

— Все это и многое другое, — ответила фигура хрипловатым женским голосом. — Но сперва поговорим.

— Необычная тактика для тупиц, — бросил как можно оскорбительней проф. Эйнштейн, несмотря на то, что его похититель, похоже, принадлежал к противоположному полу. Биологически — женщина, но уж, конечно, не леди! — Мне не о чем говорить с такими, как вы!

— Возможно, вы не понимаете, что именно мы предлагаем, — возразила она, скрестив руки под пышной грудью. — После всеочищающей кровавой бани, с удалением нежелательных, на земле воцарится мир и покой. Как же далеко могли бы продвинуться наука и искусство с исчезновением политиков и бюрократов!

— С удалением нежелательных, — повторил профессор, и слова эти вызывали такую же горечь, как послевкусие от того оглушающего наркотика. Эта фраза заставила Эйнштейна мысленно вернуться к дутарианской табличке из его музея, и он содрогнулся. — Никогда! Я ни за что не соглашусь!

— О, но вас никогда и не причисляли к ним! — воскликнула женщина, явно неверно истолковав его реакцию. — Человека с вашими знаниями и способностями? Мы безмерно восхищаемся вами. Собственно, именно поэтому... — Тут женщина буквально прикусила язык, и Эйнштейн понял, что он только что мог получить какие-то важные сведения.

— Все равно, не заинтересован, — ровным тоном заявил профессор.

Положив ладони на широкие бедра, женщина наклонила голову, словно размышляя, а затем подняла ее, явно приняв решение.

— Кроме неограниченных финансов, власти, славы и свободы заниматься своими исследованиями, — невозмутимым тоном продолжила она, — предложение включает... меня!

И, вихрем взметнув свой балахон, женщина сбросила развевающуюся накидку и бесстыдно предстала перед связанным мужчиной в той одежде, в которой он видел ее в ресторане. Только без вуали. Эйнштейн был не только профессором, но и мужчиной, и ослепительная красота женщины произвела на него сильное впечатление. Прекрасное лицо с классическими чертами; гладкая кожа без каких-либо изъянов, кроме пары ямочек на щеках; голубые как Эгейское море глаза и сочные, как у шотландской толстушки, губы.

Профессор, не веря своим глазам, наблюдал за тем, как женщина медленно приподняла подол юбки и дразняще приоткрыла приятной формы лодыжку. А затем она покачала ею!

Вот нахалка! Порядочный викторианский джентльмен, проф. Эйнштейн почувствовал, как у него пересохло во рту от столь откровенно сексуальной картины. Он п-почти в-видел *ногу*!

Отпустив подол, ее пальцы теперь медленно расстегивали пуговицы на блузке, открывая на целый дюйм роскошную ложбинку.

Отчаянно стараясь не клюнуть на приманку плоти, профессор попытался занять голову алгебраическими уравнениями и логарифмами. *Эвклид, спаси сего смертного бедолагу!*

Отбросив длинные светло-каштановые локоны за безупречное белое плечо, чувственная искусительница наклонилась поближе к обливающемуся потом мужчине.

— Я также прочла многие из запретных трудов на тему интимных отношений мужчины и женщины, — жарко промурлыкала она ему в самое ухо. — Таких, как тибетская «Книга Любви».

Тут уж Эйнштейн никак не смог помешать математическим уравнениям внезапно превратиться в геометрические расчеты из области прямых и сфер.

— Любимое мое произведение — это «Камасутра», — разоткровенничалась она, проводя по алым губам розовым кончиком языка. — Мне исключительно нравится поза номер 37.

Обливаясь потом и сдерживаясь из последних сил, профессор попытался думать о дорогой покойной матушке и уплате налогов. *Поза номер 37. Да, хороша... Почти ничуть не хуже предпочитаемой им лично — номер 52.*

— Хотя я лично предпочитаю номер 52, — похотливо хихикнула соблазнительная блудница, медленно проводя изящной рукой по виткам обматывающей бедро профессора веревки. — В моей персональной коллекции есть также десяток японских «Дневников из спальни»[1].

Он с трудом сглотнул.

— Они, знаете ли, иллюстрированные, — добавила она, толкая вперед торс и глубоко дыша, с поразительными результатами.

Внезапное натяжение его нижнего белья уведомило профессора, что, если он срочно что-нибудь не предпримет, то его предаст собственное тело. Эйнштейн был человек науки, но при этом нормальный полнокровный мужчина. В его распоряжении оставалось лишь одно оборонительное оружие, имевшее хоть какие-то шансы на успех, и это оружие требовалось немедленно пустить в ход! Закрыв глаза на прекрасное видение, проф. Эйнштейн выровнял дыхание и сделался совершенно неподвижен.

Женщина поначалу подумала, что Эйнштейн поддался ее чарам. Но так как ничего не происходило, она начала гадать, уж не прихватило ли сердце у ее далеко не молодого пленника. Приложив ухо к его груди, она услышала не только ровную работу сердца, но и какое-то слабое гудение. Ей потребовалось всего несколько мгновений, чтобы понять, что это такое. С разъяренным возгласом она отвесила пленнику оплеуху и, кипя негодованием, порывисто вышла из спальни, с грохотом захлопнув за собой дверь.

— Ну как, Иоланда? Он еще не заговорил? — спросил прислонившийся к стене коридора дюжий малый, занятый чисткой ногтей. На нем был белый наряд медика, а на полу рядом с ним стоял небольшой хирургический саквояж.

— Нет, Адольф, не заговорил, — раздраженно ответила женщина, застегивая блузку. — И по-моему, не заговорит. Этот английский дурачок стал петь «Боже, храни королеву».

— Проклятье, — пробормотал Адольф, убирая нож, которым чистил ногти. — Именно этого-то мы и боялись! Наши работодатели будут крайне раздосадованы.

— А они заплатили нам целое состояние за то, что хотят получить, — пробормотала она, поправляя накрахмаленный воротничок. — Целое состояние!

---

[1] Pillow Books (*англ.*) — записи, хранимые в спальне. (*прим. ред.*).

Адольф с надеждой поглядел на закрытую дверь.

— Тогда, полагаю, это означает, что мы должны... — он выжидающе оставил фразу незаконченной.

Поправляя растрепанные волосы, Иоланда тряхнула головой и посмотрела на брата в упор горящим ненавистью взглядом.

— Сделай это, — бросила она. — Все это. Все, до конца!

— Превосходно, — промурлыкал Адольф, подхватывая медицинский саквояж. — Хочешь посмотреть?

Подвинув кресло, Иоланда тяжело опустилась на сиденье и помассировала лодыжку.

— Я не в том настроении, чтобы развлекаться, — устало произнесла она. — Он моя первая неудача, и я по-настоящему расстроена. Но ты повеселись.

— Спасибо, непременно! — И, насвистывая веселый мотивчик, Адольф распахнул дверь и вошел в спальню.

Сидя с плотно закрытыми глазами, проф. Эйнштейн продолжал с патриотическим пылом напевать про себя, когда насвистывающий Адольф запер дверь и подтащил к пленнику рукомойник. Этот музыкальный контрапункт нарушил сосредоточенность Эйнштейна, и он украдкой взглянул, что происходит. Женщины уже не было, ее сменил высокий плотный мужчина; тонкие губы придавали его лицу жестокое выражение. Этот тип вываливал на рукомойник содержимое черного медицинского саквояжа, раскладывая набор сверкающих сталью хирургических инструментов. *Ой-е.*

Вслед за ними из саквояжа появился небольшой металлический контейнер, который был тут же изобретательно превращен в крошечную жаровню, уже наполненную докрасна раскаленными углями. Затем последовало и железо, которое надлежало калить, а вместе с ним — клещи, ножи, ножницы, инструменты для вынимания глаз и раздавливания мошонки, а также несколько уж таких невообразимых аппаратов, что от их вида по спине пожилого профессора пробежал холодок. Во время учебы в колледже Эйнштейну, на занятиях по медицине, приходилось экспериментировать на животных, но он всегда бывал достаточно вежлив, дабы сперва убедиться, что подопытный безнадежно болен. Однако, похоже, с ним обойдутся не столь любезно. *Лорд Карстерс, где же вы, черт побери?*

— Меня зовут Адольф Гундерсон, а вы — восхитительный противник, профессор, — заявил этот субъект, кладя на рас-

каленные угли обе железки. — И заслужили мое глубочайшее восхищение. Мало найдется мужчин, способных устоять против сиренной обольстительности моей сестры Иоланды.

Внося мелкие поправки в расположение стальных инструментов, Адольф подождал ответа, но его не последовало. Ладно, пусть бедняга побережет голос для воплей.

— Однако, если вы не заговорите по доброй воле, — добавил Адольф, поднимая нож, чтобы проверить лезвие в красном отблеске пылающей жаровни, — то мне придется вырвать необходимые моему хозяину сведения из вашего дергающегося тела.

От этой декларации у Эйнштейна между лопаток заструился пот, и он с трудом сглотнул. Это была не пустая угроза, а совершенно серьезное заявление адских дел мастера, готового приступить к своей работе. В голове профессора пронеслось с десяток планов побега, но ни один из них не мог быть реализован, хотя бы потому, что Эйнштейн был крепко связан; таким образом, у него оставалось только одно оружие — речь, причем темы разговора выбирал не он.

— Какие же именно сведения они желают получить? — спросил, выигрывая время, проф. Эйнштейн.

Каждая секунда жизни оставляла надежду, что этот Адольф совершит роковую ошибку или Эйнштейн перехитрит его. Оружие лежало на постели, то есть, если профессору удастся высвободить хотя бы одну руку, Адольф, естественно, будет блокировать именно это направление. Поэтому Эйнштейн направит свои усилия в другую сторону — запустит в окно кувшином с водой и схватит в качестве импровизированного кинжала осколок стекла. Да, это могло сработать! Если он освободит руку. Только одну руку, большего ему не нужно!

Отложив в сторону нож, Адольф усмехнулся.

— Прежде всего, позвольте мне избавить вас от мысли, что это были лишь угрозы. — И без дальнейших предисловий он взял раскаленный острый железный штырь и ткнул им профессору в мочку левого уха.

С коротким шипением игла так быстро прожгла плоть, что Эйнштейн успел только охнуть при этом ужасном звуке. Затем пришла жгучая боль, и профессор заскрежетал зубами, когда вся левая сторона головы взорвалась агонией. Черт вас всех побери совсем!

— Вам никогда не уйти из этой комнаты живым, — монотонно бубнил Адольф, едва слышимый сквозь туман боли. — Я — последний, кого вам доведется видеть. Мой голос — последний, какой вам доведется слышать. Ваше сотрудничество определит лишь, насколько быстро я подарю вам приятное освобождение в виде смерти. Освобождение от невообразимых мук, которые вам предстоит испытать.

Профессор усиленно пытался снова наполнить лёгкие воздухом и ничего не ответил.

— Ничего личного, — по-дружески добавил Адольф, снимая с жаровни более крупный из штырей. — Работа такая.

В качестве последнего серьезного акта сопротивления профессор, собрав в кулак все свое мужество, выдал самую ошеломляюще вульгарную фразу, какую мог построить на основе накопленного за всю жизнь опыта проведения исследований в самых гнусных дырах на земном шаре, ассоциирующуюся с теми недостойными человеческого звания подонками, которые процветали в подобной скотской среде.

В шоке отшатнувшись, Адольф уронил штырь обратно в жаровню, вызвав небольшой взрыв взметнувшихся искр. Он за всю свою жизнь не слыхивал ничего даже отдаленно похожего на это!

— Боком, в вашу шляпу, — добавил профессор в качестве щелчка по носу, зная, что терять ему нечего.

С плохо сдерживаемой яростью Адольф оскалил зубы, и лицо его превратилось в хищную маску безумия.

— А вот теперь это дело личное! — прорычал Адольф, хватая профессора за грудки. Резко рванув рубашку — только пуговицы полетели, — он обнажил бледно-серебристую растительность на груди пленника.

Видя приближающееся к нему раскаленное железо, профессор мысленно попрощался с племянницей и приготовился встретить своего Создателя с достоинством и смелостью, какими обладал. Он подождет до последней секунды, а потом дернется вперед, насаживая себя на клинок, и пронзит себе сердце, закончив пытку задолго до того, как сломается его разум. Этим подлым ублюдкам никогда не узнать, где лорд Карстерс! Скорей умереть, чем предать собрата по клубу! О да, и, к тому же, спасти мир. Это тоже было довольно важно. Но клуб, естественно, стоял на первом месте.

— Надеюсь, вы никогда не выдадите нам местонахождение меча Александра! — с ненавистью добавил Адольф, снова хватая нож, чтобы раскалить его конец в потрескивающем пламени. Лезвие начало светиться тускло-оранжевым светом.

Но эти странные слова вызвали в уме Эйнштейна ледяную ясность.

— Местонахождение *чего*? — громко переспросил профессор, подаваясь вперед, насколько позволяли путы.

Захваченный такой реакцией врасплох, Адольф отступил на шаг от наморщившего лоб пленника.

— Меча Александра, — повторил он. — Вы похитили его из нью-йоркского музея «Метрополитен», и они хотят вернуть реликвию.

Сморгнув заливающий глаза пот, проф. Эйнштейн, прежде чем ответить, провел несколько раз языком по пересохшим губам.

— Так вот, значит, из-за чего вся эта заварушка? — разъярился он. — Из-за того проклятого чертова меча, который я выиграл в покер у немецкого Клуба исследователей? И вы вовсе не поклонник Бога Кальмара?

— Покер? — в замешательстве моргнул Адольф. — Заварушка? Бог Кальмар?

Расслабившись в кресле, профессор почувствовал, как по телу прошла волна облегчения.

— Неважно, старина. Значит, немцы похитили меч из музея «Метрополитен», и Нью-Йорк теперь хочет его вернуть? Прекрасно. Он ваш. Я передал его Королевскому военному музею Испании.

— Передал? — ошеломленно пискнул Адольф, выронив нож. Тот со стуком упал на пол и остался лежать там; от прожженного дерева поднималась тонкая струйка дыма.

— Ну, мне пришлось, — чуть пожал плечами проф. Эйнштейн. — Для моих исследований он был бесполезен. Меч этот оказался подделкой. Хорошая работа, но к Греции имеет такое же отношение, как лондонский чистильщик сапог.

В ярости Адольф сузил глаза в крохотные щелки.

— Ложь, — зарычал он хватаясь за раскаленный штырь.

Раскаленное железо еще раз было приложено к голому телу, но на этот раз оставалось там намного дольше, и спальня наполнилась шипением и вонью горелого мяса. В конце концов проф.

Эйнштейн не выдержал, и из его горла вырвался пронзительный крик боли, который, казалось, длился вечность.

— О, пожалуйста, кричите сколько угодно, не стесняйтесь, — жизнерадостно воскликнул Адольф, откладывая остывший нож и беря зазубренные ножницы. — Эта комната совершенно звуконепроницаема, и ваши крики слышно не дальше фута за этими окнами.

— В самом деле?

— Абсолютно, — усмехнулся Адольф, но затем задумался. Минуточку, ведь этот голос принадлежал вовсе не профессору.

Почти теряющий сознание от боли Эйнштейн пришел к тому же выводу и открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть самое прекрасное зрелище в своей жизни. Из дыры в стене за платяным шкафом появился высокий темноволосый мужчина с густыми черными усами. Лицо его было зачернено древесным углем, а в руках он держал отполированный арбалет, заряженный стрелой с острыми как бритва гранями наконечника.

Пробормотав проклятие, Адольф запустил лапу под медицинский халат и извлек на свет старомодный «Ньюарк-66», но в этот самый момент незнакомец выстрелил из арбалета. Стрела угодила Адольфу в горло, и колючий наконечник пронзил шею насквозь, выйдя с другой стороны. Из раны с обеих сторон брызнула горячая кровь, оставляя расплывающиеся малиновые пятна на белом халате. Спотыкаясь и отчаянно хватая ртом воздух, Адольф сделал шаг назад, наткнулся на шкаф, и в его тело вонзились еще две стрелы.

Он пытался что-то произнести, но из горла вырывалось лишь неразборчивое клокотание; Адольф содрогнулся и обмяк, но не упал на пол, так как стальные стрелы накрепко пригвоздили его к тяжелому предмету меблировки.

— Знай мы, что комната звуконепроницаема, воспользовались бы пистолетами, а не тратили время, доставая это, — извиняющимся тоном сказал темноволосый мужчина, махнув арбалетом.

Все еще в тумане от боли, проф. Эйнштейн попытался заговорить:

— Кто... — но, не закончив вопроса, захлебнулся в приступе сухого кашля.

Повесив арбалет за плечо, усатый итальянец удивленно моргнул.

— Ma don[1]! Неужто не помните? Вы несколько лет назад вступили в нашу организацию и заключили *ометру* с моим кузеном Нунцио.

Ометра, клятва братства, которую дают на крови. Эйнштейн быстро пролистал огромный каталог своего мозга. Ну конечно — бойцы итальянского сопротивления, борющиеся за политическую свободу против жестокого и деспотичного правительства Сардинии. Как он мог про них забыть?

Вытащив из сапога тонкий нож, итальянец стал резать веревки.

— О вас в последнее время много спрашивали, — поведал он, быстро и осторожно перерезая веревки. — И спрашивали самые неожиданные люди. Когда вы прибыли в Рим, даже не задержавшись, чтобы навестить нас, мы решили понаблюдать за вашими передвижениями.

— Кто вы? — произнес проф. Эйнштейн.

Спрятав нож, темноволосый улыбнулся с мягким укором.

— Можете звать меня Гвидо*.

— *G-grazie.*

Пожав плечами, Гвидо отбросил в сторону веревки и начал смазывать ожоги на груди и ухе профессора болеутоляющей мазью.

— Сперва мы подумали, может, у вас какое-то тайное свидание, — продолжал он, в то время как из дыры в стене полезли новые молодцы, вооруженные арбалетами. — Вы, англичане, такие странные в сексуальных делах. Но когда стало ясно, что к чему, мы как можно быстрей поспешили на помощь.

— Крайне п-признателен, — слабо улыбнулся профессор, застегивая жилет, чтобы не оставлять рубашку распахнутой. Прикосновения к волдырям причиняли боль, но это был такой пустяк по сравнению с тем, от чего его только что спасли. Кроме того, итальянцы могли бы расценить жалобы как признак слабости, и Гвидо потерял бы лицо. А оскорбить так своего спасителя было бы немыслимо.

В этот момент распахнулась дверь, и в спальню вошел мускулистый великан, габаритами почти что с лорда Карстерса.

— Padrone?[2] — прогромыхал он, словно отдаленный гром.

---

[1] Ma don — но, господин (*итал.*).

[2] Padrone — патрон, хозяин (*итал.*).

Гвидо, как можно мягче, помог Эйнштейну встать.

— Да, Анжело? — спросил он, не оборачиваясь.

Анжело, поджав губы, задумчиво посмотрел на профессора.

— Мы поймали женщину, — сказал Анжело по-итальянски. — Ту, что одурманила нашего собрата. Она пыталась ускакать верхом.

— Вы ее убили? — отозвался Гвидо по-английски.

Несколько озадаченный вопросом Анжело пригладил ухоженные волосы, а затем сделал утвердительный жест.

— Ну да, конечно, — сказал он по-английски. — Переодеть их нищими и бросить в реку?

— Si[1].

— Нет, — возразил на безупречном итальянском профессор, сжимая и разжимая кулаки, чтобы унять дрожь в руках. — Для всех нас будет лучше, если эти тела вообще никогда не найдут.

— Никогда? — Потирая челюсть тыльной стороной ладони, Гвидо кивнул. — Анжело, то новое здание, что хотят построить рядом с масляной лавкой твоего брата, — там уже начали фундамент?

— *Si, padrone.* Да. Вот даже прямо сейчас работают.

— О, это очень увлекательный процесс. Быть может, *signora* и ее друг не откажутся взглянуть на него поближе. Как всегда — наш привет и наилучшие пожелания десятнику и его бригаде.

— Будет сделано.

— *Buon!* Хорошо.

Гвидо внимательно осмотрел повязку на ухе профессора и, похоже, остался доволен. По его приказу вошли еще несколько человек. По длинным лестничным пролетам они вынесли ослабевшего Эйнштейна в маленький внутренний двор позади частного дома. Фиолетовые гроздья винограда на обвивающих беседку и шпалеры лозах уже налились соком, в многочисленных глиняных горшках благоухали цветы всех красок и оттенков. Это был самый прекрасный сад, какой когда-либо доводилось видеть проф. Эйнштейну, и он с жадностью впитывал все запахи, все открывшиеся ему виды.

Опустив профессора на землю, невысокий мужчина в полосатой рубашке протянул ему заткнутую пробкой бутылочку.

---

[1] Si — да (*итал.*).

— Что это! — одурманенным голосом спросил проф. Эйнштейн, взвешивая на ладони сосуд. Тот оказался тяжелым и прохладным.

— Сильный стимулятор, — ответил Гвидо, подергивая себя за усы. — Действие его будет неприятным, но он избавит вас от дрожи и даст ясность ума. Боль для нас старый друг, и мы знаем, как управиться со многими ее аспектами.

Призвав на помощь всю свою смелость и зажав нос, профессор одним глотком осушил крошечный пузырек. Этот поступок, похоже, произвел впечатление на стоящих вокруг молодцов. Почему — проф. Эйнштейн понял через несколько секунд, когда его желудок взмыл к горлу. А потом хлопнулся обратно. А затем проделал и то, и другое. Лихорадочно заозиравшись, профессор заметил маленькую кирпичную будку с полумесяцем на двери — международным символом ватерклозета, — и рванул через сад со скоростью олимпионика.

Спустя очень долгое время проф. Эйнштейн, спотыкаясь, вышел из клозета бледный как воск, но его движения снова сделались сильными и уверенными.

Гвидо, который сидел на каменной скамье под оливой и перекусывал, отложил в сторону сыр, от которого отрезал куски, отправляя их в рот, и внимательно наблюдал за приближающимся профессором. Другие молодцы тоже еще были там — одни передавали по кругу бутылку «кьянти», в то время как другие затачивали об оселок наконечники арбалетных стрел.

— Ну как, лучше себя чувствуете? — спросил Гвидо, отодвигая сыр.

— Жить буду, — отвечал проф. Эйнштейн, вытирая рот рукавом. Запах сыра заставил его желудок затрепетать, но и только. — И подобное заявление мне никогда бы не сделать, если бы не ваше своевременное вмешательство.

— *Grazie.* Ваши вещи, — сказал Гвидо, передавая профессору бумажник, карманные часы, трость и револьверы. — У меня такое ощущение, что это дело не имеет никакого отношения к нашей контрабандной деятельности?

Разложив добро по карманам, Эйнштейн проверил, заряжен ли «Адамс», проявляя при этом максимум осторожности, чтобы случайно не коснуться пуль голым пальцем.

— Совершенно верно. Это связано с моей работой за пределами вашей страны.

С сицилийской элегантностью Гвидо продемонстрировал свою непричастность к этому делу, показав ладони Господу.

— Тогда я сожалею — мы можем защитить вас только здесь, в Риме. Организация у нас маленькая, и даже *ginzo* мы можем помочь лишь в определенной мере.

Феликс Эйнштейн с искренней благодарностью и от души пожал Гвидо руку.

— Вы и так уже сделали бесконечно больше, чем я имел основания ожидать. Еще раз спасибо вам, *padrone*.

Этот знак крайнего уважения не остался незамеченным, и ближайшая к ним группа вооруженных молодцов одобрительно зашепталась.

Медленно поднимаясь со скамьи, Гвидо никак не показал, что расслышал данное слово.

— Рад помочь, профессор. Права невинных должны быть защищены всегда.

Направляясь к кованым железным воротам сада, Гвидо, не оборачиваясь, кликнул:

— Andiamo, i miei amici [1]!

Отсалютовав на древнеримский лад вытянутой рукой, итальянцы шагнули в тень пышных зарослей и исчезли.

Желая перевести дух и набраться сил, профессор Эйнштейн присел на скамью и вдохнул душистый воздух сада. А затем огляделся кругом, чтобы убедиться, что он один, и зашвырнул сыр как можно дальше.

Эйнштейн сознавал, что воспоминание о том, как Гвидо появился из того шкафа, останется с ним до конца жизни. Черт побери, это были храбрецы, и они боролись за правое дело. Он думал, эту группу уничтожили во время смуты Событий, и был очень рад видеть, что она уцелела. Но как ученый-историк, Эйнштейн надеялся, что, если они победят, победа над ненавистными королями Сардинии не приведет со временем к коррупции. Они были такими отличными парнями, и ему бы очень не хотелось увидеть, что мафия сбилась с пути истинного.

Внимание его привлекли удлинившиеся тени, и профессор сверился с часами. Вот те на! Ему надо возвращаться, пока не закрыли пьяццу. Выходя шаркающим шагом из сада, Эйнштейн на минуту задержался и начисто стер платком с засова все от-

---

[1] Andiamo, i miei amici — Идем, друзья (*итал.*).

печатки пальцев, какие там могли остаться, а затем торопливо проследовал по вымощенному кирпичом переулку к выходу на главную улицу.

На углу профессор остановил коляску и вернулся к кафе. Коварный официант, по счастью, испарился. С усталым вздохом проф. Эйнштейн уселся за тот же столик, что и раньше. Вскоре появился новый официант и принял его заказ: запечатанную бутылку вина, бокала не нужно.

Потягивая кроваво-красное «кьянти», Эйнштейн смаковал звуки, зрелища и запахи живущего своей жизнью города. Но когда колокола соборов зазвонили к вечерней службе, профессор взглянул на карманные часы и встревоженно нахмурился. Лорд Карстерс занимался относительно простой задачей необыкновенно долго. Профессор очень надеялся, что юноша не попал в беду, как он сам.

8

Лорд Карстерс бодрым уверенным шагом поднялся по гранитной лестнице, ведущей в главное здание ватиканского комплекса. Повсюду толклись паломники, ахали туристы, перебирали четки монахини, а священники сновали туда-сюда с охапками книг.

Повернув у Сикстинской капеллы на север, Карстерс проследовал через всемирно известную Ватиканскую библиотеку. Помещение было таким просторным и тихим, что его шаги по истертому мраморному полу вызывали легкое эхо. Широкие стены и сводчатый потолок украшали потрясающие фрески, но лорд видел только довольно скучные коричневые шкафы, хранившие в своих недрах запертую там тысячелетнюю мудрость.

Свернув налево в главный зал, Карстерс нагнулся, проходя через облицованную изразцами арку, и вошел в Ватиканский музей. Каждый дюйм каждой стены украшали редкие картины, на многочисленных украшенных орнаментом пьедесталах возвышался лес бронзовых статуй, а миниатюрные мраморные статуи заполняли ниши над притолоками всех дверей. Нигде нельзя было даже почтовую марку положить, не накрыв при этом какое-нибудь бесценное произведение антикварного искусства.

Разинув рты, кучками стояли паломники; великолепие святого музея заставляло их искать успокоительного утешения в обществе друг друга. По всему музею во множестве стояли на страже солдаты, но лорд Карстерс беспрепятственно прошел через многочисленные галереи, пока не попал в небольшой боковой коридор, перекрытый бархатным шнуром. Далее виднелась железная дверь, по обе стороны которой стояли на часах двое из вездесущих швейцарских гвардейцев. Но это были не зеленые юнцы — помощники туристов, а крепкие, в боевых шрамах мужчины. Глаз сержанта закрывала повязка, а у того, что помоложе, рядового, через все лицо тянулся стягивающий кожу шрам. Оба явно принадлежали к числу бойцов-ветеранов, и в руках эти гвардейцы держали не древние алебарды, а самые современные магазинные 6,5-миллиметровые карабины «Веттерлис» с примкнутыми и зловеще поблескивающими длинными острыми штыками. Неприятные хлопушки, что и говорить.

Суровые часовые пристально и настороженно смотрели на приближающегося лорда Карстерса и скрестили карабины, преграждая ему путь.

— Стойте, *signore*, — приказал на ломаном английском сержант. — Этот отдел библиотеки закрыт для посетителей.

Дипломатично улыбаясь, Карстерс ответил на безупречном итальянском:

— О, я понимаю. Однако я — лорд Бенджамин Карстерс, член британского парламента и член лондонского Клуба исследователей. Я желаю поговорить с вашим куратором.

— Ученый? — спросил по-итальянски рядовой, начиная убирать карабин. — Тогда проходите, сэр.

— Извините, но мы обязаны попросить вас предъявить удостоверяющие документы, — вмешался сержант, единственным здоровым глазом строго и неодобрительно покосившись на рядового.

Выполняя необходимый ритуал, лорд Карстерс послушно достал бумажник и показал гвардейцам членский билет Клуба исследователей, сертификат покупателя из Королевского музея и британский заграничный паспорт со своим фамильным гербом. При виде последнего солдаты заметно потеплели к нему.

— Спасибо, сэр, — поблагодарил рядовой, убирая карабин. — Можете проходить.

— Один момент, — не унимался сержант, снова преграждая путь карабином. — Поскольку вы будете находиться очень близко к покоям Его Святейшества, я должен спросить, нет ли при вас какого-либо оружия. — Фразу эту сержант произнес так, словно повторял ее по десять раз на дню. Однако это не помешало ему смерить лорда Карстерса взглядом, каким сборщик налогов окидывает известного обманщика.

— Ничего, кроме вот этого, — ответил лорд, невинно выставляя вперед огромные ручищи. Как и предполагалось, гвардейцы рассмеялись.

— Неплохое оружие, — признал рядовой, и пересекавший его лицо шрам превратил улыбку гвардейца в оскал. — Не хотелось бы мне попытаться конфисковать его.

— Проходите, сэр, — посмеиваясь, разрешил сержант. — Кабинет куратора за этой дверью, прямо по коридору налево.

— *Grazie.*

— К вашим услугам, лорд Карстерс.

Следуя указаниям, Карстерс вскоре обнаружил приемную с восседавшей за резным столом «беруцци» сурового вида монахиней. Сняв шляпу, лорд Карстерс повторил свою просьбу о встрече с куратором. Внимательно изучив его документы, монахиня извинилась и куда-то вышла. Когда через несколько минут она вернулась, с ней был полноватый священник — человек неопределенного возраста, почти совершенно лысый, чисто выбритый, в простой коричневой сутане.

— Благослови вас бог, сын мой, — запинаясь, обратился священник по-английски к Карстерсу. — Я — отец Туллио. Рад с вами познакомиться. В нашей библиотеке есть несколько трудов как ваших, так и вашего уважаемого отца. Чем я могу вам помочь?

— Спасибо, святой отец, нельзя ли мне поговорить с вашим куратором? — снова ответил по-итальянски лорд Карстерс.

Отец Туллио слушал столь беглую речь на своем родном языке, благочестиво сложив ладони, и его лицо херувима излучало несказанное удовольствие.

— У нас несколько кураторов, — сказал он. — Какой сектор библиотеки вас интересует?

— Закрытый отдел, — деликатно объяснил лорд Карстерс.

— Но Библиотека Ватикана открыта для всех, — ответил с вопросительным выражением лица Туллио.

Карстерс заговорщицки понизил голос:

— Я желаю увидеть не что иное как оккультный музей.

— Не понимаю, — ответил отец Туллио, нервно перебирая четки. — Оккультный музей? Уверяю вас, в Ватикане нет такого отдела. Может быть, вы имеете в виду Секретные архивы? Как правило, для их посещения требуется санкция Его Святейшества Папы. Но я уверен, для вас может быть сделано исключение.

От природы не глупый, лорд Карстерс мог определить, когда получает вместо ясного ответа отговорки, и решил попробовать прямую фронтальную атаку.

— Святой отец, я знаю о существовании оккультной секции, потому что имел честь говорить с побывавшими там, — внушительно заявил он. — С джентльменами, слову которых я безоговорочно доверяю.

Священник весь как-то резко обмяк. Не говоря ни слова, он взял Карстерса под локоть и провел в соседний кабинет. Как только дверь кабинета закрылась, выражение его лица посуровело.

— Сын мой, вы уличили меня в совершении простительного греха, — признался Туллио, не выказывая большого стыда или раскаяния. — В библиотеке действительно есть оккультный отдел, но закрыт он вовсе не по чьей-то прихоти. Там хранятся еретические книги и мерзостные предметы, способные вызвать небывалые потрясения как внутри, так и вне церкви, если будут открыты широкой публике.

Лорд Карстерс кивнул, соглашаясь со священником.

— Вполне понимаю, святой отец, — сказал он. — Предмет, который я желаю изучить, нужен мне для моих личных исследований. Даю вам слово англичанина, что я не имею намерения обнародовать что-либо, способное заставить церковь пожалеть о предоставлении мне доступа.

Присев, отец Туллио побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Вы принадлежите к англиканской церкви? — спросил наконец он.

— Да, святой отец. Это будет проблемой?

— Не в этой жизни, сын мой, — кротко отозвался священник. — Отлично. — Протянув руку к переполненной полке, Туллио снял с нее книгу в кожаном переплете и открыл ее, подняв небольшое облачко пыли. С большой церемонностью святой отец

надел очень современное пенсне, очинил заново кончик пера и поднял крышку маленькой хрустальной чернильницы.

Вслед за тем Туллио старательно записал на чистой странице фамилию, адрес и академические данные Карстерса. Покончив с этим, отец Туллио произнес:

— Рекомендации?

— Прошу прощения? — негромко переспросил Карстерс.

Священник снял очки и постучал ими по книге.

— Мне нужны ваши рекомендации, сын мой. Вы утверждаете, что говорили с кем-то из побывавших в оккультном отделе. Нам требуется фамилия этого лица, чей допуск мы проверим. Именно так мы гарантируем доступ в отдел только достойных ученых.

— О!

Застыв в позе ожидания, отец Туллио задумчиво держал перо над страницей. Через минуту святой отец отложил перо в сторону.

— Есть какое-то затруднение, сын мой?

Видя выражение лица священника, лорд Карстерс лихорадочно подыскивал подходящие слова.

— Не сомневайтесь, сэр, у меня есть серьезная рекомендация. Просто дело в том, что поручитель в данный момент не пользуется особым расположением церкви.

Лицо отца Туллио постепенно прояснилось.

— А, понимаю. Да, всегда бывали и такие, кто злоупотреблял оказанным нами доверием. Тот факт, что вам известно о неблагоразумии данного лица, смею надеяться, удержит вас от любых опрометчивых шагов, которые у вас может возникнуть искушение совершить.

— О, послушайте! — воскликнул с большим облегчением Карстерс. — Это чрезвычайно достойно с вашей стороны.

— Ну, нам ведь положено прощать, разве нет? — улыбнулся святой отец. И снова взялся за перо.

— Итак, скажите, пожалуйста, кто вас рекомендует?

— Ну... — лорд Карстерс сделал паузу и откашлялся. — Кхм... Профессор Феликс Эйнштейн.

— Стража! — завопил отец Туллио, выскакивая из-за стола и рывком распахивая дверь. — Стража!

— Погодите! — крикнул, раскидывая руки в стороны, Карстерс. — Я готов загладить вину профессора!

— Ха! — презрительно фыркнул священник. — Как это?

В коридоре нарастал топот бегущих людей, и внезапно в дверях появилось целое отделение вооруженных солдат и несколько монахинь с «пушками». Отец Туллио показал на онемевшего Карстерса.

— Арестовать его! В тюрьму его! Выслать! Расстрелять!

Угрожающе зарычав, солдаты двинулись вперед, щелкая затворами своих «Веттерлисов». Монахини выхватили гладкоствольные пистолеты и взвели массивные курки. Лорд Карстерс же с неистовой быстротой зашарил по карманам, извлек ювелирную коробочку и откинул крышку.

Все отшатнулись, словно ожидая взрыва. Но когда ничего не произошло, отец Туллио осторожно подался вперед и заглянул в коробочку. На синей бархатной подушечке лежала большая щепка темного дерева.

— И что же, по вашему утверждению, это такое? — крайне скептически спросил священник.

— Я ничего не утверждаю, святой отец, — заявил со всей искренностью лорд Карстерс. — И не прошу никаких милостей. Я по доброй воле отдаю вам это, ничего не требуя взамен.

Эти ритуальные слова произвели нужный эффект. Туллио снова низко наклонился, чтобы поближе рассмотреть содержимое коробочки, и теперь на лбу у него выступил холодный пот. С какой-то нерешительностью священник взял коробочку в руки и со щелчком захлопнул крышку, а затем, повернувшись кругом, передал реликвию ближайшей монахине. Засунув пистолет под апостольник, та преклонила колено и поспешно удалилась. Другие сестры тут же последовали за ней, окружая ее кольцом для защиты.

— Ваши люди тоже могут идти, капитан, — сказал, чуть ли не с сожалением, отец Туллио.

Перехватив карабин, офицер нахмурился при этих словах священника, но все же отсалютовал. Четко развернувшись, он широким шагом вышел из кабинета в сопровождении строя солдат.

— Сюда, лорд Карстерс, — указал священник, беря исследователя под локоть. — Оккультная библиотека располагается в катакомбах.

— *Grazie*, святой отец, — облегченно вздохнул лорд. — Спасибо.

Хотя отец Туллио согласно кивнул, душа его, похоже, к этому не лежала.

* * *

Переходя из рук в руки, из кармана в карман, коробочка проделала путь в секретную часть Ватикана, не обозначенную ни на одной карте. Щепку из коробочки извлек и внимательнейшим образом осмотрел невидимый за тяжелой железной дверью человек. Внезапно раздался радостный возглас, щепка исчезла из вида, и дверь с гулким грохотом захлопнулась.

Обшитое деревянными панелями помещение освещалось тысячами стоящих в миниатюрных нишах свечей. Несколько фигур в черных сутанах бросилось к вошедшему; он был в белом одеянии и нес щепку на шелковой подушечке. Подушечка пошла по кругу, и каждый получивший возможность поближе рассмотреть щепку издавал радостные звуки. С царскими почестями крошечную щепочку темного дерева положили на обширную известняковую столешницу, застланную безупречно чистой белой тканью, усеянной тысячами тысяч таких же щепок, к каждой из которых прилагалась маленькая карточка с аккуратно написанным номером. В центре комнаты находилось возвышение из голубого мрамора с углублением посередине, заполненным миллионами схожих щепок. Все они были старательно подогнаны друг к другу, образуя некую фигуру, смутно напоминающую большую, выше человеческого роста, прописную букву «Т».

* * *

Отперев вход и спустившись по лестнице в подвал, отец Туллио и лорд Карстерс проследовали подземным ходом, уводившим, петляя, все глубже и глубже в недра Земли. Лорд Карстерс знал, что это только самый краешек римских катакомб. Это была практически не имеющая границ сеть созданных человеком туннелей, гротов и погребальных камер, некогда вмещавшая все население древнего Рима.

Грубо высеченный туннель хорошо освещался спиртовыми лампами, голубоватое пламя которых придавало окружающему сверхъестественный вид. Продолжая углубляться, спутники проходили мимо десятков зияющих проемов; тускло мерцающие огоньки освещали лишь малую часть помещений, в которые они вели. Но было также немало ходов, плотно замурованных бронзовыми дверьми, надежно запертыми на железные висячие замки.

— Что именно вы ищете, сын мой? — спросил отец Туллио, отпирая еще одну железную решетку у них на пути. Когда они прошли, он запер ее снова.

— Каменную карту, примерно 1500 года до нашей эры, — ответил лорд Карстерс, нагибая голову, чтобы пройти под низко расположенной балкой. — Из города-государства Дутар.

Выгнув брови, отец Туллио чуть не споткнулся

— Дутарианскую храмовую карту? — произнес он сорвавшимся от волнения голосом.

— Да, я слышал, что в Ватикане она есть, вместе с ключом для ее расшифровки — это нечто вроде браслета.

— Браслета у нас нет, — заявил священник, — только скопированная с него надпись.

Лорд Карстерс и без того это знал, но изо всех сил постарался казаться удивленным.

— О, этого более чем достаточно.

— Дутарианская карта, — тихо пробормотал себе под нос отец Туллио, искоса поглядывая на британского лорда. — И вы — член лондонского Клуба исследователей. Можно было догадаться.

Спутники еще некоторое время шли по каменному туннелю, пока не остановились у безобидной с виду двери, отмеченной надписью на средневековой латыни. Пошарив в сутане, отец Туллио достал ключ и начал отпирать тяжелый висячий замок, удерживавший старинного вида засов.

— Чулан? — перевел лорд Карстерс надпись на двери.

Справившись с замком, полноватый священник ответил с полуулыбкой:

— Невинный обман, чтобы отвлечь посторонних, разве это плохо?

— Полагаю, это лучше, чем тигры, — тихо пробормотал про себя лорд Карстерс.

Не совсем поняв смысл этих слов, отец Туллио в ответ пожал плечами и потянул дверь на себя. Но та оставалась на месте, словно прибитая гвоздями. Взявшись обеими руками за засов, священник еще раз дернул, но столь же безрезультатно.

— Как странно, — чуть слышно пробормотал Туллио, выпуская засов.

— Позвольте мне, сэр, — предложил Карстерс. Взявшись за ручку, английский лорд прикладывал все большее и большее усилие, но, удивительное дело, дверь не поддалась даже ему.

— Должно быть, разбухла, — предположил отец Туллио, дотрагиваясь до висевшего на шее креста. — Этому участку катакомб, знаете ли, больше тысячи лет.

— Нет, думаю, дело не в этом, — ответил лорд Карстерс, приложив ухо к двери. Он уловил с той стороны движение воздуха — легкий шелестящий ветерок, который постепенно становился сильнее, пронзительнее и громче.

Наклонившись, отец Туллио тоже прислушался.

— Что бы это могло быть?

Лорд Карстерс не знал, что происходит за дверью, но ощутил характерное покалывание в области затылка, словно он на сафари, и лев готовится прыгнуть на него с нависшей прямо над головой ветки дерева. Отточенные тысячью смертельных схваток инстинкты резко ожили, и в теле забурлил адреналин.

— Кажется, у нас проблемы. Ну-ка в сторонку, сэр! — резко бросил лорд Карстерс и с разворота изо всех сил пнул по двери. Толстые доски затрещали от удара, но дверь устояла. Безрезультатно ударив еще дважды, лорд бросился на препятствие всем телом, как при игре в регби, когда совершают полную блокировку противника, и дверь, не выдержав, с треском слетела с петель.

Когда лорд Карстерс полностью расчистил дверной проем, по подземному коридору пронесся, сдувая пыль веков, сильный порыв ветра. А внутри помещения бушевал своего рода ураган или смерч: закручивающийся в спираль ветер завывал в хранилище, оживляя все стоящие на полках книги, страницы которых так и трепетали. Пол и потолок скрывала завеса тумана, а стену напротив заслонял какой-то адский вихрь, размытый центр которого, казалось, расширяется в бесконечность.

Не в силах что-либо предпринять, лорд Карстерс лишь в оцепенении смотрел, как гладкий каменный прямоугольник поднял-

ся с одной из полок и поплыл в сторону этого вздымающегося торнадо, по краям которого потрескивали молнии. Исследователь не имел представления, что именно он видит перед собой, но он узнал в улетающей каменной табличке описанную проф. Эйнштейном дутарианскую карту. *Должно быть, это темная магия, пущенная в ход проклятыми кальмаролюбами! И прямо здесь, в недрах Ватикана! Возмутительно!* Рванувшись вперед, лорд обеими руками схватил каменную табличку и вцепился в нее что было сил.

— Бегите за подмогой! — крикнул лорд Карстерс, перекрывая оглушительный вой ветра и пытаясь как-то зацепиться каблуками за каменный пол.

Подобрав подол сутаны, отец Туллио рванул прочь со скоростью олимпийца, зовя на помощь и клича гвардейцев на бегу.

Пустив в ход всю свою феноменальную силу до последней капли, Карстерс попытался вытянуть дутарианскую карту из поля притяжения этого красочного водоворота. Но табличка продолжала двигаться вперед, столь же неотвратимо, как прилив или отлив.

Неистово ища какую-нибудь точку опоры, лорд широко расставил ноги на грубо отесанном полу и откинулся назад. Ему был необходим рычаг, и чем больше, тем лучше! Жестокий засасывающий ветер чувствительно хлестал лорда его собственной одеждой, и, казалось, было слышно, как его руки начинают трещать в неравном состязании по перетягиванию каната с магической силой. С энтузиазмом итонского отличника лорд Карстерс всецело отдался выполнению задачи, рыча от необузданной ярости. Неодолимая сила наткнулась на непоколебимое препятствие. Но эта патовая ситуация длилась не долго, и вскоре завладевшие картой неумолимые силы начали подтаскивать его все ближе и ближе к центру жестокого торнадо.

Несмотря на все старания, лорд Карстерс вынужден был со скрипом сделать шаг, затем еще один, и еще, к центру вихря. Черт подери! Он не заметил, как пересек невидимый барьер, и оказался втянут в турбулентную зону. Теперь он мог лишь наблюдать зияющий впереди провал, который притягивал его как магнит. Зацепившись ногой за мраморную колонну, лорд Карстерс сумел получить короткую передышку и осмелился заглянуть прямо в магическую бездну. Там, в глубине, трещала слепящая завеса из молний, и каждый оглушающий удар грома

отзывался болезненным потрескиванием статических разрядов электричества по коже. От этих крошечных разрядов у него все руки покрылись волдырями. Но сквозь весь этот стробоскопический свет и адский шум Карстерс смог лишь слабо различить скалистый холм с замком из черного как уголь стекла на вершине. Это была какая-то отталкивающего вида, вознесенная к небесам крепость с расширяющимися книзу башнями и зубчатыми стенами — мрачная обитель нечеловеческого безумия, никого не встречающая с распростертыми объятиями. Весь прочий пейзаж оставался невидим, и все же Карстерса почему-то захлестнуло непреодолимое ощущение смерти и опустошенности.

— За королеву и страну! — закричал, удваивая усилия, лорд Карстерс, и ему действительно удалось сделать шаг назад. *Да! Он побеждает!*

Словно разъяренная этим успехом, молния из вихря поразила лорда, и затрещавший разряд швырнул его через все помещение, шарахнув с костоломной силой о стену. На мгновение оглушенный, лорд ослабил хватку, и дутарианская табличка, кувыркаясь, рванулась прочь и закружилась в вихре вспыхивающих красок.

Употребив самое что ни на есть неджентльменское выражение, лорд Карстерс попытался рвануться следом за табличкой, когда та полетела к черному замку. И тогда он услышал откуда-то из хаоса слабо доносящийся издевательский смех.

— Трус! Подлец! — проревел лорд Карстерс. — Встреться со мной лицом к лицу, здесь и сейчас!

Смех раздался вновь, и ветер исчез, словно его и не было. Не ожидавший этого Карстерс, спотыкаясь, сделал несколько шагов вперед и понял, что он остался совсем один в заваленном обломками помещении, где компанию ему составляло только ощущение полного провала.

* * *

В сопровождении эскорта в виде роты вооруженных швейцарских гвардейцев лорда Карстерса выставили с территории Ватикана, вручив солидный счет за причиненный ущерб. Обессиленный поражением, он заплатил кассиру на выходе и, вяло волоча ноги, поплелся сквозь все еще не поредевшую толпу па-

ломников. Выйдя на улицу, Карстерс прошел к пьяцце и обнаружил там проф. Эйнштейна, который сидел за угловым столиком, потягивая вино и поминутно сверяя время по карманным часам. При мысли о том, что профессор посиживал тут и прекрасно проводил время, настроение лорда нисколько не улучшилось. Затем он взглянул на старшего товарища еще раз.

— Что с вашим ухом, профессор? — спросил с озабоченностью лорд Карстерс.

Осторожно трогая пострадавшую мочку, проф. Эйнштейн попытался натянуто пошутить — мол, завел золотую серьгу и поступаю на службу в военно-морской флот, — но горестное выражение на лице друга исключало любую подобную веселость, как совершенно неуместную.

— Неважно, юноша, — отмахнулся Эйнштейн, показывая на соседний стул. — Позже расскажу. Так вы видели камень?

— О, видеть-то я его, безусловно, видел, — рявкнул, усаживаясь, Карстерс. — То есть, после того, как убедил ватиканцев не стрелять в меня. Но потом карта была вырвана прямо у меня из рук каким-то... ну, своего рода магическим торнадо.

— Большая крутящаяся штука, полная красок и шума?

— Именно так, профессор!

— Проклятье и мрак. Пространственная вихревая воронка, — определил нахмурившийся Эйнштейн. — Черт возьми, эти кальмароманы действительно пустили в ход все средства.

Протянув руку к бутылке с вином, лорд Карстерс налил себе бокал и осушил его одним глотком.

— И мало того, что я потерял дутарианскую карту, так после мне пришлось еще объяснять, что произошло, нескольким кардиналам, которые все как один, во всех неприятных подробностях, помнили ваш предыдущий полуночный визит в архив.

В порядке извинения, профессор поспешил заказать новую бутылку вина. После нескольких бокалов дурное настроение лорда несколько улучшилось, и он смог рассказать о своем приключении более подробно.

— Так что они нас обставили, — мрачно закончил Карстерс. — Никогда бы не поверил, что такое возможно. Я имею в виду — ведь мы же британцы, черт возьми!

— Обставили? Что за чепуха, юноша, — фыркнул проф. Эйнштейн, осторожно массируя саднящую грудь. — Вовсе они нас не обставили.

— Что вы имеете в виду?

— Наше дело, действительно, дрянь. Но у нас еще остается одна надежда. Это — выстрел вслепую. Отчаянная авантюра! Глупая удача! Но как раз она-то и может сработать, — хлопнул в ладоши Эйнштейн. — На самом деле, я уже много лет искал повода испробовать это. Даже прихватил с собой нужные материалы — просто на тот случай, если мы зайдем в тупик, а именно это мы теперь и имеем. Главное, юноша, это подготовка!

— Уже лучше, — признал лорд Карстерс, снова чувствуя проблеск надежды. — И что же мы должны делать?

— В первую очередь, нам нужно арендовать лодку.

— Лодку? — удивленно повторил лорд Карстерс. — Что еще за лодку?

— Лучше — корабль. Самый большой, — уточнил Эйнштейн с озорным блеском в глазах. — А потом мы должны разместить рекламу в местной газете. Полоса в вечернем выпуске вполне подойдет. Интересно, сможем мы попасть на внутренний разворот при столь позднем уведомлении?

— Очень интересно, — протянул Карстерс, ставя локоть на стол и опираясь подбородком о ладонь. — А скажите еще, будьте так любезны, что же именно мы будем рекламировать? Свою потрясающую некомпетентность, или скорое уничтожение мира?

— Ни то, ни другое, юноша, — рассмеялся профессор, хлопая рослого друга по плечу. — Реклама будет объявлением о наборе храброго экипажа моряков с целью присоединиться к нам в путешествие для уничтожения храма Бога Кальмара.

Хотя лорд Карстерс на время и потерял дар речи, выражение его лица вполне красноречиво свидетельствовало об искреннем убеждении исследователя в том, что профессор Феликс Эйнштейн явно полностью и окончательно сошел с ума.

9

А в тысячах миль от Рима, в центре урагана, среди раскатов грома недвижно стояла, монотонно выпевая слова тайной власти, одинокая фигура в мантии.

Фигура с поднятыми, словно в готовности ударить, кулаками, с бугрящимися, словно узлы канатов, мышцами рук, с

болезненно проступившими на шее сухожилиями и венами и с пылающим лицом, на котором горела страшная татуировка в виде обожравшегося кальмара. Дьявольские глаза кальмара накладывались на глаза самого стоящего, придавая узору страшное подобие настоящей жизни, а щупальца с присосками, казалось, двигались под залитой потом кожей.

С липнущей к дрожащему телу влажной одеждой, человек в мантии увеличил темп своего песнопения; труднопроизносимые слова заставляли толпу зрителей в балахонах неуютно поеживаться. В кольце людей, защищенный их телами, стоял большой черный котел с бурлящей красной кровью. Поднимающийся из котла едкий пар завивался, изгибался под углом и просачивался в спину кричащего человека, и точка входа пылала, словно добела раскаленная рана.

Кирпичная стена подвала вдруг сменилась горизонтальной вихревой воронкой из кружащихся облаков, границей которой служил кипящий овал энергии, наполнившей подвал буйными вспышками красок. Внутри этой трескучей матрицы находился черный замок на вершине голого холма, а вдали виднелась еще одна магическая вихревая воронка с кружащимся внутри нее маленьким предметом.

Один поклонник Бога Кальмара взволнованно вскрикнул и показал на предмет. Другие живо вытянули шеи и прищурились, силясь что-либо разглядеть сквозь потрескивающую пиротехнику. Когда они увидели, как неяркое пятнышко описывает дугу в небе над замком, поднялся радостный крик. В высшей точке полета дутарианскую табличку пронзила молния, разбив ее на осколки, которые, падая, рассыпались в пыль.

Собрание подняло победный крик, и на лице тянущего песнопение появилось выражение уверенности.

— Удалось, брат Карл! — в восторге воскликнула женщина. — Ты победил неверного!

В этот момент дверь подвала со стуком распахнулась, и вошел костлявый верховный жрец. В этот раз на нем была не изукрашенная мантия человека его сана, а простая одежда лавочника; и все же одно лишь его присутствие наполнило толпу священным трепетом.

— Остановись, Карл! — проревел верховный жрец с искаженным от ярости лицом. — Немедленно прекрати это, или умрешь!

При этом вмешательстве Карл Смайт снизил темп своего песнопения, и вихревая воронка начала таять, пока снова не появилась простая стена из кирпича и строительного раствора. Разноцветные огни постепенно померкли, и, когда подвал облетел, шурша бумагами, легкий ветерок, автоматически ожили вспыхнувшие масляные лампы. А затем все стихло. Даже котел прекратил свое зловещее бурление.

— Ты, верно, сказал им: «Не надо волновать старика», — насмешливо улыбнулся верховный жрец, шаг за шагом приближаясь к дрожащему человеку в мантии. — «Мы сами справимся. Кому он нужен?»

Откинув капюшон мантии, Карл повернулся лицом к приближающемуся верховному жрецу. Татуировка у него на коже уже полиняла, и он снова казался нормальным человеком.

— Но, Святейший, мне же удалось! — пытаясь сохранять самообладание, ответил Карл. — Древняя карта уничтожена! Англичанам теперь никогда не найти храм.

Шагнув вперед, жрец с силой отвесил Карлу оплеуху. По внимающей толпе пробежал обеспокоенный ропот.

— Дурак! Идиот! Трус! — презрительно прорычал верховный жрец. — И вовсе ты не «справился» с положением. Ты всего лишь понапрасну растратил наш драгоценный запас магии. И ослабил Бассейн Жизни, созданный специально для возвращения Великого Господа Кальмара!

Морщась от боли, Карл дотронулся до лица, и его пальцы окрасились кровью.

— Но ведь не было же никакого другого способа помешать им заполучить карту! — заскулил он.

— Мы не могли взять Ватикан силой, Святейший, — поддакнул кто-то из толпы. — Его слишком сильно охраняют.

— Магически и физически, — добавил какой-то толстяк.

Верховный жрец глянул на съежившегося Карла почти нечеловеческим от гнева взглядом.

— Да? Ну так я могу привести вам четыре других способа, какими можно было достичь цели, не прибегая к магии.

Предельно отчаявшийся, Карл пристыженно опустил голову.

— От всей души сожалею, что подвел вас, Святейший. Если желаете, я сниму с себя мантию власти и вступлю в ряды новообращенных верующих, дабы служить там любым требуемым способом.

— Ты действительно думаешь, что так легко отделаешься? — с холодной яростью спросил верховный жрец. — Клянусь Великим Господом Кальмаром, ты дурак.

По бледному лицу Карла снова градом покатил пот.

— Сэр?

— Убей себя, — приказал верховный жрец.

Собравшиеся чуть было не охнули, но вовремя спохватились.

— Пощады! — взмолился Карл, падая на колени и хватая верховного жреца за отворот брюк. — Пощады!

Верховный жрец с заметным презрением посмотрел на коленопреклоненного.

— Нет, — отчеканил он, и это короткое слово было произнесено тоном, который пресекал любые дальнейшие обсуждения.

Карл медленно встал, но голова его оставалась пристыженно опущенной.

— Тогда прошу вас, выполните мою просьбу: пусть моя кровь будет добавлена к бассейну жизни для Великого Кальмара.

Чуть склонив голову набок, верховный жрец пожевал губу, обдумывая это предложение. Подняв руку, он помахал ею взад-вперед, как бы взвешивая на одной чаше весов единственный провал, а на другой — всегдашнее повиновение.

— Хорошо, — разрешил, наконец, он.

Толпа подняла радостный крик, а на лице Карла слезы счастья смешались с потом.

— О, спасибо вам. Спасибо! — радостно выпалил он. — Да благословит вас Великий Кальмар!

Верховный жрец нетерпеливо отмахнулся от жалкого неудачника.

— Прекрати бубнить и ступай покончи с собой.

— Сию секунду, ваше святейшество! — радостно воскликнул Карл. Бросившись к котлу, он выхватил из рукава мантии нож и спокойно разрезал себе запястья. Горячая кровь с плеском хлынула в тошнотворно пахнущий котел.

Подпевая верховному жрецу, толпа затянула молитву, тогда как Карл побледнел и, когда кровь перестала течь, опрокинулся на пол мертвой грудой.

— Смерть для жизни! — крикнул верховный жрец. — Жизнь для смерти!

Толпа подхватила слова и распевала их, пока с потолка не раздался стук.

— Да что там творится! — потребовал объяснений женский голос.

Вытянув костлявый палец, верховный жрец указал на одного из поклонников Бога Кальмара. Выйдя на середину подвала, тот откашлялся:

— Кхм, страшно сожалею, миссис Смиггинс, мы, э-э... Тут кот опрокинул лампу.

— По правилам, никаких домашних животных быть не должно, мистер Уиккер! — сердито проскрежетал голос из-за потолка.

Тот, которого звали Уиккером, в замешательстве огляделся кругом, но овладел собой.

— О, это не настоящий кот, миссис Смиггинс. Я имел в виду парня в костюме кота!

— Согласно правилам, никаких маскарадов тоже быть не должно, мистер Уиккер!

— Это не маскарад, миссис Смиггинс, — отчаянно выкручивался Уиккер. — Мы просто репетируем один скетч.

Строгий голос стал, если такое возможно, еще холоднее.

— А правила, мистер Уиккер, совершенно недвусмысленно гласят: никаких актеров или иной живности.

Подойдя вплотную к Уиккеру, какая-то женщина что-то шепнула ему на ухо.

— Да они не профессиональные актеры! — крикнул он со смешком в голосе. — Это было бы отвратительно! Просто наша группа прихожан готовит скетч... для приюта!

Последовало молчание.

— Ладно! — рявкнула женщина. — Но это последний раз, когда я терплю какой-то шум! — Послышались тяжелые шаги, а вслед за тем хлопнула дверь.

Все в подвале облегченно вздохнули.

— Черт возьми, — выдохнул Уиккер, опустив плечи. — Что за гнусная старая ведьма.

— Если б только она, — вздохнул другой из собравшихся.

— Дьявол! Если эта старая склочница создает столько хлопот, брат, то почему мы попросту не убьем ее? — спросила одна женщина, вынимая из рукава кинжал и проверяя большим пальцем острие.

— Потому что эта точка — наше неподвижное место силы, — раздраженно ответил верховный жрец. — Убийство законной владелицы дома испортило бы наш источник силы, и нам потребовалось бы много недель для нового подключения к пространству магии. Время, которое мы не можем растрачивать попусту.

При этих словах лица у поклонников Бога Кальмара вытянулись, и они зашаркали ботинками.

— Однако, — добавил верховный жрец мгновение спустя, — когда придет время, миссис Смиггинс умрет первой.

— Аллилуйя! — хором прошептали все.

* * *

Ворвавшись через переднюю дверь, запыхавшийся посыльный с телеграфа доставил в лондонский Клуб исследователей конверт. Ливрейный лакей дал посыльному пенни на чай, положил телеграмму на серебряный поднос и чопорно отнес ее по главному коридору в курительную — тихую заводь с ружьями в стенных шкафах, шахматными досками и коробками для сигар. Собравшись вокруг стола для игры в покер, несколько старших членов клуба дымили сигарами, изучая замысловатый чертеж, на котором был изображен сложный ворот, поднимающий некий объект, похожий на ковчег. На заднем плане слабо доносился постоянный гул занятой работой бригады, строящей новое водонепроницаемое крыло клуба.

Появившись как из-под земли, Дживс Синклер перехватил лакея в дверях и принял телеграмму. Тщательно поправив официальный черный костюм, служивший ему формой дворецкого, Дживс подошел к собравшимся у стола для игры в покер и дважды вежливо кашлянул, оповещая о своем присутствии.

Стряхнув в хрустальную пепельницу пепел с сигары, полковник Пирпонт на миг оторвал взгляд от чертежа.

— В чем дело, Дживс?

С нехарактерной смелостью дворецкий вошел в курительную, оставаясь внешне невосприимчивым к густым облакам табачного дыма.

— Телеграмма, сэр, — объявил он.

— Кому? — спросил д-р Томпкинс из-за стойки красного дерева, закрывая пробкой бутылку виски на полке.

Рассмотрев надпись на конверте, Дживс удивленно моргнул, потом изучил ее вновь.

— Ну и ну, похоже, что мне, сэр, — пробормотал он смущенно. — Как странно.

— Вам? — переспросил полковник Пирпонт, кладя сигару обратно на место. Получить неожиданное напоминание, что у обслуживающего персонала есть какая-то личная жизнь помимо работы — это всегда слегка выводило из равновесия.

Достав из жилета крошечный складной нож, Дживс принялся вскрывать конверт с телеграммой.

— С вашего разрешения, сэр?

— Разумеется, сколько угодно, — великодушно сделал знак дозволения лорд Данверс. Как, бывало, говаривала его дорогая матушка, вежливость не стоит ничего, а хороший слуга бесценен.

Убрав конверт в карман, дворецкий, сохраняя бесстрастный вид, дважды перечел короткое послание.

— Чертовски странно, что наш дворецкий получает телеграмму, — пробормотал барон Эджуотерс, поглаживая усы популярного в британской Королевской морской пехоте образца. — На мой взгляд, это отдает социализмом.

— Да полно вам, — упрекнул его другой член клуба, делая чертежным карандашом какие-то пометки в рисунке. — Для вас все отдает социализмом. В том числе и моя игра в бильярд.

— Именно! — громко рассмеялся барон Эджуотерс. — Именно так.

— Плохие новости? — невнятно поинтересовался д-р Томпкинс, красный нос которого обрел уютное убежище в стеклянном стакане с добрым янтарным виски.

Прежде чем ответить, Дживс с преувеличенной тщательностью сложил телеграмму и отправил ее в тот же карман, что и конверт.

— Боюсь, что да, сэр. Я должен буду попросить вас об отпуске.

В курительной зашептались, и исследователи столпились поближе к дворецкому.

Сняв пенсне, полковник Пирпонт протер линзы о рукав.

— На сколько дней?

— На неопределенное время, сэр, — ответил Дживс.

Закончив полировать стекла, полковник снова водрузил пенсне на нос.

— Вот как. А можно спросить, почему?

— Это моя престарелая матушка, — печально поведал дворецкий. — У нее случился рецидив болезни, и теперь она снова слегла.

— Понимаю, — сочувственно кивнул полковник. — Когда вы желаете отправиться в отпуск?

— Немедленно, сэр.

На этот раз в рядах присутствующих членов клуба раздался ропот. Лондонский Клуб исследователей без Дживса? Но это все равно, что крикет без ворот! Да ведь Дживс Синклер был частью клуба с незапамятных времен!

— Черт возьми, старина! — воскликнул лорд Данверс, чуть не выронив стакан виски, чего с ним никогда прежде не бывало. — Но что же мы будем делать без вас?

— С вашего согласия, я попрошу прислать временную замену из Букингемского дворца, — ответил Дживс, закрывая крышку коробки с сигарами, которой никто не пользовался. — У меня там служит кузен, Карл Смайт. Я надеюсь, он вам понравится.

— Кстати, что сегодня на ленч? — проскрипел из кресла у камина генерал Мак-Адамс. Старик был почти с головой укрыт толстым армейским одеялом. — Снова суп? Или опять это проклятое карри?

— Первоклассное ребрышко в винном соусе, — негромко объявил Дживс. — И особенный паточный пудинг от нашего повара.

Генерал туманно улыбнулся.

— Это такой, с ирисками в форме рыбок?

Дворецкий вытер носовым платком слюну с морщинистого подбородка генерала и подоткнул выбившийся из-под старого вояки уголок одеяла.

— Именно так, сэр. Много-много маленьких рыбок.

— Превосходно, — прошептал генерал Мак-Адамс, быстро засыпая.

Сэр Лавджой поднялся из кресла и вышел вперед.

— Послушайте, вам действительно необходимо так спешно уехать?

В высшей степени озабоченный сохранением надлежащего вида, Дживс смахнул крошечную пушинку с бархатного воротничка своего черного утреннего сюртука. Как всегда, он представлял собой идеальную картину дворецкого высшего класса.

— Вызов был срочный, сэр. Боюсь, что должен отправиться не позже чем через час.

— Да будет так, — согласился рыцарь. А затем, после краткого молчания, сэр Лавджой порывисто протянул слуге руку, и они обменялись рукопожатием.

— Счастливо, старина.

Направившегося к выходу Дживса со всех сторон напутствовали признательными возгласами и пожеланиями всяческих благ.

— Берегите себя, — прочувствованно сказал барон Эджуотерс.

— Дайте нам знать, если вам что-нибудь понадобится, — наказал судья Фоксдингтон-Смайт, с непривычно затуманившимися глазами. — Вообще, все что угодно, старина.

— Искренне ценю ваши чувства, джентльмены, — тихо проговорил Дживс, лицо которого скрыл полумрак, когда он шагнул в тень главного коридора. — Но могу точно гарантировать вам, что это дело закончится смертью.

10

Могучие волны с грохотом разбивались о нос «Белла Донны»*, рассекавшей холодные воды Тирренского моря. Хотя утро наступило прекрасное, паруса на итальянском пароходе были убраны и надежно привязаны к реям, а люки грузового трюма плотно задраены, словно это прочное судно подготовили к сильному шторму. Мостик располагался над комплексом рабочих помещений и личных кают. За стеклом больших окон мостика можно было разглядеть рослых молодцов в тяжелых бушлатах, которые стояли у штурвала, обшаривали в бинокль горизонт и поминутно сверялись с навигационными картами. Сразу за мостиком возвышалась проклепанная труба, извергавшая массы густого черного дыма.

С самого рассвета арендованное судно шло на всех парах. Несмотря на то, что на борту был экипаж из двух сотен моряков, палубы корабля оставались безлюдными, за исключением двух промокших фигур, стоявших на самом носу. Разбивающиеся о нос волны постоянно окатывали их холодной морской водой, но эти двое лишь привычно раскачивались в такт движениям швыряемого волнами судна и продолжали проверять оружие, которое держали в руках.

Сосредоточенно нахмуренные и поглощенные своим занятием, проф. Эйнштейн и лорд Карстерс были в стеганых дорожных одеждах, макинтошах и сапогах из тюленьей кожи, а по бокам у них висели объемистые парусиновые мешки.

Небо на горизонте темнело, солнце начали заслонять тучи. Однако море оставалось неестественно спокойным, и столь же неестественным казалось отсутствие рыбы. За все время с того момента, как «Белла Донна» рано утром вышла из порта, исследователи не увидели в море никакой живности, ни малейшего движения, а эти воды всегда славились богатым разнообразием морской жизни.

Наморщив лоб, лорд Карстерс закончил заряжать свой «Веблей» и убрал револьвер в наплечную кожаную кобуру военного образца.

— Вы действительно думаете, что это сработает, профессор?

— А вы можете предложить что-либо иное, юноша? — спросил проф. Эйнштейн, нервно крутя серебряного льва на эфесе своей трости-шпаги. «Адамс» 32-го калибра удобно разместился в кобуре на поясе, а за голенищем правого сапога профессора скрывался грозный французский стилет.

— Если б я мог, сэр, — прогромыхал Карстерс, — то нас бы здесь не было.

— Тогда проверьте, пожалуйста, дистанцию. Тут важна точность.

Сунув руку в висящую у него на боку парусиновую сумку, лорд Карстерс извлек медный секстант и, прищурясь, посмотрел через прибор на затягивающееся тучами небо. В облаках ненадолго возник разрыв, и лорд, поймав солнце, произвел в уме быстрые вычисления.

— Готово, сэр, — доложил Карстерс, возвращая секстант в мягкое гнездо футляра, лежащего в сумке. — Мы вышли из

двенадцатимильной зоны и официально находимся в международных водах.

Поправив обшлага рукавов, Эйнштейн сделал вдох.

— Значит, пора. Вы готовы?

Расстегнув воротничок, лорд Карстерс пробурчал нечто утвердительное.

Сложив ладони рупором, профессор отвернулся от моря и крикнул в сторону корабля во всю силу легких:

— БОГ КАЛЬМАР НЕ ГОДИТСЯ ДАЖЕ ПСУ НА ЗАВТРАК!

Тотчас же раздался дикий вопль, и выскочивший из-за шлюпки матрос с рычанием бросился на англичан, размахивая большим ножом. Изготовившись для стрельбы, лорд Карстерс нажал на спуск «Веблея», и единственный гулкий выстрел свалил матроса на палубу.

На мостике вахтенные выронили из рук все, что в эту секунду держали, и показывали пальцами на палубу, потрясенно разинув рты.

— Итак, сэр? — спросил Карстерс, все еще сжимая в руке дымящийся револьвер.

Торопливо сунув руку в карман дождевика, проф. Эйнштейн достал хрустальный шарик с заточённым в нем мумифицированном тарантулом. Слегка смущаясь, он коснулся шарика кончиком языка.

— Что-нибудь есть? — с живостью спросил лорд Карстерс.

Опустив шарик, профессор печально покачал головой.

Лорд Карстерс подбоченился и скептически посмотрел на старшего коллегу.

— Вы уверены, что эта штука работает?

— Абсолютно. Будь здесь где-нибудь живые мертвецы, я определенно смог бы заметить их присутствие. — Эйнштейн рассеянно погладил шарик, и паук дернулся в ответ. — Этот талисман доказал свою полезность уже бессчетное количество раз. Нисколько не сомневаюсь, что тот знахарь, которому он раньше принадлежал, был крайне раздосадован, обнаружив его отсутствие. Хотя я оставил ему взамен великолепный портрет Ее Величества.

— Более чем адекватная компенсация, — признал лорд Карстерс. — Тогда вопрос следует формулировать так: а есть ли там вообще что-нибудь — хоть что-то — или нет.

Убрав револьвер в кобуру, лорд извлек из парусиновой сумки подзорную трубу Королевских военно-морских сил и окинул внимательным взглядом горизонт.

— А пока, сэр, мы, похоже, тут одни.

— Ну, это была всего лишь идея, — слабо возразил проф. Эйнштейн.

— Идея, из-за которой мы, вполне вероятно, сами себя загнали в ловушку — на корабль, в экипаже которого сплошные кальмаропоклонники, — резко напомнил ему Карстерс. — Если бы, откликнувшись на то объявление, на корабль, отплывающий «уничтожить Храм Живого Бога Кальмара», записался хоть один нормальный моряк, то он, как мне представляется, уже был бы на палубе, чтобы выяснить, что тут за стрельба.

Когда очередная волна разбилась о нос, взметнув каскад брызг, профессор задумчиво нахмурился и сунул руки в карманы.

— Да. Если бы пришлось давать объяснения, я собирался сказать, что это было сделано в порядке самообороны. Однако, похоже, объяснения не понадобятся.

Но едва произнеся эти слова, проф. Эйнштейн переменился в лице и с силой хлопнул себя по голове.

— Ну конечно! Какой же я болван! Это была самооборона! — Профессор сделал жест в сторону распластавшегося на палубе остывающего трупа. Тело обдало очередной волной, и конечности задвигались в непристойной пародии на жизнь.

— Разве вы не понимаете? — вскричал Эйнштейн возбужденно. — Этот малый бросился на нас с ножом! Это все сводит к нулю! Легенды ясно гласят, что жертвоприношение должно быть актом убийства.

Лорд Карстерс очень и очень медленно отвел от глаза подзорную трубу и развернулся на месте, уставившись на профессора сверху вниз.

— Это означает, что мы должны хладнокровно убить одного из матросов? —вопросил он.

— Именно!

— Н-но мы не можем этого сделать! — воскликнул лорд.

— Что? Это почему же, юноша?

— Да потому, что это будет убийством! Самым страшным преступлением, какое только можно совершить!

Проф. Эйнштейн в раздражении вскинул руки.

— Но в этом-то, черт возьми, и заключается вся идея, болван вы этакий! Кроме того, вы же сами сказали, что экипаж определенно состоит из кальмаропоклонников, так в чем проблема?

— Я мог и ошибиться, — заколебался лорд Карстерс, убирая в сумку подзорную трубу. — Мне приходит в голову, что, может быть, какой-нибудь совершенно невинный моряк не решается появиться, после того как эти странные работодатели только что застрелили его товарища. Возможно ведь и такое.

— Ну, может быть, — неохотно согласился профессор.

А Карстерс настойчиво продолжал:

— Кроме того, мы не можем быть уверены, что убийство даст какой бы то ни было эффект. Конечно, легенды все слышали, но они могут оказаться не более чем легендами. Вы просите меня совершить убийство — самое серьезное и ужасное преступление, какое только можно вообразить, — ради того, что, возможно, лишено всякого смысла.

Приняв позу как для выступления в парламенте, английский лорд сцепил руки за спиной.

— Сожалею, сэр, но как офицер и джентльмен, я не могу этого сделать.

— Значит ли это, что теперь можно выходить, не опасаясь за жизнь, *signore*? — спросил робкий голос, и из-за одной из спасательных шлюпок высунулось испуганное лицо. — Если вас это не слишком затруднит, то, по-моему, экипаж хотел бы вернуться в порт. Я забыл свой бумажник.

Многочисленные крики из-за других шлюпок подтвердили, что большинство членов экипажа оставили на берегу разные предметы, без которых они будут как без рук.

С ощущением какой-то пустоты в желудке, Карстерс тяжело вздохнул.

— Это было серьезной потерей времени, сэр, — произнес он, а затем так и подпрыгнул, когда по главной палубе «Белла Донны» разнесся резкий хлопок пистолетного выстрела.

Пригнувшись, лорд Карстерс выхватил собственное оружие, тогда как проф. Эйнштейн сделал один за другим два выстрела. На другом конце палубы матрос вцепился в окровавленные лохмотья своего горла, сделал несколько неверных шагов назад и упал через поручни, исчезнув в неспокойном море.

— Не спускайте с них глаз, — скомандовал Эйнштейн, снова извлекая на свет тарантула.

Взведя большим пальцем курок «Веблея», чтобы можно было стрелять немедленно, Карстерс заметил, как по всему кораблю сыпанули, прячась кто куда, бесчисленные матросы. Оказывается, на «Белла Донне» было куда больше моряков, чем он представлял себе. Намного больше. Страшно намного больше. И большинство из них теперь были облачены в балахоны. *Ой-ей-ей!*

— Сэр, я поражен, — произнес лорд Карстерс уголком рта, потому что высматривал признаки новых коварных происков врага. — Но как вы узнали, то тот малый был кальмаропоклонником? Заметили его кинжал?

— Я понятия не имел о кинжале, юноша, — честно сознался профессор, касаясь языком шарика. — Но от наших действий зависит судьба мира. Нам требовалось убить человека, и я это сделал.

В полном ужасе лорд опустил оружие и уставился на пожилого профессора.

— Сэр! — воскликнул он, вкладывая в это единственное слово очень богатое содержание и очень сильное чувство.

А проф. Эйнштейн в полном замешательстве продолжал:

— Я совершенно уверен, лорд Карстерс, что преисподни многих религий, как существующих, так и забытых, уже борются за обладание моей душой. И поступаю так, как считаю наилучшим. А теперь тихо. Там что-то есть.

И потом негромко, словно говоря с самим собой, профессор добавил:

— А если учесть, сколько священных храмов я осквернил и сколько обидел священнослужителей, то иудео-христианской команде придется записаться в очередь, чтобы заполучить меня в свои лапы.

Перехватив поудобнее «Веблей», лорд Карстерс пробормотал себе под нос что-то о цели, оправдывающей средства. А затем лорд прервал моральную литанию, поскольку его внимание привлекла шлюпка, за которой прятался убитый им матрос. При более внимательном рассмотрении было видно, что морская вода начинает смывать свежую краску на бумажных заплатах, прикрывающих просверленные в корпусе бесчисленные дырки. Эта шлюпка была не более мореходной, чем дуршлаг! И у лорда молниеносно возникла мысль, а не проделали ли то же самое со всеми остальными шлюпками, а то и с корпусом «Белла Донны»?

— Слушайте, профессор, — хладнокровно промолвил Карстерс. — Если сейчас еще и «Летучий Голландец» появится, будет ой как весело.

— Он близко, — будничным тоном заявил Эйнштейн, устремив невидящий взор куда-то вдаль. — Да, очень близко.

Глянув через планшир, лорд увидел только пустынное море, простирающееся до штормового горизонта. Шторм быстро приближался. Еще не легче.

— Где он, сэр? — спросил лорд.

Не отрывая языка от своего странного шара, профессор показал пальцем за левый борт итальянского парохода.

— Там, — пробормотал он. — Я чувствую какое-то присутствие. Нет, не кого-то одного, а многих. Они нас увидели и крайне раздражены. Это огромное зло, юноша. Огромное зло и огромная печаль.

Проф. Эйнштейн оторвал язык от хрустального шарика; тот отклеился с негромким звуком, как если бы примерз зимой к фонарному столбу.

— Они здесь, — прошептал он, вытирая шарик.

Вполне объяснимо обеспокоенный, лорд Карстерс вперил взор за левый борт, но там наблюдалось лишь легкое потемнение воздуха, словно с моря поднимался вечерний туман. Сзади послышался шорох. Карстерс резко развернулся на месте и выстрелил вслепую из «Веблея» в воздух; гулкое эхо выстрела заставило дюжину вылезших из укрытий вооруженных молодчиков снова попрятаться.

— В поезде у них были револьверы — почему они сейчас не воспользуются ими? — раздраженно произнес лорд.

— Когда жил Бог Кальмар, огнестрельного оружия еще не существовало, — пробормотал профессор, стараясь не терять концентрации. — А сейчас уже осталось слишком мало времени до церемонии возрождения. Магическая сила возрастает, но их способность пользоваться огнестрельным оружием, напротив, слабеет.

— Ага. Нам повезло.

— В данный момент — да. Но позже... — Эйнштейн снова коснулся языком шарика.

— Позже? — встревоженно спросил лорд Карстерс.

— Они здесь, прямо рядом с нами, юноша! — удовлетворенно воскликнул профессор, убирая в карман талисман. — Да, я

вижу одного из них. И... и он увидел меня! Что за... У него что-то в руках. Раскручивает над головой. Что-то вроде абордажного крюка. Я... берегись! — Вскрикнув от боли, проф. Эйнштейн дернулся вперед и схватился за грудь.

Держа «Веблей» наготове, лорд Карстерс вцепился в руку профессора, удерживая его от падения за борт. Но рука казалась какой-то странной на ощупь, легковесной и хрупкой, почти как если бы была сделана из сухих листьев.

— Что случилось, профессор? —спросил лорд с тревогой. — С вами все в порядке?

— М-моя душа, — еле слышно проговорил смертельно побледневший проф. Эйнштейн. — Им... им не требуется моя телесная оболочка, юноша, — только моя душа.

— Наглые мерзавцы!

— И теперь они получили ее, — прошептал профессор.

В страшном ужасе лорд Карстерс наморщил лоб.

— И они готовы убраться?

Опустив плечи, проф. Эйнштейн уныло кивнул.

— Они взяли то, за чем явились. Все кончено. Мы снова потерпели неудачу.

— Так не пойдет! — угрюмо заявил Карстерс. Оставив своего дрожащего друга, лорд подошел к поручням, набрал побольше воздуха в легкие и проревел как можно громче:

— Э-ге-гей, Голландец! Прошу разрешения подняться на борт!

При этом крике весь мир, казалось, замер. Даже ветер прекратился, а на море застыли волны.

Двигаясь еле-еле, Эйнштейн снова коснулся языком талисмана.

— Я чувствую замешательство, — пробормотал профессор. — И много вульгарных выражений. Боже правый!

Материализуясь из пустоты, к пароходу протянулся древний деревянный трап и с громким стуком вступил в контакт с палубой. Не дожидаясь дальнейших приглашений, проф. Эйнштейн и лорд Карстерс перепрыгнули через планшир и оказались на эфемерной доске.

По всей «Белла Донне» раздались вопли ярости, и из-за шлюпок, кабестана, якорной лебедки, угольного бункера, мостика, сапунов, канатных бухт, из люков и иллюминаторов и даже из дымовой трубы полезли десятки выряженных в балахоны ма-

тросов, размахивающих ножами, тесаками, топорами и другими орудиями уничтожения. Несколько матросов бросили вслед исследователям ножи, другие метнули гарпуны, а двое стрельнули из арбалетов, но весь этот залп, не причинив никакого вреда, прошел сквозь призрачных Эйнштейна с Карстерсом, когда те побежали по исчезающему трапу.

Углубляясь в туман, лорд Карстерс оглянулся и увидел, как «Белла Донна» начинает исчезать из вида; ее экипаж в балахонах беззвучно выкрикивал непристойности и размахивал целым арсеналом оружия.

Облегченно вздохнув, лорд тут же поперхнулся густеющим туманом — зловонными испарениями, насыщенными острым запахом древней пыли и гниющих трупов. Закашлявшись, Эйнштейн прикрыл лицо тряпкой, и Карстерс благоразумно последовал его примеру. Черт подери, вонь стояла просто ужасная!

Постепенно проступая из тумана, на исследователей надвигался силуэт, смутно напоминающий очертания корабля, тип которого, впрочем, совершенно не был знаком обоим немало поездившим по миру путешественникам.

Когда силуэт был совсем близко, проф. Эйнштейн и лорд Карстерс услышали донесшийся сзади отголосок громового взрыва и когда они обернулись, то увидели, что большая часть главной палубы сменилась дымящейся дырой и «Белла Донна» уже начала, кренясь, погружаться в Тирренское море. Раскиданные взрывом пламенеющие обломки все еще падали с неба, покуда неистово мечущиеся матросы пытались заткнуть тряпками дыры в шлюпках, в то время как другие неуклюже ныряли в соленые воды. Через несколько секунд разразился нарастающей силы шторм, и пароход исчез среди вспышек молний в проливном дожде.

Продвигаясь уверенным шагом по трапу, профессор Эйнштейн отвернулся от этого пандемониума.

— Отлично, юноша. Откуда вы знали, что эта безумная идея сработает?

— Я не знал, — честно ответил лорд Карстерс, не отрывая глаз от шаткого трапа. — Но она определенно обладала одним очевидным достоинством: никто и никогда такого не делал. Кто же по доброй воле попросится на борт «Летучего Голландца»?

— Р-р-р, — проскрежетал откуда-то из вздымающейся стены облаков нечеловеческий голос. — Вот это-то мы и хотим узнать, приятель.

11

Над Лондоном медленно и величаво плыли звуки колоколов Биг-Бена, отбивающего время, и окружавший башню кокон строительных лесов слегка подрагивал при каждом ударе колокола.

На другом конце города Мэри Эйнштейн, отпивая из чашки обжигающий кофе, наблюдала сквозь треснутое оконное стекло за улицами внизу. На сгибе левой руки у нее покоился заряженный дробовик, а за пояс, надетый чуть выше турнюра, была заткнута пара револьверов «Адамс».

Господи боже, неужели сейчас всего два пополудни? — подумала она, не в силах поверить в это. — *Ночь была такой долгой. Очень, очень долгой.*

Почитатели Бога Кальмара совершили двенадцать нападений на музей, и каждый налет был более кровавым и злобным, чем предыдущий. С помощью винтовки и арбалета она ликвидировала с дюжину этих негодяев, но они все лезли и лезли, столь же неудержимые, как муравьи-воины или адвокаты.

Уж не знаю, чем они там еще знамениты, эти дутарианские ребята, — бесилась про себя Мэри, — *но развиты они не по годам!*

Она и представить не могла, что будет с ее дядей, когда он увидит нынешнее состояние музея. Изрядная часть здания превратилась в руины с сотнями разбитых на куски или уничтоженных огнем бесценных экспонатов. Все окна, кроме этого в гостиной, были забиты досками, чтобы скрыть отсутствие стекол, а зияющие дыры в крыше были грубо залатаны деревянными столешницами. Даже сводчатые железные ворота, которые без единой царапины перенесли События, теперь висели, искореженные, на своем потрепанном каркасе, держась на единственной треснувшей петле. Стены музея покрылись рябью пулевых выбоин, а мостовая потрескалась от взрывов. Сад был совершенно уничтожен, могучий дуб раскололся пополам, а в небольшом углублении лежал сломанный меч. Прощальный подарок от поклонника Бога Кальмара, которому она всадила две пули в зад, прежде чем он выпустил из рук грозное оружие.

Даже кошки куда-то подевались, — вздохнула Мэри. — *Сбежали, испарились или похищены — теперь уж не узнаешь.*

Устраивая дробовик поудобнее, Мэри вытянула шею, пытаясь разглядеть одинокого констебля, который стоял на углу улицы,

посвистывая и крутя дубинку. Один-единственный фараон. Ну, так ведь, как выразилась полиция, по сравнению с Событиями, это дело было не многим больше, чем пьяная потасовка субботним вечером. Хотя, положа руку на сердце, Мэри начинала подозревать, что в полиции ее дядю считают кем-то вроде осквернителя могил, и действительно не знала, кого поддерживать, когда кто-то пытался выкрасть обратно его трофеи. Но как же узко они мыслили! Даже частные сыщики, которых она пыталась нанять, все, как один, наотрез отказывались от работы, как только узнавали, на кого им предстоит работать. Дурная слава дяди Феликса настигла его наконец. Жаль, что это общественное возмездие пришлось на ее смену. Ну, да ладно, такова жизнь.

— Я вот думаю, мисс Эйнштейн, — сказала Катрина, надевая на арбалет новую тетиву. — А что, если все эти нападения совершались не для попытки похитить вас и использовать против профессора?

Отодвинувшись от окна, чтобы снова не получить пулю в спину из проезжающего кэба, Мэри, прихрамывая, пересекла гостиную и тяжело упала в кресло.

— Но для чего же еще? — спросила она, выдергивая из бархатной ткани отравленные дротики.

— Я, разумеется, понятия не имею, мисс, — ответила Катрина, вставляя в арбалет стрелу. — Но, возможно, этим ребятам Бога Кальмара нужно что-то из музея — какой-то древний предмет, оберег или талисман для завершения церемонии возрождения.

— Или же что-то такое, чего они боятся, — задумчиво пробормотала Мэри, метнув стрелку в потрескивающий в камине огонь. Секунду спустя пламя сделалось черным, как смоль, забурлило, заклокотало, а затем снова стало нормальным.

— Какой замечательный яд, — искренне восхитилась Катрина, вешая арбалет за плечо. — Почти такой же, как у наших золотых лягушечек.

— Чуть менее сильный, — устало улыбнулась Мэри, смахивая с лица выбившуюся прядь волос. Что-то в музее, а не она... Черт возьми, а ведь это страшно умная мысль. Но что же им могло понадобиться? В диапазоне между открытой экспозицией и частной дядиной коллекцией предметов с оккультным значением это могло быть что угодно.

Поднявшись с дивана, Катрина подошла к сервировочному столику и налила две чашки холодного и густого европейского кофе, который так любил профессор. Машину для варки подарили на Рождество лично ему, но во время боевых действий кофе полагался всем, а это похожее на грязь варево могло и труп заставить двигаться пару недель. А с сахаром, так и дольше.

— Что мы можем сделать, мисс, если они хотят похитить какой-то экспонат? — спросила Катрина, проходя через гостиную. — Мы и так уже все заперли на все замки, да еще и констебль поставлен на улице.

Отшвырнув пинком с дороги валявшийся на ковре погнутый нож, кухарка поднесла измотанной женщине наполненную до краев кружку, и Мэри кивком поблагодарила ее.

— Ну, — медленно произнесла Мэри, поморщившись, когда пригубила едкий напиток. — Мы всегда можем сжечь дом.

— Мэм? — пискнула Катрина, выронив кружку. Холодный кофе разлился по полу и зашипел сильнее, чем яд Бога Кальмара в камине. — Сжечь музей... н-но это же труд всей жизни вашего дяди! Это убьет его, когда он увидит свой музей сровненным с землей, как поле для крикета!

— Да, это так, — вздохнула Мэри, отставляя в сторону пустую кружку. — Но может статься, что нам не останется иного выбора. Так, на всякий случай, — сколько там у нас, в буфете, минерального масла и динамита?

— Уйма, — ответила с ирландским акцентом Катрина, в которой неожиданно прорезалось наследие изумрудного острова. — Но не торопитесь спешить, маленькая мисс. Давайте сперва немного поразузнаем. Наверно, я смогу обеспечить нам некоторую помощь в этом деле.

— Новых тигров? — полюбопытствовала Мэри, вытаскивая револьвер и проверяя патроны в барабане. — Или, может, на этот раз львы? Если мы задействуем собак, то лучше пусть их будет чертовски много. Или, по крайней мере, это должны быть исключительно крупные собаки. Кстати, как мне помнится, я слышала немало хорошего о некой псарне близ Баскервиля...

— У меня идея получше, дорогая, — решительно заявила Катрина. — Нам нужно не что иное, как помощь в охране этого современного мавзолея.

Тут кухарка внезапно оборвала речь, заметив осторожное движение за окном. Когда Мэри подняла взгляд и увидела вы-

ражение лица Картины, то мгновенно выскочила из удобного кресла и быстро развернулась кругом. В то время как Мэри поднимала к плечу дробовик, Катрина проделывала то же самое с арбалетом. Когда обе женщины приготовились стрелять, по подоконнику пробежала мохнатая белочка с полными щеками орехов. Очень и очень медленно женщины изменили позу со стрелковой стойки на более расслабленную и снова отложили оружие.

— Ты говорила о какой-то помощи, — устало вздохнула Мэри. — Но, к несчастью, я уже испробовала все возможности. Полиция слишком занята, военные говорят, что их это не касается, а члены Клуба исследователей защищают от дождя собственное здание. Что бы там это ни значило! К кому же еще обратиться?

— Вы удивитесь, когда услышите, — шепнула с заговорщицким видом Катрина, глянув в окно. — Скажу вам, когда вернусь, мисс. Я, знаете, всего на пару минут.

Отпуская кухарку взмахом руки, Мэри снова расположилась в кресле.

— Как хочешь. Кальмарники редко нападают днем.

— Да, знаю. — Отложив в сторону арбалет, Катрина взяла из ящика комода, набитого оружием самых разных марок и моделей, запасной револьвер «Веблей-32», а затем пришпилила на место украшенную цветами широкополую шляпку и торопливым шагом вышла из гостиной, заперев за собой дверь.

Может быть, она, как и дядя, принадлежит к какому-то тайному обществу, — подумала Мэри, устало усмехаясь. — *Международный Союз Кухарок и Поварих. Компания «Домработницы, Инкорпорейтед».*

Порывисто поднявшись и собираясь приготовить себе еще европейского кофе, Мэри подавила недостойный зевок. Сейчас бы она не постеснялась принять помощь от кого угодно. Даже от того странного и таинственного клуба «Дочери Лесбоса», который так хотел заполучить ее в свои члены, но дядя Феликс категорически не разрешил ей даже посетить хотя бы одно собрание.

Порывшись в кармане, Мэри нашла спичку «Люцифер» и очень не по-дамски зажгла ее, чиркнув о каблук. Запалив маленькую спиртовую горелку под серебряным кофейником, она отрегулировала голубое пламя, и кофе вскоре забурлил. Устало

доплетясь до кресла, Мэри вдохнула резкий запах кофе и мысленно помолилась Вселенной о том, чтобы у дяди Феликса и Бенджамина получалось остановить надвигающийся апокалипсис лучше, чем у нее.

* * *

Когда толстая кухарка покинула музей и торопливо зашагала по улице, тощая белочка выплюнула изо рта орехи. *Черт, что за ужасный вкус!* Выйдя на угол улицы, белка сунула в рот два крошечных пальца и свистнула кэб. Когда карета, не останавливаясь, прогрохотала мимо по булыжникам мостовой, белка посмотрела на свою мохнатую лапу, а затем стукнула себя по голове прямо между заостренных ушей. Белка бросилась в невысокий кустарник, из которого вскоре донеслось какое-то нечеловеческое бормотание, последовала вспышка света, удар грома, и из куста поднялся покрытый пучками меха и листьев дутарианский верховный жрец Живого Бога Кальмара.

Кое-как выбравшись из густых кустов, измотанный верховный жрец начал было подзывать другой кэб, остановился и сердито выплюнул изо рта желудь. Во имя Великого Бога Кальмара, эти проклятые штуки затесались повсюду!

Подойдя к кромке тротуара, верховный жрец пронзительно свистнул, и тот же самый кэб, чуть ранее проехавший мимо, на этот раз остановился, позволяя жрецу забраться в карету.

— Как все прошло, Святейший? — спросил кэбмен, тряхнув поводьями. Лошади заржали и тронулись легкой рысью.

— Эти маленькие глупые юбки собираются привести какую-то подмогу, — проворчал жрец, откидываясь на спинку сиденья, а затем нахмурился и, сунув руку в штаны, извлек оттуда еще один желудь. На сей раз он отправил его в рот и вовсю принялся жевать.

— Это может обернуться бедой, сэр, — сказал возница, покосившись на тротуар. На углу маршировала, построившись плотной колонной, целая рота британской Королевской морской пехоты; на древке развевался «Юнион Джек», а двое мускулистых шотландцев в килтах мастерски заставляли страдальчески выть свои волынки.

— Только для них, — проворчал верховный жрец, повернувшись, чтобы поскорее выплюнуть остатки желудевой шляпки. *Хмм, весьма неплохо. Видно, ко вкусу желудей просто надо привыкнуть. Как, например, к американскому пиву или человеческим мозгам.*

А за пределами кэба марширующие солдаты с большим усердием затянули новую мелодию. Заслышав этот кошачий концерт, жрец поморщился. *А вот волынки, с другой стороны...*

— Что вы имеете в виду, сэр? — озадаченно спросил возница, кривясь от музыкального покушения на свой слух.

Разодрав носовой платок, тощий дутарианин заткнул кусками ткани уши. *А, вот так-то лучше.*

— Если эти дамы могут вызвать подмогу, то и мы тоже! — сердито прорычал верховный жрец. — Только позволь заверить, что наши новые помощники будут намного более... инфернальными, чем любые из тех, что могут нанять они.

12

Сойдя с трапа, проф. Эйнштейн и лорд Карстерс пролезли через люк в планшире и оказались на деревянной палубе странного судна. Когда они ступили на нее, окружавший исследователей неестественный туман сделал последнее завихрение и растаял без следа. Когда в воздухе прояснилось, друзьям на мгновение показалось, будто они уменьшились в размерах. Однако тут же ошеломленные исследователи поняли, в чем дело: этот парусник был огромным. Чудовищно огромным. Громадней всего когда-либо виденного ими.

Судно походило на клипер Старого света, с уходящей вдаль, словно огромная пустынная равнина, главной палубой. К небу тянулись девять громадных мачт, все, как одна, толще Белой башни Тауэра. Десять тысяч акров парусов были опутаны милями канатов. На палубе имелась дюжина кабестанов с намотанными на барабаны цепями, отдельные звенья которых были настолько толстыми, что сами по себе могли служить якорями. Форкастль был больше, чем Альберт-Холл; на шканцах мог проводить маневры армейский батальон, в то время как ахтеркастль равнялся по величине замку Букингемского дворца.

Наблюдались и еще большие странности. Темная древесина корабля была рыхлой, и хотя, если не приглядываться, казалась прочной, было заметно, что материал весьма опасно деформирован. Вдобавок ко всему, там было четыре гигантских штурвала, каждый из которых был развернут в свою сторону, чего по определению быть просто не может. Медленно покачиваясь, как в кошмарном сне, корабль странным образом двигался независимо от волн и ветра, и над всем царил тихий вой, как по покойнику. Этот потусторонний стон издавала сама древесина плавучего монстра.

А еще там был экипаж. Вокруг Эйнштейна с Карстерсом по палубе рассыпались сотни моряков, и еще невесть сколько свисало со снастей, словно обезьяны в джунглях. Британские матросы соседствовали с викингами, глядевшими поверх голов хозяев китайских джонок. Испанские щеголи соперничали за место с американскими работорговцами, в то время как держащиеся подчеркнуто официально немецкие офицеры избегали всяческих контактов с австралийскими контрабандистами и эскимосскими китобоями. Темной ночью, когда с моря накатывает туман, принося с собой запах соли и гниющей рыбы, эти люди могли бы сойти за обычных моряков. Но только в том случае, если увидевший их находился бы под одуряющим воздействием запрещенного наркотика лауданум[1]. Их одежда висела лохмотьями; угрюмые, грязные, вонючие, частично разложившиеся, с печатью ужасных преступлений на каждом небритом лице — вот что представляла собой эта компания. У некоторых были перерезаны глотки, другие имели вытянутые шеи висельников; попадались и такие, кто расхаживал с ножом в спине и с выглядывающим спереди из-под рубахи острием.

Только один моряк не имел видимых увечий — рослый бугай, стоявший чуть в стороне от плотоядной толпы убийц. На нем были сапоги с отворотами, кожаные штаны, желтая шелковая рубашка и грязная красная косынка на голове. Шрам превратил его левый глаз в мертвый белый шар, а в правом ухе сверкало толстое золотое кольцо. И профессор, и лорд в этом босяцком шике сразу узнали пирата из прошлого века.

— Гляди-ка, да вы отличная парочка! — прорычал здоровяк, уперев кулачища в бока. — Никак не думал дожить до того

[1] Лауданум — настойка опия.

дня, когда какой-нибудь чертов дурак *попросит* принять его на борт этого плавучего осколка ада, но вот же — вас целых двое! Хотя, полагаю, один человек на такую глупость в жизни бы не пошел.

— Эй, послушайте... — начал было угрожающим тоном лорд Карстерс.

— Извините, но вы, случайно, не капитан Пауль ван дер Деккен с «Летучего Голландца»? — перебил его, подходя поближе, профессор Эйнштейн.

— Нет! — нахмурился пират, размахивая узловатым кулаком. — Меня звать Джон Бонатер — Рыжий Джон для таких, как ты. И даже будь я капитаном, тебе бы все равно не обломилось с этого ничего хорошего! Твоя душа уже наша! — и он с дьявольским смешком показал наверх.

Эйнштейн и Карстерс дружно подняли головы и ахнули. Высоко среди снастей на узловатой веревке висел Феликс Эйнштейн. Но в петле болталась более молодая версия профессора, и на лице у него было такое же выражение безграничного горя, каким отличались физиономии остального экипажа.

— Постарайтесь ускорить дело, ладно? — крикнула профессору душа. — Тут необыкновенно неудобно.

— Лады, — ответил телесный профессор, отчаянно махнув рукой.

Вновь обретя прежний апломб, проф. Эйнштейн обратился к пирату:

— На данный момент я не сильно заинтересован в этом. Дело, которое я хочу обсудить с капитаном, касается совсем иного. Можно нам увидеться с ним?

Ткнув себя пальцем в грудь, Рыжий Джон рявкнул:

— С капитаном никто не встречается! Даже такие фрукты, как вы двое!

— А почему нет? — просто спросил Эйнштейн.

— Потому что я так сказал! — вызывающе крикнул Рыжий Джон. — Вот почему!

Зловеще посмеиваясь, экипаж выразил согласие враждебным ропотом.

Лорд Карстерс откашлялся в кулак, привлекая к себе внимание.

— Да, но понимаете, — громко и отчетливо произнес он, — мы желаем говорить с капитаном этого корабля, а не с каким-то

сифилитичным, липкопалым, красноносым молокососом-пьянчугой.

При этих словах все члены экипажа разом побледнели. Мертвенно-белая кожа пирата, наоборот, чуть порозовела от ярости, и он с воплем выхватил заткнутую за пояс абордажную саблю.

— Черт побери! — крикнул Рыжий Джон, и на его трупных губах появились клочья пены. — Дайте ему шпагу! Я изрублю тебя на такие мелкие кусочки, что даже крысы тобой побрезгуют! Шпагу ему, я сказал!

Из толпы к лорду Карстерсу полетел, вращаясь в воздухе, шамшер[1]. Исследователь с невозмутимым видом ловко поймал оружие за рукоять и сделал несколько пробных взмахов.

— Хм, дешевая сингапурская сталь, 1820-е годы, — поморщившись, пробормотал лорд. — С неважным балансом и плохим лезвием.

Из толпы моряков раздался неохотный ропот одобрения.

— И если победа будет за мной, я увижу капитана? — спросил Карстерс, скидывая с плеча ремень и опуская тяжелую парусиновую сумку на палубу.

Стаскивая с себя шелковую рубашку, Рыжий Джон рассмеялся лающим смехом; когда он бросил одежду на палубу, открылась зияющая в груди дыра.

— Если победа будет за тобой? О, да, если победа будет за тобой. Но это будет бой насмерть, ты, целующийся с испанцами ублюдок, а мое мимолетное знакомство с полуфунтовым французским ядром дает мне небольшое преимущество, тебе не кажется?

Показывая, как ему скучно, лорд Карстерс подавил зевок.

Без предупреждения пират прыгнул вперед, бешено размахивая абордажной саблей в очевидной попытке расправиться с противником по-быстрому. Но Карстерс легко отбил атаку гибким движением запястья и воткнул острие шамшера глубоко в левое плечо пирата. Не ожидавший такого Рыжий Джон отскочил назад.

— Неплохой ход для прихлебателя короны, — признал пират, рассматривая рану. Ни капли крови не вытекло из нее, только струйка прозрачной сукровицы, пахнущая грязными ногами и озоном.

---

[1] Шамшер — кривая восточная сабля.

— Верблюд твою мать, — шепнул другу Эйнштейн.

— Верблюд твою мать! — прогремел Карстерс.

Рыжий Джон, яростно размахивая саблей, снова бросился в атаку, которую лорд легко отразил верхним блоком и отвел вбок. Но теперь пират начал двигаться осторожно, отскакивая назад и рубя, и начиная пускать в ход острие абордажной сабли. Это была неприятная смена тактики. Лорд Карстерс едва сумел остановить следующую атаку молниеносной серией блоков. Вскоре лорд уже медленно отступал под натиском стали живого мертвеца. Снова и снова ржавая сабля Рыжего Джона устремлялась проткнуть лорда Карстерса, и однажды достала до его шеи, оставив болезненный порез. Рану жег пот, кровь потекла тонкой струйкой за воротник рубашки, но Карстерс не обращал внимания на подобные мелочи.

Высекая снопы искр, противники перемещались по палубе, а экипаж уступал им дорогу, подбадривая громкими криками. Проф. Эйнштейн мельком подумал, а не попытаться ли, покуда бушует бой, улизнуть и найти капитана, но четверка вооруженных мертвяков поблизости была явно намерена удержать профессора там, где он находился.

Клинки противников с беспощадной яростью звенели и лязгали в вихре стали. Уклонившись от выпада, Карстерс скинул с себя пальто для большей свободы движений. С удвоенной энергией он перешел в наступление, и каждый его выпад и удар был отмечен все большей ловкостью. Мало-помалу мрачный лорд оттеснил Рыжего Джона к одной из громадных мачт. Наконец, пират оказался прижатым спиной к деревянной колонне и лишь отчаянно парировал удары.

— Держи, приятель! — крикнул чей-то голос, и пирату бросили еще одну саблю.

Тяжело дыша, лорд Карстерс отступил, выдерживая дистанцию.

— Ну, что же, если ты не собирался драться по-честному, то надо было так и сказать, — медленно произнес он, выхватывая «Веблей» калибра 0,455. Нажав на спуск, лорд отстрелил клинок от эфеса, едва не прихватив и руку пирата.

Ошеломленный и взбешенный, Рыжий Джон отшвырнул эфес и выбил из руки Карстерса дымящийся «Веблей», который заскользил по палубе и исчез за бортом. Толпа одобрительно взревела.

Снова уравняв силы, пират сделал выпад в грудь Карстерсу, но тот увернулся и сшиб Рыжего Джона подножкой на палубу. Крутя шамшером, лорд Карстерс надвинулся на противника, собираясь добить его. Но когда он приблизился, пират нанес рубящий удар на уровне паха. Лорд подпрыгнул как раз вовремя для спасения своих потомков. Брызжа слюной от ярости, Рыжий Джон с трудом поднялся, и бой возобновился.

Стоявший рядом с проф. Эйнштейном африканский воин в головном уборе из перьев и набедренной повязке повернулся к рыжему толстяку в штормовке смотрителя маяка.

— Десять золотых на англичанина, — пророкотал каннибал.

— Идет! — воскликнул толстяк. Спорщики плюнули на ладони и звучно хлопнули ими друг о друга.

Вспотевший профессор изящным движением достал платок и вытер лицо.

— Интересно, — промолвил он, убирая платок в карман. — Вы часто деретесь между собой?

— Конечно! — ответил африканец.

— Вот как. А из-за чего? Из-за еды? Или для развлечения?

— За право быть на палубе, — сумрачно произнес японский самурай.

Слепой уроженец Ямайки раскидал в кивке все свои дреды, соглашаясь с японцем.

— Йа мон, их, кто проигрывай, должны спускайся вниз.

Проф. Эйнштейн бросил взгляд на палубу у себя под ногами. Хотя палубная команда состояла из нескольких сотен моряков, счет совершенных на море убийств запросто должен идти на тысячи. А то и больше. При мысли о том, на что должно походить пребывание внизу в трюме, раз оно вызывает такой жалобный вой, профессору стало дурновато.

— Вперед, юноша! — крикнул Эйнштейн, в первый раз за все это время ощущая легкое прикосновение настоящего страха. — Тебе это по силам!

Лорду Карстерсу поддержка была не лишней: постоянно двигаясь, подобно боксеру на ринге, он начинал уставать, в то время как пират был столь же быстр, как и раньше. Кроме того, сверхмедленное покачивание судна сбивало лорда с ритма. Это покачивание, несмолкающий стон и пустое небо вокруг придавали

этой совершенно реальной, серьезной схватке какую-то сюрреалистическую окраску, почти как во сне. Стряхнув заливающий глаза пот, лорд Карстерс попробовал экономить силы, перейдя к обороне. Он парировал выпады, отражал рубящие удары, дожидаясь подходящего момента, когда противник откроется и можно будет разом закончить эту дуэль. Однако атака пирата-умертвия тоже начала странным образом замедляться. Вскоре стало понятно: Рыжий Джон теперь всего лишь более тщательно выбирал, куда разить. Как серебристая змея, сабля пирата делала новые и новые броски, и лорду Карстерсу становилось все тяжелее отразить клинок. И это навело его на мысль.

Сделав нерешительный выпад, лорд позволил отогнать себя всерьез. Победно ухмыляясь, Рыжий Джон заставил Карстерса попятиться чуть ли не в объятия торжествующей толпы. Блок, финт, выпад, защита, рубящий удар, блок, выпад, защита. Лорд Карстерс безумно размахивал шамшером, казалось, парируя удары противника уже лишь благодаря рефлексам и везению. Силы лорда явно были на исходе.

Промахнувшись с выпадом, Карстерс не сумел вовремя вернуться в позицию и остался стоять с незащищенной грудью, представляющей идеальную цель. С радостным воплем Рыжий Джон сделал выпад с пробежкой. Но в самый последний момент лорд Карстерс развернулся всем телом ровно на столько, чтобы смертельный клинок абордажной сабли проскользнул мимо него и воткнулся в грудь какому-то французу из толпы. Вслед за тем лорд резко развернулся на носках и по рукоять вонзил собственную саблю в голову Рыжего Джона. Сила удара была столь велика, что труп отбросило к мачте, и он повис там, пригвожденный.

Кровожадная толпа разразилась криками, щедро сдобренными ругательствами на всех языках мира. Даже проткнутый саблей француз расхохотался во всю глотку.

— Хитроумный ход, mon ami![1] — заметил он с истинно галльским юмором. — Хороший прием, надо запомнить! Vrai, pas?[2]

— Oui[3], — ответил, тяжело дыша, Карстерс.

---

[1] Mon ami — друг мой (*франц.*).

[2] Vrai, pas? — не так ли? (*франц.*).

[3] Oui — да (*франц.*).

Лишившийся сабли и болтающийся в футе от палубы Рыжий Джон лишь крякнул с досады:

— Да, это был хороший ход, нечего сказать.

— Я всегда говорил, что тебя когда-нибудь повесят! — крикнул с мрачным юмором еще один пират.

— Попей трюмной воды, папаша, — пробурчал Рыжий Джон, пытаясь сфокусировать взгляд на сабле у себя во лбу.

— Означает ли это, что я победил? — спокойным голосом осведомился лорд Карстерс, оставаясь на безопасном расстоянии от пирата.

Проведя ладонью по гриве сальных волос, Рыжий Джон вздохнул, смиряясь с судьбой. Звук получился какой-то странно-свистящий.

— Да, дорогуша. Ты победил, и никто не скажет, будто это не так. Ты и твой приятель повидаетесь с капитаном.

Последнее заявление, хотя и сделанное нормальным голосом, заставило умолкнуть весь экипаж на палубе и тех, кто находился в трюме.

— Это обязательно, Рыжий Джон? — робко спросил громила-викинг.

— Да, гром и молния, обязательно! — прорычал пират, выдирая из головы саблю и швыряя ее на палубу. — Когда Рыжий Джон Бонатер дает слово, он держит его, хоть там что! Ежели только один из вас, морских червей, не воображает, будто может побить меня. — Никто не осмелился встретиться с ним взглядом. — Я так и думал, что таких не найдется.

Радуясь, что эта ерунда, наконец, завершилась, профессор сделал шаг вперед.

— Спасибо, сэр. Я профессор Феликс Эйнштейн, а это — лорд Бенджамин Карстерс.

— Британский лорд, да? — осклабился Рыжий Джон, массируя дыру в груди. — Мне следовало об этом догадаться по твоему честному бою, чтоб ему гореть. Добро пожаловать на борт «Летучего Голландца».

— Так что там за проблема с капитаном? — спросил Эйнштейн, конфиденциально прикрывая рот ладонью.

Экипаж дружно застонал и закрыл лица.

— Спятил, — прошептал Рыжий Джон, дернув себя за бороду. — Видит бог, самому дьяволу тяжко пришлось бы с таким экипажем — шлюхины дети, все как один, — но Пауль ван дер

Деккен тут всех переплюнул, да. Он мнит себя всеми капитанами, какие когда-либо жили на свете, вот что.

Пират ткнул большим пальцем в сторону экипажа.

— Парней это пуще всего прочего пугает, не считая отправки в трюм. — Он с неподдельным чувством содрогнулся. — Ну, да ладно, покончим с этим делом.

Эйнштейн и Карстерс проследовали за мертвым пиратом к небольшой каюте, почти полностью скрытой от взоров за бизань-мачтой. Одернув потрепанную одежду, Рыжий Джон негромко постучал в видавшую виды дверь.

— Кэп, сэр? Тут это, некоторые джентльмены, видеть вас хотят.

В ответ из каюты приглушенно донеслось лишь невнятное бормотание.

Рыжий Джон приник здоровым ухом к двери.

— В иные дни можно почти понять, что он бормочет. Но сегодня, похоже, не тот день.

Отодвинув засов, Рыжий Джон толкнул дверь, и та отворилась с долгим протяжным скрипом. Внутри было темно, единственный потрескивающий в углу фонарь на китовом жире давал лишь слабый желтый свет. В каюте царил полнейший кавардак, с разбросанной где попало битой посудой и гниющей едой. Вся мебель была переломана, свисали на сломанных петлях приоткрытые дверцы буфета. Скособоченный стол был завален смятыми бумагами, рядом стояло изувеченное кресло. По сути дела, единственным нетронутым предметом в каюте был огромный деревянный ящик во всю заднюю стену.

Профессор слегка толкнул лорда Карстерса локтем в бок.

— Вот оно, юноша.

При едва слышном звуке этих слов с койки поднялась гора тряпок.

— Я слышу какое-то тиканье? — проскрежетал мужской голос. — Именно так я и узнаю, что он близко, по этому проклятому тиканью. Часы проглотил, знаете ли. — Фигура хихикнула и вышла на свет.

Пауль ван дер Деккен некогда был настоящим великаном, но это было давным-давно. Намек на габариты еще присутствовал, но капитан как бы втянулся в себя, и то, что осталось, представляло собой лишь каркас из кожи и костей. Нечесаная грива совершенно белых волос спадала ниже плеч, сапоги утратили по-

дошвы и открывали взорам шевелящиеся пальцы ног, а потрепанный голландский мундир свисал с него грязными лоскутами.

Потоптавшись на месте, Рыжий Джон шумно откашлялся.

— Капитан ван дер Деккен?

Капитан безразлично уставился на пирата. А затем вдруг крепко сцепил руки за спиной и вытянулся в полный рост.

— Мистер Крисчен! — проревел капитан ван дер Деккен. — Привязать этих молодцов к мачте и дать им сорок плетей!

— Да, капитан! — четко ответил Рыжий Джон.

Содрогнувшись всем телом, ван дер Деккен бросился за дверь с криком:

— Проклятые торпеды! Самый полный вперед!

Наклонившись поближе к профессору, лорд Карстерс прошептал:

— По-моему, от него не будет большой пользы, сэр.

— Я вас предупреждал, — сказал Рыжий Джон, беря стоявшее у стола капитанское кресло и усаживаясь.

— Да он нам, на самом-то деле, и не нужен, юноша, — заверил профессор, поднимая крышку стоящего у задней стены каюты гигантского деревянного ящика. Этот рундук для хранения морских карт внутри состоял из множества мелких отделений, доверху набитых свернутыми в трубку пергаментами.

— Он вам не надобен? — воскликнул Рыжий Джон, с глухим стуком подаваясь вперед на кресле. — Так за каким же дьяволом вы его растормошили?

Через дверной проем лорд Карстерс увидел, как экипаж пытается согнать капитана ван дер Деккена со снастей, где он рубил абордажной саблей ванты. До лорда слабо доносились крики капитана.

— А-а! Подлые псы! Вы еще узнаете ярость крови!

Профессор с головой ушел в исследование содержимого рундука. Видя, что напарник занят, Карстерс объяснил:

— Мы пытаемся отыскать потерянный дутарианский храм Бога Кальмара. К несчастью, единственная карта, о которой мы знали, была захвачена группой религиозных фанатиков.

Мимо дверного проема промелькнул капитан с засунутым в штанину швартовочным шкворнем.

— Испанский золотой дублон тому, кто первым заметит Моби Дика! — проревел он, с топотом проносясь по палубе. — Смерть белому киту!

Дождавшись тишины, лорд Карстерс добавил:

— Вот у профессора и возникла идея найти «Летучего Голландца». Он постулировал, что, поскольку вы пребываете в вечном плавании по всему миру, у вас должны быть экземпляры всех когда-либо созданных карт. Следовательно, все, что нам требуется — это попасть на борт и найти нужную нам.

Прислонившись спиной к стене каюты, Рыжий Джон хранил непроницаемое выражение на изрезанном шрамами лице.

— И много у вас подобных идей? — спросил, наконец, мертвый пират.

— Ну, в общем-то, они почти иссякли, — признался лорд Карстерс.

— Да уж надо думать, черт побери!

А на палубе капитан орал:

— И таким образом я, именем королевы Изабеллы, заявляю права на Веспуччиландию!

— Карстерс! Я нашел! — взволнованно крикнул из рундука проф. Эйнштейн, победно взметнув руку со свернутой в рулон картой.

Подойдя поближе, Рыжий Джон потер шрам.

— Шутите. Вот уж не думал, что в этом свинюшнике что-то можно найти.

— Но ведь все расположено в алфавитном порядке, — в замешательстве ответил Эйнштейн.

— А, так это магия, ну, тогда все ясно, — промолвил Рыжий Джон, пожимая плечами и дивясь неисповедимым путям офицеров и ученых.

— Ну, так или иначе... — вздохнул проф. Эйнштейн, демонстрируя находку. — На этой карте указано местоположение всех главных храмов в мире. Может, капитан сейчас и сумасшедший, но до своего впадения в безумие он применял превосходную систему каталогизации.

Лорд Карстерс живо принес заправленный жиром фонарь. Развернув потрескавшийся пергамент, проф. Эйнштейн разложил карту на столе, разместив по углам куски разбитой резной раковины.

— Вы только взгляните, юноша! — бурлил энтузиазмом профессор. — Как только мы разберемся с Богом Кальмаром, эта карта задаст работы археологам четырех континентов на весь следующий век!

— Отлично, сэр, — от души порадовался за коллегу Карстерс.

Но тут в каюту ворвался капитан ван дер Деккен и тотчас же схватил карту.

— Анализ, мистер Спок! — потребовал он, тряся пергаментом перед носом пирата.

Вытянувшись по стойке «смирно», Рыжий Джон выгнул единственную бровь.

— Это карта, капитан, — бесстрастно доложил он.

— Нет, гром и молния! Говорю вам, это остров сокровищ Флинта! Вот, ребята, гляньте-ка сюда! — выкрикнув это, капитан, с пеной у рта, снова пулей вылетел из каюты.

— Добыть эту карту! — приказал профессор, бросаясь в погоню.

Гибкий как русалочка на первом свидании, капитан ван дер Деккен помчался по палубе, преследуемый по пятам Эйнштейном и Карстерсом. Когда исследователи стали настигать его, капитан остановился, круто развернулся и схватил крышку от бочки, держа ее словно щит.

— Тебе не одолеть Америку, Красный Череп! — проревел ван дер Деккен, резким движением руки запустив крышку в их сторону.

Натренировавшись за многие годы уворачиваться в джунглях от копий разных туземцев, Эйнштейн с Карстерсом дружно распластались на палубе, а импровизированный снаряд, вращаясь, пролетел над ними, отскочил от пиллерса и хряснул по зубам рыбака-грека.

— Хватай его, ребята! — заорал, не поднимаясь с палубы, профессор Эйнштейн.

Но моряки и не подумали вмешаться, когда несущий околесицу капитан промчался мимо них.

— А это ты хватил лишнего, приятель, — холодно процедил Рыжий Джон, положив руку на заткнутый за пояс нож. — Может он и безумный, но Пауль ван дер Деккен все еще капитан этой адской посудины, и с ним надо обращаться, как положено с капитаном!

— Но мы должны получить эту карту! — взмолился лорд Карстерс.

— Если вы ее получите, то только потому, что он ее вам отдаст, — твердо заявил Рыжий Джон. — Но вздумаете взять

силой, и ответите экипажу. Всем нам. — При этом грозном предупреждении со всех сторон раздалось негромкое угрожающее ворчание.

— А, понимаю, — неохотно уступил лорд Карстерс и отвесил легкий поклон Эйнштейну. — По-моему, это ваш профиль, профессор?

Эйнштейн с болезненным выражением помассировал виски.

— Да, ну что же, тогда, наверное, мне стоит пойти поговорить с ним.

Устав, в конце концов, безумно носиться по палубе, когда никто не догоняет, капитан присел на полуюте, прислонившись к станине одного из громадных штурвалов.

Подкравшись как можно ближе, проф. Эйнштейн обратился к страдальцу на безупречном голландском:

— Капитан ван дер Деккен? Я прибыл сюда, чтобы освободить вас от проклятия!

Капитан с откровенной враждебностью прожег его презрительным взглядом.

— Да кого волнует, что у нас прямо по курсу айсберг? «Титаник» непотопляем!

Не обращая внимания на этот бред, Эйнштейн медленно просунул руку в наплечную сумку и извлек из нее парусиновый мешочек.

— Это земля, сэр. Земля из Амстердама.

Это последнее слово ударило капитана словно тяжелый кулак, и он отшатнулся, явно затрудняясь дышать.

— Проклятье гласит, что вам суждено скитаться по морям и больше никогда не пристать к берегу в родном порту. Но вот это, сэр, — поднял повыше кожаный мешочек профессор. — Это, сэр, *и есть Амстердам.*

Последовала пауза. Вязкую тишину нарушали лишь звуки, издаваемые душами, да шум моря. Когда же капитан ван дер Деккен заговорил, голос его сделался иным — старым и гулким.

— Как... — тихо прошептал он.

— Мы знали, что коль скоро окажемся на борту вашего корабля, то это будет единственным способом сойти с него. Я прихватил ее с собой из Лондона именно в расчете на такой чрезвычайный случай. — Профессор мягко улыбнулся. — На самом-то деле я приобрел ее на блошином рынке вместе с одним довольно примечательным медным браслетом.

Медленно распрямляя руку, Эйнштейн протянул мешочек капитану, и весь экипаж, не сводя глаз, наблюдал за этим простым действием.

— Пожалуйста, капитан, — проникновенно попросил профессор, — дайте мне карту.

Пауль ван дер Деккен с нарастающей тревогой поглядел на свиток пергамента у себя в руке, словно впервые увидев его. По всему его телу пробежала крупная дрожь, и капитан протянул трясущуюся руку. Как только профессор взял карту, лицо капитана ван дер Деккена сделалось на удивление мягким. Выпрямившись, он исполнил небольшой танец и позвенел связкой ключей у себя на ремне.

— А где мистер Гринджинс? — спросил он, скача прочь словно кенгуру.

Несмотря на свое крепкое британское воспитание, проф. Эйнштейн почувствовал, как у него защемило сердце при виде этого зрелища. Какие бы там преступления ни совершил при жизни Пауль Филипп ван дер Деккен, к сему моменту он уже определенно расплатился за них сполна. Упокой Господи его измученную душу.

Сунув карту во внутренний карман сюртука, профессор развязал мешочек и без лишних слов высыпал землю на палубу корабля.

Он не слишком представлял, что делать дальше. Но все судно с протяжным стоном содрогнулось, стряхивая со снастей матросов, а от крошечной кучки земли по палубе разбежались огромные трещины. Снизу из под палубы донесся пораженный вой изумления, когда повылетали все люки, развернулись убранные паруса, рухнули мачты, а весь корабль вспыхнул ослепительным светом.

Полуослепленный, лорд Карстерс бросился к профессору, и оба затерялись в кружении крошечных светящихся сфер, неисчислимых тысячах тысяч эфемерных пузырьков. Когда один такой проплывал мимо, лорд Карстерс разглядел в нем крошечного ухмыляющегося во весь рот моряка и понял правду. *Клянусь Юпитером, это же души экипажа!*

Светящийся гейзер вокруг исследователей сгустился, превратившись в фонтан света, который бил вверх, пронзая темные тучи и озаряя ярким сиянием все небо! Увлекаемые светящимися сферами, Эйнштейн с Карстерсом сами оказались парящими

внутри громоподобного хора вольных душ, изливающих свою радость по случаю освобождения.

Прозрачный Рыжий Джон по-приятельски двинул лорда Карстерса в плечо, прежде чем очутиться в сфере и улететь в небо вместе с остальным экипажем, с которого наконец-то было снято проклятие. Уносясь в небеса, пузырьки-души пропадали из поля зрения, ослепительный выброс света постепенно померк, и осталась лишь одна маленькая сфера, которая расположилась в проф. Эйнштейне, очень напоминая человека, который привычно усаживается в удобное старое кресло. Снова обретя цельность, ошарашенный профессор едва успел посмаковать это ощущение, как сообразил, что они падают. «Летучий Голландец» исчез, вернувшись в бездонное ничто, из которого был выкован адским пламенем и кровью.

— Карстерс! — закричал профессор.

— Профессор! — откликнулся Карстерс.

Камнем устремившись вниз, исследователи плюхнулись в Тирренское море и ушли глубоко под воду, прежде чем смогли остановить погружение и всплыть на поверхность.

Вынырнув из волн, лорд Карстерс взревел от боли, как только соленая вода промыла сабельный порез у него на горле. Неистово работая одной рукой, проф. Эйнштейн пытался остаться на плаву и удержать что-то над поверхностью воды. Отталкивая попадавшиеся на пути гниющие бревна, Карстерс поплыл на помощь другу.

— Сэр, вы что, не умеете плавать? — спросил лорд, похоже, позабавленный такой возможностью.

— Спасайте карту! — закричал в ответ Эйнштейн, отплевываясь и непрерывно работая ногами. — Эта проклятая морская вода разъедает пергамент!

Подплыв поближе, лорд Карстерс с ужасом увидел, что это правда. Обхватив старшего товарища за талию, лорд вытолкнул его наверх и заработал ногами в ровном ритме. Вознесенный над волнами, проф. Эйнштейн принялся отчаянно рыскать взглядом по грязной водной поверхности.

— Ну? — нетерпеливо прорычал Карстерс.

— Эврика! — в восторге воскликнул профессор. Но тут же его радостная улыбка угасла: — Черт все побери!

— И что на сей раз, сэр? — спросил снизу лорд Карстерс, рассекая неспокойные морские просторы.

— Я нашел храм. Он на острове Дутар!

— Так значит, этот остров по-прежнему существует? Превосходно!

— Нет, совсем не превосходно.

Перебирая ногами, Карстерс фыркнул, прочищая нос.

— Что вы имеете в виду? Он на Южном полюсе? На дне океана?

— Остров Дутар находится в самом сердце Бермудского треугольника! — с досадой выкрикнул проф. Эйнштейн.

— Ну, конечно! Сокрыт от взоров непосвященных! — заорал лорд Карстерс, но затем добавил: — Но, сэр, ведь Бермуды более чем в двух тысячах миль отсюда! Как мы сможем поспеть туда, прежде чем луна закончит поворачиваться?

— Никак, юноша, — мрачным голосом констатировал профессор. — Все кончено. Мы проиграли. За те несколько дней, что у нас есть, нам не преодолеть такое расстояние.

— Никогда не говорите «никогда», сэр! — заорал лорд, переходя к плаванию на боку. — Как только мы выберемся на берег, я свяжусь с одним знакомым парнем, который знает парня, знакомого с парнем, у которого есть подержанный цеппелин.

— Долететь туда? Мощно, юноша! Превосходная идея!

— Нужно всего лишь проплыть миль двенадцать по кишащему акулами океану, — пробормотал про себя Карстерс, удерживая над водой профессора с драгоценной картой. Определив восток по положению солнца, лорд направился в ту сторону, одновременно зорко следя, нет ли на поверхности моря каких-нибудь плавников. — Клянусь Богом, я доставлю нас туда, даже если мне придется срезать путь и пройти через ад!

При этих словах в небе прогремел зловещий гром. Плывущие подняли головы и увидели, как скопище светящихся сфер останавливает свое вознесение на небеса, затем разворачивается и устремляется обратно в океан, словно дождь золотого огня. Души исчезали в морских глубинах, распространяя вокруг свет своих жизней, пока океан не оказался насыщен неземным жемчужным сиянием.

А затем внезапно потеплевшая под Эйнштейном и Карстерсом вода начала вдруг подниматься. Быстро преобразуясь в гигантский вал, Тирренское море, наращивая объем и мощь, возносило исследователей все выше и выше. Вскоре их крики заглушил оглушающий рев невозможной приливной волны, ко-

торая понесла беспомощно трепыхающихся друзей в открытое море и прочь от сулящего безопасность итальянского берега.

13

По-прежнему бдящая у окна музея Мэри благодарно улыбнулась, когда из черной кареты вышла Катрина с целой охапкой оружия и бумажных свертков.

— Отлично, подруга, — негромко рассмеялась Мэри, массируя затекшую шею. — По крайней мере, кальмарники не уморят нас голодом...

Но голос ее дрогнул, когда следом прибыла и остановилась прямо позади первой еще одна карета и из нее на тротуар ступила леди Пенелопа Данверс. Одета она была в высшей степени элегантно, словно для чаепития в Гайд-парке, но ее руки в бархатных перчатках держали на сгибе локтя слоновое ружье «Нитро-экспресс-475» фирмы «Холланд&Холланд», которое она несла с непринужденным видом, выдававшим большой опыт. Вслед за ней вышла ее горничная-африканка; эта мускулистая зулуска шла обвешанная патронташами и несла плетеную корзинку с горячими — видно было, как поднимается пар — пышками. Из-за плеча горничной выглядывал украшенный перьями печально знаменитый зулусский метательный меч*, который причинил английской армии столько беспокойств в ходе англо-бурских войн и так сильно помог Англии во время Событий.

Потеряв на долю секунды самообладание, Мэри расплакалась при виде этого зрелища, а затем взяла себя в руки и целеустремленно спустилась в вестибюль. Отбросив пинками в стороны какие-то обломки, Мэри распахнула потрепанную переднюю дверь, петли которой протестующее завизжали. С дробовиком в руке Мэри, прежде чем спуститься к переднему крыльцу, внимательно проверила, нет ли в кустах какого-нибудь подозрительного движения.

— Леди Данверс, как я рада вас видеть, — вежливо поздоровалась Мэри. — Что вы здесь делаете?

Поднявшись сильной, упругой поступью на крыльцо, Пенелопа Данверс обняла девушку свободной рукой, в другой по-прежнему крепко сжимая «Х&Х Нитро-экспресс».

— Бедная моя малютка, — посетовала, отпустив ее наконец, леди Данверс. — Во имя Бога, что побудило тебя самостоятельно выкручиваться из этой опасной ситуации?

— Ну, я ведь куратор, — неуверенно начала было Мэри, нервно поглаживая дробовик.

Деликатно отведя в сторону ствол, леди Данверс укоризненно зацокала языком.

— Чепуха и вздор, милочка. В годину испытаний женщины лондонского Клуба исследователей все стоят друг за друга! — Тут она слегка улыбнулась. — Как будто раньше ни на одну из нас не нападали иностранцы, алчущие мести за то, что там натворили наши дорогие мужья. Такое случается постоянно!

— В самом деле? — устало вздохнула Мэри.

— Точно, — подтвердила Катрина, возвращаясь от бокового входа в музей, чтобы забрать остальные припасы из ожидающей коляски.

Наморщив нос, леди Данверс внимательно принюхалась и сдвинула брови.

— Ради Бога, детка, сколько времени прошло с тех пор, как ты принимала ванну?

— Всего несколько дней, — призналась Мэри, смущенно царапнув дробовиком по задубевшей от пота одежде. — Я боялась, что кальмарники могут напасть, когда я буду, э-э, *au natural* — в натуральном виде, так сказать.

— Понимаю, — нахмурилась леди Данверс. — Что ж, они бы не прогадали. Грязные типчики. Ну, ладно, теперь здесь мы, так что беги и быстренько умойся. А то от тебя начинает пахнуть как от мужчины, а это никуда не годится.

— Но нужно столько всего сделать... — начала было возражать Мэри, когда из-за угла выкатила, грохоча колесами по булыжникам мостовой, целая вереница экипажей с тяжелыми ящиками на крышах. Во всех окнах виднелись аккуратно одетые женщины с крупнокалиберным оружием в руках.

— А вот, как говорят колонисты, и кавалерия подоспела! — констатировала леди Данверс, подталкивая девушку обратно в истерзанное боевыми действиями здание. — Ну-ка! После того как вымоешься и переоденешься, у нас будут сэндвичи с огурцами и розовый чай — Тованда прихватила для ленча, — а потом мы тебе расскажем, где замаскированы все новые смертельные капканы.

Украдкой пытаясь отмахнуться от назойливых мух, которые стали за последние несколько дней ее нежеланной свитой, Мэри начала было возражать, но затем уступила и быстро поднялась по главной лестнице в ванную.

А вновь прибывшие экипажи остановились упорядоченным строем у гранитного бордюра напротив Международного музея и извергли из своих недр толпу светских дам, каждая из которых элегантно несла небольшой арсенал в виде ружей крупного калибра, револьверов и патронташей.

— И кто же учинил всю эту шумиху? — фыркнула леди Пирпонт, обводя взглядом потрепанный музей. Платье ее было отделано бархатом, оторочено тонкими ирландскими кружевами и перехвачено в талии сработанным вручную кожаным поясом с покоящейся в кобурах парой французских револьверов «ЛеМа-445».

— Я слышала, их называют почитателями Бога Кальмара, — сообщила миссис Фоксингтон-Смайт, ухватывая поудобнее лежащий у нее на плече боевой топор викингов. С огромной камеи на ее блузке свисал кусочек артиллерийского запала, а из турнюра торчали рукояти нескольких кинжалов.

Вынув один из титанических револьверов «ЛеМа», леди Пирпонт принялась вращать девятизарядный барабан и проверять заряды черного пороха.

— Никогда о них не слышала, но весь этот бедлам говорит о том, что они полнейшие ублюдки. Вы только гляньте на эту клумбу! Она же погибла, совершенно погибла. А сейчас уже чересчур поздно сажать новые луковицы.

— Бедные Мэри и Катрина пытались справиться с этим совсем одни, — сердито заговорила миссис Томпкинс, проверяя «дерринджер»* у себя в рукаве. — Это просто возмутительно. Почему она давным-давно не вступила в нашу группу?

— Из-за этого своего сумасшедшего дяди, — напрямик сказала леди Данверс с презрительной гримасой.

Достав бочонок черного пороха из экипажа с ее фамильным гербом, леди Пирпонт осторожно поставила его на потрескавшийся тротуар.

— Ах, да, из-за Феликса Безумного. Должна сказать, все исследователи слегка чокнутые, но он среди них, несомненно, король, а, дамы?

— Ох уж мне эти мужчины с их тайными обществами! — язвительно воскликнула миссис Томпкинс, сбрасывая на тротуар

тяжелый ящик. Тот упал со звучным лязгом. — Так где ты хочешь поставить медвежьи капканы, Пенни?

— Вот здесь, — сказала Катрина, выбираясь из последнего экипажа. — Возле угольного желоба, это слабое место.

— Превосходный план, милочка! Но прежде мы должны отправить эти пышки в печь, чтобы не остывали. Нет ничего хуже холодной пышки!

— Это так, — кивнула Катрина. — Мы должны оберегать разум, тело и дух.

— Конечно, дорогая, — засмеялась леди. — А как же иначе?

При этом обмене репликами баронесса Эджуотерс громко и надменно фыркнула.

— А почему, собственно, — осведомилась она с откровенной неприязнью, — мы выполняем распоряжения кухарки?

На это замечание Катрина, разгладив передник, выгнула бровь, а потом просто повернулась к аристократке спиной.

— Она и в самом деле кухарка. Но, что гораздо важнее, и фамилия у нее — Кук[1], — сообщила ей театральным шепотом дама Данверс. — Что-то знакомое, дорогая, не правда ли?

Словно уличенная в ношении белого перед Пасхой, баронесса сделалась пунцовой от смущения.

— Как у сэра Джеймса Кука? — переспросила она срывающимся голосом. — Человека, совершившего кругосветное путешествие, открывшего Новую Зеландию, укравшего у голландцев Австралию и изобретшего лекарство от цинги? *Того самого* Кука? Одного из величайших исследователей всех времен?

— Я его внучка, — ответила Катрина, выгружавшая теперь из багажного отделения экипажа ящик бамбуковых кольев с отравленными остриями. — Профессор нанял меня на службу в том числе и поэтому.

Разволновавшись, баронесса бросилась принять ящик.

— Прошу прощения, дорогая. Позвольте-ка мне помочь вам с этой мелочью!

В то время как растущая толпа женщин занялась разгрузкой разнообразного снаряжения и скобяных изделий, к музею подъезжали все новые и новые экипажи, из которых выскакивали слуги и выгружали большие корзины с едой, ящики с динамитом и тяжелые мотки новейшего американского изобретения, назы-

---

[1] Кук — кок, повар, кухарка (*англ.*).

ваемого колючей проволокой. Леди Данверс от души одобряла этот импортный материал. Эта зверская штука могла одним прикосновением разодрать тебе кожу. И если установить ее поверх ограды, это просто чудесное средство от всяких ночных любителей шастать по чужим дворам, домушников и пьяных мужей.

— Насчет тигров не беспокойтесь! — крикнула Катрина через плечо. — Их у нас больше нет.

— О Господи, неужели и это сделали кальмаропоклонники? — нахмурясь спросила леди Пирпонт.

Потупив взор, Катрина благовоспитанно покраснела.

— На самом деле, соседский мастифф. Кто же знал, что такое возможно?

— Да... Ну, случаи разные бывают.

— Дамы, работаем! Я хочу, чтобы буфет был вон там, а динамит вон там, — распоряжалась, жестикулируя, миссис Фоксингтон-Смайт. — Не ленитесь, порядок вы знаете! Мы уже все это проделывали!

Сверившись с покрытыми филигранью карманными часами, леди Данверс громко хлопнула в ладоши.

— До темноты осталось три часа, а эти кровожадные дьяволята всегда нападают ночью. И потому давайте считать, что у нас опять События, и за дело!

Сменив элегантные бархатные перчатки на прочные брезентовые, дамы принялись натягивать колючую проволоку, в то время как их горничные расставляли медвежьи капканы. В скором времени музей стал напоминать британскую крепость на Гибралтарской скале.

— *Весьма впечатляет!* — признала Катрина, стоя в карауле у открытой передней двери. Но в душе она могла лишь надеяться, что всего этого будет достаточно. Раз они призвали на помощь друзей, то не исключено, что и кальмарники сделают то же самое, и одному Богу известно, чем это может закончиться!

* * *

Обычно темный подвал на Эсбери-стрит, в западном Лондоне, был ярко освещен масляными фонарями и кипел лихорадочными приготовлениями.

Негромко бубнящие песнопения фигуры в балахонах набивали в большие упаковочные ящики одежду, оружие и снаряжение. В центре подвала группа людей в балахонах белого цвета старательно крепила болтами снабженную резиновым уплотнением металлическую крышку наполненного кровью железного котла. Пара коренастых каменщиков замуровывала кирпичной кладкой нишу, в которой находился старинный меч, прикрученный к стене из гранитных блоков и для надежности обвитый прочными цепями. Несмотря на это, всякий раз, когда какой-то почитатель Бога Кальмара проходил слишком близко от древнего оружия, цепи гремели от попыток меча вырваться на свободу и атаковать. Эти звуки лишь подстегивали каменщиков, и они не жалели раствора, спеша побыстрее закончить кладку.

— Вы неправы, — заявил худощавый мужчина, прибивая гвоздями крышку упаковочного ящика. — Я рекомендую еще одну лобовую атаку на музей. В последний раз это чуть было не сработало.

Приглядывавшая у единственной двери высокая женщина откинула капюшон, открыв взорам прекрасное лицо, покрытое сложной татуировкой. Узоры на ее лице почти полностью совпадали с рунами власти, вытравленными на клинке плененного меча, но представляли собой их зеркальное отражение.

— Чушь и ерунда, — фыркнула она, не соглашаясь с тощим. — Наша единственная надежда — нападение исподтишка.

— Сразу несколько атак! — рявкнул тучный малый, бухнув по упаковочному ящику мясистым кулаком. — Тогда мы хотя бы взяли живьем эту стерву и добавили ее кровь к Бассейну Жизни.

— Будь реалистом, — ответила другая женщина, тряся лишенной кисти рукой. Окровавленный обрубок был перевязан свежими бинтами. — Как мы можем гарантировать, что группа, несущая Бассейн Жизни, сумеет прорваться к цели?

— Должны суметь! Кровь врага — сильная магия, но кровь девственницы обладает еще большей силой! Возможно даже, ее будет достаточно для рождения самого Великого Кальмара!

— Ура! — грянули хором все.

— Что за жалкие дуралеи, — раздался насмешливый голос с верха ведущей в подвал лестницы.

Все обернулись на голос, но верховный жрец появился из сплошной каменной стены. На сей раз сухощавый мужчина был

облачен в подобающий его сану пышный наряд с вышитыми на монаршей мантии все теми же перевернутыми рунами.

— Вся эта чушь не понадобится, — изрек верховный жрец, усаживаясь в невидимое находящимся в подвале кресло.

При этом заявлении все собравшиеся взволнованно загомонили:

— Но, Святейший, защита в музее...

— Наверняка мы должны...

— Умереть!

— Убить!

Жрец раздраженно взмахнул сверкающей демоническими украшениями рукой.

— Идиоты! Защита музея ничего не значит. Вообще ничего! Скоро оживет наш господин, и мы раздуем мировой пожар, а потом зальем огонь кровью наших врагов!

Толпа разразилась неистовыми криками восторга, которые, как обычно, вызвали стук с потолка. Разом насупившись, поклонники Бога Кальмара притихли.

— Довольно! — завопил верховный жрец, оскалившись на потолок. — Незачем больше таиться! Хиггинс!

— Да, Святейший? — робко отозвался один толстяк.

— Убей эту старую крысу!

— О да, Святейший! — радостно воскликнул счастливчик, обнажая обоюдоострый кинжал. — Спасибо! — Горланя дутарианскую боевую песнь, он бросился вверх по лестнице, перескакивая через деревянные ступеньки.

Когда толстяк исчез, верховный жрец движением руки подозвал свою паству подойти поближе.

— Сегодня ночью, — медленно произнес он, — вы просто войдете в этот драгоценный музей и возьмете девицу.

Толпа озадаченно загудела.

Почесывая в затылке дубинкой, приземистый крепыш спросил напрямик:

— Что-то я не смекну, босс, и как же, по-вашему, мы это сделаем?

Со змеиной грацией верховный жрец Дутара широко развел руки в стороны.

— Да проще простого, — ухмыльнулся он. — Леди вежливо пригласит вас войти. Более того, она будет очень сильно настаивать, чтобы вы вошли!

— А потом... — хищно продолжил разговор какой-то мужчина в толпе.

В этот момент стук наверху сделался неистовым, а затем внезапно прекратился.

— О да, — удовлетворенно прошипел верховный жрец, потирая руки. — Смерть Мэри Эйнштейн будет именно такой вот простой.

14

А тем временем погода на всем земном шаре постоянно ухудшалась. Обыкновенно считающиеся в газетах маловажными новостями и приберегаемые для заполнения места при недостатке материала, сообщения о странных бурях начинали мало-помалу выбираться на первые полосы таких консервативных изданий как лондонская «Таймс» и «Уолл-стрит джорнал».

Землетрясения на Украине заставляли крестьян в Сибири плясать так, как они никогда прежде не плясали. Из спокойных синих морей вырастали вулканы, извергавшие потоки раскаленной лавы, языки которой, охлаждаясь и застывая, напоминали радиально расходящиеся конечности гигантского морского моллюска. В сердце Австралии бушевали пожары, с которыми никто не боролся, да они вообще мало кого заботили. Дельту Нила затопило наводнение, впервые за столетие дочиста вымыв улицы Каира. В Голландии фермеры лихорадочно укрепляли свои дамбы перед наступающим морем; в срочном порядке были мобилизованы все резервы маленьких мальчиков, каждый со смазанным жиром пальчиком наготове. На Великих озерах появились айсберги. На обоих полюсах, Северном и Южном, полосатые красно-белые столбы вдруг повылезали из вечной мерзлоты, а их место заняли огромные каменные обелиски, увенчанные изваянием раздутого кальмара. По всему земному шару со все нарастающей яростью бушевали грозы, разряды молний беспрестанно били в землю, словно она заряжалась для какой-то великой задачи или готовилась прижечь пока еще не нанесенную рану. В пустыне Сахара бури смешанного с песком града вгоняли несчастных арабов в землю, словно колышки палаток. Замерзший бассейн Амазонки лежал под снегом, и снежинки были невероятного

голубого оттенка, что, впрочем, не тревожило местных охотников за головами, никогда доселе не видевших снега.

По североамериканскому Среднему Западу проносились сумасшедшей силы торнадо, но поселений из трейлеров еще не придумали, и потому большого ущерба нанесено не было. С пика горы Эверест пошла, было, лавина, но остановилась на полпути да так и зависла — гигантский зыбкий ком из обломков скал, льда, валунов, флагов и мертвых йети, не удерживаемый никакой видимой силой. В Германии приливно-отливные волны носились вверх и вниз по Рейну, создавая полнейший фурор. В Испании, Корее и Панаме в одно и то же время видели северное сияние. Разноцветные огни наполнили ночь радужным великолепием, но не пролили ни лучика света на это дело.

По всему земному шару дикие животные в лесах, полях, джунглях и болотах начали странно себя вести, словно тоже знали о готовой вот-вот разразиться катастрофе. Собаки выли на солнце, в то время как жирафы, от природы лишенные голосовых связок, начали проникновенно и мелодично мычать вполголоса. Пятью годами ранее на Востоке появилась Саранча Седьмого Года — всего на один день, но он показался длиной с неделю. Армии муравьев и пчел-убийц образовали военный союз и напали на горный хребет Анд, не поддаваясь никакому воздействию. В Мертвом море обнаружили плавающую там радужную форель. Несмотря на все свои старания воспротивиться, хамелеоны окрасились в шокирующую шотландскую клеточку и такими и остались. Тучи голубей поднялись в воздух, и больше их не видели, впрочем, об этом как раз никто и не жалел. Всегда нервный страус установил абсолютный рекорд по части прятанья головы в песок, достигнув неслыханных глубин. Кальмары и спруты радостно булькали в предвкушении грядущих событий. Лев прилег рядом с агнцем, а к рассвету остался один лишь агнец с отрыжкой. Лемминги не трудились прыгать со своих любимых утесов; они просто взрывались. Кашалоты запели блюзы, а уж о том, чем занимались синие киты-полосатики, лучше умолчать.

В мире оккультного дела обстояли еще хуже. Хрустальные шары затуманивались, потеряв способность, не говоря уже о желании, предсказывать будущее. На бойнях козьи внутренности начали приобретать новые и зловещие для обычно невосприимчивых мясников значения. В Англии любой чайный лист на

дне чашки внезапно стал вместилищем тайного знания. Обычно подвижные пластины на планшетках для спиритических сеансов застыли как приваренные на символе луны. Сколько бы ни метали карты «Таро», они всегда падали рубашкой кверху, жалобно попискивая. Гадающие по руке убрали руки и сами убрались куда подальше. Индейские шаманы пробуждались от горячечных кошмаров, в которых их выжимали как лимон. Экстрасенсы страдали от головной боли. Индийские факиры отправились по домам к мамочке. Друиды, надеясь на откровение, принесли в жертву Великому Дереву куст, но ничего тем не добились. Язычники сгорали от нетерпения. Гуру ушли в свои мантры и не вернулись. Предсказатели будущего получили отставку. Астрологи консультировались друг у друга, не выясняя, когда у кого день рождения. Толкователи великой книги «И цзин» кидали орлянку и подумывали обратиться к нумерологам, которые, в свою очередь, рассчитывали получить ответ у тех. Френологи, пораскинув мозгами, бросились друг к другу проверять справедливость пословицы «Одна голова хорошо, а две лучше».

В невидимом мире лепреконы отставили в сторону свои бутылки, тогда как джинны попрятались в свои. Королева фей обменяла свой трон на билет в один конец до Нью-Джерси, а лох-несское чудовище изменило внешность.

* * *

Глубоко внутри самосотворенного бурлящего ада вредные химические вещества смешивались с человеческой кровью, варясь, бродя и сочетаясь в разных комбинациях для образования примитивных белковых цепочек. Цепочек, которые свертывались в живые клетки, которые затем соединялись, образуя органические группы, а те начинали выковываться в пока еще нечеткую инфраструктуру крайне большой каракатицы, или кальмара.

Пока что это была всего лишь плоть, лишенное разума животное. Но очень и очень медленно начал расти позвоночный столб, осторожно подключаясь к пульсирующему мозговому стволу гигантских размеров. Очень скоро он будет уже не безмозглым скотом, а разумным существом, прочно утвердившимся в материальном мире и в то же время способным черпать безгра-

ничную мощь мира тонкого. Мыслящий монстр, вооруженный и защищенный магией.

Большинство людей в мире лишь проклянут его как демона. Другие же провозгласят богом.

15

Залитый серебристым светом луны, Лондон был той ночью необычно тих. Улицы заполнял речной туман, и все окна были плотно закрыты ставнями в ожидании возможной грозы. Великобритания всегда славилась плохой погодой, но в последнее время стало настолько скверно, что никакие корабли не отваживались выходить в море, а моряки с растущей тревогой поглядывали в сторону поворачивающейся луны.

Мощеные улицы великого города были пустынны, кэбмены вместе со своими нервничающими лошадьми позапирались на каретных станциях. Неизменные завсегдатаи клубов и просто питейных заведений на сей раз пили дома, а сотни воров сдались полиции, чтобы провести спокойную ночь в тюрьме. Даже веселые дамочки Уайтчепела предпочли вести дела в безопасности своих постелей. Иногда какой-то пес начинал выть, но тут же умолкал.

Лишь на Уимпол-стрит, единственной во всем Лондоне, не было никакого тумана, и мерцающий огонь газовых фонарей ясно освещал Международный Британский музей и окружающую его территорию.

— ... и аминь, — закончила Мэри, закрывая маленькую черную библию и осеняя себя крестным знамением.

Она стояла перед потрескивающим дровами камином; свежевымытая мисс куратор переоделась в элегантный костюм для верховой езды с кожаными сапожками до колен. На правом ее бедре выглядывала из кобуры рукоятка револьвера «Адамс-32», на охватывающем стройную талию поясе висел меч в отреставрированных римских ножнах, в то время как колчан со стрелами удобно покоился у нее за спиной рядом с китайским луком.

— Что это ты только что делала, милая? — спросила сидящая за ближайшим столом леди Данверс, не переставая точить американский нож Боуи. На столе перед ней были разложены

четыре заряженных арбалета, груда железных стрел, два револьвера «Кольт» и крепкий деревянный ящик, полный маленьких динамитных шашек с умело вставленными в плоские концы навощенных трубочек укороченными фитилями, готовыми к действию. Рядом под рукой стояло прислоненное к стене смертоносное ружье «X&X Нитро-экспресс Спешэл-475».

— Благословляла музей, — ответила Мэри, убирая библию в книжный шкаф, набитый религиозной литературой. — Если кальмарники попробуют применить сегодня ночью какую-нибудь магию, может быть, это ее действие по крайней мере затруднит им проникновение.

— Интересная мысль, — отозвалась леди Данверс, убирая нож в кружевной рукав. — Но не знаю, сработает ли христианская молитва против этих дикарей-язычников.

— Господу молись, но боеприпасы передавай, — пробормотала баронесса Эджуотерс, наливая чашку кофе из дымящегося серебряного кофейника. На плече у нее висела изрядно послужившая на своем веку винтовка «Генри-50», поперек выдающейся груди протянулся патронташ, а на боку было пристегнуто смертоносное испанское мачете.

— Именно так, — согласилась Мэри, снова беря свой «ремингтон» и упирая приклад в крепкое бедро. — И поэтому я, просто на всякий случай, совершила еще и католическую церемонию, также как обряды иудеев, мусульман, буддистов, друидов и египтян. — Тут она нахмурилась. — Провела бы и по древнескандинавскому обряду, да не смогла найти живой козы для жертвоприношения Одину.

Осторожно выглядывающая из-за оконных ставней леди Пирпонт была одета словно для сафари: в рубашку и брюки цвета хаки, черные сапожки «Хоби» и пояс с набором револьверов «ЛеМа-44».

— Вы все правильно сделали, дорогая, — сказала она; произнося эти слова, леди Пирпонт достала один из револьверов, крутанула его в руке и снова убрала в кобуру. Действие это было настолько естественным, что, казалось, было совершено без всякой сознательной мысли, и только быстрота и изящество жеста говорили о богатом опыте. — Если это и не поможет, то уж определенно не повредит.

— Именно так я и подумала, — сказала Мэри Эйнштейн, смахивая с лица выбившуюся влажную прядь волос. Умытая и

накормленная, спокойно поспав целый час, она чувствовала себя куда как свежее. Товарищеская поддержка подняла ее упавший дух, и она чувствовала себя готовой ко всему.

Пусть только эти кальмарники полезут сегодня ночью, — бушевала про себя Мэри, — *узнают тогда, что такое настоящая английская закалка!*

Вдоль дальней стены выстроились в ряд битком набитые рюкзаки со всем необходимым: картами, свечами, ножами, английскими фунтами, французскими золотыми соверенами, мясными консервами, сухарями, запасной веревкой, револьверными патронами. Катрина включила в число припасов даже парусиновую аптечку, в которой лежали электрический фонарик, пузырек с порошковым мышьяком, игла с ниткой, несколько французских кондомов и бутылка шотландского виски. Хотя дамы и смотрели на такой ассортимент несколько косо, все согласились с тем, что перестраховка лучше, чем наоборот, и нужно готовиться ко всему — от уничтожения оптом до соблазнения. На кону стояла судьба всего мира, но что еще важнее — в опасности была сама Англия!

Остерегаясь отбрасывать тень на окно и быть мишенью для снайперов, Мэри подошла к ставням и пригляделась к сияющим новым воротам, приделанным к потрепанной ограде. Удерживаемые на месте колючей проволокой, ворота стояли всего лишь для вида, но на пользу шла любая мелочь. Однако дубовые оконные ставни накрепко забили гвоздями. А задние и боковые двери забаррикадировали снаружи заполненными землей бочками, а изнутри — наваленной горами тяжелой мебелью. Лужайку заполнили медвежьи капканы, верх железной ограды опутали колючей проволокой, а в камине ревел огонь, и угля для него было более чем достаточно, чтобы протянуть ночь. Ничего большего они сделать не могли, но сделанное выглядело довольно обнадеживающе.

— Береги себя, дорогой Бенджамин, — тихо прошептала Мэри, доверяя прочувствованную молитву вечернему ветру.

Под равномерное тиканье часов время тянулось медленно и ровно. В конце концов, весь кофе вышел, а груда сэндвичей уменьшилась до горстки крошек. К тому времени каждая из женщин погрузилась в свои личные размышления, и, таким образом, никто поначалу не обратил внимания, когда хрустальная люстра на потолке начала тихонько позванивать. Но звон все

усиливался, пока не стал различим даже сквозь потрескивание камина. Затем музей сотрясла вторая волна вибраций, и со стола упал на пол и разбился стакан с водой. Мгновенно насторожившись, женщины схватились за оружие и приготовились отражать атаку.

— Пенни, проверь заднюю дверь! — отрывисто скомандовала Мэри, взводя курки дробовика. — Катрина, подбрось угля в камин!

Внезапно задрожала вся комната, а затем и все здание! Картины на стенах заплясали, книги на полках задергались, а железные подставки для дров у камина упали с громким лязгом, который остался неуслышанным в доносящемся снаружи постоянно нарастающем грохоте.

— Это что, горнопроходческий комбайн? — спросила миссис Фоксингтон-Смайт, встав на колени и приникнув ухом к полу. — Нет, звук доносится не снизу.

Бросившись к окну, Мэри распахнула деревянные ставни и огляделась, при этом сдвоенный ствол «ремингтона» все время был направлен туда же, куда и взгляд. На улицах внизу с криками бегали люди, мимо прокатил без всяких лошадей кэб, а затем проскакала галопом упряжка лошадей без всякой повозки. *И что же, черт возьми, происходит?*

Город сотрясла новая дрожь земли, и на много кварталов во все стороны потрескались окна. Газовые фонари на углах улиц замерцали и замигали как безумные. На мостовую посыпалась с крыш черепица, а Биг-Бен принялся непрерывно звонить.

— Может, это землетрясение? — рискнула высказать предположение миссис Томпкинс, не мысля никакой другой возможности. Эта степенная дама нервно крутила в руках истертую рукоять своего викингского боевого топора.

Бледное лицо леди Данверс, сделавшееся при ярком свете луны белым как слоновая кость, выразило сомнение.

— Невозможно. В Британии не бывает землетрясений.

— Королева никогда бы такого не допустила, — фыркнула баронесса Эджуотерс, обшаривая серыми глазами горизонт, одновременно извлекая из патронташа патрон и вставляя лоснящийся смазкой заряд в приемник винтовки «Генри». — Но что же еще такое это может быть?

— Кажется, я знаю, — тихо произнесла Мэри, как раз в тот миг, когда содрогнулась, казалось, уже вся Англия.

За стенами музея разбились еще десять тысяч окон, а потом женщины услыхали, как в ужасе ахнула Мэри, и бросились к ней. Следуя взглядами за ее рукой, ошеломленные дамы увидели медленно вырастающий на горизонте округлый силуэт. Вскоре он стал выше домов, мостов, церквей, и этот таинственный объект все увеличивался в размерах. Даже в мерцающем свете поврежденных уличных фонарей леди могли разглядеть клубящиеся у основания этого сооружения тучи пыли. Внимательно прислушиваясь, они различили едва слышный треск вдребезги разбиваемой каменной кладки вперемежку с плеском воды.

Словно поднимающаяся из моря гора, гигантский объект навис над столицей, подавляя своей громадностью даже Биг-Бен и Тауэр, которые рядом с ним выглядели детскими игрушками. Он увеличивался, становясь все выше, все больше, пока не стало казаться, что даже звезды над головой будут отброшены в сторону, или же город провалится под ним.

— Это! — взвизгнула Мэри.

— Ков! — ахнула леди Данверс.

— Чег! — закончила придушенным хрипом баронесса Эджуотерс.

При этих словах вверх по килю титанического библейского судна взбежала тонкая нитка пламени, описала дугу, пройдя над носом, а затем устремилась по планширам на другую сторону. В считанные секунды все судно было охвачено огнем, и корчащиеся языки пламени устроили Лондону адскую полуночную зарю.

Выронив арбалет, миссис Фоксингтон-Смайт бросилась с безумным взором через вестибюль к передней двери.

— Горит Клуб исследователей! — в ужасе вскричала она. — Мы должны помочь нашим мужьям!

Ухватившись за засов, миссис Фоксингтон-Смайт с неистовой силой рванула его, но дверь осталась плотно закрытой, удерживаемая на месте сильной рукой баронессы Эджуотерс.

— Не теряй головы, Луиза! — сказала баронесса. — Возможно, это трюк с целью выманить нас из здания!

Не внемля ее словам и не заботясь о последствиях, миссис Фоксингтон-Смайт уперлась изящным сапожком в дверной косяк и что есть силы напрягла мышцы спины, но дверь отказалась поддаться. Подбежавшая Мэри обхватила впавшую в истерику женщину за талию и попыталась оттащить ее, но тщетно.

— Мужчины сами в состоянии о себе позаботиться! — пыхтела Мэри, силясь сдвинуть даму. — Мы должны оставаться здесь!

— Мой любимый в опасности! — бушевала в ответ Луиза Фоксингтон-Смайт, яростно тряся засов. — Все прочее не имеет значения!

Бросив оружие, Мэри удвоила усилия, но оторвать женщину от двери не могла. Наконец, леди Данверс ухватила миссис Фоксингтон-Смайт за собранные в хвост волосы и силой заставила ее повернуть голову, желая говорить с ней лицом к лицу.

— Все прочее не имеет значения, — гневно повторила она. — Даже спасение мира?

Тяжело дышащая женщина в отчаянии уставилась на леди Данверс, по ее лицу с молниеносной быстротой проносились раздирающие ее противоречивые чувства. Затем, очень медленно, она отпустила засов, плечи опустились, и миссис Фоксингтон-Смайт отошла от двери.

— Искренне сожалею, — обратилась миссис Фоксингтон-Смайт к присутствующим. — Я... я на миг забыла о приоритетах.

Утешая ее, Мэри легонько сжала ей плечо.

— Не думайте об этом, Луиза. Возможно, я сделала бы то же самое, будь там Банни.

— Банни? — оживилась герцогиня Фардингтон, с блеском веселья в голубых саксонских глазах. — Ты, верно, говоришь о лорде Бенджамине Александре Джулиусе Карстерсе?

Захваченная врасплох, заикаясь и запинаясь, Мэри смогла в ответ вымолвить лишь несколько бессвязных слов полнейшей тарабарщины.

— А, понимаю, — снисходительно улыбнулась баронесса Эджуотерс. — Так, значит, это любовь. — Отлично, милая. Добро пожаловать в «Клуб Жен Исследователей».

Когда остальные женщины собрались вокруг, чтобы обнять новоиспеченного проточлена круга, с улицы вежливо постучали в переднюю дверь.

— Пенни, оставайся у камина, — приказала Мэри; краткий миг личных переживаний прошел, и она снова позабыла обо всем, кроме дела. Схватив брошенный на пол дробовик, она взвела оба курка. — Баронесса и Катрина — со мной. Убедимся, что все кошерно.

Леди Данверс, кивнув, сняла «Нитро-экспресс» с предохранителя и приготовилась к серьезному делу.

— Есть, сестренка.

— Кошерно? — переспросила в замешательстве леди Пирпонт, вынимая из кобуры массивный «ЛеМа». — Что это значит?

— Это американизм, — негромко объяснила Катрина, вставляя в арбалет новую стрелу. — А означает — «в полном порядке» или «тип-топ».

— А. Эти колонисты чертовски остроумны.

Стоя сбоку от входной двери, Мэри открыла дулом дробовика смотровое окошко. Когда оттуда ничего не влетело, она сначала сунула в окошко оружие, а потом осторожно глянула сама.

— Добрый вечер, мисс Эйнштейн, — вежливо поздоровался тлеющий посетитель.

На крыльце стоял всклокоченный человек в порванной и дымящейся ливрее, но по-прежнему прямой как палка и со спокойным, почти безмятежным лицом. Позади него толпилась целая армия людей в лохмотьях прежних одежд; эти люди держали деревянные доски, покрытые простынями, под которыми бугрились какие-то формы.

— Добрый вечер. Кто вы, сэр? — потребовала ответа Мэри, направляя «ремингтон» ему в живот — идеальный уровень, чтобы человека разорвало пополам.

— Позвольте представиться, мадам, — произнес скрипучим голосом тлеющий человек. — Я — Карл Смайт, заменяю главного дворецкого Клуба исследователей, пока он не вернется — мой дорогой кузен Дживс Синклер.

По какой-то непонятной причине от его голоса по спине у Мэри пробежала дрожь, и она услышала, как леди Данверс взвела оба курка «Нитро-экспресса». Мэри знала, что Дживс взял отпуск по болезни, слышала и о заменившем его дворецком, и вроде того действительно звали Карл Смит, или Смайт. Но что-то в этом доброжелательном слуге сильно ее беспокоило. Какой-то инстинкт, отточенный многими годами путешествий с дядей по бушу, предвещал здесь скрытую опасность. И все же это был просто дворецкий.

— И? — холодно подтолкнула его к дальнейшим объяснениям Мэри, слегка увеличивая нажим на спуск.

Если дворецкий и заметил это действие, то открыто не прореагировал.

— В клубе произошел крайне прискорбный... инцидент, мисс Эйнштейн, — сообщил, слегка откашлявшись, Карл. — Какие-то хулиганы в масках взорвали водопровод и насквозь промочили ковчег — полагаю, вы знаете о Ноевом ковчеге, ну да, конечно же знаете. Ну, и из-за хлынувшей воды... — Он повернулся и посмотрел на закрывшего половину неба Лондона горящего библейского голиафа. — Одним словом, вышел большой беспорядок.

Несмотря на свою настороженность, Мэри чуточку расслабилась, отдавая должное профессионализму этого человека. *Он назвал это инцидентом? Какое самообладание.* Теперь она заметила и других из обслуживающего персонала клуба — Джинджерсона, Элбертса, Колтрейна, которых знала в лицо.

— Что они принесли? — спросила Мэри.

— Видите ли, мадам, — продолжил рассказ Карл, — обслуживающий персонал сумел спасти от пожара большую часть путевых дневников, но несколько членов клуба пострадали от упавшей кладки, и я взял на себя смелость решить, что больница, пожалуй, слишком опасное место для лечения. А что если вернутся те, в масках? Поэтому я хотел бы узнать, нельзя ли нам воспользоваться на ночь музеем в качестве временного лагеря.

О боже, у них под простынями раненые исследователи!

— Конечно! — порывисто выдохнула Мэри, опуская оружие. — Проходите в дом немедленно.

Отодвинув засов, Мэри распахнула дверь.

— Катрина, аптечку! Дамы, следите за тенями, нет ли там какого подозрительного движения — вдруг за слугами проследили!

— Давайте я уведомлю полицию, что мы разрешаем вам войти, — предложила леди Данверс, хватая со стола фонарь.

Уже поставив ногу на порог, Карл стоял в дверях, преграждая дорогу.

— Я не видел поблизости констеблей, мадам, — сообщил он с легким кивком. — Рискну предположить, они в настоящее время у клуба, пытаются справиться с беспорядками, которые там разворачиваются.

В затылке у Мэри кольнуло, но она по-прежнему не находила в рассказе ничего подозрительного. Должно быть, она просто стала дерганой от предыдущих налетов. *Плюс весь этот прокля-*

тый европейский кофе. Нервы расшалились, вот и все, обычный случай психической травмы в ходе боевых действий.

— Да, конечно, — согласилась, посторонившись, леди Данверс. — Совершенно верно, Карл, отлично.

— Оставайтесь настороже, дамы! — крикнула Мэри, оглянувшись через плечо. — Это может быть отвлекающим маневром. Нам лучше приготовиться к неприятностям.

— Правильно, — спокойно ответила миссис Томпкинс, вставляя в арбалет стрелу с динамитом на конце.

Под бдительными взглядами тяжело вооруженных женщин Карл сделал знак слугам внести носилки с ранеными. Стоящая у выбитого окна миссис Пирпонт, не выпуская из руки револьвер, другой рукой закрыла деревянные ставни от холодного ночного воздуха. На горизонте продолжал яростно пылать ковчег. Ночь наполнил набат пожарной тревоги, и толстый столб дыма начал заслонять поворачивающуюся луну и мерцающие звезды.

Пока раненых заносили в здание, Мэри чувствовала себя довольно неловко когда, выполняя свой долг, приподнимала простыни и вглядывалась в лица лежащих на самодельных носилках обгорелых и истекающих кровью исследователей. Раненые стонали, когда на них падал свет масляных ламп, и она быстро прикрывала их вновь. Все, кого Мэри смогла рассмотреть, были знакомы ей по светским раутам и речам в Клубе исследователей. По счастью, ни один из раненых не был мужем какой-либо из присутствующих дам.

И тут Мэри замерла, поняв все, и желудок у нее сжался, словно она стояла на переворачивающейся плите-ловушке глубоко внутри египетской пирамиды с готовыми обрушиться ей на голову тоннами камня. *Ни один из раненых не был родственником никому из присутствующих дам.* Но ведь это абсолютно невозможно. Это были жены самых главных членов клуба, мужчин, которые всегда торчали в своем проклятом клубе. Их неприсутствие там было даже не просто невозможным — оно было абсурдным и, что гораздо важнее, дьявольски подозрительным.

Взяв со стола фонарь, Катрина направилась к занавешенному дверному проему.

— Думаю, носилки следует отнести в мастерскую, — предложила она. — Места там много, а переднюю мы должны освободить на случай неприятностей. Следуйте, пожалуйста, за мной.

— Конечно, милая леди, — с улыбкой согласился Карл, казавшийся необыкновенно довольным.

Осторожно присматриваясь к дворецкому, когда тот проходил мимо пылающего камина, Мэри оторвала взгляд от стонущих раненых и посмотрела на противоположную стену. И невольно ахнула при виде движущихся теней. Вместо силуэтов усталых слуг, несущих носилки, по стене тянулись только мрачные полутени мужчин и женщин в балахонах, несущих курящийся паром котел. Мэри не имела представления, что там, в этом железном котле, но уж балахоны-то она отлично помнила.

— Нас обманули! — закричала Мэри, вскидывая дробовик и стреляя с бедра. — Это кальмарники!

От выстрела котел закачался; слуги замерцали, и их магические личины растаяли. Снова взведя курки, Мэри сшибла выстрелами двух поклонников Бога Кальмара прямо в камин.

Изрыгая проклятия, остальные кальмарники окружили для защиты котел, извлекая на свет ножи, арбалеты, динамитные бомбы и топорики. А женщины схватились за револьверы, винтовки и арбалеты, как раз когда незваные гости бросились в атаку. Вестибюль наполнился грохотом и воплями, бой перерастал в полнейший хаос! Густые облака клубящегося порохового дыма затянули бушующее сражение, и вскоре весь пол был залит кровью...

16

Отливающее глубокой и мирной топазовой голубизной, Карибское море было гладким и спокойным. Ни одна волна не нарушала зеркальной глади, ни один ветерок не тревожил идеального покоя морского простора.

А затем из прохладных глубин на поверхность выскочил с хлопком крошечный пузырек. Вслед за ним выскочили новые пузырьки, более крупные, более шумные, десятки, сотни, тысячи, миллионы, до тех пор, пока море бешено не забурлило, не заходило, замешивая похлебку первозданного неистовства.

Перемещаясь, соленая голубизна начала двигаться вокруг центральной оси, вращаясь все быстрей и быстрей, образуя водоворот. Наращивая мощь и скорость, края водоворота резко

поднялись, тогда как середина опустилась сквозь сумрачные глубины взбудораженного моря до самого дна. Стаи рыб в ужасе бросились прочь, и даже облака, казалось, в страхе шарахнулись от бушующего водоворота.

Точно по сигналу, горизонт вздыбился к небу, и в поле зрения возникла приливная волна с вопящими крошечными фигурками проф. Эйнштейна и Карстерса, все еще мчащихся верхом на спонтанном итальянском цунами.

Ревущая волна пронеслась к бушующему водовороту, а затем резко дернула гребнем, сбросив спутников прямо в зияющую утробу бури. Кувыркающиеся в воздухе Эйнштейн с Карстерсом могли лишь удивленно таращиться, когда их поглотила темнота и они полетели через воронку грохочущего водоворота.

— Профессор, сдается мне, что это и есть Бермудский треугольник! — проорал удивленный лорд Карстерс.

— Я тоже так полагаю, юноша! — крикнул проф. Эйнштейн, перекрывая рев воды и ветра.

— Мы добрались чертовски быстро!

— Несомненно!

Внизу, на каменистом дне, куда камнем падали исследователи, начали образовываться смутно различимые странные туманы. Когда Эйнштейн с Карстерсом вошли в эти густеющие слои, внезапно из ниоткуда треснул, с пиротехническим взрывом цвета и боли, жестокий разряд молнии. Напрягшись и приготовившись к сокрушительному столкновению с твердым дном, исследователи с удивлением обнаружили, что они по-прежнему падают, все дальше и дальше, гораздо ниже любой возможной глубины моря.

Теперь водоворот исчез, сменившись кружащимися в смерче облаками, и профессор с лордом постепенно поняли, что угол их полета изменился. Они больше не падали вертикально, а летели вбок с постоянно увеличивающейся скоростью, тогда как вокруг них трещали на странно знакомый лад разряды молний.

— Черт подери, юноша, да это же межпространственная воронка! — воскликнул, теряя ботинок, проф. Эйнштейн. — Должно быть, это тайный вход на остров Дутар!

— Точно такой же, как в Ватикане! — восторженно крикнул Карстерс. Сложив руки рупором, лорд повернулся и проревел небу: — Должен признать, отличная работа, капитан ван дер Деккен! Превосходная!

— Моряки всегда отдают долги, юноша! А уж голландцы — вдвойне!

— Точно, сэр!

Радостно несущиеся сквозь магический смерч, Эйнштейн с Карстерсом заметили теперь, что туманы преобразуются в стробоскопический тоннель голубого света. Но чем дальше они продвигались, тем труднее становилось дышать. Исследователей обдало лютым холодом, и их влажная одежда покрылась льдом. Внезапно их потянуло в разные стороны, и разрыв между ними возрастал с каждой секундой.

— Бенджамин, мы угодили в эфирный сквозняк! — в отчаянии вскричал, борясь с дрожью, проф. Эйнштейн. — Капитан ван дер Деккен знал про этот вход, но только вы видели нашу цель, храм Бога Кальмара! Сосредоточьтесь, юноша! Подумайте хорошенько и проведите нас туда!

Мрачно наморщив лоб, мерзнущий лорд приложил все силы своего недюжинного ума для решения задачи. И почти сразу же туманы впереди начали редеть, и Эйнштейн с Карстерсом обнаружили, что движутся влево по вытянувшемуся на невозможное расстояние горизонтальному торнадо из ветра и грома.

На противоположном конце магической силовой трубы появился черный замок, стоящий на вершине ледяной горы. Вокруг этого туманного творения зла двигалось с десяток фигур в балахонах; одна из этих фигур была в кроваво-красной мантии и золотой маске, изображающей кальмара с распахнутой в крике пастью.

Личность типа в маске не вызывала никаких сомнений, и, оказавшись, наконец, лицом к лицу со своим истинным врагом, проф. Эйнштейн и лорд Карстерс без колебаний и задержек выхватили револьверы и открыли огонь по верховному жрецу. Несколько слуг в балахонах схватились за грудь и упали с горного пика, но верховный жрец только отшатнулся при виде двух несущихся с грозового неба исследователей.

— Вы! — завопил верховный жрец, вытягивая руку, тогда как остальные поклонники Бога Кальмара бросились укрываться от пуль.

Когда проф. Эйнштейн и лорд Карстерс прекратили стрельбу, чтобы перезарядить оружие, верховный жрец поднял потрескивающий энергией эбеновый посох. Приняв драматическую позу, он начал нараспев произносить заклинание, в то время как Эйнштейн и Карстерс снова открыли огонь. Под гром выстрелов

пуля чиркнула по пылающему светом посоху, рикошетом ударив в каменную ступень рядом с сандалией жреца. Звякнула золотая маска, потеряв маленький кусочек; тут же тяжелая пуля задела плечо верховного жреца, и из раны брызнула кровь.

Верховный жрец обмяк, опираясь на посох. Проф. Эйнштейн и лорд Карстерс исторгли победный клич и, еще раз перезарядив револьверы, продолжили пальбу. Еще две пули попали в верховного жреца, и он опустился на одно колено, сдвинув золотую маску. Когда та упала, верховный жрец обратил лицо к врагам; из его перекошенного рта вытекала струйка крови.

— Сукин сын! — закричал лорд Карстерс, размахивая «Веблеем», чтобы разогнать дым, прежде чем стрелять дальше.

— Подлый предатель! — взревел проф. Эйнштейн, вне себя от ярости.

Преодолевая боль, Уильям Генри Оуэн поднялся, опираясь на эбеновый посох, и послал исследователям проклятье, но вой ветра и нескончаемый треск молний поглотили его слова.

С еще большей скоростью устремляясь вперед, Эйнштейн и Карстерс навели оружие на верховного жреца, и пули еще дважды попали в Оуэна, прежде чем остальные почитатели Бога Кальмара ринулись вперед и закрыли своего предводителя живой стеной.

— Неплохая попытка, профессор! — проорал Оуэн сквозь грохот бури и сделал непристойный жест. — Но теперь пришла пора умирать, глупые христиане!

Стойкие как гренадеры, британские исследователи ответили беглым огнем.

Торжествующе ухмыляясь, Оуэн взмахнул посохом, и тот завибрировал сдерживаемой мощью, нимб света расходился от него, заполняя вселенную. Межпространственная труба исчезла в мерцании разноцветных огней, и проф. Эйнштейн с лордом Карстерсом внезапно обнаружили, что вокруг пустое небо, а они несутся к земле.

Черный замок на горизонте исчез, сменившись горным хребтом и густым лесом, который с пугающей скоростью приближался к исследователям.

— Попытайтесь к озеру! — прокричал лорд Карстерс, заметив среди густой зелени проблеск голубизны. Вытянув руки, лорд бешено замахал ими и, невероятное дело, слегка сместился вправо. *Ура, получается!* — Расслабьтесь! Это смягчит удар!

Если проф. Эйнштейн что и ответил, то его слова не были услышаны, так как секундой позже оба исследователя болезненно врезались в толщу покрытых густой листвой веток, пронеслись сквозь нее и угодили прямо в кристально прозрачную воду. Подняв тучу брызг, они ушли под воду, а вслед за ними лавиной посыпались сломанные ветви. Спокойствие озера было ненадолго нарушено, взметнулись волны, по ледяной воде разошлись круги, достигшие скалистых берегов. Но вскоре озеро снова сделалось безмятежно спокойным и ничем не выдавало присутствия непрошеных гостей.

17

На покатом берегу горного озера распростерлось тело — неподвижная фигура, покрытая илом, бурыми водорослями и нанесенными ветром листьями.

Стеная, словно оживающий результат эксперимента какого-то безумного немецкого ученого, лорд Карстерс поднялся из заполненной водой впадины в песчаной почве. Каждый дюйм его тела болел как после жестоких побоев, а во рту стоял скверный грязный медно-металлический привкус, словно он долго сосал полупенсовую монету.

Лорд осторожно ощупал себя и обнаружил источник крови: та сочилась из сильно разбитой губы. Это причиняло некоторое неудобство, но едва ли угрожало жизни.

Кривясь от боли, Карстерс встал и огляделся. Он находился на берегу небольшого озера, стоя в углублении, очертаниями напоминавшем фигуру лорда Карстерса. Нависавший над водой плотный полог из ветвей и листьев прорезала рваная дыра, сквозь которую виднелось безоблачное небо. В голове лорда промелькнули подробности прибытия, и его передернуло при воспоминании о посадке. Просто чудо, что он остался жив. Должно быть, деревья в достаточной мере замедлили спуск, чтобы позволить ему пережить падение в озеро. Повидавший в свое время знаменитых мексиканских ныряльщиков со скал, лорд Карстерс знал, что при падении с большой высоты человека расплющит о воду, словно это не жидкость, а твердый камень. Очень неприятно.

Прокашлявшись, лорд уловил среди звуков леса какое-то крайне неприятное гудение. *Осы? Нет, погоди-ка, да это же кто-то храпит.*

— Профессор? — позвал лорд Карстерс.

Гудение тут же прекратилось. Зашуршали листья, ближайший куст закачался, и Эйнштейн неуклюже выбрался на свет.

— Бог ты мой, мы уцелели! — пробормотал профессор, ощупывая голову. — Как у вас дела, юноша?

— Малость досталось, но жив, сэр, — ответил Карстерс, осторожно проверяя целость костей под грязью и листьями, покрывающими его руки. — Похоже, этот Оуэн сумел раньше времени развеять ту вихревую воронку.

— Это для нас — раньше времени, — прохрипел проф. Эйнштейн, удаляя с головы несколько бурых водорослей. — Хотя... — опустив на мгновение взгляд, профессор побледнел и завопил.

Бросившись вперед, лорд увидел лишь, как, мелькнув розовым телом, профессор скрылся из вида.

— В чем дело, сэр? — требовательно спросил Карстерс и внезапно сообразил, что подсохшая грязь отваливается от его тела, а он совершенно голый.

— Черт! — воскликнул лорд Карстерс, ныряя обратно в колючие кусты.

— Должно быть, это прискорбный побочный эффект покидания вихревой воронки до того, как она достигнет своей конечной цели, — предложил гипотезу откуда-то из зелени голос проф. Эйнштейна.

— Сэр, нас могут за это арестовать!

— Если здесь есть для этого какая-то полиция, юноша.

Пригнувшись среди кустов, Карстерс поразмыслил над этим вопросом.

— Да, верно. Когда мы падали, я не видел никаких признаков цивилизации, а сейчас не могу распознать ни одного из окружающих растений.

Сорвав лист, Эйнштейн внимательно изучил его.

— Этот куст напоминает самбук, но это определенно не он. Лист слишком плотный, слишком темный.

Проведя беглое исследование местной флоры, лорд Карстерс вынужден был признать, что вся окружающая их густая растительность выглядела какой-то странной. Травяной ковёр больше

походил на мох, а характерные для джунглей лианы свисали с деревьев, похожих на гибрид дуба с можжевельником.

— Всё это место в целом кажется каким-то... иным, — добавил Эйнштейн после долгой напряженной паузы.

— Поначалу я связал данное ощущение с отсутствием брюк, — сухо отозвался Карстерс. — Но теперь мне представляется гораздо более вероятным, что остров Дутар спрятан не в самом Бермудском треугольнике, а в каком-то ином месте, треугольник же служит всего лишь входом. Вполне возможно, в неком краю, куда еще не проникли даже вооруженные силы Ее Величества.

— Звучит убедительно, — согласился проф. Эйнштейн, удаляя еще несколько бурых водорослей с самого неподходящего для них места. — К несчастью, это означает, что помощи нам ждать неоткуда.

— Именно так, профессор, — откликнулся Карстерс. — Значит, возьмемся за дело!

* * *

Несколько часов спустя исследователи выбрались из кустов, одетые в простые травяные юбки, сплетенные из сорняков шляпы и сандалии из древесной коры. Проф. Эйнштейн также имел при себе три камня, связанных обрывком лианы в грубое подобие южноамериканского боло, а также каменный кинжал грубой работы. А лорд Карстерс вооружился примитивным бумерангом и толстой веткой, которую он очистил от коры, превратив в весьма грозную дубину.

— Борнео? — спросил проф. Эйнштейн, обозревая метательное орудие.

— Австралия, — поправил, демонстрируя бумеранг, лорд Карстерс. — Прост и смертоносен на расстоянии в пятьдесят ярдов. Я приобрёл навык обращения с этими штуками, когда исследовал сокрытые помещения в скале Эйерс. О, слушайте, отличный кинжал.

— Спасибо. Мой преподаватель археологии настаивал, чтобы мы в первую очередь научились высекать каменные орудия, — ответил с налётом гордости профессор, протягивая спутнику

острое как бритва оружие. — Мне не удалось найти настоящего кремня, поэтому пришлось работать с кварцем низкого качества, но на первое время хватит.

— Надо бы и мне такой, — задумчиво молвил лорд, возвращая нож. — Может, позже, а?

Как можно осторожней засунув нож за лиану, которой была подпоясана юбка, Эйнштейн сделал глубокий вдох и задержал дыхание. Лесной воздух пах сосной, самбуком, кедром и свежим пометом животных. Как же прекрасно снова вернуться в лес! По краю горизонта тянулся величественный горный хребет, большинство пиков которого увенчивали снежные шапки, хотя над одной горой курился дым на манер спящего вулкана. Черт возьми, да насколько же крупным куском суши был этот остров Дутар?

— Теперь возникает вопрос: в какую сторону нам двигаться? — подумал вслух проф. Эйнштейн, потирая подбородок.

Опустившись на колено, Карстерс внимательным взглядом изучил полустертые следы на илистом берегу. Затем выпрямился во весь рост и поглядел вверх на поврежденные верхушки деревьев.

— Ну, сэр, — медленно произнес он, осторожно подбирая каждое слово, — если есть какая-то корреляция между углом падения и нашей первоначальной траекторией, то рискну предположить, что мы, возможно, направлялись в сторону вон той одинокой горы. — И показал на нее дубинкой.

Посмотрев в указанном направлении, проф. Эйнштейн увидел, что эта гора заметно возвышалась над остальными и, в отличие от прочих, не была увенчана снежной шапкой или столбом вулканического пара. При этом темный камень вершины выглядел черным как уголь. *Точь-в-точь как пик с храмом Бога Кальмара. Бинго! Так любили говорить его друзья-католики.*

— Похоже, наша цель именно там, юноша, — согласился Эйнштейн, завязывая юбку. — Если ночь выдастся ясная, то, будем надеяться, нам удастся по звездам определить, где именно мы находимся.

— Тогда нам следует трогаться, — промолвил лорд Карстерс, беря свое тяжелое оружие и направляясь первым по естественной тропе через густые кусты. — *Tempus fugit!*[1]

---

[1] Tempus fugit! — время не ждет! (лат.)

— Это точно, — проворчал профессор, занимая место в арьергарде.

* * *

Окруженный гобеленом из лесной зелени, сфинкс сидел на поросшем травой пригорке и жадно глядел на приближающиеся лакомые кусочки в виде людей. Заблудившиеся в лесу люди были маяком для его чувств, и он не смог бы не выйти им навстречу, даже если бы захотел. Какой замечательный аромат был у их страха! Как приятно предвкушение хруста их костей! Как удобна их одежда для чистки зубов! Хотя, как заметил сфинкс, этим двум горемыкам одеждой служили листья и трава. Ну, и ничего, немного салата к ленчу не повредит. Диета ведь крайне важна.

Добиваясь максимального эффекта, сфинкс дождался, пока люди вплотную не подошли к его поляне, а затем подпрыгнул в воздух. Через несколько секунд, когда люди вышли из кустов, он с сотрясающим землю глухим ударом приземлился прямо перед ними.

— Стой! — прорычал сфинкс, поднимая лапу.

В полнейшем изумлении проф. Эйнштейн и Карстерс уставились на заполнившего собой всю поляну огромного сфинкса. Скроенное по классическим образцам, это существо обладало головой и бюстом прекрасной женщины на теле льва, змеиным хвостом и парой трепещущих на широких плечах огромных белых крыльев. Совершенно определенно, самка млекопитающего; по счастью ее выдающийся бюст прикрывал золотой нагрудник. Стоя, сфинкс достигал в высоту добрых десяти ярдов и ярдов так двадцати в длину, и хотя голос у него был весьма громким, он также казался замечательно приятным.

Профессор как можно осторожнее наклонился к своему спутнику и прошептал:

— Я начинаю думать, что та вихревая воронка, возможно, унесла нас чуточку дальше, чем нам в первый момент показалось.

— Да уж, — ответил лорд. — Но, впрочем, может это и есть настоящая родина... сами знаете чего.

— В самом деле, юноша, возможно, с этой теорией вы попали прямо в точку.

— Спасибо, сэр

Подергивая задними конечностями и выпуская когти, сфинкс недовольно нахмурился. Эти смертные удивились при виде него, но вот кружащий голову аромат ужаса напрочь отсутствовал. В глубине его горла зародилось сердитое рычание. Скоро это изменится!

— Приветствую, люди! — прогремел он. — Что делают в моем лесу двое почти голых мужчин?

— Мы заблудились, — быстро ответил Эйнштейн. — И каковы ваши следующие два вопроса?

Вздыбив шерсть и едва сдерживая ярость, сфинкс плюнул, и шарик влаги с шипением прошел сквозь камень.

— Ах вы дерзкие жабы! — громко прорычал он, вздымая обе могучие груди. — Отлично! Кто ходит утром на четырёх ногах...

— Человек, — перебил Карстерс.

Сильно заморгав, сфинкс надолго умолк.

— Вы уже слышали их? — наконец спросил он.

— Да, — ответил профессор, поворачиваясь, чтобы уйти. — Три вопроса — три ответа. До свидания.

— ПОГОДИТЕ! — прогремел гигантский сфинкс, преграждая им дорогу лапой величиной с диван. — Теперь вы должны задать мне три вопроса, и если я смогу ответить на все, то наградой вам будет смерть.

Повернувшись спиной к чудовищу женского пола, исследователи быстро посовещались.

— Вопрос номер один, — сказал, снова поворачиваясь к сфинксу лицом, лорд Карстерс. — Будьте любезны подробно, четко и точно изложить нам, в порядке возрастания, вполне доступными для нашего понимания словами, где мы в настоящее время находимся.

При этих словах сфинкс нахмурился. С таким вопросом он явно никогда раньше не сталкивался.

— А, ну... Хм... Вы находитесь в лесу Вудмот, в сатрапии Квитшард, в округе Хикслап, в стране Куупашталь... — Сфинкс начал обливаться потом; для ответа на этот вопрос требовалась буквально целая вечность! — ... на континенте Дутар, на планете Лурт, в системе звезды Поль, в третьем спиральном рукаве

галактики 3457j9, которая находится в очаговом магическом измерении, которое...

— Погоди! — воскликнул профессор, поднимая руку. — Объясни это последнее поподробней, и можешь остановиться. Это не было вопросом.

Сфинкс с облегченным вздохом принял такое изменение.

— Это измерение, где правит магия, а не законы физической науки. Несмотря на фундаментальные различия в своей основной конструкции, единственное настоящее отклонение заключается в том, что здесь время течет вдвое быстрее, чем где либо.

Эйнштейн с Карстерсом в ужасе переглянулись. Теперь они поняли, почему Бог Кальмар убрался в это измерение. Оправляясь здесь от ран, зверь проспал только две тысячи лет, а не четыре тысячи. К несчастью, это также означало, что до возрождения оставалось не пять дней, а два с половиной. А может, и того меньше.

— Вопрос номер два, — поспешно сказал Карстерс, сжимая бумеранг. — Опишите вполне внятно точное местонахождение разыскиваемого нами существа, известного нам как Бог Кальмар.

Расчесав когтистой лапой свои золотые локоны, сфинкс пристальным взглядом посмотрел на двух людей в нелепой одежде из салата.

— Интересное направление расспросов. Колосс обитает в храме на вершине вон той отдаленной горы.

Сфинкс показал, и, следуя взглядом за указующим когтем, исследователи увидели, что он показывает на голый скалистый пик, одиноко стоящий в окружении более высоких заснеженных гор.

— Превосходно, — вздохнул лорд Карстерс. — Именно к ней-то мы и направлялись.

— В точку, юноша! — согласился проф. Эйнштейн. — Мы быстро приближаемся.

— А теперь, малютки, задавайте свой последний вопрос, — ухмыльнулся сфинкс, нетерпеливо облизывая свои кошачьи усы. Их смелость сперва обеспокоила его, но сейчас сфинкс снова почувствовал себя хозяином положения.

— Как вам будет угодно, сударыня, — ответил лорд Карстерс. — Вопрос номер три: какой будет самый верный, самый

быстрый и самый легкий способ убить вас тем оружием и средствами, какие нам непосредственно доступны?

Челюсть сфинкса со слышимым стуком отпала до каменистой земли, а затем со щелчком захлопнулась. Несколько минут его клыки скрежетали друг о друга, пока он напряженно думал.

— Черт возьми, хороший вопрос, — дружелюбно признал, наконец, он. — Понятия не имею. Вы выиграли! До свидания. — С этими словами сфинкс одним прыжком взмыл над деревьями и исчез.

— Иногда думаешь: как хорошо иметь классическое образование, — заметил лорд Карстерс, снова пускаясь в путь.

— И не говорите, — рассмеялся профессор, но вдруг осекся. — Однако, юноша, если это родина Бога Кальмара, и его почитатели знают о нашем прибытии, то следует ожидать, что мы еще столкнемся с обращенной против нас враждебной магией. Может быть, даже с магическими тварями — какими-нибудь оборотнями, драконами или василисками.

Эти слова живо согнали улыбку с лица лорда. Он ссутулил могучие плечи, приготовившись к возможному нападению, и исследователи потопали дальше через густой лес, крепко сжимая свое примитивное оружие.

18

Чужое солнце висело у них прямо над головой, когда проф. Эйнштейн и лорд Карстерс продрались сквозь какие-то скверные колючие кусты и обнаружили сносную грунтовую дорогу, которая вела к горам. На ровном их скорость сильно возросла, и вскоре запыленные спутники уже шли мимо возделанных полей пшеницы, кукурузы и тихо посвистывающих кабачков-цуккини.

Усталые и голодные, Эйнштейн с Карстерсом позаимствовали с богатых урожаем полей малую толику немузыкальной пищи и жадно проглотили ее в сыром виде. Чувствуя себя значительно бодрее, исследователи продолжили свой кросс. Когда день начал потихоньку переходить в вечер, спутники остановились, завидев вдали обнесенный стеной город.

— Эврика! — радостно воскликнул лорд Карстерс.

— Мыврика, — педантично поправил проф. Эйнштейн.

— Совершенно верно, сэр, — хохотнул лорд. — Мы оба нашли его одновременно. Прошу прощения.

Поднявшись по извилистой тропе на вершину невысокого холма, Эйнштейн с Карстерсом обнаружили, что отсюда они могут заглянуть через глинобитную стену в собственно город. Последний представлял собой убогое поселение из драных шатров и теснящихся домишек, с трубами, изрыгающими густой черный дым. Вонял этот клубящийся дым так ужасно, что на глаза лондонцев навернулись ностальгические слезы. Ах, цивилизация!

— Пожалуй, это лучший для нас выбор, — сказал лорд Карстерс, опуская дубинку на загорелое плечо. — Мы должны добыть какую-никакую одежду, припасы и, самое важное, надежные сведения.

Пряча боло в юбку, проф. Эйнштейн согласился.

— Я пока не видел никаких строений вне городских стен, а это говорит о том, что наличие стены обусловлено вескими причинами. А это, в свою очередь, предполагает, что нам вряд ли стоит оставаться на ночь здесь, в дебрях.

Когда исследователи подошли поближе, то увидели, что стена сложена из огромных каменных блоков, соединенных без всякого строительного раствора, и достигает в высоту ярдов так десяти. Взобраться на такую было бы затруднительно; определенно, это ограждение было воздвигнуто не из пустой прихоти.

Грунтовая дорожка закончилась у мощеной дороги, кишащей людьми, животными и деревянными телегами. Никто не обращал ни малейшего внимания на полуголых исследователей. Мощеная дорога вела прямо к большой арке в стене, и проем этот защищали внушительные ворота из толстых железных прутьев.

Шагнув в дорожный поток, Эйнштейн с Карстерсом заметили, что, хотя большую часть толпы составляют гуманоиды, некоторые из существ определенно к ним не принадлежали. Из города, пошатываясь и прикладываясь к бутылкам, выходили пьяные кентавры, в то время как в противоположном направлении вышагивал вразвалку отряд распевающих гномов. Внушительных размеров ящер в серебряных доспехах, выбираясь из города, едва сумел протиснуться в арочный проем. На макушке у него сидел с важным видом маленький толстый кролик. Служил этот

кролик украшением или же был наездником, спутникам разобрать не удалось.

А люди! Разнообразие их одеяний поражало: здесь были и восточные кимоно, и подбитые мехом плащи, и бамбуковые латы, и льняные туники. Большинство народа, казалось, принадлежало к среднеевропейскому типу, но пигментация кожи охватывала весь спектр, от готтентотов до шведов.

Выход из города в основном происходил беспрепятственно, но всех входящих останавливали четверо стоящих перед воротами стражников. Рослые, мускулистые молодцы, покрытые шрамами, эти стражники были в кольчужных рубахах до колен, облегающих кожаных штанах и островерхих железных шлемах. На боку у них висели кривые мечи, выглядевшие весьма часто применяемыми и опасными на вид.

— Здешний народ кажется странной смесью нескольких различных рас и культур, — констатировал лорд Карстерс, с наждачным звуком потирая небритую челюсть. — Язык гибридный, но, похоже, основой имеет идиоматический подъязык древних греков. Очень похож на язык надписи, высеченной на той каменной вывеске из Атлантиды у вас в музее.

— Вы совершенно правы, юноша, — облегченно вздохнул Эйнштейн. — По крайней мере, мы сможем разговаривать с туземцами.

— Со сфинксом мы общались без всяких затруднений, не так ли, сэр.

— Да, но это же сверхъестественное существо. А там действует совершенно иной набор лингвистических правил, которые основаны на втором тайном Пра-Языке Человечества, и всё такое. — Профессор затянул пояс-лиану на травяной юбке. — Ну, нет смысла медлить перед неизбежным. Тут не очень подозрительно относятся к чужестранцам, сэр. Попробуем прямой подход?

— Отлично, — согласился лорд, поводя мускулистыми плечами. — Но будьте готовы бежать, если понадобится.

С деланой небрежностью исследователи засвистели мотивчик и неторопливо направились к воротам. Как и ожидалось, когда они приблизились, первый стражник поднял руку. Насвистывание прекратилось, и оба путника улыбнулись.

Однако стражник скривил губу при виде их нарядов.

— Два медяка за вход, — деловито потребовал он.

Вспомнив всех служителей культа, каких он за свою жизнь обидел, проф. Эйнштейн попытался прикинуться священником.

— Но, сын мой, мы — священнослужители, путешествуем, дав обет нищеты.

— Какой еще обед? — фыркнул стражник. — Никогда в жизни не слышал про такую чушь. Два медяка, или не войдете.

— Но у нас действительно нет денег, — вступил в разговор лорд Карстерс, придавая голосу честную искренность.

— Дерьмо собачье, — огрызнулся стражник, обнажая меч. — Что вы двое пытаетесь тайком пронести в город?

Склонив голову, профессор последовал примеру товарища.

— Мы всего-навсего бедные монахи с далеких гор, почему вы не...

— Горные монахи! — завопил стражник, бледнея. И закрыл ладонью лицо. — Нечисть! Прочь! Убирайся!

Захваченные врасплох, Эйнштейн с Карстерсом лишь хлопали глазами в ответ.

— В чем дело? — начал было профессор. — Послушайте, сударь, мы не...

— И слышать ничего не хочу, подлые извращенцы! — заорал стражник, а его товарищи испуганно попятились. — Проходите! Не проходите! Мне все равно. Только не притрагивайтесь ко мне!

Не совсем понимая, чем вызвана такая реакция, исследователи, тем не менее, решили воспользоваться отличной возможностью пройти задарма и прошмыгнули через ворота. Быстро двинувшись по переулку, Эйнштейн с Карстерсом вскоре обнаружили кипящий оживленной суетой рынок, с выстроившимися по обеим сторонам улицы повозками, нагруженными товаром. Гоготали в маленьких сплетенных из прутьев клетках куры, из ведер, расплескивая воду, громко лаяли рыбы. Фермеры во всю силу легких расхваливали свой урожай, мясник торговал из ведра свежим красным мясом, а несколько пекарей разносили горячие крендели, нанизанные на железные спицы и распространявшие вокруг столь аппетитный аромат, что никакой другой рекламы не требовалось. Переходили из рук в руки монеты, а при подсчетах использовалась некая разновидность пакистанских палочек с насечками.

Укрывшись за поистине впечатляющим, хотя и волосатым, помидором, исследователи перевели дух.

— Горные монахи? — спросил лорд Карстерс, быстро оглянувшись в сторону городских ворот.

Поправив сплетенную из сорняков шляпу, проф. Эйнштейн пожал плечами.

— Понятия не имею, юноша. Но, возможно, это что-то такое, что мы сможем использовать к своей выгоде.

— Как вы себе это представляете? Стражник-то совершенно определенно не желал продолжать знакомство с нами.

— Да, но ведь он позволил нам пройти, не заплатив, Карстерс. Во многих обществах есть нищие, которых отовсюду гонят пинками, но вынуждены терпеть в силу религиозных или социальных традиций. Попробуем, вреда не будет.

Лорд Карстерс нахмурился, но ничего не возразил. Небрежной походкой профессор подошел к человеку, наводящему блеск на груду пузатых багрово-фиолетовых фруктов.

— Приветствую, сын мой, — сказал профессор с улыбкой. — Я всего лишь скромный горный монах, и...

Сочный фрукт разлетелся о лоб профессора; вытерев лицо, он увидел, как фермер готовится бросить новый.

— На помощь! На меня напал горный монах! — завопил явно перепуганный зеленщик. — На помощь! Стража!

На рынке поднялся переполох, все закричали и принялись швыряться чем попало; в основном, это были продукты, но град снарядов, летевших в забрызганного профессора, включал и несколько камней.

— Вот он! — завопил какой-то мужчина, замахиваясь кирпичом. — Грязный, вонючий горный монах!

— Гоните его к центру города! — добавила какая-то женщина, поднимая горящий факел.

— Не прикасайтесь к нему! — предупредила другая.

— Эй! Их двое! — крикнул кто-то, показывая на лорда Карстерса.

Рослый мясник взмахнул топором.

— Значит, нам просто понадобится вдвое больше дров, чтоб поджарить их! — проревел он.

Когда воющая толпа двинулась на них, гнилые фрукты и комья грязи полетели в лорда, словно чих Сатаны. Видя, что промедление смерти подобно, Карстерс выдернул поддерживающий навес шест, и ткань накрыла толпу. Затем, опрокинув пинком тележку с фруктами, лорд сгреб профессора под мышку

и припустил вперед по переулку, свернул в другой переулок, снова свернул, перепрыгнул через ограду, потом через другую, пока не оказался стоящим в тихом внутреннем дворе.

Сдерживая дыхание, Карстерс подождал, пока шум преследующей толпы не миновал двор, растаяв вдали. Уф! Ему не доводилось проделывать ничего подобного со времен памятной ночи, когда его посвящали в студенты Гарварда!

Опустив профессора на землю, Карстерс оглядел двор. Окружающие его стены были сложены из чередующихся красных и черных кирпичей, что придавало им странный арлекинский вид, а землю покрывал слой гравия. У задней стены постройки, похожей на склад, лежали сложенные в пирамиду несколько шестиугольных бочек, а в углу двора находилась наполненная зеленоватой водой поилка для лошадей. Когда Карстерс подошел к ней поближе, откуда-то из тени на поилку запрыгнуло похожее на кошку существо, недовольно замычало, расправило крылья и, захлопав ими, унеслось в темнеющее небо.

Отвернувшись от грязной воды, лорд Карстерс бросил наземь вконец испачканную шляпу.

— Блистательный ход, Эйнштейн, — воскликнул он. — И что нам теперь делать?

— Я еще думаю, юноша, — мудро пробормотал профессор, и в ту же секунду гнилой фрукт смачно ударил в стену рядом с ним.

Опять? Исследователи резко повернулись и увидели группу ухмыляющихся юнцов, входящих во двор через скрытую в тени дверь. Одежду себе эти подростки явно подобрали для пущего драматического эффекта, но оружие у них в руках было строго утилитарным: дубинки и длинные ножи со зловеще поблескивающими в неверном свете лезвиями.

— Так-так, мои ворчуны, а что это у нас здесь такое? — спросил долговязый юнец с привязанным к голове стильным кожаным гульфиком.

— Горные монахи! — хохотнул толстый подросток с золотым кольцом в носу. — Вот потеха!

— А, это те, что приговорены к смерти, — улыбнулся вожак, демонстрируя выщербленные почерневшие зубы. — Для любого, кто их найдет.

Щеголяющий парой рогов паренек взмахнул короткой веревкой и принялся связывать петлю.

— Так давайте позабавимся, — предложил он, портя эффект зловещего, в принципе, предложения еще не вполне половозрелым писком.

Приведенный в полнейшее замешательство лорд Карстерс задумчиво потер подбородок.

— Как думаете, сэр?

— Нет смысла смотреть в зубы дареному коню, юноша, — пожал плечами профессор.

— Есть какая-либо вероятность, что они могут быть поклонниками Бога Кальмара?

— Крайне малая. Даже Уильям Оуэн не дошел бы до такого отчаяния, чтобы вербовать на службу этих трусов.

— Согласен, — промолвил лорд, хрустнув костяшками пальцев. — Но только оглушить, правильно?

— Это было бы благоразумно, — согласился проф. Эйнштейн. — Ни к чему поднимать на ноги всю местную полицию.

Шайка к этому времени уже в замешательстве переглядывалась, и вперед выступил крепкий рыжий малый в аляповатом радужном жилете.

— Эй, там, — грубо обратился он к исследователям. — Разве вы не горные монахи?

— Нет, — уведомил его проф. Эйнштейн, извлекая боло. Раскрутив его до свиста, он прицелился и отправил самодельное оружие в полет.

Переплетающиеся веревки поймали троих членов шайки, а вращающиеся камни отправили еще одного в нокаут. Так как для надлежащего броска с возвратом во дворе не хватало места, Карстерс метнул бумеранг прямо в гущу шайки, сшибив с ног еще двоих. Затем английский лорд вошел в стенающую группу с голыми кулаками, и бой закончился, даже не успев толком начаться.

После того как Эйнштейн с Карстерсом связали подростков лианами из своей состряпанной в джунглях одежды, они отошли к поилке и попытались хоть немного отмыться от фруктовых соков. Это привело к тому, что кожа обоих приобрела слегка зеленоватый оттенок, с чем они бодро смирились, сочтя дополнительной маскировкой. Засунув свои самодельные наряды в пустую бочку, они донага раздели всю шайку и принялись надевать на себя то, что налезало.

— Что не так, юноша? — спросил профессор, с трудом натягивая пару сапог. — Переживаете из-за этого ограбления?

— Только не из-за таких, как эта шваль, — презрительно фыркнул лорд Карстерс. — На самом деле я пытаюсь вспомнить подходящую цитату.

— «Красть у воров — не преступление, — любезно подсказал профессор, — а всего лишь шутка».

— А, да, — улыбнулся Карстерс, пытаясь влезть в самые большие панталоны, какие только нашлись. — Сервантес, «Дон Кихот».

— Правда? А я всегда думал, что это сказал королевский налоговый инспектор. Как интересно.

Когда они закончили облачение, Эйнштейн оказался одетым в сапоги и штаны из синей кожи, хлопчатобумажную рубашку и тот самый жилет радужной расцветки. К счастью, лорду Карстерсу тоже удалось найти пару достаточно больших сапог, но самые большие штаны обтягивали его самым тревожным образом, и ни одну из рубашек никак не получалось застегнуть полностью.

— Оставьте рубашку расстегнутой до талии и перекиньте ремень через плечо, — предложил Эйнштейн, заткнув за пояс отнятый нож. — Это придаст симпатичный пиратский вид.

Словно внемля словам своего отбивающего на бейсбольном поле, лорд Карстерс послушно последовал совету и перекинул ремень поперек волосатой груди. Черт побери, а он и впрямь выглядел словно кровожадный пират! *Извини, Рыжий Джон.*

— Сколько у нас теперь денег? — спросил лорд, снова переходя к делу.

Вынув из кармана горсть монет, профессор позвенел ими на ладони.

— Двадцать медяков, две оловяшки и один серебреник. И, судя по сбору у городских ворот, это весьма немного. Для покупки чего-то полезного нам понадобится куда больше.

— Пожалуй. Ну, хорошо, значит, сперва мы должны раздобыть дополнительные средства, — заключил лорд, расчесывая пятерней влажные волосы. — А для этого нам нужен бар.

— Бар?

— Бар, салун, таверна, пивная, — перечислил, пожав плечами, Карстерс. — Нам отлично подойдет любое подобное заведение.

— Не время сейчас пить, юноша, — осуждающе погрозил лорду пальцем проф. Эйнштейн.

— Всё верно, сэр. Однако я думаю, что таверна самое подходящее место, где можно устроить настоящую драку, — объяснил лорд, сжимая и разжимая массивные кулаки.

— О да, конечно, — ответил профессор, доблестно пытаясь скрыть полнейшее непонимание.

19

Выйдя со двора на улицу, Эйнштейн с Карстерсом увидели, что на безымянный город уже надвигалась ночь. На лиловом небе появлялись незнакомые созвездия, а на всех уличных углах начинали загораться фонари. Но вместо мерцающего газового света Лондона на бамбуковых столбах торчали стеклянные шары величиной с арбуз, заполненные стайками крошечных переливающихся всеми цветами радуги рыбок. Проходя мимо, спутники слышали доносящееся словно откуда-то издалека негромкое бульканье.

Суетящиеся толпы большей частью исчезли, и зевающие купцы закрывали ставни своих лавок, в то время как сонные уличные торговцы увозили свои тележки. А в темноте проплывали счастливые лица, озаряемые мягким красноватым светом курительных трубок. Городские ворота закрыли, следы учиненных днем разрушений убрали, и город сделался мирным морем ничем не нарушаемого спокойствия.

Неторопливо шагая по мостовой, профессор слегка ткнул лорда Карстерса локтем в бок и показал на одно здание. Это была довольно обшарпанная двухэтажная постройка из кирпича, с льющимся из окон дымчатым светом и многоголосым смехом, доносящимся из распахивающихся в обе стороны двустворчатых дверей. Снаружи имелась деревянная вывеска в виде ведра со светящимися буквами, которые под взглядами исследователей вдруг потекли и преобразились в надпись на английском: «Пиворама Большого Боба»

— Как насчет этой? — спросил проф. Эйнштейн, делая жест ладонью.

Лорд Карстерс задумчиво потер свою волевую челюсть.

— Приемлема, но не идеальна.

Как раз в этот момент из окна, которое будто взорвалось, вылетело тело и грохнулось на мостовую. С хрустящим шорохом, рассыпавшиеся осколки соединились в воздухе между собой, затем их внезапно засосало обратно, и совершенно целое стекло заняло свое прежнее месте в оконном проеме. Скатившийся в канаву пьяный пробормотал какое-то ругательство, устроился поудобнее и захрапел.

— Виноват, ошибся, — улыбнулся лорд. — Она идеальна!

— В самом деле? — проф. Эйнштейн весьма неохотно последовал за лордом Карстерсом, который уже направился к распахивающимся как в салуне полудверям.

Зал, в котором они оказались, мало чем отличался от питейных заведений для низшего сословия, каких полным-полно в любом гетто мира. Там было шумно и полно народу, пол у входа был липким, а в воздухе стоял запах прокисшего пива. Серые оштукатуренные стены были украшены откровенными плакатами; висела новенькая доска для метания стрелок, в которую явно еще никто не попадал. Единственное заметное отличие заключалось в том, что эта таверна хорошо освещалась гроздьями стеклянных шаров с рыбками, свисающих с балок высокого потолка. Освещение было ярким, а постоянное бульканье растворялось в разноголосом гаме.

Когда исследователи направлялись к стойке, под ногами у них на каждом шагу раздавался хруст, так как пол был устлан толстым слоем зеленой и голубой арахисовой скорлупы. Как они и ожидали, никаких табуретов у стойки не оказалось; клиенты заказывали и пили стоя или отходили в сторону. Сама стойка представляла собой цельную деревянную доску, очевидно вырубленную из ствола какого-то огромного дерева. На шатких полках за стойкой располагался обычный ассортимент бутылок, шкаликов, кувшинов и бочонков. Но некоторые из них шипели, в то время как другие без всякой видимой причины дрожали как от холода.

Толстый бармен с неряшливого вида усами, в потрескавшемся кожаном переднике поверх штанов и покрытой пятнами туники, протирал влажной тряпкой оловянную кружку, делая это так, будто он занимается этим целую вечность. Сбоку на стойке тянула из миски молоко маленькая зеленая ящерица. Поблизости на стене висело кривое зеркало; внутри зеркала находился ор-

кестр из тридцати инструментов, играющий быструю мелодию, которая казалась смутно знакомой.

— Моцарт? — спросил, почесав в затылке, профессор.

— Лист, — поправил лорд Карстерс.

Как и следовало ожидать, завсегдатаи представляли собой малопривлекательное сборище храпящих пьяниц, пронырливых «жучков», беззубых шлюх, шумных гуляк и нескольких совершенно серьезных пьющих. Даже в годы безответственной юности, Эйнштейн, если и забредал один в подобное заведение, то, как ученый, использовал инерцию своего входа для того, чтобы тут же развернуться кругом и уйти.

Заметив возле ведущей на второй этаж лестницы пустой стул, лорд Карстерс сделал знак профессору присесть. Затем, размяв руки, лорд неторопливо вышел на середину зала и громко объявил:

— Я могу побить любого в этом баре!

В зале наступила ошеломленная тишина, а затем из-за одной из поддерживавших потолок колонн шагнул на всеобщее обозрение здоровенный как медведь ухмыляющийся субъект. Физиономию этого покрытого шрамами лысого великана, одетого лишь в мешковатые штаны и сапоги на толстой подошве, украшала золотая цепочка, тянувшаяся от изуродованной кулаками ушной раковины к сломанному носу.

— Это вызов, чужеземец? — вежливо осведомился голиаф, помахивая небольшим бочонком, который он использовал вместо кружки.

С напускной бравадой лорд Карстерс презрительно усмехнулся.

— Что? Ты также глуп как и безобразен?

Двое из завсегдатаев таверны тут же хлопнулись в обморок, а еще один выглядел смущенным, когда из-под его стола донесся плеск струи.

— Эй, а грубить-то не надо, — упрекнула лорда гора мускулов, отставляя в сторону выпивку. — А звать меня Костолом, или, для таких официальных случаев, как этот, Костолом д'Колинквет.

— Лорд Бенджамин Карстерс, — громко и четко представился исследователь.

Костолом двинулся вперед, и противники встретились в центре таверны лицом к лицу. Для британского лорда это было

новым опытом, и не самым приятным. Они были совершенно одинакового роста и массы.

Видя, что он не вызывает у этого странно одетого пришельца обычного животного страха, Костолом шумно хрустнул здоровенными костяшками пальцев.

— А теперь, если ты желаешь умереть, — дружелюбно обратился он к лорду, — то я буду рад попросту убить тебя. Совершенно бесплатно.

— Да, но я вот держу пари, что у тебя ничего не выйдет, — сказал лорд Карстерс, отталкивая в сторону стул, чтобы расчистить пространство для боя.

Теперь среди зевак пробежал заинтересованный ропот, и на лицах зрителей начали расплываться жадные улыбки. Оркестр в зеркале заиграл драматичный военный мотив, а бармен принялся убирать под стойку стеклянную посуду.

— О, так ты хочешь замаскировать самоубийство под пари? — поинтересовался Костолом, затягивая ремень на еще одну дырочку. — Прекрасно. Назови цифру.

Дело шло не так, как замышлял Карстерс. На заднем плане несколько завсегдатаев заняли безопасные позиции на балконе над баром, в то время как другие просто опрокинули столы набок, устроив импровизированные баррикады, за которыми можно, в случае чего, укрыться.

Сделав глубокий вдох, чтобы выиграть время, лорд Карстерс наобум назвал сумму.

— Десять золотых?

— Договорились! — усмехнулся Костолом, демонстрируя золотой зуб. — Щедро с твоей стороны. Как насчет оружия?

Лорд высокомерно выгнул бровь.

— Ну, если тебе требуется оружие, то, полагаю....

— Годится и голыми руками, — с улыбкой кивнул Костолом. И без дальнейших разговоров лысый ринулся вперед, и пол ходил ходуном от каждого удара его сапог.

Выждав, насколько было возможно, Карстерс в самый последний момент ловко убрался с пути несущегося как носорог противника, одновременно нанося ему мощный правый в голову. С потрясенным криком Костолом улетел вбок и приземлился на столе. Под его весом предмет мебели превратился в дрова, и безволосый великан грохнулся на грязный пол.

Толпа взорвалась буйными одобрительными криками.

— Дай ему еще разок, ворчун! — крикнул какой-то пьяный из-за частокола пустых бутылок.

— Да! — добавила плотоядно глядящая деваха, выпячивая свои выдающиеся прелести. — Для меня!

Бросив радостной толпе свою шляпу, лорд Карстерс повернулся помочь подняться с пола своему окровавленному противнику. Какую-то секунду казалось, будто Костолом собирается продолжать бой. Но он застенчиво потер затылок и улыбнулся.

— Вот мерзавец, — пробормотал Костолом сокрушенно. — Какой-то новый грязный приемчик. Где ты ему научился?

— В оксфордском дискуссионном клубе, — ответил лорд Карстерс, протягивая раскрытую ладонь. — Мой выигрыш, будьте любезны.

Опустив голову, Костолом замялся, топча сапогами цветные скорлупки.

— Ну, тут ты меня уел, — пробормотал он. — У меня... у меня всего два серебреника.

Кричащая, пьющая и смеющаяся толпа мгновенно умолкла. В мертвой тишине все хмуро повернулись к явно смущенному Костолому.

Наконец, коротышка с металлическим горшком на голове заговорил.

— Костолом, ты держал пари, не имея денег для покрытия своей ставки? — недоверчиво спросил он.

Выглядевший как побитая собака Костолом сделал слабый жест покрытыми шрамами руками.

— Ну, понимаешь, я... дело в том... проклятье, я ж никогда раньше не проигрывал! — привел он, наконец, довод в свое оправдание.

— Мошенник! — завопили нестройным хором все присутствующие, и эхо вопля взмыло к потолочным балкам.

Навалившись всем кагалом, жестокая толпа завсегдатаев дубасила Костолома, пока тот не упал. После этого изломанное тело выволокли на улицу. Бросившись к окну, проф. Эйнштейн и лорд Карстерс в ужасе наблюдали, как воющие селяне перебросили веревку через ветку дерева и без всяких задержек или церемоний вздернули Костолома.

Чувствуя накатившую дурноту в желудках, исследователи, спотыкаясь, отошли от окна и уселись на каких-то пустых стульях. Убит из-за пари в баре? Невероятно! Немыслимо!

Взглянув в окно, Эйнштейн с Карстерсом увидели, что завсегдатаи таверны теперь пустили в ход факелы, поджигая раскачивающийся на веревке труп, в то время как другие забрасывали его вывороченными из мостовой булыжниками. Через некоторое время возбужденная толпа потянулась обратно в бар и сердито вернулась к оставленной выпивке.

Каким-то образом профессор нашел силы заговорить:

— Слушайте, юноша, хорошо, что вы победили, — прошептал Эйнштейн.

— Да уж, — согласился лорд Карстерс, потирая побаливающую руку. — Эти ребята относятся к азартным играм еще серьезней, чем какой-нибудь греческий тюремщик.

— Разные страны — разные ценности, — пробормотал проф. Эйнштейн, наблюдая за тем, как завсегдатаи поправляют столы и занимают свои прежние места. — В Швеции хвастовство считается хамством, а в Японии меня однажды сильно побил извозчик, когда я попытался дать ему на чай.

— О да, там это считается страшным оскорблением.

— Вот-вот, мой друг. Даже большим, чем облизывание губ после того, как вы поели в...

— Эй, вы!

Напрягшись и приготовившись к чему угодно, исследователи медленно обернулись на голос и увидели, что толстый бармен машет им, подзывая к себе. Переглянувшись, Эйнштейн с Карстерсом решили рискнуть и, хрустя скорлупками, подошли к стойке.

— Поскольку задета честь моей таверны, я заплачу вам десять золотых, которые вам задолжал Костолом, — заявил хозяин бара, растягивая в довольной улыбке щербатый рот. — В кредит, конечно.

— Это кажется вполне приемлемым, — сказал проф. Эйнштейн.

— Нет, это совершенно неприемлемо, — вежливо возразил лорд Карстерс. — Раз выплата в кредит, то разве не будет более уместной сумма в пятнадцать золотых?

— Договорились, — со скрипом согласился бармен, скривив губу и протягивая руку. — По рукам.

— Но я, разумеется, охотно предпочел бы пятнадцати в кредит пять звонкой монетой, — быстро поправился лорд Карстерс, тоже протягивая руку.

Бармен несколько опешил, и на его лице отразилась борьба чувств, прежде чем он расхохотался.

— Клянусь Оракулом, споришь ты ничуть не хуже, чем дерешься. Ладно, пять монет, и дело с концом. — Сунув руку в карман кожаного передника, хозяин таверны извлек монеты и выставил на замызганную стойку столбик из золотых и серебряных дисков. — Согласен?

— Несомненно, сударь, — вежливо ответил лорд Карстерс.

Чуть склонив голову набок, бармен уставился на Карстерса.

— Да. Согласен, — перевел лорд, и теперь договаривающиеся стороны некоторое время пытались сокрушить друг другу руки, прежде чем, наконец, разжали их.

— Не желаете ли теперь чего-нибудь, с выигрыша? — опершись локтем на стойку, спросил бармен, возвращаясь к исполнению своих профессиональных функций. — Бои и споры вызывают жажду, а?

— Естественно, хозяин, — улыбнулся лорд Карстерс. — Выпивку для меня и моего друга, для начала.

— Вполне справедливо, — согласился бармен, поворачивая кран под стойкой. Когда его руки снова появились в поле зрения, в каждой было по оловянной кружке пенного пива. — Рыжий Джон — так меня звать.

— В самом деле? — удивленно переспросил проф. Эйнштейн. — Пират с таким же именем вам не родственник?

— Вот этого не скажу, — ответил Рыжий Джон, ставя кружки на стойку. — Но я знаю еще трех человек с таким же именем, это сапожник, кузнец и алхимик. Все отличные ребята.

Затем Рыжий Джон наклонился поближе и тихо добавил:

— Но я никому не советую заходить к алхимику на обед, когда у него эта, «мозговая горячка» — ну, вы понимаете.

— О да, — вежливо посмеялся лорд Карстерс, поднимая ледяную кружку. — Чин-чин, старина!

Принюхавшись к содержимому кружек, исследователи осторожно пригубили янтарное варево и были приятно удивлены, обнаружив, что в кружках самое обыкновенное пиво, хотя и слегка переохлажденное. Холодное пиво? Да что же за варварская страна этот остров Дутар?

Без всякого предупреждения, оркестр в зеркале заиграл бодрую вариацию той же пьесы, какую наяривал с той минуты, как спутники вошли в бар.

— Они только это и знают? — спросил лорд Карстерс, вытирая губы носовым платком.

— К сожалению, да, — печально вздохнул Рыжий Джон, наливая еще одну кружку пива. Налив, он толкнул ее по стойке; один из завсегдатаев поймал оловянную емкость и отправил в обратную сторону монету. Рыжий Джон поймал монету, попробовал на зуб и убрал на хранение в кожаный передник.

— Кстати, зеркало у вас кривое, — указал проф. Эйнштейн, вытирая рукавом пену с губ. Носовой платок у него был, но он инстинктивно чувствовал, что в заведении подобного класса пользование им отнюдь не вызовет всеобщего одобрения.

— Да это нормально, — ответил Рыжий Джон, сгребая грязную кружку и бросая ее через плечо, где она плюхнулась в ведро с мыльной водой. — Ведь тот, что на тубе у них играет, — толстяк. Будете еще что-нибудь?

— Нам бы какое оружие, — произнес лорд Карстерс, ставя на стойку пустую кружку. — Мечи, арбалеты — что-то в этом роде.

— Плюс кое-какие вещества — для медицинских целей, — очень равнодушным тоном добавил Эйнштейн. — Сера, древесный уголь, нитрат калия....*

Почесав затылок, потом задницу, Рыжий Джон крепко задумался, кряхтя от колоссального мозгового усилия.

— Я продаю выпивку. Оружие положено покупать через мэрию, в городской канцелярии, — сказал он, выуживая из мыльной воды кружку и принимаясь вытирать ее знававшей лучшие времена тряпкой. — Что же до тех других вещей, то я про такие не слыхал. Сожалею.

Эйнштейн с Карстерсом устало переглянулись. М-да, накрылась идея с бомбами из черного пороха и французскими петардами.

Клиент в конце стойки выкрикнул заказ, и Рыжий Джон нацедил еще пару кружек. Тем же движением, каким отправил оловянные кружки скользить по стойке, он сделал знак исследователям нагнуться поближе.

— Вот что я вам скажу, — тихо прошептал, озираясь, Рыжий Джон. — У меня есть книга по магии, которую я могу вам продать. Неиспользованная. Хорошая и чистая.

Хотя Эйнштейн родился и вырос в Лондоне, ему уже не раз доводилось слышать эту сомнительную характеристику приме-

нительно к чему угодно — от молоденьких девушек в Мексике до золотых слитков в России.

— Нельзя ли мне взглянуть на эту якобы книгу, — спросил подозрительным тоном профессор. — У меня имеется несколько подобных, и я не хочу приобретать такую, какая уже стоит дома.

— Разумеется, разумеется! Запросто! — просиял Рыжий Джон и бросился в подсобное помещение. — Я мигом, ладно?

Послушав этот обмен репликами, лорд Карстерс решил прикинуться простачком и пока не встревать в разговор. С самым небрежным видом он погладил ящерку на стойке. Та ответила глупой улыбкой.

— Приятно, — произнес маленький ящер тонким голоском.

Отдернув руку, лорд Карстерс чуть не подскочил.

— Клянусь щитом Агамемнона, он говорит!

— А как же, конечно, говорит! — хрипло рассмеялся, выходя из подсобки, Рыжий Джон. — Скажи «привет», Уинслоу.

— Привет, Уинслоу, — послушно ответил ящерок.

— Э-э, здравствуйте, — выдавил с натужной вежливостью лорд.

Ящерок продолжил шумно отпивать из миски, и когда уровень молока достаточно упал, лорд увидел, что большая часть миски заполнена маленькими рубинами.

— Боже правый, а они-то для чего? — спросил Карстерс с недоумением.

Уинслоу прекратил пить и взглянул на человека как на недотепу.

— Красивые.

Чувствуя себя дураком, лорд Карстерс попытался скрыть усмешку.

— Ну да, конечно, прошу прощения.

— Да пустяки, — дружелюбно ответил Уинслоу, возвращаясь к прерванной трапезе.

Положив на стойку сверток, Рыжий Джон развернул складки плотной ткани, открывая взорам маленькую книгу в кожаном переплете.

— Вот она! Осторожней теперь, она нетронутая, — предостерег он, передавая книгу профессору.

Осмотрев сначала переплет, проф. Эйнштейн послюнил палец и полистал томик.

— Впечатляет, — промолвил он. — Но как мы узнаем, что они и правда действуют?

— Да это самые настоящие заклинания, — воскликнул Рыжий Джон, приложив руку к сердцу. Он, казалось, искренне обиделся. — И каждое действует. Сам видел! Даю вам слово чести.

Профессор бросил взгляд за окно, где догорала висящая на дереве фигура и ребятишки тыкали в обуглившееся тело палками.

— М-да... Ну, мы, конечно, верим вашему слову, — произнес с несколько наигранным энтузиазмом Эйнштейн. — Да, думаю, мы заинтересованы в приобретении данного тома. Сколько вы просите?

— Ясное дело, я не могу отдать такую редкую и ценную вещь меньше чем за два золотых, — заявил, невинно моргая, Рыжий Джон. — Уж как хотите, а это мое последнее слово.

— Один, — ответил профессор, протягивая монету.

Рыжий Джон молниеносно схватил ее: — Идет!

Когда проф. Эйнштейн и лорд Карстерс склонились над любопытным томиком, Рыжий Джон отвернулся и, прежде чем спрятать, украдкой попробовал монету на зуб. Никогда еще ему не удавалось с такой легкостью поиметь два серебреника чистой прибыли. *Ах, эти туристы. Я их просто обожаю.*

— Как интересно, — заметил лорд Карстерс, перелистывая книгу. — Оглавление дается на узнаваемой разновидности английского, но все остальное... Гм.

— Да, с этим закавыка, — сказал Рыжий Джон, протирая стойку тряпкой. — Если вам нужен перевод, то это уже другое дело.

— Нет, спасибо, — отказался Эйнштейн, погладив ящерка, который в ответ замурлыкал. — Мы вполне в состоянии прочесть ее.

Словно пораженный ударом молнии, Рыжий Джон выронил тряпку.

— Что-что? — прошептал он, вытаращив глаза так, что они уже прощались с телом. — Н-но вы же не должны быть в состоянии прочесть ее! Никто не способен прочесть эту проклятую книгу!

В мрачном веселье профессор Эйнштейн прекратил поглаживать довольную рептилию.

— Вот те на, — попенял он бармену. — Если б мы не могли прочесть эту книгу, то я бы счел ее в высшей степени бесполезной.

— В действительности, все очень просто, — объявил лорд Карстерс, быстро перелистывая страницы с таинственными каракулями и идеограммами. — Эта книга написана на нескольких языках, и большинство из них мертвые, тайные или древние. Но настоящая трудность не в этом. — Лицо его внезапно озарилось догадкой. — Или это обман? — грозно спросил Карстерс.

— Да, он самый, — признал Рыжий Джон, наливая себе зеленой жидкости, в которой извивались силовые линии. Он опрокинул стакан и содрогнулся. — Книга стоит золотой, но Гильдия Магов требует сто золотых за перевод каждой страницы.

Лорд Карстерс со смешком закрыл томик.

— Так значит, сама по себе эта книга — демпинговый товар. — Увидев на лице бармена полнейшее непонимание, лорд печально объяснил: — Товар, продаваемый в убыток, для затравки. Афера с целью создания работы для Гильдии Магов.

— Да, так оно и есть, — вздохнул Рыжий Джон, принимаясь вытирать стакан. — У всех в городе есть свой экземпляр. Но есть и еще кое-что. Стоит только прочесть какое-то заклинание, как слова тут же исчезают со страницы.

— Дешевая книга, наполненная страшно дорогими одноразовыми магическими заклинаниями, — пробормотал проф. Эйнштейн, глядя с заметным пренебрежением на книгу. — Нет, думаю, мы не желаем иметь дела с этой Гильдией Магов.

— Мы их называем ворами, — прошептал Рыжий Джон, быстро оглядываясь кругом, чтобы убедиться, что в пределах слышимости никого нет. — Но не очень громко.

Двери с треском распахнулись, и вошла группа потрепанных юнцов в одном нижнем белье.

— Вот они! — закричал вожак с подбитым глазом.

— Воры! — крикнул другой.

— Убьем их! — добавил парнишка с рогами, шлепая по ладони металлическим прутом.

Развернувшись на месте, Эйнштейн схватил бутылку и разбил ее о стойку. Сжимая в руке горлышко, профессор показал подросткам «розочку».

— На счет «три», — предложил Карстерс, поднимая над головой тяжелый дубовый стул.

— Лучше не пытайтесь, мальчики! — выкрикнул, предупреждающе вскинув руку, Рыжий Джон. — У них есть магическая книга. И они способны прочесть ее!

— Чушь собачья, — гневно пробурчал вожак, сделав шаг вперед.

— Тогда продемонстрируем, — предложил лорд Карстерс, опуская стул. — Не будете ли так любезны, профессор?

Положив самодельный кинжал на стойку, Эйнштейн взял книгу и прочел надпись на обложке:

— «Аль А. Казам. Большая Книга Магии. Копирайт — Год, Когда Мэра Растоптала Гигантская Жаба». — Он перевернул страницу. — «Внимание, Искатель Мудрости! Обладатель этого тома держит в своих руках вещь огромной и ужасной силы, темное знание, ведомое лишь немногим посмевшим встретиться лицом к лицу с бесконечным, и стопроцентно будет главным клоуном на вечеринках, праздниках и торжествах».

К этому времени половина уличной шайки уже исчезла, в то время как клиенты таверны громко заключали пари на исход столкновения.

— Ба! Л-липа, — заикаясь произнес дрожащим голосом вожак. — Э-эту страницу все знают. Ее Гильдия переводит задарма!

Сдерживая гнев на посмевшего ему противоречить, Эйнштейн быстро пролистал страницы и выбрал другую.

— Страница 147: Вызывание Демона Из Ада, — прочел Эйнштейн, сделав странный жест. Кисть его руки витала в воздухе, а левый мизинец оставлял за собой светящийся след, и эти розовые линии вскоре образовали висящий в пустоте перевернутый трапецоид. Таверну заполнил зловещий стон сдерживаемой мощи, и воздух сделался заметно прохладней.

— Сперва надо плотно сдвинуть колени, — гулко зачитывал проф. Эйнштейн. — Затем разверни их влево, а потом разверни их вправо...

Зачтение прервал испуганный вопль, и оставшиеся члены шайки обратились в бегство; большинство из них воспользовалось дверью, но двое отбыли через окно. Как и раньше, стекло с причудливым всасывающим звуком само себя отремонтировало, а толпа разразилась аплодисментами.

— Великолепно, сэр! — воскликнул лорд Карстерс, хлопнув профессора по плечу. — Что еще содержится в этой книге?

Оправляясь от дружеского удара, проф. Эйнштейн выпрямил колени. *Да чтоб я.., ну и силен же этот малый!*

— Вот, юноша, прочтите-ка для себя этот тайный перечень.

Лорд быстро пробежал взглядом по списку.

— А, тогда нам не понадобится покупать оружие. Превосходно.

— Магическое оружие? — ахнул вслух Рыжий Джон, которому, похоже, стало трудно дышать. *В книге есть список оружия?* — Погодите! Давайте, мы трое, поговорим напрямик и без всяких экивоков!

Обоим британским джентльменам вдруг стало ясно, что местный бармен вот-вот начнет врать в беспрецедентных масштабах. Кратким жестом профессор Эйнштейн оборвал надвигающиеся три короба собачьей чуши, случайно оставив короткий розовый инверсионный след. *Ой.*

— Послушайте, любезный, у нас был весьма насыщенный день, и поэтому я скажу вам, что именно мы намерены сейчас сделать, — сказал профессор, похлопывая по книге. — Вы нам скажете, как пройти к достойной конюшне, и дадите достаточно золота чтобы мы могли купить высококачественных лошадей и приобрести припасы, вместе с картой самого короткого пути к той большой горе на западе. В обмен на это вы выберете из этой книги какое хотите заклинание, и если это окажется что-то такое, без чего мы сможем обойтись, оно будет вашим.

Охваченный праведным негодованием, Рыжий Джон безмолвно потребовал лучших условий сделки, состроив обиженную, потом горестную и, наконец, жалобную мину, но профессор остался тверд. Последовало приглушенное обсуждение того, какое именно заклинание будет использовано. Трактирщик решительно отверг предложенные профессором «Воду в Вино» или «Мгновенное Протрезвление» и, в конце концов, остановился на «Золотом Прикосновении», несмотря на скептицизм лорда Карстерса.

Сделку утвердили, и деньги перешли из рук в руки. Лорд Карстерс не подпускал к договаривающимся других завсегдатаев, а профессор обучал трактирщика сложному заклинанию и даже помогал Рыжему Джону делать надлежащие движения. Когда было произнесено последнее магическое слово, книга заклинаний выдала разноцветную пиротехническую вспышку, и страница, с отчетливо слышным хлопком, сделалась чистой.

— Готово? — спросил Рыжий Джон, осматривая свою све тящуюся руку.

— Прикоснитесь к чему-нибудь, и увидите, — посоветовал проф. Эйнштейн, убирая книгу. — Я слегка модифицировал заклинание, так, чтобы чары не действовали на живую плоть, и поэтому можете не опасаться стать золотой статуей, если чихнете.

— В-вы чародей? — в страхе спросил бармен.

— Господи, нет, конечно! Всего лишь лингвист-любитель и член «Саутбэнкского Общества Правильной Речи».

Нерешительно поозиравшись в поисках предмета для испытания, Рыжий Джон остановился и усмехнулся. Заметно мерцающей от эфирной магии рукой он коснулся стойки. По стойке пробежала цветовая рябь и дерево превратилось в сплошное золото, сверкающее, словно только-только отлитое.

— Да! — воскликнул Рыжий Джон, в восторге хватаясь за лицо. Он в ужасе замер, но когда ничего не случилось, облегченно выдохнул.

Но тут же Рыжий Джон слегка нахмурился и даже запаниковал, когда начал возвышаться над стойкой. Господи боже, да он становился великаном! А, нет — это стойка опускалась ниже. И еще ниже...

— Берегись! — закричал лорд Карстерс, хватая профессора и уволакивая его прочь.

С треском ломающегося дерева мегатонная стойка проломила доски пола, оставив после себя идеально прямоугольную дыру, словно прорезанную фильерой инструментальщика. За первым громовым треском последовал другой, сопровождаемый звуками разрушений помельче и звоном бьющегося стекла.

— Здорово! А ну еще! — с восторгом пропищал откуда-то из мрака погреба Уинслоу.

Схватившись за грудь, Рыжий Джон потерял сознание и рухнул как подкошенный, и его золотая рубашка с глухим лязгом ударилась о пол.

Издав бессловесный рев, завсегдатаи дружно ринулись вперед, осторожно огибая дыру в полу, и, сгрудившись вокруг стонущего трактирщика, стали прижимать к его светящейся руке разные мелкие предметы. Когда предмет становился золотым, счастливый обладатель убегал, а его место занимал другой.

— Пора сматываться, сэр, — мудро изрек лорд Карстерс, потихоньку пробираясь к двери. — К завтрашнему утру вся эта

деревня перейдет на серебряный стандарт, и наши золотые потеряют всякую ценность.

От этих слов прижимающий к груди книгу профессор моргнул. Черт, а вот об этом аспекте девальвации он и не подумал.

— Думаете, мы успеем купить за ночь все нужное? — спросил профессор, когда они побежали по пустой улице.

— С мешком-то золота? — отозвался Карстерс, пробегая мимо тлеющего трупа, раскачивающегося на ветру. — Да уж определенно успеем.

В этот момент земля задрожала, и темный город затопило волнами яркого янтарного света. Бросив взгляд назад, исследователи так и споткнулись, увидев, что вся двухэтажная таверна сделалась теперь сплошь золотой и начинает погружаться в мягкую почву. Вылезающие из окон второго этажа завсегдатаи спрыгивали на мостовую с маленькими золотыми предметами в руках и разбегались со всех ног в разные стороны.

— Но нам лучше поторопиться, сэр, — серьезно заключил лорд, прибавляя шаг.

20

Примчавшись на другой конец города, где никто не мог расслышать шум и гам вокруг погружающейся в землю золотой таверны, проф. Эйнштейн и лорд Карстерс стали искать конюшню с жильем при ней. Это была куда более приличная часть города, где у проституток имелись зубы, а аккуратно вымощенные улицы патрулировались стражниками в униформе.

Обнаружив подходящее заведение, исследователи разбудили владельца громким стуком в дверь, а затем утихомирили его ярость по поводу нарушенного сна звоном множества монет.

Покупка нужных припасов и лошадей заняла всего несколько минут, но вот с одеждой возникли трудности из-за необычного размера лорда Карстерса. Вызвали портного, и тот, поощряемый музыкальным звоном монет, обшарил все свои запасы. Довольно скоро профессор с лордом Карстерсом облачились в удобные сапоги из мягкой кожи, черные штаны и желтовато-коричневые туники.

Расплатившись с торговцами, Эйнштейн с Карстерсом проверили седла и осмотрели сумки с припасами. Те были битком набиты кормом, предметами упряжи, едой и помятыми оловянными флягами с дешевым разбавленным вином. Как заметили исследователи, с санитарией в городе обстояло не очень, и потому они решили, что малость спиртного в запасах питья будет весьма мудрой предосторожностью.

К тому времени, когда они были готовы отбыть, взволнованный народ уже высыпал на улицы и вовсю болтал о каких-то странных событиях, случившихся в другой части города в «Пивораме». Восприняв эти разговоры как сигнал убираться подобру-поздорову, исследователи вскочили на лошадей и поскакали прямо к западным воротам. Стражники без проблем дали им отмашку, разрешая проехать. Едва выехав в чистое поле, Эйнштейн с Карстерсом пустили лошадей в галоп и скрылись в ночи. Убравшись из поля зрения городской стражи, исследователи несколько раз пересекли свой след — на случай погони. Местные полицейские силы выглядели не очень грозными, но поскольку это было родное измерение Бога Кальмара, то следом за ними теперь могло погнаться что угодно. Буквально. Мысль эта несколько, ну, скажем, нарушала душевное равновесие.

На протяжении всей ночи Эйнштейн с Карстерсом двигались скорым шагом, давая роздых лошадям только по необходимости. Они знали, что в реальном мире до завершения оборота луны оставалось всего полтора дня, а потом....

Чтобы сэкономить время, лорд с профессором ели и спали посменно, по очереди ведя в поводу лошадей друг друга, покуда в черном беззвездном небе восходило странное трио лун разной величины. Движение животных не создавало трудностей, так как любой уважающий себя археолог умел крепко спать верхом на скачущем коне. Хотя всем было хорошо известно, что самая лучшая и наиболее комфортная передвижная постель выходила из гиппопотама.

Дремучий лес постепенно поредел, затем уступил место поросшим густой травой лугам, которые, в свою очередь, сменились бесплодными землями с редкой и чахлой растительностью. К рассвету усталые путники добрались до высохшего русла реки. По другую сторону простиралась песчаная пустыня; зыбкие барханы уходили до самого горизонта, где на фоне лазурного неба виднелись неровные зубцы гор.

Когда Эйнштейн и Карстерс, придержав лошадей, пустили их шагом по потрескавшейся глине речного русла, на противоположном берегу взметнулся фонтан пыли, образуя настоящий гейзер. Растянувшись вширь, гейзер затвердел в виде большого прямоугольника на столбе. На глазах ошарашенных исследователей по прямоугольнику поползла светящаяся зеленая строка:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПУСТЫНЮ,
ЭЙНШТЕЙН И КАРСТЕРС.

— Думаю, прежде чем двигаться дальше, нам следует разобраться с тем оружием, — благоразумно предложил лорд Карстерс, собираясь спешиться.

— Несомненно, — произнес профессор с каменным лицом.

Соскочив на землю, лорд Карстерс хихикнул про себя.

Они привязали лошадей кожаными поводьями к чахлому кусту; Карстерс караулил с новоприобретенным арбалетом в руках, в то время как Эйнштейн выбрал удобный камень в качестве стула и открыл книгу магии, чтобы внимательно просмотреть список заклинаний.

— А, вот оно, — промолвил через несколько минут профессор. — Глава семнадцатая, «Заклинание для Вызова Самого Мощного Наступательного Оружия».

Откусив изрядный кус вяленого мяса медоносной пчелы, лорд Карстерс задумчиво пожевал его, прежде чем проглотить.

— А нельзя ли видоизменить заклинание, чтобы оно гласило: «Самое Мощное Наступательное Оружие, Сработанное с Учетом Моих Способностей и Ограничений»?

— Хорошая мысль, юноша! — одобрил, быстро листая книгу, проф. Эйнштейн. — Мгм... Вот, есть — скрытое дополнение в «Приложении Б».

Доев вяленое мясо, Карстерс опустил арбалет и протянул руку.

— Вы не против, если я попробую первым?

— Есть какая-то причина?

— В случае неудачи я, скорее всего, пострадаю намного меньше, чем вы.

— Да. Пожалуй, это справедливо.

Взяв книгу, лорд Карстерс, тщательно следуя инструкциям, внес необходимые поправки в состав фраз и, с надлежащими

жестами, отбарабанил заклинание. Когда он закончил, раздался трескучий хлопок, в облаке дыма переливались разноцветные огни. Потом дым рассеялся; страница сделалась чистой, а Карстерс радикально изменился.

Его арбалет и одежда из деревни исчезли. Теперь на лорде была своего рода военная форма какой-то пятнистой лесной расцветки, высокие черные ботинки и круглая металлическая шляпа. На поясе у него висели фляга и нож, вместе с кобурой, из которой торчал угловатый пистолет необыкновенной величины. Спину его от затылка до бедер прикрывал прямоугольный ранец. Из ранца выходила серебристая металлическая лента, которая делала петлю под рукой и примыкала к закрепленному на груди лорда массивному оружию. Обтягивающая тело сбруя из стальных скреп и блестящих черных ремней держала на весу какую-то не то винтовку, не то пушку, с многочисленными стволами, предназначенными для вращения вокруг центрального механизма. Сверху на машине была закрытая рукоять со спусковым крючком в тыльной части.

— Господи Боже, — прошептал лорд Карстерс, уставясь на свое новое снаряжение. — Да что же это за устройство такое?

Поднимая упавшую в пыль магическую книгу, профессор вдруг припомнил одну лекцию, некогда слышанную им в Британском Военном музее.

— Это скорострельная винтовка Гатлинга! — в восторге воскликнул Эйнштейн, хлопнув книгой о бедро. — Ей-богу, эти заклинания не разменяются на пустяки, не правда ли?

— На самом деле, — сказал Карстерс, читая прикрепленную к рукояти крошечную инструкцию, — это выпущенная в Соединенном Королевстве 17-я модель мини-пулемета «Вулкан», с электроприводом, стреляет 10-миллиметровыми безгильзовыми бронебойными, разрывными зарядами, максимальная скорострельность 8000 выстрелов в минуту.

— Нет, но это же совершенно невозможно с научной точки зрения, — отверг проф. Эйнштейн, наклоняясь, чтобы рассмотреть брошюрку поближе. — Должно быть, вы неправильно это прочли.

— Вообще-то тут по-американски, — признал лорд Карстерс. — Но я довольно сносно владею этим языком.

Дважды перечитав небольшую инструкцию, профессор сдался и пожал плечами.

— Я много что не понимаю в этом технологическом жаргоне, — признался он, — но звучит весьма впечатляюще.

Уже возвращая брошюрку, Эйнштейн обратил внимание на заднюю обложку и разинул рот.

— Святые угодники, юноша посмотрите, тут на месте даты стоит «2018»!

— Вы хотите сказать, две тысячи восемнадцатый год? — переспросил Карстерс, тоже взглянув. — Так и есть. Фантастика! Может, заказать еще одну такую штуку?

Проф. Эйнштейн покачал головой, похлопав по магической книге.

— Заклинание-то ведь исчезло, после того как вы его прочли, помните? Кроме того, если у вас есть физическое оружие, то мне следует приобрести магическое. Так сказать, для более полной гармонии.

— Хороший довод, сэр. О, еще одно обстоятельство.

— Какое?

— Взгляните.

Присмотревшись, профессор увидел лишь пыль в той стороне, куда ускакали лошади.

— Ах, какое неудобство, — выругался Эйнштейн и начал быстро листать книгу. — Может, нам удастся найти заклинание, чтобы сделать лошадей. Даже крылатых лошадей! Было бы очень неплохо. Мне однажды в Персии пришлось изловить крылатого коня, чтобы спасти одну слепую принцессу от одноногого...

— Сперва оружие, профессор. А истории потом.

— Ах, да, конечно.

Найдя в книге нужную страницу, проф. Эйнштейн исполнил требуемый ритуал. Снова хлопнул взрыв, но на сей раз, когда рассеялся дым, перед взорами исследователей предстала лишь стоящая стоймя на песчаной почве обыкновенная кувалда.

— Это все? — недоверчиво спросил лорд Карстерс.

Проф. Эйнштейн в ужасе посмотрел на чистую страницу, а затем снова на молот.

— Ну, предполагается, что он волшебный, юноша, так что мы не должны судить о таких вещах по одному только внешнему виду.

Ухватившись для пробы за рукоять, профессор попытался поднять камнедробильный инструмент, но тот отказался даже шелохнуться.

— Позвольте мне, — предложил лорд Карстерс, похрустывая костяшками пальцев.

Махнув рукой в знак согласия, Эйнштейн смотрел как его друг столь же безуспешно пытается сдвинуть молот хоть на дюйм. Затем, озаренный догадкой, профессор оттащил кряхтящего лорда от молота.

— Не трудитесь, юноша. Это оружие не смогла бы сдвинуть и сотня силачей, — печально констатировал проф. Эйнштейн. — Если я не ошибаюсь, мы наколдовали себе Мьёлнир.

— Молот Тора? — выгнул бровь лорд Карстерс. — Скандинавского бога грома?

— Оружие, заставляющее повелеваться природные катаклизмы. Дожди, метели, молнии, торнадо и так далее.

— Ну, так это же великолепное оружие!

— Если б только я умел им пользоваться, — кисло заметил профессор.

Засучив рукава, проф. Эйнштейн взялся обеими руками за рукоять, согнул колени и вложил в попытку все мускулы своего тела. Но громовое оружие осталось неподвижным.

— Должно быть, он считает вас недостаточно святым, — предположил лорд Карстерс, сдвигая на затылок металлическую шляпу.

— Да, полагаю, тут я подкачал, — с горестью признал Эйнштейн, бросив попытки. — Я не скандинав и не поклоняюсь Одину.

— Забываем про «сработанное с учетом ваших способностей и ограничений», а, профессор? — мягко упрекнул старшего друга лорд Карстерс.

Сконфуженный вид профессора говорил о том, что так оно и есть.

— Нет ли еще одного заклинания для доставки магического оружия?

Перелистав страницы, профессор сверился с оглавлением.

— И да, и нет.

— Объясните, пожалуйста.

— Есть заклинание, касающееся заговоренных мечей, но тот, кто им воспользуется, должен пожертвовать пять лет жизни.

— И впрямь дилемма, — нахмурил брови лорд Карстерс. — Сколько вам лет?

— Пятьдесят шесть.

Поставив свое грозное оружие на предохранитель, Карстерс протянул руку к книге.

— Тогда я прочту это заклинание за вас. А сделать его подарочным не должно составить большого труда.

Наступившую тишину нарушало лишь чуть слышное дуновение воздуха пустыни, когда профессор взволнованно заговорил.

— Юноша, я поражен вашим предложением. Как я могу выразить свою благодарность?

— Пустое, сэр. Мне всего двадцать девять, и пять лет мне ни чуточки не повредят.

— Я этого никогда не забуду, Бенджамин, — произнес с непривычной искренностью профессор.

— Не стоит благодарности, сэр, — любезно ответил лорд Карстерс.

Кроме того, — добавил он про себя, — *никогда не вредно сделать своего будущего тестя немного обязанным тебе.*

Изучив книгу, Карстерс внес надлежащие поправки, сделал глубокий вдох и произнес чудодейственные слова. Последовало привычное пиротехническое сопровождение, и, когда дым рассеялся, проф. Эйнштейн стоял в простой бронзовой короне, с мечом в тусклых ножнах на поясе.

Эйнштейн очень нерешительно высвободил меч, и серебристый клинок запел, покинув свои ножны. Почти в целый ярд длиной, прямой клинок мерцал на свету, словно смазанный маслом самоцвет. Но рукоять была обтянута старой кожей, истертой и в пятнах от пота. Это оружие немало поработало на каких-то неведомых полях сражений.

Сняв корону, Эйнштейн увидел, что она очень похожа на Железную корону Италии, только на этой было изображение свернувшегося дракона. Она выглядела очень знакомой, и Эйнштейн чувствовал, что должен бы знать и эту корону, и этот меч. Где-то в запасниках его памяти было что-то о таком прославленном сочетании...

— В нем чувствуется магия? — с надеждой спросил лорд Карстерс, изучая взглядом клинок. Солнечный свет блистал вдоль лезвия, словно оно было таким же острым, как скальпель хирурга.

— Да как-то не очень, юноша, — ответил несчастным голосом проф. Эйнштейн, вращая запястьем, чтобы рассмотреть меч

с разных углов. — Баланс как никогда превосходен, и он легок как лебяжье перышко, но всем этим обладает и моя бамбуковая удочка. — Он взмахнул мечом, нанося касательный удар по ближайшему камню с целью послушать песню стали. Грубый, но действенный способ проверки клинка на прочность. К сожалению, он, похоже, промахнулся, так как меч миновал камень без звука.

— А вот это уже странно, — нахмурился профессор. — Как я мог промахнуться на таком расстоянии?

С шуршанием трущихся друг о друга поверхностей валун разделился надвое на уровне плеча, верхний кусок соскользнул и с глухим стуком упал на землю. Срез валуна блестел как зеркало, словно отполированный. Несколько секунд спутники молча таращились на камень.

— Довольно неплохо! — радостно заметил проф. Эйнштейн, проверяя, нет ли на клинке зазубрин или царапин. Но их не обнаружилось, клинок был идеален.

— По-жа-луй, — согласился лорд Карстерс.

Проф. Эйнштейн снова обнажил меч и повернул клинок к солнцу, чтобы разобрать символы, протравленные по канавке для стока крови.

— Черт побери, да это же меч Александра! — в восторге воскликнул он. — Настоящий! Тот, который я так и не смог найти!

Пораженный Карстерс протяжно присвистнул.

— Так оно и есть, профессор, — согласился он, сильно впечатленный увиденным. — То-то мне думалось, что он выглядит каким-то знакомым! В моей коллекции есть копия, которую я несколько месяцев назад купил в испанском Военном музее. Никудышная штука, но чертовски похожа на эту.

Профессор отвернулся, скрывая улыбку. Так вот, значит, где закончила свой путь копия! Мир профессиональной археологии был и впрямь очень тесен.

— Ну, лучшего нам не раздобыть, — констатировал проф. Эйнштейн, убирая в ножны знаменитый клинок. — Давайте-ка пойдем и попробуем найти этих лошадей, а?

— Верно, сэр!

Поудобней расположив поклажу за спиной, вооружившиеся исследователи двинулись в пустыню следом за сбежавшими лошадьми.

* * *

Когда двое людей исчезли за барханом, голубое небо замерцало, а затем разорвалось пополам, открывая усыпанную звездами черноту бездонного космоса.

— Вот ты где! — прогремел громкий голос, и опустившаяся из ниоткуда гигантская рука в кольчужном рукаве потянулась за крошечным молотом. Оружие магически увеличилось в огромном кулаке до полного размера. И с ударом грома оба исчезли из царства Смертных.

* * *

Стоя на облаке, атлетически сложенный мужчина в кожаных латах и в крылатом шлеме нежно погладил молот.

— Ну-ну, бедняжечка, — тихо ворковал он. — Ты теперь вернулся к папочке.

Повернувшись затем лицом к Вселенной, рыжий великан взмахнул своим молотом, заставив задрожать могучие небесные столпы.

— И кто же посмел потревожить покой Мьёлнира? — свирепо прогремел Тор.

Ответа на этот вызов не последовало, за исключением слабого отдаленного хихиканья. Но это могло быть и птичье пение или плеск водопада.

— Локи, это, должно быть, ты! — провозгласил Тор, лицо которого сделалось лиловым от ярости. — Готовься к бою!

Прервав процесс крапления колоды карт для покера, тощенький бог выдернул из сапога отравленный кинжал.

— Нет, погоди-ка! На сей раз это не я! — закричал, строя из себя невинность, Локи.

— Лжец! — прогремел Тор, и бог грозы обрушился на своего врага, раскручивая над шлемом могучий молот.

Увертываясь от молота, Локи ответил щепоткой порошка, вызывающего зуд, и ударом шипастого кистеня в пах. Он промахнулся, и вскоре небеса вовсю загромыхали битвой богов — с лязгом стали, треском грома и отдельными болезненными вскриками.

* * *

Сгорбившись под обжигающим ветром, лорд Карстерс остановился и подождал, пока его нагонит тяжело дышащий профессор Эйнштейн.

За ними тянулась цепочка следов, уже частично засыпанных струящимся песком. На их беду, лошади рванули обратно к лесу, а в магической книге не нашлось никаких заклинаний Вызова, так же как и чего-нибудь для создания вьючных животных. И пришлось путникам, за неимением иного выхода, пуститься по пышущей жаром пустыне пешком.

Поднявшись на гребень невысокого бархана, Эйнштейн с Карстерсом увидели внизу перед собой сложенное из ветшающих камней древнее сооружение, окруженное кольцом обелисков. Вся композиция выглядела почти точной копией Стоунхенджа, только в куда более хорошем состоянии.

— Как странно, — заметил лорд Карстерс. — Я мог бы поклясться, что всего миг назад эта долина пустовала.

— Я тоже, — согласился профессор Эйнштейн, положив ладонь на эфес меча. — Держитесь настороже, юноша.

Когда они двинулись к постройке, раздалось громкое шипение и из-за каменных столбов вышел гигантский красный скорпион. Бронированное тело этого чудовища было более десяти ярдов в длину, хвост со смертоносным жалом выгнут кверху, словно готовый к удару, а пара грозных клешней щелкала, кромсая пустой воздух.

— Приветствую вас, глупые смертные! — прошипел скорпион, перекрывая вой пустынного ветра. — Приготовьтесь умереть!

Слышавший нечто подобное не далее как вчера, лорд Карстерс шевельнул запястьем, снимая оружие с предохранителя, и покрепче сжал рукоять. Восемь стволов мини-пулемета «Вулкан» тут же завращались и долю секунды спустя извергли трескучий шквал огня и стали. Бронебойные пули прошили в малиновом хитине гигантского скорпиона строчку дырочек, а разрывные заряды сдетонировали внутри, словно связка шутих. Разрываемое изнутри на части чудовище затряслось, и в небо по дуге взлетели кровавые ошметки.

Дав хорошую длинную очередь, Карстерс выпустил рукоять, и тишина вернулась столь внезапно, что прямо в ушах зазве-

нело. С похожим на негромкую барабанную дробь влажным шмяканьем, повсюду вокруг исследователей падало на песок мясо скорпиона. А среди закопченных руин чужого Стоунхенджа какое-то время стояли несколько пар малиновых ног, пока суховей не повалил их наземь с костяным стуком.

— Хорошая стрельба, юноша, — похвалил профессор, изящно удаляя с туники кусочек панциря.

— Ненавижу скорпионов, — заявил Карстерс, когда вращение стволов неуклюжего «Вулкана» замедлилось и прекратилось. — Эти гнусные маленькие твари всегда так и норовят забраться ночью в сапоги.

— Сначала сфинкс, теперь скорпион... — произнес проф. Эйнштейн поправляя бронзовую корону. — У меня, юноша, нехорошее предчувствие, что чем ближе мы будем подбираться к черной горе, тем больше нам встретится подобных тварей.

Сдвинув брови в знак согласия, лорд Карстерс снова двинулся вперед, держась в стороне от истекающего кровью трупа колоссального паукообразного. На какой-то миг он в нерешительности замедлил шаг. *Припасы у них уже заканчиваются, а мясо скорпиона пахнет точь-в-точь как у омара... нет. Он ведь говорил. Есть все же какие-то пределы.*

Медленно тянулись часы, и вскоре они уже не шли, а плелись. Но исследователи пересекли в свое время почти все главные пустыри мира, к ним быстро вернулась техника хождения по сыпучему песку, и их скорость возросла.

Однако пустыня, казалось, не имела ни конца, ни края, и черная гора ничуть не приближалась. Пылающее солнце немилосердно жарило, и если странная металлическая шляпа лорда Карстерса в какой-то мере служила ему защитой, у Эйнштейна имелась только его корона. Вскоре профессору пришлось для создания хоть какой-то весьма необходимой тени повязать поверх седых волос носовой платок.

Тем временем солнце в лазурном небе достигло зенита; жара становилась невыносимой, и каждый вздох давался с трудом. Заставляя себя делать лишь маленькие глотки из оловянных фляг, чтобы растянуть запас приправленной вином воды, пораженные путешественники внезапно обнаружили, что обе баклаги в один миг полностью опустели.

— Но у нас же еще оставалась уйма воды, — недоумевал лорд Карстерс, безуспешно выискивая на фляге дыры.

Выхватив меч, профессор Эйнштейн беспокойно заозирался по сторонам.

— У меня, юноша, такое чувство, что нас ждет еще одно нападение. А поскольку грубой силой нас уже пробовали одолеть, то приготовьтесь к хитрости.

Когда исследователи поднялись на гребень следующего бархана, их встретил восхитительный прохладный ветерок. Они увидели два больших источника, окруженных мягким ковром изумрудно-зеленого мха. Сделанные в виде многокаскадных мраморных фонтанов, эти одинаковые плещущие источники были наполнены кристально чистой водой.

Подходя с крайней осторожностью, Эйнштейн с Карстерсом ступили на мох и внезапно остановились, когда небольшое облачко вдруг пролилось на землю и приняло облик отвратительного на вид скалящегося скелета, одетого в длинную развевающуюся черную мантию.

Шевельнув кистью руки, лорд Карстерс приготовил «Вулкан» к стрельбе, но профессор Эйнштейн поднял руку, удерживая юного друга.

— Пусть сперва поболтает, юноша, — бросил профессор краем рта. — Нам нужна информация. Кроме того, вы можете повредить источники, а эта вода нам нужна.

Взяв скелет на прицел, лорд Карстерс в ответ просто кивнул и ослабил хват на спусковом механизме.

Ветер так и трепал просторную одежду скелета, когда тот поклонился в пояс, издав при этом забавный звук, похожий на треск кастаньет.

— Приветствую вас, усталые путники! — произнес он. — Вы прибыли к долго разыскиваемому Источнику Бессмертия. Поздравляю вас с успехом!

— Но здесь же два источника, — прагматично заметил Эйнштейн.

— А! Другой — это Источник Мгновенной Смерти, — ответил скелет, оттопыривая челюсть вместо улыбки. — Его-то на самом деле никто не старается найти. Спрос на него, знаете ли, невелик.

— Как интересно, — задумчиво протянул лорд Карстерс. Он видел определенные военные возможности в обоих источниках. — Так где который, сэр?

Скелет важно поднял костлявый палец.

— Вот! В этом-то и вопрос, не так ли? Вы должны решить и выпить! Вечная жизнь или внезапная смерть!

— Спасибо, не надо ни того, ни другого, — отказался Карстерс.

— До свидания, — добавил профессор.

Повернувшись, чтобы уйти, путники оказались лицом к источникам. Исследователи резко крутанулись на месте, но невероятным образом опять увидели перед собой источники. Посовещавшись втихомолку, Эйнштейн с Карстерсом попытались смотреть в разных направлениях... и все равно оказались лицом к двум источникам.

— А, будь я проклят, — с досадой выругался профессор.

А прохладные воды весело плескали и с журчанием стекали по многочисленным каскадам в глубокую чашу фонтана.

— Не спешите, — зло захихикал скелет, скрестив на груди костлявые руки. — Я могу ждать *целую вечность*!

Досадливо нахмурившись, исследователи снова тихонько посовещались несколько минут и даже начертили на песке пару схем, прежде чем принять решение.

Взяв флягу профессора, лорд Карстерс широким шагом подошел к первому источнику и наполовину наполнил сосуд. А затем подошел к другому источнику и наполнил до половины собственную флягу.

Радостно посмеиваясь, скелет заплясал ни песке.

— Так значит, один из вас будет жить, а один умрет! Возможно ли, что... Эй! Прекратите это!

Перевернув одну флягу, лорд Карстерс вылил ее содержимое в другую. А затем закрыл полную флягу, взболтал ее, отвинтил колпачок и щедро глотнул смеси. Когда ничего не произошло, лорд вручил флягу профессору, который с благодарностью сделал несколько глотков. Замечательно освежившись и не чувствуя больше ни малейшей усталости, исследователи собрались уходить. Шаг их снова сделался твердым и сильным.

— Пока! — попрощался лорд Карстерс.

— Большое спасибо, сэр! — вежливо добавил проф. Эйнштейн. — Очень ценим вашу помощь!

— Это не честно! — в ярости завопил скелет, топая по пышному мху костлявыми ступнями. — Вы должны выбирать!

— А мы и выбрали, — парировал Эйнштейн, оборачиваясь. — Ну в самом деле, если уж вы предлагаете людям голо-

воломки, то должны обращать больше внимания на то, как вы формулируете условия задачи.

Направившись к выходу из долины, исследователи оставили ругающегося и пинающего землю скелета позади.

* * *

Когда, через несколько часов, начало садиться солнце, проф. Эйнштейн и лорд Карстерс приблизились, наконец, к голому подножию черной горы. Песок сменился твердым камнем, и шаг путников резко ускорился, пока они не достигли скалы, за которой зияла огромная пропасть. Дно пропасти терялось в облаках клубящегося холодного тумана. Снизу слабо доносился рев бурной реки.

— Слишком широко, не перепрыгнуть, — заключил лорд Карстерс, лизнув палец, чтобы определить направление ветра над пропастью. — Придется нам поискать другой путь.

— Там, юноша, — указал влево проф. Эйнштейн.

Совсем рядом над зияющей бездной был перекинут широкий каменный мост. Центральный пролет скрывался в тумане, и исследователи приближались к мосту, держа оружие наготове. Как и следовало ожидать, едва они ступили на камни моста, туман рассеялся, открыв их взорам рыцаря, облаченного в красные латы.

Стиль доспехов представлял собой дикую смесь десятка культур, но все боевые достоинства каждой были налицо. Грозный страж держал в руках огромный меч, свыше трех ярдов длиной, уперев острие в гранитные блоки моста. Клинок меча был выкован из блестящего черного материала, волнистые острые лезвия сверкали в лучах заходящего солнца, словно тысяча бритв.

— Сэр, по-моему, этот джентльмен не будет предупредителен с гостями, — заметил лорд Карстерс, снова откидывая предохранитель «Вулкана».

Удалив из-под бронзовой короны носовой платок, проф. Эйнштейн вернул меч в ножны.

— Давайте все-таки сначала все выясним, — предложил он, — прежде чем делать что-то поспешное. Как сказал бы Киплинг, «Тихо, тихо, мартышку хвать», так ведь, юноша?

— Это не примитивная обезьяна, сэр, — проворчал лорд.

Стоя неподвижно как статуя королевского бифитера[1] на посту в Букингемском дворце, красный рыцарь, казалось, не замечал осторожного приближения двух чужестранцев. То есть, не замечал, пока Эйнштейн с Карстерсом не подошли на расстояние нескольких ярдов от него, и тогда рыцарь плавно поднял оружие и принял боевую стойку.

— Стой! Никто не пройдет, не назвав пароль, — твердо заявил рыцарь, и голос его прозвучал весьма убедительно.

Какое-то время единственным звуком оставалось гулкое эхо этих слов, повторяющееся вновь и вновь в глубинах пропасти.

— Боюсь, что мы не знаем пароля, — вежливо ответил профессор Эйнштейн.

— Вот как? — произнес рыцарь, опуская меч. — Тогда ступайте и сразитесь с Лунным Скорпионом, если посмеете, и, умирая, он шепнет вам пароль.

— Очень жаль, но мы как-то не попали к нему, — соврал, не моргнув глазом, лорд Карстерс. На самом-то деле, еще как попали. Особенно лорд.

Рыцарь в ответ фыркнул из-под забрала.

— В таком случае, пока я жив — вам не пройти.

— Да вот я и смотрю, — монотонно произнес лорд Карстерс, приготовившись к динамической отдаче и снова щелкая предохранителем.

Словно чуя опасность, из-за спины рыцаря появился его точный дубликат. А затем еще один, и еще. С идеальной синхронностью, четверо стражей подняли грозные мечи.

— Погодите! — воскликнул проф. Эйнштейн, становясь между пятью воинами. — Сначала вопрос, если позволите, сэр рыцарь, э-э, рыцари.

Мечи четверки красных рыцарей не опустились ни на дюйм и даже не дрогнули.

— Мы запрограммированы отвечать на вопросы, — отозвались они с идеальной слаженностью.

Запрограммированы. Что бы это значило?

— Нет ли другого способа переправиться на ту сторону? — с надеждой спросил профессор. — Заплатить, там, мостовой сбор или пройти какой-то тест на сообразительность?

---

[1] Бифитеры («мясоеды») — прозвище английских лейб-гвардейцев дворцовой стражи и стражи Тауэра.

Это, кажется, заставило рыцарей призадуматься.

— Ну, есть один.

— Превосходно! — просиял Эйнштейн. — И каков же он, скажите, будьте так любезны?

— Бессмертные, боги и колдуны могут приходить и уходить, когда и как им заблагорассудится, — отчеканили рыцари. — Такая нам дана команда, и так пребудет вовеки.

Торжествующе усмехаясь, лорд Карстерс со щелчком поставил оружие на предохранитель.

— Есть очко! Мы испили из Источника Бессмертия.

— Достойное испытание, — отозвалась четверка, глядя на англичанина. — Но несколько половинчатое.

— У нас есть магическая книга и волшебный меч, — с надеждой сказал Эйнштейн. — Легендарный меч, между прочим. Мощная штука, ребята.

— Ба, всего лишь мелочевка! — нараспев произнесли стражи. — Слушайте и постигайте, смертные путешественники. Века и века назад, конклав магических существ создал нас из живого металлического ядра этой планеты. На создание заклинания ушли годы, и месяцы — на то, чтобы его прочесть. В ходе этого творения содрогнулся пространственно-временной континуум, и звезды на небе изменили свое движение через вечность.

Тональность и сила их голосов повышались.

— *Мы — идеальная стража, в нас заключена мощь тысячи мастеров уничтожения, существ, от одного лишь взгляда которых вы увянете как трава под солнцем.* — Рыцари повторили Ритуал Мечей. — Вы не пройдете без пароля!

С выражением облегчения на лице проф. Эйнштейн прошел прямо к рыцарям и снял корону.

— Огромное вам спасибо, но нам он ни к чему. Потому что я, это... бог. Звать Эйнштейн. Профессор Феликс Эйнштейн.

— Ты... нам незнаком, — заколебались четверо. — Отождествись, пожалуйста.

— Проверьте пантеон племени бита-бора с острова Тукави, — непринужденно предложил профессор. — Я был первым европейцем, вступившим с ними в контакт. Когда они увидели мой фонарь и спички, то провозгласили меня богом. — Эйнштейн повернулся к лорду Карстерсу и добавил: — Поскольку в противном случае туземцы съели бы меня, я принял эту должность.

— Доступ к файлам, — забормотали рыцари, и послышалось слабое гудение. — Микронезия, полинезийский файл, бита-бора, основной пантеон, суб-пантеон. — Малиновые стражи поперхнулись. — Проф. Эйнштейн, белый бог огня и плодородия.

— Плодородия? — с интересом повторил лорд Карстерс.

Притворяясь, будто не понимает, о чем речь, Эйнштейн покраснел и ничего не сказал.

Почтительно поклонившись, титаны расступились.

— Проходите, милорд, — прогудели они хором.

Рванув, было, через мост, Эйнштейн остановился и показал на Карстерса.

— А как насчет вот этого, моего дьякона?

— Дьякона? — в шоке повторили они, словно эхо. — Он ваш верховный жрец?

Подхватывая подсказку, лорд Карстерс исполнил несколько танцевальных па и замахал в воздухе руками.

— Хвала великому и могучему Эйнштейну! — пропел лорд. — Дарителю огня и пламени! Поджаривателю мяса! Принесшему свет! Усладителю женщин!

Несколько поникнув, красные рыцари выдали четверной металлический вздох.

— Проходи, — мрачно пробурчали они.

Не тратя времени на дальнейшие любезности, лорд припустил через мост, придерживая стальную шляпу, и не замедлил бега, пока не достиг твердой почвы по другую сторону пропасти.

— Быстро соображаете, юноша, — шумно дыша, произнес профессор. — Где вы научились так врать? В парламенте?

— Конечно. Но я также еще был членом драмкружка в Оксфорде, — гордо добавил лорд Карстерс. — И даже сыграл Пака в «Сне в летнюю ночь».

Профессор воззрился на гору мускулов высотой в шесть футов шесть дюймов и весом в двести пятьдесят фунтов.

— Вы сыграли эльфа? Как же вы, черт возьми, могли сыграть эльфа?

— Превосходно, — ответил лорд Карстерс, накидывая на плечи воображаемый плащ.

Пытаясь никак не показать досады, профессор сохранил нейтральное выражение лица. У него часто возникали те же трудности с Мэри. Ох уж эти актеры! Они почти такие же ненормальные, как и романисты.

Окинув взглядом зазубренные вершины неприступных гор, лорд Карстерс внезапно повернулся и возвратился к самому краю пропасти.

— Привет вам, стражи моста! — проревел Карстерс, сложив ладони рупором. — Надо поговорить!

Обмахивающийся короной проф. Эйнштейн остановился и нахмурился.

— Во имя Бога, юноша, что вы делаете? — спросил он.

— Задаю вопросы, — ответил лорд, не оборачиваясь.

Четверо рыцарей повернули к ним головы.

— Да, Пак?

Никак, они слышали? Проклятье.

— Вам, случайно, не известно местонахождение дутарианского Бога Кальмара? — вежливо спросил лорд Карстерс.

— Собственно, мы пытаемся найти его храм, — разъяснил проф. Эйнштейн. — Предполагается, что он где-то здесь, и мы хотели бы попасть туда до того, как кальмар пробудится.

Со стороны стражей донесся слабый дробный перестук.

— В-вы х-хотите сказать, что к-к-колосс вот-вот восстанет? — Их странные помноженные голоса взлетели на последнем слове до высокой ноты.

— Ну да, — правдиво ответил лорд Карстерс. — А что тут такого?

Лязгая латами, рыцари снова свернулись в одну фигуру, которая жестко вытянулась во весь рост.

— Мне пора, — заявила фигура и исчезла в облачке оранжевого дыма.

— Черт бы все побрал! — расстроился профессор, снова нахлобучивая корону на голову. — Каждый раз, когда я начинаю чувствовать, что эта миссия наконец-то пошла как надо, непременно случается что-нибудь подобное!

— По крайней мере, у нас теперь есть путь отхода, — бодро произнес лорд Карстерс, снова поворачиваясь к горам. — Позитивное мышление, сэр. Вот ключ к победе!

— Да ну вас, юноша.

Они продвигались широким ущельем, следуя по извилистой тропе; лорд Карстерс шел впереди. От главного прохода тут и там ответвлялись небольшие лощины, и эти боковые тропы идеально подходили для засады. Держа оружие наготове, Эйнштейн с Карстерсом пытались вести круговое наблюдение,

высматривая новых караульных, стражей, ловушки и все прочие мыслимые препятствия, способные преградить им путь. Но вокруг были только острые скалы и тишина, нарушаемая лишь тихими стонами ветра.

Поднимаясь вверх по склону, каменистая тропа огибала фас крутой горы, образуя восходящую спираль, ведущую к самой вершине, где они обнаружили темную пещеру. Порывшись в кармане, профессор извлек приобретенную в городе горняцкую свечу. Энергично встряхнув ее, Эйнштейн заставил заколдованный фитиль послушно вспыхнуть высоким пламенем. В качестве меры предосторожности Карстерс проделал то же самое с другой свечой.

Но войдя в пещеру, путники обнаружили, что свечей недостаточно для освещения обширного пространства внутри горы. Это был не тоннель, а карстовая пустота; ее верхние пределы терялись среди теней и сталактитов, а сталагмиты скрывали наличие коварных ям, которые, казалось, чуть ли не нарочно были созданы для того, чтобы переломать ноги беспечным путникам.

Продвигаясь с предельной осторожностью, Эйнштейн и Карстерс прошли в центр пещеры, и, как ни странно, их шаги не вызывали никакого эха. Они шли в полнейшей тишине. Это было очень неприятно, и исследователи придвинулись ближе друг к другу, ожидая подвоха. Когда они зашли за поворот, меркнущий свет заходящего солнца полностью отрезало, и темнота стала кромешной. Исследователи внезапно оказались стоящими в маленьком круге света от свечей посреди зловещей тишины подземелья.

— Ну, могло быть и хуже, — промолвил лорд Карстерс, пытаясь поднять настроение.

— В самом деле? И как же это? — едва успел спросить проф. Эйнштейн, когда порыв налетевшего из ниоткуда ветра задул обе свечи.

— Не будем уточнять, сэр, — отозвался из темноты лорд Карстерс. — Черт, моя не работает. Вы встряхнули своей свечой, профессор?

— Трясу, юноша, но ничего не получается! — сердито отозвался проф. Эйнштейн. — У вас есть еще?

— Так, чтобы под рукой — нет.

— Проклятье. Секундочку, возможно, у меня есть кое-что получше свечи. Погодите.

Несколько мгновений ничего не происходило, а потом пещеру залило золотистым заревом — это профессор обнажил Меч Александра. Спутники облегченно вздохнули и тотчас застыли на месте при виде десятков свисающих с потолка крылатых демонов. Распахнув затянутые пленкой желтые глаза, перевернутые адские отродья смотрели прямо на исследователей, а те столь же ошеломленно воззрились на них.

— Клянусь Великим Кальмаром! — завизжал крупный демон, указывая когтями. — Это они! Те англичане, о которых нам говорили, — лорд Эйнштейн и проф. Карстерс!

— По-моему, правильнее — проф. Эйнштейн... — педантично заметил другой демон.

— Да какая разница! Убьем их! — перебил педанта рогатый демон, размахивая трезубцем. — Вырвем у них сердца и выпьем их кровь!

Градом посыпавшись со сводчатого потолка, оскаленные демоны развернули крылья и ринулись в атаку, визжа точь-в-точь, как стая летучих мышей из самой преисподней.

21

— За королеву и страну! — заорал лорд Карстерс, давя на спуск. Пещеру заполнил грохот мини-пулемета «Вулкан».

Стальной шквал накрыл демонов, разрывные пули ужасным дождем сеяли черную кровь, мясо и каменные осколки. Увернувшись от раздвоенного копыта, пытавшегося поразить его сверху, проф. Эйнштейн взмахнул в ответ мечом. От прикосновения заговоренного клинка тварь объяло пламя. Но сгинувших демонов сменяли новые и новые, и бой продолжал бушевать с нарастающим ожесточением.

* * *

В боковой нише толстый демон в небесно-голубом выходном костюме-двойке прекратил ворошить угли под своей вечерней трапезой. Жарящийся на вертеле живой паук, капая маслом,

облегченно вздохнул. Охваченный любопытством Вогнол — так звали демона — направился, переваливаясь как утка, к главному тоннелю. Что за странный шум такой? Может, забрел еще какой путник? Он оглянулся на жаркое, томящееся на зеленовато-желтом огне. Чем больше компания к ужину, тем приятнее!

Насвистывая под нос еретический гимн пятнадцатого века, Вогнол добрался до главного тоннеля, и только он туда выглянул, ему по физиономии шмякнуло большим куском мяса. Соскребая прилипшее, пораженный Вогнол вдруг сообразил, что это — морда Бриндриксила, одного из немногих демонов, кто умел прилично играть в бридж.

— Бриндриксил! — воскликнул Вогнол. — Да что, ангел побери, тут происходит?

Отсеченное лицо демона насупилось.

— Беда! Беги, скажи боссу!

Сунув друга в карман, Вогнол пустился было бежать, но не смог сдержать любопытства и прокрался вперед, чтобы хоть одним глазком взглянуть на битву. Выглянув из-за сталагмита, Вогнол увидел, как последних его собратьев изничтожает громкое устройство, пристегнутое к большому розовому человеку с металлической миской на голове. И тут узкие глаза Вогнола расширились до нормальных человеческих: он узнал этих двух смертных. Это были лорд Эйнштейн и проф. Карстерс! *О, да, находиться здесь сейчас определенно не стоит.* Поджав хвост, Вогнол засунул свой зазубренный довесок в другой карман костюма и дал деру. За такие сведения верховный жрец Великого Колосса заплатит хорошую цену!

* * *

Весь залитый черной кровью, лорд Карстерс занимался тщательным осмотром потолка пещеры в поисках новых врагов-нелюдей, но потолок, наконец, выглядел опустевшим.

— Здесь все чисто, профессор! — крикнул он.

— Минутку, юноша.

Обводя мечом вокруг себя, чтобы убедиться в отсутствии еще каких-либо атак с флангов, профессор Эйнштейн заметил маленького толстого демона, улепетывающего в боковой про-

ход. Чисто рефлекторно профессор направил ему вслед руку с мечом и крикнул:

— Стой!

Меч Александра послушно запульсировал светом, из острия вылетело огненное копье, и убегающего монстра поглотило пламя. Треснула вспышка, и демон испарился, оставив после себя лишь плавно оседающий на скальный пол серый пепел, в который превратилась его странная одежда.

— Ну, все, думаю, это последний, — уверенно заявил Эйнштейн, победно помахивая мечом.

— Должен сказать, профессор, это огненное копье было очень даже неплохим трюком, — промолвил лорд Карстерс, снова ставя свою мини-пушку на предохранитель. — Что еще может делать этот ваш чертов меч?

— Честно говоря, юноша, понятия не имею. Для меня это было таким же сюрпризом, как и для вас. — Профессор с уважением посмотрел на клинок. — Интересно, не сделал ли его Александр способным сотворить еще что-нибудь, о чем нам не мешало бы знать?

— Жаль, что при нем не было брошюрки с инструкцией вроде той, что прилагалась к моему пулемету, — заметил Карстерс.

Рассматривая светящийся клинок со всех сторон, профессор нахмурился.

— А ведь и правда, вы получили инструкции. Но если это оружие столь же изощренное магическое устройство, как ваш пулемет — технологическое... Меч, что ты умеешь делать?

В воздухе пробежала рябь, и перед профессором возник парящий над полом папирусный свиток. Свиток медленно раздался вширь и начал разворачиваться, и на древнем документе стали проступать выведенные золотой вязью слова на древнемакедонском. Синтаксис казался странным, но профессор без большого труда прочел список, и тот произвел на него весьма сильное впечатление. Не удивительно, что Александр Великий завоевал весь известный современникам мир!

— Это просто поразительно, юноша! — в восторге воскликнул Эйнштейн. — Гляньте-ка сами! Чего же не может сделать этот меч? Это и впрямь оружие, достойное повелителя мира! — И тихо добавил, как бы высказывая внезапно возникшую мысль: — Так почему же, черт возьми, его держу я?

Окинув взглядом тускло освещенную пещеру, лорд Карстерс увидел в ней только проф. Эйнштейна, стоящего с мечом в руках.

— И что же тут поразительного, сэр? — язвительно спросил лорд.

— Что? Неужели вы ничего не видите? — спросил профессор, останавливая свиток мысленным приказом.

Перешагнув через труп демона, Карстерс прошел сквозь парящий в воздухе документ.

— Ничего необычного, сэр.

— Интересно, — пробормотал себе под нос проф. Эйнштейн, мысли которого крутились вокруг безграничных возможностей, открывавшихся с этой новой информацией. — И в самом деле, очень даже интересно!

Лорд Карстерс принялся нетерпеливо постукивать ботинком по полу, и профессор быстро объяснил, что происходит.

— Фантастика! — вымолвил, наконец, лорд. — Кажется вполне логичным, что, поскольку мечу предназначалось объединить народы и установить мир во всем мире, что и было истинной мечтой Александра, то он должен более чем рваться на битву с теми, кто стремится поработить этот мир.

— И потому я — его хозяин, хотя бы по причине отсутствия более достойных претендентов, — пробормотал Эйнштейн. А затем напрягся, когда в голове у него крикнул безмолвный голос.

— Прошу прощения, меч. Я его избранный *рыцарь* — за неимением более достойных, — быстро поправился профессор. — Полагаю, это достаточно справедливо. Враг моего врага, и все такое.

— Давайте двигаться дальше, сэр, — предложил лорд Карстерс, проверяя боепитание на своем мини-пулемете. — Carpe diem![1]

— Ой, да оставьте вы уже всю эту латынь, а, юноша?

— Предпочитаете суахили?

— О да, пожалуйста, это было бы замечательно.

Освещая себе путь сияющим мечом, проф. Эйнштейн с Карстерсом осторожно углубились в адскую пещеру, пройдя мимо небольшого бивачного костра с привязанным там к вертелу очень

[1] Carpe diem — пользуйся сегодняшним днем, лови момент (*лат.*)*.

несчастным пауком. Они освободили насекомое, и оно радостно пропело им хвалу, прежде чем заковылять домой, оставляя за собой липкий след приправленного травами масла.

Затоптав костер, изыскатели двинулись дальше и вскоре увидели льющийся из-за крутого поворота тусклый свет. Прижавшись к стене на случай нападения, Эйнштейн и Карстерс прислушались, не доносятся ли из-за поворота звуки дыхания или движения, а затем смело шагнули за угол.

Прямо впереди, в конце короткого коридора, был выход из пещеры, озаренный таинственным неземным светом. Со всей осторожностью спутники приблизились к проему и вышли из пещеры на небольшой уступ. Сухой безжизненный ветер трепал их одежду, а проф. Эйнштейн и лорд Карстерс хмуро оглядывали раскинувшуюся перед ними огромную долину. Пейзаж озарялся холодным голубым светом тройки лун, и, присмотревшись внимательней, они увидели, что долина эта круглая и очень похожа на жерло потухшего вулкана. Весь этот мир, иссеченный шрамами и изломанный, состоял лишь из крошащихся камней и выжженной почвы. Голые скрюченные деревья, а точнее сказать, кривые сучковатые палки, были разбросаны по долине останками некогда великого леса.

По дну кратера медленно проплывали мутные клочья клубящегося тумана, который странным образом походил на облака межпространственной вихревой воронки. Наверное, в этом тумане и были истоки тех злых порталов. Глаз не отмечал ни малейшего движения — по-видимому, в этом заброшенном кратере не было ни единого живого существа; наводящую страх тишину не нарушал даже писк одинокой летучей мыши-вампира. Спутники и представить себе не могли места, настолько лишенного веры, надежды и любви. Это было хуже, чем Ливерпуль.

В центре кратера находилось маслянистое на вид озеро, его береговая черта вплотную примыкала к основанию титанического обсидианового пика, который поднимался высоко в полуночное небо. К вершине его не вело никакой видимой дороги или тропинки, и все же этот мрачный черный пик венчало мраморное здание с дорическими колоннами. На первый взгляд, оно казалось построенным в древнеримском стиле. Но, изучив его повнимательнее, Эйнштейн с Карстерсом увидели, что купол украшен жуткими пристально глядящими глазами, а мраморные колонны исполнены в виде извивающихся щупальцев.

— Перед нами храм Бога Кальмара, — сказал проф. Эйнштейн, и было непонятно, чего больше в его голосе — облегчения или отвращения. — Именно такой, каким мы видели его в межпространственном тоннеле.

— Жуткое место. Самое подходящее обиталище для этой гадины, — согласился лорд Карстерс, употребляя интонацию, какую он обычно приберегал для хозяев опиекурилен.

— Именно так, юноша, — согласился профессор. — Я от одного взгляда на это озеро ощущаю потребность в горячей ванне.

Подойдя к краю скалы, лорд Карстерс посмотрел вниз. Под ногами у них были многие и многие ярды гладкого камня. Вынув из кармана золотую монету, лорд щелчком бросил ее со скалы. А потом сосредоточился, закрыв глаза, и негромко считал, пока падала монета, терпеливо ожидая услышать звон, когда она ударится о дно, чтобы вычислить расстояние. Но то ли монета так и не достигла дна кратера, то ли земля находилась слишком далеко, но он не расслышал ни звука.

— Хотел бы я знать, как мы спустимся — пробормотал он. — Демоны-то понятно, они летают.

— Думаю, мы должны спуститься по скале, юноша, — отрывисто сказал Эйнштейн. — По крайней мере, спуск будет нетрудным. Есть за что ухватиться.

— Это так, — осторожно согласился лорд. — Однако во время спуска мы будем как на ладони. И если на нас опять нападут крылатые демоны, мы окажемся в явно невыгодном положении, цепляясь за эти чертовы камни.

— Тоже верно, — нахмурился проф. Эйнштейн, а затем вдруг тихо рассмеялся.

— Ну, и какой же фокус вы придумали? — осведомился лорд Карстерс, сдвигая на затылок стальную шляпу. — Есть какая-то надежда, что и мы сможем слететь на крыльях?

— Я — да, но не вы. Поэтому мы воспользуемся заклинанием изменения внешности, — решил профессор, снова мысленно вызывая папирусный свиток. — Да, это отлично подойдет. Я смогу наколдовать оптическую иллюзию, представляющую нас замаскированными под крылатых демонов. Как правило, меч не может такого сделать ни для кого, кроме того, кто его держит, но если мы вымажемся свежей кровью демонов, это будет легко.

— Если требуется только этот компонент, сэр, — ответил лорд Карстерс, показывая на свою пропитанную кровью униформу, — то я более чем готов.

Одернув на себе одежду, профессор критически осмотрел свою чистую тунику и штаны. Ни единой капли нечеловеческой крови на всем наряде. Черт!

— А вот на мне нет такого помазания, юноша, — сообщил Эйнштейн, направляясь обратно в пещеру. — И мне лучше поспешить, пока эта сухая атмосфера не высосала из трупов всю влагу.

— Ну, эти твари были столь любезны, что в избытке снабдили нас необходимым сырьем, — добавил лорд Карстерс, прищуриваясь, чтобы привыкнуть к сумраку. — Хотя сделали они это едва ли по доброй воле.

Вернувшись в пещеру, спутники нашли особенно сочный труп и, воспользовавшись вместо кисти оторванным крылом, выкрасили профессора с ног до головы, не позабыв ни спину, ни ножны. Черноватая жидкость оказалась очень липкой и быстро высыхала, так что нужно было действовать быстро. Когда лорд Карстерс остался доволен видом профессора, Эйнштейн, в свою очередь, осмотрел лорда и наложил несколько заключительных мазков для гарантии. Закончив приготовления, проф. Эйнштейн взмахнул мечом — и, как им показалось, ничего не произошло.

— Вот незадача, — с огорчением в голосе сказал лорд Карстерс. — На вас заклинание сработало, а на меня никак не подействовало.

— Нет, оно сработало только на вас, — начал было возражать профессор. — А, ну конечно. Другие видят в нас демонов, но сами мы видим себя истинных.

— В самом деле? Я вижу перед собой маленького старого демона с палкой.

— А я наблюдаю гигантского демона с бревном.

— Отлично! — Лорд Карстерс показал на уступ. — Отправляемся?

Вернувшись на площадку перед пещерой, профессор сразу, как только они вышли под лунный свет, упрятал меч в ножны. Спутники подождали несколько минут, чтобы посмотреть, устоит ли иллюзия при убранном оружии. Когда никаких явных изменений не обнаружилось, Эйнштейн и Карстерс перебрались

через край скалы и принялись спускаться по внутреннему склону вулкана.

* * *

Несколько часов спустя они добрались до слоя странного тумана, скрывавшего дно. Лорд на пробу бросил сквозь туман еще одну монету, и на этот раз услышал, как она упала. Затем профессор проверил состав тумана, для чего окунул в него носок сапога и быстро вытащил, чтобы посмотреть, нет ли каких изменений в коже. Сапог выглядел таким же, как был, и поэтому Эйнштейн с Карстерсом спустились в таинственный туман. Но все же они благоразумно задержали дыхание, пока не миновали слой тумана и снова не оказались на чистом воздухе. *Вот так-то лучше.*

До дна кратера оставалось всего несколько ярдов, и они добрались до земли без происшествий, не считая нескольких ободранных костяшек пальцев. Разминая побаливающие кисти рук, Эйнштейн и Карстерс рассматривали плавающий у них над головами странный туман. Тот постоянно двигался, словно гонимый неощутимыми ветрами, и весь слой сиял отраженным лунным светом, создавая внутри кратера некую призрачную иллюминацию. Заметив на валуне упавшую монету, лорд Карстерс внезапно ощутил присутствие своего давно умершего бережливого отца и поднял золотой, сунув его в карман.

— Мотовство до добра не доведет, а, юноша? — тихо засмеялся профессор.

— Ну, мы ведь здесь с целью спасти мир, — отозвался лорд Карстерс, надежно застегивая карман своего обмундирования. — Но после жизнь продолжается.

— Если мы справимся, — пробормотал себе под нос Эйнштейн.

Карстерс расслышал это замечание, но не ответил. Его бравада была больше напускной, так как он знал, с какими страшными силами зла им скоро предстоит столкнуться. Ему вдруг вспомнились слова из старинного папирусного свитка в лондонском музее профессора: *«Тысяча армий по тысяче бойцов в каждой были лишь игрушками для страшного кальмара...»*

Но тут же лорд Карстерс решительно выпятил челюсть. Если они потерпят неудачу, Мэри придется столкнуться с этим в одиночку. Совершенно неприемлемо!

В молчании спутники внимательно проверили оружие, а затем вышли из-за валуна, чтобы произвести скрытную рекогносцировку кратера. Мрачное свечение странного тумана и три луны озаряли сеть вымощенных плитняком дорожек, создающих на земле узор, похожий на паутину. Вдоль каждой дорожки выстроились ряды искривленных деревьев, с кожистых ветвей которых свисали тысячи узловатых плетей. Спутникам не требовалось объяснять, что любой нарушитель границ будет безжалостно засечен до смерти.

Тщательно избегая проторенных троп, проф. Эйнштейн и лорд Карстерс старались укрываться среди скальных выступов и, крадучись, подбирались все ближе к берегу маслянистого озера. Во влажных водах не росло никаких деревьев, и спутники побыстрому сыграли в «раз картошка, два картошка», определяя, кто первый ступит на камень-плитняк.

Лорд Карстерс выиграл (или проиграл — как посмотреть), и все его тело напружинилось, прежде чем ступить на маслянистый камень. Но ничего не случилось, и он переместился тут же на следующий. Снова ничего не произошло. Приободрившись, лорд просто прошел напрямик через озеро к основанию широкой лестницы, ведущей на вершину этой обсидиановой колонны.

Движение сбоку от него заставило лорда напрячься, но затем он увидел, что это всего лишь маленький демон с палкой, и расслабился. И тут же, сдвинув брови, еще раз посмотрел на существо рядом с ним.

— Черт возьми, да я это, я, юноша. Успокойтесь вы, — прошептал знакомым голосом монстр, изучая взглядом громадную лестницу.

— Именно так, сэр. Просто проверяю.

Высеченные в скале ступени заканчивались у большой железной двери на полпути к вершине. Стараясь быть по-прежнему как можно незаметней, Эйнштейн с Карстерсом в считанные минуты поднялись к двери. Однако металлический портал оказался прочно запертым на новенький висячий замок производства «Калверс и сын, Слесарные работы, Западный Сассекс, Лондон». Проклятье!

Держа свой «Вулкан» так, чтобы он как можно больше походил на бревно, лорд Карстерс наблюдал по сторонам, тогда как проф. Эйнштейн снял корону и воспользовался одним из зубцов в качестве отмычки, благо замок был несложной системы. Механизм поддался, послышался приглушенный щелчок, и дверь широко распахнулась на хорошо смазанных петлях. За ней царила полнейшая темнота.

Не успел Эйнштейн снова надеть корону, как темнота сгинула: на стенах гигантского зала вспыхнули тысячи факелов. Зал был заполнен сотнями улыбающихся людей в малиновых мантиях. Десятки огромных столов ломились от еды и красочно упакованных коробок с подарками, а всю дальнюю стену занимал гигантский плакат с надписью на древне-дутарианском «С Днем Рождения».

— Сюрпри-и-из! — нестройным хором грянула толпа, взметнув целый снегопад конфетти из человеческих ногтей. Но радостная орава тут же смолкла.

— Эй, да это же не Великий Кальмар! — нарушил мертвую тишину заметно разочарованный малый в мантии.

— Ну Дьяволом клянусь, — пожаловалась какая-то женщина. — Это всего лишь пара демонов, горных монахов.

Эйнштейн и Карстерс постарались не показать никакой реакции на эти слова. Не удивительно, что местные так сильно боялись горных монахов!

В передние ряды опечаленной толпы протолкался худой мужчина и поднес к глазу светящийся монокль.

— Послушайте, наш верховный жрец особо оговорил с вашим хозяином, чтобы... — Тут он умолк, выпучил глаза, а затем в шоке отшатнулся.

— Клянусь кровью живого Господа Кальмара! Это... это Эйнштейн и Карстерс!

— Кто-кто? — в замешательстве пискнула какая-то робкая душа.

— Убить их! — взревели остальные, ринувшись вперед.

Понимая, что убежать и подняться обратно по скале невозможно, проф. Эйнштейн выхватил меч и внутренне собрался, готовый сдерживать надвигающуюся волну оголтелых фанатиков.

— Как по-вашему, юноша, сколько их тут? — спросил профессор, проведя языком по сухим губам. Пол так и сотрясался от топота.

— Около двух тысяч, — отозвался лорд Карстерс, готовя к бою мини-пулемет.

— А сколько у вас зарядов?

Лорд быстро сверился с цифровым датчиком на своем неуклюжем оружии; между тем боевые кличи кальмарников уже совершенно оглушали.

— Как раз около двух тысяч! — проревел он, перекрывая весь этот гам.

Проф. Эйнштейн драматическим жестом указал мечом на вопящую толпу.

— Тогда используйте каждую пулю по назначению!

22

В огромном зале громко и отчетливо прогремел заключительный выстрел из мини-пулемета «Вулкан», и последний из размахивающих ножами фанатиков растянулся на полу, всего лишь царапнув отравленным кинжалом по мыску начищенного армейского башмака лорда Карстерса.

— Достал его, сэр! — мрачно объявил Карстерс из-за достигающей ярда в высоту кучи трупов в мантиях. Когда он отпустил гашетку, вращающиеся стволы разряженного «Вулкана» начали замедляться.

— Благодарите Бога за тот рикошет, — заметил проф. Эйнштейн, убирая меч в ножны.

Когда рассеялся пороховой дым, профессор увидел, что живых врагов в зале больше нет, а весь пол устлан дергающимися телами и залит морем крови. От висевшего на стене плаката остались одни лохмотья, из других стен торчали ножи, и повсюду валялись подарки ко дню рождения. Даже от огромного праздничного торта в виде Земли осталось лишь кондитерское месиво на скособоченном сервировочном столике.

Затем профессор печально взглянул на догорающие на полу останки магической книги. В ходе схватки поклонник Бога Кальмара вырвал ее у него из рук и книга, ну, ответила. После этого возмездия и от вора, и от томика мало что осталось. Эйнштейн с большой долей вероятности предположил, что местная Гильдия Магов наложила на книгу защитное заклинание с целью удер-

жать воров от попыток самостоятельно заниматься колдовством. *Какая жалость.*

Перелезая через гору трупов, лорд Карстерс щелкнул пряжкой нагрудной сбруи. Когда ремень расстегнулся, ранец для боеприпасов упал, и докрасна раскаленный «Вулкан» с громким лязгом соскользнул на грязный пол. Издав блаженный стон, английский лорд выпрямился во весь рост и потянулся.

— Клянусь Богом, эта машинка весит всю чертову тонну, — заявил Карстерс, массируя шею.

— Однако, вы теперь беззащитны, — нахмурясь, заметил проф. Эйнштейн. — Впрочем, тут вокруг валяется достаточно мечей, топоров и прочего — есть из чего выбрать. Жаль, что книга пропала, а то мы могли бы опять вызвать вам еще один этот, как его там.

— На самом деле, сэр, у меня есть вот еще что, — заметил лорд Карстерс, извлекая пару блестящих, угловатых пистолетов с дулами огромного диаметра. — В брошюре они значатся как «АвтоМагнумы-44» фирмы «Смит и Вессон».

Сдвинув затворную раму пистолета, лорд выбросил на ладонь латунный патрон. Гильза была толстой и длинной, с блестящим стальным покрытием. Карстерс улыбнулся в профессиональном восхищении. Как замечательно. Подобный заряд мог запросто снести человеку голову!

— А это что такое? — спросил профессор, показывая рукой в сторону.

Теперь, когда «Вулкан» не закрывал вид, на груди лорда обнаружились две маленькие сферы, подвешенные к левой и правой портупеям, поддерживавшим обтягивающий талию ремень. Каждый из этих шаров был величиной примерно с апельсин, с вырезанным на поверхности узором в виде квадратиков и торчащим штырем, к которому крепилось кольцо.

Сунув пистолет в кобуру, лорд Карстерс отцепил одну из сфер и повертел в руке.

— Понятия не имею, — честно признался он. — Брошюра именует их «Р-47 напалм», но не поясняет этот термин.

— Напалм? — медленно произнес профессор, пробуя это слово на вкус. — Слово кажется похожим на греческое, но я его никогда раньше не слышал.

— Равно как и я. Но заклинание определенно предполагало, что это тоже входит в комплект снаряжения.

Взяв один из напалмовых шаров, проф. Эйнштейн внимательно изучил его, не прикасаясь к кольцу. Это явно было устройство, приводящее шар в действие, по-детски простое, но что именно произойдет, если удалить кольцо, никак не узнать, пока устройство не будет активировано.

— Любопытно, — задумчиво произнес профессор, взвешивая сферу на ладони. — Отсутствие всякого объяснения говорит о том, что в двадцать первом веке это самые обычные предметы. Может быть, украшения?

— Учитывая утилитарный характер остальных предметов комплекта, я полагаю это крайне маловероятным, — возразил лорд Карстерс, забирая таинственную сферу и снова прицепляя ее к портупейному ремню. — Ну что, идем? Там могут быть еще кальмарники.

— Вы действительно думаете, что найдутся еще какие-то? — осведомился профессор, показав на горы трупов.

— Ну, откровенно говоря, не думаю, — состроил гримасу Карстерс. — Но нам нельзя успокаиваться на достигнутом.

— Да, конечно, нельзя. Вы совершенно правы, юноша. Двинем дальше.

Осмотревшись в огромном зале, исследователи обнаружили еще одну дверь в другом конце помещения. Бронированная створка была запечатана целым набором тяжелых висячих замков, но с ними разделались без труда, и тогда дверь сама слегка приоткрылась. Прежде чем Эйнштейн с Карстерсом осторожно протиснулись в щель, не пытаясь открыть дверь шире, профессор, задержавшись на миг, выхватил монокль из застывшей руки костлявого почитателя Бога Кальмара. Взглянув через него на лорда Карстерса, Эйнштейн увидел человека, а не демоническую личину. *Превосходно, он все еще действует! Этот монокль отлично впишется в музейную экспозицию заговоренной и оккультной оптики!*

Прямо перед спутниками уходила вверх бесконечная лестница, освещаемая стоящими в стенных нишах мерцающими факелами.

— Держитесь настороже, сэр, — сказал лорд Карстерс, передергивая затвор на каждом «АвтоМаге С&В» сорок четвертого калибра для подачи патрона в патронник. — Похоже, нам предстоит довольно серьезная прогулка. — Лорд недавно прочел статью в «Таймс» о том, что американский производитель оружия

«Кольт Армс» разрабатывает такой пистолет и что их оружие приводится в боевое положение именно так.

— На сей раз первым пойду я, юноша, — заявил проф. Эйнштейн, прилаживая монокль к левому глазу. Пристально разглядывая ступеньки, он сместился влево, затем вправо и принялся подниматься по лестнице зигзагом.

* * *

Рывком повернув за последний угол, тяжело дышащие Эйнштейн и Карстерс очутились на верхней лестничной площадке.

Перед ними тянулся длинный пустой коридор с еще одним рядом дверей. Но ни лорд, ни профессор не обманывались на тот счет, что они одни. Оба потрепанных исследователя насквозь промокли от пота, набили синяков, пропахли порохом, лишились своих рюкзаков и потеряли часть волос; их одежда была сильно изодрана. У проф. Эйнштейна на короне образовалась вмятина, а из левого рукава лорда Карстерса торчала стрела.

— Есть что-нибудь? — спросил готовый к прыжку лорд Карстерс.

— Вроде все чисто, — доложил Эйнштейн, прищурившись через треснувший монокль. — Пошли.

— Нет, погодите! — скомандовал лорд, хватая старшего товарища за руку.

Проф. Эйнштейн застыл с поднятой ногой, словно отлитый из бронзы.

— А что такое? — прошептал он.

Бережно приподняв профессора, лорд отставил его в сторону и упал на четвереньки. Поползав по мраморному полу, лорд Карстерс издал приглушенный торжествующий возглас и очень осторожно обернул носовым платком протянутую поперек входа в коридор тонкую черную нить.

— Молодцом, юноша, — выдохнул проф. Эйнштейн. — Как вы умудрились ее заметить?

— Проще некуда, — ответил, вставая и отряхивая руки, лорд Карстерс. — Именно в этом месте натянул бы проволоку-спотыкалку я сам. В чем-чем, а в дерзости этим ребятам Бога Кальмара не откажешь.

— По меньшей мере, — от души согласился Эйнштейн, бросив взгляд назад. — Это восхождение по лестнице еще долго будет мне являться в кошмарах. Люки-ловушки в полу, машущие с потолка клинки, пламя из стен, гигантский валун катит навстречу по проходу, а сзади хлещет вода, потом зеркальный лабиринт, стрелы из ступеней, и вот теперь проволока для спотыкания. Одному небу известно, что еще не спустили на нас, свалилось бы, задень мы ее.

— Да все то же самое, только еще больше, я уверен, — кивнул Карстерс, выдергивая из рукава забытую стрелу и отбрасывая ее в сторону. — Но, впрочем, от фанатиков следует ожидать и опрометчивых шагов, в этом на них всегда можно положиться.

— Это их единственный шанс заслужить всевышнее прощение, мой мальчик, — усмехнулся профессор, смахивая с лица волосы.

— *Неверные!* — гортанно и пронзительно завизжал странный нечеловеческий голос.

Стремительно развернувшись на месте, Эйнштейн и Карстерс увидели, как из потайной двери в середине длинного коридора выскочила здоровенная волосатая тварь. Засада!

— Оборотень! — вздохнул лорд Карстерс, нажимая на спусковые крючки тяжелых пистолетов. — Проклятье, а у нас никакого серебра, кроме горсти бесполезных монет!

С громом вылетающие из «АвтоМагов» заряды насквозь пропахали вервольфа кровавой бороздой уничтожения, выбрасывая из спины кости и внутренности. Но, как и ожидалось, тварь лишь покачнулась, попятилась, затем выпрямилась и, запихнув обратно в грудь потрепанные органы, снова бросилась на исследователей, завывая, словно первозданный кошмар!

Обрушив на оборотня мощь адского огня в его военном варианте, лорд Карстерс добивался опустошительных, но, увы, временных результатов.

— На это может уйти некоторое время, сэр! — выкрикнул лорд, крякая от отдачи громовых пистолетов. — Вам надо следовать дальше и попытаться остановить церемонию рождения самому. Я скоро догоню.

— Нет, Бенджамин, мы нанесем удар вместе! — воскликнул профессор, выхватывая меч. Одним движением он послал в вервольфа копье пламени, но магический огонь скользнул по шерсти, не причинив чудищу ни малейшего вреда.

— Я — налево! — подмигнул профессору лорд Карстерс.

Понимающе кивнув, проф. Эйнштейн сам прыгнул влево, захватив оборотня врасплох. Человеко-зверь в замешательстве остановился, и лорд Карстерс в упор выстрелил ему в ухо, разметав мозги по мраморной стене, а проф. Эйнштейн отсек волосатую ногу.

Рухнув на пол, воющий монстр бешено забился в агонии! Но это был обман. Перекатившись на отрубленную ногу, оборотень приделал ее обратно, словно сапог надел, а его мозги, извиваясь, всползли вверх по лапе, вошли через ухо в череп и улеглись на прежнее место.

— Невозможно! — выругался проф. Эйнштейн.

— Пригнитесь! — заорал лорд Карстерс, когда рычащая тварь ринулась на профессора. Открыв непрерывную пальбу из грохочущих «АвтоМагов», лорд сшиб оборотня на пол, и тот покатился по коридору, оставляя за собой след из живущих своей жизнью внутренностей.

Пронзив мечом сердце вервольфа, проф. Эйнштейн вскрикнул, когда почувствовал на своей ноге обвивающий ее позвоночник твари. На какой-то кошмарный миг профессор ощутил себя угодившим в помесь анатомического театра с театром марионеток. Или в картину Иеронима Босха! Стряхнув с клинка сердце, Эйнштейн рубанул по позвоночнику, чуть не отхватив между делом собственную ногу.

— Сэр, цель этого зверя в том и состоит, чтобы задержать нас! — пробормотал лорд, выбрасывая опустошенные обоймы, как описывалось в статье в «Таймс», и неловко вставляя последние боеприпасы. — Оставьте меня здесь, профессор! Остановите церемонию! Время возрождения уже почти настало!

— Мы этого точно не знаем! — огрызнулся профессор, направляя на исцеляющегося вервольфа заклинание двойной смерти. Вервольф оцепенел, упал, задрожал и снова поднялся; если он в чем и изменился, так только в том, что был еще более разозленным, чем раньше.

— Но можем ли мы рисковать? — спросил лорд Карстерс, вставляя слова между каждым гулким выстрелом. — Вспомните, сэр, если враг хочет вас задержать, то ваша единственная надежда — скорость!

Эйнштейн с неохотой согласился. Это была самая основная идея военной стратегии.

— Вперед, друг мой, спасите мир. А уж я не пропущу этого вервольфа!

— Мы бьемся как один! — вызывающе крикнул профессор, размахивая мечом. В пожилом профессоре внезапно взыграло тысячелетнее англо-саксонское наследие, и он почувствовал себя Нельсоном в Копенгагенской битве, когда адмирал приставил подзорную трубу к слепому глазу и выкрикнул: *«Корабли? Не вижу никаких кораблей!»*

— Феликс, если вы останетесь, Мэри погибнет! — резко бросил лорд Карстерс. — Вы этого желаете?

Наслав на вервольфа метель, Эйнштейн заколебался при этом замечании. Лицо профессора отражало терзающую его борьбу чувств.

— Пора идти, Феликс, — спокойно сказал лорд, наблюдая за тем, как зверь оттаивает. — Спасите свою племянницу. Защитите королеву.

Королеву! Это все решало. Британец до мозга костей, проф. Эйнштейн не мог предать свою страну. Лорд Карстерс прав, оборотень был лишь еще одной ловушкой для незваных гостей, и самой коварной из них всех, напрасной потерей драгоценного времени.

С тяжелым вздохом проф. Эйнштейн опустил меч, круто развернулся и припустил по длинному коридору.

— Удачи вам! — крикнул он на бегу, вышибая затем дверь в конце коридора, которую оставил открытой настежь.

Переместившись на середину коридора, лорд Карстерс прицелился и стал всаживать пулю за пулей в заледенелого вервольфа с расчетом причинить максимум повреждений и выиграть как можно больше секунд.

Тварь встряхнулась, освобождаясь от чар, прыгнула, норовя вцепиться ему в горло, и Карстерс отстрелил мохнатую лапу. Вервольф упал, временно обездвиженный. Воспользовавшись представившейся возможностью, лорд Карстерс выстрелил одновременно из обоих «магнумов» и перерубил ему пулями шею.

Когда мохнатая голова устремилась в полет, магический зверь слепо зашатался и наступил на проволоку, натянутую при входе в коридор. С напоминающим вздох свистом с потолка обрушился по дуге клинок и перерубил оборотня пополам. Подвергшийся вивисекции, монстр частями закувыркался вниз по лестнице.

Вскоре оттуда донеслись свист стрел, шипение пламени, грохот камней и серия взрывов.

Победно улыбаясь, лорд Карстерс только начал убирать пистолеты в кобуры, как в стенах распахнулись новые потайные двери и из них выскочила еще дюжина вервольфов. Только эти звери были вооружены дротиками и скакали верхом на пауках величиной с тягловых лошадей. Завидев такое, лорд Карстерс от души выругался. *Кавалерия! Злейший враг пехоты.*

Паля из обоих «АвтоМагов», Карстерс отступал по коридору, пока не добрался до распахнутой профессором двери. Остановившись лишь на долю секунды, чтобы захлопнуть ее, лорд привалился к ней спиной и стал ждать приближения тварей.

— Никто не пройдет, — прошептал он, крепче сжимая пистолеты. А затем снова принялся стрелять, выкрикивая эту фразу как боевой клич: — Никто не пройдет!

С собственными боевыми воплями вервольфы и пауки ринулись к лорду, и завязалась нешуточная битва.

* * *

Держа темп, профессор Эйнштейн промчался вверх по следующей лестнице, и вскоре треск выстрелов стих вдали. Помотав головой, чтобы вытряхнуть из нее неуместные сейчас мысли, проф. Эйнштейн поднимался по лестнице, полностью сосредоточившись на высматривании ловушек. Теперь уже было очевидно, что Уильям Оуэн — очень сильный колдун, и хотя меч Александра владел широким диапазоном чар, проф. Эйнштейну не хватало существенных основ владения искусством оккультных наук. А это ставило его в весьма невыгодное положение. Но Эйнштейн знал — он все равно обязан победить, любой ценой. Слишком много жизней зависело от исхода этой борьбы.

На верху лестницы профессор обнаружил еще одну бронзовую дверь, на сей раз незапертую и слегка приоткрытую. Помещение за ней скрывалось в кромешной темноте, и не было слышно ни единого звука, кроме его собственного дыхания. *Что, и никакого указателя с надписью «Ловушку установить здесь»?*

Прижимаясь к стене, проф. Эйнштейн проскользнул в открытый проем, не коснувшись ни двери, ни косяка. Переступив

через порог, он ожидал увидеть какую-нибудь замаскированную бомбу или взведенный медвежий капкан, но обнаружил лишь стоящее на двери ведро. При малейшем прикосновении к двери ведро упало бы, выплеснув свое содержимое. И каким бы это последнее ни было, он не испытывал ни малейшего желания знакомиться с ним поближе.

Принюхиваясь в попытке определить, чем наполнено ведро, профессор чуть не задохнулся от наполняющего воздух тошнотворного запаха свежей крови. Господи Боже, со столь скверным запахом он не сталкивался с тех времен, когда работал в Бомбее на переработке сточных вод! Прикрыв нос платком, проф. Эйнштейн взглянул на свою одежду, но хлынувший ранее в ловушке на лестнице поток воды смыл с нее кровь демона. Так откуда же эта жуткая вонь?

Подняв повыше светящийся меч, профессор обнаружил, что стоит в нише между двух резных колонн. Пройдя мимо них, он увидел тянущиеся с потолка серебристые лучи и, подняв голову, разглядел слабо светящую сквозь прозрачный купол тройную луну.

Опустив взгляд, Эйнштейн увидал, что на мраморном полу выложена мозаикой огромная мистическая руна в виде обожравшегося кальмара, который пульсировал при свете лун словно живое существо. Довольно неплохо. Теперь уж не могло быть никаких сомнений — он достиг своей цели, храма Бога Кальмара, который он видел на вершине черной горы. Но если это их храм, то где же Оуэн и основные силы кальмаропоклонников? Неужели он опоздал? Неужто Бог Кальмар уже родился? Приглядываясь к черным теням за пределами круга света, Эйнштейн потребовал максимального свечения; меч в ответ запылал чуть ли не ослепительно. Когда храм залил этот ясный белый свет, профессор чуть не поперхнулся при виде вытянувшихся вдоль стен мертвых тел. Почувствованная им страшная вонь исходила от десятков, нет, сотен трупов, уложенных штабелями, словно дрова, между внешними столпами, образуя вокруг храма своего рода грубую стену.

Все эти мужчины и женщины в балахонах лежали с перерезанным горлом, и темно-малиновые ручейки капали на мраморный пол, стекая в руну и расходясь по ее линиям, словно бургундское вино по акведуку. Профессору вдруг отчетливо вспомнилась кровь на полу выставочного зала у него в музее.

Он бросил взгляд через треснувший монокль и увидел повсюду насыщенную, злую магию. Свежепролитая кровь, должно быть, являлась главным ингредиентом для вызывания магической мощи этими лунатиками-язычниками. При этой последней фразе проф. Эйнштейн фыркнул. Лунатиками. Никогда еще это слово не употреблялось столь точно.

Перешагивая через ручейки крови, профессор прошел в руну, и иллюзия пустого воздуха замерцала и пропала, явив взору большой каменный алтарь, покрытый гобеленом, изукрашенным странными мистическими символами. И господствующее положение на этом алтаре зла занимал бурлящий железный котел, соединенный с руной прядями серебряной проволоки. Но что чему придавало силу — руна котлу или наоборот? Снова испробовав монокль, профессор выругался, так как стекло разбилось от перегрузки темных сил на данном участке. *Проклятье!* Он отбросил его и облизнул порезанный палец.

Ожидая отовсюду нападения, проф. Эйнштейн осторожно приблизился к алтарю, и серебряно-голубой лунный свет сменился на серебристо-зеленый. Профессор застыл в неподвижности. Он что сейчас, привел в действие какое-то заклинание или испортил его? Определить было невозможно. Впрочем, опять же, поскольку его задача заключалась в том, чтобы остановить церемонию возрождения, то наверно этот фокус можно провернуть с помощью обыкновенного старомодного разбивания вдребезги всего и вся. Ату их, ату!

Когда проф. Эйнштейн перевел меч в режим общего уничтожения, с потолка треснула молния, выбив клинок из его руки. Эйнштейн вскрикнул от боли; меч перекувырнулся в воздухе и с громким лязгом упал на пол. И его золотая аура сразу же начала меркнуть.

Массируя обожженную руку, профессор зло выругался, когда изнутри одной из колонн плавно вылетел Уильям Оуэн и опустился около алтаря. Дутарианский верховный жрец был облачен в черную мантию с капюшоном, отороченную тончайшей филигранью; на шее у него висела золотая цепь с дубликатом руны на полу, а в правой руке он держал длинный посох, сделанный из резных человеческих костей.

Ужас! Но затем проф. Эйнштейн заметил на шее Оуэна медицинский пластырь, прикрывающий рану, полученную им от пули лорда Карстерса. *Несмотря на всю свою магию, это всего*

лишь простой смертный, напомнил себе Эйнштейн, украдкой запуская руку в карман. *А все, что можно ранить, можно и убить.*

— Так, значит, ты все-таки сумел добраться сюда живым. Отлично, старик, — презрительно усмехнулся Оуэн, стискивая непострадавшую руку в кулак и грозя им профессору. — Я действительно не думал, что вы с этим здоровенным болваном заберетесь так далеко. Да, в самом деле, должен признать, что вы напоминаете мне о слепой шлюхе.

Подняв брови, проф. Эйнштейн в полнейшем замешательстве уставился на Оуэна.

— Вынужден отдать вам должное, — закончил с маниакальным смешком верховный жрец.

— Так говорит шваль из низшего класса, к которой ты и принадлежишь, — презрительно сплюнул профессор. Затем Эйнштейн быстрым движением бросил для отвлечения в жреца горсть золотых монет и что было сил рванулся к упавшему мечу.

Скользя по окровавленному полу, проф. Эйнштейн уже почти достиг меча, когда голубая вспышка поглотила его, словно взрыв, и он был жестоко отброшен в сторону. Сгруппировавшись и перекатившись несколько раз, как его научил в Японии один мастер дзюдо, профессор плавно поднялся на ноги у стены из человеческой плоти, которой были забиты промежутки между каменными колоннами.

— Можете забыть об этой несчастной игрушке, — продолжал Оуэн, опуская потрескивающий остаточными разрядами посох. — Вас-то я нахожу довольно жалким, но испытываю здоровое уважение к Мечу Александра. Вы рассказывали мне о его возможностях, помните? Какая жалость, что вам не удалось найти древний меч Дутара. Вот с ним у вас действительно мог появиться шанс против меня.

— Верблюд твою мать, — прорычал проф. Эйнштейн, надеясь вызвать вспышку ответной ярости. Разгневанный противник — слабый противник. Этот образчик мудрости родился в оксфордском снукер-клубе, члены которого десять лет подряд выигрывали Большой приз. Или это изрек Сунь-цзы? Проклятье, он часто путал их.

— О, да, они часто этим занимаются, — заржал Оуэн. — И более того, я люблю на это посмотреть.

— Ну, те, кто сами не способны... — заметил профессор, оставив это поразительно грубое выражение недосказанным.

Побагровев, дутарианский верховный жрец закричал на незнакомом языке, и профессора окутало колеблющееся поле радужного света. Неожиданно почувствовав себя так, словно он весит целую тонну, Эйнштейн поневоле опустился на колени и обнаружил, что не может больше ни вздохнуть, ни охнуть. В висках у него застучало, силящуюся дышать грудь жгло огнем. Профессор попытался разорвать непослушными руками воротник, но тщетно, и храм начал становиться каким-то смазанным.

— Прощайте, проф. Эйнштейн, — оскалился Уильям Оуэн, когда радужное свечение вокруг исследователя усилилось настолько, что свет, казалось, заполнил всю Вселенную.

23

Бешено работая легкими, проф. Эйнштейн истратил свое последнее дыханье на брошенное верховному жрецу страшное ругательство. Неожиданно давление исчезло, и профессор смог втянуть в легкие глоток прохладного вонючего воздуха.

Чувствуя, как к нему стремительно возвращаются силы, Эйнштейн попытался изобразить жест, о котором думал, и когда ему это удалось, свечение вокруг него полностью исчезло.

Бормоча что-то невнятное и шатаясь, Оуэн в шоке отступил, вцепившись руками в собственные волосы.

— Невозможно! — прохрипел верховный жрец, пытаясь спрятаться за своим магическим жезлом. — Невероятно!

— Ни то, ни другое, глупый болван, — угрожающе засопел проф. Эйнштейн. Медленно поднимаясь на ноги, профессор дотронулся до все еще остававшейся у него на голове помятой бронзовой короны. — Твое трусливое нападение, похоже, пробудило Корону Александра, и она рвется снова сразиться со злом.

Окутанный вдруг исходящим от него желтоватым с виду защитным бронзовым сиянием, сам несколько побронзовевший, проф. Эйнштейн решительно шагнул вперед.

— А это значит с тобой, дружок, — зловещим голосом пояснил он.

— Это какой-то фокус, — пробормотал Оуэн и ткнул перед собой жезлом. Из конца посоха вырвался мерцающий голубой луч и ударил по колышущемуся вокруг Эйнштейна бронзовому полю. Но лишь срикошетил, отразившись в мраморный пол и оставив толстую ледяную кляксу.

Засучив рукава, Эйнштейн прислушался к поселившемуся в его голове голосу и быстро проделал серию сложных движений пальцами. Лежавший далеко в стороне Меч Александра ожил, поднялся в воздух и, пролетев через все помещение, с крепким шлепком упал в вытянутую руку профессора.

После того как два магических предмета пробудились и воссоединились, профессор стал слышать их беззвучный диалог. Магическая книга из безымянного города играла по-честному. Действуя вместе, корона и меч являлись единым оружием. Крайне интересно! Профессору подумалось мельком, не отсюда ли, или от чего-то подобного пошла легенда о Мерлине. Был он волшебником или всего лишь гласом короны короля Артура? Что ж, отличная загадка, можно будет заняться как-нибудь!

Пригнись влево!

Быстрым движением Эйнштейн увернулся от летящего из жезла верховного жреца града ледяных шаров. Уф, чуть не попал.

Спасибо, — мысленно поблагодарил он корону.

Нет проблем. А теперь, ратуй!

Что? А, «En guarde![1]»

Оуэн двигался по храму, словно боксер, готовящийся нанести удар. Эйнштейн завертел мечом и из острия оружия вырвался силовой луч. Когда он пронзил пространство храма, вокруг жестикулирующего верховного жреца возникла потрескивающая энергией зыбкая оболочка, и отраженный луч ударил по колонне, испарив изрядный кусок мрамора. Критически ослабленная колонна рухнула, проделав брешь в штабеле из трупов и открыв взору наружный пейзаж. Как раз в это время на горизонте три луны начали выстраиваться в ряд, одна позади другой.

Черт побери, соединение лун в этом мире должно означать полнолуние на настоящей Земле! — заключил профессор. — *Вот оно: возрождение может начаться в любой момент!*

Ну так убей его, — резонно посоветовала корона.

Весьма разумный совет. Непременно так и сделаю.

---

[1] En guarde! — фехтовальный термин означающий «К бою!» (*франц.*).

Уильям Оуэн пошарил в мантии, уронив на пол несколько желудей, выхватил карманный «Адамс-32» и выстрелил. Но Меч Александра играючи отразил летящий свинец.

Сделав жест одновременно свободной рукой и мечом, проф. Эйнштейн попытался парализовать рот врага, но Посох Бога Кальмара нейтрализовал это колдовство. Выкрикивая в адрес друг друга заклинания, каждый из противников пытался наступать, и ослепительные разноцветные огни осветили храм. Сталкивались с грохотом наковален смертоносные заклятья. Гипнотически кружили в кипящем воздухе месмеризмы, и противники едва не лишили друг друга рассудка. Одежда на них вспыхивала и тут же восстанавливалась позади пробегающих полос пламени. Ножи носились в воздухе ураганом остро отточенной смерти. Рядом с профессором возник склизкий ком, но его живо слопал миниатюрный тираннозавр. Баньши[1] скребанули ультразвуковыми когтями по барабанным перепонкам, но им дали отпор комочки магической ваты. По стеклянному куполу потолка поползли, извиваясь, смертоносные черные мамбы[2], но тут же сгинули от одного прикосновения запрыгавших кругом лягушек «Золотая Стрела». Вскоре по окровавленному полу заползали смертельные насекомые; клыкастых лепреконов противники попросту растоптали, не заметив. Пролетавшие мимо ангелы осуждающе закудахтали при виде этого буйного проявления насилия, в то время как призванные на помощь демоны лишь посмеялись и сделали фото на память. На короткий миг возник размахивающий шамшером рассерженный дух Рыжего Джона Бонатера, но уже через долю секунды призрак-мститель исчез, когда верховный жрец открыл межпространственный портал и швырнул духа в огненную бездну ада. Еще мгновение спустя межпространственная вихревая воронка снова распахнулась и пирата выкинули оттуда пинком под зад.

— Морякам и актерам вход воспрещен! — крикнул какой-то демон и окончательно захлопнул портал.

Оуэна неэффективно стукнул по голове гигантский прозрачный молот, в то время как нематериальная мышеловка захлопнулась на твердом как алмаз теле проф. Эйнштейна, не причинив ему вреда. Из раскрытых ладоней выскакивали стрелы, из

---

[1] Banshee (*англ.*) — привидение, чье завывание предвещает смерть.

[2] Черная мамба — африканская ядовитая змея.

коленей летели залпы пушечных ядер, а из ушей так и валил пар; ученые мужи бились за контроль над миром. Мешая друг другу прицелиться, жрец и профессор попеременно то увеличивались, то уменьшались в размерах. Вокруг обоих разбивались волны нереальности, искрящаяся темнота поглощала пульсирующий солнечный свет, а в воздухе над бойцами с гробовой серьезностью занимались армрестлингом две гигантские руки. По всему помещению безумно скакали мячи голубого огня. Повсюду трещали молнии. Сотни мертвых поклонников Бога Кальмара восстали в виде армии зомби. Но в храм с громом хлынула лавина кошерной соли, и зомби полетели, кувыркаясь, в кратер. А между тем бушующий эфирный смерч даже не взъерошил волосы бешено жестикулирующих врагов. Храм ходил ходуном, и частично приоткрытая дверь в нише захлопнулась, сбросив стоявшее на ней ведро. Оно грохнулось на пол, расплескав свое водянистое содержимое, и жидкость, шипя и потрескивая, словно кислота, начала растворять мрамор.

Этот звук на мгновение привлек внимание Эйнштейна, и тот ахнул при виде своего отражения в пятне льда на колонне. Он выглядел старше! На много лет старше. Очевидно, пропускание через свою физическую оболочку такой массы магической энергии не могло пройти даром. Профессор старел с феноменальной быстротой. Его лохматые седые волосы стремительно отступали с морщинистого лба. Обе руки усеивали пигментные пятна, а все суставы вдруг заболели от ревматизма. Даже его хваленое зрение начинало сдавать, а голос из короны делался все глуше и глуше. Этот магический бой буквально высасывал из профессора жизнь, но у него не было иного выбора. Он должен был драться дальше.

Совместными действиями корона и меч Александра дали отпор новой волне атак со стороны рычащего Оуэна, а затем блокировали серию смертельных чар. Вслед за тем храм покачнуло мощное землетрясение, и по полу поползли расширяющиеся трещины, но их тут же заштопал гигантский полупрозрачный степлер. В этот момент проф. Эйнштейн заметил, что верховный жрец Дутара ни чуточки не постарел от битвы. *Как можно оставаться молодым и свежим при таком расходе сил?* На эту тему корона зловеще помалкивала.

Почувствовав, как у него начинают выпадать зубы, Эйнштейн понял, что должен немедленно предпринять что-то чертовски

хитроумное, а не то Оуэн может просто подождать, пока профессору не будет засчитано техническое поражение в связи со смертью от старости. Но что он мог испробовать такого, что еще не оказалось безрезультатным?

Продолжая атаки, проф. Эйнштейн попытался проанализировать ситуацию, мысленно прокручивая все перипетии боя. Ответ пришел сразу же. Руна на полу! Должно быть, все дело в ней! Что бы ни происходило, Оуэн упорно отказывался переместиться со своего места. В то время как проф. Эйнштейн изрядно бегал, уворачиваясь от различных атак, Оуэн предпочитал скорей получить ранение, чем оказаться хоть немного в стороне от мистической руны. Что же делать? Что он мог сделать?

А тем временем прозрачные гадюки попытались оплевать Оуэна ядом, но с ними быстро разобрался гигантский мангуст. Потом мангуста съел золотой волк; волка сожрал рыжий медведь, который тоже сразу погиб — на него шлепнулся брюхом золотой кит, добавив трещин на мраморном полу.

Сосредоточившись на руне, проф. Эйнштейн заметил ведущую от сапога верховного жреца к этому мистическому символу тонкую проволочку. Черт возьми, этот хитрый мерзавец, должно быть, и правда потягивал магическую энергию из невидимой матрицы в руне! Каждая атака Меча Александра подпитывала неувядающую молодость верховного жреца! Эйнштейну поневоле пришлось признать, что эта стратегия весьма хитроумна и он ничего не может ей противопоставить.

Разбушевавшаяся бронзовая корона решила переключиться на новую тактику и предложила новый план боевых действий. Создав мерцающий щит с помощью выставленной перед собой ладони левой руки, проф. Эйнштейн навел на Оуэна меч, из острия которого вырвался мощный силовой луч и ударил в посох, пытаясь сжечь, сварить, просверлить его насквозь. Оуэн в ответ схватился за висящую у него на шее печать Бога Кальмара, и костяной посох оказал жесткое сопротивление. Вкладывая в натиск все больше и больше своих жизненных сил, проф. Эйнштейн наращивал мощь атаки. По нематериальному барьеру мерцающей голубизны расплескалась струя едкого золота, и храм затопили смертельные переливы ярких красок битвы.

Похоже, струхнув, Оуэн забормотал защитные заклинания, тогда как его посох начал слегка тлеть. А затем защитная аура вокруг верховного жреца стала таять, и он принялся отчаянно

хватать ртом воздух, буквально поджариваясь заживо. Чувствуя близость победы, Эйнштейн расплылся в довольной ухмылке, но тут же покачнулся, почувствовав боль в груди, словно от удара молотом, и узнал симптомы надвигающегося сердечного приступа. Проклятье, только не сейчас! Но дряхлеющего профессора накрыла волна слабости, и он упал на колени, едва в состоянии удерживать меч на весу.

Неожиданно освобожденный от чар, Оуэн стиснул Большую Печать и удвоил выход энергии из собственного посоха. Неудержимая сила столкнулась с неодолимым барьером в ослепительном пиротехническом шоу, и храм содрогался под воздействием радужных побочных эффектов. Мрамор трескался, покрывающие алтарь гобелены исчезли в пламени, и от усилившегося жара кровь в котле забурлила еще сильней.

Терзаясь от боли и обливаясь потом, проф. Эйнштейн пытался удержать хоть какую-то защиту против жестокой сверхъестественной атаки. Храм медленно раскалялся, и вот уже профессора со всех сторон со вспышкой окружила огненная лава, и маленький островок мраморного пола у него под ногами становился все меньше и меньше, поглощаемый плавящимся камнем. Воспрянувший Оуэн демонически расхохотался. Из глубины души проф. Эйнштейна поднялась неистовая ненависть к глумящемуся врагу, и пришло вдохновение. Бронзовая корона в ужасе запретила даже думать об этой абсурдной идее, но на этот раз профессор отказался прислушаться и предпринял атаку.

Теперь, вместо того, чтобы отражать надвигающуюся лавину вражеской магии, Эйнштейн приказал мечу Александра поглощать ее и направлять избыток в его, Эйнштейна, умирающее тело. Меч сперва взбунтовался. Но профессор, именем Александра, потребовал от него повиновения! Меч неохотно подчинился, кривясь от отвратительного вкуса темной магии. В приливе новой силы по жилам профессора пробежал восхитительный огонь, и сердце снова забилось сильно и ровно. Возрастные пигментные пятна исчезли, в глазах прояснилось, и проф. Эйнштейн начал завершающий этап своей атаки. Теперь вопрос стоял — все или ничего. Как любят говорить американцы, вот оно, это самое пресловутое Оно.

Сложным двойным движением Эйнштейн создал у себя под ногами закрученную пружину и запустил себя вперед, словно цирковой артист. Пролетев через весь храм, профессор врезался

в пораженного таким ходом Оуэна, столкнув верховного жреца с руны, и соединенная с сапогом того серебряная проволока лопнула. Выронив посох, Оуэн скорчился, вопя от боли, и из глаз у него потекла кровь. И словно в ответ храм сотряс оглушительный удар грома, и мистическая руна на мраморном полу полыхнула от прилива первозданной энергии.

— Матрица! — бледнея, завизжал Оуэн. — Ты дурак! Она активирована слишком рано!

— Превосходно! — торжествующе усмехнулся проф. Эйнштейн, раскачиваясь в такт движениям храма.

— Мы оба погибнем, старый ты дурак!

— Лишь бы ты сдох первым, предатель!

Обоих противников поглотила яркая вспышка совершенно уже неуправляемой магии, а закрутившийся ураган мистической энергии своей страшной силой разорвал их на части, буквально распыляя тела на атомы. Частица за частицей, орган за органом, оба были восстановлены чистой неконтролируемой магией, которой было проникнуто каждое волокно их дрожащих тел. Боль была совершенно невообразимая, и Эйнштейн молился о спасительной смерти. Но затем с резким ударом грома агония прекратилась, аура растаяла, и ощущающий дикое головокружение профессор Феликс Эйнштейн оказался стоящим рядом с Уильямом Оуэном внутри остывающей пентаграммы.

— Нам полагалось умереть, — в замешательстве пробормотал верховный жрец.

— Как пожелаешь, старина! — проворчал профессор, со всей вернувшейся к нему силой взмахнув мечом — не в каком-то магическом или особом жесте, а просто как куском заточенного металла.

С неподдающимся описанию звуком Меч Александра рассек верховного жреца надвое, разрубив его от плеча до живота.

Все еще омерзительно живой, Уильям Оуэн, пошатнувшись, попятился, и меч выплюнул огненный шар, который разметал жреца дождем дымящихся ошметков. Не успокоившись на этом, сгусток энергии продолжил полет, пробив дыру в мраморной колонне позади мертвеца, устремился через кратер и летел дальше, вплоть до сокрушительного и весьма зрелищного столкновения с горами на горизонте.

— Ну что, Вилли, мой мальчик, небось теперь словосочетание «англиканская церковь» звучит не так уж плохо, а? — злорад-

но осведомился проф. Эйнштейн, вытирая горячий меч о груду тлеющих тряпок. Позволив себе небольшую улыбку победителя, профессор направился было к алтарю, но ощутил странное покалывание в пальцах ног. *А? И что на этот раз? Ведь не еще один сердечный приступ!*

Бронзовая корона проревела предупреждение, и Эйнштейн сообразил, что накопленная в теле покойного жреца магия начинает стекать обратно в руну на полу, а затем в профессора — единственного живого человека в наличии.

Проф. Эйнштейн сделал отчаянную попытку отпрыгнуть на безопасное расстояние, но было слишком поздно. Магия вливалась в него, словно заряженная электричеством ртуть. Дело осложнялось тем, что он и так был полон, до отказа набит эфирной энергией, не оставалось ни одного свободного дюйма!

Сначала это была тонкая неуклюжая струйка, потом мощный горячий поток, который сменился неудержимым ревущим цунами! Беспомощный проф. Эйнштейн мог только вопить от боли, в то время как в его корчащееся тело вбивались, втискивались, впрессовывались все новые и новые заряды титанической мощи. Сотрясаясь в агонии, Эйнштейн изо всех сил пытался владеть собой, пока его тело наполнялось и переполнялось чудовищной эфирной энергией. Но это оказалось невозможным, и по всему его телу происходили неконтролируемые утечки, из всех отверстий, даже самых неподходящих.

В дальнем конце храма грохнула дверь. Профессор повернулся и увидел, как в зал вбегает лорд Карстерс. В одной руке он стискивал погнутый «АвтоМаг-44», а другая блестела зажатыми между пальцами серебряными монетами, к которым прилипли кусочки мозгов и шерсти. Правую ногу лорда рассекал кровоточащий порез, а левая рука висела на перевязи, которую он соорудил из куска собственной окровавленной рубахи.

Выскочив из дверного проема, лорд Карстерс замер в потрясении при виде странного и ужасного зрелища — светящегося профессора, плавающего в воздухе над чем-то вроде языческого алтаря со стоящим на нем железным котлом, содержимое которого источало самые отталкивающие ароматы. Вокруг проф. Эйнштейна сплошной стеной трещали молнии, и его, похоже, терзала мучительная боль; сам же храм Бога Кальмара безумно сотрясался и корежился, мраморный пол и стены выгибались и бились в конвульсиях, словно живая органическая материя.

— Профессор! — крикнул лорд Карстерс сквозь шум бури, ковыляя вперед.

Думая только о том, как бы побыстрее добраться до друга, лорд не заметил ледяной кляксы на полу и, поскользнувшись, упал ничком в лужу кислоты. С растворяющимися чертами лица, Карстерс откатился, угодив прямиком в невидимый медвежий капкан. Челюсти капкана со стуком сошлись на человеке, аккуратно разрезая его пополам.

— Бенджамин, нет! — закричал профессор, протягивая руку к другу. Ударил опаляющий луч энергии, заключив лорда в успокаивающий кокон чистейшего света. Лорда мягко подняло с пола... только для того, чтобы жестко шмякнуть о ближайшую мраморную колонну. Белая сфера исчезла, и лорд остался лежать на полу, хватая воздух раскрытым ртом.

— Сожалею, юноша! — прогремел проф. Эйнштейн. — Я не могу... справиться... слишком много...! — Тут профессора охватил еще один спазм, купольный потолок взорвался, и позвякивающие куски улетели в ночное небо. Теперь храм заполнял свет тройки лун, и руна вспыхнула, заставив котел на алтаре яростно забурлить, а поднимающиеся над ним пары вскоре приобрели очертания жуткого кальмара.

Побледневший при виде этого проф. Эйнштейн призвал на помощь все свое британское мужество до последней капли и мысленно сочинил самое всеохватное заклинание смерти и уничтожения, какое только мог вообразить, пустив в ход все биологические, научные, исторические и мистические знания, которые он когда-либо усвоил.

— *Умри!* — твердым голосом приказал профессор, и эти слова тут же преобразились в видимые буквы. Камни алтаря треснули, как от удара, котел раскалился добела, и храм живого Бога Кальмара исчез в потрясающем взрыве моно-атомного пламени.

Весь горный кратер затрясся, светящийся вихрь космической мощи вышел за пределы атмосферы и ушел в пространство. Землетрясения покачнули весь мир. Поднимались и рушились горы. Разверзались океаны. Дрожали небесные столпы. Содрогнулся весь пространственно-временной континуум. Стены между измерениями потрескались, и отдельные фрагменты страшного эфирного взрыва вылетели в соседние дрожащие плоскости существования.

* * *

В другом мире, в другом времени, муж с женой прекратили раскачиваться в деревянных креслах-качалках на крыльце своего дома на ферме в Айове и ахнули, глядя на заполнившую вечернее небо головокружительную игру света.

— Ух ты-ы, ну и ну, — промолвил старик, сплевывая в розарий жвачку прессованного табака. — Ты только глянь на это, Мардж! Как думаешь... Лукас?

Его супруга покачала головой с десятью тысячами цветовых оттенков в совершенно седых волосах.

— Не-е, должно быть, Спилберг. Это он любит всякие такие эффекты с облаками.

— Вообще, да, думаю ты права, ага.

* * *

А в дутарианском храме произошел неописуемой мощи вулканический взрыв, но взрыв как бы наоборот — направленный внутрь. За темной вспышкой последовал грубый звук всасывания, перешедший в крещендо бесшумного грома!

Упав на потрескавшийся пол, проф. Эйнштейн силился сделать вдох, удивляясь тому, что он все еще жив. С трудом поднимаясь на колени, Эйнштейн огляделся по сторонам и увидел, что находится на круглом куске мрамора, со всех сторон окруженном расплавленным стеклом. Кроме этого в поле зрения присутствовали лишь лежащий ничком в разрушенной нише и тяжело дышащий лорд Карстерс да громко бурлящий котел на растрескавшемся алтаре.

У Эйнштейна отвисла челюсть — профессор просто не мог поверить, что котел все еще цел! Попытавшись подобраться к нему, чтобы опрокинуть, проф. Эйнштейн не смог этого сделать, потому что железный котел добела раскалился от жара.

— С-сэр? — простонал знакомый голос.

Круто повернувшись, Эйнштейн бросился к другу.

— Юноша, вы все-таки живы! — радостно воскликнул профессор. Одежда лорда превратилась в лохмотья, но каких-либо изъянов или кровоточащих ран на теле не было.

— Эт-то к-как п-п-посмотреть, — простонал, принимая сидячее положение, лорд Карстерс. — Ч-что т-тут случилось, черт возьми?

Поддерживая лорда за локоть, проф. Эйнштейн помог ему подняться.

— Я врезал по вам целительным заклинанием, юноша, — объяснил он. — Хотя и более мощной версией, чем я на самом деле заказывал. Должно быть, я впитал в себя больше магии, чем мне казалось.

— А что там с Оуэном? — спросил Карстерс, окидывая взглядом разгромленный храм. Повсюду валялись тлеющие обломки и куски тел. — Вижу, вы не теряли времени даром, но каков итог, сэр?

— Уильям Оуэн мертв, — ответил профессор, бросив взгляд на все еще шипящую жаром дыру в колонне. — Уж в этом-то могу вас уверить.

— Превосходно! — улыбнулся лорд Карстерс, потирая свое неожиданно гладкое лицо. И вздрогнул, когда вдруг вспомнил о кислоте, но та боль была лишь воспоминанием. У него не осталось даже шрамов на щеках. Удивительно, но он чувствовал себя отдохнувшим и сильным, словно только что провел уикенд на рыбалке в Шотландии, а не сражался с силами зла. — Целительное заклинание, говорите, сэр? Ну, должен признать, что... Профессор! Что это с вами?

— А что со мной? — спросил Эйнштейн, ощупывая себя всего; ран или ожогов вроде не было.

— Сэр, ваши волосы! — воскликнул как-то непонятно лорд Карстерс, но его прервал громкий гулкий звук из кипящего котла.

Повернувшись, исследователи увидели взлетевший в небо густой гейзер черной крови, который разошелся наподобие зонтика и пролился дождем вокруг котла, чтобы тут же взмыть снова. Когда цикл ускорился, прозвучало еще одно раскатистое «бум», и из глубин железного котла поднялось тонкое зеленое щупальце с рядами присосок по одной стороне. Несколько мгновений это извивающееся щупальце нежно поглаживало воздух, а его присоски при этом влажно почмокивали. Затем оно стало вытягиваться из сияющего котла, пока не сделалось пяти ярдов, восьми, десяти, двадцати ярдов длиной!

С мрачным выражением лица лорд Карстерс потянулся за «АвтоМагом», но лишь хлопнул себя по голому бедру. Про-

клятье! Нагнувшись, лорд схватил кусок оплавленного мрамора из разломанного пола и взмахнул им, словно примитивным кинжалом.

— Ладно, давайте закончим дело, — решительно сказал он.

— Точно! — воскликнул проф. Эйнштейн, потянувшись за мечом, но на боку у него не оказалось ни оружия, ни ножен. Быстрое прикосновение к голове обнаружило там только волосы. Бронзовая Корона Александра тоже исчезла. *Ну, конечно,* горестно сообразил он, *их же вызывали специально для борьбы с верховным жрецом. Выполнив свою задачу, магическое оружие, должно быть, отбыло обратно в места своего постоянного обитания.* Вышло это чертовски несвоевременно, но проф. Эйнштейн пожелал им обоим всего хорошего за оказанную помощь. К несчастью, его собственная битва со злом еще не закончилась.

Заметив в отсеченной руке мертвого почитателя Бога Кальмара кинжал, профессор бросился к нему. Но кинжал был зажат в окоченевших пальцах, словно в тисках. Профессору пришлось воспользовался куском мрамора, чтобы разбить пальцы, и только так он смог завладеть кинжалом.

Снова при оружии, проф. Эйнштейн торжествующе поднялся на ноги, когда раздался резкий свист лорда Карстерса, желающего привлечь его внимание. Профессор повернулся и нахмурился, увидев, как из котла, извиваясь, выползает еще одно щупальце. Затем появилось третье, четвертое, пятое, шестое, и еще, и еще! Добела раскаленный край котла пополз, как тянучка, уже не вмещая в себя чудовищные отростки. Зонтика из крови больше не было, и из центра щупалец над котлом поднялась выпуклая масса — один огромный глаз, озирающийся кругом свирепым разумным взглядом. Растягиваясь сверх всяких мыслимых пределов, котел так и завизжал, когда к первому глазу присоединился второй и высунулась пульсирующая голова, за которой последовало покрытое слизью тело гигантского зеленого кальмара. Выйдя за пределы руны, огромная тварь раскинула щупальца во все стороны. Сделавший свое дело, истощивший все силы котел с облегчением рассыпался в прах.

Почти заполнивший собой храм Бог Кальмар достигал в высоту тридцати ярдов; когда он обводил взглядом дымящиеся развалины, его ужасные человеческие глаза вращались в противоположных направлениях. Пятнистая кожа колосса была

тошнотворно зеленой, с лилово-синим отливом, сильно напоминающим застарелый синяк.

С жуткой величественностью кальмар посмотрел на тройку лун в небе, только-только начавших нарушать строй, и какое-то время можно было различить лишь один звук — негромкое пощелкивание, исходящее изо рта, похожего на клюв попугая и расположенного где-то внизу, среди извивающихся щупалец.

Царственно кивнув неземным небесным телам, Бог Кальмар окинул теперь взглядом храм и заметил, наконец, двух стоящих поблизости крошечных людей. И широко улыбнулся.

Подпираемый щупальцами, кальмар приблизился к ним под аккомпанемент причмокиваний его присосок по мраморному полу.

Проф. Эйнштейн со вздохом смирения с судьбой протянул руку другу.

— Боюсь, что мы действовали слишком медленно, Бен. Что ж, прощайте, работать с вами было истинным удовольствием.

В приливе непривычных чувств, лорд Карстерс торжественно пожал протянутую руку.

— Прощайте, Феликс. По крайней мере, мы заставили эту тварь попотеть.

— *Эгей!* — прогромыхал кальмар зычным голосом, исходящим из попугайского клюва у него на брюхе. — *Приветствую вас, мои преданные почитатели!* — Монстр говорил на дутарианском языке, но для ученых исследователей смысл его слов был кристально ясен.

Вытянувшись во весь рост, проф. Эйнштейн прожег жуткого монстра взглядом, полным необузданного презрения.

— Черт возьми, сэр, мы вовсе не...

Лорд Карстерс быстрым движением закрыл профессору рот ладонью.

— Привет и поздравления тебе, о великий! — крикнул лорд. — Мы боялись, что ты можешь не явиться!

— *Да, меня долго не было,* — признал кальмар, обращая на людей взгляд обоих глаз. — *И все же вы двое остались верны. Я тронут. Поистине тронут.*

Подняв два щупальца, чудище изобразило улыбку.

— В награду, я позволю вам обоим жить в этом измерении до конца отмеренных вам дней. — Он помолчал, а затем добавил. — После чего вернусь и полностью здесь все уничтожу, так что позаботьтесь завести кучу вкусных детишек!

Чуть не обезумев от гнева, проф. Эйнштейн пытался высвободиться, но лорд Карстерс без труда справился с другом.

— Твое желание — закон для всех нас, Великий! — гаркнул лорд. — Прими нашу смиренную благодарность!

— *Пустяки,* — ухмыльнулся кальмар, махнув щупальцем.

Плавно удаляясь от исследователей и делая жесты многочисленными конечностями, кальмар выкрикнул страшные слова власти. С треском грома и молнии появилась продолговатая межпространственная воронка. Но затем тоннель сузился до маленького мерцающего овала, не шире дюйма.

Совершенно изумленные, проф. Эйнштейн с лордом Карстерсом увидели по другую сторону портала, всего в нескольких футах от себя, центр Лондона. В храме была полночь, а там над городом как раз начинала заниматься заря. Полная луна заходила за башню Биг-Бена, и ее долго скрываемая сторона теперь явила свой лик — оскаленную морду кальмара. Совсем рядом прогрохотал по булыжной мостовой кэб, и никто в нем, похоже, не обратил никакого внимания на магическое окно. Идущие не спеша по тротуару мужчина и женщина смеялись над странным феноменом в звездном небе.

— *Так, значит, это и есть самый могущественный город в мире,* — произнес кальмар, перемежая слова щелчками клюва. — *Хмм, выглядит он на самом-то деле не очень впечатляюще, но надо же мне откуда-то начинать.*

Изящно как балерина, колосс начал шаг за шагом проходить через проем между измерениями, раздавив попутно кэб. На тротуаре же мужчина произнес проклятье, а женщина в ужасе завизжала.

— *Прощайте!* — проревел кальмар; портал начал закрываться, и слова звучали уже как бы издали. — *Храните веру!*

Эйнштейн и Карстерс, не колеблясь, рванули через храм и успели нырнуть вслед за отбывающим кальмаром, прежде чем воронка захлопнулась.

24

В буйном взрыве красок Эйнштейн и Карстерс появились на лондонской улице. По инерции они въехали в упругую как

резина спину колоссального кальмара и, отскочив от нее, болезненно приземлились на булыжной мостовой. В тот же миг оба обнаружили, что снова совершенно голые.

— Знаете, сэр, — проворчал лорд Карстерс, бесцеремонно срывая манто с какого-то дрожащего ошеломленного джентльмена, который остановился у края тротуара, — это средство передвижения никогда не станет популярным.

— Согласен! — пробормотал проф. Эйнштейн, помогая другу разорвать эту накидку пополам и обматывая свою половину вокруг бедер на манер бирманского подгузника.

Деловито пережевывающий лошадей Бог Кальмар не обратил внимания на их прибытие.

Негромко рыгнув, он покончил с легкой закуской и принялся шарить в обломках двухколесного кэба в поисках мертвого возницы, с целью засунуть его в свой похожий на клюв попугая рот.

— Ня-я-ям! — пропел довольный кальмар, и эхо разнеслось по всей улице. В ответ со стуком открылись с десяток окон, высунулись сердитые лица, отвисли челюсти, поднялись вопли, и окна захлопнулись.

— Сюда, юноша, — прошептал Эйнштейн, бросаясь в ближайший переулок и с удивительной быстротой перебирая тощими голенями.

В то время как исследователи зигзагами неслись по глухим лондонским закоулкам, Бог Кальмар перетекал по булыжной мостовой, обозревая свои новые владения.

Так, значит, вот она — нынешняя вершина цивилизации, да?

Неровно горящие газовые фонари тускло освещали ухабистые улицы из камня. Здания лепились друг к другу без всякого учета соображений безопасности или комфорта; деревьев почти не было, а уж запах! В этот грязный город, должно быть, набились сотни тысяч, а то и миллионы людей. Воздух провонял угольной сажей, протекавшая неподалеку река была отравлена сточными водами и промышленными химикалиями. И на все накладывался сильный запах секса и незнакомых наркотиков. Кальмар в полном восторге чуть приобнял самого себя.

Прелестно!

Завернув за угол, монстр остановился при виде толпы людей, собравшихся возле здания, от которого явственно разило спиртным.

Должно быть, таверна, а может, храм, — мудро рассудил кальмар.

— Ого, — воскликнул какой-то пирожник. — Ну и здоровенная спрутина!

А какая-то уборщица прищурилась в попытке сфокусировать взгляд и икнула, не соглашаясь с ним.

— Не, ты спятил, приятель. Из таких штук соус индийский делают — чатни*.

— Во как! — восхитился сильно впечатленный пирожник. — Никогда не встречал ни одной из них в целом виде. Как же их забивают в такие маленькие банки?

— Без понятия. Может, молотками.

— Как думаешь, оно из цирка?

Раздраженный их развязностью, Бог Кальмар выпустил в небо столб пламени, ожидая, что эти примитивные людишки попадают в обморок от слепого ужаса.

А толпа вместо этого разразилась аплодисментами и одобрительными криками.

Это заставило демона остановиться. За время его долгого отсутствия человечество явно прибавило в искушенности. Людей теперь уже не легко поколебать теми простенькими фокусами, которые так хорошо служили ему в Дутаре. Ну что ж, этого можно было ожидать.

Заверещав, словно тысяча терзаемых муками баньши, Бог Кальмар выпучил глаза и прошелся по толпе парой лучей смерти. Десятки людей взорвались при контакте с лучами, превратившись в пыль, остальные же с воплями убежали, и их крики добавились к распространяющейся по городу цепной реакции хаоса.

Созерцая этот нарастающий ад кромешный, Бог Кальмар смахнул кончиком щупальца каплю пота со лба. *Уф! Крепкая толпа попалась.*

Он сгреб в рот несколько трупов поцелее и, некультурно чавкая, отправился дальше в поисках чего-нибудь более аппетитного. Колоссальный демон остановился при виде обгоревшего остова деревянного судна, достаточно крупного, чтобы вместить сотню Богов Кальмаров. С минуту почесав в затылке, кальмар, за неимением плеч для пожатия, озадаченно передернулся всем телом и продолжил путь. Надо будет не забыть спросить кого-нибудь об этом.

* * *

На кухне музея Мэри Эйнштейн с трудом зажгла газовую плиту и поставила на огонь чайник. Ходить с гипсом на левой ноге было крайне неудобно, но ей еще сильно повезло — отделаться при перестрелке с кальмарниками всего лишь переломом. Большинство других дам получили серьезные ранения и нуждались в услугах хирургов. Однако поклонников Бога Кальмара перебили всех до единого, за исключением одного малого в личине Уильяма Оуэна, которому удалось сбежать вместе с тем большим черным котлом с кровью. Мэри понятия не имела, на кой черт он был нужен кальмарникам, но не сомневалась, что Англии это не сулит ничего хорошего.

Последние две ночи Мэри и немногие не пострадавшие из Дамского вспомогательного корпуса при Лондонском Клубе исследователей продолжали нести караул в музее, но никаких нападений больше не предпринималось. Видимо в Англии, или, по крайней мере, в Лондоне, больше не осталось почитателей Бога Кальмара. Несколько ободряло и то, что, после появления горящего ковчега, полиция установила вокруг музея постоянный защитный кордон. *Ну, ладно, лучше поздно, чем никогда.*

Налив себе чаю, Мэри начала, было, класть сахар, но остановилась и прислушалась. Не постучал ли только что кто-то в боковую дверь? Катрина отправилась в город купить новых тигров, а леди Данверс была на крыше с портативной пушкой, которую она называла экспресс-винтовкой, и поэтому Мэри в настоящий момент находилась в музее одна. Даже с учетом армии констеблей на улице это было бы для кальмарников самым подходящим временем для нападения.

В дверь снова постучали, на этот раз громче.

Взяв дробовик «Ремингтон» двенадцатого калибра, Мэри осторожно проковыляла через кухню.

— Кто там? — сладким голоском пропела она, пытаясь казаться пожилой хрупкой леди, одновременно взводя курки дробовика.

— Это мы, дорогая! — послышался голос лорда Карстерса.

Поскольку ее уже раз одурачили таким способом, Мэри отнеслась к этим словам с сильнейшим подозрением. Голос этот определенно походил на голос ее Бенджамина, но в нем слышалось что-то еще. *Одурачь меня однажды — как тебе не стыдно.*

Одурачь меня дважды — и застрели меня за идиотизм, как любил говорить ее дядя.

Крепче сжав в руках дробовик, Мэри осторожно распахнула смотровое окошко и посмотрела наружу. В тени беседки стояли двое. Их рост и очертания соответствовали облику ее дяди и лорда Карстерса, но в их одежде было что-то странное.

— Выйдите на свет, — потребовала она.

— Вообще-то я бы предпочел этого не делать, — возразил лорд Карстерс.

— Это была не просьба, сэр, — заявила недобрым тоном Мэри, наводя из окошка дробовик.

Подняв руки в знак капитуляции, лорд Карстерс быстро подошел к окошку и приблизил лицо вплотную к отверстию. Ухватив подошедшего за нос, Мэри с силой потянула, пока мужчина в испуге не поднял брови.

— Эй, послушайте, — пробормотал лорд Карстерс.

Отпустив благородный хобот, Мэри убрала дробовик и положила руку на засов, но снова остановилась.

— Как вы прошли мимо полиции? — потребовала она объяснений.

— Черт побери, девушка, я же владелец этого участка! — резко ответил из теней проф. Эйнштейн. — С какой стати им не пропускать меня?

— Хотя полицейские здорово посмеялись, — ворчливо добавил Карстерс. — Наглые хамы.

— По существу, наглецы-то как раз мы, юноша, — фыркнул профессор.

— Ах, как остроумно, — саркастически протянул лорд, быстро оглядываясь по сторонам. — Вы на эстраде не пробовали выступать, сэр?

Нахмурившись, Мэри задержала руку на засове. О чем вся эта бессмыслица? Если они на вид и на ощупь казались теми, за кого себя выдавали, то это еще не являлось решающим доказательством того, что это в самом деле они, а не камуфляж магических чар.

— Какое у меня среднее имя? — спросила она, отодвинув засов и положив палец на спусковой крючок дробовика.

— У тебя их два — Елизавета и Виктория, — резко ответил проф. Эйнштейн, привстав на цыпочки, чтобы заглянуть в смотровое окошко. — Оба достались тебе от падчерицы твоей

кузины, которая умерла от инфлюэнцы в день, когда тебе исполнилось два года! На левом боку у тебя шрам, похожий на карту Боливии, — от укуса собаки, а еще я однажды поймал тебя за изготовлением песочных куличиков в Ковчеге Завета. А теперь, будь любезна, открой эту чертову дверь, мы здесь замерзаем.

Годится! Опустив дробовик, Мэри открыла засов.

— Слава Богу, вы оба живы! — воскликнула она, хромая в сторону и распахивая настежь дверь. — Я так беспокоилась за вас обоих!

Мужчины быстро протиснулись в узкий проем и проскочили мимо Мэри, устремляясь через кухню. Посчитав, что их преследуют, женщина захлопнула дверь, задвинула засов, повернулась к ним, взвизгнула, и снова стремительно отвернулась.

— Вы голые! — крикнула Мэри обоям на стене.

— Полу-, — поправил лорд Карстерс, похоже, очень смущенный.

— Извини, девочка, — хрипловатым голосом сказал профессор. — Недостаточность нашей одежды вызвана кое-какими дорожными неприятностями.

Послышались торопливые шаги, приглушенное ворчанье и стук тарелок.

— Милая, твоя нога! — воскликнул лорд Карстерс. — С тобой все в порядке?

Опираясь на дробовик вместо костыля, Мэри жестом показала, что не придает значения этому пустяку.

— Закрытый перелом большой берцовой кости, ничего серьезного.

— В самом деле?

— Ну, ничего серьезного для меня. Но вот Богу Кальмару это стоило около двадцати поклонников, которые теперь стали постоянными гостями лондонского королевского морга!

— Молодчина, девочка! — одобрил проф. Эйнштейн. — Видите, юноша? Говорил же я вам, что она чудесный куратор!

— Да, действительно, сэр.

— Ну, мне помогли, — начала было уточнять Мэри, изучая взглядом узор на обоях. — Вы уже в приличном виде?

— В наполовину приличном, — прогромыхал лорд Карстерс.

Очень медленно повернувшись кругом, Мэри слегка расслабилась при виде дяди, прикрытого одним из фартуков Катрины, в

то время как лорд Карстерс задрапировался в скатерть на манер тоги. Тарелки на кухонном столе все еще подрагивали после того, как он ловко выдернул из-под них скатерть.

Взволнованная их возвращением, Мэри хотела заговорить, но обнаружила, что может лишь таращиться на дядю. Или, скорее, на этого человека, чем-то похожего на ее почтенного родственника.

— Дядя Феликс? — неуверенно спросила Мэри, делая неуклюжий шаг загипсованной ногой в сторону этого человека.

— Что-то случилось, племянница? — робко спросил проф. Эйнштейн, пытаясь переместить фартук, чтобы скрыть свою тайную татуировку. Он всегда знал, что та ночная попойка в Вест-энде однажды еще аукнется ему. Черт бы побрал этого доктора Хайда и его дурацкие химические опыты!

— Твои волосы! — охнула Мэри. — И твое лицо!

— А что с ним такое? — осведомился он, вращая глазами в попытке рассмотреть собственные черты.

Достав из кармана платья зеркальце, девушка передала его профессору. Приглядевшись, тот ахнул от изумления. Его совершенно седая шевелюра сделалась теперь глянцево-черной, лишь с небольшим налетом серебра на висках. Он видел перед собой лицо человека лет сорока с небольшим, а оттопыренная нижняя губа открыла взору полный набор зубов. Даже отверстие в ухе от пыток в Риме залечилось! Быстрый взгляд вниз под фартук заставил его радостно ахнуть. *Татуировка исчезла. Ура!*

— Как такое возможно? — спросил проф. Эйнштейн, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Очевидно, когда ваше целительное заклинание отремонтировало меня, то оно также омолодило произнесшего его, — предположил лорд Карстерс, проведя ладонью по гладкому подбородку. Все имевшие ранее место шрамы исчезли. — Не обижайтесь, сэр, но под конец вы там были словно совершенно неуправляемый ребенок.

— Обижаться тут не на что, юноша, — ответил, улыбаясь все шире, Эйнштейн. — И если я не ошибаюсь, вы тоже вернули те пять лет.

— В самом деле?

— Да!

— Великолепно! — Охваченный радостью, лорд Карстерс издал торжествующий вопль и схватил профессора за руки. Смеясь

как сумасшедшие, исследователи заплясали по кухне, сотрясая тарелки в буфете и столовое серебро в серванте.

— *Не будете ли вы любезны одеться!* — прокричала Мэри, прикрывая глаза. — Это совершенно неподобающе!

Этот призыв побудил их к действию, и мужчины бросились за раздвижную перегородку.

— А где запасные дорожные несессеры, дорогая? — крикнул из-за перегородки профессор.

— В ванной! — ответила Мэри, изо всех сил пытаясь скрыть улыбку. — Я сложила их там вместе со своей сумкой на случай, если вы пригласите меня присоединиться к вашей экспедиции.

— Отважная девушка! — в восторге прогремел лорд Карстерс. Послышался шорох, чиркнула спичка. — Я зажег лампу, профессор!

— Отлично, юноша, — сказал проф. Эйнштейн. — Ванная в той стороне.

— После вас, сэр.

Когда их голоса стихли, Мэри осторожно задвинула закованную в гипс ногу под стол и с облегчением уселась в кресло. Она немного отпила из чашки, но обнаружила, что чай уже почти совсем остыл. А затем, вопреки сохраняющейся серьезности положения, улыбнулась про себя, вспомнив, как двое частично нагих мужчин вальсировали по кухне. Ради такого зрелища она готова когда угодно пить холодный чай!

Давая мужчинам побыть несколько мгновений одним, Мэри с трудом поднялась и, поставив на плиту новый чайник, занялась приготовлением сэндвичей. Когда еда была готова, она проковыляла к двери и прислушалась. Ей удалось расслышать приглушенное бормотание торопливо одевающихся мужчин.

— Так куда же вы отправились? — громко спросила Мэри. — И что там было?

— Сперва в Италию, а потом нас переправили в иной мир, где правила не наука, а магия, — ответил, выходя из коридора, лорд Карстерс. Он снова облачился в костюм «сафари» цвета хаки и обвешался пистолетами. — Не считая этого, то местечко на самом деле довольно скучное.

Подойдя к нему, Мэри положила ладонь ему на руку, и Бенджамин ответил взаимностью. Несколько драгоценных мгновений ни он, ни она не говорили ни слова, оба упивались чудом и величием присутствия друг друга.

— Но ведь дядя теперь моложе? — спросила Мэри, разбивая чары. — И вас как-то ранили?

— В самом деле, помолодел, дорогая, и очень сильно, — сказал проф. Эйнштейн, отталкивая в сторону раздвижную дверь. Его рубашка цвета хаки не была как следует застегнута и казалась на размер меньше, чем требовалось. Но профессор тоже был увешан небольшим арсеналом смертоносных железок. — К счастью, я смог воспользоваться местной магией, чтобы починить его для тебя.

Внезапно осознав, в какой скандальной позе они стоят, лорд Карстерс и Мэри Эйнштейн мигом согнали с лиц улыбки и медленно перевели взгляды на профессора. Руки их по-прежнему соприкасались; лорд Карстерс покраснел и откашлялся, тогда как Мэри попыталась заговорить, но не смогла издать ни звука.

— Да-да, я знаю, вы влюблены друг в друга. Чудесно, — нетерпеливо промолвил профессор. — Племянница, я даю тебе разрешение выйти замуж. Он отличный человек.

— Спасибо... дядя, — поблагодарил профессора лорд Карстерс, убирая руку. Затем лорд опустился на одно колено: — Дорогая, знаю, сейчас не самый подходящий момент...

— Да, совершенно определенно неподходящий, Банни, — перебила Мэри, делая жест в сторону кухонных стульев. — Попробуй официально попросить моей руки завтра, после того как мы немного отдохнем, в чем сильно нуждаемся. — *Так же, как в кольце. Ох уж эти мужчины!* Усевшись, Мэри помассировала побаливавшее бедро. — А сейчас я хочу услышать все подробности. Как вы остановили Бога Кальмара?

Лорд поднялся, профессор потоптался на месте, и мужчины украдкой переглянулись.

— Вы ведь его остановили, — потребовала подтверждения Мэри, постукивая по полу здоровой ногой. — Правильно?

Ночь наполнил грохот отдаленного взрыва.

— В библиотеку, — бросил профессор.

Все трое быстро, насколько могли, переместились в соседнюю комнату. Проф. Эйнштейн рывком раздвинул шторы, открывая взорам панораму Лондона. Значительная часть города была охвачена пожарами, и в их ужасных отсветах виднелся чудовищный кальмар, который был выше, чем Биг-Бен. Кальмар оторвал от земли небольшое здание и вытряхнул из него жильцов в свою зияющую пасть.

— Господи Боже, — прошептала Мэри, вцепившись для опоры в спинку кресла.

С крыши музея донесся резкий звук выстрела из крупнокалиберной винтовки, за которым последовали еще несколько.

— Что это? — спросил профессор Эйнштейн, взглянув на потолок.

— Судя по звуку, это «Нитро-экспресс-475» фирмы «Холланд&Холланд», — определил лорд Карстерс, приставив к уху ладонь. — Старая модель, заряжается вручную, в патронах используется состав пороха, предпочитаемый Клубом исследователей.

— Так и есть, юноша, — задумчиво пробормотал Эйнштейн, хотя и не смог заметить ни одной из этих подробностей. Однако звук действительно говорил о том, что стреляли из очень большого ружья. — Племянница, а не леди ли Данверс у нас там прогуливается?

Не в состоянии оторвать глаз от панорамы Лондона, Мэри просто кивнула в ответ.

— Она на площадке на крыше, высматривает поклонников Бога Кальмара, — ответила Мэри, обнимая дробовик. — Не сомневаюсь, она была неприятно удивлена, увидев его самого.

У проф. Эйнштейна закололо в животе; он вынужден был признать, что сказанное произвело на него сильное впечатление. Разгуливает по крыше совсем одна? Вот это женщина, эта Пенелопа Данверс!

Пламя над городом поднималось все выше, а громадный кальмар принялся жонглировать лошадьми, отправляя всех поочередно в рот, словно леденцы. Содрогаясь от отвращения, лорд Карстерс задернул шторы. Обняв Мэри одной рукой за талию, лорд бережно помог покалеченной женщине вернуться на кухню. Через несколько секунд к ним присоединился проф. Эйнштейн, лицо которого превратилось в мрачную маску.

— Он намного крупнее, чем был раньше, — сказал он, спотыкаясь по пути к столу.

Взяв командование на себя, Карстерс налил по чашке горячего чая и все торопливо его выпили. Это помогло, но не сильно.

— А виски есть? — спросил лорд Карстерс.

— В буфете, юноша, — ткнул большим пальцем через плечо проф. Эйнштейн.

— Все кончилось, — тут же возразила Мэри. — Катрина пустила весь годовой запас виски на изготовление зажигательной бомбы.

— Вот молодец, и как, сработало?

— Привязали к керосиновой лампе, зрелище было что надо.

— Отлично! Обязательно запомню этот трюк, — сказал профессор, окидывая взглядом кухню. — А кстати, где наша кухарка?

Мэри, помрачнев, отвернулась.

— Делает кое-какие покупки в городе.

Из Лондона донесся еще один взрыв, и профессор взглянул в сторону библиотеки.

— Ну и ну, — тихо произнес он.

С крыши продолжала стрелять винтовка «Нитро-экспресс». Затем что-то загремело по кровле, карнизу, с музыкальным звоном отскочило от водосточного желоба и гулко приземлилось на вымощенную каменной плиткой дорожку с красноречивым металлическим звяканьем израсходованных боеприпасов.

— Что за храбрая женщина, — снова восхитился проф. Эйнштейн, глядя вверх. —Эх, надо было мне жениться на Пенни, пока была возможность, но такое уж мое везение.

— Вздор! — фыркнула Мэри, со стуком опустив чашку на стол и разбив фарфоровое блюдечко. — Свое везение, дядя, мы создаем себе сами. Ладно, что нам теперь делать?

— На мой взгляд, — промолвил профессор, откусив сэндвича с огурцом, — у нас есть два варианта действий.

— Три, — возразил лорд Карстерс, намазывая маслом горячую пшеничную лепешку.

— Бегство я не считаю за вариант, юноша.

— Так же, как и я.

— В самом деле? Тогда говорите первым.

Поглощая выпечку, Карстерс взял чашку чая и сделал большой глоток. Ах, чай! Для любого истинного англичанина он был все равно, что кровь для вампира.

— Во-первых, мы можем попытаться вернуться в магическое измерение, — сказал лорд, наклоняясь поближе к профессору. — Приобрести еще одну магическую книгу и найти способ вернуться с нею сюда. Хотя я лично считаю этот план невыполнимым.

Снаружи донесся грохот рушащегося здания, сопровождаемый криками сотен людей. В ответ «Нитро-экспресс» бабахнул мощным дуплетом.

— Совершенно согласен, — придвинулся поближе к собеседнику и проф. Эйнштейн. — Но я вот что думаю: ввиду своей эфирной природы, все демонические создания обладают какой-то одной важной слабостью. Чем-то, что привязывает их к материальному миру. Вампира можно убить осиновым колом. Оборотня — серебряной пулей...

— На самом-то деле, — перебил, деликатно кашлянув и сжимая в кулак пальцы левой руки, лорд Карстерс, — у оборотней есть две слабости.

— Вот как? — переспросил профессор. — Очень интересно, юноша, потом расскажете мне об этом.

— Конечно.

— Так или иначе, второй наш вариант состоит в систематических ударах по кальмару оружием, созданным на основе всех химических соединений, какие у нас есть. Путем проб и ошибок, мы в конечном итоге обнаружим что-то полезное.

— По-моему, крайне маловероятно, что мы обнаружим что-нибудь достаточно скоро, чтобы принести какую-то пользу Лондону, — заметила Мэри, нервно почесываясь под гипсом и одновременно шевеля пальцами ноги. — А каков наш третий вариант?

Потягивая чай, лорд Карстерс смахнул крошки с рубашки.

— Всегда есть шанс, что военные убьют этого зверя. Британская армия — самая могучая, самая преданная своему делу боевая сила на Земле, располагающая самым лучшим оружием!

К какофонии отдаленных звуков присоединился траурный вой пожарной машины. С крыши снова бабахнуло, и сразу же последовало звяканье выброшенных гильз.

— Нет, серьезно, — настойчиво спросила Мэри. — Что мы можем сделать?

Проф. Эйнштейн ответил тяжелым вздохом, идущим из самой глубины души.

— Честно говоря, не представляю, племянница.

Мэри без комментариев крепко сжала руку Бенджамина, ее тонкие пальчики почти утонули в его ручище. Поигрывая ложкой, профессор не по-джентльменски положил локоть на стол и прислушался к нарастающим звукам разрушения Лондона.

— Это может быть началом конца света, — мрачно произнес проф. Эйнштейн.

* * *

Громко топоча по тротуару, запыхавшийся констебль со стуком распахнул дверь в центральный столичный участок.

— Эй! — крикнул он группе возбужденных полицейских, толкущихся внутри. — По Ватерлоо-роуд прет чертовски здоровенный кальмар!

— Знаем, — отозвался дородный сержант, бросая ему карабин.

Поймав его, констебль ошеломленно вытаращился на оружие. Он с самого обучения не держал в руках винтовки!

— И это тоже, — громко добавил сержант, передавая констеблю объемистый брезентовый ранец военного образца.

Ранец оказался удивительно тяжелым, и, открыв его, констебль обнаружил внутри дюжину коробок с патронами. *Черт побери!*

— Какие будут приказания, сэр? — с трудом спросил констебль, передергивая затвор и заряжая оружие.

— Поддерживать порядок и приготовиться к эвакуации, — отрывисто ответил сержант. — Плюс, стрелять на месте любых мародеров. И если выйдет, всадить несколько пуль в Лох-несское чудовище.

В помещении постепенно наступила полнейшая тишина.

— Разрази меня гром, но это ведь на самом деле не оно, верно? — спросил кто-то под перестук собственных задрожавших коленей.

Проверяя свой «Веблей», старый сержант нахмурился.

— Кто знает? Мне наплевать, откуда оно — с Марса или из Бермудского треугольника! Наша задача — охрана общественного порядка. А с этой мерзостью обойдутся, как надо, военные.

При этом объявлении лица у констеблей просветлели, и на душе у них заметно полегчало. И то верно. Какой же захватчик мог бы противостоять против мощи Королевской Британской армии!

25

Сорвав крышу со склада на Колледж-стрит, Бог Кальмар сожрал сырую рыбу и говяжьи бока, безостановочно отправляя в рот еду двумя канатоподобными щупальцами. *Ах, пока не вернешься, нипочем не поймешь, как сильно тебе недостает домашней еды!*

А на земле группа кричащих людей разбила фонари о бочки с маслом и вскоре весь склад охватил пожар. Крики сменились торжествующими воплями, когда пожар распространился, но раздраженный кальмар вышиб горящую стену и печально двинулся дальше. *Поджаренная еда? Тьфу.*

Неуклюже двигаясь через мост Хамберфорд и обрушивая за собой в реку куски каменной кладки, кальмар добрался до набережной Чаринг-кросс. Протянув с берега щупальца и схватив перегруженную гребную шлюпку, кальмар, причмокивая, высосал из нее моряков словно устрицу из раковины, а затем проглотил заодно и лодку — в качестве грубой пищи, для лучшей работы желудка. Проигнорировав «Писательский клуб» как недостойный внимания, кальмар съел телегу молочника вместе с возчиком, лошадьми и стеклянными бутылками, а затем проследовал по улице, пока не наткнулся на Иглу Клеопатры[1]. *Гмм.*

Кальмар лениво обвил щупальцем нижнюю половину обелиска и толкнул. Камень раскололся пополам, и кальмар принялся использовать монумент в качестве зубочистки, выковыривая что-то, застрявшее у него в клюве. По какой-то причине это обидело местных больше, чем все, что он натворил до сих пор. *Он такой странный.*

Когда кальмар начал перебираться через железнодорожные пути, прямо на него с головокружительной скоростью помчался паровоз. В нем машинист и кочегар дружно бросали лопатами уголь в ревущую топку, хотя машина и так уже неслась на всех парах, и котел был готов взорваться от нарастающего давления. Летящий как ракета мощный паровоз уже почти достиг Бога Кальмара, когда монстр выбросил несколько щупалец и сдернул локомотив с

[1] Игла Клеопатры — принятое в Великобритании название обелиска из розового гранита установленного в 1878 г. на набережной Темзы. Это один из двух обелисков воздвигнутых ок. 1500 г. до н. э. у храма в г. Гелиополе, в Египте.

рельсов. Заухав от восторга, кальмар ухватился за главные ведущие колеса и радостно захихикал, когда локомотив закрутился на месте словно волчок. Вскоре эта игрушка ему наскучила, кальмар дернул щупальцем, и паровоз взмыл ввысь над городом.

Не видя больше поездов, кальмар потек дальше вдоль реки, поедая лошадей, людей и небольшие здания в безостановочной оргии нечеловеческого обжорства.

* * *

На главной улице по булыжной мостовой зацокали подковы, и в поле зрения выехала рота королевских драгун в полном составе. Остановившись на перекрестке, побледневшие всадники поправили свои зеленые мундиры, взяли на руку смертоносные шестиярдовые пики и приготовились к атаке. В поисках врага, майор, нахмурясь, поднес к глазам полевой бинокль, а затем, при виде кальмара, чуть не втянул вместе с воздухом в рот и усы.

— И мы должны выступать с саблями и пиками против *этого*? — завопил майор. — Эти дураки на Даунинг-стрит совсем с ума посходили?

Не дожидаясь ответа, толстый майор повернулся к своим и проревел:

— Драгуны, отступаем!

— Ты поганый трус! — завизжал какой-то капрал, отпуская поводья. И, выхватив пистолет, солдат застрелил офицера.

— Драгуны! — взревел капрал. — В атаку!

Однако трубач все равно сыграл отступление. К несчастью, драгуны и солдаты были заняты попытками удержать в узде лошадей, которые пронзительно ржали и взбрыкивали в отчаянном ужасе при виде невероятного зрелища: уже нависшего над ними громадного кальмара...

* * *

Майор на крыше неподалеку скривился на царящий внизу хаос. *Проклятая кавалерия!*

— Лейтенант! — крикнул он, — прикажите 104-му и 57-му занять позиции на этих крышах! Кавалеристы хуже чем бесполезны. Хайлендерам[1] придется удерживать улицу! Отправьте связного в полевой штаб; чтобы убить эту проклятую тварь, нам понадобятся пушки!

Затрубили, передавая приказ, сигнальные горны, и солдаты разбежались по местам.

Тем временем бойцы на улице открыли стрельбу по монстру, который только что разорвал на куски сиротский приют в поисках, чем бы перекусить.

— Рота, прекратить огонь без команды! — яростно крикнул сержант-знаменщик, подрагивая ощетинившимися усами. — Стрелять будете по моему приказу! В две шеренги для стрельбы залпами — становись!

С отработанной частыми упражнениями легкостью солдаты быстро построились поперек улицы в два ряда, оставив тротуар свободным для пробегающих штатских.

— Это апокалипсис! — крикнул какой-то мужчина, размахивая библией.

Другой малый сшиб его с ног, отнял библию и был живо застрелен констеблем.

Мимо сплошным потоком бежали сотни других людей всех мыслимых степеней одетости. Чистый трубочист, мясник с тесаком в руке, гологрудая женщина, шайка оборвышей и группа мужчин и женщин, несущих высокого человека с кувшином виски.

— Что, грите, он на самом деле там? — спрашивал этот пьяница. — Вот дерьмо! Ходу, ребята!

— И так бежим, приятель! — крикнул один из несших его. — А теперь заткнись и не трепыхайся!

Толпа, казалось, приободрилась, увидев стоящих наготове солдат, и многие, пробегая во все лопатки мимо строя, крикнули «ура».

— Спокойно, — произнес успокаивающим тоном сержант. — Судный день или нет, вы будете выполнять приказы, а не то ответите передо мной.

К тому времени, когда кальмар заканчивал обшаривать подвал, большинство штатских уже миновало шеренги. Тварь по-

---

[1] Хайлендеры (горцы) — солдаты шотландского Хайлендского полка.

требила последнего питбуля, вежливо рыгнула и повернулась в сторону солдат.

Ах, радостно подумал демон-кальмар. — *Я просто обожаю человека в форме.*

— Огонь! — крикнул лейтенант, и тут же дружно грохнули винтовки переднего ряда. — Вперед!

Четко выполняя команду, первая шеренга опустилась на колено, перезаряжая винтовки, в то время как вторая шеренга взяла кальмара на прицел.

— Огонь! — крикнул майор, и винтовки второй шеренги отозвались идеально дружным залпом.

— Вперед! — Вторая шеренга шагнула вперед первой, опустилась на колено и принялась перезаряжать оружие. Первая шеренга встала.

— Огонь! Вперед!

— Огонь! Вперед!

— Огонь! Вперед!

— Огонь! Вперед!

Бог Кальмар с кривой ухмылкой наблюдал за всеми этими маневрами. Солдаты четко и ровно наступали по улице, и пули их попадали в него с механической точностью. В бой вступили стрелки на крышах, и теперь адского зверя поражали залпы со всех сторон. Затем к атаке присоединились еще новые силы. Залпы перешли в массированный обстрел, пули летели градом, катился просто вал огня!

Сосредоточенно наморщив пятнистый лоб, кальмар прикинул, что солдаты подойдут в пределы досягаемости его щупалец примерно через пять минут. Этот ритуал самоубийства выглядел довольно впечатляюще. Поэтому кальмар расслабился и стал смотреть спектакль, дожидаясь прибытия обеда.

* * *

А в военном министерстве на Уайт-холле возглавляющий Королевские вооруженные силы Ее Величества генерал оторвал взгляд от карты театра военных действий и поднял голову на звук послышавшихся из коридора шагов. Дверь со стуком распахнулась, и вошел премьер-министр Бенджамин Дизраэли.

— Ну? — отрывисто бросил Дизраэли, обходя группу суетящихся клерков. — Какого дьявола там происходит? Докладывайте!

— Положение неважное, премьер-министр, — сообщил генерал МакТиг, глянув в окно. — Население в панике, происходят серьезные беспорядки. Полицию вооружили, чтобы успешнее пресекать любые проявления мародерства. В городе пять тысяч солдат, и уже подняты резервы. Конную гвардию разделили — половина поможет заштопать прорехи в нашей оборонительной дуге, а остальные направляются к Букингемскому дворцу.

— Звучит весьма неплохо, — решительно сказал премьер-министр. — Отлично!

— Нет, не отлично, — сердито возразил МакТиг. — Мы развернули в нескольких местах полевые госпитали, но в них пока не было необходимости.

— Как такое может быть? Ведь это чудовище опустошило несколько квадратных миль города!

— Потому что эта тварь, мистер Дизраэли, всех встречных пожирает. Никаких раненых нет.

Это мрачное сообщение заставило премьер-министра сделать знак подать ему кресло, и какой-то капрал поспешил исполнить распоряжение.

— Какова ситуация с развертыванием флота? — спросил, тяжело опускаясь в кресло, Дизраэли.

В окружении штабистов генерал МакТиг подошел к размещенной на стене большой карте Лондона.

— На подходе четыре бронированных канонерки, два эсминца и десять плавучих батарей. Как видите, эта тварь все еще достаточно недалеко от реки, и флот может довольно легко достать ее из своих орудий.

— А если это просто погонит чудовище в глубь острова?

— Нет, премьер-министр. Потому что мы уже развернули артиллерийские позиции у Сент-Клементса, Блэкфрайарза, Лестера и Чаринг-кросса, — заверил премьера генерал, показывая позиции на карте. — Монстр попадет под перекрестный огонь, и ему будет некуда бежать.

— Превосходно!

Сурово сдвинув брови, МакТиг вернулся к оперативному столу. Карту Лондона покрывали цветные стрелы и флажки, показывающие дислокацию войск; большой клубок шпагата рядом

с отелем «Стрэнд» отмечал текущее местонахождение Твари. В министерстве имелись фигурки для обозначения немецких канонерок, русских воздушных шаров и даже американской кавалерии, но кто же мог предвидеть *такое*?

— Я лишь надеюсь, что этого будет достаточно, — тихо добавил генерал.

— Что вы имеете в виду? — переспросил премьер-министр Дизраэли, беря поданную помощником чашку чая. — План этот кажется довольно неплохим!

— Но вы не видели эту проклятую тварь, сэр, — ответил генерал, обратив остановившийся взгляд на затянутый дымом город. — А я видел.

* * *

Мокрый от пота офицер рубанул саблей, освобождая зашоренных упряжных лошадей от большой пушки на колесах. Другой офицер отдал приказ, и расчеты в лихорадочной спешке развернули орудие на улице перед церковью Сент-Клементс, в то время как другие солдаты осторожно выгружали из набитой соломой повозки 12-дюймовые снаряды. Перекресток заполнили выстроенные широким полукругом сорок разнокалиберных пушек, включая корабельные и осадные орудия, крепостные пушки и даже несколько массивных гаубиц полевой артиллерии.

Постоянно подъезжали новые десятки фургонов, подвозя снаряды и порох, хотя взрывчатки на этой позиции и так уже скопилось столько, что можно было уничтожить Гибралтар. Орудия главного калибра, крепостная и осадная артиллерия были направлены к западу, на Стрэнд — наиболее вероятный участок подхода чудовища. Корабельные орудия, усиленные полевой артиллерией, были развернуты на северо-запад, на Олдвич, и юг, на Милфорд-лейн, просто на всякий случай.

Возглавляющий этот артиллерийский форпост полковник немного глотнул из фляги. Он знал, что схожие позиции оборудованы и на других критических перекрестках, но относительно оборонительных укреплений у Букингемского дворца мог лишь догадываться. Слава Богу, что эта скотина двигалась в ином направлении.

Вскоре освобожденные от смертоносного груза фургоны выкатили на позицию и опрокинули, образовав примитивную баррикаду. Между спицами колес поместили связки острых как бритва пик, а под ящики с гвоздями спрятали бочки пироксилина с быстрогорящими фитилями.

В нескольких кварталах от этой позиции рухнуло небольшое здание, и Бог Кальмар принялся обшаривать развалины.

— Эта проклятая тварь, кроме как жрать и убивать, что-нибудь еще делает? — спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, один сержант.

— Ничем другим пока не занималась, сержант, — ответил капрал. — Хотя, по всему, ей уже и в отхожее место пора бы.

— Она становится все больше, — заметил рядовой, беря поудобнее винтовку «Генри». — Чем больше она ест, тем крупнее становится. Не жирнее, заметьте, а больше размерами.

Другие солдаты побледнели от этой информации, но продолжали работу с удвоенным рвением.

— Развернуть все орудия! — проревел полковник, не обращая внимания на пробежавшую у него по спине струйку пота.

В согласованном движении угрюмые солдаты облепили орудия и развернули их пока все стволы не были направлены на чудовищного моллюска.

— Наведены и заряжены, сэр, — козырнул лейтенант.

— Огонь! — крикнул, взмахнув кулаком, полковник.

Град снарядов обрушился на кальмара. Были задеты также несколько зданий рядом с ним, и разрывы не попавших в цель снарядов буквально начинили чудовище кусками гранита как шрапнелью. Когда дым рассеялся, из тела кальмара капала зеленая кровь. Однако, как ни странно, было похоже, что все повреждения ему нанесла только эта шрапнель, в то время как снаряды, попавшие прямо в него, — вообще никаких.

Излучая чудовищную ярость, Бог Кальмар обратил пылающий ненавистью взгляд на скопление солдат. Из выпученных глаз снова вырвались лучи смерти, и первая шеренга просто взорвалась, превратившись в кровавый туман.

Неистово хватая снаряды, оставшиеся в живых быстро перезаряжали орудия. Полковник попытался что-то сказать, но из его горла вырвался лишь пронзительный визг. Ординарец подал ему флягу с шотландским виски и офицер сделал торопливый глоток. Получив заряд энергии, офицер сумел прореветь:

— Ого-онь из всех ор-р-рудий!

Одна за другой пушки заговорили вновь. На этот раз все снаряды попали точно в наступающего кальмара, не причинив тому никаких заметных повреждений. Заухав боевой клич, кальмар увеличил скорость, и когда он перелезал через баррикаду, сдетонировали спрятанные бочки с пироксилином. Улицу наполнил гром взрыва, по всему телу кальмара пробежала заметная рябь, глаза его выпучились, а из ранее незаметных ушей вырвались струйки дыма. Левиафан заколыхался и покачнулся. Военные затаили дыхание. Глаза кальмара вернулись в орбиты и уставились на солдат. Подняв два щупальца и открыв взорам свою нижнюю часть словно танцовщица, исполняющая игривый французский канкан, кальмар выплюнул из клюва тучу гвоздей. Погнутое железо ураганом пронеслось над батареей, кося солдат целыми отделениями. Завопили раненые, сдетонировали пороховые заряды, а кальмар продолжал наступать.

Охватив щупальцами весь перекресток и выворачивая огромные куски мостовой, кальмар отрезал все возможные пути к отступлению. Оказавшиеся в ловушке, но еще не разбитые, британские солдаты храбро разряжали в зверя револьверы и винтовки, в то время как другие пустили в ход сабли, пики и штыки.

Совершенно неуязвимый для металлического оружия, кальмар просто загребал сопротивляющихся людей в свою ненасытную пасть длинными плавными движениями. Пережевывая вкусное угощение, кальмар обдумывал действия людей. *Если они поднимают такой большой шум, то будет логичным предположить, что вон в том богато украшенном здании у небольшого озерца живет их вождь. Превосходно! Если съесть императора, суматохи и веселья будет еще больше.*

Когда солдат больше не осталось, гигантский кальмар дочиста облизал клюв и двинулся в западном направлении — прямо к Букингемскому дворцу.

* * *

Высокий худощавый мужчина созерцал нарастающее разрушение из окна во втором этаже частного дома.

— Доктор, скорей сюда! — крикнул он, откладывая в сторону пенковую трубку. — Похоже, Лондон разоряет какой-то гигантский кальмар!

— Да бросьте, старина, — ответил из глубины квартиры глуховатый голос. — Это всего лишь еще одна из ваших кокаиновых галлюцинаций.

— Да нет, клянусь вам! Колоссальный кальмар! — настаивал худощавый, разглядывая монстра в подзорную трубу. — Я бы сказал, дутарианский... Возраст — примерно четыре тысячи лет.

— Чепуха! — фыркнул его полноватый собеседник, выходя вперевалку из соседней комнаты. — Ну как, черт возьми, вы могли определить его возраст, просто взглянув на эту тварь?

— Элементарно, мой дорогой Джон. Видите ли...

Но цепь рассуждений была прервана прибытием паровоза, который прилетел с неба и грохнулся на квартиру. Подобный падению метеорита удар сровнял с землей весь дом, оставив только стайку воющих уличных мальчишек на мостовой да запах свежеиспеченного хлеба.

* * *

На другом конце Лондона взвод солдат с трудом тащил тяжелый завернутый в брезент предмет по сырому переулку позади отеля «Морли», что на Трафальгарской площади. Предмет был больше беременной коровы и казался тяжелей, чем первородный грех. Над крышами кирпичных зданий, выстроившихся вдоль этой улочки, виднелась лишь самая малая часть чудовищного кальмара.

Лейтенант Кертис быстро сверился с картой.

— Это здесь. Таверна «Лев и Орел». Сержант, быстро ломайте дверь.

Один сильный пинок старшего сержанта МакСкотта сделал портал проходимым, и взвод хлынул в таверну. Кладовая пустовала, ни единой души не было и в баре. На стойке лежали деньги, а на усыпанный опилками пол все еще капало пролитое пиво.

Подойдя к ставням, лейтенант осторожно приоткрыл их ровно настолько, чтобы увидеть занявшие всю улицу за окном несколько пятнистых щупалец незваного гостя. Идеально!

— Отодвиньте столы, — прошептал лейтенант Кертис, обводя рукой бар. — Вон туда и туда! А теперь быстро, ребята! Живо!

Вскоре взвод расчистил пространство перед окном, и, облегченно крякнув, они расположили там свой груз.

Достав из сумки на боку небольшую жестяную банку, капрал Мурхаус пошел смазывать петли ставен, в то время как остальные, разрезав веревки и сняв чехол, открыли взорам сверкающий механизм новенького, с иголочки, пулемета «Гатлинг».

Покоящееся на тяжелой чугунной треноге массивное орудие состояло из цилиндрического казенника, из которого торчали соединенные кольцом восемь стволов. В открытый кожух сверху подавались патроны, а большая ручка управляла орудием. В свете масляных фонарей суперооружие блестело, словно дар небес.

— Принесите из погреба несколько бочек, — приказал лейтенант. — Они дадут хоть какую-то защиту от вылетающих стекол.

Повернувшись кругом, Кертис добавил:

— Вы четверо! Укройтесь за стойкой и будьте готовы, в случае чего, прикрывать огнем из винтовок.

Солдаты поспешили выполнять приказ и принялись заряжать оружие.

Приблизившись к окну, сержант МакСкотт нервно подергал себя за бакенбарды.

— Каков будет план атаки, сэр? — тихо спросил он у лейтенанта.

— Нам предстоит обрубить щупальце, — ответил лейтенант, следя за ходом подготовки. — Ну-ка, вон там, затяни этот болт, парень, а не то первый же выстрел станет для нас последним!

Сержант почесывал голову под фуражкой и, похоже, нервничал.

— Прошу прощения, сэр, но разумно ли это? Раненый зверь будет намного опасней.

— Он направляется к Букингемскому дворцу — к королеве! И мы собираемся не ранить зверя, а убить его! Эти пули покрыты антикоагулянтом.

Наморщив лоб в раздумьях, МакСкотт помолчал, прежде чем ответить.

— Ну да, конечно, сэр. Я понимаю.

— Кровь не будет свертываться, и тварь умрет от потери крови, — пояснил лейтенант Кертис.

— Чертовски здорово! — воскликнул сержант МакСкотт, сразу же понизив голос. — С этим фокусом наши ученые мужи и впрямь вытащили из шляпы зайца!

Опустившись на колени среди опилок, лейтенант помог рядовому подсоединить к пулемету патронную коробку. На латунных гильзах виднелись маслянистые полосы.

— На самом-то деле, этот химический состав — немецкое изобретение, — ответил Кертис. — Придуман ими во время Событий.

— О, — нахмурился сержант МакСкотт. — Ну, все равно, славная идея, сэр.

В скором времени верхний лючок был закрыт и зафиксирован, затвор передернут, а рукоятка приведена в боевое положение.

Шум боя за стенами таверны постепенно нарастал, пока не превратился в нескончаемый рев.

— Готово к действию, лейтенант, — доложил, четко отдав честь, капрал Мурхаус.

Встав и стряхнув с брюк опилки, лейтенант Кертис затянул потуже ремешок каски.

— Приступайте, мистер Мурхаус.

Вкладывая все силы, капрал принялся вращать огромную ручку. Восемь стволов с громким тарахтением завращались. Долю секунды спустя, верхнее дуло изрыгнуло стрекочущую, грохочущую, стремительную струю свинца. Вдребезги разлетелись стекла, и находившееся по ту сторону окон щупальце мигом оказалось разорванным на куски бешеной яростью четырехсот выстрелов в минуту!

* * *

Содрав с ближайшего здания горгулью, чтобы швырнуть ее в один особенно смелый артиллерийский расчет, кальмар почувствовал зуд в основании четвертого щупальца и дернул мускулом для устранения мелкого неудобства.

* * *

Таран из плоти вломился в бар, опрокинув пулемет и кроша солдат, пропахал насквозь всю таверну и достал до переулка.

— Отступаем! — крикнул лейтенант Кертис.

Щупальце хлестнуло по стойке, расшвыривая в разные стороны бутылки и тела. Один зажатый в углу солдат выстрелил по молотящему отростку из винтовки и случайно попал в масляный фонарь. Охваченное пламенем, щупальце быстро убралось, уничтожив по пути еще несколько столов и людей. Когда застонали потолочные балки и стены начали рушиться, немногие уцелевшие солдаты выскочили из разрушенной пивной, стреляя на каждом шагу по проклятой твари.

Добравшись до переулка, солдаты прикинули потери, подсчитали погибших и с отработанным профессионализмом перезарядили оружие.

— Пр-р-роклятье, — бушевал капрал Мурхаус, гневно бросив фуражку на мостовую. — Неужто эту зверюгу ничем не проймешь?

— Огонь, — подсказал, прислонясь к стене, тяжело дышащий рядовой. — Она... не любит... огня.

— Ну-ка объясни, сынок, — потребовал Мурхаус, и солдат послушно сообщил то немногое, что видел своими глазами.

Медленно выпрямившись во весь рост, решительный капрал шмякнул себя кулаком по ладони.

— Черт возьми, если б у нас только была какая-то штука вроде греческого огня — окатить им эту тварь из шланга! — яростно выдохнул он.

По другую сторону от горящей таверны кальмар двинулся дальше по улице, сопровождаемый грохотом пушек и воем снарядов.

— Из шланга, — повторил, словно эхо, рядовой, потирая подбородок. — А как, скажем, насчет пожарной машины, тока с минеральным маслом заместо воды?

Расхохотавшись, сержант Мурхаус хлопнул бойца по плечу.

— Блестяще, сынок! Мы еще спасем Лондон, и многих из нас ждет крест Виктории[1]! Вперед, мальчики!

---

[1] Крест Виктории — высший военный орден Великобритании, даваемый за боевые подвиги.

Ухмыляясь как маньяки, солдаты, придерживая фуражки, рванули с места и рассыпались в поисках пожарной части.

* * *

Белое кружево облаков лениво проплывало мимо британского воздушного шара — корабля Ее Величества «Небоход». Воздушный шар покрывали красочный «Юнион Джек» и прочная сеть, соединенная канатами с простой плетеной корзиной.

В корзине находились двое британских аэронавтов, несколько плетеных корзинок с крышками и герметичный бак, соединенный с установленной под горловиной шара горелкой. Дрожащая стрелка прибора на баке показывала давление его газообразного содержимого, а из горелки вырывалось шипящее пламя, нагнетая в шар столб перегретого воздуха. Настоящая летающая машина, «Небоход» был чудом века и самым грозным оружием в прославленном британском арсенале разработанных учеными боевых машин.

Воздушный шар легко парил, влекомый вечерним бризом. Майор Брейтуэйт осторожно пошевелился в гондоле и осмотрел горизонт в бинокль. Рядовой Янгерфорд тем временем вставил в армейский арбалет стрелу со стальным наконечником и приготовился выстрелить.

— А, вот и он. Швартовочный линь готов? — спросил майор, положив руку на край плетеной корзины.

Наклонившись против ветра, рядовой чуть поправил прицел тяжелого арбалета.

— Так точно, шкипер! — ответил Янгерфорд. Вообще-то Королевский воздушный корпус не относился к флоту, но употребляя просоленные морские словечки, рядовой чувствовал себя как-то лучше.

— Тогда действуй, сынок, — грубовато приказал майор Брейтуэйт, опуская бинокль.

Кивнув, рядовой Янгерфорд нажал на спусковой рычаг. Резко щелкнула тетива; арбалетная стрела со свистом рассекла воздух и вонзилась в ствол дерева в парке неподалеку от статуи лорда Нельсона. Когда линь туго натянулся, воздушный шар, слегка вздрогнув, завис.

Хотя майор Брейтуэйт был очень доволен, он не стал хвалить этот выстрел, поскольку парня и отправили в полет именно за снайперскую меткость в стрельбе из арбалета. Ну, и еще потому, что из всех кандидатов только он не страдал от воздушной болезни во время тренировок.

Под «Небоходом» широко раскинулся затянутый дымом город Лондон, и на улицах, казалось, царило безумие. Только Трафальгарская площадь выглядела странно пустой — ни штатских, ни солдат, — и майор заподозрил тут какую-то ловушку для кальмара.

Ну, после того, как мы покончим с этим гадом, она и не понадобится! — подумал Брейтуэйт, не боясь противоречия. *Черт возьми, он, бывало, каждую субботу поедал горы жареных кальмаров, наблюдая за игрой в шинти — шотландскую разновидность хоккея на траве. А теперь такой вот разносит столицу королевства? Не пойдет!*

Снова подняв к глазам бинокль, майор Брейтуэйт подправил фокус и окинул взглядом всю панораму, высматривая подробности. Повсюду пылали небольшие пожары, многие здания отсутствовали, а за гигантским кальмаром тянулся след всеобщего разрушения. Глянув чуть дальше, Брейтуэйт увидел запрудившие улицы толпы жителей, пытающихся спастись бегством. Только какая-то толстушка, судя по одежде — кухарка, в одиночку вела бой возле магазина экзотических домашних животных, стреляя по титаническому зверю из револьвера. *Ай да молодчина, мисс!*

Однако даже на такой высоте майор Брейтуэйт мог слышать крики и вопли населения наряду с непрерывной артиллерийской стрельбой и взрывами. Майор устало вздохнул. Не так давно схожая сцена на улицах Лондона побудила его вступить в армию. Подкручивая настройку оптики, Брейтуэйт нахмурился. Как странно, черт возьми. С этой высоты он должен бы заметить Иглу Клеопатры. Может, он смотрит не в ту сторону?

— Шкипер, монстр уже почти на площади! — с подчеркнутым спокойствием доложил рядовой Янгерфорд.

— Ну да, так оно и есть, сынок — отозвался Брейтуэйт, продолжая наблюдать за городом. — Дай-ка мне нашу высоту, будь любезен!

Опасно высунувшись из раскачивающейся корзины, рядовой рассмотрел деления на лине.

— Сто ярдов, сэр.

— Отлично. Теперь приготовь десяти- и шестисекундные фитили, да поживей!

— Есть, сэр! — Опустившись на колени возле плетеной корзинки с крышкой, Янгерфорд извлек моток жесткого зеленого шнура. Пустив в ход специальные ножницы, он аккуратно отрезал фитили нужной длины. Закрыв эту корзинку, рядовой перешел к другой, побольше, стоявшей рядом с плетеным стулом. Выбрав из набора в корзине несколько динамитных бомб, он очень осторожно вставил фитили. Для экономии места, а также чтобы не перегружать летательный аппарат, на «Небоходе» решили обойтись без прикрепляемых к воздушному шару в качестве балласта мешков с песком, и их заменили бомбы. По выполнении задания, аэропилоты просто отключат газовую горелку, и шар плавно опустится на землю, словно стосковавшийся по дому мыльный пузырь.

С грохотом рушащейся каменной кладки кальмар просочился на Трафальгарскую площадь с улицы, набитой щупальцами и испещренной следами взрывов. Охваченный нетерпением колосс тут же принялся разносить здания, но обнаружил, что те пустуют. Очевидно, добыча уже сбежала.

Хмыкнув при виде явного разочарования чудовища, майор Брейтуэйт опустил бинокль.

— Сигары, — отрывисто бросил он.

Достав из внутреннего кармана форменной куртки пару панател, рядовой Янгерфорд передал одну командиру. Чиркнув спичками, военные раскурили сигары и запыхтели ими, пока кончики сигар не сделались вишнево-красными. Выпустив через нос дым, майор оглядел арсенал бомб и сделал выбор.

— Начнем со связки динамитных шашек с коротким фитилем, — решил он. — Нет, приготовь ту, с железными шариками. Он получит неплохую порцию горячей шрапнели. Следом, для расширения раны, можно будет бросить пару бутылок с нитроглицерином, а потом прикончим его, долбя динамитом — по шесть шашек в связке, девяносто процентов, с водостойким фитилем, для глубоких внутренних повреждений.

Излучая уверенность, майор Брейтуэйт попыхтел сигарой и удовлетворенно усмехнулся.

— А потом вернемся в казармы, успев к ужину и крикам «ура».

— Так точно, сэр! — с энтузиазмом выкрикнул Янгерфорд, бросаясь выполнять задание. Руки его так и замелькали.

— Спокойно, рядовой! Мы сделаем все по уставу, — слегка попенял для порядка майор. — А теперь, на раз-два — товьсь, и по моей команде.

— Готово, сэр, — доложил, послюнив палец, рядовой Янгерфорд. — Ветер зюйд-зюйд-ост, два узла.

Вдохнув, майор Брейтуэйт схватился за центральную группу канатов, удерживающих воздушный шар у них над головами.

— Поджечь фитили... — медленно приказал он.

* * *

В прогулочном темпе двигаясь по Стрэнду, Бог Кальмар остановился, чтобы немного отбить мертвую лошадь и сделать мясо более нежным, когда на макушке у него произошел взрыв.

А? Дутар побери, это еще что такое? Бросив взгляд наверх, кальмар увидел парящий в небе воздушный шар и плетеную корзину. *Летающий дом?*

Крайне озадаченный, колоссальный монстр разглядывал это странное видение, пока за борт корзины не швырнули что-то, угодившее ему прямо между глаз. Последовал громкий взрыв. *А, всего лишь новые враги.* Весело ухнув, кальмар сделал жест щупальцем и метнул в парящее недоразумение струю огня. Расстояние оказалось слишком велико, чтобы магический огонь достиг шара, но он таки поджег висящую под ним плетеную корзину.

Охваченный пламенем причальный линь перегорел, и утренний бриз подхватил «Небохода». Сбивая форменными куртками расползающийся огонь, британские аэропилоты пытались не дать огню добраться до корзины с бомбами и бака с природным газом.

Взрыв осветил небо на много миль вокруг.

* * *

С крыши здания Адмиралтейства команда саперов в довольно большом смятении наблюдала за неудачей Королевского воздуш-

ного корпуса. А внизу на площадь выбежал батальон пехоты, непрерывно поливая кальмара огнем из винтовок; тот следовал за солдатами и поедал всех безрассудных смельчаков или просто отставших.

Ближе к краю крыши Адмиралтейства лихорадочно работала бригада техников — они собирали металлический каркас, довольно сильно смахивающий на вешалку для верхней одежды. Однако на этой вешалке покоились двадцать четыре ракеты «Конгрив» на черном порохе — последнее слово военной техники. Каждый «Конгрив» был в ярд длиной, толстый как задняя часть туши и располагался на деревянном шесте длиной два ярда, который служил стабилизатором.

— Проверить угол возвышения, — скомандовал офицер.

Совсем близко от них кальмар грыз высокую каменную арку, воздвигнутую в честь Адмиралтейства. Пораженные офицеры смотрели, как чудовищный левиафан сорвал верх монумента и надел арку на голову с качестве своеобразной шляпы. Кальмар повернулся кругом, словно озирался в поисках зеркала, чтобы посмотреть, как сидит на нем обновка.

— Наглый пес! — выкрикнул офицер, сунув большие пальцы за ремень. — Будьте любезны, каков ветер?

— Зюйд-зюйд-ост, два узла, — ответил капрал.

Сбросив гранитную шляпу, кальмар заскользил по направлению к ним.

— Товьсь-целься-замок-огонь! — выкрикнул все одним словом полковник.

Рядовые дрожащими руками подожгли фитили и пригнулись. Плюясь искрами и черным дымом, могучие ракеты «Конгрив» прочертили траектории над городом и с удовлетворительной меткостью попали в кальмара. Ракеты со стальными наконечниками пронзили монстра насквозь и рванули на выходе. Реактивные снаряды с железными наконечниками проникли глубоко в тело твари и сдетонировали там, но весь произведенный эффект ограничивался звуком, похожим на грубое рыгание.

Однако шипастые противокорабельные ракеты, пронзив кальмара, остались внутри, надежно зацепившись своими крючьями, предназначенными для спутывания оснастки вражеских судов. На крючьях были закреплены прочные стальные цепи, намертво вмурованные другим концом в гранитный фундамент Адмиралтейства.

— Ага, вот теперь ты у нас в руках! — радостно воскликнул майор. — Попался как крыса в эту, как ее...

— Крысоловку, сэр? — осмелился спросить рядовой.

— Точно!

Кальмар осторожно прозондировал несколькими щупальцами выходные отверстия ран. Саперы на крыше разинули рты, наблюдая, как раны начали затягиваться и вскоре исчезли.

Повернувшись теперь лицом к солдатам на крыше Адмиралтейства, кальмар образовал по рту вокруг каждой цепи и принялся втягивать их, словно вареные спагетти. Когда он выдернул угловой камень, здание под солдатами начало рушиться. Грустные саперы не вымолвили ни слова. Да и сказать им было, в общем-то, нечего.

* * *

На глазах ошеломленного премьер-министра Дизраэли здание Адмиралтейства раскололось на части и опрокинулось, превратившись в груду камня. Задернув шторы, Дизраэли оправил утренний сюртук, пригладил волосы и порывисто вышел из помещения генштаба, направляясь вперед по главному коридору Букингемского дворца.

Повсюду стояла вооруженная охрана, бифитеры вперемежку с бойцами Королевской морской пехоты, драгунами и простыми пехотинцами. Все пропускали премьера, не задавая никаких вопросов. На пересечении коридоров собирали пулемет «Гатлинг», а двери повсюду были заколочены гвоздями.

От этого будет мало толку, — подумал Дизраэли. — *Но важно, чтобы солдаты всегда были заняты каким-то делом, даже когда работа бессмысленна.*

Когда Дизраэли добрался до главной столовой, застывшие по стойке смирно гвардейцы отдали подошедшему премьер-министру честь и распахнули двустворчатые двери.

— Ваши Величества, — произнес премьер-министр Дизраэли, входя в королевскую столовую и отвешивая поклон.

За очень длинным, заставленным блюдами с едой столом восседали невысокая полная женщина и долговязый прилизанный мужчина в безупречно чистом военном мундире.

С надлежащей озабоченностью на лицах, мужчина и женщина оторвались от потрясающего воображение завтрака, где были представлены яйца, тосты, бекон, сосиски, картофель, копченая сельдь, бифштексы, жареные перепела, копченая ветчина, жареная индейка, запеченные помидоры, жареные грибы, овсянка, кофе, чай, молоко, печенье, масло, булочки и сто разных сортов джема.

— Убили уже животное? — спросила королева Виктория, помешивая ирландской серебряной ложечкой индийский чай в чашке «Ройял-Далтон».

— Нет, ваше величество. Более того, боюсь, что это существо почти уже здесь, — доложил Дизраэли, выговаривая слова с некоторым усилием. — Я еще раз настоятельно рекомендую эвакуацию в Шотландию.

— Не мошет быть и реч, — фыркнул принц Альберт, с половиной сосиски на вилке. И голосом поросенка в период спаривания добавил: — Ми оставатца унд дратца!

Разбив желток яйца, королева Виктория подняла голову.

— О боже, — произнесла она. Какой-то миг премьер-министр был не в состоянии определить, было это реакцией на ситуацию в городе или на разбитый желток. — Тогда, полагаю, мы должны использовать Черный Отряд.

— Вундербар! — с энтузиазмом вскричал Альберт, чуть не вскакивая с кресла. У принца-консорта, немца по происхождению, просто все зачесалось при мысли, что кто-то будет сражаться. — Покашем этому чудовисчу, из каков тесто создан ми, англичане!

Как истинный дипломат, премьер-министр Дизраэли всего лишь выгнул бровь и ответил, как подобает:

— Именно так, мой государь. Задействуем Черный Отряд.

* * *

В нескольких кварталах от дворца располагался плац дворцовой конной гвардии. За высокой кирпичной стеной солдаты в нетерпении слонялись по конюшне, которая странным образом пахла машинным маслом и угольной пылью.

— Разрази меня гром, не могу этого вынести! — бушевал сержант Джон Барта, отправляя пинком гаечный ключ в другой

конец конюшни. — Эта тварь там разрушает Лондон, а мы здесь булки отсиживаем!

Выразив дружным ропотом согласие с сержантом, солдаты щелкнули подтяжками и опять затоптались вокруг, слишком переполненные энергией, чтобы усидеть на месте.

Двери конюшни с громким треском распахнулись, и вошел молодой лейтенант, помахивая стеком.

— Смир-на! — рявкнул сержант Барта, становясь по стойке «смирно».

Все прочие солдаты, чем они в тот момент ни занимались, сделали то же самое.

— Вольно, ребята, — разрешил лейтенант Стивен Дональдсон, шагая по свободному от соломы полу. — Как у нас обстоят дела, сержант Барта?

— Сэр! — рявкнул сержант, четко отдавая честь. — Все боевые единицы заправлены горючим, загружены боеприпасами и готовы к выходу, сэр. Я взял на себя смелость приказать экипажам начать нагрев бойлеров.

Лейтенант сузил глаза.

— Вот как? — строго сказал лейтенант Дональдсон. — Ну что ж, сержант, раз вы так чертовски сильно рветесь в бой...

Понимая, что он серьезно превысил свои полномочия, сержант подобрался, готовый к наложению официального взыскания, за которым быстро последует нахлобучка в частном порядке. Но лейтенант вместо этого рассмеялся и хлопнул его по спине.

— ... то, полагаю, мы должны просто отправиться и сделать из этого кальмара желе! — объявил со свирепой ухмылкой лейтенант Дональдсон. — Только что пришла команда из Букингемского дворца. Мы должны немедленно схватиться с этой тварью!

С неистовыми криками радости солдаты подбросили в воздух фуражки. Некоторые обнимались, другие грозили небу кулаками, а один парень из Уэльса стал отбивать импровизированную джигу.

— Ладно, мои лихие всадники, по коням! — скомандовал лейтенант Дональдсон, затягивая на подбородке ремешок шлема с плюмажем. — Достаточно скоро эта проклятая тварь узнает величайшую боевую силу в истории человечества.

— Черный Отряд! — с вызовом гаркнули солдаты.

26

С криками «ура» солдаты и офицеры Черного Отряда бросились к палаткам в глубине конюшни. Пока солдаты группировались по экипажам, лейтенант Дональдсон и сержант Барта присоединились к бойцам, направившимся к первой палатке.

Проскакивая за брезентовый полог, бойцы экипажа «Альфа» шлепали на счастье по сияющему металлу округлого корпуса. Оказавшись в машине, солдаты распределились по боевому расчету и теперь уже куда меньше размахивали руками. Пространство в куполе для экипажа в двенадцать бойцов было весьма дефицитным.

Пройдя по рифленому железному полу, некоторые останавливались, чтобы прихватить инструменты или изоляционные перчатки с крючков, приваренных к проклепанной железной стене, которая закруглялась кверху, образуя высокий сводчатый потолок. Заднюю часть купола занимали различные лязгающие и гремящие машины. В центре этого странного помещения располагались три огромных шарикоподшипника, установленные в защитной железной клетке. Спереди находилось длинное выгнутое окно со сложным пультом управления и тремя креслами с высокой спинкой.

Повернувшись кругом на третьем сиденье, сержант в промасленном комбинезоне кивнул в знак приветствия, не отрывая рук от рычагов управления.

— Машина к выходу готова, сэр, — гордо доложил сержант-механик. — У нас сколько надо пара, пресной воды и угля, сэр. Запаслись по самое не могу, да.

— Благодарю вас, стармех Хиггинс, — ответил лейтенант Дональдсон, окидывая профессиональным взглядом окружающую обстановку. Все казалось в образцовом порядке. — Продолжайте.

Другие солдаты расположились в креслах на своих боевых постах, а двое прошли через нишу в задней части машины. Поправив портупеи, лейтенант Дональдсон и сержант Барта заняли свободные места за пультом управления и крепко пристегнулись. Очень крепко. Такую ошибку как оставить ремень незатянутым всяк делал только раз.

Мурлыча боевой мотивчик, лейтенант Дональдсон поработал с рычагами и приборами на пульте.

— По номерам, джентльмены! — крикнул он, не оборачиваясь. — Гляди теперь в оба, ребята!

— Бойлер на три и две десятых атмосферы! — крикнул рядовой.

— Электрогенератор в норме! — крикнул капрал.

— Гироскоп, стабильно! — прошептал рядовой, массируя охрипшее горло.

— Поршни, в полном порядке! — крикнул механик.

— Готовы к выступлению по вашей команде, *шер!* — проревел сержант Барта, почти заглушая усиливающийся звук ритмичной работы механизмов в задней части купола.

Двигая руками с изяществом пианиста на концерте, лейтенант умело принялся щелкать рычажками. Индикаторы на пульте управления засветились разноцветными огоньками, стрелки приборов ожили, а несколько маленьких панелей начали излучать мягкий свет.

— Половину мощности, стармех Хиггинс, и следите за подачей масла в поршень номер три, — распорядился лейтенант Дональдсон, освобождая медную ручку и крутанув ее, прежде чем погрузить рычаг управления глубоко в пульт. — Начинаем первичную последовательность... пошли!

Лейтенант наблюдал через переднее окно за тем, как мимо них плавно проплывала конюшня. Высунув руку наружу, лейтенант Дональдсон повернул купол вокруг оси и увидел, как три других палатки плавно выдвигаются из конюшни, словно цирковые призраки.

— Идем отлично! — объявил лейтенант Дональдсон, нажимая кнопку.

Теперь открывающаяся из окна панорама существенно расширилась, и он увидел, как другие палатки поднимаются в воздух на десять ярдов, и брезентовые чехлы соскальзывают со скрывающихся под ними сверкающих машин. Базируясь на оригинальной конструкции вторгшихся с Венеры завоевателей, все машины были плоскодонными куполами на треногах из сочлененных металлических ног, заканчивающихся огромными плоскими дисками.

Некоторые из беженцев и солдат, мимо которых проходили по заваленным обломками улицам машины, останавливались, показывали на них и в ужасе кричали. Какой-то мужчина, в одной ночной сорочке и цилиндре, стал как вкопанный при виде того,

что заполняло его кошмары с тех пор, как События прокатились через Лондон, уничтожая все на своем пути.

— Боже, они вернулись! — завопил мужчина в цилиндре, хватаясь за грудь.

Отвернувшись от бесчинствующего кальмара, сотня солдат подняла винтовки, собираясь открыть огонь по венерианской боевой машине.

— Нет, чтоб меня, смотрите! — выкрикнул грузчик, показывая вытянутым пальцем.

В ярко-оранжевом мерцающем свете горящего города толпы увидели, что ходячие треножники выкрашены в глянцево-черный цвет, с яркой серебряной каймой по краю, и спереди у каждого была прикреплена пластина со сверкающим чистым золотом Королевским гербом Англии. А сбоку на каждом треножнике значилось его название — точь-в-точь, как на любом другом корабле Королевского военно-морского флота: ТЕВ «Мститель», ТЕВ «Возмездие», ТЕВ «Справедливость», ТЕВ «Разрушитель». В этот момент над каждой машиной поднялся гибкий шест, и на ветру затрепетали, расправившись, славные скрещенные полосы «Юнион Джека».

— Мать честная, да это наши! — воскликнул какой-то мужчина, и по его дряблым щекам полились слезы облегчения. — Ура!

— ТЕВ? — переспросил у него недоумевающий адвокат.

— Треножник Ее Величества! — гордо выкрикнул кузнец, выпятив грудь колесом.

С грацией и мощью в каждом движении, Черный Отряд плавно прошагал мимо плаца конной гвардии и перешел вброд небольшое озеро, направляясь в сторону Стрэнда. Постоянно находящиеся в движении ноги машин вытягивались и сокращались с негромким шипением вырывающегося пара. И повсюду, где проходили королевские треножники, их встречали сначала напуганные, а затем радостно кричащие толпы.

Кажущиеся почти плывущими по воздуху, монументальные треноги изящно перешагнули через перегораживающую перекресток баррикаду с массой пушек и солдат. При виде этого зрелища из солдатских глоток вырвался крик победы — славный клич, нараставший волнами, пока звук не стал почти осязаемым.

Майор вызывающе погрозил кулаком виднеющемуся вдали кальмару.

— АГА! Эй ты, здоровенный ублюдок! Отведай-ка... — Тут он смешался. Чем там они стреляли, эти штуки, свинцом? Сталью? Молниями?

— Отведай-ка его без соли! — эффектно сымпровизировал он.

— Две порции! — возбужденно добавил порывистый молодой капитан.

Сияя улыбками, солдаты уводили с дороги нервничающих лошадей, а королевские треножники проходили мимо, и их огромные стальные стопы на целый ярд погружались в вымощенную улицу. Где-то в городе зародился знакомый плач, начал перерастать в стон, а затем стал пронзительным музыкальным воем! Когда ворота со стуком распахнулись, с плаца четко промаршировала полная рота шотландских волынщиков и последовала за британскими боевыми машинами. Одного этого было достаточно, чтобы укрепить боевой дух солдат и уверенность штатских. Наглый кальмар может идти к черту! Великобритания снова одержит победу!

Когда громогласные музыканты-хайлендеры прошли, мужчина в твидовом костюме повернулся к своему соседу, который тщательно скрывал тот факт, что только что хорошенько проверил его карман.

— Если эти волынщики и не сделают ничего другого, то уж страху на этого гада нагонят, — захихикала жертва.

— Да, музыка сводит с ума, — согласился карманник.

* * *

Как-то незаметно солнце миновало свою высшую точку, и в небе над истерзанным войной городом официально появилась луна.

Счастливо жующий Бог Кальмар прервал употребление в пищу остатков 56-й стрелковой роты Ее Королевского Величества и с любопытством огляделся кругом. *А это что за прекрасная музыка?* И тут он увидел первый из треножников, перешагивающий через невысокое здание. Это зрелище заставило кальмара позабыть про оставшихся солдат, которые быстро воспользовались счастливым случаем и улизнули.

Озабоченно нахмурившись, кальмар уставился на идущие к нему бронированные штуки. *Они подозрительно напоминают моих друзей демонов*, задумчиво проухал кальмар. Поворачивающаяся луна свидетель — он вынес четыре тысячи лет скуки вовсе не затем, чтобы делиться добром с кучкой новоявленных выскочек!

Приготовившись к нападению, кальмар помедлил. Этот момент стоило хорошенько обдумать. Его не было четыре тысячи лет. Наверное, этим приближающимся дьяволам нужно просто напомнить, с кем они имеют дело — с грозным Колоссом Дутарским! Точно. Тихо напевая про себя, кальмар начал первые размашистые движения древнего военного танца «Дерись или Катись».

* * *

Лейтенант Дональдсон, сержант Барта и офицер-артиллерист во все глаза таращились через передние окна ТЕВ «Возмездие» на вальсирующего левиафана.

— Что он делает, черт его побери? — пробормотал офицер-артиллерист, когда кальмар начал выполнять молниеносную серию па, проходясь по разрушенной улице.

— Да кого это волнует? — с ненавистью сказал лейтенант, пощелкивая рычажками. — Давайте убьем эту гладкую тварь.

— Магнитные линзы в средней апертуре, — объявил сержант Барта, спокойно подкручивая несколько ручек. — Дистанция?

— Четыреста ярдов, и приближается! — отозвался капрал.

— Мощность? — запросил лейтенант Дональдсон, двигая рычаги.

— Заряд аккумуляторов 99 процентов! — доложил рядовой.

— Приготовиться открыть огонь, — скомандовал лейтенант. — По моему сигналу!

Несмотря на ремни безопасности, экипаж схватился за удобные ремни на стенах и приготовился к предстоящему удару.

— Товьсь, и огонь, — спокойно приказал лейтенант Дональдсон.

Офицер-артиллерист резко нажал большим пальцем на рычажок.

Спереди у «Возмездия» со щелчком открылся крошечный лючок, открывая сложный набор кристаллических линз, которые запульсировали светом, а затем выбросили сверкающий штырь квазижесткой молнии. Все сжигающий и сметающий силовой луч чистой атомной энергии был настолько плотным и тяжелым, что сила отдачи отбросила треножник назад. Зеваки ошарашенно смотрели, как тепловой луч чиркнул по небу, устремляясь к танцующему джиттербаг левиафану.

«Мститель» и «Разрушитель» последовали примеру командира, и черные купола содрогнулись от выбросов кипящей плазмы. Петляя между горящими зданиями, «Справедливость» сделала круг и выстрелила в громадного кальмара с тыла.

Четыре энергетических луча угодили точно в центр кальмара, и монстр пропал из виду в добела раскаленном неистовстве атомного обстрела. Два луча случайно коснулись друг друга, и несколько капель сверхраскаленной материи рассыпались дождем над городом. Падая на крыши, раздробленные атомные ядра с шипением проходили сквозь камень и сталь, словно те были дешевым французским сыром — одним из тех скверных сортов, которые тают при комнатной температуре и пахнут немытыми ногами. Церковь неподалеку, захваченная завихрением воздуха от бушующей мощи лучей, превратилась в кипящую лаву. Зеленые деревья от титанического выброса жара увядали прямо на глазах, и, на какое-то мгновенье, восходящий воздушный поток расчистил затянутое дымом небо над Лондоном.

Когда тепловые лучи отключили, население потрепанного города поморгало, прочищая глаза, а потом выпучило их на зрелище, в которое невозможно было поверить: гигантский кальмар стоял как ни в чем не бывало. Он выглядел совершенно невредимым и крайне раздосадованным.

— Милостливый Иисус, Мария и Будда, — прошептал, бледнея, сержант Барта.

— Мы каким-то образом промахнулись? — спросил стармех Хиггинс, расстегивая верхнюю пуговицу накрахмаленного воротника.

— Должно быть. Другого объяснения нет, — заявил лейтенант Дональдсон, крутя ручку управления. — Как у нас с мощностью?

— Восемьдесят процентов, сэр! — ответил рядовой.

— Дайте мне проверку систем, — приказал сержант.

— Давление в бойлере, стабильно!
— Генератор, стабильно!
— Вперед!
— Вперед!!!

* * *

Молотя всеми щупальцами, кальмар выполнил особенно грациозный прыжок, но поскользнулся на расплавленной церкви и плюхнулся прямо физиономией вниз, с крайне неприятным громким шлепком — словно утку шлакоблоком раздавило. Невероятно сконфуженный, кальмар встал на все восемь щупалец. *Вот и весь толк от светских церемоний! Ну все, теперь это уже личное!* И, плюясь огнем, Бог Кальмар двинулся на выстроившиеся в ряд шипящие металлические треножники.

* * *

— Полную мощность! — приказал лейтенант, ручками фокусирующих механизмов устанавливая минимальное отверстие диафрагмы.

Он видел в окно другие треножники, густой черный дым с кружевом красных искр, валящий из выхлопных труб черных с серебром полусфер. В заднем отсеке его собственной машины бригада ругающихся на чем свет стоит рядовых бросала лопатами уголь в топку главного бойлера, пока она не раскочегарилась до опасного уровня.

— Еще раз, огонь! — крикнул сквозь стиснутые зубы Дональдсон. — И еще, приятель!

Вулканические лучи выплеснулись вновь, но наступающий кальмар теперь, казалось, просто поглощал энергетические разряды.

Скрипнув зубами, лейтенант Дональдсон щелкнул рычажками предохранителей.

— Непрерывный огонь! — скомандовал Дональдсон.

— Сэр? — воскликнул, не веря своим ушам, сержант Барта.

— Выполняйте!

Четыре испепеляющих тепловых луча ударили в огромного зверя с дистанции выстрела в упор. На этот раз не короткой вспышкой, а могучими потоками кипящей плазмы ядерная жидкость буравила дьявольского кальмара насквозь! Возвышающееся чудовище исчезло в адском ореоле излучаемой энергии!

Но вскоре энергетические потоки потеряли силу, потом иссякли, и внутрь ворвался холодный воздух с реки, освежая накаленную атмосферу.

— Аккумуляторы разряжены, сэр! — объявил рядовой, когда свет на потолке померк, а вслед за ним погасли и индикаторы на пульте управления.

— Энергию батареи! — резко приказал сержант.

Капрал на своем боевом посту с глухим звуком опустил надежно изолированный рычаг. Мягко запульсировав, вернулся свет потолочных ламп, но пульт управления оставался темен.

— Батарея работает, сэр, — доложил сержант Барта.

— Нам нужна минута на перезарядку, — подумал вслух лейтенант Дональдсон. — Ладно, приготовиться к маневрам швартовки!

Спрашивать объяснений было некогда, поэтому сержант просто поступил, как было приказано, и горячо надеялся, что командир, черт побери, знает, что делает. Маневры швартовки?

— К ма-неврам швар-товки, товьсь! — нараспев выкрикнул из своего пропотевшего кресла сержант Барта.

Срывая с себя ремни безопасности, члены экипажа бросились к блоку управления. Заученными движениями, каждый на своем месте, солдаты ухватились за огромные рычаги и поднатужились, прилагая титанические усилия для того, чтобы привести их в нужное положение. С шипением пара, вырывающегося из всех сочленений выдвигающихся ног, королевский треножник медленно, в несколько приемов, сложился, как бы опустившись на колени, и плавно прислонился к тлеющему зданию.

— Мертвая тишина, — тихо приказал лейтенант. — Первый, кто заговорит, получит шестьдесят плетей.

Это по-настоящему поразило экипаж. Никогда прежде лейтенант не позволял себе угрожать никому из них телесными наказаниями, теперь же солдаты услышали в его обычно спокойном голосе непривычно жесткую нотку. Неужели положение настолько серьезное?

Двигаясь мимо своего павшего товарища, остальные машины Черного Отряда вели огонь короткими разрядами и продолжали отступать. Мощь силовых лучей ослабела, и они разбивалась о пятнистую шкуру кальмара без какого-либо видимого эффекта.

* * *

Кальмар выбрался на открытое пространство между Конституционным клубом и отелем «Виктория» и в нетерпении направился к одному из металлических треножников, когда его неожиданно осыпала градом высокоскоростных снарядов флотилия кораблей на реке. Шестнадцатидюймовые пушки безостановочно говорили на своем жестоком языке уничтожения.

С телом, покрывшимся черными пятнами разрывов, кальмар удивленно моргнул. *Так это отступление было западней?* Монстр подозрительно посмотрел сверху вниз на мертвую металлическую тварь, прислонившуюся к горящему дому.

* * *

Мгновенно накренив полусферу кверху, экипаж ТЕВ «Возмездие» выдал зверю полную мощь разряда прямо в левый глаз! Отдернув голову от трещащего луча, кальмар припал к земле и обвил пару щупальцев вокруг ног машины. Высоко подняв ее, разъяренный монстр бросился вперед и замолотил ею по другим треножникам словно дубиной. Звенящая какофония этой атаки выходила за пределы слухового восприятия.

Лобовое стекло «Возмездия» разлетелось метеоритным дождем осколков, и из окна посыпались тела мертвых солдат, с тошнотворным звуком ударяясь оземь. Даже падая с высоты, лейтенант Дональдсон, демонстрируя истинно британский характер, стрелял в высящегося над ним зверя из служебного револьвера «Веблей-455», пока не приземлился на удивительно мягкий и упругий мат. *Черт, да он стоит на щупальце!* Разрядив револьвер, лейтенант выхватил саблю и бросился вдоль по щупальцу, рубя и сеча его клинком.

Хлопнув по щупальцу номер шесть дымящейся треногой, кальмар смахнул досаждающую букашку и продолжил жестоко дубасить другие машины.

Вращаясь на максимуме оборотов в минуту, гироскопы треножников сорвались со своих прочных станин и вылетели из машин, крутясь, словно безумные волчки. Под страшными ударами полусферы треснули, генераторы закоротились, над королевскими треножниками затрещали и быстро погасли крупные голубые искры. Из зияющих щелей вырвался пар, за ним последовала вонь жареного человеческого мяса.

Кальмар презрительно фыркнул. Да-да, конечно. Не попадаясь больше на старый трюк, монстр продолжал колотить по всем треногам, пока те не развалились на куски. После этого кальмар сплясал на обломках, пока от машин не осталось ничего, кроме покрытых малиновыми пятнами железок.

* * *

Стоя на лужайке перед музеем, проф. Эйнштейн, Мэри и лорд Карстерс наблюдали в полевые бинокли за страшным концом неравного боя. Клубящийся дым поднимался с места бойни, окутывая обреченный город страшным погребальным саваном.

— Это совершенно изумительно! — пробормотал, опуская бинокль, профессор Эйнштейн. Закусив губу, профессор вытащил запасную цепочку для ключей и потер свой новый талисман — счастливый зуб динозавра. — Наши тепловые лучи способны достигать температуры свыше двух тысяч градусов по Кельвину. Это же температура поверхности солнца! По идее, никакая органическая материя не способна выдержать термический удар такой силы!

Опустив бинокль, Мэри выгнула бровь.

— Но, дядя, — медленно начала она. — По-моему, ты говорил, что это создание магическое...

Перебивая ее криком, лорд Карстерс отбросил полевой бинокль.

— Господи Боже, милая, вот оно! — взволнованно выпалил он. — Дутарианские легенды гласят, что Бог Кальмар неуязвим для оружия, созданного человеком!

С крыши снова громко бабахнула крупнокалиберная винтовка. Запас боеприпасов у леди Данверс казался неисчерпаемым. Но если ее усилия и приводили к каким-то результатам, среди бушующих по городу боевых действий их как-то не было заметно.

— Я вас двоих не понимаю, — возразил проф. Эйнштейн, показывая на бесчинствующего кальмара. — Треножники — это венерианское изобретение.

— В том-то и соль, дорогой дядюшка, — сказала Мэри, меняя положение так, чтобы ее загипсованная нога была на каменной плите дорожки, а не на росистой траве. — Треножники Королевской армии скопированы с венерианских моделей. Внеземного происхождения лишь конструкторская идея, но каждая деталь этих машин на самом деле сработана английскими механиками.

— Сделаны людьми, — прошептал Эйнштейн. — О боже.

Лорд Карстерс громко и зло выругался на четырнадцати разных языках, включая дутарианский и нижневаллийский.

— Разрази меня гром, — воскликнул лорд, снова переходя на английский. — Если б только уцелела хоть одна из подлинных венерианских боевых машин, мы бы показали этой зверюге, что такое британское мужество!

Неловко повернувшись на месте, Мэри пристально посмотрела на профессора. Тот невинно улыбнулся и, отвернувшись в сторону, начал что-то насвистывать.

— Дядя Феликс... — выразительно произнесла Мэри.

Задрав голову к небу, профессор стал разглядывать облако дыма, гонимое полуденным бризом.

— Да, очень плохо, что у нас нет ни одной из них, — посетовал проф. Эйнштейн, обращаясь к облаку. — Такая жалость. Как грустно.

Чувствуя, что дальнейшее будет пустой тратой слов, Мэри взяла лорда Карстерса за руку и потянула за собой.

— Бенджамин, идем со мной! — приказала она.

— А что? — осведомился лорд, вежливо следуя за ней.

— Идем и все, — повторила Мэри, быстро ковыляя по лужайке. — Там увидишь!

— Нет, погодите! — воскликнул проф. Эйнштейн, роняя зуб динозавра. — Это, э-э, то есть, я хотел сказать, ключ! Ключ потерян!

— Тогда мы взломаем дверь! — бросила Мэри, не оборачиваясь и хромая дальше.

Терзаясь нравственными муками, проф. Эйнштейн взвесил на одной чаше весов полное уничтожение мира, а на другой — возможное повреждение его ценного экспоната. Его ценного, тайного, незаконного, контрабандного экспоната.

— О, черт побери, — пробормотал профессор, покоряясь судьбе, и двинулся следом за парой. — Подождите меня!

27

Пересекая вместе с остальными травянистую лужайку, лорд Карстерс увидел, что они направляются к большому каретному сараю за разоренным розарием. Кусты были переломаны и растоптаны, солнечные часы опрокинуты набок, а от бельведера практически осталась лишь куча щепок на растопку. Все это, очевидно, было результатом стычки Женского вспомогательного корпуса с почитателями Бога Кальмара.

Остановившись и переводя дыхание у боковой двери каретного сарая, Мэри нетерпеливо дожидалась подхода дяди.

— Скорее! — поторопила она его, щелкнув пальцами.

Профессор удвоил скорость, а лорд Карстерс окинул каретный сарай взглядом. Это здание красного кирпича было непомерно большим для семьи всего из двух человек и небольшого штата прислуги.

По краям конусообразной крыши, крытой тяжелыми плитами серого сланца, торчали зазубренные железные штыри. Главные ворота, казалось, были навсегда заколочены гвоздями. Поверх закрытых дубовых ставней проходили толстые железные прутья, а единственную видимую дверь украшало столько переплетенных железных цепей, что она казалась облаченной в средневековую кольчугу.

Очень любопытно, — размышлял лорд. — *Это здание больше похоже на небольшой банк, чем на простой каретный сарай.*

— Я здесь! Я здесь! Не надо ничего ломать, — ворчал профессор, доставая из жилетного кармана ключ.

Мэри нетерпеливо вырвала ключ у дяди и принялась отпирать коллекцию тяжелых амбарных замков. Отперев каждый

замок, она выдергивала соответствующую цепь и бросала ее через плечо в сад.

Когда из-под украшений, наконец, показалась окованная железом дверь, проф. Эйнштейн сменил племянницу и набрал комбинацию цифр, включавшую его день рождения, рост и количество арестов в Токио. Звучно лязгнув, внутренние засовы открылись, и Эйнштейн толчком отворил бронированную дверь.

Внутри каретного сарая царила кромешная темень.

Чиркнув спичкой о дверной косяк, Мэри прошаркала в темноту и подтянула к себе заправленный спиртом фонарь, подвешенный на цепи к балке. Освободив большим пальцем дымовое отверстие, она зажгла фитиль и выкрутила яркое голубое пламя на полную силу.

Когда ослепительный свет озарил сарай, лорд Карстерс увидел, что все стены увешаны инструментами, вдоль стен выстроились тяжелые верстаки, в углах стоят бочонки со смазкой, а у одной из стен — паровой токарный станок хитроумной конструкции. Но лорд позабыл обо всем, когда взгляд его упал на стоящую посередине каретного сарая венерианскую боевую машину.

С его дрогнувший губ слетел лишь какой-то невнятный звук. Это адское устройство никак нельзя было перепутать с одним из эквивалентов, созданных англичанами. Корзина для улова позади машины представляла собой сплетение перекрученных обручей, но полированная полусфера, хоть и поцарапаная в сотнях мест британскими пулями, была ровного серебристого цвета. Печально знаменитые выдвижные ноги были убраны, выступая всего лишь на ярд, а приставленная к корпусу инопланетной полусферы деревянная стремянка позволяла легко подняться к открытому люку.

Невольно подняв руку, чтобы загородиться, лорд Карстерс мгновенно вспомнил войну, когда он стоял, беспомощный, среди крови и грома в окружении глумящихся инопланетных завоевателей. Война за мир людей. Страшный кошмар, который все газеты планеты стали называть Событиями, после того как все закончилось и человечество победило.

Дрожа от притока адреналина, британский лорд сделал глубокий вдох, гордо выпрямился и, подойдя поближе, с откровенной ненавистью плюнул в гнусную машину.

Приблизившись, Мэри сжала его мускулистую руку.

— Я все понимаю, любимый. Но машина теперь принадлежит нам и может означать выживание Человечества.

— Да, конечно. Я понимаю, — процедил сквозь стиснутые зубы лорд Карстерс. — Но, Боже милостивый, как я ненавижу тех проклятых созданий!

Прикрыв наружную дверь и снова запирая ее, профессор громко фыркнул.

— Вот потому-то, юноша, мы ее так хорошо прячем!

— Довольно зря терять время, — бросила Мэри, начиная с трудом подниматься по стремянке. — Ну-ка, за дело!

Обхватив девушку за талию, лорд Карстерс помог ей пройти в овальный люк полусферы. Вслед за тем, расправив широкие плечи, Карстерс призвал всю свою решимость и тоже забрался в люк, хотя желудок у него подскочил к горлу при мысли о том, что он делает это по собственной воле.

Лорд медленно выпрямился в полусфере, остерегаясь стукнуться головой о низкий потолок, спроектированный под рост своих неземных создателей. Зловонный запах инопланетян давно исчез, сменившись домашними ароматами смазки, кожи и какого-то желтого воскового покрытия. Что интересно, в полусфере по-прежнему оставался оригинальный настил из какого-то плетеного материала, который был мягким как овечья шерсть, но столь же огнеупорным, как бетон. Однако, заметил с явным удовлетворением лорд, во многих местах этот настил испачкали пятна, словно разбрызганные куда попало зеленые чернила. Должно быть, венерианский экипаж оказал упорное сопротивление, прежде чем отдал свою машину. *Хорошо.*

Покуда Мэри и профессор деловито сновали в полусфере, включая различные агрегаты, лорд Карстерс обследовал машину, сравнивая ее с теми немногими искореженными деталями, что были выставлены в Королевском Военном музее. По мягко светящейся изогнутой стене шли ряды датчиков и измерительных приборов, под которыми стояли надписи, сделанные угловатым венерианским письмом. Керамическая решетка в задней части полусферы отгораживала машинное отделение, содержащее странный источник энергии, который английским техникам, к сожалению, так и не удалось воспроизвести.

Всю переднюю стену машины занимал чистый лист из блестящего материала, в котором трое исследователей отражались тускло, словно в заиндевелом зеркале. Под этим мутным зер-

калом располагался изогнутый пульт управления со множеством приборов, датчиков, рычагов, ручек, рычажков и бессчетным количеством треугольных кнопок. Снизу к пульту присоединялись, словно росли оттуда, два странного вида сиденья, разукрашенные силовыми кабелями, гидравлическими поршнями и печально известными трубками «подачи питания».

Проф. Эйнштейн вынул из большой плетеной корзины пышную подушку и бросил ее лорду Карстерсу. Подойдя к одному из сидений, профессор расположил подушку над отверстием с шипом на дне и осторожно уселся. Издав слабый вой, сиденье автоматически подстроилось под особенности человеческой анатомии.

Взяв с полки на стене камертон, Мэри, крепко держась за поручни, прошла за керамическую решетку.

— Поехали, — пробормотал Эйнштейн, сильно нажимая на кнопку.

Из недр инопланетной боевой машины раздалось негромкое гудение, и сверкающая панель над пультом управления очистилась, став совершенно прозрачной. Теперь они могли видеть интерьер каретного сарая с поразительной ясностью.

— Потрясающе, — выдохнул английский лорд, наблюдая, как по краю обзорного экрана тянутся крошечные геометрические фигуры. — Никогда не видел боевой машины в таком превосходном состоянии.

— Да, и вспомните, как толпы разносили их на куски. То, что вы видите, есть результат нашего с Мэри долгого и тяжкого труда, — отозвался Эйнштейн, проводя ладонями по пульту управления с непринужденностью, выработанной долгой практикой. — Мы обнаружили ее во дворе музея, где она была спрятана от отрядов, проводивших зачистку. Она была очень сильно потрепана. Но нам удалось добыть части от нескольких других разбитых машин.

— Превосходная работа!

— Спасибо. Только бы эта проклятая штука теперь заработала, — пробормотал проф. Эйнштейн, возясь с каким-то большим прибором с круглой шкалой.

Пристроив подушку на сиденье, лорд занял место за пультом.

— А? Что вы сказали, сэр?

— Да ничего, юноша. Совершенно ничего.

Один участок пола с прерывистым шипением разделился на несколько разъехавшихся частей, и появилась Мэри. Ее длинные волосы были теперь упрятаны под матерчатую кепку с надписью «Восточный экспресс», и она надела парусиновый фартук механика, состоящий почти целиком из карманов с инструментами.

— Мы готовы к выходу, дядя, — доложила она, похромав к сиденью недалеко от решетки. — Аллотропического железного топлива у нас более чем достаточно.

Когда девушка уселась, часть изогнутой стены открылась диафрагмой, как зрачок глаза, обнажив полный набор инопланетных приборов управления и какие-то музыкально гудящие и мерцающие электрические схемы.

— Отлично, девочка! — засиял от восторга профессор. — Кстати, лорд Карстерс, вы случайно не умеете управлять рулевым механизмом?

— С основами управления я знаком, — признал Карстерс. — Наша семья патронирует Венерианский военный музей, и в свое время я немало посидел на имитаторе.

— Великолепно! Я помогал основать это учреждение, — сказал профессор, поворачивая ручку и передвигая по шкале бегунок. — Приятно узнать, что оно принесло пользу.

Сосредоточенно нахмурившись, Карстерс изучил взглядом дурацкие письмена на приборной доске, прежде чем положить ладони на кнопки и рычаги.

— Вот это и вот это, я полагаю, — уверенно сказал он, и мощная пульсация снизу отозвалась положительным образом.

— Уровни энергии? — спросил профессор.

— Девяносто девять процентов, — сообщила Мэри, сверяясь с датчиком и пристегиваясь к креслу ремнями безопасности вполне человеческого вида.

— Предварительную последовательность, пошел! — объявил лорд Карстерс, лихо опуская ходовой рычаг. Машина сразу же вся затряслась, и из коробки на стене посыпался дождь искр. Лорд быстро вернул рычаг в исходное положение.

— Эта проклятая штуковина закоротилась, — громко рявкнул, вскакивая с сиденья, проф. Эйнштейн. — Один момент.

Когда профессор направился к задней части машины, Мэри бросила ему сверкающий медный клин, увенчанный буравчиком. Поймав его одной рукой, проф. Эйнштейн исчез в машинном отделении, и оттуда донеслись звуки сильных ударов.

Рассматривая открытую электросхему в стене, Мэри передвинула какие-то шумные компоненты на новые места, словно перебросив костяшки на четырехмерных счетах. Мигающие огоньки при этом меняли цвет и оттенок.

— Налажено, дядя! — крикнула Мэри, не поворачивая головы.

— Ну, по крайней мере, на время, — заявил, выходя из машинного отделения с сильно погнутым медным клином, проф. Эйнштейн.

При виде поврежденного инструмента Мэри недовольно поморщилась, а профессор, возвращая его, лишь пожал невозмутимо плечами.

— Я правда старался действовать как можно мягче, — сказал он извиняющимся тоном.

— Конечно, — пробормотала себе под нос Мэри, бросая инструмент в привинченный к полу ящик. В нем валялся еще с десяток инструментов в столь же обезображенном виде. *Эти мужчины!*

Снова усевшись на свое место, проф. Эйнштейн туго затянул ремень безопасности.

— Попробуйте еще раз, юноша.

С некоторым трепетом, лорд Карстерс перевел в нужное положение немножко другой рычаг, и боевая машина резко рванула с места, проломившись прямо сквозь деревянную дверь каретного сарая и оставляя за собой тучу щепок.

Когда машина бешено понеслась по лужайке, Карстерс шарахнул кулаком по шкале, и треножник, покачиваясь, остановился. Под действием прямых солнечных лучей обзорный экран автоматически поляризовался, чтобы исключить нежелательные блики.

Чувствуя на себе взгляды двух других членов их маленького экипажа, лорд повернул голову и сконфуженно улыбнулся.

— Виноват. Давненько не практиковался, знаете ли.

— Ну, дверь все равно уже пора было заменить, юноша, — пожал плечами проф. Эйнштейн.

Хрустнув суставами пальцев, лорд Карстерс нежно прошелся обеими руками по приборам управления. Кряхтя и шипя, телескопические ноги выдвинулись, и полусфера с громким скрипом поднялась на полную высоту. Внизу между двумя мужчинами из пульта управления выскользнул небольшой экран, показывая

вид прямо под полусферой. Вытянув шею, лорд Карстерс увидел, что все три толстые опоры покрыты пятнами ржавчины, а одна держится только благодаря большой приваренной заплате. Но инопланетная механика, кажется, работала отлично, несмотря на все шумы и вибрации.

Щелкая рычажками и поворачивая ручки, лорд Карстерс выбрал более разумную скорость движения. Гремя на каждом шагу, ходячая машина неуклюже протопала мимо музея. Когда она появилась в поле зрения, улыбающаяся леди Данверс на крыше бросила перезаряжать оружие и одобрительно подняла вверх большой палец.

— Что за великолепная женщина, — с печалью в голосе вздохнул проф. Эйнштейн.

Заставив треножник изящно перешагнуть через увитую колючей проволокой железную ограду, лорд Карстерс осторожно повел машину по Уимпол-стрит по направлению к месту битвы. К сожалению, двигаться без постоянной качки и тряски было почти невозможно, поскольку огромные, сегментированные башмаки на концах выдвижных металлических ног вибрировали на каждом мелком ухабе.

— Сэр, вы уверены, что машина готова к бою? — спросил лорд Карстерс, отчаянно сохраняя контроль над инопланетным треножником.

С грустью вспоминая верный акулий зуб, профессор нервно погладил заменивший его в деле приношения удачи клык динозавра.

— А у нас есть выбор? — спросил он напрямик.

— Нет, ни малейшего, — ответила Мэри, изо всех сил борясь с тряской.

Несмотря на все старания лорда Карстерса, треножник шел по улице пьяными зигзагами, а город на обзорном экране все время подскакивал, сводя с ума экипаж. К счастью, эта дергающаяся качка мало воздействовала на прочную конституцию закаленных мореплавателей.

Пытаясь что-то разглядеть сквозь завесу клубящегося дыма, проф. Эйнштейн мельком увидел, как кальмар расчленяет батальон королевских драгун — во все стороны разлетались куски людей и лошадей. При виде этой резни в горле у него поднялся твердый ком, но профессор усилием воли отправил его на прежнее место. *А вот и мы, приятель!*

— Цель в поле зрения! — объявил проф. Эйнштейн, ощущая прилив холодной ярости.

— Дистанция до цели, э-э, восемнадцать *фруконгов*! — громко доложила Мэри, считывая показания с похожего на слезу датчика.

Продолжая управлять треножником, Карстерс мысленно произвел пересчет. *Значит, это будет... сто двадцать три и четыре десятых ярда. Достаточно близко.*

— Приготовить тепловой луч! — приказал он.

— Есть, — сказал Эйнштейн, вытягивая рычаг и нажимая в восходящем порядке три кнопки.

Мэри наблюдала на маленьком экране, как на макушке полусферы открылась диафрагма круглого порта и из него поднялась скелетообразная конечность из металлической арматуры. На самом конце находился приплюснутый и похожий на обычную коробку аппарат, отдаленно напоминающий проектор американского «волшебного фонаря»; большие кристаллические линзы закрывала решетка-жалюзи.

* * *

При виде небританского треножника убегающие штатские делались белыми как мел, собаки принимались выть. Взрослые мужчины вопили, женщины ругались, а лошади падали в обморок. Все солдаты в Лондоне, не раздумывая, обращали оружие в сторону старого ненавистного врага, мгновенно забывая про бесчинствующего кальмара. Когда треножник, пошатываясь, двинулся к реке, вокруг него смертоносным дождем засвистели десятки снарядов.

* * *

— Профессор, это ужасно! — прорычал лорд Карстерс, когда два снаряда столкнулись прямо в воздухе. Получившийся в итоге сдвоенный взрыв осыпал треножник горячей шрапнелью, барабанящей, словно град.

— Я боялся, что именно это и может произойти, — мрачно сказал профессор, проводя кончиками пальцев по пульту управления.

— Они принимают нас за венериан! — сообразила Мэри, придерживая рукой кепку. — Банни, сделай же что-нибудь!

С резким металлическим лязгом в стене полусферы рядом с овальным люком появилась вмятина. Потом она выправилась, но освещение на стенах померкло и вернулось лишь очень медленно.

— Хорошо стреляем, ребята! — похвалил лорд Карстерс, махая кулаком. — Да на такой дистанции! Это действительно очень впечатляет, сэр.

— Очень жаль, что мы на их стороне, — пробурчал профессор, пригибаясь пониже.

— Ну, это решается легко, — заявил лорд, виртуозно бегая пальцами по пульту управления. — Давайте просто покажем им, на чьей мы стороне. Форсировать поток железа! Мне нужна полная мощность!

— Готово! — ответил, нажимая кнопки, проф. Эйнштейн. — Двигатели двадцать на двадцать.

— Боевые посты! — громко скомандовала Мэри.

Пока лорд Карстерс трудился, петляя в поисках прохода сквозь ураганный обстрел, профессор Эйнштейн заглянул в прикованный цепью к стене небольшой журнал и щелкнул несколькими рычажками на пульте управления. Одна из ползущих вдоль нижнего края обзорного экрана фигур поднялась и приняла вид сужающихся концентрических кругов. Неловко возясь с механизмом не предназначенной для человеческих рук координатной рукоятки, профессор тщетно пытался поместить круги на колоссального зверя, но беспорядочные броски треножника из стороны в сторону делали его задачу почти невыполнимой.

— Остановитесь на мгновение, юноша, — велел Эйнштейн, закусив губу.

Что-то там нажав, что-то потерев, лорд Карстерс заставил машину резко остановиться. Артиллерийские снаряды тут же начали рваться ближе к ним. Толкая рычаг обеими руками, Эйнштейн сумел навести самый внутренний круг системы прицеливания на видневшегося в отдалении кальмара.

— *Ан гард*, демон! — хрипло прорычал профессор, стискивая рычаг.

28

Из потрепанной коробки на конце металлической руки вырвался бледный луч и угодил в Колонну Нельсона, превратив бронзовую статую в пышущую жаром лужу.

— Проклятье! — пробормотал, выпуская рычаг, проф. Эйнштейн. — Должно быть, калибровка сбилась. Никогда не думал, что доведется применить эту машину в бою!

— Сэр, пока мы не продемонстрировали честность наших намерений, мне бы очень не хотелось предоставлять им неподвижную мишень, — проговорил сквозь сжатые зубы Карстерс, когда град снарядов разнес в клочья стоявшую поблизости водонапорную башню. — А в равной мере и кальмару.

Колосс с кошмарной скоростью устремился к ним, его смертоносные щупальца извивались словно клубок змей.

— Ладно, юноша, попробуем еще раз! — невозмутимо произнес профессор и снова потянул рычаг.

* * *

И вновь еле видимый тепловой луч из устройства инопланетян рассек пространство над Лондоном по направлению к гигантскому кальмару. Но на этот раз он попал. Блеснула вспышка сверхраскаленной материи, и два щупальца зверюги буквально испарились под ударом луча.

Дернувшись от боли, Бог Кальмар издал визг, поразбивавший стекла и стерилизовавший кур на дюжину миль вокруг.

* * *

— Черт подери, сработало! — закричал лорд Карстерс, снова приводя в движение треножник.

— Чертовски хороший выстрел, дядя, — одобрила Мэри, вставляя новую синюю штуку в стену, где старая синяя штука растрескалась в пыль и осыпалась на покрытую плетеным ковром палубу.

* * *

— Прекратить огонь! — крикнул генерал, пытаясь сфокусировать бинокль сразу на всем.

Пушки постепенно замолкали, а офицер не мог понять, что, собственно, происходит. *Действующая венерианская боевая машина пришла, пошатываясь, из северной части Лондона и вступает в бой с гигантским кальмаром? Эти двое что, борются за превосходство?*

Генерал нахмурился. *Нет, это бессмыслица. Возможен только один ответ. Антикварная машина, появляющаяся где-то в районе Уимпол-стрит, может означать только Международный Британский Музей Похищенных Древностей. Ну, владелец музея, может, и аттестованный сумасшедший, но он свой до мозга костей.*

— Это тот безумец, проф. Эйнштейн! — крикнул генерал стоявшему рядом лейтенанту. — Известите всех! Эта проклятая штука на нашей стороне!

— Да, сэр! — четко ответил лейтенант и помчался искать сержанта для выполнения задания.

А еще через несколько мгновений сигнальщики уже усердно семафорили, разнося по всему Лондону невероятное сообщение. Вскоре замахали флажки, давая предупреждение, в небо взвились сигнальные ракеты, и музыкально затрубили горны.

Довольно сильно не желая исполнять такой странный приказ, солдаты медлили отводить пушки от ненавистного треножника и снова направлять их на гигантского кальмара. Но, как всегда, английская армия слепо подчинилась приказу и предоставила инопланетной боевой машине полную и неограниченную свободу действий в столице.

* * *

Треножник бренчал на каждом шагу, через прореху в днище полусферы крошечными частичками сыпалась ржавчина, но лорд Карстерс гнал боевую машину в смелую атаку на дрожащего кальмара. Разъяренный противостоянием, демон проухал вызов, издав ужасный звук, похожий на вопль кошки.

А внутри полусферы затянутая проволочной сеткой коробка на стене выпалила:

— *Ту'энд деоухф? Гохб Вспфм дгфудбкс джакс!*

Эйнштейны и Карстерс переглянулись в полнейшем шоке.

— Это венерианский, — с удивлением определила язык Мэри, обматывая изолентой подтекающую трубу.

— Это вроде механического переводчика, — предположил лорд Карстерс, поворачивая одновременно два регулятора.

Работая рычагом прицеливания, проф. Эйнштейн кивнул, соглашаясь с ним.

— Не знал, что треножники обладают такой способностью, — заметил он. — Хотел бы я знать, что еще такого может делать эта проклятая штука, о чем мы не знаем?

* * *

Едва видимый в утреннем свете, инопланетный луч смерти проткнул воздух над крышами и снова поразил кальмара. Зверь на этот раз среагировал и получил лишь касательный удар. Тем не менее, при контакте толстый кусок твари превратился в горячий пар. Ухая от мучительной боли, кальмар попытался спрятаться за церковью, но луч снова достал его, аннигилировав еще один кусок пульсирующей кальмаровой анатомии.

Хотя Бог Кальмар был жесток, злобен, кровожаден и не дарил друзьям подарки на день рождения, он был отнюдь не глуп и мог распознать настоящую опасность, когда та возникала. Твердо решив как можно быстрее разделаться с новым противником, обезумевший моллюск совершил единственно логичный поступок в таком положении. Он бросился в лобовую атаку на ветхую машину.

* * *

В полусфере коробка-переводчик переключилась, наконец, на английский и изрыгнула поток вульгарностей, где в основном фигурировали анальные отверстия и острая палка.

Ах, как нехорошо, совершенно определенно нехорошо.

— Тактика уклонения! — выкрикнул лорд Карстерс, засовывая палец в отверстие на пульте управления и царапая внутреннюю поверхность.

Накренившись, инопланетный треножник описал вихляющий круг, ноги его едва не сплетались в узел, когда он уворачивался, уходя с пути носорожьего броска монстра. Увлекаемый собственной инерцией, кальмар проскочил мимо треножника и врезался в здание Вестминстерской ратуши, взметнув в дымное небо каменные блоки и конторскую мебель. Когда оглушенный кальмар выбрался из-под обломков разрушенного здания, тепловой луч чиркнул по покрытому слизью торсу, и новая порция адского отродья болезненно разлетелась на атомы. Обезумев от отчаяния, кальмар поднял как щит кусок разрушенного здания. Но бледный луч с невероятной меткостью прошел сквозь одно окно и вышел через другое, поразив кальмара прямо между глаз.

С исчезновением куска мозга до кальмара дошла, наконец, леденящая кровь правда: он сообразил, что вот-вот проиграет бой. А это переводилось как у-умереть! Обратившись в бегство, кальмар успел миновать всего один квартал, прежде чем тепловой луч снова угодил в него и отсек четвертое щупальце. Бессмысленно хлеща вокруг, тлеющий канат мускулов упал на улицу, раздавив, по иронии судьбы, одновременно фургон с пивом и зал собраний общества трезвости.

Пока треножник задержался, чтобы распылить конечность на атомы, раненный кальмар воспользовался затишьем и навел на себя с десяток исцеляющих чар.

Ну вот, так-то лучше, облегченно вздохнул он. А затем демона захлестнула кипучая волна моллюскового безумия, и он собрался для продолжения борьбы.

Кружа друг против друга, на манер кулачных бойцов, два диковинных противника осторожно искали возможность быстро закончить смертельный бой. Хотя кальмар и устранил все причиненные ему на текущий момент повреждения, он существенно уменьшился в размерах за счет утраченной мышечной ткани.

Кальмар выбросил щупальце, но не попал по полусфере. В ответ тепловой луч прошелся косой по району, запалив с десяток крыш и попав кальмару прямо в левый глаз.

Когда око лопнуло, превратившись в маслянистый пар, Бога Кальмара затопила всепоглощающая боль. Полуослепший, каль-

мар решил, что с него хватит. Даже окончательная «кончина-после-которой-нет-возврата» будет предпочтительней этой унизительной смерти дюйм за дюймом.

Закрутившись на месте в вихре колышущихся щупалец, кальмар призвал на помощь свою мать-луну, а затем, теряя рассудок, перевел часть собственной жизненной силы в наведение невероятно смертельных чар. С жестом, уханьем и пиротехнической вспышкой, кальмар выпустил из своего оставшегося глазного яблока искрящийся луч стихийного уничтожения.

Этот прожорливый луч аннигилировал самый воздух, когда, пересекая Лондон, летел к вражеской боевой машине.

* * *

Все тревожные системы, сирены, звонки и гудки, какими обладал венерианский треножник, голосили о надвигающемся вале энергии.

— Ложись! — заорал лорд Карстерс, ударяя по кнопке.

Зашипел пар, ноги сократились, и полусфера резко снизилась, но все же не достаточно быстро. Шипучий луч смерти попал своим адским свечением прямо в полусферу! Но этот переливающийся магический клинок остановился в каком-то ярде от поверхности инопланетной машины и безвредно разлетелся на брызги, словно струя воды, ударившая по невидимому стальному листу.

Некоторое время в полусфере слышалось только гудение механизмов.

— Совершенно невероятно, — выдохнул проф. Эйнштейн, не в состоянии оторвать глаз от фантастической игры света снаружи.

— Похоже, мы защищены каким-то своего рода энергетическим пузырем, — попыталась найти разумное объяснение случившемуся Мэри, изучая эффект на своем маленьком обзорном экране. — Это как силовое поле вокруг магнита.

— Очень даже логично, что у венериан имеется защита от энергетического оружия, — мрачно улыбнулся лорд Карстерс, крепче сжимая рулевое управление. — Но до чего же здорово! Этот невидо-щит дает нам сильное преимущество!

Невидо-щит? — За королеву и страну! — выкрикнул, размахивая кулаком, проф. Эйнштейн в приливе патриотизма.

Подняв полусферу на полную высоту, лорд Карстерс энергично двинул машину вперед, в то время как проф. Эйнштейн еще раз хлестнул тепловым лучом, и еще, и еще! Но несмотря на относительно небольшое расстояние, разделявшее противников, бледный луч растаял в ничто, прежде чем достиг съежившегося от страха кальмара.

— Ну, что еще стряслось? — спросил профессор.

— Мощность десять на десять, — доложила Мэри, с тревогой глядя на датчик. Она легонько постучала по нему резиновой вилкой, но показания остались прежними.

— Ну так форсируй поток железа, девочка! — твердо приказал проф. Эйнштейн.

— Уже форсировала, дядя! — огрызнулась она. — Это бесполезно. Защитный энергетический пузырь потребляет слишком много энергии. Мы не можем одновременно и драться, и сохранять пузырь.

— Тогда отключи невидо-щит, — спокойно предложил лорд Карстерс, похрустывая костяшками пальцев готовясь к возобновлению боя.

Невидо-щит? — С удовольствием, — фыркнула Мэри, делая жест в сторону переплетения схем инопланетных приборов на своем боевом посту. — Когда мне скажут, как это сделать!

— Гм, хороший довод, — грустно признал профессор. — Есть какие-нибудь предложения?

— Дайте мне минуту, — попросил лорд Карстерс, уставившись на пульт управления и мысленно переносясь к смутно памятным временам учебы в военном колледже.

— Сожалею, юноша, — отвлек его проф. Эйнштейн, показывая на экран, — но, похоже, у нас нет этой чертовой минуты. Смотрите!

* * *

Хотя кальмар испытывал головокружение от крупного расхода магии, он решил испробовать еще один вариант. Подняв передние щупальца, кальмар раскрыл клюв и изрыгнул на улицу

под треножником смесь огня и кислоты. Чисто химического состава струя беспрепятственно прошла сквозь защитный экран и образовала на мостовой лужу, которая стала быстро растворять гранитные булыжники.

Когда сегментированные башмаки треножника начали погружаться в пенящуюся лаву, машина стала крениться. Ухватившись за такую возможность покончить с врагом, кальмар быстро проглотил невыплюнутый остаток яда и выдохнул волну лютого холода. На треножник обрушились снег и лед, но он уже выбрался из лужи расплавленного камня на твердую почву. Он, правда, хромал на каждом шагу, так как его башмаки теперь были покрыты глыбами затвердевшего камня.

* * *

Выйдя из-за керамической решетки, Мэри победоносно помахала перерезанным кабелем.

— Силовое поле отключено! — крикнула она, отбрасывая в сторону прозрачную трубку.

— Превосходно, — проворчал профессор, сразу же стреляя тепловым лучом.

На этот раз бледный луч достиг кальмара, куски мяса полетели в разные стороны, и еще одна немалая часть монстра дезинтегрировалась. Вой потрепанного кальмара был таким громким, что на него откликнулись баньши из далекой Ирландии. Из зияющей раны хлынул поток крови, а затем разрыв тканей со стуком захлопнулся и исцелился, не оставив шрама.

Зрелище было ошеломляющее! Но еще важнее — проф. Эйнштейн, Мэри Эйнштейн и лорд Карстерс увидели, что чудовищный кальмар от потери плоти снова уменьшился в размерах. Теперь он был ярдов десяти ростом — почти такой же величины, что и венерианский треножник.

— Наконец-то будет честный бой! — заорала Мэри, с жестокой радостью работая приборами управления. — Пришла пора умереть, кальмарчик!

Будто тоже осознав это, Бог Кальмар испустил пронзительный визг чисто водной ярости и ринулся на треножник, размахивая всеми щупальцами.

Пытаясь увернуться, лорд Карстерс заставил треножник закрутиться вокруг своей оси словно дервиш-вертун, переквалифицировавшийся в балерину, но это ни к чему не привело. Покрытое слизью зеленое щупальце обвилось вокруг ржавой металлической ноги и вцепилось в нее мертвой хваткой. Снова заговорил тепловой луч, прожигая в кальмаре новую дыру. Монстр проигнорировал это уничтожение собственной плоти и, колыхаясь, придвинулся ближе, чтобы обвить полусферу всеми своими оставшимися щупальцами и сжать. Ух как сжать!

Сигнализация заголосила по всему венерианскому треножнику, а полусферу наполнило гулкое биение сердца гигантского кальмара, подобное угрожающему бою барабанов в джунглях; цвет индикаторов на пульте управления сменился с красновато-коричневого на розовато-лиловый, а бегущие строки на экране сменились остроконечными символами.

— Я не могу сдвинуть треножник! — прорычал лорд Карстерс, уже почти сгибая рычаг управления. — Мы в ловушке!

Обзорный экран заслонило пятнистое брюхо кальмара, его щелкающий клюв долбил по полусфере, а раздвоенный язык жадно лизнул по наружной стороне, оставляя после себя след шипящей красновато-коричневой слизи.

— У меня то же самое, юноша! — крикнул проф. Эйнштейн, хлопая ладонью по пульту. — Я не могу сфокусировать тепловой луч на чудище, когда оно так близко!

Взглянув на свой маленький экран, Мэри увидела, что поддерживающая коробку теплового луча механическая рука придавлена к полусфере толстым щупальцем и сотни присосок на изогнутом отростке прилипли к инопланетному металлу. Затем один участок щупальца случайно сдвинулся и оказался прямо перед коробкой теплового луча.

— Дядя, стреляй сейчас же! — приказала она.

— Есть! — воскликнул профессор, нажимая на спуск. Но он опоздал на какую-то долю секунды — щупальце переместилось, и луч ушел в облака.

— Проклятье! — рявкнул лорд Карстерс, наклоняясь поближе для лучшего обзора. *Давай, кальмарчик, сделай-ка это еще разок.*

Мэри ахнула и отшатнулась от экрана, когда тонкие руки манипуляторов, применявшиеся ранее, чтобы хватать жертвы и швырять их в корзину позади полусферы, ожили по собствен-

ной воле и вытянулись в попытке отремонтировать большую механическую руку.

Затаив дыхание, девушка смотрела и с надеждой ждала. Но попытка оказалась бесплодной, так как щупальце раздавило одну из крошечных рук-манипуляторов. Пришедшая на помощь другая рука слабо колотила монстра с жалкими результатами.

Стеная от напряжения, полусфера слегка прогнулась, и группа кабелей вырвалась из гнезд, хлеща по всему внутри, выбрасывая искры и розоватый пар. Проф. Эйнштейн и лорд Карстерс бросились на пол, как раз когда кабели просвистели прямо над ними. Повыдергивав какие-то липкие инопланетные пробки на стене, Мэри сумела отключить энергию, и кабели успокоились, попадав на палубу, столь же бессильные, как фламандская армия.

— Чисто! — крикнула она, когда умолкла сигнализация. Теперь машину космических пришельцев наполняло всепроникающее гудение генераторов и непрерывный стук прижатого к полусфере нечеловеческого сердца кальмара. Действовало это весьма устрашающе.

Снова забравшимся на сиденья Эйнштейну с Карстерсом не требовалось никаких понуканий — они неистово щелкали рычажками, нажимали на кнопки, давили на рычаги и поворачивали ручки.

— Должен признать, это был чертовски умный тактический ход, — с досадой бросил лорд Карстерс. Пальцы его плясали по кнопкам пульта в попытке слить на кальмара излишек аллотропного железа. Но выходное отверстие слива не открывалось под давлением все более плотно сжимающихся щупалец.

— Как ни печально, соглашусь с вами, — промолвил проф. Эйнштейн, пытаясь шунтировать энергию двигателей и вывести электроток на корпус. Какое-то устройство автоматической обратной связи упорно не давало ему это сделать и в конце концов вообще отключило данный участок пульта управления, чтобы предотвратить дальнейшие попытки. Проклятая автоматика!

Внутренние переборки начали со страшным треском гнуться, затем покоробился люк, прочно заклинив выходную дверь.

— Если кто-нибудь из нас считает себя чертовски умным, — добавил лорд Карстерс, оставляя в покое бесполезный пульт управления, — то будьте любезны высказаться побыстрей или храните молчание вечно!

В течение целой минуты единственными звуками были стенания деталей конструкции и страшный смех обнимающего полусферу кальмара.

— Слушайте, а я придумала! — воскликнула Мэри, расстегивая ремень безопасности и вставая, ухватившись за опорную стойку. — Мы можем прихватить этого гада с собой!

Круто повернувшись на сиденье, проф. Эйнштейн в ужасе уставился на девушку.

— Ты... ты предлагаешь, чтобы мы *преднамеренно* взорвали двигатели? — спросил он.

— Да, именно.

— Дорогая девочка, это же чистый блеск! — радостно крикнул профессор, срывая собственный ремень безопасности. — Когда в Бельгии, ближе к концу Событий, взорвался тот венерианский треножник, то тот взрыв сровнял с землей целый городской квартал!

Уже поднявшийся с сиденья лорд Карстерс покачнулся, удерживая равновесие в кренящемся треножнике.

— Идея — супер! — гаркнул он, перекрывая все нарастающий шум, создаваемый монстром и машиной. — Взрыва таких масштабов должно более чем хватить, чтобы эта тварь убралась в тот ад, из которого она явилась.

— В трюм! — крикнула Мэри, размахивая тяжелым гаечным ключом, и бросилась в заднюю часть полусферы.

Проникнув за керамическую решетку, трое исследователей кинулись через дверь, очертаниями напоминавшую песочные часы. В машинном отделении они остановились, внимательно глядя под ноги. Здесь не было пола как такового, только невероятная путаница проводов, трубок, шлангов, изоляционных труб, кабелей, катушек и шин, заполнявших машинное отделение со всех сторон.

— Как же мы подорвем силовую установку? — обеспокоенно спросил Карстерс, окидывая взглядом лабиринты механики.

— Главная трудность всегда состояла в том, как *не дать* этому проклятому устройству взорваться, — поправила его Мэри, закатывая рукав. Выбрав цель, девушка принялась молотить гаечным ключом по блоку высокочувствительных кристаллов, поочередно разбивая вдребезги каждый из них.

Схватив молоток, профессор принялся помогать разрушению.

— Скорее за дело, юноша! Часто ли выпадает случай вандализировать бесценный артефакт, не покидая британской территории?

Несмотря на не располагавшую к тому ситуацию, лорд усмехнулся. *Черт возьми, это будет нечто иное!* Схватив тяжелый разводной ключ, он присоединился к общим усилиям. Расколов зеленую светящуюся трубку, Мэри сунула гаечный ключ в нутро тонкой матрицы, составленной из серебряных проводов в сочетании с цветущим кустом. Последовала вспышка, резко запахло озоном, брызнуло горячим древесным соком, и ровное гудение механизмов начало увеличивать частоту и тональность, пока не перешло в пронзительный вой.

— Вот и готово, — весело заключила Мэри, отряхивая ладони. — У нас есть минута, прежде чем рванет, а может и меньше; так что давайте убираться.

Бросив молоток, проф. Эйнштейн ухватился за ручку аварийного спасательного люка и потянул на себя, но металлический лист отказался поддаться. Попробовав снова, он заметил, что край люка погнут — кальмаром, а может, взрывом британского артиллерийского снаряда.

Сокрушаемые яростной силой, клепаные швы полусферы разошлись с пулеметным звуком, и кальмар заухал еще громче, в то время как вой инопланетных двигателей принял ноту смертной неотвратимости.

— Мы обречены, — сказал профессор, опустив плечи. — Никакая сила не сможет открыть этот люк!

29

С визгом терзаемого металла порт распахнулся, и лорд Карстерс отбросил в угол сломанную ручку.

— Впрочем, опять же, я могу и ошибаться, — запинаясь, закончил профессор.

Посмотрев через открытый люк, обливающиеся потом соратники увидели извивающиеся щупальца, обвившие ржавые ноги. Протестующее стеная, опоры начали гнуться.

— А теперь быстро, за мной! — скомандовал лорд Карстерс, пролезая через люк.

Раскачав тело, лорд пролетел по воздуху, уцепился за металлическую ногу и быстро соскользнул по ней, приземлившись на щупальце. Пробравшись мимо чмокающих присосок корчащегося отростка, Карстерс целым и невредимым скатился на лужайку перед расплющенным домом. Лорд посмотрел наверх и сделал друзьям знак следовать за ним.

Мэри, не колеблясь, выпрыгнула из помятого люка и неловко повторила процедуру, за исключением того, что ее путешествие закончилось в объятиях лорда Карстерса. Когда они сорвали короткий поцелуй, к их ногам спрыгнул наземь проф. Эйнштейн.

Исследователей накрыла тень, и, обернувшись, они увидели загораживающего солнце Бога Кальмара. Выстреливая из глаза лучи смерти, кальмар выдохнул из пасти огонь, в то время как корчащиеся щупальца сильнее стиснули подающуюся полусферу, и все усиливали хватку. Из открытого люка машинного отделения вырвалась струя розового пара, и в ту же секунду внутренность полусферы озарилась красным отсветом.

Быстро переглянувшись, трое исследователей бросились бежать со всех ног.

— К реке! — заорал проф. Эйнштейн, бешено работая тощими ногами. — Вода должна дать какую-то защиту!

— Образцово, сэр! — крикнул лорд Карстерс.

— Заткнись и беги! — приказала Мэри, срывая с себя мешающий бежать фартук механика. Скандально подобрав юбку, женщина рванула в полный спринт, несмотря на тяжелый гипс на ноге.

Воспитанные английские джентльмены, Эйнштейн и Карстерс отвели взгляд от ее обнаженных коленей и сконцентрировались на сумасшедшем беге; Темза была уже совсем близко.

Уголком глаза проф. Эйнштейн увидел упряжку лошадей, тянущих по берегу реки пожарную телегу. В телегу набилась дюжина солдат с факелами и масляными фонарями. Теряя драгоценные секунды, профессор притормозил и попытался привлечь их внимание, крича и махая руками, но группа была уже слишком далеко, чтобы услышать. С тяжелым вздохом проф. Эйнштейн повернулся к храбрым солдатам спиной и продолжил безумный бросок. *Теперь уже в любую секунду....*

Воздух разорвало громовое уханье, и у лорда Карстерса почему-то возникло ощущение, что адресовано оно именно им.

Быстро глянув через плечо, похолодевший лорд увидел, как Бог Кальмар несется к ним с по-прежнему запутанной в его щупальцах вибрирующей венерианской боевой машиной.

Выдав геркулесовский спурт, Карстерс понесся вперед, подхватив на бегу под мышки пожилого профессора и раненую Мэри. Крепко прижимая их к себе, лорд Карстерс летел к реке, а тень гигантского кальмара уже накрыла их своей чернотой. Ноги лорда молотили по твердой земле, а сердце, казалось, было готово выскочить из груди от напряжения. Честь требовала от него полной отдачи, но любовь просила еще больше, и лорд Карстерс нажимал, превозмогая боль, заставляя себя мчаться еще быстрее и быстрее, пока мир вокруг не потерял очертаний, смазанный движением. Время остановилось. Звуки пропали, и не было ничего, кроме грохота его шагов.

Неожиданно от волос Мэри шибануло ароматом гардений. *Нет, погоди,* — нахмурился лорд, — *да это же профессорская помада для волос. Какой, однако, странный парфюм для порядочного английского джентльмена. Да уж, нечего сказать!*

Очутившись вдруг в воздухе, лорд Карстерс сообразил, что он, должно быть, маханул прямо через парапет набережной. Глянув вниз, лорд увидел переливающийся простор Темзы, и в этот самый момент мир заполнила ослепительная вспышка света.

Падающих исследователей настигла упругая волна воздуха, их швырнуло в воду, когда нарастающий рев грома достиг нестерпимого уровня. Пробив вспененную поверхность, Эйнштейн, Карстерс и Эйнштейн разделились и заработали руками, стремясь погрузиться поглубже. Мутную воду прорезал свет ярко полыхающих наверху огней, вслед за ним последовала волна жгучего жара, который распространился в толщу воды, не дойдя до них всего нескольких ярдов.

Достигнув дна реки, исследователи направились к прожаревшему корпусу затонувшего буксира. Лежащее на боку судно предлагало свободный доступ через дымовую трубу. Когда люди заплыли внутрь, стайка форелей поспешила выскочить наружу и сильно поредела под падающим сверху дождем обломков. На буксир упал кусок полусферы, в результате чего деревянный корпус разлетелся в туче ила и щепок. Что-то твердое отскочило от железной трубы, и погруженные в воду исследователи прикрыли уши от пронзительного звона. От каждого лязга у них клацали зубы, а тела тряслись от неприятного резонанса.

Проф. Эйнштейн, лорд Карстерс и Мэри Эйнштейн наблюдали из железной трубы, как мимо опускались раскаленные куски перекрученного металла и полурасплавленного камня. Оставляя в своем турбулентном погружении инверсионный след из пузырьков, обломки с глухим стуком ударялись о дно реки. Эти метеоритные удары взметнули со дна темные тучи ила, которые жутковато поднимались вверх, словно нечеловеческие руки, чтобы тут же изогнуться под действием небыстрого течения и вытянуться за пределы видимости.

На поверхности реки продолжали плясать причудливые огни. Но вихрь уничтожения вскоре замедлился и, наконец, полностью остановился. К этому времени легкие исследователей уже почти лопались, но они заставляли себя держаться под водой как можно дольше.

Еще минута, две. Начиная уже слегка синеть, исследователи кивнули друг другу и храбро всплыли к поверхности. Направляясь в сторону противоположного берега, они высунули из воды лишь носы и жадно втягивали в себя свежий воздух.

Когда их сердца перестали бешено колотиться, а перед глазами прекратили плавать черные пятна, трио поплыло под водой, пока не добралось до камышей на противоположном берегу. Осторожно всплыв среди илистой растительности, мокрые исследователи увидели, что набережная напротив превратилась в адский смерч огня и дыма, а в небо поднимается грибовидное облако. Гулкое эхо титанического взрыва все еще гремело по Лондону, словно раскаты грома в далекой долине. Целые кварталы сровняло с землей, из уцелевших зданий десятки были охвачены бушующим пламенем, которое уже невозможно было остановить. Но нигде не было видно ни венерианского треножника, ни Бога Кальмара.

— Выглядит неплохо. Но лучше все проверить, чтобы не было никаких сомнений, — стоически сказала Мэри. Снова нырнув в воду, девушка поплыла обратно через неспокойную реку, оставляя за собой молочный инверсионный след от растворяющегося гипса.

— Господи, я определенно надеюсь, что он сдох, — пробормотал проф. Эйнштейн, пускаясь вплавь по-собачьи следом за племянницей.

— Да обязан был сдохнуть, черт побери, — проворчал лорд Карстерс. — Что могло уцелеть после такого взрыва, а?

Данное утверждение было вполне логичным, и все же, когда они приближались к разгромленному берегу, профессор внимательно высматривал, не наблюдается ли там какого-нибудь подозрительного движения.

Поднявшись на разбитую набережную, исследователи проползли по зигзагообразной трещине и добрались, наконец, до того, что прежде было улицей. Насквозь промокшие, трое спутников пробирались среди нагромождений каменных обломков, осматривая курящуюся зону взрыва. Чем ближе к эпицентру, тем гуще становился дым, который вдруг полностью рассеялся, явив взорам образовавшийся в земле огромный кратер — зияющую впадину, заполненную бурлящей расплавленной лавой.

— Finito[1], — облегченно вздохнул Эйнштейн.

— Все отлично, милая, — поздравил Мэри лорд Карстерс, поправляя промокший галстук. — Твой великолепный план сработал безупречно.

— Черта с два! — воскликнула Мэри, протягивая руку. — Смотрите!

Мужчины повернулись и ахнули. В конце квартала по разрушенной улице слабо полз двухфутовый Бог Кальмар.

— Сукин ты сын! — выругался проф. Эйнштейн, выхватывая свой карманный «Адамс-32» и нажимая на спуск. Но речная вода просочилась в патроны, сделав их столь же бесполезными, как голосование при монархии.

Лорд Карстерс одним прыжком настиг монстра и припечатал его к земле регбийным приемом, сапогом прижимая одно из щупальцев. Больше удивленный, чем пострадавший, кальмар забился и сердито заухал. Схватив другое щупальце, лорд раскрутил кальмара и шмякнул его оземь. Совершенно не пострадавший от этого кальмар мячом отскочил от булыжников прямо Карстерсу в лицо. Лорд зашатался, и из сломанного носа у него хлынула кровь.

Приземлившись на все свои восемь щупалец, кальмар во всю прыть устремился к реке. С диким криком проф. Эйнштейн жестко принял его на корпус, и оба покатились по разбитой мостовой, влетев через остатки стеклянной витрины в магазин одежды. Катясь по полу магазина одежды, проф. Эйнштейн оставил без внимания ножницы, а схватил вместо них осколок

[1] Finito — конец (*ит.*).

витринного стекла и яростно всадил его в кальмара. Но потекла лишь красная кровь из его же порезанной руки, так как импровизированный кинжал отскочил от магической твари.

Словно горящие в темноте зеленые угли, глаза маленького кальмара запылали ненавистью, и вырвавшиеся из них слабые лучи залили Эйнштейна своим светом; он чувствовал, как его жизненная сила, самая его душа, тает под этими двумя лучами смерти. Выронив стекло, профессор поднял руку, чтобы заслониться, и кальмар врезал ему по колену, со слышимым хрустом переломав кости. Подавив крик боли, проф. Эйнштейн упал на бок и пнул здоровой ногой, отгоняя зверюгу.

Попытка была доблестной, но разъяренный кальмар схватил другой осколок стекла и двинулся на беспомощного профессора.

Ворвавшись через разбитую витрину, лорд Карстерс сунул в рот монстру стальное дуло «Веблея-44» и нажал на спуск. Тяжелый револьвер гулко грохнул, и глаза кальмара на мгновение вылезли из орбит. Но он тут же стиснул ствол своим попугайским клювом. Револьвер, который в этот момент производил выстрел, взорвался, Карстерса отбросило назад, и он вылетел на улицу с хлещущей из руки и груди кровью.

Тут, откуда ни возьмись, прилетел, со свистом рассекая воздух, декоративный садовый камень и хряснул Бога Кальмара по голове. Издав какой-то клекот, оглушенный монстр обмяк и упал.

— Дядя, помоги! — крикнула Мэри, бросая второй камень — последний, больше у нее не было. Грубый метательный снаряд угодил кальмару между глаз, и он застонал от боли, оглушенный ударом. Схватив его за щупальце, девушка пыталась опираться на здоровую ногу. Идти ей было очень трудно, так как куски промокшего гипса отваливались, обнажая деревянные шины и кожаные ремни. Но последние были всего лишь каркасом для гипса и не могли служить опорой.

Когда кальмар начал приходить в себя, профессор приковылял поближе к племяннице и ухватился за другое щупальце, распяв зверюгу между ними. Разъяренный таким простейшим тактическим ходом, кальмар бешено забился, пытаясь вырваться у них из рук.

— Найдите что-нибудь из оружия, юноша! — заорал Эйнштейн, стоя на невредимом колене. — Убейте эту проклятую тварь, пока она не сбежала!

Лорд с трудом поднялся и поискал взглядом ранее использованный садовый камень, но его нигде не было. Спотыкаясь на каждом шагу, Карстерс оглядел опустошенную округу в поисках какого-нибудь естественного оружия. Ничто из того, к чему приложил руку человек, не подойдет. Булыжники мостовой были высечены молотком и зубилом, кирпичи обожжены в печи, древесина распилена пилой; битое стекло, сковородки, вилки, топор, скребок для обуви, конский хлыст... *Цивилизация, черт побери! Неужели больше нет никаких обыкновенных камней? Неужели нет ничего натурального, не сработанного рукой Человека, чем он мог бы воспользоваться? Совсем ничего?*

А в обваливающемся здании Мэри и профессор начинали уже проигрывать разъяренному кальмару в состязании по перетягиванию каната. Смертоносный клюв на брюхе щелкал, прихватывая одежду и кожу, а ужасные глаза метали болезненно обжигающие искры. Было совершенно очевидно, что, в отличие от быстро устающих людей, кальмар начинал восстанавливать силы.

С сочащейся изо всех пор слизью, кальмар корчился у них в руках, и присоски на щупальцах жадно и влажно чмокали. Проф. Эйнштейн пытался удержать равновесие, но боль в сломанном суставе была мучительной. Поскользнувшись на разбитой черепице, профессор разжал хватку и растянулся на полу. Освободившийся наконец кальмар жестоко врезался в Мэри, свалив ее наземь; раздался ужасный треск ломающихся ребер.

Какое-то мгновение кальмар глядел на своих поверженных противников, жадно и торжествующе щелкая клювом. Но потом повернулся и потек к окну и расстилающемуся за ним миру. *Свобода важнее легкой немедленной закуски. Месть будет позже. О, да, меня теперь ничто не остановит!*

Когда кальмар перелезал через подоконник, в магазин ворвался обнаженный до пояса лорд Карстерс, размахивая горящей веткой дерева, которую он сжимал в обмотанных тряпкой руках. Рыча в необузданной ярости, лорд ткнул в кальмара неровно заостренным концом неоструганной ветки и давил, пока она не вышла с другой стороны.

Насаженный на ветку словно шашлык на шампур, болтающийся кальмар оцепенел, выбросив в стороны все подергивающиеся щупальца. Его попугайский клюв испустил вой мучительной боли. Из страшной раны хлынула зеленая кровь, и эта липкая жидкость мгновенно вспыхивала, едва касаясь пылающей ветки.

Яростно рыча, лорд Карстерс не выпускал ветку из рук, но его хватка поневоле ослабевала по мере того, как пламя разгоралось. Вскоре огонь охватил и его забинтованные руки. Боль была невероятной, и от запаха собственного горящего мяса лорд Карстерс ощутил позыв к рвоте. Но такой вариант как капитуляция был не для лорда. Карстерс знал, что судьба мира решается прямо здесь и прямо сейчас. Ничто не могло заставить его остановиться!

— За королеву и страну! — прорычал лорд Карстерс, поднимая ветку выше, надеясь, что пламя пожрет кальмара раньше, чем уничтожит его руки.

Внезапно в голове лорда отчетливо прозвучала телепатическая мольба сохранить жизнь, за которой тут же последовали предложения огромных богатств, безграничной власти, вечной жизни, абсолютного знания и всех самок, каких он только мог пожелать. *Все что угодно! Все!*

В полнейшем пренебрежении к этим посулам, лорд Карстерс наполнил свой разум мыслями о милой Мэри и шарахнул кальмара о кирпичную стену с целью поглубже загнать горящую ветку.

Потянувшись всеми щупальцами, кальмар вытащил из стены расшатанные кирпичи и швырнул их в лорда, сломав ему ребро и рассекши голое плечо. Плюнув кальмару в глаза, лорд Карстерс безжалостно задвигал острым концом ветки внутри монстра, отыскивая его злое сердце.

Кровь из раны хлынула сильнее. Визжа и ухая, кальмар снова направил телепатическую мольбу сохранить ему жизнь, обещая также вечную дружбу, а потом предлагая править миром вместе! Сосредоточив всю мощь своего отточенного учебой в Гарварде интеллекта, лорд Карстерс мысленно разъяснил монстру, куда именно он может засунуть свое предложение без какой бы то ни было смазки.

Теряя силы, кальмар слабо колотил лорда щупальцами. Затем он безумно разодрал собственную рану и брызнул кровью на ветку, направляя пламя в Карстерса. Тем временем лорд поворачивал палку в разные стороны, ища сердце выше в голове ужасной твари, круша и давя попадавшиеся при этом органы.

Дико молотя щупальцами, кальмар метнул в кровоточащее плечо лорда миниатюрную молнию. Буквально наэлектризованный, лорд Карстерс зашипел при этом опаляющем контакте,

но упорно не сдавался, даже когда его кожа трещала и обугливалась.

Внезапно кальмар сделался частично невидимым, потом стал миниатюрным венерианином, а затем плачущим человеческим младенцем!

Безжалостный как Лорд Верховный Палач, Карстерс шарахнул кальмара о ближайшее дерево, а затем опять о кирпичную стену. Он вновь и вновь вонзал ветку в дергающееся тело. Пробежала рябь, иллюзия младенца исчезла, и снова появился кальмар, с капающей из всех отверстий кровью. Крутя горящую ветку словно бурав, лорд Карстерс, не обращая внимания на боль в пальцах, снова пронзил монстра.

Содрогаясь всем телом, кальмар забился в жестоких судорогах, глаза в его шишковатой голове закатились. Раздался неразборчивый телепатический вопль, щупальца дернулись, и дутарианский Бог Кальмар совершенно обмяк.

Да, вот так. Соскребя сапогом упругий как резина труп с ветки, лорд Карстерс, желая исключить возможность новых трюков со стороны хитроумного моллюска, принялся протыкать в лежащем на мостовой кошмарном существе дыру за дырой, пока оно не стало походить на старую чатни.

Все еще не удовлетворенный, лорд продолжал колоть, пока обломанный конец ветки не расщепился о булыжник мостовой.

— О-отлично, юноша, — слабо произнес проф. Эйнштейн, ковыляя сквозь открытый дверной проем уничтоженного магазина. — Д-думаю, теперь м-можно прекратить.

— Нужно, чтобы от этой твари ничего не осталось! — пробормотал сквозь сломанный нос Карстерс. — Нельзя рисковать возможностью новой регенерации.

— Сжечь... в магазине, — предложила, тяжело дыша, Мэри, подковыляв поближе и обхватывая себя обеими руками. — Случайно загорелся... естественный жар...

— Да! — воскликнул лорд. Подняв на ветке покрытый слизью труп, Карстерс побрел в здание.

Бесконечные рулоны тканей говорили о том, что это не магазин готового платья, а модное ателье; взрыв венерианского треножника вызвал там пожар. Идеально. Ткани-то созданы человеком, но вот пожар произошел случайно и должен отвечать требованию естественного оружия.

Найдя самую большую кучу горящих платьев, лорд Карстерс с радостью освободил ветку и дал кальмару упасть в кружевное пламя. Останки разделанного в мягкую массу тела шипели словно протухший свиной жир, превращаясь в маслянистый дым.

С колокольным перезвоном из-за корпуса разрушенной фабрики выехала пожарная телега. Лошадей не было, и фургон с пожарной помпой волокла разношерстная команда грязных солдат.

— Опоздали, ребята, — сообщил им тяжело дышащий проф. Эйнштейн, прислонясь к дверному косяку. — Все кончено.

Сбросив с себя лошадиную упряжь, замызганный капрал озадаченно посмотрел на него.

— Что-что, сэр?

— Я сказал, все кончено, — ответил профессор. — Чудовище сдохло.

Капрал приставил ладонь к сильно побитому уху.

— А?

О, Господи, да они оглохли от взрыва. Будем надеяться, это лишь временно.

— Я сказал, оно сдохло! — проревел профессор, пытаясь не двигать бедром. — Монстр издох! Издох! Издох он, говорю. Говорят вам, он издох!

— Он совершенно издох, — добавил лорд Карстерс, выходя из ателье; руки его, напоминавшие товар в мясной лавке, висели по бокам как плети.

— А, так он сдох, — понял наконец капрал. — Спалили его, да? Здорово. Но давайте не будем рисковать, а?

Приблизившись к разрушенному ателье, солдаты вкатили пожарную помпу через выбитую витрину. Оставив ее посреди самого большого очага пламени, солдаты со всех ног бросились вон из ателье и выскочили оттуда как раз, когда бак с шестью сотнями галлонов минерального масла жахнул, взметнув вулканический столб пламени, вырвавшегося из всех окон и поднявшегося над отсутствующей крышей сияющим огненным шаром.

Когда изможденные исследователи отступили на безопасное расстояние, солдаты побросали в горящее ателье свои винтовки и патронташи. Поднялась беспорядочная стрельба детонирующих от жара патронов, горячий свинец рикошетил от кирпичных стен сумасшедшим перекрестным огнем. Рассыпавшись в пояс-

ках нового топлива, солдаты принялись швырять в огонь любые деревяшки, какие им удавалось найти в ближайших зданиях.

Достаточно скоро модное ателье превратилось в гигантский погребальный костер, гудящее пекло, добела раскаленный жар которого соперничал с самим адским пламенем.

Именно тогда на место прибыла вся британская армия и принялась разводить настоящий костер.

ЭПИЛОГ

Неделей позже в Букингемском дворце торжественно пели трубы. Сопровождаемые эскортом ливрейных слуг, профессор Феликс Эйнштейн, лорд Бенджамин Карстерс и Мэри Эйнштейн следовали в тронный зал.

Хотя и покрытые гипсом и бинтами, трое изыскателей оделись в свои лучшие наряды; мужчины явились в официальных серых визитках, а Мэри была в прекрасном платье, сверкающем драгоценными камнями, позаимствованными из древнеегипетского раздела музея. На четвертом пальце ее левой руки поблескивало бриллиантовое кольцо поистине изысканного вкуса. Колечко это происходило из хранилища фамильных ценностей рода Карстерсов, а не с одной их сомнительных витрин профессора.

Прикованный к креслу-каталке, проф. Эйнштейн катился по красному бархатному ковру, толкая колеса забинтованными руками. Его сломанная нога торчала вперед, покоясь на деревянной подставке; разбитое колено сковывал гипс, покрашенный в черный цвет, в тон брюкам.

С левой рукой на перевязи и ворохом бинтов на кисти правой, лорд Карстерс выглядел словно ходячий мертвец. Шею его охватывала повязка с проступившими пятнами крови, на лбу были свежие швы. Опухший глаз почти совсем закрылся и сильно обесцветился, не помогло даже искусное прикладывание свежих лечебных пиявок. Вдобавок, лицо лорда украшал поистине впечатляющий белый крест из клейкого пластыря, фиксировавшего его разбитый нос. Дыхание через раненый орган производило весьма неприличный свистящий эффект, и поэтому лорд Кар-

стерс дышал ртом, изо всех сил стараясь не пускать слюну. К сожалению, последнее давалось ему с трудом.

Хромающая рядом с мужчинами Мэри Эйнштейн казалась пострадавшей меньше всех. Но такое впечатление складывалось лишь потому, что многие из ее намеренно крупных украшений были специально подобраны с целью замаскировать собранную девушкой коллекцию синяков и контузий. Длинные рукава и высокий ворот платья скрывали богатый набор полос пластыря, а кружевной лиф маскировал ярды неудобных бинтов, перетягивающих ее сломанные ребра. Ходить ей было весьма трудно, а дышать и того сложней. Однако всеми присутствующими ее жестко прямая осанка воспринималась просто как результат надлежащего британского воспитания. А может, кто-то думал, что это какой-нибудь новомодный французский корсет.

Когда Королевский филармонический оркестр громче заиграл берущую за душу мелодию «Правь, Британия», изыскатели скованно пошли по ковру традиционным маршем — шаг, остановка, шаг, остановка. По огромному собранию политических сановников и аристократов прошелестел ропот одобрения. Присутствовали все особы королевской крови, знать всей Британской империи, наряду со всеми членами лондонского Клуба исследователей. В числе последних были и несколько исследователей, которых все считали давно умершими, а у одного приятеля все еще торчала стрела из пробкового шлема, настолько скорым был его отъезд из джунглей Борнео и последующее возвращение в Англию.

Среди исследователей гордо расположился и Дживс Синклер с золотым значком члена клуба на лацкане, полученным за спасение бесценных книг от пожара и погромщиков, и черной повязкой на рукаве в знак траура по покойному Карлу Смайту.

Одетые сплошь в черное и с вуалями на шляпках, члены Женского вспомогательного корпуса Лондонского Клуба исследователей скромно стояли рядом со своими печально знаменитыми мужьями. Все присутствующие деликатно не обращали внимания на скрытый в складках их одежды арсенал. По единодушному мнению парламента, эти воительницы доказали свою безупречную преданность короне и поэтому были удостоены привилегии ношения оружия в присутствии королевы.

Со значком почетного члена Ж.В.К.Л.К.И. на блузке, Катрина Кук стояла рядом с Эдвардом Крейнпулом, редко появляющимся на людях помощником лорда Карстерса. Осанистый слуга украд-

кой посматривал на миловидную кухарку, а та, в свою очередь, отвечала ему взглядами, полными откровенного интереса.

Надеясь, что никто не заметит, лорд Карстерс нарушил протокол, исподтишка подмигнув слугам. Мужчина сделался от смущения красным как свекла, а у Катрины хватило нахальства хихикнуть. *Ай да девица! Какой великолепной женой она станет для Эдварда. Надо будет дать ему недели две отпуска на медовый месяц. Да что там две недели — именно месяц!*

— Я бы предложила в качестве свадебного подарка пару револьверов «Веблей» с гравировкой «Его» и «Ее», — тихо прошептала Мэри уголком рта.

Внешне сама светскость, лорд Карстерс ничего не сказал, но веселый блеск в его глазах разгорелся до едва подавляемого приступа смеха.

Задержавшись на мгновенье, чтобы капнуть масла в поскрипывающее колесо своего новенького кресла-каталки, проф. Эйнштейн не обращал внимания на прочих и пытался сдержать волнение. *Значит, вот он и настал. День дней. О радость, о божественный восторг!*

Оркестр свернул музыку в идеальной синхронизации с остановкой исследователей у подножья ступенек, ведущих к стоящему на возвышении королевскому трону Англии.

Невысокая и полная, больше похожая на пожилого толстяка, чем на женщину среднего возраста, королева Виктория Ганновер обладала абсолютной решимостью прирожденного лидера, и ее ясные глаза не упускали ничего из происходящего в тронном зале. На заднем плане принц Альберт жевал сэндвич с ростбифом, капая соком на свой роскошный наряд.

Обычно одетая в черное, королева сегодня нарядилась в веселые яркие цвета в попытке поднять настроение истерзанного войной города. В корону даже был вплетен венок из живых цветов, а левое запястье украшал букетик из тех, что обычно носят на корсаже. Однако ее жесткие черные башмаки покоились на самом грубом из подножий — неровном куске скалы, известном как Камень Судьбы. Похищенный много веков назад из Эдинбургского замка, этот камень был символом шотландской независимости, и его нынешнее местонахождение было наполнено предельно ясным смыслом.

— Какая жалость, — тихонько вздохнула Мэри, неловко делая реверанс.

— Да он поддельный, — ответил, кланяясь, лорд Карстерс. — Оригинал я похитил много лет назад и вернул шотландцам.

Зардевшись от гордости, Мэри повернулась прямо лицом к мужчине.

— Я люблю тебя, — громко и отчетливо объявила она.

Десять тысяч присутствующих тут же смущенно закашляли от этой неподобающей выходки. Небольшая армия лакеев и горничных бросилась в тронный зал и примыкающие галереи, раздавая корзинки с льняными носовыми платками в попытке объяснить этот кашель заурядными причинами, словно сейчас был пик сезонного заболевания инфлюэнцей. Эта дипломатическая хитрость сработала, и, хотя на это ушло некоторое время, в конце концов общая атмосфера вернулась к соответствующему нормам уровню чопорного достоинства.

— Лорды и дамы, — провозгласил герольд, выступая вперед на покрытом ковром тронном возвышении. Сделав паузу, он в соответствии с ритуалом дважды громко стукнул по тронному возвышению Королевским посохом Англии. — Джентльмены и леди! Верховная правительница Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, императрица Индии, Ее Королевское Величество, королева Виктория Ганновер!

Верноподданная толпа разразилась приветственными криками; королева Виктория кивнула в ответ и слегка махнула рукой. В течение некоторого времени, пока ликование не поутихло, что-либо сказать или сделать было невозможно.

Стоящий сбоку от трона премьер-министр Дизраэли мрачно хмурился, глядя на ждущих на красном ковре троих исследователей, в то время как генерал МакТиг незаметно делал им одобрительный знак, подняв большой палец.

Встав немного поближе к невесте, лорд Карстерс углядел висящий на боку генерала древний меч и потрясенно сообразил, что это был давно пропавший Священный Боевой Меч Дутара!

— Интересно, и где же он нашел эту штуку? — пробормотал в сторону лорд.

— Я слышал, Экскалибур подсказал им, — тихо ответил проф. Эйнштейн. — Рухнуло какое-то здание, и он вывалился на улицу.

— Вероятно, его замуровали в стене кальмарники.

— Очень похоже на то, юноша.

— Вчера он определенно пригодился бы, — прошептала, массируя побаливающие ребра, Мэри.

Когда общие крики и разномастные «ура» стихли, к королеве подошел лорд-гофмейстер и протянул ей плюшевую подушку, на которой покоился меч с серебряной гравировкой. При виде его шум в зале стих, и все затаили дыхание.

Взяв оружие за инкрустированную драгоценными камнями рукоять, королева Виктория поднялась с трона и подошла к краю возвышения.

— Опуститесь на колено, проф. Эйнштейн, — приказала она, тут же поправившись. — Э-э... подкатитесь поближе, профессор.

Подогнав кресло к самым ступенькам, проф. Эйнштейн склонил голову перед своей повелительницей-сувереном. От избытка чувств по щекам у него покатились слезы счастья. *Наконец-то, после стольких лет, это произошло!*

Держа меч плашмя, королева Виктория слегка стукнула им сначала по одному плечу профессора, потом по другому.

— Во имя Святых Михаила и Георгия, — произнесла нараспев она, — мы посвящаем тебя, сэр Феликс Эйнштейн, странствующий рыцарь и защитник королевства.

Замок задрожал от одобрительного рева толпы. Когда королева вернула меч лорду-гофмейстеру, вперед выступил ливрейный паж с золотым подносом в руках. Взяв с подноса ожерелье, королева Виктория показала залу, что на нем — Большая печать Англии. Когда крики «ура» смолкли, королева наклонилась и надела золотую цепь с печатью на побитую шею профессора. Эйнштейн слегка поморщился под тяжестью, но ничего не сказал.

— Можете теперь встать... э-э, выпрямиться в кресле, сэр Феликс! — разрешила королева, официально провозглашая его новое звание.

Со слезами радости на лице, рыцарь поднял голову под гром аплодисментов.

В горле у него встал громадный ком, и сэру Феликсу пришлось несколько раз сглотнуть, прежде чем от смог заговорить.

— Ваше величество, я... я, право, не знаю, что сказать.

— Тогда не говорите ничего, — спокойно ответила королева. — Кроме того, сэр рыцарь, это еще не все.

Ничего подобного Эйнштейн не ожидал. *Не все? На утренней репетиции лорд-гофмейстер ни слова не сказал о чем-то там еще.*

Выйдя из-за трона, к ним приблизился угрюмый государственный министр с маленькой деревянной шкатулкой в руках. Сняв с короны венок, королева Виктория открыла крышку шкатулки и достала прямоугольник черной ткани. Когда она возложила его себе на голову, в тронном зале наступила мертвая тишина. Где-то в задних рядах потрясенная белошвейка выронила булавку, и та, упав на пол, прозвенела громче, чем полуденный колокол Биг-Бена в День Гая Фокса[1].

— В соответствии с законами страны и королевским указом, — объявила твердо и отчетливо королева Виктория, — ваше имя отныне будет вычеркнуто из почетных списков за такое ужасное преступление как *измена*.

Собравшиеся громко ахнули, а Феликс Эйнштейн побелел. Губы его шевелились, но с них не срывалось ни звука.

— Ваше преступление — противозаконное владение венерианской боевой машиной и приведение оной в полное рабочее состояние, — продолжала королева, сурово глядя на внезапно побледневшего мужчину в кресле-каталке. — По английским законам, это преступление карается смертью.

Мир, казалось, закружился, Эйнштейн почувствовал, как им овладевает слабость, и бессильно обмяк на подлокотниках кресла. Поспешно приблизившись к нему, лорд Карстерс взял друга за локоть, не давая ему соскользнуть на пол.

— Ваше величество, могу ли... позвольте мне выступить в его защиту, — начал было лорд Карстерс в отчаянной попытке добиться снисхождения.

— Однако! — громко перебила его королева Виктория. Толпа затаила дыхание. Она дала всем почувствовать страшную силу своего гнева, а затем позволила легкой улыбке коснуться ее губ. — Принимая во внимание ваши недавние заслуги в служении короне, вы полностью прощены, *профессор* Эйнштейн.

Облегченно выдохнув с такой силой, что заколыхались гобелены на стенах, толпа сочувственно зашумела.

Возвращая ливрейному пажу цепь своего такого недолгого рыцарства, проф. Эйнштейн тепло с ней попрощался. *А, ладно, как нажито, так и прожито.*

---

[1] 5 ноября, когда, по традиции, отмечают раскрытие в 1605 г. «Порохового заговора» сжигая чучело, изображающее главу заговора, и устраивая фейерверк.

С обеспокоенным выражением лица профессор подался вперед, насколько мог.

— Ваше величество, — напряженно прошептал он. — Полагаю, у меня нет никакой надежды сохранить те уцелевшие части треножника, которые я уже собрал?

— Не злоупотребляйте своим везением, Феликс, — едва слышно ответила королева Виктория. — Лорд-мэр хочет снять вам голову за уничтожение его резиденции, а принц Альберт не вполне убежден, что вы не несете прямой ответственности за весь этот инцидент.

Вытерев рот рукавом, принц-консорт сердито посмотрел на профессора с явной и открытой неприязнью.

— Да, понимаю, — пробормотал проф. Эйнштейн. — Тогда благодарю вас за снисходительность, ваше величество.

Королева незаметно для всех слегка пнула его.

— Да перестаньте вы дуться. Я знаю, что вы не виноваты, и на следующей неделе, когда шум поутихнет, вас снова произведут в рыцари. А теперь будьте молодцом, откатитесь в сторону и примите самый серьезный вид.

В самом деле? Превосходно! Маскируя подъем духа скорбным выражением лица, проф. Эйнштейн оттолкнулся от красного ковра, являя собой классический образ удрученности и страдания. Несколько человек в толпе всплакнули при виде такого жалостливого зрелища.

Одобрительно кивнув, королева сделала лорду Карстерсу и Мэри Эйнштейн знак приблизиться. Лорд заставил себя поклониться, несмотря на боль, а Мэри сделала самый лучший реверанс, возможный при таких обстоятельствах.

— Лорд Бенджамин Карстерс и Мэри Елизавета Виктория Эйнштейн, похоже, мы мало чем можем вознаградить вас за службу короне и стране, — громко произнесла королева, делая царственный жест маленькой ручкой. — Лорд Карстерс уже произведен в рыцари Британской империи за доблестные действия во время Событий и имеет «Крест Виктории» за подвиги во время бурской войны в Африке.

Переменив позу, королева Виктория улыбнулась Мэри:

— А вы, дорогая, скоро станете леди Карстерс, заняв положение, которому мы до некоторой степени завидуем.

Женский вспомогательный корпус Клуба исследователей зааплодировал, но один строгий взгляд королевы живо покончил с

этим ребячеством. *Что за разнузданная толпа хулиганок!* — подумала Виктория. — *Нужно как можно быстрее взять их под свое покровительство.*

— Благодарю за комплимент, ваше величество, — снова попыталась сделать реверанс Мэри.

— О, не делай этого, девочка, я же вижу, как тебе больно, — мягко приказала королева. А затем заговорила громким и повелительным тоном. — И потому мы просим Мэри Эйнштейн и лорда Карстерса принять наше предложение гостеприимства и устроить свою свадьбу здесь, в Букингемском дворце.

Разве что конец света мог бы удержать внимающую толпу от возгласов удивления, восторга, потрясения и необузданной ревности при этом объявлении. Хотя профессору Эйнштейну и полагалось вести себя как наказанному, он заулыбался, словно пьяный оболтус. Мэри зарумянилась, и даже лорд Карстерс был взволнован этой невероятной честью.

— О да, пожалуйста, ваше величество! — порывисто согласилась Мэри, осторожно беря забинтованную руку жениха в свою. — Благодарю вас, да!

— Не стоит благодарности, дитя, — сказала королева Виктория, выдав редкую улыбку. — На следующей неделе, дорогая, мы обсудим за чаем детали. Идет?

Мэри кивнула.

— Превосходно, — утвердительно заявила королева. — Тогда пусть будет так!

В ответ лорд-гофмейстер дважды стукнул Большим посохом империи по тронному возвышению, официально скрепляя договоренность.

— А теперь в отношении ущерба, причиненного этим довольно неприятным делом, — обратилась королева Виктория к толпе. — Мы постановили обложить всех во всем Содружестве однофунтовым налогом для содействия в восстановлении Лондона, а на Трафальгарской площади будет воздвигнута бронзовая статуя в честь солдат и граждан, которые столь доблестно погибли в ходе этого, кхм, Происшествия.

Происшествие. Это слово тысячу раз прошептали по всему тронному залу и на галереях. Хороший выбор.

— Кроме того, отныне на всей территории Британии запрещаются все виды кальмаров вплоть до дальнейшего уведомления! — добавила она с некоторой мстительной ноткой.

Точно по сигналу лорд-гофмейстер дважды стукнул Большим посохом.

— Боже, храни королеву! Аудиенция окончена!

Гремя медными цимбалами, Королевский филармонический оркестр заиграл бодрый марш. Взволнованно переговариваясь, толпа степенной процессией последовала к выходам.

Среди этой толпы несколько членов Клуба исследователей и парламента бросились утешать проф. Эйнштейна по поводу потери звания. Но шагнувший из теней кэбмен Дэвис преградил им путь хмурым выражением лица представителя низшего класса. Гоня свою каталку как безумный, профессор воспользовался этим отвлекающим маневром и ловко прокатился через тронный зал к небольшой нише.

— Сержант Олтион? — спросил, с визгом тормозя, запыхавшийся проф. Эйнштейн. — Вы старший сержант Тревор Олтион? Мои контакты в среде военных сообщили, что вы тот, кто будет заниматься частями моей венерианской машины, если я не ошибаюсь?

Британский морской пехотинец уставился на профессора равнодушным и откровенно оценивающим взглядом и медленно — очень-очень медленно и пренебрежительно — поднял бровь.

— Сэр, эти части, которых, могу заметить, достаточно для постройки еще одной машины, — проговорил с нарастающей горячностью сержант Олтион, — вовсе не «ваши», в кавычках, а являются единственно и исключительно собственностью правительства Ее Величества! — От такого вербального отпора кресло профессора даже откатилось на несколько дюймов назад.

— Сэр, — добавил сержант поразмыслив.

— Конечно! Именно это я и имел в виду, старина Тревор! Но разве вы не могли бы просто оставить эти части у меня на хранении? — с надеждой спросил проф. Эйнштейн, роясь у себя в бумажнике. — Я почетный член Северо-Камберлендского драгунского полка!

— Нет. — Это единственное слово пресекло любые дальнейшие обсуждения.

Но Эйнштейн все равно продолжал гнуть свое:

— Я также полный капрал в Скотланд-Ярде.

— Это не имеет для меня никакого веса, сэр, — фыркнул сержант Олтион, скрестив на груди мускулистые руки с татуировками участника десятка войн.

— Я также оперативный сотрудник Британской Секретной Службы.

— Очень мило.

— Епископ англиканской церкви?

— Не волнует, — зевнул сержант.

— Однажды, давным-давно, я вернулся из путешествия в далекую страну, — проговорил профессор, стряхивая одной рукой невидимую соринку с лацкана, а другой потирая сложным жестом запястье.

Сержант непонимающе воззрился на профессора.

А, пропади ты пропадом.

— Богатый и неразборчивый в средствах? — в отчаянии спросил проф. Эйнштейн, извлекая из кармана визитки безупречный бело-голубой алмаз величиной с крикетный мяч.

У солдата отвисла челюсть.

— Он из утерянных копей царя Соломона, знаете ли, — поддразнил морпеха профессор, поворачивая бриллиант и давая ему посверкать своими многочисленными гранями. — И есть еще много других. О, их еще очень много.

Сияя от восторга, сержант Олтион дружески положил руку на плечо профессора.

— Черт возьми, так что же ты сразу не сказал, старина! — хохотнул солдат, не в состоянии оторвать глаз от массивного камня. — Выпьем-ка по чашечке чая у меня в кабинете, да там и поболтаем спокойно...

* * *

Много часов спустя, когда долгий день, наконец, закончился и солнце село, в звездном небе взошла полная луна. На сей раз ее нечеловеческий зад снова отвернулся, уйдя из поля зрения человечества, и «человек на луне» мирно улыбался дремлющей Земле.

Если это лицо казалось слегка изменившимся и теперь смутно напоминало очень пораженного проф. Феликса Эйнштейна, сияющего буйным взрывом магии в каком-то первобытном храме, то это наверняка было чистейшим совпадением.

КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Стр. 8. Харабе — мексиканский парный танец ухаживания. В нем танцор бросает на землю сомбреро и, если он устраивает партнершу в качестве возлюбленного, та проходится в танце по полям шляпы, а потом надевает ее себе на голову.

Стр. 28. Профессор цитирует «Библию» (II книга Царств, гл. 1, песня Давида).

Стр. 29. Такой котел по легендам есть у любого ирландского лепрекона (эльфа-башмачника).

Стр. 114. «Белла Донна» — название корабля можно перевести с итальянского как «Прекрасная Дама», но одновременно белладонна — это растение, которое у нас называют красавкой или, что понятней, сонной одурью.

Стр. 90. Упомянув Гвидо и его кузена Нунцио, авторы явно передают привет Роберту Асприну и его серии «Миф».

Стр. 141. Капитан ван дер Деккен последовательно воображает себя капитаном Крюком из пьесы и романа Барри «Питер Пэн»; капитаном Блаем, командовавшим взбунтовавшимся экипажем корабля «Баунти»; <...>; <...>; капитаном Ахавом из романа Мелвилла «Моби Дик»; знаменитым путешественником Америго Веспутчи, доказавшим, что Колумб не доплыл до Индии, а открыл новый континент; капитаном звездолёта «Энтерпрайз» Керком, из телесериала «Звездный путь»; <...>; капитаном Америкой из одноименного комикса; капитаном «Титаника»; и наконец <...>.

Стр. 144. ... зулусский метательный меч — имеется в виду придуманный вождем зулусов Чакой ударный ассегай, или иква — копье с укороченным древком.

Стр. 146. «Дерринджер» — американский крупнокалиберный револьвер с коротким стволом.

Стр. 151. Согласно легенде, голландский мальчик заметил небольшую течь в дамбе, заткнув пальцем отверстие и, не давая ему расшириться сдерживал напор воды, до прибытия помощи, предотвратив тем самым наводнение. (*прим. ред.*)

Стр. 189. Если кто не догадался, объясняю: профессор перечисляет вещества входящие в состав пороховой смеси.

Стр. 218. Carpe diem — цитата из Горация (Ода XI, кн. II).

Стр. 251. Чатни — индийская кисло-сладкая фруктово-овощная приправа к мясу.

ВНЕЗАПНОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Группа Первого Контакта ООН пятнадцать лет ожидает встречи с пришельцами. Вдруг прямо в Центральном Парке Нью-Йорка садится космический корабль. Инопланетяне захватывают шестерых человек, чтобы определить, принять ли Землю в Галактическую Лигу или уничтожить. Избранники оказываются бандитами. Как проходит «тестирование» и чем это заканчивается для Земли, вы узнаете, прочитав эту книгу.

Посвящается

Радио- пьесам, всеобщим интересам, взаимному уважению и двадцатипятилетней дружбе, что продлится вечно.

Да, черт возьми!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГРУППА ПЕРВОГО КОНТАКТА ООН:

Профессор Раджавур Сигерсон — исландский дипломат, руководитель группы.

Бригадный генерал Уэйн Бронсон — американский военный в составе группы.

Доктор Юки Ву — китаянка, ученый-физик.

Сэр Джонатан Кортни — шотландский социолог.

Доктор Мохад Малавади — индийский филолог, эксперт по межвидовой коммуникации.

Генерал Николай Николаев — российский военачальник, командующий Силами охраны планеты.

КРОВАВЫЕ ЗАШИБАЛЫ:

Курок — главарь банды.

Бур — его лейтенант.

Лобзик — старший костолом.

Лом — бывший мотоциклист.

Шлямбур — спец по холодному оружию.

Свечка — налетчица.

ПРИШЕЛЬЦЫ:

Айдоу — командир.

Гастерфаз — охранитель.

Бозтванк — бортинженер.
Скви — коммуникатор.
Трелл — техник.

ВЕЛИКИЕ ЗОЛОТИСТЫЕ:

Авантор (Впередсмотрящая) — попечительница СОЛ III.
Семнадцатый (№ 17) — ее первый помощник.

ПРОЧИЕ:

Аманда Джексон — лейтенант Нью-Йоркского отряда «SWAT».
Роберт Вайс — полковник сил НАТО.
Долорес Боливар — секретарша.
Френсис Макдогерти — менеджер Отдела расчетов.
Гектор Рамирес — бухгалтер того же Отдела.
Вильям Патерсон — шеф полиции округа Манхэттен Центрального Нью-Йоркского департамента полиции.
Эмиль Валуа — Генеральный Секретарь ООН.
НАТО — Организация Североатлантического договора.
Агент Таурус — живое ядерное оружие.
Агент Вирго — ядерный противоагент.
И другие...

ИЗВЕСТНОЕ ЗЕМНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ:

Говорите мягко, держа наготове большую палку.

ИЗВЕСТНОЕ ГАЛАКТИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ:

Приветствуйте Первого Строителя и активизируйте Протонную Пушку.

ВСЕЛЕНСКАЯ ИСТИНА:

Невинность — это не защита.

КНИГА ПЕРВАЯ

НА ЗЕМЛЕ

Пролог

Бац! — и стремительный софтбольный мячик свечой взмыл в голубое небо Нью-Йорка, быстро уменьшаясь в размерах. Ухмыляющийся отбивающий бросил биту себе под ноги и помчался к первому «дому», словно кошка, у которой подожгли хвост.

— Взял! Взял! — выкрикнул Гектор Рамирес, быстро перебирая тонкими ногами и пятясь в заросший сорняками центральный круг поля.

Товарищи его, отдыхающие под тенью деревьев, росших на краю спортивной площадки Центрального парка, хриплыми голосами выражали мнения по этому вопросу. Гектор был парией в команде: стараясь изо всех сил, этот малыш приносил мало пользы. Словно кожаная тарелка радара, его рукавица неотрывно следила за траекторией полета белого мяча, пока он совершенно не растворился в сиянии яркого августовского солнца.

Это была последняя игра в серии летних игр с выбыванием, которые проходили между различными отделами и департаментами Гендерсон Корпорейшн. Ко всеобщему удивлению, Отдел расчетов (команда Гектора) вел со счетом 2:0, заполнив все базы, и с двумя аутами. Капитан команды Отдела расчетов Френсис Макдогерти, по прозвищу Скряга, был настолько уверен в

победе, что позвонил и заказал для победителей пиццу, истратив на это свой собственный четвертак.

И вот разразилась катастрофа — Гектору предстояло поймать мяч. В предчувствии неизбежного провала Гектор слизнул с верхней губы соленые капли пота, пристально разглядывая пустое небо. Каким-то образом он почувствовал, как свиные глазки Макдогерти прожигают в нем отверстия, словно двуствольный лазерный пистолет, и от этого в желудке несчастного бухгалтера начал выделяться едкий сок. Если Гектор поймает этот мяч — его команда выиграет. Если нет — нет. Все было предельно просто.

Рамирес прекрасно знал, как страстно его начальник желает заполучить главный приз фирмы. Своими собственными, пораженными артритом руками Макдогерти извлек из напоминающих катакомбы подвалов главного офиса деревянный шкафчик, тщательно отчистил, покрасил и отполировал его до такого же состояния, в каком этот ящик был только в дни своей молодости. И теперь этот деревянный чемодан, сверкая, как намасленный бриллиант, красовался перед входом в отдел, ожидая того момента, когда внутрь его поместят серебряный кубок компании.

«О Боже, милостивый и милосердный! — подумал в панике Рамирес. — Макдогерти, несомненно, обвинит в поражении лично меня, и страшно подумать, что он тогда сделает. Он может даже перевести меня обратно... в бухгалтерию! — Рамирес почувствовал, что сейчас лишится сознания. — В отдел платежей. Лучше смерть, чем такая незавидная доля!»

Рамирес бешено приплясывал на одном месте, топча сухую траву, безнадежно пытаясь выбрать наиболее подходящую для ловли мяча позицию. Между тем мяча по-прежнему не было видно. «Да где же эта чертова штуковина?» — думал он про себя.

Мяч исчез без следа. Будучи крайне застенчивым человеком, Рамирес за всю жизнь не испытывал на себе такого давления, за исключением того раза, когда его мать дала ему двадцать четыре часа на то, чтобы он выучился самостоятельно одеваться. Это было как раз перед его поступлением в колледж. Теперь от него снова ждали подвига.

Чрезвычайно развитое воображение шептало ему, что он начинает чувствовать дрожание воздуха, словно в нем был заключен мощный статический разряд. Гектор не удивился бы,

если бы вокруг него посыпались искры. Кровь тяжело стучала в висках, а в груди образовался какой-то болезненный комок. Рамирес с трудом улыбнулся. Разве не были налицо все признаки сердечного приступа? Это было бы прекрасно! Вместо бесчестья — смерть!

Он был готов на все, лишь бы не навлечь на себя праведного гнева Макдогерти и не выставить себя ничтожеством в глазах мисс Боливар.

Долорес Боливар была хорошенькой секретаршей корпорации Гендерсона, которая почти согласилась пойти в бар со скромным бухгалтером после этой игры. Но захочет ли она выпить содовой с застенчивым дураком, который не сумел поймать победный для команды мяч и тем навлек позор и бесчестье на весь отдел расчетов? Гектор был уверен, что нет.

Досаждавшие ему кошачьи вопли сослуживцев стали заметно громче. Мужественно не обращая на них внимания, Гектор молился о спасении... и в небе вдруг показался мяч, который валился прямо ему в руки со стороны солнца. Бухгалтер торопливо занял подходящую позицию, вздымая вверх кожаную рукавицу, готовясь броситься на мяч.

«Пусть весь мир глядит на это! — подумал он. — Наконец-то я стану героем. Гектор Рамирес спасает свою команду! Круг почета, завтрак с мэром, свидание с Долорес — всего этого он будет достоин, если только...»

Внезапно не слишком вежливые замечания его коллег по работе сменились первобытными воплями ужаса, и обе команды бросились врассыпную, словно тараканы, спасающиеся от шипящей струи яда. Сбитый с толку Рамирес сощурился в небеса, стараясь рассмотреть предмет, послуживший поводом для странного поведения коллег. Прямо над его головой, непрерывно увеличиваясь в размерах, несся к земле потерянный мяч. Рамирес моргнул, и мяч распух до размеров газовой плиты... грузовика... целого дома! Воздух наполнился хриплым жужжанием, и бледные волоски на тонких руках Рамиреса встали дыбом. Огромный шар заслонил солнце, и на Гектора упала густая тень.

Рамирес посмотрел себе под ноги и обнаружил, что стоит в самом центре все расширяющейся круглой тени, отбрасываемой непонятным предметом. Он быстро составил в уме короткое уравнение (v[x]d[x]N = Y, *ты еще здесь?*) и бросился бежать, спасая свою жизнь, к той тонкой линии, достигнув которой он

по-прежнему сможет мирно гадать о том, каков из себя рай, в то время как оставаясь по эту сторону границы, он рисковал увидеть рай собственными глазами. Все мысли об игре, о работе и даже о Долорес были вытеснены из его головы первобытным стремлением спасти свою шкуру и огромным желанием не быть раздавленным гигантским мячом для софтбола в нью-йоркском Центральном Парке.

Непривычный к длительным физическим нагрузкам Рамирес вскоре выдохся и принялся хватать ртом воздух, продолжая мчаться к границе тени, но она, словно в кошмарном сне, с еще большим проворством убегала от него. В отчаянии Рамирес отшвырнул свою перчатку и ринулся вперед в последнем невероятном усилии, но это усилие почти не прибавило ему скорости. К тому же было слишком поздно.

Словно кулак Господа, гигантский белый шар ударил в то место на площадке, где должен был стоять подающий, и тонны вздыбленной земли понеслись в разные стороны могучей волной. Волна эта подхватила вопящего бухгалтера, сбила с ног и метнула в воздух с такой силой, что в его голове поменялись местами все дебеты и кредиты. В следующее мгновение он застрял в кроне старого могучего вяза на расстоянии четырех кварталов от места события.

Избитый, в изодранной одежде и, самое главное, лишившийся последних остатков мужества Рамирес пришел в себя, свисая с древесного сука. Подвывая, как зверь, совершенно очумелый бухгалтер при помощи зубов и ногтей прорвался сквозь спутанную листву и мешком свалился на землю, которая все еще продолжала дрожать. Ни на секунду не задержавшись, он очертя голову понесся по одной из бесчисленных дорожек парка и, добравшись до оживленных улиц, затерялся в бетонных ущельях Нью-Йорк Сити. Навряд ли цивилизованный мир когда-нибудь снова увидит его или что-нибудь услышит о нем.

* * *

Словно огромный шарик для игры в пинг-понг, закатившийся в траву, огромная сфера возвышалась над самыми высокими деревьями Центрального Парка, полностью заняв все то простран-

ство, которое предназначалось для игр на открытом воздухе. Гладко отполированный купол сверкал в лучах послеполуденного солнца, словно жемчужина. Так он и лежал, странный белый захватчик, лежал неподвижно и абсолютно ничего не предпринимал в течение целых тридцати земных минут. Постепенно у подножия на удивление большого шара стала собираться толпа, путь которой прокладывали отчаянные сорвиголовы и просто глупцы.

По иронии судьбы именно Долорес Боливар обнаружила невидимое силовое поле, окружающее корабль чужаков. Открытие было сделано ею эмпирическим способом: Долорес изо всей силы врезалась в силовое поле лицом. Вниз по ее разбитому носу потекли слезы, которые невозможно было удержать, и многие из толпы ей сочувствовали. Это сочувствие, однако, очень скоро превратилось в моральный урон, который потерпели многие и многие, когда обнаружилось, что девушка указывает по ту сторону барьера — там полупридавленная гладким белым боком шара, полупохороненная под грудами вывернутой почвы, валялась одинокая, искромсанная бейсбольная перчатка.

Невидимая стена силового поля казалась на ощупь словно сделанной из стали, оклеенной тонким слоем резины. Последующие испытания показали, что она неуязвима не только для хрупких кулачков Долорес, но также и для тяжелых бейсбольных бит товарищей несчастного Рамиреса, и даже для пули тридцать восьмого калибра, выпущенной из табельного револьвера патрульного новобранца-полицейского. Наконец, некоторое время спустя, прибыли опытные нью-йоркские полицейские; правда, это произошло только после того, как какой-то невоспетый гений позвонил по 911 и сообщил о крайне возмутительном случае неправильной парковки транспортного средства.

Вскоре полиция уже кишела в районе спортивной площадки, сдерживая толпу и проявляя чудеса доблести. Вертолеты Сил Поддержания Порядка парили над деревьями, сражаясь за господство в воздухе с новенькими тарахтелками телевизионщиков, пытающимися зависнуть над самым кораблем-убийцей. Не обошлось без применения силы, но толпу удалось оттеснить и полиция, к большому неудовольствию зевак, установила вокруг инопланетного объекта кордон безопасности. Толпа стала разогреваться, кое-где вспыхнула словесная перебранка, однако неведомо откуда появившиеся торговцы восстановили видимость порядка,

соблазнив часть воинственно настроенной толпы своим сверхдорогим мороженым, гамбургерами и майками с надписью:

Я ВИДЕЛ ИНОПЛАНЕТНЫЙ
КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ!

* * *

Между тем в недрах огромного космического корабля ожили таинственно-сверхъестественные серебристые кристаллические машины. Жаркая энергия медленно текла по молекулярным кабелям; сложнейшие кубические контуры мгновенно передавали множество сигналов и команд; не имеющие названия чужеродные механизмы делали неописуемые человеческим языком вещи и, в конце концов, разбудили робота-сенсора, который и сконцентрировал свое внимание на волнующейся толпе снаружи. Из вершины шара вырвался полупрозрачный энергетический луч, и аппарат чужаков принялся сканировать беснующееся море людских эмоций подобно маяку, который шарит по просторам океана лучом света.

Практически невидимый и неощущаемый луч сенсора опробовал ближайшие к кораблю человеческие существа, уделив минимум внимания хнычущей Долорес, хмурому полицейскому, ошеломленному разносчику пиццы, а также всем остальным — испуганным, восхищенным, пораженным. Постепенно расширяя зону охвата, луч сенсора проверял людей сотня за сотней, но все казались ему несколько придурковатыми. Наконец луч нащупал группу из шести человек, которые наблюдали за кораблем с совершенным спокойствием и без видимых признаков страха. Это был крошечный островок спокойствия среди бурлящего котла эмоций и чувств. На них аппарат задержался, позволив лучу-пробнику просочиться в их умы и считать их самые сокровенные мысли. Мысли оказались вполне удовлетворительными, и таинственный прибор, закончив свое незаметное исследование, послал предварительное сообщение своим хозяевам, которые с нетерпением ожидали результатов экспертизы.

— Этих, что ли? — спросил робот у тех, кто принимал решения.

Они посовещались между собой.

Они задали вопрос.

Они приняли решение.

— Да, — был ответ. — Этих!

И немедленно на шестерых землян обрушились искривляющие пространство силы, столь могущественные, что ядерный взрыв показался бы рядом с ними слабым, как свеча по сравнению с солнцем. Они исчезли во вспышке света, оставив после себя только серые тени остаточного изображения, выжженные на сетчатке глаз тех, кто стоял поблизости.

Большинство из тех, кто находился вдали от этого места, ошибочно восприняли яркий свет за вспышку блица фоторепортера, однако те, кто был поближе, подумали иначе. В мгновение ока Центральный Парк превратился в сумасшедший дом, ибо тысячи и тысячи людей предприняли одновременную попытку спастись бегством. Рвалась и трещала по швам одежда. Женщины вопили. Сильные мужчины теряли сознание. То тут, то там вспыхивали кулачные бои. Чинный парк превратился в наглядное пособие по массовому безумию и общественным беспорядкам. Царили хаос и кромешный ад.

Сверкающий шар, безмятежно спокойный и неподвижный, никак не реагирующий на стенающие орды людей, в панике мечущиеся сразу же за границами его силового защитного поля, начал передачу на всех частотах электромагнитного спектра. Передача была такой чудовищной силы, что ее приняли даже не включенные теле- и радиоприемники. Сообщение было столь пугающим и столь фантастическим, что большая часть слушателей начала посмеиваться, решив, что это — всего лишь переложение для юношества ставшей классической научно-фантастической радиопьесы.

Однако неправдоподобное сообщение повторилось, потом еще раз, и еще...

1

В напряженной тишине важная комиссия, заседающая вокруг тяжелого дубового стола, склонилась над покрытыми пластиком картами чрезвычайной важности. Во главе стола восседал седо-

власый господин с внешностью школьного учителя, исландский дипломат в аккуратном костюме цвета морской волны, бессменный руководитель этой специально подобранной команды. Слева от него за столом сидел американский генерал, облаченный в безупречное великолепие своего изукрашенного мундира, с единственным пятнышком серого пепла на лацкане, образовавшемся в этом месте благодаря неизменной сигаре в зубах. Напротив американца сидел его российский коллега — человек, обладающий кряжистым крестьянским телом и блестящим мозгом военного стратега, благодаря которому он и оказался среди членов комиссии. Рядом с российским генералом сидел шотландец — социолог и миллионер, с иголочки одетый в серый костюм-тройку, подчеркивающий осанку человека, который всеми своими успехами обязан самому себе.

Украшением противоположного конца стола служила симпатичная китаянка, специалист по разного рода физическим явлениям. Ее мягкое летнее платье было украшено растительным орнаментом, а черные блестящие волосы распущены по плечам. Она первой нарушила их мрачную сосредоточенность.

— Дайте мне две.

— Мне — ничего.

— Мне — предельную.

— Я не меняю.

Генерал Николай Николаев взглянул исподтишка на своих партнеров, прикрываясь картами. Все их внимание было сосредоточено на картах, а не на нем. Все трое спокойно ждали, пока Николай Николаев начнет делать ставки. Сохраняя на лице невозмутимое выражение, российский генерал притворился, что раскладывает карты по порядку, хотя на самом деле он изучал выражение их лиц. Неужели они догадываются? Неужели кто-то из них знает, что он, Николай Николаев, имеет на руках сильнейшие в покере карты — королевскую флешь?

Вечно осторожничающий профессор Раджавур уже сложил карты на стол и колдовал в кухонном блоке командного бункера, готовя горчайший исландский кофе, который он так любил. Николаев ухмыльнулся: и некоторые еще жалуются на русскую еду!

Прелестная доктор Ву довольно улыбалась, глядя в свои карты. Это означало, что Юки снова собирается блефовать — генерал уже выучил ее штучки. Бригадный генерал Уэйн Бронсон был, по обыкновению, непроницаем, а сэр Джон Кортни с до-

вольным видом поглаживал свои нелепые крошечные усики. Это был дурной знак. Должно быть, у шотландца на руках неплохая карта, для него, разумеется, раз он так благодушен.

Николаев сдержанно улыбнулся. Какая разница? Его королевскую флешь побить было невозможно.

Последний член их маленькой группы, доктор Мохад Малавади, выдающийся лингвист, родом из Индии и, казалось, носивший одежду только ради соблюдения приличий. В настоящий момент он пребывал на посту в операционном зале, а потому не участвовал в игре, которую все они теперь знали досконально. Все шестеро — Николаев, Раджавур, Бронсон, Ву, Кортни и Малавади — состояли членами Группы Первого Контакта Организации Объединенных Наций; августейшая шестерка была создана для того, чтобы стать официальными представителями Земли, когда какие-нибудь существа из других звездных систем прибудут в наш прекрасный зеленый мир.

Укрепленный командный бункер, в котором они размещались, находился на глубине двадцати этажей под котельной здания ООН в Манхэттене, Нью-Йорк.

Несмотря на свое не слишком-то почетное местоположение, подземелье напоминало внутренность космического корабля — те же холодные металлические стены, отсутствие солнечного света и тихое гудение систем жизнеобеспечения. Это, впрочем, было не слишком удивительно, ибо НАСА воздвигала этот дворец по образу и подобию своей пока не существующей лунной базы.

Теоретически этот бункер мог легко выдержать термоядерный взрыв. Подземное сооружение было разделено на три главные секции: складское помещение и металлический длинный коридор, в который выходили двери спален членов группы; огромная кухня, к которой примыкало обеденно-рекреационное помещение; отгороженный от комнаты отдыха стальными перилами и коротким лестничным пролетом операционный зал с экраном монитора во всю стену, размером не меньше чем в каком-нибудь кинотеатре. Перед монитором были установлены похожие на столбы рабочие консоли в количестве пяти штук, центральная консоль была вдвое больше остальных. В дальнем углу помещалась шестая панель контроля. Она была развернута от монитора и вообще выглядела так, словно ее назначение было совершенно иным, нежели у остальных, и как будто ее установили только по зрелому размышлению и много позже.

Просторное и уютное подземное убежище было оборудовано всем, что бы ни потребовалось Группе Контакта для того, чтобы постоянно находиться на страже «летающих тарелок». Именно этим они и занимались по специальному графику: каждый член группы три недели из четырех проводил в бункере, отсутствующего сообща заменяли оставшиеся пятеро. Но по чистой случайности именно сегодня все шесть членов ГПК были на месте.

Постройка бункера обошлась в несколько миллионов, а в самих членов группы при помощи подготовки, подготовки и еще раз подготовки была вложена сумма, сравнимая с двумя годовыми доходами такой страны, как Бельгия. Считалось, что они в состоянии справиться с любой возможной ситуацией — начиная с аварийной посадки на Эвересте спасательной шлюпки корабля космических пришельцев, нуждающихся в срочной медицинской помощи, и кончая нападением на Землю воинственных радиоактивных мутантов чи-хуа-хуа. Все считалось вероятным и все учитывалось в их подготовке, и ГПК была отлично подготовлена, чтобы справиться с любой неожиданностью, да-с!

Однако за те пятнадцать лет, что прошли со дня основания группы, им совершенно не с чем было вступать в контакт, за исключением многочисленных неопознанных летающих объектов, которые, попадаясь на глаза столь же многочисленным наблюдателям, упорно уклонялись от знакомства. Группа Контакта медленно, но верно превращалась в некое подобие комплекта первой помощи, который вы возите в багажнике автомобиля: он все так же наготове, просто со временем он начинает покрываться пылью, и в конце концов вы благополучно забываете о том, что он у вас есть. Группа Контакта обнаружила, что для того, чтобы не сдвинуться рассудком (еще сильнее!), им необходимо нечто, что могло бы удержать их от такого исхода. Этим чем-то стал покер. Покер простой, конский, лотерейный, «анаконда» и еще сто тридцать семь его разновидностей, которые они изобрели, коротая время.

Фактически ГПК давно должна была войти в книгу рекордов Гиннесса за самую длинную партию в покер без перерыва — восемь лет — запросто заткнув за пояс четырехлетний чепуховый рекорд уборщиков из Букингемского дворца и совершенно превратив в жалкое ничто восемнадцатимесячное достижение Гонконгского Союза Телохранителей и Наемных Убийц.

Генерал Николаев сложил карты вместе, чтобы скрыть их от напряженных взглядов противников.

— Двадцать долларов, — объявил он, самонадеянно покусившись на высшую ставку.

Генерал Бронсон подозрительно покосился на него через стол и переместил незажженную сигару из одного уголка губ в другой. Двадцать, да? Что на этот раз спрятал в рукаве хитрый красный ублюдок? Сигерсон вышел из игры и полностью ушел в приготовление кофе, Юки собиралась блефовать, а у Кортни на руках ничего стоящего, и поэтому за прикуп будут бороться только они двое. Но Николаева не разгадаешь — его лицо словно из камня высечено и никогда не выдает того, чего не хочет выдать проклятый русский.

Бронсон в раздумье пожевал кончик своей тонкой сигары.

— О'кей, — подчеркнуто медленно произнес американец. — И еще двадцать.

«Ха! — подумал он про себя. — Это покажет товарищу Пыль-в-Глаза, кто здесь главный!»

— Пас! — доктор Ву положила карты.

Она хотела попробовать блеф, как бывало уже не раз, но ей стало понятно, что оба генерала закусили удила, и она благоразумно решила удалиться и не участвовать в их близком столкновении. К тому же подобный маневр сберегал ей четыре тысячи иен на хвальбе. Ну и в запасе всегда был следующий заход.

Дразнящий аромат кофе защекотал ее ноздри, и Ву обернулась в сторону кухни, находившейся как раз за ее спиной. Опрятный, в синей пиджачной паре и хрустящей белоснежной рубашке, профессор Раджавур колдовал над электрической плитой, на которой дымилась посудина для кофе. Кофе он готовил очень крепким. До того, как Ву присоединилась к Группе Контакта и начала принимать участие в их двадцатичетырехчасовых покерных баталиях, она считала кофеин довольно-таки слабым стимулятором, применяющимся в медицине. Теперь он превратился в основной, необходимый для жизни продукт.

— Не хотите ли кофе? — предложил Раджавур, размахивая до краев наполненной кружкой.

Эта устрашающих размеров керамическая посудина была украшена надписью:

«Я ПРИГОЖУСЬ ДЛЯ ТВОЕГО ЛИТРА!».

Однажды, когда Генеральный Секретарь ООН навещал их во время своей последней ежегодной проверки, Сигерсону довольно долго пришлось втолковывать смысл шутки напыщенному французу.

Ву благодарно улыбнулась:

— Спасибо, да.

Вежливо извинившись, специалист по физике покинула карточный стол и отправилась в дамскую комнату, прежде чем составить компанию профессору и отведать его адского варева. Про себя профессор Раджавур полагал кощунством, что Юки добавляет в его прекрасный напиток сахар и молоко, но, поскольку остальные его коллеги избегали даже близко подходить к кухне, когда там готовился кофе по-исландски, он прощал китаянке небольшую извращенность ее вкуса.

— Двадцать — это то что надо, — заметил Кортни с едва заметным шотландским акцентом. — Хочу поднять еще на двадцать.

Он уже был миллионером, когда на него свалилось дядюшкино состояние, и поэтому высокие ставки ничего не значили ни для сэра Джона, ни для его кошелька, но он считал, что ему стоит сбить спесь с этих вояк. Карта ему пришла первоклассная — четыре девятки, и он был уверен, что никто из этих двоих не сумеет его перебить. Достав из кошелька, на котором красовался фамильный герб, хрустящие купюры, он присовокупил их к куче наличности, выросшей на обеденно-покерном столе.

Свободное пространство в бункере очень ценилось, поэтому почти все предметы в рекреационном отсеке имели двойное назначение. Даже драгоценные карты для покера частенько изображали собой кружащиеся космические корабли, пытающиеся захватить чью-нибудь перевернутую шляпу, как это было, например, во время импровизированных дискуссий по вопросам стратегии.

Социолог демонстративно положил кошелек с деньгами на край стола, что должно было означать, что он не против еще повысить ставку. Бронсон с ровнодушием проигнорировал эту мелкую браваду, Николаев попытался последовать его примеру, но с позором провалился. Сэр Джон видел, как русский борется с внутренним смятением, но неверно истолковал увиденное как проявление страха. Неужто ему снова удалось загнать старого медведя на дерево?

— Как вы, друг мой? — улыбнулся социолог, учуяв верную взятку.

Николай Николаев удачно притворился, будто раздумывает, хотя внутри него запели победные колокола.

«Клянусь царской кровью! — подумал он. — Они думают, что я блефую. Я! Блефую!!! Пожалуй, мне удастся вынуть из них еще по двадцатке, прежде чем мы расколемся, но нужно быть осторожным. Здесь нет любителей».

Генерал Николаев скромно перетасовал карты и ослабил форменный галстук российской армии. Как хорошо, что он вместе с картами находится здесь, в Соединенных Штатах, так как на родине ему пришлось бы плакать по своей флеши кровавыми слезами. Три раза за всю жизнь ему приходила королевская флешь, и каждый раз заканчивалась катастрофой.

В первый раз он был еще презренным рядовым новичком в армейской жизни, но уже опытным картежником. Ему удалось взять в прикупе карту, которой ему не хватало для победы, но в этот самый миг весь его взвод подняли по тревоге и отправили на строительство какой-то дурацкой, никому не нужной стены. С тех самых пор Николаев остро ненавидел Берлин. Во второй раз, уже лейтенантом, он резался в покер со своими людьми при свете потайного фонаря, но вражеские пули выбили победный набор карт прямо у него из рук. Из той ночной заварушки он вышел физически невредимым, но с кровоточащими ранами в душе. И в последний раз фортуна улыбнулась ему в Москве, когда он, будучи уже майором, ожидал известия о присвоении ему звания полковника. Вместо этого он был без лишних церемоний низвергнут обратно в младшие офицеры за игру в карты на боевом дежурстве. Его королевская флешь была конфискована в качестве решающей улики.

Но здесь!.. Здесь все должно быть по-другому. Ничто не сможет остановить его.

Наконец-то сладкая победа окажется у него в руках, и он, Николай Николаевич Николаев, покажет кое-кому, что он умеет играть в покер, как Гагарин умел летать в космос! Так-то вот!

— Да, Джонатан! — радостно согласился он, незаметно для себя начав напевать «Полет валькирий» Вагнера. — А я добавлю еще!

Кортни и Бронсон тревожно переглянулись. Засада! Им следовало тысячу раз подумать, прежде чем доверять русскому!

— Сэр? — голос обращался ко всем сразу, и все сразу хором ответили:

— Да?

Чуть ниже уровня комнаты отдыха, в операционном зале, рассеченный надвое стальной трубой перил, смуглый человек в скверно сидящем костюме указал на профессора Раджавура.

— Что там, Мохад? — спросил дипломат, отпивая глоток кофе из своей дымящейся кружки.

— Весьма любопытные сообщения на полицейских частотах, — сообщил доктор Малавади, прижимая к голове изящные радионаушники.

Николаев почувствовал, как его позвоночник покрывается ледяной изморозью, а подстриженные под «ежик» волосы угрожающе зашевелились, словно вылезая из кожи головы. «Нет, только не это! — подумал он. — Царская кровь! Неужели им приспичило приземлиться именно сегодня?»

— Всем спокойствие! — пролаял русский, шаря левой рукой в кармане своего мундира. — Не прекращайте игры! Сэр Джон, я согласен на ваше предложение и ставлю еще двадцатку! — и Николаев поспешно бросил на стол деньги, еще раз увеличивая собственную ставку.

— Любопытно! — пробормотал американец. Странное двойное увеличение ставки не прошло незамеченным. — Гм-м... Посмотрим... Как вы, Кортни?

— Назвался груздем — полезай... — пофилософствовал шотландец, тайком подмигивая Бронсону.

Генерал пожал плечами.

— О'кей. Что там у тебя, Ник?

Возвращаясь из ванной комнаты, доктор Ву задержалась, чтобы вытереться казенным государственным бумажным полотенцем. В ее отсутствие что-то произошло. Раджавур быстро пробирался к Малавади в операционный зал. Малавади скорчился над своей коммуникационной консолью, а оставшиеся игроки в покер были заняты оживленной беседой. Снедаемая любопытством Ву спустилась в операционный зал, подол ее хлопчатобумажного платья колыхался от движения изящных, затянутых в нейлон икр.

— Что-нибудь не так? — с интересом осведомилась у коллег доктор Ву, прислушиваясь к доносящимся из наушников шорохам эфира.

— Приземление в Центральном Парке, — отчетливо объявил Малавади.

— Это подтверждается сообщениями службы дорожного движения городского департамента полиции. Подразделения Национальной Гвардии направлены на сдерживание толпы.

Ни минуты не колеблясь, доктор Ву ринулась к своей консоли и стала быстро-быстро включать тумблеры. Профессор Раджавур тоже уже начал лениво пульсировать, разогреваясь до рабочей температуры.

Раджавур нажал кнопку, и изнутри его контрольной панели высветились два небольших видеомонитора.

— Поступали ли какие-нибудь сообщения о... — он тут же замялся.

— О корабле, — подсказал доктор Малавади, быстро переключая что-то на своем рабочем столе.

— Корабль один, круглый, белого цвета, около четырехсот метров в диаметре... — кто-то присвистнул. — Да, он довольно большой. Согласно сообщениям, летательный аппарат защищен энергетическим экраном неизвестной природы. Никто не смог приблизиться к нему вплотную. В настоящее время от пришельцев не поступало никаких сообщений, — указательным пальцем Малавади чуть передвинул регулятор громкости. — Одну минутку, пожалуйста...

— Давайте заканчивать игру! — проревел Николаев, удивив всех.

Головы Ву, Раджавура и Малавади вздрогнули, и, повернувшись, все трое с недоумением уставились на генерала; Бронсон и Кортни замерли на ступенях, ведущих в операционный зал. Российский генерал все еще сидел за столом.

— Вы с ума сошли! — возмущенно попытался образумить его сэр Джон. — В Центральном Парке приземлился инопланетный корабль! Боже мой! Именно этого мы ждали все эти пятнадцать лет!

— А я ждал этого всю свою жизнь! — взревел в ярости Николаев, изо всех сил грохнув по столу кулаком. — Садитесь! Чтобы закончить игру, потребуется всего минута!

Но его коллеги явно не верили собственным ушам, и Николай Николаев перешел на менее требовательный тон:

— Пожалуйста! Ну сделайте мне одолжение!

Бронсон вздохнул.

— Ну что ж, если это, черт побери, так важно для тебя... — он повернулся к карточному столу и выложил свои карты. — Я пас. Банк твой.

Будучи джентльменом, сэр Джон сделал то же самое.

— НЕТ! — с мукой в голосе взвыл Николай Николаев. — Подождите! Вот, вы только взгляните на это! — с бешеной скоростью он выложил на стол свои карты. Бронсон и Кортни подошли поближе, чтобы посмотреть.

— Корабль чужаков открыл огонь по людям, — спокойно объявил на своем излишне правильном английском Малавади. — Пять... шесть человек убито. Возможно, больше.

2

Отшвырнув в сторону игорный стол, генерал Николаев ринулся к своему рабочему месту. Игральные карты взлетели в воздух и, позабытые, кружась как снежинки, упали на пол. Кортни и Бронсон тем временем почти достигли своих рабочих столов.

Американский генерал первым плюхнулся в свое кресло, сунул голову в наушники и привычным движением включил свою аппаратуру. Несмотря на свою внешнюю похожесть, все консоли Группы Контакта были спроектированы для исполнения различных задач. Расположенные в форме подковы металлические столы обладали двумя блоками выдвижных панелей, по три слева и справа от ног сидящего за консолью человека; крышка стола также была оборудована огромным количеством электронной аппаратуры. Разбитые на три секции рукояти и тумблеры контроля состояли собственно из секции защищенных от подслушивания прямых телефонных аппаратов с лазерным принтером для набивки копий, центрального компьютерного монитора с клавиатурой и располагавшейся справа секции управления специальными функциями, состоящей из множества датчиков, переключателей и наборных дисков. К настоящему моменту даже те члены группы, которые вначале чувствовали себя не очень уверенно, виртуозно управляли своим громоздким хозяйством обеими руками, не глядя на переключатели.

Подмигивающие огоньки контрольного устройства справа на рабочей консоли информировали Бронсона о том, что творит-

ся в здании ООН у них над головой, и о состоянии их собственного бункера. Набрав на клавиатуре перед собой сложный код, генерал дождался предупреждающего сигнала и сверился с экраном видеомонитора, чтобы убедиться в том, что холл, из которого можно было попасть в их бункер, пуст. В холле никого не было, и ничто не препятствовало Бронсону действовать дальше. Он вставил ключ в прорезь на пульте и повернул его, приводя в движение механизм, запирающий доступ в их штаб-квартиру парой двойных бронированных дверей. После этого ГПК будет физически изолирована от внешнего мира стальной плитой толщиной в метр, что делало невозможным проникновение в бункер извне. Выйти из бункера наружу также было невозможно без специальных знаний генерала Бронсона и без его личного согласия. Тем временем голоса, раздающиеся в наушниках, подсказали генералу, что Организация Объединенных Наций пребывает в состоянии, близком к панике. Представители разных стран поочередно требовали информации, не верили в то, что им сообщали, и совершенно выбрасывали событие из сферы своего просвещенного внимания. Бронсон что-то проворчал себе под нос. «Проклятые штатские, от них вечно было проку, как от козлов».

— Связь на линии, — доложил Малавади, следуя предписаниям давно утерянной полулегендарной инструкции, которая «таинственно исчезла» на следующий день после того, как Группа Контакта получила для ознакомления и изучения копию упомянутого документа на восемнадцати тысячах страниц.

Консоль доктора Малавади представляла собой реальное воплощение мечты радиоманьяка и хакера. Он мог принимать и передавать сообщения в любом диапазоне электромагнитного спектра, начиная от радиоволн и заканчивая жесткими излучениями, не говоря уже об абсолютно защищенном подключении к Интернету. Сам он был выдающимся экспертом по криптографии и шифрам, и если и не мог бегло говорить на каком-нибудь языке, то его компьютеры знали все — начиная с клинописи майя и кончая языком черноморских дельфинов и жаргоном эскимосских школьников. В случае необходимости лингвист мог читать по губам, и разгадывая кроссворды, заполнял их не карандашом, а сразу шариковой ручкой!

— Информация на линии, — сообщил Кортни, надевая ненавистные очки, в которых ему приходилось читать.

Очки были печальным следствием увлечения книгами о НЛО и биржевыми документами. Его отец, который считал ношение очков признаком слабости, приказал своему отпрыску почаще назначать свидания девушкам, лишь только узнал, что сыну прописаны очки. Юный Джонатан с удовольствием последовал совету папаши и принялся назначать свидания богатым женщинам — членам местного клуба «Очевидцев НЛО».

Лазерный принтер, расположенный на консоли справа от известного социолога, уже начал выплевывать копии сообщений «Эй-Би-Си», «Си-Эн-Эн», «Ассошиэйтед Пресс», Национального государственного радио, «Би-Би-Си», Комстата, «Нью-Йорк Таймс», «Лондон Таймс», «Московских новостей», «Америка-Он-Лайн» и «Нэшнел Инквайерер». Его коллегам это было бы смешно, но как специалист в своей области Кортни прекрасно знал, что истинную информацию можно было порой выловить в самых неожиданных местах.

— Научное обеспечение на линии, — вставила доктор Ву, задействовав свой компьютер и подключаясь к датчикам НАТО, НАСА и Национальной радиокомпании, направленным на Центральный Парк.

Ее оборудование было настолько чувствительным, что она могла проследить путь астронавта на Луне или произвести анализ бутерброда с горячими сосисками, продающегося на стадионе, — последнее она как-то проделала в качестве испытания разрешающей способности аппаратуры. Результаты анализа пришлось незамедлительно сообщить в Городскую санитарную службу.

— Безопасность на линии, — сообщил Бронсон, хотя в этом не было особой нужды, ибо все наверняка ощутили, как тяжко содрогнулся под ногами пол бункера в момент, когда единственный вход в подземелье закрыла бронированная плита.

С мрачной улыбкой на лице генерал выдвинул нижнюю левую панель своей консоли и достал десятимиллиметровый пистолет «Хеклер и Кох». Действуя почти автоматически, он проверил обойму и, вложив оружие в кобуру, пристегнул ее к поясу. «Дайте мне хренов золотой шлем, — подумал он кисло, — и я буду вылитый Джордж С. Паттон[1]. Однако Устав есть Устав».

---

[1] Джордж С. Паттон — американский генерал, герой Гражданской Войны *(примеч. пер.)*.

— Руководство на линии. Принимаю командование, — громко объявил профессор Раджавур, укрепляя на горле микрофон и заканчивая подключение обоих своих главных компьютеров.

В качестве руководителя Группы Контакта Раджавур Сигерсон сидел за самой большой консолью, которая не только вдвое превышала размеры остальных, но и была гораздо более многофункциональной. Например, он мог разговаривать с каждым в отдельности или со всеми вместе, он мог отменять их решения и в случае надобности управлять их консолями вместо них, если кто-то вдруг выйдет из строя или поддастся панике.

По причинам не столько техническим, сколько психологическим, профессор Раджавур сидел прямо напротив настенного монитора, и на него были направлены две видеокамеры, в то время как все остальные располагались вокруг него, как луны вокруг центрального небесного тела. Все, кроме Николая Николаева.

Именно генерал Николай Николаев, а не генерал Бронсон, командовал Силами Охраны Планеты. Американский военный охранял только Группу Контакта, российский товарищ защищал всю Землю.

С самых первых дней, когда Группа Контакта только создавалась, чисто из соображений предосторожности было решено, что ни один из чужаков не должен даже догадываться о существовании Николая Николаева, не то чтобы видеть его, во всяком случае до тех пор, пока их миролюбивые намерения не будут неопровержимо доказаны. Именно поэтому контрольная консоль русского генерала была расположена в самом дальнем углу бункера, вне досягаемости видеокамер. Николаев имел в своем распоряжении собственный монитор, личную, автономную систему жизнеобеспечения, независимые каналы связи, персональные банные полотенца с вышитой монограммой и квадрофонический музыкальный центр. Фактически он был настолько же независим от всей группы, как вся группа была независима от внешнего мира.

С шипением, похожим на шипение старинных батарей парового отопления, из пола поднялась толстая стена пуленепробиваемого стекла, отгородив Николаева в его углу. Стена поднималась от пола до потолка, обшитого звукопоглощающим материалом, и была герметичной. Теперь генерала соединяла с коллегами одна единственная телефонная линия.

Николаев был для Группы Первого Контакта последней палочкой-выручалочкой, если все пряники будут отвергнуты инопланетянами. Если ситуация станет развиваться настолько скверно, что ее нельзя будет обуздать никакими дипломатическими ухищрениями, и если потребуется отразить непосредственную атаку, тогда и только тогда должен начать действовать Николаев, и уж тогда он волен будет сам выбирать, какие меры следует предпринять, чтобы решить возникшие проблемы, — начиная от пули снайпера, вышибающей бокал вина из руки какого-нибудь деятеля, до полного ядерного уничтожения Нью-Йорка, Парижа, Лондона и даже самой Москвы. Николаев страстно ненавидел свою задачу, и именно благодаря этому ему и поручили это дело, в надежде на то, что он воздержится от поспешных действий.

Покончив с подготовительными мероприятиями, Николаев сделал знак Раджавуру, означающий, что все готово, и профессор без колебаний набрал на своей консоли запускающий программу код.

Электронный сон покинул размещенный ниже бункера центральный компьютер, он проснулся, зевнул, потянулся, размялся парой тригонометрических функций с вычислением их значений в свете теории вероятности, а в следующую микросекунду он уже протянулся наружу и перехватил управление всей компьютерной сетью ООН.

Повинуясь магнитному импульсу, в огромном здании наверху застыла, перестала функционировать клавиатура всех вычислительных машин, ненужные программы были просто-напросто стерты, и компьютеры (на субатомном уровне) склонились пред своим новым господином. Вся информация, содержащаяся в тридцати шести автономных и защищенных компьютерных системах, стала доступна центральному компьютеру ГПК, который мог проделывать с ней все, что ему захочется.

Центральный компьютер просмотрел все скопище информации, но даже ему потребовалась целая секунда на то, чтобы определить месторасположение необходимых файлов, получить к ним доступ и обработать требуемые данные.

Трансатлантические телефонные линии были мгновенно очищены от всех посторонних телефонных вызовов, и штаб НАТО, расположенный в Женеве, столице Швейцарии, получил ультраважное сообщение высшей степени сложности. Стремительный

обмен паролями и допусками занял еще десять секунд, прежде чем главный военный вычислитель проверил информацию и приветствовал нового командующего. Две миллисекунды спустя глобальная телекоммуникационная сеть НАТО, предназначенная для срочного оповещения, взорвалась целой серией разнообразных сигналов, которые показались бы непосвященному совершеннейшей белибердой, однако специальные компьютеры прекрасно во всем разобрались.

В пещеристом фундаменте Московского Кремля входящий сигнал был переброшен на специальную проверочную станцию, выстроенную как раз для борьбы с подобной компьютерной экспансией. Эта установка уже четырежды доказывала свою состоятельность, предотвратив две попытки подобного пиратства со стороны Китая, одну — со стороны Германии и одну — со стороны Клуба Юных Хакеров из Далата, штат Миннесота. На сей раз, однако, сигнал был пропущен без изменений, ибо постройкой контрольной станции руководили некие полковник Николаев и юный компьютерный гений Малавади. Когда же Россия подтвердила свою лояльность засекреченной группе в подвале здания ООН, правительства многих государств были весьма удивлены.

В Америке компьютерная сеть Объединенного командования ПВО Североамериканского континента немедленно отступила перед вполне легальным и законным требованием дать доступ к системам Пентагона, и считанные секунды спустя армия, флот и Военно-воздушные силы получили официально подтвержденный приказ, исходящий из вполне компетентных источников, привести войска в «готовность номер один». Беспрецедентная спешка вызвала настоящую волну стонов, проклятий, криков, два сердечных приступа и одно продвижение по службе.

По всему земному шару страна за страной включались в расширяющуюся компьютерную сеть. Одним из последних присоединился Китай, причиной этого было неверное подключение в Пекине, но, в конце концов, соединение было достигнуто.

Неожиданно для всех самым трудным ребенком оказалась Греция. Греческий компьютерный оператор, в задачу которого входило выводить на экран и контролировать все сообщения чрезвычайной важности, включая информацию, касающуюся безопасности не только его страны, но и всего мира, отсыпался в

подсобном помещении после утреннего свидания с несколькими секретаршами и бутылкой крепкого *оузо*.

После того как Группа Контроля начала свою деятельность, многие политические деятели очень скоро пришли в большое расстройство и откалывали такие номера, которые только из вежливости можно было назвать вспышками раздражения. Однако, несмотря на все усилия, вожделенная власть, ради которой они лгали, мошенничали, крали и (в зависимости от страны) убивали, выскальзывала из их рук, просачиваясь между пальцами как песок. Приняв по бокалу бренди и торопливо ознакомившись с полномочиями ГПК, большинство политиков смирилось с неизбежностью сделать все, что было в их силах, чтобы помочь работе группы.

Многие, но не все.

Через пять минут после того, как была нажата кнопка, на пульте Раджавура замигала зеленая лампочка, и он простым поворотом переключателя бесповоротно передал объединенную военную мощь всего мира генералу Николаеву.

Тут же в наушниках зазвучали далекие голоса, ожили контрольные приборы, сообщая русскому генералу о готовности к запуску натовских ракет, о готовности боевых соединений и частей, о текущем расположении ударных группировок флота и ВВС. Николаев что-то прошептал в свой укрепленный на горле микрофон, приказывая передислоцировать в нью-йоркскую гавань еще пять натовских подводных лодок и потребовав увеличить количество самолетовылетов истребителей «Ф-18». На остров Манхэттен уже было нацелено достаточно ядерного оружия, чтобы навсегда вычеркнуть его из анналов истории, однако генерал приказал американским частям ведения бактериологической войны и химзащиты быть наготове. Одновременно на родину генерала полетела шифровка, в которой приказывалось немедленно приступить к монтажу собственного прототипа бомбы «Адский Огонь».

В одиночестве своего загерметизированного отсека генерал горько проклинал тот день, когда он выучился играть в покер.

— Давай послушаем сообщение с чужого корабля, Мохад, — предложил профессор Раджавур, откладывая в сторону трубку телефона прямой связи с Белым Домом.

На разговоры с президентом не было времени. Да, он высоко ценил предложение президента о помощи, но в настоящее время

сам Раджавур обладал неизмеримо большими возможностями, нежели мелкий политический деятель местного масштаба.

Лингвист кивнул и нажал кнопку воспроизведения встроенного в его консоль видеомагнитофона.

— ...ДИ ГРЯЗИ, ВНИМАНИЕ!.. ЛЮДИ ГРЯЗИ, ВНИМАНИЕ...

— «Грязь»? — переспросил Бронсон, вложив в единственное слово все свое недоумение.

— Семантически правильно, — объяснил Малавади несколько назидательно. — Хотя едва ли это нам может польстить. Тут я с вами согласен.

— МЫ — РАЗВЕДЧИКИ ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ЛИГИ, — продолжал между тем странный реверберирующий голос, — МЫ ЕСТЬ ЗДЕСЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОПРЕДЕЛИТЬ, ДОСТАТОЧНО ЛИ РАЗВИТА ВАША ПЛАНЕТА — ГРЯЗЬ, ЧТОБЫ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К КОАЛИЦИИ СОСЕДНИХ ЗВЕЗДНЫХ СИСТЕМ.

Пульсирующий экран внезапно расцветился вихрем ярких красок, которые превратились в изображение синего гуманоида в серовато-белой униформе милитаристского покроя. Он (она? оно?) угрожающе хмурил густые брови; другими его выдающимися особенностями были блюдечные глаза и два рта, одним из которых он как раз произносил речь.

Доктор Ву прижала к горлу микрофон, торопливо комментируя странность и малую вероятность существования медносульфатных форм жизни. Сэр Джон отметал про себя военный покрой мундира и запросил наиподробнейшую информацию обо всем, что от природы было голубым: топазах, райских птичках и музыке Блайнд Лемон Джефферсон.

— ИЗ ТОЛПЫ, ОКРУЖАЮЩЕЙ НАШ КОРАБЛЬ...

Многозначительная мимика существа и его артикуляция нисколько не совпадали с доносящимися из динамиков словами, и доктор Малавади прошептал в свой микрофон что-то о переводящих устройствах.

— ...МЫ ТЕЛЕПОРТИРОВАЛИ НА БОРТ НЕСКОЛЬКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВАШЕЙ РАСЫ. ОНИ НЕВРЕДИМЫ. Я ПОВТОРЯЮ — ОНИ НЕВРЕДИМЫ И НАХОДЯТСЯ С НАМИ ПРОСТО ЗАТЕМ, ЧТОБЫ ПОДТВЕРДИТЬ НАМ ВАШУ ДОСТАТОЧНУЮ ПОДГОТОВЛЕННОСТЬ К ЧЛЕНСТВУ В ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ЛИГЕ.

— Они живы! — воскликнул сэр Джон, чьи ночные кошмары об инопланетных захватчиках, питающихся человеческим мясом, порабощающих человеческих детей и становящихся причиной кризиса на рынке ценных бумаг рассеялись как дым.

— Живы!

Раджавур потянулся к ближайшему телефону прямой связи с Николаевым, но опустил руку, заметив, что генерал вздыхает, а огоньки на его консоли перемигиваются оранжевым и красным цветами. Ситуация по-прежнему оставалась опасной, зато теперь они, по крайней мере, знали, что не сидят на крышке ядерного погреба.

— НАСЕЛЕНИЮ ВАШЕЙ ПЛАНЕТЫ ПОЗВОЛЯТ НАБЛЮДАТЬ ЗА ИСПЫТАНИЯМИ, И, ЕСЛИ ОНИ УСПЕШНО ПРОЙДУТ ЭТИ ИСПЫТАНИЯ, ГРЯЗЬ БУДЕТ ПРИНЯТ В ГАЛАКТИЧЕСКУЮ ЛИГУ В КАЧЕСТВЕ НОВОГО, НО РАВНОПРАВНОГО ЧЛЕНА...

По всему земному шару человечество разразилось радостными воплями и бросилось танцевать вокруг своих теле- и радиоприемников. Космические корабли! Пришельцы! Звезды! Урраа!!! Это было похоже на фантастическую киношку субботним вечером.

Тем временем Раджавур и его группа терпеливо сидели в своем бункере, вдыхая хорошо кондиционированный воздух, и терпеливо ждали, пока опустится второй башмак.

— ОДНАКО... — продолжило голубоватое существо.

«Ооопс!» — одновременно подумали все члены ГПК.

— В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ВАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НЕ ВЫДЕРЖАТ ИСПЫТАНИЙ, МЫ БУДЕМ ВЫНУЖДЕНЫ ПРЕВРАТИТЬ ВАШУ ПЛАНЕТУ В РАДИОАКТИВНЫЙ ШЛАК. НИЧЕГО ЛИЧНО ПРОТИВ ВАС МЫ НЕ ИМЕЕМ, НО У НАС ЕСТЬ ПРИКАЗ... ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ЛИГИ АЙДОУ... КОНЕЦ СЕАНСА.

Картинка на экране монитора опять расплылась и завертелась, пока снова не показался раблезианский белый шар, с драматическим спокойствием расположившийся на самой середине Центрального Парка. Характерные для Нью-Йорка конструкции из стекла и стали образовывали превосходный фон, напоминающий почтовую открытку. Всю панораму обрамляла янтарно-желтая рамка, которая на глазах уменьшалась с каждой прошедшей секундой.

— Шкала времени, доктор Ву? — предположил Раджавур, со знанием дела рассматривая рамку. Его догадка, касающаяся природы желтой рамки, казалась не лишенной оснований.

— Пятьдесят две минуты с отсчетом, — отвечала доктор Ву, в то время как ее тонкие пальцы перебирали по клавишам карманного калькулятора. — Если только это действительно шкала времени, а не украшение.

Бронсон вынул изо рта сигару и критически осмотрел ее размокший конец.

— На какой частоте шла передача? — поинтересовался он у Малавади.

— На всех, — ответил лингвист. — Насколько я могу судить, эту передачу слышали все на планете.

Генерал задумчиво вернул сигару на прежнее место. Пожалуй, от мыслей о мистификации придется отказаться. Ни один народ на Земле не смог бы этого проделать. Ведь только для того, чтобы выработать достаточно электроэнергии, потребовалась бы мощность сотни — нет, тысячи! — гидроэлектростанций, подобных станции на Ниагаре. Или управляемое расщепление ядра. Ни того, ни другого человечество пока не имело.

— Любопытно, как мы не приняли передачу при посредстве собственных зубов, — снова заговорил Бронсон, припоминая однажды вычитанное в газете сообщение о довольно странной студенческой шалости.

— Многие люди приняли, — согласился сэр Джон, делая старательные пометки в блокноте. — Единственное, что могло уберечь нас от такой же участи — это шестьдесят два фута железобетона.

Уэйн фыркнул. Стены его бункера были гораздо толще, но Кортни никогда особенно не интересовался бетонными конструкциями, несмотря на превосходные лекции по современному искусству фортификации, которые генерал не раз заставлял его выслушивать.

«Странный парень, — подумал генерал. — Должно быть, это богатство свело его с ума. Но он неплохо играет в покер. Только это и существенно».

— Нет, — заявил в трубку телефона прямой связи с ООН Раджавур. — Прошу прощения, господин Генеральный Секретарь, но... Да, я понимаю, что эта проблема вас очень интересует, однако... Я очень занят сейчас, сэр... Посмотрим. Я поговорю с

тобой позже, Эмиль, до свиданья, — он твердо опустил золотую трубку телефона ООН между красной (Россия) и голубой (США) трубками телефонов прямой связи.

«Проклятье, — подумал он. — Я совершенно не нуждаюсь в том, чтобы мне надоедал какой-то испуганный политикан».

В сильном волнении Сигерсон провел рукой по жестким седым волосам. Седые волосы передались ему по наследству и не были признаком возраста — дипломату едва минуло пятьдесят.

— Мохад, удалось выйти на контакт с чужаками? — спросил Раджавур у лингвиста группы.

Тот ответил, что нет. Никакой связи наладить не удалось, очевидно, пришельцы намеренно не откликались.

Дипломат развернулся вправо вместе с креслом.

— А твое мнение, Джонатан?

— О чем, профессор? — осведомился социолог, поднимая взгляд от компьютерных распечаток относительно эмоциональных факторов, которые он внимательно читал.

— О том, что, возможно, Айдоу и его команда — это такая же, как и мы, Группа Первого Контакта?

— Это невозможно! — перебил с горячностью генерал Бронсон. — Они слишком глупо действуют!

За стеклянной стеной генерал Николаев закивал, от души соглашаясь с Бронсоном. Да, чужаки должны быть либо сумасшедшими, либо дураками. Индикаторы на пульте снова сияли зловещим малиновым огнем, а подразделение химзащиты только что добровольно вызвалось начать самоубийственную атаку на пришельцев.

Российский генерал раздраженно вытянул свои затекшие ноги. Проклятые консоли разрабатывались словно для карликов или лилипутов. Может быть, даже специально, чтобы заставить его, образно выражаясь, пресмыкаться. Ха!

Переключая по памяти все необходимые тумблеры, генерал постарался представить себе, что происходит на поверхности. Он знал, что с солдатами из НАТО не будет никаких проблем. Это были отменные вояки, испытанные и надежные. Самые лучшие. Но что поделывает остальное население Земли: хохочет, горестно стенает или мечется по кругу? Один сэр Джон знал все подробности, вплоть до минуты, и докладывал обо всем Сигерсону. Только Раджавур знал истинное положение дел — хорошее или плохое.

В эту минуту громкое жужжание натовской линии связи прервало цепь его размышлений, и Николаев вернулся к своим насущным обязанностям, решив на некоторое время отложить свои попытки предсказать поведение Человека, тем более что это затруднился бы сделать сам Создатель.

Профессор Раджавур также задумчиво наклонил голову. Если предварительный доклад Кортни соответствовал истине, то Земля оказалась в незавидном положении. Большая часть человечества хохотала, горестно стенала и носилась кругами. И эта ситуация могла стать еще хуже, когда через сорок семь минут пришельцы возобновят передачу. Но до тех пор...

Дипломат внезапно заметил, что в бункере воцарилась гнетущая тишина, и громко хлопнул в ладоши.

— За работу, друзья! — воскликнул он, и в зале закипела работа.

3

Пока Группа Контакта готовилась изучать, исследовать и защищаться, население планеты реагировало на сообщение пришельцев, как обычно во время опасности: противоречиво и непоследовательно.

Телерепортеры выбегали из своих студий, чтобы купить старомодную газету. Газетчики, запершись в ванной, включали ненавистные телевизоры. Группы выживания, терпеливо дожидавшиеся начала ядерной войны, решили, что настал подходящий момент, и отправились в свои тайные убежища в горах, захватив с собой семьи, соседей, домашних животных и телевизоры. Алкоголики поклялись больше не прикасаться к зелью. Наркоманы в еще больших количествах стали принимать то, что принимали. В Калифорнии сторонники Церкви Объединения соорудили и торжественно сожгли гигантский вопросительный знак. В Нью-Йорке землевладельцы, чьи здания примыкали к территории Центрального Парка, сначала выставили свои земельные участки на продажу, затем передумали и повысили арендную плату.

Настоящее, а не выдуманное приземление инопланетного космического корабля вызвало роспуск нескольких клубов Оче-

видцев НЛО, был отменен показ шести научно-фантастических фильмов и начат показ двенадцати других. Видеокассеты по объему продажи превзошли аспирин. Невиданные в истории транспортные пробки закупорили артерии городов и шоссе, ибо водители:

а) бросали свои машины и бежали в горы;

б) ехали в горы на машинах;

в) теряли сознание прямо в автомобилях, принеся неведомое ранее слово «затор» в такие места, как Тасмания, Новая Шотландия и Внешняя Монголия.

В Соединенных Штатах Федеральное авиационное управление распорядилось немедленно очистить все воздушные трассы от какого бы то ни было движения. Всякому летящему самолету, не относящемуся к вооруженным силам, давалось пятнадцать минут, в течение которых пилот обязан был найти подходящее место и приземлиться. Застигнутые в воздухе вертолеты падали на землю как камни. Небольшие авиетки приземлялись на любой мало-мальски подходящей площадке — на фермах, автостоянках, футбольных полях. Один злосчастный Боинг-747, время которого истекло, вынужден был совершить вынужденную посадку на полотно скоростного шоссе, соединяющего столицы двух штатов.

Грохоча двигателями, чтобы предупредить о своем приближении автомобилистов, реактивный лайнер опустился так низко, что едва перескочил через отстойник и проходящие под шоссе второстепенные дороги. Дымя шасси, гигантская птица коснулась полотна и, отчаянно визжа тормозами и грохоча, покатилась по шоссе, остановившись в считанных метрах от торопливо покинутой служащими будки для взимания дорожных сборов. Не успели отгреметь приветственные крики наблюдателей и пассажиров, как какой-то дурак в «кадиллаке» принялся отчаянно сигналить сзади, призывая воздушного гиганта дать ему проехать и вообще убраться с дороги. Пилоту семьсот сорок седьмого потребовалось совершить над собой форменное насилие, чтобы не запустить двигатель № 2 и не превратить дурака в кучку шлака вместе с его автомобилем.

Ливанские партизаны требовали сообщить им, не являются ли пришельцы евреями. Цюрих запрашивал, ценится ли у них золото. Голливуд умолял предоставить ему право снять фильм о жизни героических звездоплавателей. Новая Зеландия стреми-

лась узнать рецепты их любимых блюд из баранины. Польша ядовито осведомлялась, как много пришельцев поместилось в эту гигантскую электролампу.

Независимые южноамериканские государства оказались перед неразрешимой проблемой. Чужой космический корабль приземлился на территории ненавистных Соединенных Штатов. Если инопланетяне окажутся враждебными, то это будет великолепная возможность привлечь их на свою сторону и разделаться с гнусными янки. Если пришельцы будут настроены дружелюбно, то Америка может получить такие передовые технологии, что станет несомненным хозяином всего мира — таким, которого ни под каким видом не стоит сердить. Выход был найден такой: благодаря блестящему политическому ходу, этим странам удалось присоединиться к Швейцарии. Традиционно нейтральные швейцарские банкиры восприняли свои новые полномочия с энтузиазмом, твердо уверенные в том, что каким-то образом удастся извлечь из этого выгоду для себя.

Ирландия ударилась в пьянство. Англия попросила еще чаю. Италия напилась. Япония разослала во всех направлениях промышленных шпионов. Франция заплатила свой долг ООН.

Папа сначала объявил пришельцев дьяволами, потом ангелами, снова дьяволами, потом протестантами и, в конце концов, перестал давать комментарии.

В небольшом арабском государстве фанатичный мусульманский лидер вышел на балкон самого высокого минарета и объявил своим верным последователям, собравшимся внизу, что хотя им удается сдерживать американского дьявола, но голубые пришельцы из космоса — это совсем другое дело, и поэтому, ради спасения своего народа, ему придется уничтожить дьявола при помощи водородной бомбы. И он твердой рукой высоко поднял над головой детонатор, чтобы все его увидели. Странно, но собравшаяся внизу толпа отреагировала на заявление без должного смирения.

Пока ломали запертые ворота минарета, их некогда любимый духовный наставник прочел молитву и нажал на кнопку. Детонатор громко и пронзительно лязгнул, так как помощники духовного лица давным-давно украли из бомбы весь плутоний и обменяли его на гашиш. Когда вопящая толпа разъяренных арабов наконец добралась до верхней площадки минарета, исламский фанатик избавил их от тяжелой обязанности разорвать

себя на множество окровавленных лоскутков, выбросившись вниз через украшенные орнаментом металлические перила.

* * *

Тем временем высоко над встревоженной Землей двигался по орбите золотого цвета параллелепипед, формой и размером поразительно напоминающий промышленный упаковочный контейнер. Двигаясь по самой границе земной атмосферы, странный ящик не был замечен ни спутниками-шпионами, в изобилии проносящимися по ближайшим орбитам, ни зоркими глазами военных радаров наземного базирования, которые были направлены на странный предмет, но не могли увидеть его своим электронным зрением.

Те, кто вывел на орбиту этот странный предмет, поверили своим многочисленным ученым и исследователям, которые утверждали, что по внешнему виду ящик ничем не отличается от космического аппарата, производимого чем-то под названием «Вестингхоум Индастриз», и это на самом деле было так. Дело было в том, что упомянутый прибор был разработан совершенно иным подразделением транснациональной корпорации. Золотистый параллелепипед был точной копией холодильника «Вестингхоум», начиная с торчащей сзади радиаторной решетки и заканчивая биркой с ценником на дверной ручке. (Разработчики точного подобия аппарата были по-настоящему поставлены в тупик, не в силах разгадать, для чего предназначались эти две детали конструкции, но во имя благородных интересов науки весьма тщательно их воспроизвели. Это также отвечало требованиям безопасности и маскировки — основной задаче всех наиболее разумных существ во всей известной части Галактики.)

Холодильникоподобный прибор тем временем принимал довольно любопытные передачи с довольно-таки мирной планеты внизу. Изголодавшаяся станция поглощала входящие сигналы так быстро, как только могла, разжевывала информацию на байты, тщательно переваривала и изрыгала не слишком удобоваримый ответ. Хрустальные программирующие ячейки, размещенные в многосекционном ионизированном жестяном поддоне, включи-

лись в работу, и ящик принялся вращаться, пока не повернулся передней панелью к далеким звездам. Тогда дверца широко распахнулась, и мощный поток тахионов вырвался наружу, ни разу не дрогнув за те четырнадцать секунд, пока не достиг орбиты Плутона. Сообщение, посланное холодильником, было точным, сжатым, лаконичным, не оставляющим никакого простора для беспочвенного фантазирования.

Вскоре золотой луч тахионов погас, и эмалированная дверца захлопнулась со стуком. Ожили крошечные реактивные двигатели, расположенные по краям водосборного поддона, и золотистый ящик плавно сошел со своей орбиты, чтобы переместиться в точку над центральной частью Северо-Американского континента. В заданной точке пространства рефрижератор затормозил и лег на геостационарную орбиту, которая позволяла ему оставаться неподвижным относительно источника этих странных передач.

Прямо над спортплощадкой нью-йоркского Центрального Парка.

4

Командир экипажа Айдоу откинулся в своем кресле, сделанном специально по форме его тела, и, нахмурясь, посмотрел на расположенный перед ним обзорный экран. Его лицо напоминало «Этюд о задумчивости в голубых тонах». Первый контакт с неизвестным видом живых существ всегда был по меньшей мере непростым делом. До сих пор все шло хорошо, и ему оставалось только надеяться, что грядущие события оправдают риск этой экспедиции.

Командная рубка космического корабля «Все То, Что Блестит» плавно понижалась во всех направлениях от кресла командира, и таким образом командир находился в высшей точке своего стерильно-белого, высокотехнологичного царства. Такое местоположение позволяло ему чувствовать себя комфортно, ибо еще его далекие примитивные предки любили прятаться в кронах деревьев, чтобы бросаться оттуда на разные живые существа, проходящие внизу и ничего не подозревающие, и со счастливой улыбкой всучивать им страховой полис.

«Все То, Что Блестит» был слегка модифицированным космическим модулем Микон-4, и его диаметр составлял аккурат четыреста метров. Это в точности такой же размер, которым славятся все Миконы. Приводимый в движение известными своей надежностью экзотермическими реакторами, он мог разогнаться до средней крейсерской скорости, равной скорости света, используя всего двенадцатую часть мощности маршевого двигателя, что превращало космический корабль данной модели в один из самых скоростных в галактике. Только на одной планете были корабли, способные двигаться еще быстрее, но их нельзя было купить ни за какие деньги. Двадцать четыре палубы космического корабля различались по площади и высоте, в зависимости от желания членов экипажа и назначения. Стандартными были только командные рубки.

По направлению к корме от командирского кресла были расположены прижатые к стенам из гофрированного металла техпосты экипажа: охранника, инженера, коммуникатора и техника. Последним из названных техпостов пользовались довольно редко, и он попал в командную рубку только потому, что проклятую штуковину нужно было-таки куда-то пристроить. Бронированная дверь отсекала цоколь помещения и могла блокировать доступ в этот нервный центр космического корабля. В настоящий момент дверь была закрыта, и в ее створе виднелись кажущиеся бесконечными стены внешних коридоров, вдоль которых тянулись многочисленные проволочки, трубочки и распределительные щиты.

Сама командная рубка и ее меблировка были исполнены в различных оттенках белого цвета, и только члены экипажа подчас оживляли монотонную белизну окружающего пространства своими собственными цветами: голубым, серым, коричневым и зеленым, но и эти тона были приглушены желтовато-белой униформой, которую носили члены команды. Все техпосты на борту корабля были снабжены собственными обзорными экранами, но сейчас Айдоу подключил их к своему так, что все они показывали одну, ничем не примечательную картину

Посреди абсолютно белого, бесконечного пространства испытательной камеры, которая занимала целую палубу в самой середине космического корабля, стояло шесть человек. Расстояние делало их слабыми и хрупкими, каковыми они, по всей вероятности, и были на самом деле. Айдоу наблюдал за тем,

как они расхаживают туда и сюда, сердитыми жестами вздымая вверх передние конечности. Без всякого сомнения, они сопровождали свою жестикуляцию угрозами, вопросами и мольбами. Все как обычно. Звуковые ячейки в испытательной камере еще предстояло активизировать, и потому их многочисленные колкости и едкие замечания не достигали слуха командира.

Кроме всего прочего, командир Айдоу любил сначала посмотреть на поведение подопытных экземпляров, это помогало ему лучше оценить шансы на успех. Более того, командир пришел к выводу, что намеренное пренебрежение приводит наиболее примитивные создания в настоящее бешенство, а эти грязеландцы по всем признакам начинали «созревать». В то самое время, когда Айдоу удостоил пленников своим командирским вниманием, самый крупный экземпляр опустился на колени и попытался прорыть подземный ход в полу, обитом мягким материалом. Его товарищи, похоже, пытались подбодрить своего соплеменника, хотя, когда дело касалось чужих форм жизни, очень трудно было быть в чем-нибудь совершенно уверенным. Ага! Волосатый субъект поднял крупного самца и несколько раз ударил по лицу ладонью. Почему-то это успокоило крупного самца, и он без дальнейших возражений присоединился к товарищам. Волосатый грязеландец же стоял несколько особняком от всей группы, и его товарищи теперь обращались со своими репликами именно к нему.

— Стало быть, ты — их предводитель, — холодно заключил Айдоу. И он обратился к нему, правда, мысленно: «Я приветствую тебя, брат».

Тяжелая рука из живого гранита весомо опустилась на плечо Айдоу. Командир поднял взгляд и посмотрел в неподвижное лицо охранника или охранителя своего корабля.

— Не слишком много доказательств в пользу твоего предположения о том, что они правят при помощи силы, — прогудел Гастерфаз, его лишенный интонации голос напоминал звук, какой издавали бы совокупляющиеся булыжники. — По-видимому, ты ошибся.

— Почему ты так считаешь? — удивился Айдоу. — Разве ты не видел, как волосатый самец ударил большого и заставил его подчиниться? Поэтому я считаю, что им приходится управлять при помощи силы, как я и предсказывал.

Каменный гигант моргнул. Клик-клик.

— Это ты считаешь ударом? Это была просто ласка. Скорее всего эти двое — любовники.

Командир Айдоу улыбнулся про себя. Гастерфаз принадлежал к хоронцам — огромной, мускулистой, покрытой каменными пластинами расе, обладающей фантастической силой. Эта гороподобная раса была настолько могущественной, что ее представителям было непросто распознать противника, если он был слабее боеробота, вооруженного рентгеновским лазером. Такое равнодушное отношение приводило некоторые особенно впечатлительные расы в состояние настоящего исступления, и грозные хоронцы находились в настоящий момент в состоянии войны по меньшей мере с двумя цивилизациями, о чем они блаженно не ведали.

— Поверь мне, — уверил Гастерфаза Айдоу, — эти грязеландцы весьма примитивно устроены для наших целей. Я уверен, что они великолепно подойдут для предстоящих испытаний.

— Примитивный мусор! — проскрипел рядом третий высокий голос, и оба существа немедленно повернулись, чтобы лицезреть Бозтванка, космического инженера. Он приблизился совершенно неслышно, подлетев к ним сзади на своем электронном блюдце, поддерживаемом в воздухе невидимым силовым полем.

— Мусор! — с пафосом повторил старый склочник-гриб, трепеща бахромой вокруг шляпки. — И совершенно бесполезны для нас. Эти... — полупрозрачная рука указывала на фигуры на экране. — Они не пройдут и первый тест, не говоря уже о всех трех!

Расположенное на ножке миниатюрное личико гриба скривилось от разочарования.

— Давайте поскорее покинем этот гнилой мир и подыщем настоящую планету с настоящими людьми для наших испытаний.

«И с более вкусной почвой!» — добавил про себя Айдоу.

Анализ здешней почвы показал, что она перенасыщена гидрокарбонатами, солями металлов и мочой животных. Но и предшествующая посадка также не удовлетворила Бозтванка. В последнее время его раса грибов пребывала в постоянном раздражении относительно всей остальной галактики. Этот эмоциональный сдвиг в конце концов привел к тому, что представители

этой расы приобрели способность выражать свое неудовольствие и возмущение, в буквальном смысле слова взрываясь и разбрасывая споры в радиусе целого километра. Скорее всего, эта горластая раса была бы истреблена давным-давно, во-первых, потому, что галактическое содружество неизменно стремилось к сохранению прочного мира и спокойствия, а во-вторых, потому, что не достигшие состояния разумности молодые особи этой породы ценились в качестве деликатеса всеми существами, которые обладали вкусовыми рецепторами, и некоторыми отдельными личностями, весьма немногочисленными, которые обладали особо утонченным чувством прекрасного.

Иными словами, только выдающиеся инженерные способности спасли Бозтванка от того, чтобы оказаться в реакторе космического корабля в качестве топлива.

Айдоу нахмурил голубые брови. Гриб обладал определенными достоинствами, а жители планеты Грязь были совершенно невыразительны и не производили впечатления. Все же, будучи командиром космического корабля, голубокожий Айдоу чувствовал себя обязанным отстоять свою точку зрения и обосновать полет на эту планету.

— Ерунда, — начал он дружеским тоном, — они...

— Они все еще называют свою планету Грязь! — взъярился инженер. — Как можно быть такими примитивными!

В этот момент специальные пульверизаторы принялись обрызгивать шляпку и ножку гриба специальной розовой водой, предохраняя нежную мякоть гриба от высыхания, и Айдоу воспользовался паузой, чтобы развивать свою мысль дальше.

— Любая раса называет свою планету «грязью», по крайней мере сначала, — терпеливо разъяснил он. — Тебе об этом известно.

— Но они уже совершили более четырех тысяч полных оборотов вокруг своего солнца, за это время можно было изменить название по крайней мере несколько раз! Чего, ради Вакуума, они ждут? Чтобы Первый Строитель сам назвал планету вместо них?!

— Терра, — перебил Бозтванка сухой и бесстрастный голос. — Они называют свою планету Терра.

В сильном приступе раздражения гриб захлопнул свой беззубый рот, и корабельный коммуникатор Скви вышел вперед, волоча за собой длинный, полуатрофированный хвост.

Скви был последним известным в галактике представителем расы ящеров. Прочее население его родной планеты стремительно эволюционировало и, в конце концов, превратилось в высокоразвитую расу совершенно иных существ, пока Скви скитался по просторам Галактики вместе с экипажем командира Айдоу. Скви предпринимал героические попытки возродить к жизни свое исчезнувшее племя в прежнем, знакомом ему виде и по этой причине соблазнял и спаривался с любой хладнокровной и яйцекладущей особью женского пола, которую ему удавалось встретить в чужих мирах. Существующие медицинские теории утверждали, что размножение при посредстве существ другого вида невозможно, однако Скви раз за разом опровергал эти теории, оплодотворяя своих инопланетных любовников и любовниц, которые впоследствии производили на свет маленькие копии Скви. К сожалению, симпатичные крошки стремительно развивались в существа высшего порядка, и это бесконечно огорчало Скви.

Бозтванк с подозрением уставился на специалиста по коммуникации.

— Все называют эту планету этим именем? — спросил он сурово.

Скви перестал почесывать чешуи хвоста. Хвост вообще не чесался, это был совершенно непроизвольный жест, подобный тому, как некоторые гуманоиды потирают подбородки или как блупоиды бьют себя рыбой по головам.

— Нет, — честно признался ящер. — Не все.

— И что же означает эта Терра?

— Земля! — гордо сообщил он, и гриб нахмурился, как ни трудно ему было это проделать.

Командир Айдоу по всем признакам испытывал удовольствие от этой перепалки. Скви превосходно справился с анализом языка жителей Грязи.

Разъяренный тем, что все его надежды рушились на глазах, Бозтванк ринулся в атаку:

— А какие еще значения имеет это слово на основном наречии этой планеты?

Скви прикусил свой раздвоенный язык. Он надеялся, что этого вопроса ему не зададут.

— Ну? — потребовал Бозтванк.

— Грязь, почва, грунт, — печально вздохнул коммуникатор.

— Ага! — торжествующе вскричал гриб. — Я говорил! Говорил! Говорил!

С королевским достоинством, свойственным только ящерам, Скви повернулся хвостом к инженеру и направился к своему техпосту, где радостно перемигивались его приборы, счастливые от того, что их чешуйчатый хозяин снова был с ними. Вегетарианец, принадлежащий к расе вегетарианцев, Скви гадал, каков может быть на вкус противный Бозтванк. Наверное, горький, как трава-вонючка, мерзкий старый мухомор!

Айдоу также с неодобрением уставился на торжествующего Бозтванка. У него было так много отрицательных черт характера, что этот его триумф был жалким. К тому же разве его родная планета в переводе на галактический не называлась «местом, которое хранит наши корни»?

— Это так, Айдоу? — громко спросил Гастерфаз, возвращаясь к первоначальной теме разговора. — Могут ли они быть слишком примитивными, такими, что мы не сможем их использовать?

— Нет, — твердо подвел итог командир, скрещивая ноги и разглаживая манжет своего мундира. — Они не такие примитивные. Грязь управляется планетарным правительством, они летают в ближайший космос и обладают мировой системой телекоммуникаций. Одно это доказывает, что они достаточно высоко развиты для наших нужд.

— Тогда это вполне приемлемо. Нам приходилось иметь дело с гораздо худшим.

— Но мы имели дело и с гораздо лучшим! — раздраженно проквакал Бозтванк. — Давайте поворачивать домой!

— НО МЫ УЖЕ ЗДЕСЬ! — прогремел Айдоу, используя один из своих ртов, тот, что предназначался для команд и распоряжений. — Нам стоило немалых усилий добраться сюда, и теперь мы должны испытать этих...

— Гуманоидов, — вставил Скви.

— ...грязеландцев, — твердо закончил Айдоу. — И надеяться на лучшее.

Ворча себе под нос, Бозтванк направил свое летающее блюдце к техпосту и приказал своему заправщику еще раз побрызгать себя розовой жидкостью. Это, однако, ничуть его не утешило.

Айдоу вернулся к своему обзорному экрану. Изображение на нем ничуть не изменилось. Испытуемые почти не сдвинулись

с мест. Неужели с ними что-то не в порядке? Куда девалось любопытство? И он сложил брови домиком, что было выражением досады.

— Сколько еще ждать?

— Триста секунд, — ответил Скви.

— Вакуум! — тихо выругался Айдоу. — Все ли готово для трансляции испытаний?

— Конечно, мой командир.

— Прекрасно. Кстати, Трелл успел поменять разбитую камеру в зоне испытаний? — пока он говорил, шестеро жителей Грязи возникли на его экране под другим углом.

— Так годится. Гастерфаз!

Могучий хоронец со скрипом покрутил головой, причем его массивные плечи даже не дрогнули.

— Да, Айдоу?

— Постарайся в этот раз аккуратнее управлять своим бороботом. Нам приходится возить с собой большой запас запасных камер.

— Приму к сведению.

— Послушай, только вчера Трелл говорил мне, что... — Айдоу замолчал и оглядел рубку, словно только сейчас заметил отсутствие техника. — Кстати, где он?

Бозтванк пробормотал что-то неразборчивое.

— Что там говорит наш инженер?

— Ремонт. Он занят каким-то ремонтом.

— В самом деле? — вопросил Айдоу, разворачиваясь вместе с креслом. — И что же вышло из строя на моем корабле?

— Вышло из строя? — поперхнулся гриб. — Нет... ничего не вышло... Мелкий ремонт... ну, ты сам понимаешь... там-сям... корабль так велик.

— Где Трелл? — снова спросил Айдоу, используя рот, предназначенный для ведения вежливой беседы. Бозтванк снова пробормотал нечто невнятное, и Айдоу применил свой командный голос: — ГДЕ ТРЕЛЛ?!

— В реакторе, в активной зоне.

— ЧТО?! — проревел командир корабля, вскакивая с кресла. Бозтванк что-то быстро заговорил, его летающее блюдце медленно пятилось от разъяренного гуманоида.

— Никакой опасности, командир! Треллу это не повредит. Регулятор мощности фиксирован на 9/9. Он в полной безопас-

ности — так, как если бы он висел под мандибулой[1] у своей мамаши.

Айдоу некоторое время обдумывал это сообщение, сознавая, что трусливый гриб не осмелится лгать своему командиру, затем грузно упал обратно в кресло. То, что сообщил Бозтванк, было верным — 9/9 было вполне в пределах способности техника переносить жесткие излучения. Едва ли он это почувствует. Но с чего бы это Бозтванку посылать техника к реактору, когда они вот-вот начнут серию важных испытаний, результат которых небезразличен для всех? Не может быть, чтобы он все еще сердился...

— Ты все еще сердит на Трелла за ошибку, которую он допустил в прошлом путешествии, — обвинил Айдоу инженера.

Гриб мгновенно распалился:

— Он перепутал мою розовую воду с жидкостью для протирки иллюминаторов, и это уже не в первый раз! Я не потерплю этого!

Ящер и каменнотелый охранитель расхохотались, Айдоу тоже позволил себе не скрывать улыбки. Да, это в самом деле была трагедия, и только время сделало этот инцидент смешным.

— О'кей, Боз, можешь делать с ним что хочешь, но предупреждаю тебя, что в рабочей зоне реактора не должно произойти внезапного и таинственного выброса радиации, который поджарит нашего техника прямо на рабочем месте. ВАМ ЯСНО, ИНЖЕНЕР?

Гриб почувствовал переход с одного голоса на другой и отсалютовал.

— Да, мой командир. Разумеется, мой командир. Как скажешь, Айдоу, — и Бозтванк незаметно повернул в обратном направлении переключатель мощности реактора, который он до того постепенно передвигал в сторону увеличения.

Удовлетворенный тем, что Трелл на некоторое время действительно оказался в безопасности, Айдоу вернулся к текущим делам.

— Время? — спросил он у Скви.

— Сто секунд, Айдоу. Да, теперь уже скоро.

— Будь добр, Скви, включи свой транслятор. Я хочу побеседовать с нашими... гостями.

---

[1] Мандибула — нижняя челюсть у насекомых, под которой некоторые виды пауков вынашивают свое потомство *(примеч. пер.)*.

На его панели выдвинулся из-под экрана тонкий шток микрофона, и Айдоу прочистил оба своих горла.

— Внимания, прошу внимания!

Транслятор загудел и донес его слова до испытательной камеры.

Испуганные раздавшимся ниоткуда голосом, шестеро людей подпрыгнули и принялись грозить кулаками в потолок.

— Они желают знать, что нам от них нужно, — перевел Скви, прислушиваясь к тому, что нашептывали его приборы своему любимому хозяину.

— И все? — осведомился Гастерфаз, слегка пошевелившись в своем стальном ложементе, отчего сталь протестующе застонала.

— Ну, я несколько упростил, — признал коммуникатор со смущенной улыбкой.

— Я так и подумал, — холодно заметил Айдоу. — Что еще они говорят?

— Гм-м... Они призывают нас выйти и показаться, требуют немедленного освобождения, угрожают смертью, и все это перемежается многочисленными ссылками на то, как наши матери произвели нас на свет, — произнося последние слова, ящер отчего-то смутился. — Разве не каждый любит свою мамочку?

Командир сомневался в точности перевода и сообщил об этом Скви.

— Дай мне самому поговорить с ними, — распорядился он.

Скви переключил тумблеры, что-то повернул на своей панели, и обзорный экран перед командиром заговорил...

— ...СЪЕШЬТЕ НЕНУЖНЫЙ МУСОР, ВЫ, НЕЧИСТЫЕ ОТПРЫСКИ НЕЖЕНАТЫХ РОДИТЕЛЕЙ! ДЕТИ СОБАК ЖЕНСКОГО РОДА! ПУСТЬ ПЕРВЫЙ СТРОИТЕЛЬ ВЫБРОСИТ ВАС В ВАКУУМ! ПУСТЬ...

— Ведите себя тихо! — спокойным голосом произнес Айдоу, одновременно переводя регулятор громкости на полную мощность.

Его многократно усиленные слова громом раздались в помещении, где находились испытуемые, и они закачались, продавленные могучей звуковой волной.

— Возьмите себя в руки, — продолжал Айдоу, возвращая регулятор громкости на микрофоне в нормальное положение. — Не нужно кричать, я слышу вас достаточно хорошо.

— ПОЛУЖИДКИЙ ПРОДУКТ ОРГАНИЗМА, — заметила особь женского пола, и остальные согласно закивали.

Сбитый с толку Айдоу вопросительно глянул на Скви.

— Выражение, обозначающее недоверие, — пояснил коммуникатор.

— Ага.

— Дрянь, нестоящие экземпляры, — пробормотал Бозтванк, ни к кому в отдельности не обращаясь. Почему никто не мог понять, что он всегда бывает прав, прав на сто процентов, вне зависимости от того, о чем шла речь?

В испытательной камере снова загремел голос Айдоу:

— МЫ ПЕРЕНЕСЛИ ВАС ШЕСТЕРЫХ НА БОРТ НАШЕГО КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ В КАЧЕСТВЕ ОБРАЗЦОВ ТИПИЧНЫХ ГРЯЗЕЛАНДЦЕВ...

— Грязеландцев? — переспросил маленький самец.

— Твой папа был грязеландцем! — проорал в ответ большой.

— Прекратите ваши неумные разговоры, — приказал волосатый, и его товарищи послушно замолчали.

— НА ГЛАЗАХ НАСЕЛЕНИЯ ВАШЕГО МИРА ВЫ БУДЕТЕ ПОДВЕРГНУТЫ ТЕСТИРОВАНИЮ, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РЕЗУЛЬТАТОВ ТЕСТОВ БУДЕТ РЕШАТЬСЯ, ГОТОВА ЛИ ВАША РАСА ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ЛИГЕ.

Последовала небольшая пауза.

— Это... чего? Что-то вроде Высшей лиги? — спросил самый маленький грязеландец.

Айдоу снова посмотрел на Скви.

— Это орган, который управляет их планетой, — пояснил коммуникатор.

— ДА... ВЕРНО... СОВЕРШЕННО ПРАВИЛЬНО... ЕСЛИ ВЫ НЕ ПРОЙДЕТЕ ТЕСТИРОВАНИЯ... ТОГДА ПЛАНЕТА БУДЕТ УНИЧТОЖЕНА...

— Я чувствую неприятный запах от всех видов тестов, — пожаловался самый маленький.

— С силой засунь себе в рот то, что надевают на ноги, ты, ягодичная мышца! — рявкнул волосатый, и маленький хихикнул.

Вожак группы испытуемых задумчиво оглядывал казавшуюся ему бесконечной просторную комнату.

— Я уверен, что они это могут, — чуть слышно пробормотал он.

— ДА... МЫ МОЖЕМ.

Непонятным жестом высокий волосатый самец развел руки в стороны.

— Стало быть, принимается, — сказал он в потолок. — Может быть, расскажете нам, из чего будут состоять ваши тесты?

— Да! — с энтузиазмом воскликнул Бозтванк. — Давайте покажем им, давайте покажем!

Айдоу отключил микрофон. Почему бы и нет? Они, безусловно, были не слишком интересной группой. Может быть, кое-какая визуальная стимуляция сделает их более активными?

— Как хотите, — согласился он.

— Скви, попробуй связаться с представителями их Высшей лиги и сообщи, что мы начинаем испытания немедленно.

— Слушаюсь, мой командир, — ответил коммуникатор, переключая аппаратуру своего техпоста, готовясь отправить сообщение. Про себя он подумал, что ему должно быть стыдно. Это была такая симпатичная планета!

5

Члены Группы Контакта как сумасшедшие трудились, склонившись над своими консолями. Пятнадцать лет подготовки помогли им сделать очень много за прошедшие сорок семь минут.

Очень оперативно части Национальной Гвардии вытеснили из Центрального Парка толпу зевак, и их в свою очередь сменили отборные части НАТО. На крыше каждого здания, выходящего фасадом в сторону парка, были установлены все виды вооружений и все приборы, которые только были известны современной науке. 81-я улица со спортивной площадкой были объявлены зоной боевых действий, и не хватало только малости, чтобы они превратились в зону национального бедствия.

Повсюду в Манхэттене стали пропадать люди.

В соответствии с инструкцией ООН о чрезвычайном положении вступил в действие план под кодовым названием «А-Зеро-А» (более известный в узких кругах как «Хватай-и-Беги»). Все более или менее значительные государственные служащие из разряда

гражданских лиц подлежали срочной эвакуации из города, независимо от того, хотели они эвакуироваться или нет.

Профессор Грегори Кеггер, физик с мировым именем, специалист по элементарным частицам, был похищен из своих роскошных апартаментов на крыше небоскреба на Парк Авеню и переправлен в Вашингтон, округ Колумбия.

В Маунтзейском госпитале хирурга Майкла Уолша перехватили у самых дверей операционной и затолкали в полицейскую машину. Все это произошло на глазах у перепуганного ассистента, который был всего лишь вторым в США светилом нейрохирургии после упомянутого; на операционном столе его ждал подготовленный к операции пациент.

Группа весьма смущенных агентов ФБР обнаружила профессора Дэниэла Лисмана в одном заведении, пользующемся дурной репутацией. Они, правда, не стали изымать маску Франкенштейна, кнуты и балетную пачку профессора, но зато им удалось отыскать его побитый кейс, в котором находился последний трактат ученого, касающийся средств защиты от биологического оружия.

Свежеиспеченные федеральные агенты, которые еще минуту назад были обыкновенными офицерами полиции или пожарными, рассыпались по всей территории Большого Яблока[1], выслеживая свои жертвы и хватая их. Они действовали подкупом, шантажом или грубой силой: способ не имел значения — важно было время. В их распоряжении было всего сорок минут, чтобы найти сотню человек и перенести их на расстояние двух сотен миль от Нью-Йорка. С самого начала это была титаническая задача, но они справились с ней, и только самим агентам было известно, какие усилия им пришлось приложить.

В южной части Манхэттена собралась целая армада грузовиков Федерального депозитного Банка под охраной тяжеловооруженных армейских вертолетов. Маленькими группами они отъезжали от музея «Метрополитен», направляясь в Канаду, в безопасное место. Погрузка проводилась в соответствии с устрашающе длинным реестром, и все же спасено было жалких несколько сотен статуй и картин, в то время как огромное число произведений искусства оставалось. Одного ополоумевшего смотрителя даже пришлось сдерживать силой, когда он пытался

[1] Большое Яблоко — прозвище Нью-Йорк Сити *(примеч. пер.)*.

запихать в кузов последнего отходящего грузовика еще немного офортов Рембрандта.

Огромное здание ООН стояло покинутым, с настежь распахнутыми дверями и перевернутой мебелью. Холодные сквозняки проносились по коридорам, поднимая в воздух тучи черного пепла, еще теплого, после того как в здании спешно жгли секретные документы. В здании оставалась только рота морской пехоты, чтобы отгонять мародеров. Постоянные представители всех стран в полном составе собрались в аэропорту имени Кеннеди, ожидая, пока специальные реактивные самолеты не перенесут их в Женеву, где размещалась резервная штаб-квартира ООН. Группа Контакта осталась одна в своем под-под-под-подземном командном бункере. Весь ее почетный караул куда-то исчез, даже не заглянув в холл, откуда когда-то можно было спуститься в их убежище.

Сидя без ботинок перед своей консолью, ведающей обороной, генерал Николай Николаев заканчивал сложную процедуру введения своего опознавательного кода. Наконец Главная Кнопка засветилась своим мерцающим красным светом, глядя на генерала словно единственный глаз какого-то спятившего демона, поднявшегося из глубин преисподней.

«Нарды... — подумал генерал. — Почему, ради всего святого, я не выучился играть в нарды?»

Профессор Раджавур мужественно прижимал к уху голубую телефонную трубку. На лице его было такое выражение, какого не было, наверное, на лице Цезаря 15 марта[1]. И ты, Генеральный Секретарь?..

— Господин Генеральный Секретарь, как вам удалось пробраться к телефону Белого Дома?

— У меня везде есть друзья, Раджавур, — напыщенно произнес в трубке Эмиль Валуа. — Друзья в важных местах, которые не желают смотреть, как ты узурпируешь мои полномочия. По логике вещей первый контакт с инопланетной цивилизацией является прерогативой ООН.

— Я согласен, сэр.

— Тогда верни мне мои компьютеры и прекрати командовать войсками НАТО, словно дюжиной мелких клерков. Я, а не ты,

---

[1] Гай Юлий Цезарь был убит заговорщиками 15 марта 44 года до н. э. *(примеч. пер.).*

управляю Объединенными нациями! Прекрати этот нонсенс. Эти существа являются угрозой для человечества и должны быть уничтожены.

— Нет, сэр, — твердо возразил Раджавур. — Я согласен с тем, что именно ООН должна разбираться в возникшей ситуации, но ведь так оно и есть. Группа Первого Контакта предусмотрена Уставом ООН и является полноправным подразделением Совета Безопасности, подотчетным лишь самому себе после того, как оно будет задействовано. Попытайтесь понять, сэр, мы ждали, готовились...

— И играли в покер!

— И играли в покер, — признал дипломат. — Целых пятнадцать лет. Мы лучше вас представляем, насколько сложно то положение, в котором мы оказались. И на всей Земле нет никого, кто смог бы справиться с возникшей ситуацией лучше нас. Что касается лично тебя, Эмиль... — профессор решил поменять тактику. — Я просто поражен тем, с какой силой ты стремишься к славе. Господь свидетель, в твоем психологическом досье нет никаких указаний на это.

— Как, черт побери, тебе удалось наложить лапу на мое психологическое досье?!

Раджавур не стал делать ему и это одолжение.

— Господин Секретарь, вы должны оставаться в Женеве вместе с остальными делегатами до тех пор, пока проблема не будет решена или мы не погибнем. Конец дискуссии. Всего хорошего, сэр, — демонстрируя завидную выдержку, дипломат нежно опустил трубку на рычаг, однако пробурчав себе под нос какое-то исландское выражение, относящееся к последствиям необдуманного поведения толстяков, которые выходят кататься на тонкий лед. Электронное табло времени на его консоли вспыхнуло новыми цифрами и принялось тихонько сигналить.

— Это — десятиминутная готовность, — объяснил Раджавур. — Давайте послушаем ваши доклады.

Генерал Бронсон отвернулся от своего лазерного принтера, всем своим видом демонстрируя готовность. Во рту его красовалась свежая сигара. Его запасы были неистощимыми.

— Центральный Парк очищен от невоенного персонала, войска НАТО организовали заграждение, — доложил он, просмотрев содержание первого листа компьютерной распечатки светло-зеле-

ного цвета. — Крыши прилегающих домов превращены в укрепленные боевые точки. Операция «Хватай-и-Беги» завершена без существенных происшествий, и мне до сих пор не ясно, кого же захватили чужаки. — Бронсон начал было разжигать сигару, затем передумал. — Единственное, что мне известно, это то, что один несчастный ублюдок, по имени... Гектор Рамирес, попал прямо под их корабль. Десятки свидетелей видели, как корабль приземлился прямо на него. Рамирес был... дайте я погляжу... баптистом, бакалавром и бухгалтером.

— Один человек погиб, — печально вздохнул Раджавур. — Слава Богу, что не больше. Что у вас, Ву?

Китаянка поднялась со своего кресла, как всегда, когда ей приходилось докладывать свои выводы.

— До сих пор нам не удалось проникнуть сквозь силовое поле, которое куполом накрывает корабль. Обычные вооружения оказались бесполезными. Дрели из инертной стали не могут найти точку приложения силы. Магнитные отмычки не годятся, а лучистая энергия глохнет на этой поверхности. Прошу заметить, что она даже не отражается, и поэтому их силовой экран, возможно, способен защитить их даже от водородной бомбы. Вам хорошо слышно, Николаев?

Русский генерал помахал ей рукой, погруженный в свою работу. Ву пожала плечами.

— В настоящее время мы пробуем лазеры, поскольку экран пропускает видимый свет. Кроме того, мы подогнали... — Ву тактично кашлянула, — ...нашу ионную пушку. Мне кажется, это может сработать.

Генерал Николаев поперхнулся чаем, и жидкость брызнула у него из ноздрей. Царская кровь! Вот о чем она тут толковала! Он тут старается связаться с кем-нибудь в Кремле, кто просто согласился бы с тем, что это оружие реально существует, а Юки уже испытывает его в Центральном Парке! Вытирая носовым платком брызги чая на консоли, генерал Николаев почувствовал, как его лицо начинает багроветь, так как китаянка передала профессору Раджавуру листок бумаги, плотно исписанный математическими формулами — очевидно, рабочими характеристиками секретнейшего устройства. Несмотря на досаду, русский генерал невольно улыбнулся. Эффективность — это слово к Юки не подходило. Скорее уж — магия. Ему вдруг пришло в голову, что, если бы Юки Ву понадобился для испытаний его мундир, он запросто

мог оказаться голым совершенно незаметно для самого себя, даже не вставая с кресла. Хорошо, что Юки на их стороне.

— Какова реакция общественного мнения? — поинтересовался Раджавур у социолога.

— Чем дальше, тем лучше, — отозвался Кортни, складывая очки и засовывая их в карман. — Да, волна сумасшествий растет и ширится, ходят самые разнообразные слухи, порой — совершенно бессмысленные. Но подобным заняты всего два процента населения, и этим фактором мы можем пренебречь совершенно безболезненно. Любопытно, что от пятнадцати до девятнадцати процентов населения вообще не поверили в реальность происходящего и выключили свои телевизионные приемники. Классический «синдром черепахи». Это прелестно, не так ли?

Поскольку никто не отозвался, Кортни вынужден был продолжить:

— Я считаю, что это совершенно прелестно. В любом случае весь остальной мир пребывает в беспокойстве и некотором напряжении, но никто не считает, что мы ничего не сможем с этим поделать. В целом Земля находится в таком состоянии, как Америка в день финала Суперкубка.

Генерал Бронсон присвистнул:

— Дела так плохи?!

Юки шикнула на него.

— Мохад? — дипломат повернулся налево.

— Да-да? — отозвался лингвист, его вытаращенные глаза смотрели куда-то в пространство, а руки постоянно двигались, что-то подкручивая и настраивая на рабочем столе. Группа Контроля уже догадалась, что в случае пожара известить об этом доктора Малавади можно, было только передав сообщение по радио.

— Доктор Малавади!! — крикнул дипломат.

— Что? Ох... — индиец снял с головы наушники и безуспешно попытался огладить свой изжеванный жилет — это было делом настолько же безнадежным, как плевать в жерло вулкана, надеясь его погасить.

— В настоящий момент связи нет. Чужаки не откликаются на мои вызовы, что бы я ни говорил. Единственное, что они сделали — это подтвердили, что принимают мои передачи. Меня это бесит. Свою передачу они прекратили минут пятнадцать тому назад. Картинка на настенном мониторе передается с на-

товской следящей аппаратуры. — Мохад что-то покрутил на своем столе, и изображение стремительно уменьшилось, как будто камера взмыла вверх. — Любопытная информация, касающаяся их первого сообщения. — Малавади заглянул в свою записную книжку. — Передача на Северную Америку шла на английском, на Южную — на смеси испанского с португальским, Европа приняла сообщение на русском и немецком языках, Азия — на китайском, что было со стороны пришельцев крайне невежливо. Передача на Африку была на суахили, а на Австралию — на французском.

— На французском? — хором переспросили все. Мохад в ответ еле заметно пожал плечами.

— Это показывает, что и они могут ошибаться.

Сразу после этого на консоли Малавади зазвонил телефон прямой связи с НАТО. Лингвист потянулся снять трубку, но профессор Раджавур успел его предостеречь:

— Если это опять секретный генерал, скажи ему, что мы ушли на обед.

Настенный экран неожиданно померк, и изображение корабля пришельцев слегка изменилось — вид сбоку превратился в вид сверху.

— Опять они! — предположил сэр Джон сухо.

— На несколько минут раньше, — уточнила доктор Ву.

— Обед, — сказал Малавади в телефон и, повесив трубку на рычаг, запустил свой видеомагнитофон.

Изображение на экране померкло опять, и вместо белого космического корабля на нем возникло голубое лицо пришельца по имени Айдоу.

— Люди Грязи, внимание! — что-то щелкнуло, и звук стал громче.

— ЛЮДИ ГРЯЗИ, ВНИМАНИЕ! ИСПЫТАНИЯ, КОТОРЫЕ РЕШАТ СУДЬБУ ВАШЕГО МИРА, СЕЙЧАС БУДУТ НАЧАТЫ... МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ ВЫ ИХ УВИДЕЛИ И ТАКИМ ОБРАЗОМ ЛУЧШЕ ПОНЯЛИ ИХ ПРИРОДУ... ПЕРЕД ВАМИ ИСПЫТАТЕЛЬНАЯ КАМЕРА, ГДЕ НАХОДЯТСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВАШЕЙ РАСЫ, КОТОРЫХ МЫ ВЫБРАЛИ...

На мониторе снова возникли разноцветные узоры.

— Время, — проворчал генерал Бронсон, снова занятый своей сигарой. В числе его добродетелей никогда не было такой, как терпение.

Тут настенный монитор медленно сфокусировался и явил их взглядам ослепительно-белую комнату площадью не одна сотня квадратных метров. В середине этого снежного пейзажа появились шесть крошечных фигур. По мере того как камера, или ее внеземной эквивалент, наезжала ближе, фигуры увеличивались в размерах и заполнили весь экран. Их лица, прически, покрой одежды — все яснее ясного говорило о том, какое место в обществе они занимали. Это было видно всему миру.

— Еще пришельцы! — в волнении выкрикнул Малавади.

— Отнюдь, — поправил его сэр Джон. — Бандиты с большой дороги, шайка из нью-йоркских трущоб, уличные грабители!

— Может быть, вы и правы, — признал лингвист. — Создания из другого мира наверняка оделись бы с большим вкусом.

Профессор Раджавур вздрогнул, до него внезапно дошло, но он, как истинный дипломат, постарался скрыть свои чувства. Еще ни разу ему не приходилось слышать от Малавади ничего более странного.

— Главный компьютер нью-йоркского Департамента полиции только что дал положительный ответ, банда опознана, — объявил Бронсон, рассматривая выползающую из принтера полоску бумаги. — Они называют себя... «Кровавыми Зашибалами» и славятся как самая страшная банда, которая когда-либо свирепствовала в городе.

— Мне кажется, они однажды угнали мой автомобиль, — сказала доктор Ву, пристально всматриваясь в экран. — Да, это они.

— Мохад! — рявкнул Раджавур так, что все подпрыгнули. — Немедленно свяжись с Айдоу и передай ему, что он совершил чудовищную ошибку!

Прошло несколько напряженных минут, пока Малавади пытался пробиться сквозь стену радиомолчания чужаков. Пока эксперт по связи настраивал и крутил свое электронное оборудование, члены группы, а с ними и весь мир, с любопытством рассматривали шестерых бандитов.

Все они были молоды, чуть старше двадцати лет, но все они были покрыты шрамами — свидетельствами множества яростных и победоносных схваток. Пятеро парней и девушка. Они носили самые разнообразные прически: от короткой стрижки до конского хвоста, а один и вовсе был стрижен наголо. Все были обуты в тяжелые ботинки и одеты в одежду из грубой ткани,

зато каждый щеголял черным кожаным жилетом, увитым позвякивающими цепями. На жилетах сзади был грубо намалеван инструментальный ящик с торчащими из него окровавленными пилами, молотками, щипцами и прочими инструментами, под которым из сверкающих заклепок складывались слова: КРОВАВЫЕ ЗАШИБАЛЫ.

Малавади щелкнул пальцами, призывая к вниманию.

— Я разговаривал с существом по имени Скви. Он уверил меня в том, что дорожно-ремонтная бригада им вполне подходит.

— Дорожно-ремонтная бригада? Уличная банда! — громко простонал Раджавур. — Мохад, объясни ему, что...

— Слишком поздно, — заметил Бронсон, и это действительно было так.

Передача с корабля пришельцев прервалась, и на экране снова возникла испытательная камера, внутри которой что-то начало происходить. Довольно близко от банды в полу открылся люк, и из него выдвинулась колонна с четырьмя выступами на ней. Выступы были металлические и напоминали военные каски. Они выглядели совершенно одинаковыми, если не считать разницы в цветах — голубой, серый, коричневый и зеленый. Поколебавшись, «Зашибалы» сделали шаг вперед, но голос Айдоу остановил их.

— ЭТО ВАШЕ ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ... В ТЕЧЕНИЕ ШЕСТИДЕСЯТИ СЕКУНД ЭТИ ЧЕТЫРЕ РОБОТА БУДУТ АКТИВИРОВАНЫ... ОНИ ПОПЫТАЮТСЯ УБИТЬ ВАС.

«Кровавые Зашибалы» глумливо и с вызовом улыбались, члены Группы Контакта хмурились, остальное человечество любопытно придвинулось к экранам телевизоров. Наконец-то что-то стало происходить!

— УНИЧТОЖЬТЕ РОБОТОВ ИЛИ УМРИТЕ... ЭЙ!

Последнее восклицание относилось к «Зашибалам», которые бросились вперед. Кожаные жилеты хлопали, как крылья летучей мыши, и шесть глоток одновременно проревели клич — собственное название. Все шестеро набросились на неподвижных роботов, разламывая их на части тяжелыми мотоциклетными ботинками. Самый громадный член банды схватил сразу двух роботов и с силой ударил их друг о друга. На пол посыпались провода и обломки пластмассы. Самый маленький член банды выхватил мотоциклетную цепь и с силой опустил ее на купол

второго робота. Осколки так и брызнули во все стороны. Оставшийся четвертый робот был также разломан на части пинками ботинок, после чего в работу включились остальные двое бандитов, яростно топча ногами и превращая в порошок любой предмет, который им попадался. Шестой Зашибала — рослый и лохматый — со скучающим видом наблюдал за расправой, рассеянно поглядывая на часы.

Прежде чем минута закончилась, он свистнул, подзывая бандитов к себе. На шестидесятой секунде один из раздолбленных роботов шевельнулся. Чуть двинувшись вперед, он высунул из-под помятого кожуха сверкающее стальное лезвие. Самый маленький бандит подскочил к умирающему роботу и выхватил у него стилет, проворно сунув его в рукав. Вожак «Зашибал» одобрительно кивнул ему и с убийственной улыбкой ухмыльнулся невидимой аудитории из пятисот миллионов зрителей.

— Ну, а теперь скажите нам, — нагло сказал он, — что там еще планируется в вашей игре?

* * *

Командир Айдоу коротко тявкнул и ударил по выключателю микрофона. Повернувшись назад, голубое существо встретилось взглядом с изумленными взглядами экипажа.

— ИГРА! — прохрипел Айдоу сразу двумя горлами. — Он сказал «игра»?

Скви нервно потер передние когтистые лапы друг о друга.

— Да, — прошипел ящер. — Ошибки в переводе не может быть. Волосатый грязеландец определенно произнес слово «игра».

Гастерфаз в восхищении прогрохотал:

— Но как... как они догадались?

6

— Это испытание? Тест? — спросила доктор Ву, голосом выделив последнее слово.

Миндалевидные глаза ученой пылали гневом, излучая такое небывалое осуждение, что нарисованные цветы на ее платье начали увядать.

— Что, черт побери, это был за тест?

На требовательный вопрос дамы взялся ответить доктор Малавади. Спокойным голосом лингвист высказал предположение, что это могло быть испытанием нас, а не для нас. Юки пришлось задуматься над этим.

— Следовательно, ты считаешь, что роботы не стали бы нападать? Значит, этот тест был направлен на то, как поведут себя люди, когда им угрожает опасность?

— Ты должна признать, что это вероятно.

Доктор Ву нахмурилась. Вероятно? Да. С легким повизгиванием лазерный принтер сэра Джона начал воспроизводить копии последних сводок новостей, в которых рассказывалось о реакции человечества, и социолог принялся быстро делать пометки на полях документов, пользуясь стенографическими символами собственного изобретения. Бумаги сыпались с его консоли на пол со все увеличивающейся скоростью.

Профессор Раджавур задумчиво подпер ладонью подбородок, тупо глядя на экран. Погруженный в размышления, его острый ум подмечал все, что происходило на экране, но не мог сделать никаких полезных выводов. Несущественная информация... Что там говорил по этому поводу Шерлок Холмс? Ах, да! «Детали, Уотсон, детали! Я не могу строить стену без кирпичей».

Как это верно! Сначала мысль, потом действие — вот формула успеха. По крайней мере, в первом приближении.

— Кто они такие? — спросил он у Бронсона, выходя из состояния мечтательной задумчивости и возвращаясь к делам.

— Эта банда? Секундочку, — офицер безопасности группы зашелестел бумагами и наконец извлек нужную папку из-под шифровальной книги. Некоторое время он был занят тем, что пытался запросить досье преступников, связавшись с компьютерной сетью Департамента полиции Нью-Йорка, но это оказалось довольно трудно. Его пульт мог принимать информацию в сотни раз быстрее, чем были способны выдавать ее полицейские компьютеры, и потребовались довольно сложные маневры, чтобы привести две системы в соответствие.

— Ах, вот мы где! Курок, Лобзик, Лом, Бур, Шлямбур и Свечка.

— Это их имена? — изумился Сигерсон.

— Они откликаются только на это, — отвечал генерал, также обескураженный.

— Покажите нам, кто есть кто, — нахмурил брови профессор.

Бронсон переключал клавиши на консоли до тех пор, пока на экране не появился маркер — зеленый яркий кружок. Затем генералу удалось заставить этот кружок двигаться, так что внутрь него попало лицо самого рослого из бандитов.

— Вот этот волосатый парень и есть Курок, — громко объявил Бронсон ко всеобщему сведению. — Главарь этой крысиной стаи. Его послужной список можно читать как энциклопедию преступлений, и ни единого приговора! Настоящий пройдоха и ловкач. Полиция считает его опасным с большой буквы.

Маркер переместился к другому лицу.

— Вот этот здоровый парень рядом с ним — Лобзик. Тоже считается опасным. Совершенно клинический случай — маньяк-убийца, полностью подчинен главарю банды. Лобзик верен своей банде только потому, что во главе нее стоит Курок.

— Любопытно. И как главарю удалось завоевать такое доверие? — полюбопытствовал Раджавур.

— Он его кормит.

— Наркотиками или сладостями?

— Невинными прохожими.

— Ох...

Последовала пауза.

Маркер тем временем двинулся к лицу дьявольски симпатичного парня, и генерал продолжил:

— Вот этот симпатяга — Бур. Крупный спец по всякого рода запорным устройствам. Он открывает любые двери, где они крадут все, что только не привинчено к полу. Настоящий профессионал: двери квартир, багажники автомобилей, складские ворота. О нем говорят, что он проходит сквозь них как...

— Как бур, — подсказала доктор Ву, нетерпеливо постукивая кончиком карандаша по металлической консоли. — О'кей, Уэйн, мы поняли. Как насчет остальных членов этой очаровательной компании?

Бронсон перевернул страничку в своей папке.

— Лысое уродливое создание — это Лом.

— Вон та девушка? — удивленно встрепенулся Малавади.

Ему приходилось слышать о том, что в дальних странах существуют такие парикмахерские изыски, когда кто-нибудь бреет голову наголо, исключительно следуя требованиям моды, однако до сих пор ему не приходилось самому видеть такого. Кроме членов Группы Контакта, он общался в основном с коллегами-учеными, библиотекарями и время от времени со стюардессами шведских авиалиний.

— Нет, лысый урод с усами — это Лом, — ответил американец.

Как военному ему приходилось сталкиваться с такими вещами, о которых лингвист понятия не имел, еще и потому, что племянник генерала тусовался в шайке панк-рокеров.

— На него у нас практически ничего нет. Он приехал из Чикаго. Ходят слухи, что там он убил кого-то из своей банды, но с уверенностью утверждать нельзя. В тот день, когда он уезжал из Чикаго, компьютер Чикагского полицейского управления взлетел на воздух, взорванный «мощным зарядом таинственного взрывчатого вещества».

— Совпадение? — поинтересовался Раджавур.

Бронсон во все глаза уставился на него.

— Я так не думаю.

Дипломат устало развязал галстук и затолкал его в карман пиджака своего голубого костюма.

— Расскажите мне о девушке.

— Ее кличка — Свечка, — пояснил генерал, затушив торчащую изо рта сигару, потому что она внезапно приобрела какой-то неприятный вкус. — Она грабила людей, облив их бензином и угрожая поджечь, если ей не заплатят. Когда ей отдавали деньги и драгоценности, она все равно поджигала несчастных и плясала вокруг их пылающих трупов. При этом она громко смеялась.

Группа Контакта возмущенно зашевелилась, сдавленно бормоча.

— Да, я понимаю... — вздохнул американец и продолжил: — Одна из ее жертв чисто случайно задела ее волосы, и волосы загорелись. Несколько месяцев она провела в лечебнице Беллевю, где лечилась от ожогов.

— Изменило ли ее это происшествие? — внезапно перебил сэр Джон, явно заинтересовавшись.

Это был профессиональный интерес, так как довольно часто подобные случаи воспринимались умственно неустойчивыми ин-

дивидами как божья кара, и заблудшие души бедняг поспешно возвращались на истинный путь.

— Изменило? Ее? Будьте уверены, еще как! В полицейских рапортах говорится, что она стала еще более коварной и жестокой, чем прежде. Теперь для того, чтобы убивать людей, она стала пользоваться стальными такелажными крючьями вместо высокооктанового бензина.

Социолог почувствовал легкую тошноту и вернулся к своим таблицам; его профессиональный интерес был более чем удовлетворен.

Длинным прыжком зеленый кружок переместился на лицо последнего члена банды, небольшого, заросшего волосами, чьей бросающейся в глаза особенностью были крупные кроличьи зубы.

— И наконец, Шлямбур, — закончил генерал Бронсон. — На мой взгляд, это самый неприятный тип из них всех.

— Почему? — удивился Раджавур. — Парнишка вовсе не похож на матерого убийцу.

— Это лишь часть его достоинств, — парировал генерал, выуживая из карманчика очередную сигару. — Шлямбур будет казаться по-прежнему мирным и безопасным даже тогда, когда будет вырезать из вашей груди ваше бедное либеральное сердце. Он — крупный мастер ножей.

Родившийся и выросший в холодной Исландии дипломат некоторое время не мог понять, почему генерал так расстраивается из-за того, что юноша — крупный конькобежец. У него на родине «ножами» называли коньки для скоростного бега.

— Эксперт по холодному оружию, — пояснил Малавади сбитому с толку начальнику.

С недовольной гримасой согласия на лице Бронсон проворчал:

— У парня не все дома, не то чтобы псих, просто умственно отсталый, и разрезать кого-нибудь на мелкие кусочки доставляет ему истинное наслаждение.

Собираясь с мыслями профессор Раджавур тяжело вздохнул и попытался отпить глоток кофе из своей кружки, но обнаружил там лишь горькую остывшую гущу. Он надеялся, что генерал преувеличивает.

— Превосходно, — пробормотал он, обращаясь к самому себе. — Просто превосходно.

Генерал Николай Николаев прислушивался к беседе товарищей из-за своего пуленепробиваемого барьера и недовольно хмурился. Ситуация становилась все более взрывоопасной и нестабильной. Что говорить — судьба всего мира оказалась в руках вредных антиобщественных элементов и психопатов. При мысли об этом русский генерал криво усмехнулся: «Это-то как раз не ново!»

* * *

Тем временем в командирской рубке инопланетного корабля Айдоу никак не мог выйти из затруднительного положения.

— Нет, — сказал голубой гуманоид своему экипажу, — это невинная дорожно-ремонтная бригада, похищенная странными существами из космоса и вынужденная сражаться за свои жизни со страшными, непривычными врагами. Нет! — Айдоу еще раз повторил коротенькое слово, подчеркнув его голосом, и рассек кулаком воздух перед собой, что среди его сограждан считалось крайне неприличным жестом. — Они назвали это игрой из юношеского задора и глупой уверенности в том, что могут победить. Может быть, они даже считают, что правое дело дает могущество.

Гриб, ящер и гранитный хоронец расхохотались. Шикарно! Правое дело дает могущество! Жаркий Вакуум, этот Айдоу иногда бывает довольно веселым.

— То, что они рассматривают это как развлечение, как забаву, только улучшит ожидаемый результат. — Айдоу сделал эффектную паузу. — Я удваиваю свою ставку!

В командной рубке воцарилась тишина. Айдоу ждал, как отреагируют его товарищи.

— Принято! — громогласно воскликнул Гастерфаз, вводя цифру в бортовой компьютер. Если Айдоу намерен разбрасываться деньгами — что ж, тем лучше! Кроме того, Айдоу мог себе это позволить. «Все То, Что Блестит» принадлежал ему. Если ему немного повезет, хоронец мог выиграть у него космический корабль и сам стать командиром.

«Командир Гастерфаз!» — Одна мысль об этом привела охранителя в приподнятое состояние духа.

С ворчанием, которое подчас издает кипящее овощное рагу, Бозтванк оторвал листок от куста, который рос в его летающем блюдце, и съел его. Этот жест означал у него уверенность.

— Ты же не думаешь, что эти примитивные существа в самом деле могут справиться с заданием? Невозможно! Пройти второй тест? Они не выживут!

Гриб внезапно справился со своими чувствами, так как деньги значили для него так же много как... секс?.., душ из розовой воды?.., ненавистный Трелл?.. Но, в конце концов, деньги для того и существуют, чтобы приносить радость, особенно когда их отнимаешь у других.

— Я удваиваю свою ставку!

— Принимается! — воскликнул Гастерфаз настолько радостно, насколько вообще были способны хоронцы. Как-никак путешествие обещало солидные барыши. Он повернул голову в сторону Скви, и алмазные глаза его алчно блеснули.

— А ты, коммуникатор, не хочешь ли и ты последовать нашему примеру? — сладко проворковал он.

Скви стоял у своего техпоста, методически почесывая свой чешуйчатый хвост. Стараясь быть вежливым, он осведомился, каковы шансы. Смертельно оскорбленный, Гастерфаз отвернулся от него в каменном молчании. Шансы? Ну и нервы у некоторых!

— Тест два! — выкрикнул Бозтванк, бесшумно топоча невидимыми ногами. — Давайте скорее начнем тест два!

— Согласен, — кивнул Айдоу, едва ли не впервые соглашаясь со своим бортинженером. — Давайте начинать игру.

Скви согласно зашипел и повернул необходимые рукоятки. Голос командира снова зазвучал в испытательной камере.

* * *

— ВЫ ХОРОШО СПРАВИЛИСЬ, ГРЯЗЕЛАНДЦЫ.

— Приготовились, — приказал Курок своим товарищам, нервно перебирая пальцами по длинным спутанным волосам. С самого начала он чувствовал, что им придется драться за свою жизнь. Он часто видел такое в кино, иногда по телевизору.

— ОДНАКО ЭТО БЫЛО ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ... А ТЕПЕРЬ ПОСМОТРИТЕ НАЛЕВО...

Приготовившись к худшему, «Зашибалы» повернули головы. На расстоянии пятидесяти шагов от них белая стена камеры раздвинулась, обнажив зловещего вида черную дверь с серебристыми головками болтов по периметру. С приглушенным стуком дверь распахнулась. За дверью оказался тускло освещенный коридор, перекрытый металлической шторой. Эта штора с шелестом уползла вверх, и блестящий энергетический экран позади нее медленно потух. Но и за этим силовым экраном обнаружилась еще одна дверь — многолепестковая диафрагма, которая медленно раскрылась, словно невиданный цветок. «Зашибалы» ждали, и вот в образовавшемся проходе, который теперь не загораживался большим количеством дверей, показалось существо; ничего похожего никогда не видел ни один землянин. Существо проникло в испытательную камеру, и многочисленные двери закрылись в обратном порядке, накрепко заперев чудовище в одной комнате с бандитами. Они смотрели, смотрели во все глаза... смотрели на эту штуковину, которая приближалась к ним уверенным шагом.

— ЭТО ВАШЕ ВТОРОЕ ИСПЫТАНИЕ... СРАЖАЙТЕСЬ, СРАЖАЙТЕСЬ И ПОБЕДИТЕ ЕГО РАДИ ЖИЗНИ НА ВАШЕЙ ПЛАНЕТЕ... СРАЗИТЕСЬ ЖЕ С КВАТРАЛИАНИНОМ!..

Шлямбур, наименее умственно развитый среди всех, не выдержал первым. Схватившись за бока, он упал на колени, истерически хохоча. Лом ухмыльнулся. Лобзик глупо гыгыкнул. Бур и Свечка хватали друг друга, сотрясаясь от смеха, указывая дрожащими пальцами на откормленную помесь цыпленка с собакой, которая продолжала неторопливо приближаться. Дряблое тело существа дрожало и колыхалось, как студень, при каждом шаге. Бугристая, бесформенная голова кватралианина, похожая на картофелину, повернулась, и существо с дружелюбным любопытством уставилось на задыхающихся от смеха «Зашибал».

— Ха! — пролаял Лобзик, и его грубые черты сложились в нечто очень необычное, отдаленно напоминающее дружескую улыбку.

— Что оно собирается с нами делать? — сквозь смех поинтересовался Бур. — Выбранить за плохое поведение?

— Эта проклятая птица еще уродливее, чем я! — кривлялся Шлямбур, у которого от смеха закололо в боку. Никогда еще он не острил так удачно.

— И чем твоя мамаша! — нехотя прибавил Лом, присоединяясь ко всеобщему веселью.

— Я так не веселилась с тех пор, как машина скорой помощи въехала сквозь стену в сиротский приют! — прохихикала Свечка, вытирая выступившие на глазах слезы.

— Гы! — снова вступил Лобзик, как обычно немногословный.

Один только Курок не принимал никакого участия в веселье. Гастерфаз и генерал Николаев — оба это отметили. Предводитель банды знал, что внешность может быть обманчивой. Монашки тоже кажутся безобидными, но стоит прижать их в темном углу, и они превращаются в диких кошек...

— Лобзик! — рявкнул главарь, не отводя взгляда от инопланетного существа.

Все еще подхохатывая, бандит вытер нос рукавом своей куртки.

— Да, босс?

— Убей это.

И костолом бросился в атаку, грохоча тяжелыми ботинками по пружинящему полу. Несмотря на свои триста с лишним фунтов, он мчался с удивительной скоростью. Напоминая не то товарный поезд, удирающий от индейцев, не то большой грузовик на скоростном шоссе, Лобзик взревел, как первобытное чудовище, приближаясь к своему тучному противнику. Его мощная мускулистая рука тяжелоатлета уже преградила существу путь к отступлению. Бандиты с интересом наблюдали: зрелище должно было быть великолепным! Лобзик был раза в три больше жалкого инопланетного дурачка. С ним будет покончено в считанные секунды.

Почти так и вышло.

Лишь только Лобзик протянул руку к горлу кватралианина, из покрытой перьями груди существа выстрелили два тонких щупальца и поразили нападающего в живот. Смех «Зашибал» сам собой замер, когда они увидели, как оттопыривается жилет на спине их товарища — щупальца пронзили его насквозь, как шпаги. Со страшным криком Лобзик попытался отпрыгнуть, но инопланетная тварь сделала еще один выпад, метнув третье острое щупальце в огромное тело человека. Кровь хлынула из страшных ран, и гигант конвульсивно забился в агонии. Кватралианин пронзил его еще одним щупальцем, и колени Лоб-

зика подогнулись. А тварь пронзала его все новыми и новыми пиками...

Кватралианин внезапно выдернул из мертвого тела все свои стрелы, и Лобзик распростерся на полу. Тщательно переступая через растекающиеся по полу лужицы крови, невероятная помесь цыпленка с собакой сделала несколько шагов вперед, выпрастывая из своего тела все новые и новые острейшие не то иглы, не то щупальца. Десять, двадцать, тридцать — вскоре кватралианин стал похож на голову Горгоны, окруженную извивающимися остроконечными щупальцами, движущуюся на коротких собачьих лапах. Оживший ночной кошмар повернул к бандитам свою голову-картофелину и дружелюбно заворковал.

— С этой штукой нужно покончить! — проревел Курок, вытаскивая армейский кольт сорок пятого калибра. «Кровавые Зашибалы» бросились вперед.

Острые как бритвы метательные «звезды» так и мелькали в искусных руках Шлямбура, но кватралианин уклонился от летящих в воздухе сверкающих лезвий и попытался напасть на Шлямбура. Пара острых пик нацелилась ему в грудь, и юный специалист по холодному оружию проворно отскочил влево. Свечка, держа в каждой руке по заостренному крюку, зашла справа. Бур вытащил из ботинка стилет и атаковал по фронту. Лом извлек мотоциклетную цепь и принялся раскручивать ее над головой, одновременно заслоняя собой вожака.

— Что за дерьмо! Прочь с дороги! — яростно завопил Курок, но Лом сделал вид, что не понял. Курок попытался отойти в сторону, но Лом снова заслонил ему обзор, мешая применить пистолет. Ничего лучшего и вообразить себе было невозможно. Все телеэкраны покажут эту сцену, и весь мир узнает, что Лому не нужен пистолет, чтобы быть крутым. Крепкие парни на мотоциклах снова станут чтить его, и у него появится собственная банда! «Коммандос Лома»! Никто больше не сможет ему приказывать, он сам станет боссом! Да, приспело времечко! Пора действовать.

Курок перестал стискивать рукоять пистолета. Стрелять он не мог. Вряд ли Лом настолько глуп, чтобы намеренно мешать ему. Но все равно им нельзя ошибаться. Он взвел курок и снова попытался выбрать позицию для прицельного выстрела.

С каратическим криком «Киа-а!» Бур прыгнул на кватралианина, который с удивительным проворством убрался с траек-

тории его движения. Приземлившись на пол и перекатившись, Бур вскочил на ноги, развернулся и бросился туда, где, как ему казалось, должно было быть чужое существо.

Но его там не было. Почувствовав ловушку, кватралианин прорвался между Шлямбуром и Свечкой. Оба они попытались поразить существо, но для обоих было слишком далеко. На миг существо оказалось на открытом пространстве.

Курок поднял пистолет, но Лом снова оказался у него на дороге, и главарь виртуозно выругался. Лом мимолетно улыбнулся самому себе и метнул цепь. Четыре фута сверкающей стали подобно серебряной молнии пронеслись по воздуху и угодили в самую середину клубка щупальцев, сбив кватралианина с ног. Существо попыталось подняться, но не смогло, снова завалившись на пол. Из горла у него вырвалось слабое, жалобное блеянье. Бандиты бросились на него со всех сторон.

Открыто ухмыляясь, Лом снял с талии вторую цепь и бросился вслед за товарищами, чтобы помочь прикончить существо. Цепь — привычное оружие мотоциклиста — он намотал на мозолистый кулак правой руки.

Кватралианин высунул из путаницы щупальцев свою шишковатую голову и снова грустно заблеял. Странно, но никаких повреждений на нем не было заметно, никакая кровь не текла. Курку это очень не понравилось, он заподозрил притворство.

— Эй, берегись! — крикнул он. — Эта грязная мочалка пытается нас провести!

Лом, не будучи совершенно тупым, прислушался к словам главаря и метнул свою вторую цепь, которая полетела в цель словно пушечное ядро. Кватралианин ловко увернулся, не желая вторично подвергать себя воздействию этого странного оружия. Мерзко заклохтав, существо стремительно бросилось к Лому, который оказался ближе всех к нему. Курок снова попытался прицелиться, но кватралианин, словно догадываясь о назначении пистолета, сместился так, что Лом снова оказался на линии огня.

Лом выхватил свое последнее оружие. Это был тяжелый итальянский тесак, который он прятал в кармане штанов. Тесак состоял почти из одного лезвия и сильно смахивал на топорик мясника, предназначенный для того, чтобы мелко рубить мясо. Лом высоко поднял руку с тесаком, словно готовясь рассечь тварь надвое одним ударом. Доктор Гильотини сражается со Спагетти.

Сверкающие ножи, пущенные рукой Шлямбура, чуть не попавшие в кватралианина, заставили его попятиться. Бур снова прыгнул на него сбоку и в невероятном кульбите ухитрился ранить его в обе задних ноги. На этот раз кватралианин завыл от настоящей боли — это не было то слабое блеянье, которое они уже слышали, а скорее рев паровой сирены. Лом рубанул своим тесаком, и несколько щупальцев упали на пол. Из раненых лап чудовища сочилась желтая кровь.

Зашатавшись, чудовище пробило несколько дыр в его кожаном жилете и провело несколько глубоких царапин поперек ребер. Лом попытался сделать выпад, но промахнулся, так как его тесак не был предназначен для нанесения колотых ран. Кватралианин попятился и стал похож на гнездо змей, готовых к броску. Лом глядел в лицо смерти, но тут Свечка подскочила сзади и вонзила свои стальные крючья в заплывший жиром крестец чужака.

Недопес-полуцыпленок заверещал, как тысяча газосигнализаторов, и Свечка, хохоча, отскочила, но недостаточно быстро. Чудовище метнуло в нее все свои оставшиеся щупальца. Когда острые пики отдернулись, яркая кровь хлынула фонтаном, и девушка безвольно опрокинулась на пол. В этот момент громогласно рявкнул пистолет сорок пятого калибра, ибо наконец-то никто не загораживал Курку цель. Пули ударяли в колыхающееся тело, и в воздух полетели перья и желтые брызги, а главарь снова и снова нажимал на спусковой крючок. С каждым попаданием тело чудовища отбрасывало все дальше и дальше, и на белом полу оставались желтые маслянистые пятна, предсмертный визг поднялся чуть не до ультразвука и вдруг прервался, когда Бур полоснул его по глотке стилетом.

Весь мир наблюдал за тем, как искромсанное кровоточащее тело на полу, некогда бывшее девушкой, протянуло слабеющую руку к главарю. Курок бросился к ней и встал рядом на колени. Взяв узкую ладонь девушки в свою, он нежно пожал ее. Девушка приподняла голову, силясь что-то сказать, и из страшных ран на ее теле снова толчками полилась кровь. Курок наклонился ближе, и она прошептала что-то, слишком тихое, чтобы расслышать. Затем ее рука закоченела, тело в последний раз содрогнулось, и Свечка умерла, вытянувшись в кровавой луже на полу.

Главарь осторожно закрыл ее единственный уцелевший глаз и печально склонил голову. Шлямбур отвернулся, стараясь скрыть

выступившие на глазах немужские слезы. Бур медленно подошел к останкам кватралианина и, выдернув из его тела стальные крючья, положил их рядом с истерзанным трупом девушки. Лом же мудро держался подальше.

Некоторое время все молчали.

Потом Курок встал, на лице его застыло бешенство. Одна рука его была испачкана в крови друга, второй он держал все еще дымящийся пистолет. Сжав их в кулаки, он с ненавистью посмотрел в потолок, проклятый потолок, до которого было не добраться.

— ДАВАЙ ДАЛЬШЕ! — с вызовом прокричал он.

7

— Великолепно! Они были великолепны! — вскричал Бозтванк, вопреки обыкновению в его голосе слышалось удовольствие. Его буквально распирало от радости, и он подлетел на своем аппарате к командиру, чтобы поздравить его. — Приношу свои извинения, Айдоу, ты был абсолютно нрав. Прекрасные экземпляры, прекрасные!

— Да, — признал Скви, обнажая в улыбке все зубы. — Они действительно хороши.

Но командир не слышал ни того, ни другого.

— Дистанционное оружие, оружие, действующее на расстоянии, — пробормотал он, вторя своим мыслям. При этом он наклонился вперед в кресле, и кресло автоматически изменило угол наклона спинки в полном соответствии с новой позой сидящего в нем гуманоида. — У них оказалось оружие, которое действует на расстоянии, Гастерфаз. Почему меня не поставили об этом в известность?

— Я и сам не знал об этом, — честно признался охранитель. — Металл — он и есть металл, а они буквально увешаны железками. Металл у них в носу, во рту, в ушах... и во всех других отверстиях. То, что не спрятано в их одежде, то скрепляет ее части между собой. Мои сенсорные устройства не показали никакого источника энергии, который мог бы быть оружием, поэтому я... подумал, что они не вооружены. — Каменные члены хоронца лязгнули. — Прошу прощения.

Айдоу отмахнулся от извинения.

— Ничего страшного, друг мой. Но скажи все же, какое оружие у них есть?

В задумчивости каменный титан побарабанил пальцами по своей контрольной панели, и на металле появились вмятины.

— Ну...

— Тонкие ножи, толстые ножи, складные ножи, металлические ножи, круглые метательные ножи... — вмешался Скви, читая по бумажке, которую он успел написать за время битвы, — цепи, короткие крючья, огнестрельное оружие... которое я, между прочим, хотел бы получить для своей коллекции... мне кажется, это все, что у них есть.

— Одно из этих орудий — не совсем нож, — пропел Бозтванк, в то время как его электронное блюдце подпрыгивало и раскачивалось в ритуальном танце. — Лучше вписать его как «тесак».

Поддавшись атмосфере радости и доброго товарищества, которое охватило всех, Скви сделал на своем листке необходимое исправление, вместо того чтобы не обращать внимания на все, что бы ни говорил гриб. Обычно он так и поступал. Кроме того, для него как для коллекционера не существовало такой вещи, как бесполезная информация.

— А еще самый маленький грязеландец завладел рапирой нашего робота, это было во время нашего первого теста, — добавил хоронец в попытке спасти свою пошатнувшуюся репутацию охранителя. Хотя он сам редко пользовался оружием, оружие было его специальностью.

Скви сосредоточенно прикусил свой раздвоенный язык.

— Он воспользовался рапирой против кватралианина? — с надеждой спросил он.

— Нет, она по-прежнему у него.

Скви раздраженно перечеркнул последнюю строчку в своих записях. Хорошо, может быть, такая вещь, как бессмысленная информация, все-таки существует.

Айдоу раздумчиво играл серебряным микрофоном на тонкой штанге.

— Бозтванк, скажи, Трелл находится в рабочей зоне реактора?

— Да, мой командир, — весело ответил Гриб. — Что он опять сделал не так?

— Ничего, — пробормотал голубой гуманоид. — Вызови его оттуда, и пусть запустит уборочного робота. Я хочу, чтобы перед третьим испытанием арену почистили. Она должна быть безукоризненной.

— А что будем записывать для нашей коллекции видеозаписей? — оживился Гастерфаз.

Айдоу только улыбнулся в ответ.

«Превосходно», — подумал охранитель. Он всегда особенно любил смотреть на третий тест.

— Тогда объявляю банк закрытым. Все ставки действительны. Все участники должны... участвовать, — объявил он. Никто не удивился, хоронцы были печально известны своей мелочностью. — И еще я должен подготовить бороботa для использования. На половинной скорости, как обычно?

— Давайте на этот раз попробуем на полной, — предложил Скви хладнокровно, но огни на его панели ярко вспыхнули, словно разделяя со своим хозяином предвкушаемое удовольствие. — Мне кажется, что нашим грязеландцам это вполне по силам.

Перед глазами командира корабля на мгновение возникла картина, как маленькие, покрытые мехом существа падают в раструб пищевого синтезатора, и он поежился от удовольствия.

Айдоу царственно кивнул, и прядь голубых волос закачалась перед его лицом.

— Да будет так.

Услышав решение командира, Бозтванк отлетел к своему техпосту.

«Ух ты! Полная скорость. Никогда они еще не пользовались полной скоростью. И-и-и-и! Это еще приятнее, чем смотреть на гниющие отбросы!»

* * *

Принтер сэра Джона наконец замолчал, и он, сняв очки, принялся протирать их носовым платком, который торчал из нагрудного кармана пиджака его хорошо пошитого у известного портного серого костюма-тройки. Платок был шелковым, с монограммой изготовителя в уголке, а цвет его прекрасно

сочетался с его голубой, также шелковой рубашкой. Затем сэр Джон высморкался в платок и кинул его в корзину для бумаг рядом с консолью. Платок для него был просто частью рабочей одежды.

— Как желаете, подробно или сжато? — спросил в пространство шотландский миллионер.

— Что — подробно или сжато? — спросила доктор Ву.

Весь пол под ее креслом устилали компьютерные распечатки, извергнутые принтером. Китаянка соединила свою консоль с компьютерами Калифорнийского Политехнического, пытаясь найти способ преодолеть защитное силовое поле. Лишь только принтер выдавал очередную порцию бумаги, исписанную не имеющими решения уравнениями, Юки делала для себя какие-то пометки, а бумагу комкала и кидала бумажный мячик в направлении мусорной корзины. К настоящему моменту корзина проигрывала окружающему пространству со счетом 0:37.

— Реакцию общественности на то, что мы только что видели, — вежливо пояснил Кортни.

— Тогда, пожалуйста, сжато, — попросил профессор Раджавур, откладывая наушники. — Сегодня не до лекций. — С этими словами он сделал Малавади знак начинать.

Лингвист, задействовав никогда прежде не использовавшуюся секцию на своей консоли, начал выстукивать на клавиатуре компьютера какие-то сложные команды.

Социолог слегка откашлялся.

— Гм-м... «Да здравствуют наши парни».

Раджавур повернулся в своем кресле.

— Я что-то не...

— Вы же просили сжато.

— Тогда поясните, — распорядился дипломат.

— Это уличные бандиты... — социолог слегка волновался, — но большинство населения планеты их поддерживает. «Кровавые Зашибалы» стали героями.

— Героями? — взорвался генерал Бронсон, с такой силой опуская трубку на рычаг телефона прямой связи с НАТО, что аппарат звякнул, хоть и не был снабжен звонком. — Но они же чокнутые!

— Чокнутые герои, — поправился социолог. — Но это никого не волнует.

— Билла Патерсона волнует, — возразил генерал.

Кортни вопросительно приподнял бровь:

— А кто он такой?

— Капитан полиции Манхэттен Сентрал. Он только что подписал ордер на арест всей шайки за ношение замаскированного оружия. По всей видимости, этот парень пытался поймать «Зашибал» хоть на чем-то все семь последних лет. Говорят, что капитан Патерсон прошелся колесом, когда Курок вытащил свою пушку на глазах у двух миллиардов свидетелей.

— Ну что ж, я хотел бы, чтобы это ему хоть чем-то помогло.

Бронсон выдавил из себя полуулыбку.

— Я тоже.

Некоторое время «Зашибалы» были заняты не слишком чистой работой, укладывая своих погибших товарищей рядом и снимая с них кожаные куртки, чтобы укрыть тела. Шлямбур обошел помещение и собрал все свои ножи. У него все еще оставалось лезвие, которое он вырвал у разгромленного маленького робота. Это было его секретное оружие, да. Лом отдал Буру свою вторую мотоциклетную цепь, и оба занялись тем, что распутывали их, готовясь к следующей схватке.

Курок вытащил из кармана несколько патронов, снарядил обойму и затолкал ее в рукоять пистолета. Обойма со щелчком встала на место. Еще восемь раундов, и кольт станет бесполезен. Придется считать каждый выстрел, хотя один патрон у него все равно останется.

После этого главарь кратко побеседовал с Ломом, доходчиво объяснив глупому сукину сыну, что, если тот еще раз не послушается приказа, он оторвет ему его наглую башку. Свечка погибла из-за него, и единственной причиной, по которой Курок пока позволил Лому всасывать воздух, было то, что каждый нож и каждый кулак были теперь на счету, лишь бы выбраться живым из этой передряги. Но еще одна ошибка и... Бах!

Таинственное шипение открывающейся двери заставило «Зашибал» отвлечься от своего оружия, и, хотя они не раз видели смерть в разных обличьях, на этот раз рты их раскрывались сами собой. Это последнее испытание явно относилось к высшему разряду, настоящий класс «А», разлитый в бутылки и закупоренный, с четырьмя звездочками на этикетке.

Заслоняя своей тушей закрывающиеся створки двери, у стены высился гигантский робот-гуманоид. Он был футов двадцати

в вышину, и все его тело состояло из сверкающих зеленых доспехов. И без того внушительный робот сжимал в правой руке длинный металлический стержень размером с телеграфный столб. Столб был опутан электрическими кабелями, а на одном его конце бандиты разглядели довольно изношенную, оплавленную форсунку.

Им не нужно было объяснять, что это — грозное и мощное оружие.

Без всяких предисловий и предупреждений со своей стороны смертоносная машина начала двигаться, направляясь прямо на них.

— ЗАШИБАЛЫ! — выкрикнул Курок, и вся команда эхом подхватила свой боевой клич. Все четверо отважно бросились на нового врага, готовые победить или погибнуть, ибо «Зашибалы» не сдавались!

Робот-уборщик с любопытством посмотрел на маленькие существа, бегущие прямо к нему, нисколько не догадываясь, в чем тут дело. Испытательная камера действительно нуждалась в уборке, но не больше, чем всегда.

Бур и Лом первыми достигли ног гиганта. Огибая эти зеленые колонны, каждый из них на бегу хлестнул робота цепью. Тонкий пластик прорвался от ударов, словно паутина, и обломки его посыпались на пол, обнажая сложное переплетение распорок и электрических цепей. Бандиты воспрянули духом и еще громче прокричали свое название.

Робот терпеливо исследовал повреждения. Водонепроницаемого кожуха, защищавшего нижние конечности от воздействия влаги и химических реагентов, больше не существовало. Робот по-своему вздохнул и, отложив в сторону свой электронный веник, наклонился, чтобы подобрать осколки своего собственного тела.

Шлямбур, широко размахнувшись, метнул в робота свой двухфунтовый Боуи — длинный нож из нержавеющей стали, свою красу и гордость. «Техасская зубочистка» сверкнула в воздухе и легко вошла в грудь робота, застряв как раз между распределительным щитком и энергокабелем. Произошло мощное замыкание, возникла страшная перегрузка цепей, последовательно выжигающая контрольные реле и контуры. Ослепший и оглохший робот потерял управление и с грохотом упал на колени, умоляя о помощи Тех-Кто-Командует.

* * *

— Что они делают! — в обе глотки взревел Айдоу, приподнимаясь в кресле.

— Они напали на робота-уборщика... — растерянно произнес Скви.

Его никто не слушал, все члены экипажа бросились к своим техпостам. Айдоу в сердцах с силой ударил по выключателю микрофона.

— Эй, вы, пустоголовые глупцы! Прекратите сейчас же!

В переводе это прозвучало, как...

* * *

— СТОЙТЕ, ГЛУПЦЫ!

«Зашибалы» по своему обыкновению не обратили никакого внимания на то, что им приказывали власть предержащие. Лом ухватился за железный стержень робота и, напрягая все силы, оттащил его подальше. Стараясь вернуть равновесие, механический человек протянул вперед руку, чтобы опереться об пол. Курок легко увернулся и направил ствол пистолета прямо между ничего не видящими глазами робота. Робот разваливался на части буквально на глазах.

— ПРЕКРАТИТЕ ВАШИ ДЕЙСТВИЯ НЕМЕДЛЕННО... ЭТО ВСЕГО-НАВСЕГО РОБОТ-УБОРЩИК.

— Свинья! — проревел Курок, нажимая на спуск.

Огромная голова рывком откинулась назад. Напрасно робот пытался стабилизировать свои полуразрушенные контрольные системы — еще две пули в стальных рубашках вонзились в искрящееся месиво, которое осталось от его лица. Конечно, главарь рисковал, потому что самый последний уличный панк знает, что мозг робота может размещаться где хочешь — в груди, в руках, в ногах и так далее.

Однако это был все-таки уборочный робот, и конструкторы решили поместить его нежный мозг как можно дальше от едких химических реагентов и прочих химикалий, с которыми роботу приходилось иметь дело по долгу службы. Так для пущей безопасности мозг попал в голову.

Мертвая машина упала лицом вниз. Прекрасные зеленые доспехи отвалились от ее тела, как лепестки засохшего артишока, из-за перегрева атомного «желудка» робота. Вокруг полетели крупные искры, а из сочленений суставов поднялись первые струйки дыма, одна нога судорожно дернулась и вырвалась из сустава.

А затем Шлямбур расстегнул свои джинсы и справил малую нужду на тело поверженного Голиафа.

* * *

До крайности пораженные пришельцы не верили своим собственным глазам. Это было выше их понимания. Насколько же примитивными были эти парни?

Айдоу судорожно вздохнул, откидываясь на спинку кресла:

— Клянусь отходами Первого Строителя!

* * *

— Вот срань Господня! — судорожно вздохнул генерал Бронсон, откидываясь на спинку своего вращающегося стула. Несколько щепетильный профессор Раджавур, заподозривший богохульство, повернулся к генералу.

— Ваши выражения, Уэйн, несколько...

— Генерал прав, — вмешалась Юки Ву.

Китаянка была до крайности поражена происходящим.

— Вот уж дерьмо, так дерьмо — ничего не скажешь.

* * *

Интермедия Шлямбура имела самые неожиданные последствия. Сочащийся из павшего робота дым стал гуще, искры полетели чаще, откуда-то из глубины послышалось странное гудение, которое становилось все громче. Испуганные бандиты быстро отступили на безопасное расстояние.

— Эй, шеф, — прошептал Бур, низко пригибаясь. Его примеру последовали все остальные. — Знаешь что? Мне кажется, эта штука сейчас ка-ак...!

И тут это произошло.

Огромный корабль содрогнулся, когда останки робота вдруг превратились в ослепительный огненный шар. Клубы дыма и осколки разлетелись по комнате с противным визгом. Ударная волна побросала «Зашибал» ничком, и они распростерлись по мягкой белой поверхности, как мусульмане в Мекке. Все тревожные сигналы и индикаторы опасности засверкали, сирены завыли, колокольчики зазвонили, линии питания отключились, и экраны в командной рубке погасли.

* * *

Члены Группы Контакта внезапно обнаружили, что снова видят чужой корабль снаружи, а не изнутри. Слово «Проклятье!» было произнесено на шести разных языках.

* * *

Когда ударная волна ослабла и перестала отражаться от стен, помятые бандиты кое-как поднялись на ноги.

— Все целы? — спросил Курок, разглаживая свою кожаную куртку и пытаясь отыскать дырки. Куртка оказалась цела.

Всегда старающийся выглядеть элегантным, Бур с ворчанием заправил в штаны свою видавшую виды майку.

— Да, конечно. Мне вообще не нравится, когда взрывающиеся роботы пинают меня под зад.

— И мне! — воскликнул Шлямбур в простодушном восхищении. — Давайте еще разок, а?

Курок дружески ударил его по лицу.

— Шутка. Он просто шутил, тупица.

— А, ну ладно...

— Я тоже в порядке. — Лом поморщился, ощупывая липкие царапины на ребрах.

— Кому интересно, продырявили тебе шкуру или нет, пижон, — надменно поддразнил его Бур.

Главарь начал было произносить фразу о том, не затолкать ли им кое-куда по вонючему носку, когда ему в голову пришла любопытная мысль. Продырявили... В одном шпионском фильме, который он когда-то видел, это сработало. Возможно, что...

— Ну-ка, за мной! — прикрикнул Курок и помчался к месту, где произошел взрыв. Приятели следовали за ним по пятам.

— Что ты задумал, шеф? — осведомился Бур, легко поравнявшись с вожаком.

— Скрести пальцы, — ответил Курок, и задыхающийся от бега Шлямбур выполнил приказ, скрестив пальцы на руках.

Горячий, едкий дым все еще заволакивал эпицентр взрыва, и «Зашибалам» пришлось двигаться осторожно, чтобы не споткнуться о какую-нибудь часть разбитого робота или обломок его зеленых доспехов, которыми был усыпал закопченный пол. Местность напоминала пирог из рыбы, который слишком долго простоял в духовке, а запах стоял такой, как не пахнет и от алкаша после недельного запоя.

Бегло осмотревшись, Курок скривился.

«Проклятье, — подумал он, — моя идея яйца выеденного не стоит».

В досаде он пнул ногой оплавленную часть робота и вздрогнул: тяжеленный кусок металла весом в добрую сотню фунтов исчез из вида, а секунду спустя где-то внизу раздался приглушенный удар. Осторожно ступая по изуродованному полу, бандиты приблизились к месту таинственного исчезновения этого предмета, и конечно, в полу зияла довольно большая дыра. Сквозь нее была видна часть коридора, проходящего по нижней палубе космического корабля пришельцев. Не обращая внимания на еще горячие, острые металлические края дыры, «Кровавые Зашибалы» полезли вниз и исчезли из вида.

* * *

Заменив сгоревшие предохранители на своей контрольной панели, Скви снова задействовал камеры наблюдения и зашипел от ужаса. Испытательная камера была разгромлена.

— Пропали! — хрипло сообщил он. — Их больше нет!

— Грхм! — невразумительно отозвался Айдоу, занятый отстройкой навигационного оборудования.

Гастерфаз вскрыл кожух своего техпоста и что-то делал внутри него, перегнувшись в талии под невообразимым углом, недоступным для любых видов живых существ, не обладающих таким экзо- и экто-скелетом, как хоронцы.

— Жаль! — пробормотал Гастерфаз. — Но такой взрыв мог уничтожить даже меня.

Ящер в тревоге запрыгал на одном месте:

— Нет-нет, они не погибли, они бежали из камеры!

Гастерфаз с удивительной скоростью освободился из путаницы проводов.

— Так эти примитивные создания на свободе?!

— На свободе в моем корабле?! — Айдоу выронил электрический гаечный ключ.

— Они живы? — завопил Бозтванк.

Скви кивнул, и гриб чуть было не упал в обморок. Это было ужасно. Невероятно! Даже после трехкратного опрыскивания розовой водой он все еще не мог в это поверить.

Гастерфаз захлопнул кожух своего техпоста и, включив охранные внутрикорабельные системы, стал готовиться к битве.

Скви связался с Треллом и, вкратце сообщив ему новости, приказал куда-нибудь спрятаться.

Бозтванк вывел корабельный реактор на 20/20, запломбировал все люки и установил свой разбрызгиватель на аварийный режим.

Командир Айдоу, несмотря на опасность, спокойно откинулся на спинку кресла, потирая бледно-голубой рукой бледно-голубую щеку.

«Ну-ну, — цинично подумал он. — Похоже, что третий тест все же состоится». Только проходить это испытание придется уже ему и его экипажу.

8

Человеческая голова осторожно высунулась из-за угла белого коридора, огляделась по сторонам и, не увидев ничего опасного,

скрылась. Коридор был таким же, как и все остальные коридоры этого дурацкого корабля. Банда, должно быть, ходила кругами, хотя они всеми силами старались избежать этого.

— Чисто! — выдохнул Бур, и остальные бандиты пробежали мимо него. У следующего поворота коридора Шлямбур осторожно высунулся из-за угла и осмотрел путь.

— Чисто, — и все повторилось с начала. С того самого момента, как им удалось выскользнуть из испытательной камеры, «Кровавые Зашибалы» преодолели уже несколько миль этих белых, сводящих с ума коридоров, совершенно уверенные в том, что кто-то наверняка их преследует. Но ничего не происходило. Петлять по этим коридорам было даже приятнее, чем по аллеям Центрального Парка, но где, черт возьми, были местные обитатели? Курок прекрасно понимал, что времени у них мало, и им надо поскорее предпринять что-нибудь умное. Что — об этом говорилось во всех фантастических фильмах, которые он когда-либо видел.

— Налево, — приказал он Шлямбуру на следующем перекрестке. — Бур, направо. Ищите вентиляционную шахту. Отверстие должно быть легко заметным на этих чертовых белых стенах.

— Понятно, — подмигнул Бур, сворачивая направо. Шлямбур неловко топтался на месте, и Курок подтолкнул его в нужном направлении.

— Сюда, идиот!

Юный специалист по ножам благодарно улыбнулся вожаку, показывая свои превосходные зубы, и начал на цыпочках красться вдоль стены, стараясь производить как можно меньше шума своими тяжелыми армейского образца башмаками.

— А что, если тут вообще нет никаких вентиляционных отверстий? — дерзко, с вызовом прошептал Лом. Он стоял так близко от предводителя, что тяжелый запах из его рта заглушил кислую вонь немытого тела. — Чего нам тогда делать?

Курок с отвращением посмотрел на своего беспокойного дружка.

— Будем искать, пока не найдем. А теперь заткнись, пока я тебя не заткнул.

В этот момент из-за угла высунулся Бур и шикнул, прервав стычку.

— Эй, парни, оно тут.

Бандиты столпились у стены, где действительно помещалось вентиляционное отверстие. Площадь его сечения была около квадратного метра, и вход в него был забран металлической решеткой цвета слоновой кости, прикрепленной к стене какими-то дурацкими болтами. Бур осмотрел их оценивающим взглядом профессионала, нахмурился, затем улыбнулся и вытащил из кармана куртки отмычку и расческу с длинной тонкой ручкой. Пока он ловко откручивал болты, Лом и Курок заняли оборонительную позицию по стенам коридора. Вскоре они будут в безопасности, спрятавшись в стенах как тараканы. Курок был уверен, что пришельцам ни за что не обнаружить их в вентиляции. Он видел, наверное, целую дюжину фильмов, в которых подобный трюк приносил успех.

* * *

— Что значит, ты не можешь их найти?! — заверещал Бозтванк, подлетев сзади к охранителю и хлеща его по спине ветками куста. — Ты, неумелый растяпа! Грязные вонючие грязеландцы бродят по нашему кораблю, и ты не можешь нащупать их?

Гастерфаз, пристально следящий за датчиками своего техпоста, не почувствовал нападения; на его экране сменяли друг друга изображения одинаковых пустых белых коридоров.

— Ну? — потребовал Айдоу, раздраженно шевеля кустистыми голубыми бровями.

Монументальный хоронец печально покачал головой.

— Взрыв уничтожил один маленький распределительный щиток, и теперь я не могу управлять камерами. Я пытаюсь восстановить систему, но даже Трелл не сможет проделать это достаточно быстро.

— И...

— И значит, либо они движутся очень быстро, избегая моих камер с таким искусством, словно занимались этим всю жизнь, что маловероятно, либо они превратились в белую краску, — просто ответил Гастерфаз. — Честно говоря, мне это непонятно. Дорожно-ремонтная бригада не должна быть на это способна, — гигант с отвращением взмахнул руками. — А если кто-нибудь считает, что управится с моим оборудованием более эффективно — пожалуйста. Я не могу нащупать беглецов.

Командир Айдоу с трудом сдержал гнев и, переведя дыхание, медленно сосчитал до восьми.

— Во всяком случае, они не выбрались из корабля, — заспорил Бозтванк, накручивая наборные диски своими руками, состоящими из силового поля. — Ни один воздушный шлюз не открывался. В складские помещения никто не входил, в машинное отделение... Вах! — гриб нажал кнопку блокировки автоматики и приказал своему блюдцу снова побрызгать себя розовой жидкостью.

Сложившаяся ситуация с каждой минутой становилась все серьезнее. Не могли же эти примитивные создания просто рассеяться в воздухе?

— Они не пытались даже передавать радиосообщения, и я не могу их запеленговать, — пожаловался Скви. — Кроме всего прочего, ничто из того, что у них есть, не может пробить наш защитный экран.

Глаза Айдоу стали похожи на ущербные луны.

— Ты уверен? — невнятно пробормотал он обеими глотками. — Подумай сам: они пронесли на борт оружие, действующее на расстоянии, они выбрались из испытательной камеры, а теперь они скрываются от нас с поразительной легкостью. И это действия примитивных созданий?

Трусливый до самой селезенки или до того волокнистого органа, который заменял селезенку у его расы, Бозтванк уловил намек командира.

— Неужели... Великие Золотистые? — спросил он, вибрируя от страха.

— Возможно.

— Глупости, — прогудел Гастерфаз. Его лицо было неподвижным более, чем всегда. — Двое из них мертвы и лежат в испытательной камере. Неужели Великие Золотистые станут...

— Станут, да-с-с-с, — успокоил его Скви, прибавив к последнему слову несколько лишних «с». — Великие Золотистые готовы на все, лишь бы заполучить нас живыми.

— Ловушка? — задумчиво пробормотал хоронец.

Эта возможность не приходила ему в голову. Правда, до тех пор, пока его раса не присоединилась к галактическому союзу, он и слова такого не слыхивал.

Бозтванк нетерпеливо раскачивался в своем блюдце, мечась по рубке туда и сюда.

— Газ! Мы должны использовать газ «Омега»! — закричал он. — Наполним корабль газом. Даже Великие Золотистые не устоят перед газом «Омега»! Ему ничего не может сопротивляться.

— Ты надеешься... — заговорил Скви, прижимая к груди свой хвост, словно стараясь защитить его от грозной опасности. Газ «Омега». Опасная штучка. От одного только упоминания о нем Скви почувствовал зуд во всем теле. Но затем он ощутил себя живым, и по спине побежали мурашки восторга. Он чувствовал себя живым и возбужденным. Как жаль, что планета населена млекопитающими.

— А как ты насчет Трелла? — спросил Айдоу, небрежно откинувшись в кресле. — Он же погибнет вместе с примитивными существами!

Бозтванк открыл рот, чтобы заговорить, и тут же захлопнул его. Какой приятный сюрприз!

— Мне очень жаль, но, боюсь, им придется пожертвовать для блага корабля.

— Это единственный наш техник, — практично заметил Гастерфаз.

— Если ты хочешь делать всю мелкую грязную работу по ремонту и обслуживанию корабля — делай. Я не хочу, — и гигантский охранитель нахмурился, при этом лицо его стало похожим на осыпавшийся карьер, где когда-то добывали щебень. — Айдоу, мы должны спасти его!

— Мы можем попытаться. Скви, свяжись с ним, пусть спрячется в газонепроницаемом отсеке и сидит там, пока мы не сообщим ему, что можно выходить.

— Принято к исполнению, мой командир.

— Гастерфаз, сколько времени понадобится, чтобы разогреть газ «Омега»?

— Девятьсот секунд.

— Начинай немедленно. Бозтванк, начинай пломбировать всю органику, которая может пострадать от действия газа — одежду, продовольствие, нас...

— И нас тоже? Очень умно, командир, — съязвил гриб, подплывая к своему техпосту. — Я бы не догадался, — шорох закрывающейся бронедвери оттенил его последнюю реплику.

«Подавись своими отходами, жаба на табуретке!» — злобно подумал Айдоу.

— Гастерфаз, где твой бороботт?

— Тут недалеко, за пределами испытательной камеры. А что?

— Подготовь и его тоже. На всякий случай.

* * *

В вентиляционной шахте оказалось довольно тесно, и «Зашибалы», ползущие по ней на четвереньках, то и дело натыкались друг на друга. Бесшовная металлическая труба казалась бесконечной.

— Еще раз пукнешь, Бур, и ты — покойник, — проворчал Лом, ползущий последним. Вместо ответа Бур снова пустил газы.

— Ах ты задница!

— Заткнитесь оба, — веско приказал Курок. — Иначе я проломлю вам головы. Эй, Шлямбур, — обратился он к потертому джинсовому заду, маячащему перед самым его носом. — Что ты там видишь?

— Комнату, — немедленно отозвался Шлямбур. — Полным-полно машин и всякого хлама. Как бойлерная. Хочешь, чтобы я слазил посмотреть?

— Нет, ползи дальше.

Лишь только «Зашибалы» проползли по трубе несколько десятков метров, как им начали в изобилии попадаться многочисленные вентиляционные решетки, выходящие в разные комнаты. Удивительно, но отверстий, ведущих в коридоры, было совсем мало. Через любое из этих отверстий они могли без труда выбраться из шахты, но куда? Им нужен был выход из корабля, командная рубка или что-нибудь такое же полезное, однако им то и дело попадались похожие друг на друга комнаты, вроде последней, а уж оборудования в них было свалено побольше, чем в университетах!

Бур неожиданно боднул головой Курка, отчего тот врезался в Шлямбура. Разозленный главарь выругался.

— Смотри, куда прешь, глупая скотина! — прорычал он.

— Это не моя вина, шеф, — отверг обвинение Бур с искренними интонациями в голосе. — Лом меня нарочно толкнул.

— Врешь, не толкал.
— Толкал.
— Нет.
— Да!
— НЕТ!
— ДА!

Курок щелкнул предохранителем пистолета, и спор прервался. Тем временем Шлямбур обнаружил очередной люк и рассматривал что-то сквозь решетку. Свет, падающий из комнаты на его лицо, был достаточно ярким, чтобы Курок разглядел на его лице улыбку. Юноша скалился, как сводник, обстряпавший выгодное дельце.

— Что там на этот раз, дуралей? Ты нашел их сортир?

Чуть не лопаясь от восхищения, Шлямбур повернулся и сверкнул глазами.

— Не, Курок, ты не поверишь, чего тут! — радостно зашептал он. — Я думаю, что это их... их... — он попытался подыскать нужное слово. — Ну, ты знаешь, в армии бывает... арсенал, вот так. Это их арсенал.

Курок быстро оттеснил плечом Шлямбура и сам заглянул внутрь. Действительно, с другой стороны решетки вдоль белых стен комнаты выстроились прозрачные шкафы, в которых хранились мечи, копья и странные предметы с рукоятками и ремнями. Большинство оружия было трудно идентифицировать, но даже самый последний уличный панк мог бы угадать в некоторых экземплярах винтовки и пистолеты. Винтовки и пистолеты из будущего. При виде оружия рот Курка наполнился сладкой слюной.

— Бьем в десятку! — выдохнул главарь, все еще не веря в удачу. — Теперь мы их поджарим! — и он проворно отполз в сторону, давая Буру место у решетки. Бур принялся за работу.

* * *

— Опять они, — вздохнул Скви. Айдоу чуть не свалился с кресла.

— Что?! Кто?! Где?!

— Объединенный Комитет Грязи по Торжественной Встрече, — пояснил ящер. Почему они не хотят просто смотреть передачу и... ох... Оказывается, Скви давно уже ничего не передавал. Оп-ля! — Они вызывают нас уже в ...цатый раз, причем вызывают на радиочастотах электромагнитного спектра. Для таких примитивных существ это большое достижение.

— Ответь им! — приказал чей-то голос.

Пришельцы начали удивленно переглядываться, так как команда исходила не от Айдоу, а от Бозтванка. Гриб с яростью глядел на товарищей по команде.

— Ответь им! — снова взвизгнул он. — Давайте заканчивать с этим! Все тесты пошли прахом, примитивные существа разгуливают по кораблю, а мы можем потерять нашего любимого Трелла... — Притворная слеза выкатилась из его лишенного век глаза. — Давайте обратимся к этой группе Встречи, скажем им Речь и испортим им всю обедню! Давайте испортим обедню всем! — Бозтванк закончил свое выступление на истерической нотке.

Ящер, гуманоид и хоронец раздумывали всего несколько секунд, прежде чем согласиться с предложением Бозтванка. Да, настало время сделать несчастной всю планету. Командир Айдоу застегнулся для пущей презентабельности.

— Скви, ты готов?

Ящер улыбнулся так, что стали видны жабры.

— По счету, командир, три... два... один...

* * *

— ЛЮДИ ГРЯЗИ, ВНИМАНИЕ!

Члены Группы Контакта испуганно подняли головы ко вновь появившемуся на экране изображению голубого гуманоида. Генерал Бронсон вынул изо рта сигару, сэр Джон надел очки, а Мохад выскочил из ванны. Придерживая одной рукой спадающие штаны, он перепрыгнул через стальные перила, пронесся вдоль ряда кресел и прыгнул на свое место у консоли.

— Запись, — пробормотал он, слегка задыхаясь, и нажал кнопку.

— Приготовиться, — сказал Раджавур. — Может быть, это как раз то, чего мы ждем.

Доктор Малавади кивнул в ответ, пытаясь отдышаться. Все было давно подготовлено, как и всегда. Теперь все зависело от удачи и от того, как сработает аппаратура.

Голубое существо на экране настенного монитора свирепо оскалилось, глядя на Группу Контакта. Плечи его были расправлены, глаза выпучены, мундир застегнут криво.

Доктор Ву отметила про себя, что существо явно чем-то обеспокоено, и непроизвольно проверила, правильно ли застегнуто ее собственное платье. Кто же его обеспокоил? Мы? Возможно. Во всяком случае — не уличная шайка.

— С ОГРОМНЫМ СОЖАЛЕНИЕМ ВЫНУЖДЕН СООБЩИТЬ, ЧТО ИСПЫТУЕМЫЕ ОБЪЕКТЫ...

— Включай! — приказал Раджавур, и Малавади щелкнул тумблером.

Немедленно речь голубого существа превратилась в пронзительное завывание. Пришелец продолжал говорить, не ведая того, что его слова никому не слышны.

Прошла минута. Затем еще одна.

— Ну как, Джонни? — спросил Бронсон.

Социолог нерешительно улыбнулся.

— Ну... да. Я уверен, что все получается. Мир хочет знать, что происходит, но никто не догадывается, что мы глушим передачу пришельцев.

Раджавур вздохнул так, словно гора с плеч свалилась.

— В этом случае беспорядков, которых мы опасались...

— Скорее всего не произойдет.

Доктор Ву с шумом выдохнула воздух, от волнения она некоторое время не дышала.

— Слава Богу! — сказала она.

Идея заглушить передачу пришельцев, когда они объявят о том, что Земля будет уничтожена, принадлежала генералу Николаю Николаеву. Он исходил из старинного принципа, что, дескать, чего ты не знаешь, то тебя и не беспокоит. В России этот принцип всегда срабатывал безотказно. И если пришельцы в самом деле смогут уничтожить Землю, то человечество, по крайней мере, погибнет с достоинством, а не как вопящая, сошедшая с ума от страха толпа. Николаев сообщил свои соображения Раджавуру по телефону, и дипломат немедленно засадил Малавади за работу.

На крыше каждого здания, выходящего фасадом в сторону корабля чужаков, установили огромные тарелкообразные антенны. Спутники сошли со своих орбит и приземлились почти вплотную к таинственному холодильнику. По сигналу Малавади все эти электронные приспособления, за исключением, естественно, холодильника, начали настоящий кошачий концерт, который совершенно вытеснил из эфира передачу чужаков. Фактически их послание так и не покинуло пределов Центрального Парка.

Миллионы людей во всем мире принялись настраивать свои телевизоры, проклиная все на свете, ибо чертовы аппараты сломались именно тогда, когда в них возникла необходимость. Несколько человек, особо умных, либо параноидального склада, заподозрили во вмешательстве правительство и попытались что-нибудь предпринять. Но вышло так, что те, кто мог что-либо предпринять, не стали этого делать, а те, кто стал бы, — те не могли.

В далекой Австралии в спешном порядке прикомандированный к Парламенту переводчик с французского языка напрасно пытался доказать, что завывающее бульканье в радиоприемниках не является диалектом французского, а происходит в результате сильных помех в эфире. Осси[1], разумеется, не поверили ни единому его слову, так как им приходилось иметь дело с французами.

Айдоу в последний раз оскалился народам Земли, насупил кустистые брови и исчез с экрана в месиве красок. Мохад подождал несколько секунд, просто для того, чтобы быть уверенным, а затем выключил глушилки. Над планетой повисла блаженная тишина.

— Как ты думаешь, все получилось? — с надеждой спросил Раджавур. Кортни пожал плечами.

— Сейчас еще ничего нельзя сказать, но я бы предположил — а это только предположение, прошу заметить! — что да.

* * *

Командир Айдоу включил микрофон и поглубже уселся в свое восхитительно мягкое кресло. Для Грязи это слишком. Через

[1] Презрительная кличка австралийцев *(примеч. пер.)*.

несколько минут начнется всеобщая паника, и цивилизация на планете погибнет. Он уже много раз наблюдал такое.

Речь как всегда срабатывала, именно потому она и была РЕЧЬ! Айдоу с любовью поведал миллионам слушателей об армадах космических кораблей-завоевателей, которые летят в глубинах пространства, чтобы превратить их родной мир в радиоактивный шлак, о дождях из раскаленной лавы, о вулканах, об огромных приливных волнах, несущих с собой смерть, разрушение и голод! Ура-а-а!

Речь была соткана как единое полотно из нитей ночных кошмаров, и Айдоу в свое время охотно заплатил за то, чтобы эту Речь ему записали. Убив автора сразу по окончании работы, он вернул все свои деньги. Убийство — вот единственный разумный способ вести дела с писателями. Теперь же ему даже не приходилось читать Речь — он знал ее наизусть.

«Ах, — подумал довольный гуманоид, — грязеландцы наверняка уже посходили с ума. Произойдут разрушения, пожары, на улицах появится боевая техника, начнутся насилия, убийства, самоубийства. И каждый акт насилия будет с любовью записан на пленку регистрирующими устройствами, чтобы потом мы могли спокойно насладиться зрелищем».

Голубое существо поежилось от подступающего экстаза. Конечно же тот факт, что никакого космического флота не существовало и что Айдоу и его экипажу было не под силу уничтожить планету никаким иным способом, кроме как съев ее, ровным счетом ничего не значил. Глупые грязеландцы-то думают, что они могут! Айдоу погрузился в приятные мысли о жестоком и кровопролитном конце планеты и был на грани оргазма, когда оглушительный рев вырвал его из состояния мечтательной задумчивости.

— Скви! — рявкнул Гастерфаз, заметив подмигивающий индикатор на своей панели. — Кто-то проник в твою комнату!

— В мою комнату? Там же моя коллекция! — взвизгнул ящер, немедленно осознав, чем это грозит. — Примитивные создания захватили мою коллекцию оружия!

Айдоу икнул. Сначала одной глоткой, потом другой. «Клянусь волосами в носу Первого Строителя, это оказалось то еще путешествие!»

— Г-гастерфаз, направь своего биоробота в каюту Скви. Прикажи роботу убивать всякого, кого он увидит. Нет, не так.

Пусть убивает все, что движется! Грязеландцы не должны получить это оружие.

Несмотря на то, что большое количество экспонатов были старинными, они прекрасно действовали и были настолько мощными, что представляли собой серьезную угрозу.

— Сколько времени еще будет разогреваться газ «Омега»? — перебил Бозтванк, чуть не выкопав самого себя с корнями, ибо все это время он нервно ковырял почву в своем блюдце. Жирный чернозем не прилипал к силовому полю, из которого состояли конечности гриба.

— Триста секунд, — проворчал охранитель.

— Слишком долго! — завопил гриб и, закрутившись волчком, протянул одну руку и нажал на кнопку на техпосту Гастерфаза. Хоронец в ужасе попытался оттолкнуть полупрозрачную руку, но силовое поле не поддалось даже его силе.

— Остановись, глупец! Газ еще не согрелся!

— Смерть! — проскрежетал бортинженер, утрачивая последние крохи разума. — СМЕРТЬ — СМЕРТЬ — **СМЕРТЬ**!!!

9

— Эй, слизняк, по-английски сечешь? — спросил безволосый гигант и направил на Трелла свое оружие с таким широким стволом, что в нем мог свободно поместиться нос техника. Собственно говоря, его нос уже почти был внутри ствола.

Прежде чем ответить на вопрос, технику пришлось сглотнуть. Только недавно Скви предупредил его о том, что грязеландцы ухитрились вырваться из испытательной камеры, и вот он встречает их буквально на пороге каюты коммуникатора. Огромный и вонючий гуманоид, единственным достоинством которого было отсутствие волос, без усилий оторвал Трелла от пола и швырнул в каюту.

Трелл был сбит с толку разнообразием размеров, форм и цветов аборигенов. Единственной общей чертой в их внешности были угольно-черные доспехи из шкур животных, наброшенные на плечи. Треллу очень понравилась эта одежда, но когда маленький грязеландец со смешно торчащими зубами повернулся, он увидел разукрашенную спину.

Трелл снова судорожно сглотнул. Да, он попал в руки примитивных существ.

Чужак показался «Зашибалам» таким же невысоким, как и Шлямбур, таким же лысым, как голова Лома, и вдобавок зеленым, что их нисколько не удивило. Очевидно, чужак был родом с Марса.

Трелл был одет в желтовато-белую хламиду, обернутую вокруг тела, так что все четыре руки его оставались неприкрытыми. На ногах у него были надеты ботинки из мягкого пластика. Талию его перехватывал широкий пояс со множеством карманчиков и желтоватой запаянной коробочкой. Курок обыскал чужака на предмет оружия, но, если оно у него и было, спрятанное между инструментами, он его не обнаружил.

— Да, я понимаю ваш язык, — произнесла коричневая коробочка-коммуникатор, укрепленная на поясе.

Устройству потребовалось несколько секунд, чтобы перевести не понятный Треллу язык, а затем повторить для него вопрос на инфразвуковой частоте, на которой общались между собой сородичи Трелла.

— Мое имя Трелл. Я есть техник. Не убивайте меня, и я стану верно служить вам изо всех моих маленьких сил.

Курок, зацепившись большими пальцами за широкий, испещренный заклепками и шипами пояс, подумал, что чужак демонстрирует достаточную покорность и может многое для них сделать. Он ободряюще улыбнулся — он любил покорность в других.

Главарь сделал Лому знак выпустить чужака. Лом с готовностью повиновался, тщательно вытерев пальцы о чумазую майку. «Тьфу ты, мерзость!» — подумал он.

Маленькое, словно отлитое из резины пресмыкающееся на ощупь напоминало невытертую грифельную доску. Ему было невдомек, что то же самое подумал о нем и член команды чужого космического корабля.

Курок вытащил свой кольт и с элегантным простодушием повел стволом в сторону стеллажей, где под колпаками из небьющегося пластика поблескивали пирамиды страшного оружия.

— Открой замки или умрешь, — сказал он.

— Ладно! — легко согласился Трелл и отпер первую витрину своим универсальным ключом.

«Кровавые Зашибалы» с энтузиазмом расхватали антикварные винтовки и терпеливо выслушали объяснения Трелла, как с ними обращаться. Короткое испытание на переборке подтвердило искренность Трелла. Потянуть то, повернуть это, и можно нажимать на спусковой крючок. Из дула вырвалась стрела многоцветного пламени, и в металлической стене появилось оплавленное отверстие величиной с кулак.

Бандиты с нежностью гладили свое новое смертельное оружие. Что-то скажут «Команчи» с 95-й Стрит, когда поближе познакомятся с этим. Судя по результатам первого короткого испытания, оружие должно было произвести на них сногсшибательное впечатление.

«Зашибалы» забрали с собой столько оружия, сколько могли унести. Каждый из них закинул за спину по два лазера, сжимая третий в руках. Банда была вооружена и готова к войне. Только Шлямбуру, учитывая его ограниченные умственные способности, вручили автоматический пистолет Курка, так как главарь мудро решил, что Шлямбур вряд ли запомнил все объяснения их странного наставника.

Бегло осмотрев стеллажи, чтобы не пропустить чего-нибудь интересного, Курок спросил у техника о гранатах. Треллу потребовалось некоторое время, чтобы усвоить совершенно новую для него концепцию портативного оружия, которое взрывается после броска. Подумав, он ответил отрицательно. Таких устройств для поражения живой силы в арсенале не было.

По команде Курка Лом выглянул в коридор и проверил, чист ли горизонт. На него никто не напал, и банда покинула склад оружия. Прежде чем закрыть за собой дверь, Бур обернулся и полоснул из лазера по витринам, уничтожая все экспонаты, чтобы ничто здесь не могло быть обращено против них.

— Куда теперь? — спросил Лом у своего босса *pro tem*[1].

— На мостик, — решил Курок, предполагая, что именно там спрятались их мучители.

— Куда? — переспросил Трелл, лихорадочно вертя рукоятки настройки коммуникатора.

На борту корабля не было никаких искусственных сооружений для преодоления водных преград. Курок беспомощно замахал руками.

---

[1] *Pro tem (роге) (лат.)* — до поры до времени, пока.

— Мостик, — повторил он. — Ты понимаешь... передняя парта, главная контора... водительское сиденье... — он растерялся. Курок никак не мог объяснить чужаку, чего он от него хочет.

Ко всеобщему удивлению, создавшееся положение спас Шлямбур.

— Отведи нас туда, где твой босс сидит на своей заднице, — сказал он.

Это Трелл понял без труда.

— Следуйте за мной, господа, — промолвил зеленый чужак и уверенно повернул налево.

«Зашибалы» крались вдоль коридора, держа оружие наготове, когда внезапно из отверстий в стенах, которые они ошибочно приняли за вентиляционные шахты, начала поступать какая-то густая, вишневого цвета грязь, с шипением прожигающая пластик пола до сверкающего металлического основания. От страха прижатые уши Трелла встали торчком.

— Клянусь тестикулами Первого Строителя — газ «Омега»! Вж-ж-ж-и-и-и-и! — пришелец взвыл так, как взвывает заводящаяся бензопила. — Скорее к шлюзам!

«Кровавые Зашибалы» не имели ни малейшего понятия, что за мерзкий студень расплескался по полу, но последовали примеру странного зеленого приятеля.

— Не прикасайтесь к нему! — прокричал Трелл.

Казалось, он не прыгал через многочисленные реки и ручейки вишнево-красного клейстера, а отскакивал от палубы словно мяч из литой резины. Несмотря на тяжелые ботинки, которые тянули их вниз, бандиты старались не отставать, следуя его разумному совету.

Повернув вправо, Трелл поскакал дальше по коридору, и «Зашибалы» поскакали за ним, стараясь не потеряться в лабиринте коридоров. Очередной правый поворот привел их в тупик, торцевая стена которого была украшена серебристым овалом размером с тело человека. Трелл торопливо нажал на поверхность этого овала в четырех местах, дверь отъехала в сторону, и «Кровавые Зашибалы» ринулись в открывающийся проем, чуть не затоптав при этом маленького техника. Выбравшись из-под груды тел, пришелец поспешно нажал на черную пластину на стене. Дверь воздушного шлюза захлопнулась и уплотнилась. На мгновение тьма окутала окружающее, потом под потолком зажглись утопленные в панели лампы.

— В безопасности, — вздохнул Трелл. — Наконец-то мы в безопасности.

Помещение, в котором они оказались, представляло собой правильный параллелепипед, стены которого были сделаны словно из некрашеного железа. Вдоль боковых стен выстроились металлические шкафчики, дальняя стена была голой, если не считать такого же серебристого овала выходной двери. Кроме Трелла и «Зашибал», в помещении шлюза ничего не было.

— Ты уверен, что мы находимся в надежном месте? В безопасности? — уточнил Бур, слегка задыхаясь, ствол его лазерного карабина шарил по сторонам на случай непредвиденных обстоятельств.

— Пока — да, — сообщила коробочка на поясе чужака. — Газ «Омега» не сможет сюда проникнуть. — Трелл постучал по металлической двери лишенным ногтя пальцем. — Воздухонепроницаемо. Никаких органических деталей. Газ не проникнет.

Курок удовлетворенно фыркнул.

— Газ? Какой газ? — спросил он. — Ты имеешь в виду это виноградное желе снаружи?

Даже при переводе поэтичное сравнение донесло смысл сказанного до чужака.

— Да, это гель, — пояснил техник, — они слишком поторопились выпустить его, и он еще холодный. Но когда он разогреется... Пух! — и ты мертвый.

Лом с издевкой приподнял верхнюю губу.

— Подумаешь, важность, — саркастически хмыкнул он. — Пошли, раскидаем этот хлам.

— Угу, — тут же согласился Шлямбур.

Он был настолько испуган, что от страха чуть не выскакивал из ботинок. Единственной причиной, по которой обувь еще держалась у него на ногах, было то, что он носил ботинки на размер меньше, чем нужно. — Пошли.

— Заткнись, — проворчал главарь. — Мы никуда не идем.

Шлямбур выпятил подбородок.

— Да, — преданно отрапортовал он, делая быстрый поворот кругом. — Мы не идем.

Лом повернулся лицом к предводителю, схватившись за рукоять похищенного лазера. Двое зашибал придвинулись ближе, пытаясь защитить своего вожака, но Курок взглядом остановил

их, пока они не прикончили бывшего мотоциклиста. Лом направил на него лазер, но Курок отважно встал прямо перед ним.

— Ну? — спросил Курок угрожающе тихо.

Бывший мотоциклист попытался выдержать взгляд противника, но не смог и отвел глаза. Курок немедленно этим воспользовался и изо всей силы ткнул Лома в живот стволом своего ружья. Лом всхлипнул от боли. Все получилось не так, как он планировал, а открытая стычка всегда была ему не по плечу. Лом медленно опустил оружие, несколько секунд спустя Курок сделал то же самое.

— У нас же пушки, каких никто никогда не видел, — заговорил Лом, стараясь звучать убедительно. — И теперь у нас есть шанс выбраться отсюда. Чего же мы ждем? — он указал на Трелла грязным пальцем. — Ты слышал, что он говорит? Эта красная штука убьет нас быстрее, чем чистый дайкири. Зачем же нам тут оставаться? Давайте смываться, пока целы.

— Никто не смеет убить «Зашибалу» и оставаться при этом в живых, чтобы хвастаться этим, — отчеканил Курок. — Эти марсианские вонючки прикончили двоих из нас, а ты хочешь смазать пятки? Цыплячий ублюдок, ты хочешь простить им кровь «Зашибал»?

Курок знал, что Бур и Шлямбур верны ему на сто процентов, но хотел сохранить и этого парня. После гибели Лобзика бывший мотоциклист был самым сильным в банде и в случае, если дело дойдет до рукопашной, мог оказать им неоценимые услуги. Во всяком случае, если Курок не повернется к нему спиной.

Лом понял, что Курок что-то задумал, но не мог понять — что, и решил стоически перенести выволочку.

— Да, ты прав, — вымолвил он, подкрепляя свои слова неестественной улыбкой. — Никто не должен нас поливать помоями. Пойдем и оторвем этим психам головы.

— Рад, что ты согласен, — с усмешкой сказал Курок, в то время как Бур и Шлямбур встали по сторонам, держа оружие на виду.

— Ты, как твое имя-то?

Трелл внезапно осознал, что к нему обращаются, и уважительно приподнялся с пола.

— Трелл. Трелл-дезамо-Трелл-ика-Трелл-форзуа-Младший.

Курок некоторое время пытался разобраться в этом нагромождении звуков.

— Я думаю, мы станем звать тебя просто Трелл, — рассудил он.

Трелл смиренно пожал плечами. Это все же было лучше, чем Младший.

— О'кей, Трелл-малыш, скажи нам, что будет, если твой газ «Омега» попадет сюда? Может быть, можно просто задержать дыхание или сделать что-нибудь вроде этого?

Трелл поежился, этот жест имел у его расы точно такое же значение, как и у людей.

— Газом Омега не обязательно дышать, — объяснил он. — Достаточно, чтобы он попал на кожу, и ты — мертвый. Пух!

Опять «пух!»!

— Ладно. А можем мы выбраться наружу и зайти с другой стороны? Например, взобраться на мостик через окно?

— Нет, сэр. Охранные роботы распылят нас на атомы, как только мы выйдем наружу. Если используется газ «Омега», значит, корабль защищен по классу А. Выбраться невозможно.

— Да, для прогулки это чересчур, — неискренне рассмеялся Бур.

Курок не обратил на него внимания, стараясь оставаться спокойным и хладнокровным.

— Пойманы, как крысы, — прошептал Шлямбур, всерьез обеспокоенный. «Ох, — подумал он, — если бы только мой Боуи был со мной, тот самый, которым мама пыталась зарезать папу. Он всегда приносил мне удачу».

Курок дружески потрепал его по плечам.

— Отлично. Тогда мы нападем на них, — вымолвил он. — Эй, ты! В шлюзе есть космические скафандры?

Транслятор Трелла перевел непонятное слово как «мобильные доспехи, защищающие от воздействия окружающей среды».

— Разумеется, сэр.

— Покажи.

Техник подумал, что понял замысел волосатого грязеландца, и попытался объяснить, почему этот план не сработает.

— Космические костюмы не могут защитить от газа Омега. Некоторое время они продержатся, но в конце концов газ разъест сочленения и проникнет внутрь.

Курок оскалил зубы в самой зловещей из улыбок.

— Достаточно долго, чтобы мы успели добраться отсюда до мостика? — медленно, с расстановкой произнес он.

Трелл расширил ноздри. Какие умные эти грязеландцы!

Вскочив на ноги, техник принялся ковыряться в содержимом пристенных шкафчиков, попутно обнаружив давно утерянную бутылку с жидкостью для протирки иллюминаторов. Вот где она, оказывается, была все это время!

* * *

Вытянув губы, командир Айдоу плюнул в землю, из которой торчал Бозтванк. Гриб с отвращением отшатнулся от него, и его летающее блюдце врезалось в металлический край его техпоста, но впервые за весь год старый мухомор потерял дар речи. Айдоу же, напротив, не сдерживался.

— КРЕТИН! — проорал он в два горла. — ПРЕЗРЕННЫЙ ДУРАК! Холодный газ Омега! Мы хотим их убить, а не просто испортить им настроение.

— Они живы. — Гастерфаз был немногословен. — Они нашли прибежище в четвертом шлюзе. Должно быть, Трелл показал им, как открыть люк.

— Трелл... — выдохнул бортинженер, готовый от ярости разорваться на части. — Это все он виноват.

Командир Айдоу быстро пересек командную рубку и с силой треснул гриба по мясистой шляпке. От удара Бозтванк закачался из стороны в сторону, и голубокожий гуманоид ударил его еще раз, и еще... Вскипев, гриб бросился на командира, пытаясь вцепиться ему в горло своими силовыми полями, однако Айдоу успел включить укрепленный на поясе генератор защитного поля и теперь хохотал, глядя на тщетные усилия Бозтванка, пытавшегося прорваться сквозь невидимый барьер, — на борту этого корабля каждый имел на поясе такое устройство.

Поняв всю тщетность происходящих событий, объятый ненавистью гриб метнулся обратно к своему техпосту, включил свои силовые поля на полную мощность и вырвал из пульта помятую металлическую панель. С зычным воплем он метнул стальную квадратную пластину в своего обидчика. Смертоубойная железяка без помех пронзила силовое поле Айдоу и попала бы голубому гуманоиду точно в горло, если бы в считанных сантиметрах от цели ее не поймал своей каменной рукой

Гастерфаз. Смяв в кулаке стальную пластину, словно бумажку, хоронец небрежно бросил ее на пол, где она, зазвенев, откатилась в угол. Всем своим гигантским телом Гастерфаз вклинился между бойцами, разделив их живой каменной стеной. Гриб и голубой командир, пытаясь увидеть друг друга, суетились с разных сторон его огромного тела, и поэтому никто в рубке не заметил, как открылась и снова закрылась дверь шлюза номер четыре.

— Сначала убьем грязеландцев, потом будем драться между собой, — прогудел хоронец таким тоном, который исключал все дальнейшие дискуссии.

Бойцы неохотно вернулись к своим рабочим местам. Скви также занялся своей аппаратурой, хотя за секунду до этого готовился прийти на помощь командиру. Это не осталось незамеченным со стороны Бозтванка, который буквально пылал от ненависти. Неспособность достичь той блаженной кульминации, свойственной его виду, чтобы отдать земле жизнеспособные споры, а также долгое воздержание уже давно сказались на его разуме: даже по меркам своего собственного народа Бозтванк был сумасшедшим.

В мрачном молчании гриб исследовал обнажившиеся внутренности своего техпоста, оценивая повреждения и часто поливая себя розовой водой. Он с радостью убил бы их всех, если бы ему представилась возможность. Затем Бозтванк сдержанно улыбнулся: разве возможности ищут? Их надо создавать самому. Айдоу опустился в свое кресло.

— Гастерфаз, направь бороботa к шлюзу № 4 и прикажи ему убивать всех, кого увидит. Но, если это возможно, пусть спасет Трелла.

Каменный титан попытался что-то сказать, но Айдоу не дал ему этой возможности.

— Я понимаю, что для твоей машины это слишком сложно, но это даст Треллу шанс.

— Хорошо, командир.

Командир Айдоу казался внешне невозмутимым, словно его никак не касалось то, что только что произошло, но на самом деле он был погружен в мрачные раздумья. Когда они наконец уберутся с этой отвратительной планеты, он убьет этого поганого гриба медленно и с удовольствием, одним из множества способов, которые его охочая до пыток и мучений раса разработала

за тысячелетия. Вот только где ему достать кусок проволоки и яблоко?

* * *

В шкафу воздушного шлюза висело только пять скафандров, по одному для каждого члена банды и для Трелла, который конечно же шел с ними в качестве туземца-проводника.

Шлемы были сделаны из твердого, прозрачного пластика, который звенел как хрусталь, если по нему постучать. Трелл всерьез советовал не насвистывать вблизи от них. Башмаки и перчатки были сделаны из металла, а собственно костюмы — из грубой и жесткой ткани, шершавой снаружи и гладкой и шелковистой внутри. Костюмы были ярчайшего неоново-оранжевого оттенка, и Трелл объяснил, что это было предусмотрено для того, чтобы скафандр был хорошо заметен на фоне белого корпуса корабля. Бур, который спросил о цвете, удовлетворенно кивнул. То, что костюмы были ярко-оранжевыми, оказалось вполне логичным. По крайней мере, странные костюмы не были белыми.

В своих взятых взаймы костюмах «Кровавые Зашибалы» выглядели довольно неловкими, так как только костюм Айдоу был похож на человеческий, и Курок взял его себе. От костюма исходил странный запах, но в общем скафандр подошел главарю.

С остальными бандитами дело обстояло гораздо хуже.

Костюм Лома свешивался с него многочисленными складками. Покрой скафандра был вполне человеческим, только очень большим, и Лом должен был бы чувствовать себя в нем как мальчишка в отцовском пальто, однако это сравнение не пришло в его голову, ибо он не только не помнил отца, но и не знал его имени.

Скафандр Шлямбура плотно прилегал в талии, на перчатках не хватало пальцев, а сзади был пришит какой-то дурацкий рукав, который свешивался с его задницы и волочился по полу до тех пор, пока он не догадался повязать его на шею, как косынку.

Самый скверный космический костюм достался Буру. По форме он напоминал сплющенный купол с тремя ногами, к тому же что-то время от времени брызгало ему в лицо противной

розовой жидкостью. Трелл объяснил Буру, что розовая жидкость необходима для поддержания жизни того вида живых существ, для которых был предназначен этот скафандр, и поэтому разбрызгиватель нельзя отключить.

— Это воздух? Пища? — предположил Бур.

Трелл покачал головой.

— Нет. Они просто любят это.

— А, наркотики! — догадался Бур.

— Не совсем, — опроверг его упорный техник. — Им нравится, когда брызгает розовым.

Сначала Бур пытался уклоняться от струи, но розовые брызги настигали его. Вскоре он почувствовал, что ему нравится цвет жидкости и успокаивающий эффект, который она на него производила, и поймал себя на том, что с нетерпением ждет следующей дозы. Это было так приятно!

— Готовы? — чеканно спросил Трелл, механический голос его коммуникатора заглушался толстой тканью костюма.

— Готовы, — проговорил Курок, крепко сжимая винтовку. В этих дурацких металлических перчатках держать оружие было довольно трудно.

Техник отворил стальную дверь шлюза, и внутрь комнаты потекли струйки пурпурного тумана, постепенно наполняя ее. Все напряглись, но, когда ничего не произошло, осмелели и высыпали в коридор. Повсюду кружились облака смертоносного газа.

— Держитесь поближе ко мне, — попросил маленький пришелец, и они тронулись в путь. У них было не слишком много времени, чтобы добраться до командной рубки и решить этот вопрос раз и навсегда.

Трелл всем сердцем был на стороне грязеландцев. Его собственные товарищи по команде в довершение к тому, что они над ним вытворяли, на этот раз попытались его прикончить. Его! Мастера-техника Трелла! Мог ли кто-нибудь придумать нечто худшее?

Полагаясь на свое близкое знакомство с устройством корабля, Трелл вел «Кровавых Зашибал» по заполненным газом коридорам. Уличная банда следовала за ним по пятам, словно оранжевые призраки на параде. Пурпурный газ становился все гуще, и по мере того как они уходили все дальше в глубь корабля, видеть становилось все труднее и труднее.

— Быть может, повернем здесь? — осторожно спросил Курок, наклоняя свой шлем в правую сторону, где от коридора, по которому они шли, ответвлялся какой-то узкий проход.

— Нет, сюда, — поправил Трелл, и «Зашибалы» повернули налево. Вскоре их оранжевые костюмы исчезли в водоворотах красного тумана.

Через несколько секунд из узкого прохода, куда они не повернули, выплыл какой-то массивный темный предмет, напоминающий бегемота на гусеничном ходу. Массивные траки грохотали по полу, как далекий гром. Машина послушно просканировала пространство перед собой, готовая уничтожить все, что шевельнется, в особенности Трелла, так как боеробот рыскал по кораблю с приказом «найди и убей». Смертельный газ свободно обтекал его металлическое тело, не в силах причинить вреда неорганическому веществу, и боеробот исчез из вида, неуклонно приближаясь к шлюзу номер четыре.

* * *

Лом на ощупь приблизился к Курку.

— Что у тебя за план, Курок? — спросил он.

— Найти мостик, взорвать дверь и перебить всех, кто попадется на глаза.

— Хороший план, — одобрил Лом и отстал.

«Пусть Курок пока ведет нас, — мелькнула у него дерзкая мысль. — В драке обязательно кого-нибудь случайно подстреливают. Насмерть». — И он улыбнулся.

Вслед за бывшим мотоциклистом из тумана возник Бур.

— Курок... — сказал он заговорщическим тоном, собираясь предупредить главаря о своих подозрениях.

— Я знаю, — перебил Курок. — Он нам пока нужен. Но потом...

— Будь настороже, — предупредил Бур и ловко подставил лицо под очередную порцию розовых брызг.

После долгого, почти бесконечного пути сквозь кружащиеся водовороты тумана, сквозь коридоры, тоннели, площадки и лесенки, Трелл остановил колонну грязеландцев в самой середине какого-то помещения.

— Вот то место, которое вам было нужно, — объявил он, экспансивно обводя руками коридор, в котором они стояли. Сбитые с толку бандиты огляделись. Этот коридор существенно отличался от белых коридоров остальной части корабля. Вместо гладких стен этот коридор был оплетен множеством трубочек, проводов, кабелей, трубопроводов, которые то сходились к маленьким плоским коробочкам, то снова разбегались по сторонам. Все это, разумеется, было белого цвета. Но нигде не было видно ничего похожего на дверь. Только красный туман и оранжевые скафандры.

— Ты хотел нас надуть? — осведомился Курок, хватая Трелла за ворот скафандра и поднимая его высоко в воздух. Коммуникатор на поясе техника не смог перевести этот оборот речи, но жест был достаточно красноречив.

— Нет, нет, клянусь! — в страхе забормотала коробочка переводчика. — Это и есть тот мостик, который вы хотели найти. — Трелл беспомощно барахтался в воздухе. — Это не стена, это дверь. То, что ее не видно — кажущаяся иллюзия, уловка!

— Камуфляж, да? — догадался бандит, вспоминая старый фильм про войну, который он как-то видел на последнем сеансе. Трелл мелко забормотал ему на ухо что-то утвердительное.

— Ну, ладно.

Главарь банды опустил техника на пол, правда, не слишком вежливо. Затем он поманил своих людей. По команде Курка все трое разом повернули рукоятки своих карабинов, и лазеры запульсировали энергией, хотя раньше только ровно и мощно гудели. Транслятор Трелла забормотал что-то невразумительное.

— Стрелять куда хочешь? — спросил Курок, поднимая к плечу лазерную винтовку. — Или там есть особое место?

— Что? Стреляйте! — воскликнул перепуганный техник. — Датчики безопасности скоро обнаружат ваши лазеры. — Чужак указал на плоскую, кремового цвета коробочку на стене. — Вот! Это запорный механизм. А теперь стреляйте! СТРЕЛЯЙТЕ!

* * *

Гастерфаз застыл перед своим пультом.

— Айдоу, кто-то приблизился к командной рубке с энергетическим оружием.

Голубой командир нахмурился.

— Не думаешь ли ты, что это...

И в это время бронированная дверь в командную рубку взорвалась. Горячие металлические осколки засвистели в воздухе, и грязеландцы в оранжевых скафандрах ворвались в рубку, паля налево и направо из своих лазеров. В поисках укрытия команда попадала под стулья, но светящиеся лучи настигли их еще в полете, и командная рубка осветилась сумасшедшими радугами, когда лучи лазеров отразились от защитных полей пришельцев. Старинные лазерные винтовки были отрегулированы на максимальную мощность, и генераторы защитных полей нуждались в дополнительном питании. Колеблясь на грани самопроизвольного отключения, мерцающая аура вокруг чужаков сначала съежилась, а затем ярко вспыхнула, когда защитные поля начали подпитываться непосредственно от реактора космического корабля. Когда лучи лазеров отразились обратно, лазеры отключились, вместо того чтобы взорваться, и «Зашибалы» обнаружили, что держат в руках не оружие, а нечто столь же бесполезное как пресс-папье из будущего.

Айдоу коротко пролаял неразборчивую команду, и огромный хоронец поднялся в атаку.

Боже! Проклятый инопланетянин был больше, чем все бандиты, помноженные друг на друга. Курок выхватил из рук Шлямбура свой армейский кольт и несколько раз выстрелил в упор, но пули в стальных рубашках, которые могли остановить бегущего быка, лишь с музыкальным звоном рикошетировали от гранитной грудной клетки чудовищного инопланетянина. Уличные бандиты отважно бросились вперед, размахивая бесполезными лазерными ружьями, как дубинками, предпочитая, по крайней мере, умереть сражаясь, но в это время в рубку протекли первые струйки газа Омега. Они беспрепятственно проникли внутрь защитных полей инопланетян и прикоснулись к их живой плоти.

С пронзительным визгом Айдоу и Скви быстро исчезали в клубах пурпурного тумана, таяли, являя собой совершенно тошнотворное зрелище. Сначала исчезали глаза и волосы, потом кожа, мышцы, внутренние органы. Последними растаяли кости, и на полу остались лишь опустевшие башмаки и измятая форма. Каменные члены Гастерфаза просто рассыпались на кусочки и посыпались на пол, когда внутри его гранитного тела раство-

рились углеродосодержащие сухожилия. Потерявшее управление летающее блюдце Бозтванка несколько раз облетело рубку и брякнулось на землю, в том месте, где когда-то рос гриб, осталась в почве лишь зияющая, дурно пахнущая дыра.

Растерявшиеся «Зашибалы» вдруг обнаружили, что в командной рубке космического корабля никого нет, кроме них, Трелла и пурпурного газа Омега. После яростного начала битвы бандитам понадобилось некоторое время, чтобы понять, что они победили.

— Сукины дети, — Бур улыбнулся и прислонился к белой стене. — Сукины дети, — повторил он с облегчением.

10

В двенадцати секундах над орбитой Плутона, оставаясь на одинаковом расстоянии от планеты Грязь и ее светила, плыл в звездной пустоте небольшой золотой куб, который по сути являлся шаром, но был приведен к кубическому виду для лучшего соответствия с формой упомянутого ранее рефрижератора. Для непосвященных он выглядел довольно безобидно, хотя одного только цвета было достаточно, чтобы угадать в нем мощный космический корабль. Всякому жителю галактики Млечный Путь это было ясно с первого взгляда. Из-за прямой взаимосвязи между цветом и скоростью, существующей в гиперкосмосе, этот суперскоростной цвет мог принадлежать исключительно суперскоростному космическому кораблю Великих Золотистых, Стражей Галактики.

Патрульный корабль Золотистых регулярно прощупывал Солнечную систему своими мощными сенсорами в поисках признаков несанкционированного вторжения, а его многочисленное вооружение всегда было готово к немедленному использованию. Среди этого вооружения были гиперэнергетический обнулитель, который мог заставить угоняемую планету резко, со скрипом затормозить (если кто-то завел ее без ключа и движется на первой передаче); всемогущие глушители силовых полей, которые могли раздавить любую крепость, как скорлупу яйца, и наоборот, в зависимости от обстоятельств; а также телепатическая пушка «НУ-КА СТОП!», которая поставила на колени (если

таковые у них имелись) орды космических негодяев, которые умоляли не посылать их в ледяные копи Галоптикона-7 (мифической планеты с ужасными условиями жизни, отвратительным климатом и множеством прожорливых хищных обитателей, в существование которой Великие Золотистые заставили поверить всю галактику).

Когда преступники, приговоренные к каторге на Галоптиконе, обнаруживали, что их запихивают в атомную топку, они воображали, что их адвокатам удалось в последнюю минуту добиться смягчения приговора, и искренне полагали, что на этот раз они легко отделались. Если порой оказывалось недостаточным просто припугнуть потенциальных преступников, то на этот случай по всей галактике были замаскированы среди мрачных астероидов Планетарные Бомбы Золотистых и мощные лазеры, действие которых сравнимо было только со вспышкой Сверхновой. Они никогда еще не использовались, но способны были аннигилировать целую солнечную систему быстрее, чем вы скажете «Это просто шутка!». Закономерный страх перед этим оружием, без сомнения, явился тем основным фактором, который заставил Галактическую Лигу признать авторитет Великих Золотистых.

Великие Золотистые, патрулируя космические трассы, поддерживали в галактике мир и спокойствие, опираясь на мощь своих выдуманных и реально существующих устройств.

Конкретно этот патрульный корабль номер Х-47-Д получил задание защищать планету Грязь и ее коренное население от несанкционированного вторжения. Экипаж корабля, состоящий из двух существ, считал это задание формой наказания за недостаточное рвение при выполнении своего долга (так оно и было); что они ничего не могут с этим поделать (и действительно не могли); и что они просто заняты, так сказать, маршировкой на месте, ибо на планете все было спокойно, как и всегда (тут комментарии и вовсе излишни).

Команда корабля чуть не плакала от тоски, ибо других занятий, кроме как высматривать незаконно вторгшихся чужаков, у них не было. Благодаря гипнотренингу, их подсознание постоянно толкало их на то, чтобы заняться уборкой и чистотой корабля, в результате чего все детали на нем сверкали, как хирургический инструментарий. По этой причине, кстати, вышедшие в отставку ветераны Великого Золотистого Флота превосходно ведут домашнее хозяйство.

В кухонном отсеке золотого куба (пятая палуба, сектор три, вниз по коридору и от арсенала — налево), среди золотых шкафчиков, отполированных до зеркального блеска, и полок со сверкающей желтой кухонной утварью, корабельный Авантор — Впередсмотрящая — на минуту оторвалась от перегонки вечерней порции пищи и убавила огонь под сложной конструкцией из спиральных трубок, реторт, змеевиков и клапанов, что являлось их эквивалентом духового шкафа для тостов. Обладая великолепным гуманоидным телом, женщина была высока ростом — около двух метров, и ее прекрасная фигура служила неоспоримым доказательством отличного здоровья, во-первых, и принадлежности к млекопитающим, во-вторых. Ее кожа и длинные, соломенного цвета волосы, которые свободно ниспадали на плечи, были в точности такого же оттенка, как и ее одежда, так что трудно было определить, где кончается одно и начинается другое. Только глаза Впередсмотрящей выдавали ее неземное происхождение, ибо они были довольно большими, непроницаемо-черными и лишенными зрачков.

Вытерев руки лимонно-желтым посудным полотенцем, Авантор-Впередсмотрящая — ибо таково было ее имя и одновременно звание, повернулась к попискивающему интеркому на стене позади нее и прикоснулась к переговорной пластине, расположенной под маленьким видеомонитором.

— Придется немного подождать с обедом, Семнадцатый, — сказала она приятным низким голосом. — Я не такой умелый повар, как ты.

Предшествуемое яркой радугой, на экране монитора появилось лицо Семнадцатого, ее первого помощника. Невысокий и желтоволосый помощник официально отсалютовал, и Авантор сразу же утратила свое шутливое настроение.

— Докладывай, — сухо приказала она.

— Моя госпожа! Только что получено сообщение чрезвычайной важности от нашего орбитального караульного устройства, запущенного на орбиту вокруг Грязи. На поверхности планеты обнаружен звездолет в рабочем состоянии. Анализ определенно указывает на то, что этот звездолет — «Все То, Что Блестит».

— Корабль Айдоу! — прошептала Авантор, при этом цвет ее кожи стал масляно-желтым. — О нет! Как им удалось проскользнуть мимо нас? Разве наши сканеры не действуют? Насколько ты уверен, что это действительно они?

Помощник Впередсмотрящей отвечал на вопросы по порядку.

— Я не знаю; нет; компьютер считает, что вероятность того, что это они — 99,99%.

Женщина-воительница мрачно кивнула.

— Наша энергия?..

— 9/9, стабильно, моя госпожа.

— Неважно. Повысь до 20/20 и переходи в полетный режим. Подготовь досье на «Все То, Что Блестит» и начинай передавать его мне, пока я буду идти к командной рубке.

Семнадцатый снова отсалютовал ей:

— Будет исполнено, моя госпожа.

С коротким вздохом Впередсмотрящая обняла себя за плечи и добавила:

— Кроме того, подготовься к короткому прыжку.

— Что?! Я имел в виду, будет сделано, госпожа.

Семнадцатый еще раз отдал честь и отключился.

Авантор улыбнулась. Она высоко оценила заботу помощника, однако все неудобства сторицей окупятся, если им удастся поймать за руку Айдоу и его злодействующих приятелей. С этими мыслями женщина торопливо покинула камбуз и направилась к командной рубке по извивающимся золотистым коридорам Х-47-Д. Пока она шла, вживленный в ее мозг компьютер начал принимать информацию об имеющем самую дурную репутацию космическом корабле «Все То, Что Блестит».

* * *

Компьютер готов.

НАЧИНАЙ ПЕРЕДАЧУ.

Начинается подача информации. Выборка из картотеки Айдоу:

Полная техническая документация: время — 184000 сек.

Военный анализ: время — 1 сек.

Теории и дурацкие предположения: время — 994000 сек.

Краткий обзор: время — 300 сек.

КРАТКИЙ ОБЗОР, ПОЖАЛУЙСТА.

Однажды, давным-давно, жил да был один мерзкий негодяй, и звали его Командир Айдоу. Был он так ужасен!..

ВЕРСИЮ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ.

... любопытно отметить тот факт, что Айдоу и его банда во всех своих ипостасях принесли галактике больший вред, чем взбесившаяся Сверхновая. Эти извращенцы и сексуальные дегенераты получают наслаждение, созерцая зрелища насильственной гибели разумных существ, а также вызывая крушение цивилизаций, что они и проделывают довольно регулярно. Их тест на «пригодность к гражданству в Галактической Лиге» стал проклятьем на устах тех антропологов, которым приходится иметь дело с наследием множества молодых планет, испытавших этот тест на себе.

Несмотря на то, что время от времени собрание дегенератов, составляющее команду Айдоу, обновляется, так как многие из них бывают убиты или изловлены, самому Айдоу всегда удавалось каким-то образом ускользнуть, после чего он подбирал себе новую команду и добывал новый космический корабль. Великие Золотистые оценивают его личный возраст в 2000 оборотов планеты, но они не знают этого наверняка. Архив личных дел в его родном городе был уничтожен взрывом неизвестного химического соединения.

СОВПАДЕНИЕ?

Вероятность — ноль.

ПРОДОЛЖАЙ.

По своей природе раса Айдоу, так называемые сазинцы, злобна и жестока. Они получают наивысшее наслаждение от пыток и смертей, и это определяет отношение к ним других рас разумных существ. Их музыка представляет собой модулированные вопли медленно умерщвляемых существ, а если говорить об их сексуальных привычках, то и они не лучше. Единственной причиной, по которой галактика все еще мирится с их существованием, является то, что сазинцы, как правило, практикуют свои болеизвлекающие приемы на своих собственных соплеменниках, кроме того, они обладают способностью производить превосходные по качеству музыкальные центры, хотя демонстрационные диски, прилагаемые к аппаратам, обычно тут же выкидываются в помойку.

Голубокожие собратья Айдоу почитают его в качестве низшего божества, и его позорная известность уступает только славе изобретателя дыбы.

Одним из достойных всяческой похвалы поступков Великих Золотистых, несомненно, может считаться то, что они лишили

сазинцев всех сколько-нибудь пригодных к дальним космическим перелетам летательных аппаратов, ибо как ни удивительно это звучит, но именно Айдоу лично ответствен за три самых страшных несчастных случая, когда Первый Контакт был безнадежно испорчен и привел к печальным последствиям.

История № 1 — Кулгуланцы были мирной расой разумных подвижных растений. Они развились в благородную, лишенную инстинкта жестокости цивилизацию, которая даже не имела в своем языке подходящих терминов для обозначения лжи, убийства и подоходных налогов. Древообразные кулгуланцы, возможно, стали бы расой величайших врачей в истории Вселенной, так как их зеленоватая кровь, похожая на смолу-живицу, обладала свойствами сильнейших антибиотиков и являлась хорошим противоядием. Их похожие на ветки конечности постепенно превратились в тонкие, толщиной с человеческий волос манипуляторы, обладающие фантастической чувствительностью и точностью движений, что давало кулгуланцам возможность проводить сложнейшие хирургические операции без всех этих накладных масок, микроскопов и даже без медицинских инструментов. (Смотри медицинский текст № 474.)

К несчастью, эта цивилизация была обнаружена экипажем корабля Айдоу, и, после того как несколько врачей были насмерть замучены преступниками, кулгуланцы с ужасом узнали о том, что их считают «чересчур жестокими» для членства в Галактическом содружестве. В результате психологического шока, который сопровождался невыносимым стыдом, кулгуланцы начали вянуть на корню, желтеть, терять листву и гибнуть *an masse*[1].

Крушение цивилизации Кулгулана было столь же поэтично-прекрасным, сколь и трагичным. (Смотри текст по ботанике № 1259 — «Величайшая катастрофа», а также литературный текст № 138 «Айдоу Штрейкбрехер» — эпическую поэму анонимного автора.)

Великие Золотистые прибыли на планету лишь несколько дней спустя. Были предприняты отчаянные попытки возродить погибшую расу или хотя бы отыскать несколько уцелевших отростков. Все было напрасно.

---

[1] *An masse (фр.)* — в огромных количествах.

Медицинская справка: в процессе уборки листвы было случайно обнаружено, что если выкурить сигару, свернутую из кулгуланских листьев, то можно добавить себе несколько лет жизни и излечиться от несерьезных, но досадных заболеваний.

Юридическая справка: в настоящее время выкурить кулгуланскую сигару стоит целое состояние, и многие мошенники стали миллионерами, продавая поддельные саженцы кулгуланцев.

История № 2 — рпорРианцы — это довольно неприятная раса эволюционировавших тараканов, которым удалось достичь высокого уровня биотехнологии, когда Айдоу появился на их планете. Подобно всем своим предшественникам, насекомые «провалили экзамены», но вместо того, чтобы в смятении ожидать дня страшного суда и железной саранчи, в виде обещанного Айдоу, но не существующего космического флота, или навсегда загубить экологию своей планеты, превращая ее в огромный плакат с надписью «УБИРАЙТЕСЬ!», как поступили феппаторганцы, перепуганные инсектоиды в страшной спешке соорудили биоорганические звездолеты и ринулись в космос в безумной попытке затеряться среди звезд. Когда в конце концов Великим Золотистым удалось связаться с ними и рассказать им, в какое положение они попали на самом деле, таракашки словно сошли с ума и поклялись отомстить той расе, которая сыграла с ними такую шутку. Однако, так как им не было доподлинно известно, кто конкретно совершил это действо, они решили, что виноваты все расы Галактики и объявили им экономическую войну.

Экономическая справка: рпорРианцы не знают никаких ограничений, лишь только дело заходит о денежном обороте. Они могут закончить завтрак, перехватить управление корпорацией, выдоить ее досуха, выставить на улицу миллионы разумных существ и вдребезги разнести мировую экономику еще до ленча. Затем они через подставную компанию приобретают ставшее невыгодным дело, вливают в него миллиардные кредиты, чтобы спасти его, и пожинают потрясающий урожай. Получив огромную прибыль, они спокойно обедают.

Психологическая справка: аморальные поступки такого рода ставят большинство разумных существ в неловкое положение, но крайне эффективны. Борьба с «клопами»[1] в офисах и компью-

[1] «Клопы», «жучки» *(разг.)* — электронные средства нелегального сбора информации, подслушивающие устройства и т.д.

терных сетях финансовых корпораций приобретает невиданный размах, причем в обоих значениях — клопы ведь тоже относятся к насекомым.

«Если это принесет тебе деньги — делай это!» — таково жизненное кредо рпорРианцев, и они действительно занимаются чем угодно, начиная со сбыта в примитивные миры неработающих моделей звездолетов для движения в гиперпространстве и кончая контролем над игрой в «три карты». В рядах прежде процветавших цивилизаций рпорРианцы пробили изрядную брешь, кризис следовал за кризисом, и исполнительные директора корпораций, как это ни печально, начали выбрасываться в окна своих контор с завидной регулярностью.

Когда инсектоиды принялись торговать поддельными кулгуланскими сигарами, это стало последней каплей, ибо тем самым они недальновидно покусились на монопольные права Великих Золотистых. На этот раз реальная, а не воображаемая армада боевых звездолетов совместно с галактической полицией загнали зарвавшихся букашек обратно на их планету РпорР и воздвигли вокруг кордон из роботов, чтобы удерживать их там. Заслон этот весьма внушителен — толщиной в три планетарных кольца, и роботы имеют приказ открывать огонь без предупреждения. (Смотри военный текст № 2 — «Не раздражай Великих Золотистых!».)

С тех пор рпорРианцы иногда прорываются наружу, но их крайне мало, и поэтому они не доставляют значительных хлопот. Галактика может вздохнуть свободно.

История № 3 — Этот случай плачевного Контакта произошел очень много лет назад, но до сих пор его побочные эффекты продолжают ощущаться всей Галактикой.

Подобно многим другим мирам мирная планета Джии подверглась неожиданному вторжению космических извращенцев. Когда Айдоу уведомил их о том, что их представители не прошли испытания и планета будет уничтожена, радужные и вежливые джианцы, которые до этого события не знали занятий интереснее, чем групповой секс и игра на носовых флейтах, вооружились до зубов и вылетели в космос на примитивных «пароходах» с ядерным приводом, готовые сражаться насмерть, лишь бы защитить свою любимую планету. Каждая минута, проходившая в ожидании всесокрушающего военного флота, которым пригрозил Айдоу, была использована полностью. С бешеной скоростью

были построены большие — и лучшие — звездолеты, а луна была укрыта броней и превращена в неприступную космическую крепость. Буквально за одну ночь эта раса превратилась в ударную военизированную группировку численностью в четыре миллиарда живых существ, вокруг солнечной системы были установлены управляемые черные дыры, а старушки на лавочках были обучены приемам психокинетической войны.

Наконец они разработали собственную теорию и технологию движения в гиперпространстве, и тогда миролюбивые джианцы вырвались на просторы космоса, готовые атаковать атакующих, прежде чем они атакуют.

Сначала они не встретили никакого сопротивления и, организовав подвоз необходимого снаряжения, выстроили в каждой звездной системе, прилегающей к их собственной звезде, по мощной крепости. По пути джианцы встречались с иными расами, путешествующими в космосе, и сначала не без колебаний принялись заключать с ними военно-оборонительные союзы. С течением времени все больше и больше звездных систем подпадали под сферу их влияния, и процесс все ускорялся (Смотри политический текст № 19, «Строительство Галактического Сообщества: эволюционный процесс?».)

Когда наконец им стало известно о наглом обмане, было слишком поздно. Вооруженные патрульные звездолеты джианцев бороздили межзвездные просторы, а джианцы открыли в себе доселе не обнаруживавшуюся склонность совать свои обонятельные органы в дела других.

Так появились Великие Золотистые, непрошеные Стражи Галактики.

Конец краткого обзора.

Пожалуйста, перемотайте на начало.

* * *

«Да знает Первый Строитель, мы не хотим, чтобы это повторилось», — сказала Авантор сама себе.

Отключившись от информационного канала компьютера, она сошла с постоянно движущейся ступенчатой лестницы и целенаправленно зашагала по золотому коридору, который заканчивался

тупиком у оранжевой переборки безопасности, за которой размещалась командная рубка ее корабля.

Назвать это помещение комнатой было бы простым актом вежливости. Чулан для щеток — вот название, которое более точно соответствовало бы размерам этой клетушки, ибо в ней с трудом помещались сразу двое джианцев. Стены и потолок рубки были выкрашены в холодный голубой цвет, что способствовало лучшей концентрации внимания. По периметру комнатки было установлено несколько видеоэкранов, как раз на уровне лица сидящей Впередсмотрящей или стоящего Семнадцатого. В центре рубки был установлен квадратный металлический пьедестал с привинченной к нему спереди короткой металлической скамеечкой и широкой, сложной контрольной панелью на вершине. Рядом с этим сооружением стоял Семнадцатый, его золотистая униформа была вычищена и отглажена гораздо сильнее, чем требовало гипнообучение. Если бы Авантор знала человеческие слова, а она должна была их знать, она назвала бы его солдафоном, ревнителем уставной дисциплины, однако их обоих сослали сюда как раз за ошибки в их профессиональной деятельности.

Рядом с пьедесталом располагалась та цель, к которой стремилась Авантор: массивный, неподвижный ложемент, обитый толстым, мягким материалом, полулежа на котором Впередсмотрящая могла пилотировать корабль буквально собственным задом.

Лишь только Авантор устроилась в кресле-ложементе, Семнадцатый слегка поклонился и отдал честь.

— Мы движемся к планете Грязь с максимальной скоростью, прибытие через 57600 секунд, — сухо доложил он.

— Невозможно, — ответила женщина, чувствуя щекочущее прикосновение в том месте, в котором нейроэлектроды пилотского кресла проткнули ткань одежды и осторожно внедрились в тело. — Приготовься к прыжку.

По-военному четко и быстро Семнадцатый принялся перекидывать тумблеры и подавать энергию к пространственно дезориентированным Q-соленоидам для движения в гиперкосмосе. Пока он был занят этой процедурой, Впередсмотрящая полностью соединилась со своим кораблем и теперь смотрела на мир его камерами, дышала вместе с его установкой регенерации воздуха, а сердце ее билось в такт пульсациям главного реактора. Мысленной командой она вызвала появление внутри

себя трехкамерной решетки, у основания которой замерцали пространственные уравнения. Одновременно Семнадцатый подключил свои навигационные приборы, и внутри трехкамерной решетки замерцали две голубые точки.

— Отсюда... вот сюда, — предположил Семнадцатый и показал пальцем.

— Мы согласны, — сказала женщина-корабль, затем Авантор закрыла глаза и сосредоточилась.

Из всех восьми углов их золотистого куба ударили невидимые потоки энергии, которые прорвали пространственно-временной континуум, и Авантор в который уже раз пережила ощущение, словно тебя растаскивает сразу во все стороны, когда корабль выпал из обычного трехмерного космоса и провалился в душное, серое ничто гиперпространства.

Гиперкосмос был для обостренных чувств Впередсмотрящей как резкая боль, не смертельная, но довольно-таки неприятная, словно просишь взаймы у рпорРианца. Но именно в этом и состояла профессия впередсмотрящего, и женщина, скрипнув зубами, послала звездолет вперед, сквозь горячий вакуум.

— Отклонение от курса — два градуса, — донесся откуда-то голос.

— Исправить и держать.

— Принято, — услышала Авантор свой собственный ответ и усилием воли изменила направление полета корабля.

Несмотря на странную природу этого пространства, многие ведущие ученые Галактики всерьез настаивали на возможности существования и развития в гиперкосмосе специфических форм жизни. Никаких доказательств, однако, найдено не было, вплоть до настоящего времени. Главная трудность как раз заключалась в том, что единственными людьми, способными рассмотреть и подробно исследовать гиперкосмос, были аванторы — посвященные навигаторы, которые направляли космические корабли сквозь безликое ничто одной силой своего искусно тренированного разума, но они были слишком заняты своей работой, чтобы обращать внимание на что-то любопытное за пределами своей задачи — даже если бы таковое и было.

Медленно ползли мучительные секунды. Авантор уверенно держала корабль по курсу, а Семнадцатый внимательно контролировал ее сигналы. Вскоре крошечные голубые точки в трехмерной решетке встретились, запищал зуммер, и Впередсмотрящая

мокрой от пота рукой отсоединила Q-соленоиды. Звездолет снова появился в трехмерном космосе.

Авантор с благодарностью приняла из рук Семнадцатого стакан холодного сока, позволив кораблю продолжить движение по своей первоначальной траектории и медленно излучать в пространство излишнее тепло.

Теперь экраны переднего обзора были наполнены изображением планеты Грязь, которая выглядела довольно привлекательным миром. На этот раз у Впередсмотрящей и Семнадцатого был отличный шанс изловить Айдоу с товарищами, чтобы мир продолжал оставаться таким, каков он сейчас.

А с другой стороны, если они снова упустят этих космических негодяев и еще одна раса разумных существ исчезнет в огненной печи всеобщей гибели... тогда Галактическая Лига, по всей видимости, отдаст приказ Великим Золотистым построить реальный Галоптикон-7, хотя бы просто для того, чтобы сослать туда двух незадачливых патрульных.

11

Гибкие щупальца пурпурного газа проплыли мимо Курка, жадно цепляясь за забрало шлема и затрудняя обзор. Курок раздраженно попытался протереть шлем перчаткой, но металлическая рукавица только размазала по шлему смертельно опасную слизь.

— Это они? — требовательно спросил главарь Трелла, ибо адреналин все еще бурлил у него в крови. — Это они? Все? — повторил он свой вопрос.

Крошечный пришелец проквакал, что — да, все их враги мертвы. Приглушенные крики «Ур-ра!» раздались в рубке, и один из голосов напомнил Курку о деле.

— Не все, — тихо произнес Курок и встретился взглядом с Буром.

Слегка кивнув друг другу, двое бандитов атаковали Лома. Размахивающий руками специалист по замкам выбил лазер из рук испуганного противника. Оружие ударилось о стену и выпало. Стрела радужного огня испарила изрядный кусок палубы. Курок уклонился от размашистого удара слева и сильно ударил

Лома в живот. Шлямбур набросился на бывшего мотоциклиста сзади, отвлекая внимание. Лом пошатнулся, но не упал и ударил Шлямбура наотмашь. Шлямбур отлетел в строну и врезался головой в пол так, что шлем зазвенел от удара. Именно в этот миг Бур и Курок снова бросились вперед.

Вспомнив воздушный шлюз, где они учились пользоваться скафандрами, они схватились за космический костюм, открыв застежку. Передняя часть скафандра раскрылась, открывая доступ к человеку языкам смертоносного тумана. Изрыгнув страшное проклятье, Лом сделал выпад ножом, полный решимости забрать кого-нибудь с собой, но закончить свою атаку он так и не смог. Тихо шурша, словно молитва вполголоса, пустой космический костюм упал на пол, как очень грязное белье.

Бур презрительно щелкнул пальцами над одеждой, а Шлямбур плюнул на него, совершенно забыв про шлем.

— Вот теперь все наши враги убиты, — сухо провозгласил Курок, показывая друзьям кулак с оттопыренным большим пальцем — знак победы.

Трелл судорожно сглотнул, прочищая горло, в которое во время схватки случайно проникла одна из петель кишечника. Очевидно, что Металлический Стержень, предназначенный для Взлома, исчерпал свою полезность по отношению к банде и поэтому... Пух! Но, ради Первого Строителя, Трелл-дезамо-Треллика-Трелл-форзуа-Младший не собирался допустить того же и перестать приносить пользу этим созданиям.

— Если позволите, я устраню газ «Омега», сэр, — обратился он к главарю, в знак покорности наклонив голову.

Курок нетерпеливо махнул ему рукой.

— Давай, пижон, отрабатывай кормежку.

«Именно это я и собирался сделать», — подумал техник, пересекая рубку, чтобы нажать необходимые кнопки на техпосту Гастерфаза.

Медленно всасываясь обратно в вентиляционные каналы, газ Омега — сначала едва заметно, потом все сильнее — начал изменяться. Словно озерный туман, тяжелый газ висел в воздухе слоями, и уровень его все время понижался, по мере того как эти слои исчезали. Наконец, лениво скользя по полу, последние ручейки пурпурного газа выползли из рубки в коридор. Воздух казался чистым. Трелл сверился с показаниями приборов и объявил, что теперь можно снимать скафандры.

— Ты — первый, — бесцеремонно приказал Курок.

Трелл, несколько менее зеленый, чем это было обычно для его расы, медленно расстегнул застежки шлема и слегка приподнял хрустальный его купол, принюхиваясь. Когда он не умер, пришелец расслабился и принялся стаскивать с себя оранжевый костюм. Рассудительные «Зашибалы» тоже разоблачились и, по совету Трелла, спрятали скафандры и лишнее оружие в стенном шкафу.

Бур высвободился из скафандра и блаженно потянулся. Внезапно какая-то мысль посетила его, и он уверенными движениями отсоединил от скафандра Бозтванка разбрызгиватель и прицепил его к отвороту своего кожаного жилета.

Курок наподдал носком своего металлического ботинка то немногое, что осталось от Лома.

— У вас тут есть мусоропровод? — спросил с усмешкой рослый грязеландец.

— Разумеется, сэр, — ответил Трелл, тщательно обдумывая свои следующие слова. — Должен ли я заняться этим до того или после того, как передам вам космический корабль?

Последовало молчание, все трое бандитов повернулись к нему.

«Я так и думал, что это их заинтересует», — мысленно сказал Трелл.

Курок попытался заговорить, но обнаружилось, что не может.

«Сопли Господни! — подумал он. — Мне и в голову не приходило, что этот космический корабль теперь наш! Мы — владельцы космического корабля? Гребаного космического корабля!»

— «Зашибалы»! — громко объявил Курок, становясь в позу оратора. — Наконец-то нам перепал жирный кусок!

— Верно! — с энтузиазмом завопил Бур, размахивая над головой лазерной винтовкой. — «Кровавые Зашибалы» в космосе! Натянем нос НАСА! Ура-а-а! Мы будем очень плохими! Самыми плохими! Хуже, чем... чем «Ангелы»!

Для Шлямбура это прозвучало почти как святотатство. Хуже, чем «Ангелы Преисподней»? Никто не мог быть хуже них. Банда мотоциклистов! Это было как помочиться против ветра, как движение в час пик — непреодолимая сила природы! Но если Курок скажет, что это так, значит, так и должно быть.

Шлямбур широко улыбнулся. Красота! Хуже «Ангелов»! Черт возьми...

— Что теперь, шеф? — спросил с нетерпением Бур, закидывая лазер за плечо.

Что теперь? Планы Курка не заходили пока так далеко. Почесывая в затылке, главарь оглядел пулевидной формы рубку, битком набитую разными приборами и контрольными панелями. Что может космический корабль? Слетать на Луну? Но кому это надо? От этого деньги в кармане не появятся. Все это необходимо серьезно обдумать.

Курок уселся в осиротевшее кресло Айдоу, забросив ноги на панель управления. Трелл поспешно начал блокировать приборы, пока неосторожным движением ботинка главарь не нажал не ту кнопку и не взорвал что-нибудь, в первую очередь, конечно, командную рубку.

— Эй, Трелл-малыш! — позвал Бур, в точности повторив позу Курка. — А ты можешь управлять звездолетом?

Даже людям было понятно, что выражение лица Трелла означает, что он оскорблен. «Управлять звездолетом? — с презрением подумал Трелл. — Я — мастер-техник. Дайте мне время и материалы, и я построю звездолет!»

— Остынь, приятель, — скомандовал Курок, поднимая вверх руки и сцепляя их над головой. — Он же только спросил.

Тем временем Шлямбур, который рылся в карманах одежды убитых пришельцев в поисках чего-нибудь, что можно украсть, обнаружил три металлических пояса, сотканных из тонких серебристых проволок. На каждом поясе была красивая пряжка со множеством выпуклостей и рычажков. «Управлять чтоб...» — догадался Шлямбур, вложив в это умственное усилие чуть ли не все свои мыслительные способности. Расстегивая и застегивая пряжку, он решился нажать на одну кнопочку, просто чтобы проверить, прав он был или нет. Тут же вокруг него образовался словно мерцающий мыльный пузырь. Испуганный Шлямбур отшвырнул от себя пояс, и пузырь полетел вместе с ним.

Металлический пояс с лязгом упал на палубу возле ног Курка, заставив вожака вздрогнуть.

— Что, черт возьми, ты там делаешь, болван? — раздраженно спросил он, поворачиваясь к Шлямбуру.

— Она укусила меня-я-я! — захныкал Шлямбур, пользуясь привычным набором слов, к которым он прибегал всякий раз, когда что-нибудь срабатывало не так, как он ожидал.

— Ну конечно!

Курок встал с кресла и поднял с пола пояс. Мерцающее силовое поле с готовностью пропустило внутрь его левую руку, но правая, в которой Курок сжимал лазер, уперлась в это поле, как в каменную стену. Главарь поменял руки, и та же история повторилась.

— Эй, Трелл, что это за штуковина?

— Персональное защитное поле, — вздохнул Трелл, слегка разочарованный. Он вовсе не собирался рассказывать «Зашибалам» об этих устройствах, ибо они давали ему какую-то защиту от их гнева. — Мои бывшие товарищи по кораблю использовали их для того, чтобы трусливо защитить себя от вашего храброго нападения.

Бур высоко поднял брови.

— Что-то он мягко стелет, а? — с сарказмом в голосе заметил он.

Курок, довольный, осклабился:

— Ну и что с того? Иногда мне нравится, когда мне вылизывают башмаки.

Когда Трелл объяснил, как пользоваться устройствами и что они способны дать, «Кровавые Зашибалы» расхватали пояса и, включив генераторы поля, принялись шутливо дубасить друг друга по головам лазерными ружьями. Постепенно обмен ударами становился все более оживленным, и Трелл предусмотрительно выбрался в коридор, переступив через разрушенную бронированную дверь. Он не желал случайно погибнуть от удара кого-нибудь из гигантов, ибо ему аборигены казались именно гигантами.

— Ах, добрые существа! Здесь полно тонких инструментов, так что, может быть, было бы разумно воздержаться от... — осторожно предположил он, отступая в глубь коридора еще на шаг. — Или перенести ваши упражнения на арену?

— Ну, — с усмешкой произнес Курок. — Поиграли — и хватит.

Задыхающиеся «Зашибалы» прекратили сражение, и Трелл, поколебавшись, снова вошел в рубку и прислонился к стене.

— Проклятье! — выпалил Бур, вытирая лоб красно-белым носовым платком. — Это было великолепно! Отличные штуковины.

Шлямбур беззаботно поигрывал выключателем защитного поля.

— Да, — согласился он совершенно счастливый. — Ништяк.

Курок тоже затянул гибкий металлический пояс вокруг талии.

— Но он действует только против энергетического, лучевого оружия, так? — спросил он.

Инопланетянин еще раз повторил свои инструкции.

«Бесполезно, — подумал главарь. — У копов нет лазеров, и эта штука не защитит меня ни от пули, ни от дубины». Но все же он решил оставить ее. Никогда ведь не знаешь, что тебе пригодится.

Бур подошел к Треллу и дружески обнял пришельца за узкие зеленые плечи.

— Ответь-ка мне на один вопрос, пижон.

Трелл преданно посмотрел на возвышающегося над ним грязеландца:

— Если сумею, сэр.

— Зачем, черт возьми, все здесь выкрашено в белый цвет? — с любопытством поинтересовался Бур. — Стены, полы, потолки, двери. Разве там, откуда вы прилетели, белая краска самая дешевая, или что?

На этот вопрос было нелегко ответить, но Трелл постарался изо всех сил. Тщательно подбирая самые простые слова и термины, он рассказал бандитам о гиперкосмосе, поведал о взаимозависимости между цветом и скоростью, которая существует только в этом удивительном пространстве. Он выбросил всю математику и пытался объяснить вещи предельно просто, но все равно ему потребовалось некоторое время, чтобы рассказать обо всем. Пока он говорил, транслятор хранил молчание. Когда лекция была закончена, транслятор заработал, используя самые понятные для слушателей научные термины.

— Длинное заклинание, — объяснила коробочка на поясе Трелла, — сильное волшебство. Если не белый, корабль не летит быстро.

«Кровавые Зашибалы» вежливо выслушали объяснение и вернулись к рассматриванию приборов в рубке.

Трелл был так потрясен, что лишился дара речи. Невероятная теория движения цвета в многомерном пространстве свелась в паре фраз на чужом языке? Как! Техник вынужден был срочно изменить свое представление о примитивных грязеландцах.

Они явно не были столь примитивны, как он наивно полагал сначала.

Мигающий индикатор на панели Скви заставил Шлямбура в тревоге позвать Трелла. К удивлению пришельца, это оказался входящий сигнал.

— Господин Курок, сэр, — уважительно обратился Трелл к главарю, указывая на мигающую голубую лампу. — Не желаете ли ответить на вызов?

— Вызов? — удивился Курок. Слегка растерявшись, он обвел рукой панель переключателей перед собой. «Как бы это... гм... да и черт с ним. Отвечать на вызовы — забота Трелла», — решил он вдруг.

— Отвечай ты, мистер Мастер-техник.

С напряженным лицом Трелл нажал светящуюся кнопку, включая обзорные экраны. Экраны ожили, замерцали, и вдруг показали просторную, обшитую деревом комнату, в которой были установлены пять компьютерных консолей. За компьютерами сидела компания людей, в которых бандиты мигом определили Толстые Кошельки. Среди них был верзила-футболист в форме генерала; два университетских профессора — седой и в голубом костюме и очкастый с усами в дорогой серой тройке; томная восточная цыпочка в цветастом платье и смуглый парень в костюме с чужого плеча. Седой профессор начал что-то говорить, и динамики экранов заухали, словно слон, насилующий «Фольксваген».

— И вам того же, — ответил Бур, враждебно высовывая язык в сторону экранов.

Транслятор заткнулся. Довольно быстро он гармонизировался с языком говорившего и начал переводить слова. На этот раз перед ним стояла довольно сложная задача перевода с английского на английский.

Курок зло пялился на экран.

— Что это еще за клоуны? — осведомился он хмуро.

* * *

Группа Первого Контакта обменялась недоуменными взглядами. Генерал Бронсон церемонно вытащил изо рта сигару и задал вопрос, который вертелся на языке у каждого из них:

— С каких это пор уличные шакалы заговорили, как сам Принц Уэльский? — проворчал он.

— Я ПОВТОРЯЮ, — повторил настенный монитор, — ПОЖАЛУЙСТА, СКАЖИТЕ, КТО ВЫ?

Сигерсон решился ответить:

— Я — профессор Раджавур, начальник Группы Первого Контакта Организации Объединенных Наций, — он указал на остальных членов группы. — Рядом со мной — генерал Бронсон, доктор Ву, сэр Кортни и доктор Малавади. Мы — официальные представители Земли. С вами все в порядке? Что случилось с пришельцами?

— НАМ НЕ ПРИЧИНИЛИ ВРЕДА... В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ СИТУАЦИЯ ПОЛНОСТЬЮ КОНТРОЛИРУЕТСЯ. ВЫНУЖДЕННЫЕ ЗАЩИЩАТЬ СВОИ ЖИЗНИ, Я И МОИ ТОВАРИЩИ УБИЛИ ПРЕСТУПНИКОВ, КОТОРЫЕ НАС ПОХИТИЛИ... УГРОЗЫ СО СТОРОНЫ ПРИШЕЛЬЦЕВ БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ... ДАННЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ ТЕПЕРЬ НАХОДИТСЯ ПОД НАШЕЙ КОМАНДОЙ...

Услышав эти слова, весь мир взорвался радостными криками. Свежие новости заставили всех позабыть о том, что предыдущая передача с космического корабля пришельцев таинственным образом не попала на антенны теле- и радиоприемников. «Кровавые Зашибалы» спасли Землю! Гип-гип ура-а! Исторические враги бросились друг другу в объятия и стали покрывать друг друга поцелуями: полицейские и преступники, белые и черные, арабы и евреи, демократы и республиканцы. По всему земному шару гудели клаксоны автомобилей, хлопало и пенилось шампанское, звонили колокола в церквях и храмах — человечество праздновало счастливое избавление от опасности, которая казалась совершенно неотвратимой.

В своем глубоком подземелье члены Группы Контакта остались равнодушными и безучастными ко всеобщей радости, ибо их мозги были заняты разрешением одного таинственного вопроса. При помощи наушников и микрофонов члены группы быстро посовещались.

— Переводящее устройство? — выдвинул свое предположение доктор Малавади. — Неужели оно все еще действует?

Доктор Ву издала какой-то резкий звук.

— Я полностью согласен с Юки, — медленно произнес сэр Джон. — Если устройство уцелело, то почему оно превращает

уличное арго, перенасыщенное идиомами, в разговорный английский?

— Вышло из строя, — предположил Бронсон. — Получило повреждение во время насильственного захвата корабля бандитами Курка.

— Логично, — прошептал Раджавур. — Но нет, я все же так не думаю.

— Значит — телепатия, — мягко предположил еще одно объяснение Мохад. — Устройство настроилось в унисон со своими новыми... хозяевами.

Это была действительно неприятная мысль. Понимает ли шайка, насколько выигрышна их позиция?

Доктор Ву потянулась к телефону на своей консоли, но аппарат зазвонил прежде, чем она успела к нему прикоснуться. Китаянка некоторое время слушала, потом неприязненно сказала «нет» и положила трубку на рычаг.

Раздраженно фыркая, генерал Николаев тоже положил трубку. В глубине своей души он еще надеялся, что российская ионная пушка сможет пробить силовой защитный экран вокруг корабля пришельцев. У него оставалось все меньше и меньше возможностей для выбора, и он начинал всерьез подозревать, что в его арсенале ничто, за исключением ядерного оружия, не сможет разрушить этот непроницаемый и невидимый пузырь. Но нет, это оружие приходилось приберегать как последнее средство. Четкие слова военного рапорта зазвучали у него в наушниках связи, но генерал приказал им всем пойти остудить голову.

— Почему в таком случае вы не снимете защитное поле и не выйдете наружу? — начал забрасывать приманку Раджавур. — Вы же герои! Весь мир только и ждет случая, чтобы воздать вам королевские почести... — На лице Курка все еще было написано недоверие, и дипломат торопливо добавил: — И потом, нужно решить вопрос о вознаграждении...

— КАКОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ?.. КОНЕЧНО... И СКОЛЬКО ЖЕ?

Исландец быстро подсчитал в уме и, послав к черту бюджет, сказал:

— По миллиону долларов каждому, тебе и твоим товарищам в качестве компенсации за труды и эмоциональную перегрузку.

* * *

— Ух ты! — выдохнул Шлямбур, пытаясь на пальцах сосчитать до миллиона. У него ничего не получилось, и он воскликнул: — Красота!

— Что слону дробинка, — фыркнул Бур.

Курок был полностью с ним согласен.

* * *

— КОМПЕНСАЦИЯ НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ... МЫ ХОТИМ ПО ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ КАЖДОМУ...

Профессор Раджавур вынужден был призадуматься. Если он согласится, Генеральный Секретарь снова устроит истерику. Раджавур внезапно подумал, что ради этого, пожалуй, стоило сказать «да». Гм...

— Торгуйтесь с ними, — шепотом посоветовал ему сэр Джон. — Если вы им легко уступите, они могут заподозрить неладное.

— Два миллиона. Это мое последнее слово, — твердо сказал дипломат в микрофон.

— ЧЕТЫРЕ.

— Три, — возразил дипломат. — И полная амнистия за все преступления, которые вы совершили до настоящего момента.

Поступило короткое молчание.

— МЫ УДОВЛЕТВОРЕНЫ... ВЫХОДИМ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО...

«НУ-КА, СТОП!»

Мысленный приказ накрыл Нью-Йорк, и под действием его люди закрутились на месте, как кости на зеленых столах Лас-Вегаса. Стекла разлетелись вдребезги, ружья на сцене выпалили, автомобили врезались в препятствия, убийства прекратились, кражи со взломом были отменены, начались или закончились скрываемые любовные интрижки, а тридцать семь политиков внезапно подали в отставку.

Наполнившиеся слезами глаза открылись как раз в тот момент, когда сверкающий золотой куб размером с двухспальный коттедж приземлился на поляне Центрального Парка совсем

близко от белого шара. Странная парочка сильно напоминала кубик неочищенного сахара рядом с футбольным мячом. В следующий миг на всех видеоэкранах, мониторах, телевизорах появилось прекрасное, неулыбчивое лицо Авантора.

— МЫ ВЕЛИКИЕ ЗОЛОТИСТЫЕ... СТРАЖИ ГАЛАКТИКИ... ВСЕ СУЩЕСТВА В БЕЛОМ ЗВЕЗДОЛЕТЕ АРЕСТОВАНЫ... СНЯТЬ СИЛОВОЕ ПОЛЕ И ВЫХОДИТЬ ПО ОДНОМУ С ПОДНЯТЫМИ ПСЕВДОПОДИЯМИ.

* * *

— Отходы организма! — простонал в ужасе Трелл, хватаясь за грудь. — Это Великие Золотистые! — и он юркнул под кресло, надеясь укрыться там. — Уи-и-и-и! — заверещал он. — Теперь мы точно пропали! — его визг перешел в ультразвуковой диапазон, и коробочка переводчика прокомментировала его молчание одним словом: «Плачет».

В одно мгновение Курок выскочил из своего кресла и пересек рубку.

— О чем, черт тебя возьми, ты толкуешь? — требовательно спросил он и затряс маленького инопланетянина, словно аэрозольную упаковку с краской. — Кто они такие? Звездные копы?

Не в силах справиться с рыданиями, Трелл кивнул головой, и Курок выпустил его.

— Проклятье! — тихо прошептал он. — День так хорошо начался, и во что он превратился...

Подтягивая штаны, Бур осведомился будничным голосом:

— Отлично, шеф. Каков план нападения?

Главарь сжимал и разжимал кулаки.

— Дай мне одну минуту. Я как раз думаю над ним.

Печальное, зеленое лицо Трелла загорелось воодушевлением.

— Я знаю, что делать, — воскликнул он. — Давайте застрелимся из лазеров. Лучше смерть, чем Галоптикон-7!

Курок повернулся к Буру.

— Ты поближе, ну-ка наподдай ему!

Бац! Шлеп!

— Но они только что обещали нам... эту, как ее... амнистию, — заговорил сбитый с толку Шлямбур.

— Ты болван, — сердито зарычал на него главарь. — Это галактические копы, а не наши. Им плевать на это. Они только и ждут случая прикончить нас и сожрать наши мозги.

Трелл растерянно заморгал:

— Что? Они хотят сделать это?

— Истинный Бог, правда, — кивнул Курок на полном серьезе. — Я кино видал.

Схватив Трелла за переднюю часть форменного костюмчика, Курок поднял его в воздух.

— Ну что, зелененький, какие у нас есть возможности? Могут они пробиться через наш силовой барьер?

— Очень просто, — зашелся в рыданиях Трелл, болтая ногами в нескольких дюймах от пола. — Это они изобрели тот тип силовой защиты, которым мы пользуемся.

— Проклятье. Их защитное поле включено?

Трелл весь извернулся, пытаясь посмотреть на панель Бозтванка, где располагался соответствующий сенсор.

— Нет, сэр, выключено.

— Отлично! Есть у нас что-нибудь, чтобы пальнуть в них?

Нижняя челюсть зеленого пришельца отвисла, и Курок бесцеремонно швырнул его в жесткое Гастерфазово кресло.

— Нет, нет, вы, наверное, шутите, сэр, сэр! Стрелять по Великим Золотистым? Это же... — ствол лазера воткнулся в его левое ухо, и техник поспешно изменил свое мнение, — ...прекрасная мысль. Нужно применить протонную пушку. Может быть, все же дадим предупредительный выстрел?

— ОГОНЬ! — заорал человек во всю силу своих легких.

— Так точно, сэр, стреляю.

* * *

Из небольшой остроконечной башенки, поднявшейся на вершине белого корабля-шара, метнулась ослепительно-яркая молния энергетического луча, которая рассекла золотой куб надвое, словно головку сыра. Верхняя часть его медленно оплавилась и потекла, окруженная облаками перегретого металлического пара.

Жесткая радиация бесконтрольно воздействовала на все окружающее, и еще долгие годы спустя в Центральном Парке нет-нет да появлялись весьма необычные формы растений. Смертельный луч постепенно склонялся все ниже, постепенно дезинтегрируя золотой космический корабль, и наконец уперся в землю, превратив ее в булькающее озеро красной горячей лавы.

* * *

— Отлично! — воскликнул Бур, широко улыбаясь. Это было еще интереснее, чем грабить церковь.

— Ништяк! — вторил Шлямбур, прыгая на сиденье кресла. — Давайте еще раз! Попробуем на чем-нибудь еще!

Трелл почувствовал дурноту и облокотился на серебристую окантовку контрольной панели.

— Вы не понимаете... — попытался слабо протестовать он. — Мы же только что убили Великих Золотистых! Великих! Золотистых!

— Большое дело! — надменно заявил Бур, пропуская реплику техника мимо ушей с самоуверенностью всех девятнадцатилетних. — Коп он и есть коп!

Курок снова уселся в командирское кресло Айдоу.

— Много там еще звездных полицейских? — поинтересовался он.

— Тысячи... миллионы, — пробормотал расстроенный пришелец. — Когда они прибудут, они сотрут этот мир в порошок. Никто, будучи в здравом уме, не палит по Великим Золотистым! — Он в отчаянии заломил верхние конечности.

На одно страшное мгновение Курок задумался, что, быть может, зеленый пришелец прав. Что знал Курок о галактической полиции и тому подобной ерунде? Сам Курок был из Бронкса и никогда не путешествовал далеко.

Бур задумчиво поскреб кудрявые черные волосы.

— Может быть, те парни из ООН все же дадут нам деньги и амнистию? — вслух предположил он. — К тому времени, как сюда подоспеют еще звездные полицейские, мы успеем сделать ноги.

Курок отклонил эту идею:

— Нет, Джоз, у нас нет выхода. Если эти парни из галактической полиции действительно такие крутые, то ублюдки из правительства сдадут нас, не моргнув глазом, чтобы спасти собственную шкуру.

Внезапно главарь припомнил, что сказал Трелл.

— Погоди-ка, погоди-ка... никто не нападает на этих пижонов — верно? Это невероятно, как... как добежать до Нью-Джерси. Они не будут ни о чем догадываться, а мы будем сжигать их из пушки по мере прибытия. Они не будут этого ожидать. Все просто, как напиться.

Горло Трелла перехватило. Это был сумасшедший план. Это было невозможно! Но над этим можно было поразмыслить...

— Но это означает, что нам придется оставить корабль себе, — заметил Бур, скрещивая на груди руки, отчего его кожаная куртка захрустела. — А эти жирные котяры из правительства собирались отвалить нам кругленькую сумму за этот железный снежный шарик.

— Ага, — поддакнул Шлямбур с недовольным видом. — Я как раз собирался купить машину.

Курок вытаращился на них:

— Вы что, идиоты, не врубились? Вы разве не видели, что мы только что проделали с галактическими копами? Да за одно лишь то, что мы оставили этот город целым и невредимым, правительство заплатит нам миллионы. Миллионы! Ха! Миллиарды! Эй, парни, мы можем потребовать все, что захотим!

Курок закончил свою речь, доверительно присел рядом с Треллом перед панелью и стал пристально разглядывать множество круглых белых, квадратных желтоватых, гексагональных серебристых кнопок, переключателей, ползунков, рукояток, дисков, головок, рычагов, датчиков, индикаторов, отверстий, прорезей, ключей и бороздок.

— Покажи мне, как стрелять из этой штуки, — приказал он пришельцу.

12

В бункере Группы Контакта царила шумная суета. Мохад склонился над печатающим устройством; Бронсон говорил одно-

временно сразу по двум телефонам; доктор Ву советовалась со своими коллегами в Принстоне и Бейджанге; Николаев сражался с дураками, окопавшимися в штабе объединенного командования тактической авиацией; сэр Джон сообщал мировой прессе что-то ничего не значащее, но утешительное; профессор Раджавур готовил кофе на всю команду, надеясь, что привычное занятие поможет ему посмотреть на проблему под другим углом. Он заботливо добавил во все чашки сахар и сливки, кроме своей собственной, разумеется, и понес тяжелый поднос в операционный зал. Никто не обращал на него внимания, пока он расставлял по столам чашки с дымящимся напитком.

Они были близки, так близки к тому, чтобы мирным путем решить эту проблему, а теперь... несмотря на то, что его воспитали в католической вере, профессор Раджавур не верил в чудеса. Садясь в свое собственное кресло перед экраном монитора, он вздохнул, пригубил кофе и стал дожидаться докладов членов ГК.

Генерал Бронсон откашлялся и глотнул горячего кофе, мимолетно удивившись тому, откуда взялась здесь эта чашка.

— Комиссия по космическим исследованиям и Объединенное командование ПВО Северо-Американского континента утверждают, что золотой куб не был зафиксирован радарами, — громко объявил он.

— Может быть, вокруг Земли вращается по орбите целый флот таких штуковин, но мы этого не знаем.

Сэр Джон отставил в сторону опустевшую чашку.

— По-моему, эта золотистого цвета парочка и в самом деле является тем, чем они и представились, — межзвездными полицейскими.

Сэр Джон нажал левой рукой кнопку, и гигантский телевизионный экран на стене снова повторил запись обращения Впередсмотрящей к людям.

— Обратите внимание на то, как она держится; то почтение, которое демонстрирует мужчина на заднем плане; на их форму, в конце концов. Вне всякого сомнения, перед нами лица, облеченные властью и значительными полномочиями.

— Посмотрите и на совершенно иную форму их звездолета, — заговорила и доктор Ву. — Совсем другой вид, не то что летающее чудище Айдоу. — И она переключила изображение на картину приземления золотого корабля. — Гладкий, компактный,

эффективный. Вершины этой совершенной формы прекрасно приспособлены для ведения оборонительного огня.

— Я согласен! — заявил Николаев из-за своей стеклянной стены. — Определенно, это военный корабль, однако его экипаж был непростительно беспечен.

Социолог согласно кивнул.

— Да, и это меня весьма беспокоит. Они действовали таким образом, словно одного факта их появления достаточно для того, чтобы преступники сдались. Либо они глупы, в чем я сомневаюсь, либо у них настолько внушительная репутация, что... — он взглянул на экран, где продолжало дымиться озеро расплавленной грязи. — К сожалению, репутация является эффективным оружием против того, кто о ней знает.

Мохад вежливо выжидал, пока все выскажутся, прежде чем заговорить самому.

— Передача, которую мы все слышали, — начал он, — была передана по телепатическому каналу. Ни одно из моих устройств не зарегистрировало ее, ни единого слова. И еще: это сообщение принималось на расстоянии не свыше тридцати километров. Что любопытно, его восприняли и дельфины в нью-йоркском океанариуме.

Доктор Ву добавила что-то к своему списку вопросов и предположений, которые следовало проверить, если все останутся живы. Раджавур обдумывал услышанное. Телепатическая передача информации. Это произвело на него впечатление. Это было невозможным для современной науки даже теоретически.

Храня молчание из уважения к погибшим, члены Группы Контакта наблюдали за записанной на пленку посадкой и последующим уничтожением золотого космического корабля. Внезапно доктор Малавади вскрикнул, остановил пленку и, перемотав назад, снова запустил ее в замедленном темпе. Мгновение спустя он и вовсе остановил видеопленку и указал напряженным пальцем на экран. Там, четко различимые на большом экране, показались две мерцающие точки, прилепившиеся к верхней грани куба. Когда Малавади снова включил воспроизведение, точки отделились от золотого корабля и медленно опустились на землю, эффект мерцания исчез, и среди деревьев парка Группа Контакта рассмотрела две крошечные человеческие фигурки, которые упали на четвереньки и быстро поползли в кусты.

— Похоже, что у нас снова гости, и снова — незваные, — сухо заметила доктор Ву.

Генерал Бронсон согласно кивнул.

— Я пошлю подразделение разведки НАТО на поиски, — сказал он, прижимая к уху трубку телефона и набирая номер. — Они быстро найдут их.

— ГОСПОДА И ДАМЫ... НА МЕСТЕ ЛИ ВЫ?

Все головы повернулись на звук голоса Курка.

— Да, мы еще здесь, — подтвердил профессор Раджавур. Интересно, как поведет себя шайка в новых обстоятельствах. Золотой корабль мог быть обстрелян автоматической охранной системой, и тогда нападение на второй корабль не могло быть расценено как сознательный враждебный акт со стороны «Зашибал». Вероятность такого течения событий существовала, но была мала. Слишком мала. Но профессор еще надеялся.

— ДОЛЖЕН ИНФОРМИРОВАТЬ ВАС ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ НАШИХ ПЛАНОВ...

Ву едва сдержала разочарованный стон.

— Что еще? — произнесла китаянка sotto vose[1]. — Луну на веревочке?

— МЫ РЕШИЛИ ОСТАВИТЬ ЭТОТ КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ СЕБЕ.

— Я этого боялся, — вполголоса признался сэр Джон. — Приступ мегаломании[2]. Мы попали в настоящую беду.

— И что теперь? — громко спросил Бронсон.

Не обращая на них внимания, профессор Раджавур быстро заговорил:

— Нечего и говорить, что мы высоко оцениваем ваши последние достижения и готовы увеличить ваше вознаграждение до первоначальной суммы в пять миллионов долларов.

— СОГЛАСНЫ... НО МЫ ХОТИМ ЕЩЕ КОЕ-ЧТО...

— Например? — дипломат улыбнулся той самой улыбкой, которая не раз заставляла его партнеров по карточному столу делать максимальные ставки. Что могут хотеть эти бесхитростные дети трущоб? Одежду? Работу? Лучшую квартиру?

— НАЧНЕМ С НАРКОТИКОВ, — переводящее устройство было предельно честным, пересказывая требование бандитов.

---

[1] Sotto voce *(ит.)* — вполголоса, едва слышно.

[2] Мегаломания — мания величия.

— МАРИХУАНА — ЭТО ТО, ЧТО МЫ ЛЮБИМ... ДЕСЯТИ ИЛИ ДВЕНАДЦАТИ ТОНН ДОЛЖНО БЫТЬ ДОСТАТОЧНО...

— Т-тонн? — переспросил исландец. Неужели парень сказал «тонн»?

— Нет проблем, — прошептал ему в ухо голос Бронсона. — Столько марихуаны нью-йоркский Департамент полиции сжигает каждую неделю. Какого сорта они предпочитают?

Раджавур с трудом сохранял хладнокровие.

— А... гм... какого сорта вы... гм...

— САМУЮ ЛУЧШУЮ... ТАЙСКУЮ ПАЛОЧКУ[1]... ТОЛЬКО ЧТОБЫ БЕЗ СЕМЯН И СТРУЧКОВ...

— Разумеется, — дружелюбно согласился профессор Раджавур, вполне овладев собой, хотя не имел никакого понятия о предмете беседы. — Разумеется, самую лучшую. Может быть, еще что-нибудь?

— ДА... РОЛЛС-РОЙС ДЛЯ КАЖДОГО ИЗ НАС... С УКВ-МАГНИТОЛОЙ И КОНДИЦИОНЕРОМ... МАШИНЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НА ХОДУ... ПОЛНЫЙ БАК ТОПЛИВА...

Профессор спрятал улыбку.

— Я думаю, что с этим у нас не будет затруднений. Какого-нибудь особого цвета, конечно?

— ЛЮБОГО, КРОМЕ БЕЛОГО.

— Отлично, — на этот раз профессор улыбнулся в открытую. — Когда мы можем прийти и забрать корабль?

— НИКОГДА.

Улыбка Сигерсона продолжала оставаться дружелюбной, но ему стоило немалых усилий удерживать ее.

— Мне казалось, что мы ведем переговоры о возврате... о передаче человечеству чужого космического корабля.

— НЕВЕРНО... МЫ ВЕЛИ ПЕРЕГОВОРЫ О ТОМ, СТАНЕМ ЛИ Я И МОИ ТОВАРИЩИ ПРЕВРАЩАТЬ ЭТУ ПЛАНЕТУ В ГОЛЫЙ КАМЕНЬ ИЛИ НЕТ.

— Я же говорил... — прошептал сэр Джон. — Временное помешательство.

Профессор Раджавур широко развел руки в стороны и попытался воззвать к разуму.

— Но вы же не собираетесь жить в корабле, — попытался возразить он волосатому юнцу на экране.

---

[1] Тайская палочка *(жарг.)* — смесь крепкой марихуаны и опиума.

— ПОЧЕМУ БЫ НЕТ? КОРАБЛЬ ДОСТАТОЧНО ВЕЛИК... НЕМНОГО КРАСКИ, ПЛАКАТОВ, И ОН БУДЕТ ОЧЕНЬ УДОБНЫМ... ВСЕ, ЧТО МОЖЕТ НАМ ПОНАДОБИТЬСЯ, ВЫ БУДЕТЕ СЧАСТЛИВЫ ДОСТАВИТЬ НАМ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ. Я В ЭТОМ УВЕРЕН...

Как бы в подтверждение этих слов из корабля ударила голубая молния, и группа деревьев мгновенно дезинтегрировалась.

— ПРАВДА?

Потрясенный Раджавур сумел только кивнуть.

— Мы начнем собирать все, что вы попросили, немедленно.

— И не забудьте о прощении, которое вы упоминали в начале.

Дипломат механически поправил его:

— Вы имеете в виду амнистию. Человека нельзя простить за преступные деяния до тех пор, пока суд не вынесет своего приговора.

— БЕЗ ШУТОК. МЫ ТРЕБУЕМ ПРОЩЕНИЯ.

— Хорошо! Хорошо! Нет вопросов!

— ПОДПИСАННОЕ ГУБЕРНАТОРОМ.

— В трех экземплярах, — заверил профессор, не желая сильнее разозлить «Зашибал».

— КСТАТИ... ЕСТЬ ЕЩЕ ОДНА ВЕЩЬ, КОТОРУЮ МЫ ХОТИМ ПОЛУЧИТЬ.

Профессор вздохнул. Чего еще им надо?

— КАК НАСЧЕТ ЛЕНЧА?

Начальник Группы Контакта ООН взял в руки карандаш, который лежал на поддоне рядом с его секретными телефонами. Он не делал ничего подобного с тех пор, как учился в колледже.

— Выкладывай. То есть я хотел сказать, записываю.

— ПИЦЦУ СО ВСЕМИ ШТУКАМИ... ЗАБУДЕШЬ ГРИБЫ — ПРОЩАЙСЯ С АНГЛИЕЙ, ЗАБУДЕШЬ АНЧОУСЫ, НЕ ДОСЧИТАЕШЬСЯ ГЕРМАНИИ.

* * *

Трелл тронул Курка за рукав.

— Простите, сэр, но насколько далеко находятся эти места? — с любопытством спросил он.

— Тысяча миль, — выпалил главарь, смутно припоминая школьный урок географии, на который он случайно зашел.

— Это другие страны.

Пришелец затряс головой.

— Тогда, боюсь, у нас ничего не выйдет, сэр. Протонная пушка действует только по прямой видимости.

— Заткнись, болван. Они-то об этом не знают.

Ох и умные же эти грязеландцы!

* * *

— ...И УПАКОВКУ ИМПОРТНОГО ПИВА, ХОЛОДНОГО, ПОНИМАЕШЬ?

На экране переговорного монитора произошла смена персонажей.

— ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, ЛЮДИ! Я, МОГУЧИЙ БУР, ТРЕБУЮ ДВОЙНУЮ ПОРЦИЮ БАРАНЬИХ РЕБЕР ИЗ ШАШЛЫЧНОЙ ЛУИСА НА 42-Й ВОСТОЧНОЙ УЛИЦЕ... СКАЖИТЕ ЕМУ, ЧТО ЭТО ДЛЯ МЕНЯ... И ЯЩИК ВИСКИ...

Принтер доктора Ву задребезжал, и она, не глядя, переключила его на бесшумный режим.

— Надо бы промыть его в спирте, чтобы вычистить скопившуюся грязь, — прокомментировала она как бы в сторону.

— Тогда в течение десяти лет он сдохнет, мотор откажет, — заметил генерал Бронсон. — Кого это волнует? Наша задача — дожить до завтра. Сворачивайте это дело, к нам гости.

Раджавур моргнул:

— Гости?

— ПРИВЕТ... МЕНЯ ЗОВУТ ШЛЯМБУР... ОЙ, МАМОЧКА, ГЛЯДИТЕ! МЕНЯ ПО ТЕЛИКУ ПОКАЗЫВАЮТ! Я ХОЧУ ТРИ ЧИЗБУРГЕРА... КОЛУ БЕЗ ЛЬДА И ПАКЕТ КАРТОШКИ...

* * *

— И это твой заказ? — взорвался Курок, отвешивая Шлямбуру затрещину. — Не раздражай меня, урод!

* * *

— БОЛЬШОЙ ПАКЕТ КАРТОШКИ... И ЕЩЕ Я ХОЧУ ЦЫПЛЯТ... УПАКОВКУ... ХРУСТЯЩИХ... ПОЖАЛУЙСТА... СПАСИБО...

На мониторе появилось новое лицо.

— ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, ГРЯЗЕЛАНДЦЫ.

Появление Трелла заставило ГПК застыть у своих консолей. Стало быть, по крайней мере один член инопланетного экипажа уцелел, сумев пережить переход власти из рук в руки. Это объясняло, каким образом необразованным уличным панкам удалось привести в действие оборудование космического корабля.

«Зеленый... лишен волосяного покрова...» — доктор Ву делала пометки в блокнот, одновременно вводя поступившую информацию в раздел «Дополнительные медицинские сведения». Какая-то форма растительной жизни? «Нет, — подумала она, — не с такими же зубами, право. Скорее всего — всеядный. Любопытно...»

Мохад пытался разглядеть, есть ли у пришельца уши. Кортни рассматривал одежду. Бронсон и Николаев торопливо зарисовывали командную рубку за спиной пришельца и чертили какие-то диаграммы.

— Что мы можем предложить вам, космический путешественник? — поинтересовался Раджавур, воплощение общительности.

По всем признакам, такое обращение польстило зеленому пришельцу. Трелл действительно это любил.

— НАЙДЕТСЯ ЛИ У ВАС ЧТО-НИБУДЬ С ДВОЙНЫМ БЕНЗОЛЬНЫМ КОЛЬЦОМ, СЛЕГКА РАДИОАКТИВНОЕ, ОБОГАЩЕННОЕ АТОМАРНЫМ БЕРИЛЛИЕМ?

Профессор на секунду запнулся:

— Нет... не думаю. Прошу прощения.

— ТОГДА Я ХОТЕЛ БЫ ПОПРОБОВАТЬ ОБОЙТИСЬ ЦЫПЛЯТАМИ.

На экране снова возник Курок:

— ЭТО ВСЕ ДЛЯ НАЧАЛА... ПРИГОТОВЬТЕ ВСЕ ЧЕРЕЗ ЧАС, А НЕ ТО...

Изображение на экране смазалось, и вместо Курка на нем возник вид на парк с высоты птичьего полета: белый шар и озеро остывающей лавы возле него.

— Итак, Уэйн? — Сиггерсон повернулся к генералу. Генерал закурил новую сигару.

— Никаких проблем. Каждый человек на Земле слышал требования этих придурков и готов помочь нам исполнить их.

Раджавур поспешно предложил отравить пищу, но сам же отбросил эту идею как невыполнимую. На каком космическом корабле не установлены в шлюз-камерах автоматические анализаторы? Во всяком случае, НАСА это делала.

— Как насчет гостей? — спросил Мохад у Бронсона.

Вместо ответа генерал надавил на кнопку, и на экране возникло изображение парадного вестибюля опустевшего здания ООН над ними. Четверка натовских солдат и несколько полицейских в штатском вводили в него двух гуманоидов в золотистой униформе, направляясь к клетке подъемника.

— Это инопланетяне из золотого куба? — догадался сэр Джон, поспешно расчищая консоль от лишних документов, пряча их в выдвижные ящики консоли и запирая ящики на ключ.

— Да, — подтвердил Бронсон и добавил без тени улыбки: — Военная разведка НАТО обнаружила их скрывающимися в общественном туалете. Интерпол доставил их сюда. Максимальная осторожность. Через минуту они будут здесь.

Доктор Ву зашевелилась в своем кресле.

— Тогда Николаеву необходимо закрыться от них, — посоветовала она.

Генерал Николаев был с ней полностью согласен. Благодаря этому маневру он мог оставаться без башмаков. С готовностью он переключил на консоли необходимый пакет переключателей. Тут же лампы над его головой погасли, а пуленепробиваемый аквариум, в котором он сидел подобно золотой рыбке, посеребрился снаружи, превратившись в надежное одностороннее зеркало. Затем из ящика консоли генерал извлек свое личное оружие: трубку визора с пистолетной рукояткой, к которой был присоединен гибкий кабель. Другой конец кабеля он воткнул в разъем на консоли. Крупнокалиберные пулеметы, укрепленные на карданных подвесах и скрытые фальшпотолком бункера, были связаны с этим пистолетом в руках генерала, направляя свои стволы в ту точку помещения, куда нацелен визор. Нажатием на спусковой крючок генерал Николаев мог поставить под кинжальный огонь пулеметов любую видимую ему цель в пределах бункера. Генерал Николай Николаев получил специ-

альное распоряжение не доверять никому, хотя ему самому это распоряжение казалось идиотским. В самом деле, излишне было учить русского не доверять иностранцам.

При посредстве клавиш управления на своей консоли Уэйн Бронсон открыл двери перед подъемниками и внимательно следил за тем, чтобы кроме двух инопланетян никто не вошел в маленькую прихожую и чтобы агенты Интерпола заняли свои посты. Знакомый гул закрывающейся двери услышали все члены Группы Контакта, и в холле послышались еще далекие, но гулкие шаги пришельцев по бетонному полу. Около внутренней двери бункера шаги замерли, и по команде Бронсона стальная переборка отъехала в сторону, открывая дорогу двум гуманоидам.

Люди уставились на джианцев, те смотрели на людей. Первый мирный контакт между планетой Земля и пришельцами. Члены группы непроизвольно одернули одежду и пригладили волосы, когда Великие Золотистые сделали шаг вперед.

Рост женщины составлял около шести футов, на добрых двенадцать дюймов больше, чем рост мужчины. У обоих были вполне человеческие пропорции тел, хотя доктор Ву и заметила кое-какую странность в креплении мускулатуры. Глаза пришельцев были большими, непроницаемо-черными, и в них не было заметно зрачков. Но самым удивительным в них был приглушенно-золотистый оттенок кожи и волос, который прекрасно сочетался с расцветкой их плотно облегающих тело мундиров. Остановившись перед землянами, оба пришельца выпрямились и застыли, развернув плечи и заложив руки за спину. Генерал Бронсон чуть было не скомандовал им «Вольно!», но сдержался.

Профессор Раджавур поклонился джианцам, которые также ответили ему поклоном.

— От имени планеты Терра я приветствую вас, — произнес он искренне и сердечно, как он произносил эти слова много тысяч раз перед зеркалом в ванной комнате. Затем он повернулся к доктору Малавади: — Мне кажется, они ни слова не понимают. Мог бы ты наладить свой транслятор так, чтобы он переводил наш разговор?

— Разумеется, — ответил лингвист и занялся аппаратурой.

— Нет нужды прибегать к таким сложностям, — немного хрипловато сказала женщина. — У нас есть собственные переводящие устройства, которые позволяют нам общаться с любыми разумными существами.

— Отлично. Это существенно упрощает дело, — заметил Раджавур, оправившись от удивления. Он официально представил свою группу, не опустив ни научных званий, ни должностей. Золотистые существа кланялись каждому по очереди.

— Я — Авантор-Впередсмотрящая, — сказала женщина, указывая на себя. — А это — мой Семнадцатый.

Социолог Группы Контакта больше не мог сдерживаться.

— Прошу прощения. Авантор-Впередсмотрящая — это имя, звание или описание рода деятельности?

— Да, — любезно ответила Авантор.

— Гм. А вы, сэр? — изворотливо продолжил Кортни.

— Ничуть, — отвечал ему мужчина, гордо выпячивая грудь и закидывая голову так, чтобы стали видны его аккуратные, широкие ноздри. — Видите ли, я Семнадцатый нашего корабля.

Сэр Джон немного помолчал, прежде чем ответить.

— Да, разумеется.

Затем оба существа медленно обошли командный бункер, воспользовавшись возможностью изучить установленную в нем аппаратуру.

— Странно, — сказала Авантор своему помощнику, — здесь представлена гораздо более высокая технология, чем мы предполагали. Любопытно, крайне любопытно.

Бронсон и Ву обменялись улыбками.

— Да, госпожа моя. А кто тот человек за стеклянной стенкой? — спросил Семнадцатый, указывая прямо на генерала Николаева. — Я вижу у него в руках какое-то оружие. Это ваш охотник, я полагаю?

Русский генерал сдавленно выругался, но пистолета из рук не выпустил. В его голове вдруг зазвучала невесть откуда взявшаяся фраза: «...могущество и способности, намного превосходящие способности простых смертных».

Доктор Ву пристально посмотрела в черные глаза пришельца.

— Ваш сектор зрения смещен в сторону инфракрасных лучей, — догадалась она. — Если так, то наше зеркало для них выглядит просто как стекло с морозными узорами на нем.

Генерал Бронсон, не на шутку разозленный таким проколом в системе безопасности, начал непроизвольно похлопывать по рукоятке пистолета на бедре. Это движение также не ускользнуло от взгляда Семнадцатого, который благоразумно встал между американцем и Впередсмотрящей.

— Различия в физиологии не так уж важны, — сказала Авантор, заметив осторожные маневры Семнадцатого. — Важно схватить преступников, спрятавшихся на этом корабле, и чем скорей — тем лучше.

— Да, как раз над этим мы в данный момент работаем, — проворчал Бронсон.

— И чего вы успели достичь, генерал? — спросила золотистая женщина.

— Дырку от бублика и яйцо волшебного гуся.

Авантор моргнула.

— Не понимаю.

Доктор Малавади принялся бешено размахивать руками.

— Входящая передача! — предупредил он.

Не сопротивляясь, Золотистые позволили сэру Джону отвести себя в дальний угол операционного зала, рядом с зеркальной стеной, где их не могли достать передающие видеомониторы. Сам Кортни бросился обратно в свое кресло как раз в тот момент, когда на экране замельтешили яркие цветные полосы и пятна.

— ЕЩЕ ОДНА ШТУКА, — заявил Курок без всякого вступления, — МЫ ХОТИМ, ЧТОБЫ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ ПОКАЗАЛИ НОВЫЕ ЭПИЗОДЫ «СТАР ТРЕКА», НО С ПРЕЖНИМИ ГЕРОЯМИ, ИМЕЙТЕ В ВИДУ... ПОТОМ ВЫ ОПУБЛИКУЕТЕ ФОРМУЛУ КОКА-КОЛЫ, АМЕРИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ПЕРЕИМЕНОВАНА В ТРАХ-ТАРА-РАМ-ЛЯНДИЮ, А В НЬЮ-ЙОРК СИТИ ДОЛЖНА БЫТЬ РАЗРЕШЕНА ПАРКОВКА НА ЛЮБОЙ СТОРОНЕ УЛИЦЫ... ПОКА ПОДОЖДИТЕ, МЫ ЕЩЕ ЧТО-НИБУДЬ ПРИДУМАЕМ...

Золотистые пришельцы, одним глазком подглядывавшие за экраном, были озадачены не меньше людей.

— Но это вовсе не сазинианец, которого мы ищем, — заявила Авантор, выходя из-за укрытия и снова принимая свою военную стойку. — Где командир Айдоу?

— Смотря по тому, религиозны ли вы, — ответил сэр Джон.

— Айдоу и большая часть команды мертвы, — вступил в разговор профессор Раджавур. — Люди, которые в настоящее время захватили корабль, — это бывшие испытуемые, которых захватил для своих тестов Айдоу. Ему попалась группа молодых преступников, которых у нас называют уличной бандой.

Примитивные создания захватили космический корабль! Оба золотистых почувствовали в коленях противную слабость и благодарно кивнули сэру Джону, который принес для них из кухонного отсека пару стульев. Социологу было хорошо известно, какое благоприятное терапевтическое воздействие оказывает на человека сидячее положение после внезапного шока.

Генерал Бронсон был вполне солидарен с чувствами пришельцев. Задумчиво потирая массивную челюсть, он подумал, что ситуация совершенно отбилась от рук.

— Может быть, пора... — кашлянул он, бросив взгляд в направлении Николаева.

— Если вы собираетесь пустить в ход ядерные ракеты, — поспешно вмешалась Впередсмотрящая, — то я бы не советовала вам этого делать.

— Отчего же? — любопытно спросил профессор Раджавур.

— Просто потому, что они бесполезны. Даже если бы у вас была термоядерная бомба, достаточно мощная, чтобы пробить их защитный экран, все равно вы не сможете сокрушить сам корабль, — она нахмурилась. — Он абсолютно неуязвим.

— Почему? — спросил кто-то.

— Отклоняющее покрытие, видите ли...

Бронсон и Николаев навострили уши. Фантастика! Самая прочная броня. Та страна, которая научится это делать, — будет править миром. Генералы обменялись взглядами и кивнули друг другу. Каждый из них давал понять, что противная сторона получит полную техническую информацию. Никаких монополий, паритет сил между двумя державами должен быть сохранен.

Семнадцатый небрежно прикоснулся к руке Авантора, его нервные окончания соприкоснулись с нервными окончаниями женщины, и телепатически спросил у Впередсмотрящей:

— О чем, ради Вакуума, вы толкуете? Такой вещи, как отклоняющее покрытие, не существует!

— Семнадцатый, каков Первый закон?

— Защищать...

— А Второй?

— ...самих себя.

— Верно. Термоядерные ракеты этих примитивных аборигенов сожгут «Все То, Что Блестит», но взрыв убьет и нас. Я считаю, что нужно захватить звездолет хитростью и

остаться в живых, чтобы рассказать свою версию случившегося. Согласен?

— Отклоняющее покрытие, — со всей искренностью сказал вслух Семнадцатый, — это самая крепкая штука во Вселенной. Ничто не может причинить ей вреда.

Профессор Раджавур был одновременно и восхищен, и обеспокоен этим известием. В их теперешней ситуации это отклоняющее покрытие было для них главным препятствием, но впоследствии подобная защита могла положить конец угрозе ядерной войны. Надо каким-то образом заполучить образец этого превосходного материала для анализа, чтобы обеспечить выживание человечества в будущем.

Тем временем доктор Малавади запечатал свою магнитозапись потрясающего сообщения джианцев тройной секретной печатью и послал электронную копию сообщения каждому члену Организации Объединенных Наций, а доктор Ву начала собирать все идеи и замечания, которые могли иметь отношение к теоретическому обоснованию создания подобного отражающего энергию материала.

Авантор встала со стула и подошла к настенному экрану, на котором чуть подрагивало изображение титанического белого шара.

— Семнадцатый, можешь ли ты определить модель этого звездолета?

— Судя по внешнему виду, госпожа, это Микон-2 или Микон-3.

— Хорошо ли ты знаком со звездолетами этой серии?

— Я изучил их в совершенстве, — уверенно ответил Семнадцатый. — У меня имеются синьки всех космических кораблей, когда-либо использованных космическими преступниками. Я их довольно хорошо помню.

Авантор улыбнулась ему.

— Превосходно. Как нам попасть на корабль?

Семнадцатый сжал губы.

— Доступ к механизмам открывания люков и дверей возможен только изнутри корабля. Также изнутри возможно использование телепортационного луча, хотя это довольно длительная процедура.

Лицо Впередсмотрящей стало хмурым.

— Я спрашивала не об этом.

Под ее пристальным взглядом Семнадцатый почувствовал себя неуютно. Поежившись, он пробормотал:

— Да, госпожа, конечно... Гм... Может быть, мне удастся сделать ключ блокировки запора автоматики, и тогда люк можно будет открыть вручную.

— Превосходно, — Авантор повернулась к землянам. — Профессор Раджавур, поддерживаете ли вы связь с военным персоналом?

Вместо дипломата ответил генерал Бронсон:

— В вашем распоряжении отборные части Армии Соединенных Штатов, Военно-морского флота, ВВС, морской пехоты, ЦРУ, ФБР, Секретной службы, «зеленые береты», подразделение «Дельта», полиция города, округа и штата, Национальная Гвардия, войска НАТО, французская «Сюртэ», российская ФСБ, канадская Королевская Конная Полиция, Интерпол и еще один парень по имени Рэмбо. Что из этого вам больше подходит?

— Нам нужно только, чтобы ваша уличная банда выключила защитное поле, — отрезала Впередсмотрящая. — Хотя бы на мгновение. Вся проблема состоит в том, чтобы заставить их сделать это.

В этом действительно была самая суть предстоящей задачи. Да, это нелегко будет сделать. Внезапно из громкоговорителя в углу донеслось покашливание, и все как по команде повернулись к генералу Николаеву, который выключил серебристое затемнение на стене своего аквариума.

— Я знаю, как заставить их выключить поле, — бесстрастно заявил русский. — Это проще простого.

13

— Ты знаешь? — удивился профессор Раджавур. — Как?

Николаев развернул свое кресло от консоли так, чтобы обращаться к слушателям непосредственно.

— Это просто, — сказал он, улыбнувшись. — Нам необходимо сделать вот что...

— Молчать! — приказала доктор Ву, чье внимание привлекли красные лампочки на ее консоли.

Все присутствующие послушно заткнулись, так как несвойственная доктору Ву резкость могла означать только то, что что-то случилось.

— Мне это не нравится, — сказала доктор Ву. — Мои индикаторы показывают наличие в Центральном Парке подвижного источника радиации.

Авантор нахмурилась и пожелтела как масло.

— Не может быть, — резко заявила она. — Корабль Айдоу не использует ядерной энергии.

— Я же сказала, что источник движется, — раздраженно заметила доктор Ву. — Движется в направлении белого корабля, — она на минуту замолчала, тщательно перепроверяя показания приборов. — Ник, я думаю, вам следует поднять войска по тревоге. В парке — «Снупи».

Если бы в бункере внезапно взорвалась граната, то и она бы не произвела такого впечатления на группу, как эти слова китаянки. Генерал Бронсон даже выронил изо рта вечную сигару:

— «Снупи»? Ты уверена?

— Да! Источник излучения приближается к кораблю пришельцев со скоростью пешехода. Делайте что-нибудь!

— Господи Иисусе, я попытаюсь, — ответил Бронсон, хватаясь за телефон и открывая шифровальные таблицы. В состоянии близком к панике генерал торопливо набирал шифр, которым, как он уже всерьез начинал думать, ему так и не придется воспользоваться.

Двое Золотистых были совершенно сбиты с толку.

— Что-что? — переспросила Впередсмотрящая, насмешливо глядя на окружающих.

— Это непростительно! — вскричал оскорбленный в своих лучших чувствах профессор Раджавур. — Кто санкционировал это безумие?!

— А кто мог его санкционировать? — спросил сэр Джон, видимо, уже зная ответ, так как его лицо покраснело от еле сдерживаемой ярости. — Только у вас и у Николаева есть власть, чтобы распоряжаться такими вещами, Сигерсон.

— Все мои «Снупи» на месте, — донесся из-за перегородки голос Николаева. — Но я проверю еще раз.

— Проверь, — приказал Раджавур.

Прижимая к голове наушники левой рукой, доктор Малавади щелкнул пальцами правой, чтобы обратить на себя внимание.

— Вероятно, это сделал Генеральный Секретарь ООН, — высказал свое предположение филолог. — Он больше всех был огорчен тем, что мы взяли руководство на себя, и уже несколько раз обнаруживал свое стремление взять управление в свои руки.

— И приказал начать атаку на космический корабль пришельцев? — Раджавур нервно вздрогнул, подумав о возможных последствиях. — Кретин! Мохад, быстро соедини меня с Женевой!

Эксперт по коммуникации и связи послушно бросился исполнять приказ.

Семнадцатый нерешительно выступил вперед.

— Прошу прощения... что такое «Снупи»?

— Юки, дай мне координаты, быстро, — перебил генерал Бронсон. — Я связался с человеком, которому по силам справиться с проблемой, но ему необходимо точно знать, где находится устройство.

— Направление четвертое, третья секция на вашей карте Парка, — отчеканила Ву. — Рядом со статуей... — ее голос сначала затих, потом Ву снова заговорила решительно и громко: — А это, черт побери, еще что такое?

На настенном мониторе появилось удивительнейшее зрелище. Сквозь зелень Центрального Парка ломилась целая танковая дивизия под самодельным греческим флагом. Железные чудища в щепки разбивали деревья и давили гусеницами беспомощные ветки. Совершенно очевидно было, что мчащиеся боевые машины направляются к шарообразному космическому кораблю. Двухсотмиллиметровые башенные орудия танков и бронебойные ракеты на ажурных направляющих были направлены прямо вперед.

— Николаев... — тихо, с угрозой в голосе произнес сэр Джон.

— Николаев опять-таки здесь ни при чем, — возразил генерал Николаев с невинным видом. — Эти танки пробились сквозь мои кордоны и чуть не убили несколько моих людей. Это дивизия НАТО, но она действует самостоятельно. Я не могу приказывать им.

Генерал скривил лицо и прикоснулся к наушнику.

— Мои люди интересуются, следует ли им присоединиться к атаке или оставаться на своих местах?

— Пожалуйста, пусть ничего не предпринимают, — попросил обезумевший дипломат.

Доктор Малавади подал ему телефонную трубку и сделал знак, что можно говорить.

— Алло!.. Швейцария?

Семнадцатый осторожно прикоснулся к Впередсмотрящей:

— *Они озабочены, но не хотят нам ничего сказать. Не может это быть уловкой, направленной против нас?*

— *Нет,* — телепатически ответила Авантор. — *Взгляни на их лица. Что бы ни происходило — это очень важно, и им попросту не до нас.*

— Юки, какова мощность заряда? — спросил Кортни, превратив свой компьютер в вычислитель.

Погруженная в работу китаянка отвечала ему, не поднимая головы:

— Предполагаю, полкилотонны. В зависимости от того, насколько совершенной моделью они обладают.

— Тогда это может повредить и нам, — пробормотал социолог, размышляя вслух. Его легкие пальцы пробежались по клавиатуре компьютера. — А на поверхности все в радиусе километра будет сметено... Ой-ой-ой, это же двадцать городских кварталов! Николаев, эта танковая атака — просто отвлекающий маневр, чтобы шайка не обратила внимания на настоящую опасность, на бомбу!

— Спасибо, Джон, — насмешливо ответил русский генерал сладким-пресладким голосом. — Я бы ни за что не догадался. А теперь ступай, поучи кур нести яйца. Я занят.

Бомба? Полкилотонны? Наконец-то Авантор поняла, в чем дело.

— Этот «Снупи», на которого вы все время ссылаетесь — это какая-то разновидность ядерного оружия?

— Гм-м-м... Как? — профессор Раджавур на секунду оторвался от своего телефона и посмотрел на нее так, словно впервые видел. — Да, конечно... Юки, не могла бы ты...

Китаянка, как всегда во время доклада, встала:

— Это портативная ядерная бомба, разработанная в период Холодной войны. Устройство весит приблизительно двадцать два фунта и помещается внутри обыкновенного атташе-кейса. — Доктор Ву наклонилась и достала из-под своего стола черный кейс, в котором хранила текущие документы. — По виду и по

форме устройство очень похоже на этот чемоданчик. Пришельцы были шокированы. Ядерное оружие, которое можно носить с собой, как пакет с бутербродами. До какой степени безумия нужно дойти, чтобы изобрести, не говоря уже о том, чтобы смонтировать подобный ужас?

— Танки радировали «Кровавым Зашибалам», чтобы они сдавались, иначе их засыплют снарядами, — сообщил потрясенный Мохад. — Но это же безумие! Им следовало бы знать, что их снаряды не смогут пробить силовой защитный барьер пришельцев. Неужели эти люди должны погибнуть ради того, чтобы «Снупи» сумели поднести как можно ближе?

— Насколько близко должно быть взорвано устройство, чтобы эффект был максимальным? — задал практический вопрос сэр Джон.

— Наилучший вариант — это взорвать устройство прямо рядом с границей силового поля, — объяснила Ву, настраивая свои сенсорные устройства на максимальную чувствительность. — Однако корабль попал в радиус действия бомбы, как только ее внесли в парк.

— Уэйн, как там дела? — спросил в громкоговорителе озабоченный голос Николаева. Бронсон отложил в сторону свое переговорное устройство и закурил новую сигару.

— Кто знает, друг мой? — генерал выдохнул облако дыма. — Я сделал все, что мог. Но если бы я верил в Бога, я бы начал молиться прямо сейчас.

* * *

Насвистывая какую-то мелодию из полузабытого бродвейского шоу, по аллее Центрального Парка прогулочным шагом двигался изящный, аккуратно одетый мужчина, небрежно размахивая в воздухе эквивалентом пятисот тысяч фунтов тринитротолуола. Трава в парке, высохшая от летнего зноя, хрустела под его начищенными ботинками. Каждый шаг его поднимал небольшое облако пыли, которая оседала на брюках, пятная безупречную во всем остальном униформу.

Для выполнения этого ответственного задания агент Таурус был одет в форму майора военной разведки армии США.

Это позволило ему без затруднений миновать кордоны НАТО, установленные на подходах к Центральному Парку. Теперь ему оставалось только нащупать силовое поле, окружившее космический корабль пришельцев, и выпустить из рук атташе-кейс, которым он столь небрежно размахивал. Мать-природа с небольшой помощью Альберта Эйнштейна позаботится обо всем остальном.

Загораживая горизонт, впереди высился гигантский белый шар. Это зрелище способно было устрашить кого угодно, но агент только улыбался. То, что было у него в правой руке, было сильнее всяких инопланетных завоевателей: в небольшом черном чемоданчике была заключена энергия небольшого солнца, которой он мог повелевать. Во время их краткой встречи Генеральный Секретарь посоветовал ему подобраться к защитному полю как можно ближе, чтобы добиться максимального эффекта ядерного заряда. Его также предупредили о том, что предатели из Группы Первого Контакта могут попытаться помешать ему, и поэтому в случае нападения агент Таурус должен был взорвать «Снупи» немедленно, где бы он ни находился.

С противоположной стороны гигантского космического корабля слабо донеслись голоса, это отвлекающие внимание преступников танки предлагали им сдаться. Скоро они откроют огонь и тогда...

Внезапно с высокого дерева на агента прыгнул некто в форме полицейского, сразу схватив агента за горло мускулистой рукой. Вопреки своему желанию, агент Таурус не оказал никакого сопротивления нападавшему и, как предписывалось инструкцией, разжал руку, в которой сжимал ручку кейса...

Вернее, он только попытался это сделать, ибо полисмен свободной рукой ухватился за чемоданчик, не давая ему выпустить из руки «Снупи». Таурус немедленно пришел в ярость. Ядерный противоагент! Его предали, и кто?! Такой же агент, как и он сам!

Сжав вместе два пальца, агент Таурус ткнул ими в глаз противника, но его выпад был отбит в сторону тыльной стороной ладони полицейского. Затем ладонь эта сжалась в кулак, который рассек воздух в опасной близости от лица Тауруса. Он успел перехватить руку противника за запястье и с силой сжал, и некоторое время двое мужчин стояли, покачиваясь, друг против друга, не в силах пошевелиться.

— Таурус, — прохрипел фальшивый армейский офицер, силясь сломать полицейскому кость руки.

— Вирго[1] — отвечал ему противник, силясь вернуть себе преимущество внезапного нападения.

Когда обмен любезностями был закончен, Таурус лягнул противника в пах, но не попал, так как противоагент увернулся, и удар пришелся в бедро. В свою очередь Вирго боднул его головой в лицо. Хрустнул сломанный нос, и резкая боль ослепила Тауруса. Рот наполнился кровью, и он выплюнул ее. В отместку Таурус вонзил ноготь большого пальца в запястье противника, сокрушая нервный центр. Агент Вирго вздрогнул от боли, Таурус высвободился и, не теряя времени, рубанул сверху и попытался освободить рукоятку своего чемодана, но полицейский упорно держался за нее. В следующий миг уже его ребра затрещали под ударом кулака полицейского. Задыхаясь, оба агента отступили на шаг друг от друга, хотя ни один из них не выпустил ручки кейса; полицейский не был намерен выпустить устройство из рук, лжемайор не мог провалить свою миссию.

Где-то вдали «греческие» танки предприняли попытку атаки, их ракеты, ПТУРы и снаряды взрывались с оглушительным грохотом, не причиняя никакого урона непроницаемому силовому полю корабля. Однако они подняли такой шум, не услышать который было невозможно.

* * *

Трелл, заинтригованный, постучал пальцем по шкале прибора — указателя мощности. Нет, это не был обычный кратковременный сбой в работе реактора. Войска грязеландцев предприняли попытку нападения. Как забавно! Он включил обзорные экраны, чтобы показать своим новым товарищам энергичный штурм силового поля боевыми машинами, но, к его изумлению, их реакция была совершенно иной, нежели он ожидал.

— Харкотина Иисуса! — вскричал Бур, чуть не свалившись с кресла. — Да там собралась целая армия!

---

[1] *Taurus, Virgo (лат.)* — название созвездий и знаков Зодиака: Телец и Дева.

Шлямбур стремительно побледнел.

— Что будем делать, Курок? Сдаваться?

— «Зашибалы» не сдаются! — сердито напомнил им главарь. — Кроме того, нас пристрелят, как только мы попадемся им на глаза. — Он нервно хрустнул костяшками пальцев. — Трелл, сколько продержится твое силовое поле?

— Против такой атаки, как эта?

— Да, идиот чертов! Сколько?

Техник пожал плечами.

— Не знаю точно. Тридцать или сорок ваших лет.

— Тридцать... — начал Шлямбур.

— Или сорок... — продолжил Бур.

— ...лет! — медленно произнес Курок, заканчивая предложение.

Трелл кивнул.

— В зависимости от того, будем ли мы включать кондиционер или нет.

— Значит, они не смогут до нас добраться?

Техник оскорбленно выпрямился:

— Не с этими игрушками, сэр!

Бур с облегчением вздохнул и снова водрузил свои ноги на контрольную панель, откидываясь на спинку кресла, некогда принадлежавшего Гастерфазу, всеми своими ста восьмьюдесятью фунтами твердых мускулов. Амортизирующая обивка кресла даже не промялась под его весом.

— Ну тогда ладно.

Почти против собственной воли Курок состроил экрану гримасу. Яркие вспышки разрывов буквально загипнотизировали его. Вот, значит, как это — быть неуязвимым. Не удивительно, что Супермены все время улыбаются.

— Хорошо, Трелл, берись за свой микрофон и передай этим жабам из ООН, что на первый раз прощается, но только на первый... — он усмехнулся, заметив непонимание техника. — Не волнуйся, красавчик, они поймут, что к чему. — Курок прищурился. — А чтобы они не сомневались, давай-ка покажем им, на что способен наш корабль.

Склонившись над экраном, главарь банды рассматривал танки, словно выбирающая самые спелые помидоры домашняя хозяйка.

— Думаю, мы начнем... с этого!

* * *

Когда последний греческий танк обратился в лужу расплавленного металла, вокруг которой, хлопая себя по штанам, чтобы сбить пламя, кругами носился уцелевший орудийный расчет, доктор Малавади щелкнул пальцами и объявил:

— «Зашибалы» передали, что если мы еще раз позволим себе нечто подобное...

— ...то они сделают с нами страшные, ужасные вещи, — закончила за него доктор Ву с юмором висельника.

Удивленный лингвист заморгал.

— Откуда ты узнала? — простодушно поинтересовался он.

— Читаю мысли на расстоянии.

— А еще она может читать по губам, — пояснил сэр Джон, испортив все дело.

Он не был расположен ни к каким шуткам и розыгрышам, хотя и признавал их бесспорную полезность в такой напряженной ситуации, как теперь. Шотландец полагал, что его собственные нервы начинают сдавать. Его работой было компоновать и анализировать информацию, и он ничего не мог предпринять против прямой угрозы физической расправы. Ощущение тщетности всех их усилий горьким сгустком желчи поднялось у него в горле, и он поспешно запил его остывшим кофе по-исландски.

— Алло, Женева? — напряженным голосом позвал Раджавур. — Будьте добры, я хотел бы поговорить с Генеральным Секрстарем... Это весьма срочно... Благодарю вас... Эмиль? Это Сигерсон. Официально объявляю тебе о твоем аресте за преступления против человечества... Что? Уже... Интерпол? Отлично. Я думаю, тебе понравится твое новое серое платье, тупоголовый фигляр. До встречи лет через пятьдесят. *Au revoir*[1].

* * *

Удар — блок, толчок — бросок, пинок ногой — апперкот. Битва не на жизнь, а на смерть между двумя ядерными агентами

[1] *Au revoir (фр.)* — до свидания.

все продолжалась и продолжалась, каждый из них беззаветно сражался за то, что считал правильным.

«Этот обмен ударами может продолжаться целую вечность», — подумал агент Таурус, стискивая зубы от боли. Они слишком хорошо подходили друг другу — подготовка и приемы у обоих были примерно на одном уровне. В отчаянной попытке Таурус предпринял неожиданный ход, внезапно выпустив чемоданчик. Застигнутый врасплох агент Вирго, потеряв равновесие, откачнулся назад, споткнулся и упал. Таурус, собрав свои последние силы, бросился в решительную атаку, пытаясь нанести удар сверху сложенными в замок руками. То был прием рукопашного боя, предназначенный не для того, чтобы оглушить или покалечить — а убить. Таким ударом можно было свалить с ног лося, и защиты от него не существовало. Единственное, что можно было сделать — это не подставить себя под удар.

Кулаки опустились...

...и попали по чемоданчику, который агент Вирго чудом успел выставить перед собой, защищаясь. Созданный конструкторами так, чтобы противостоять любому воздействию, кроме взрыва собственной начинки, атташе-кейс не пострадал. Агент Таурус, завывая, упал на траву — по всей видимости, он переломал себе все кости в обеих руках. Ужасная боль оказалась не под силу даже его тренированному организму, и агент Таурус потерял сознание, ибо сломлено было не только его тело, но и его дух.

Улица длиной в добрых три мили, окружающая Центральный Парк, была запружена огромной толпой людей, которым до смерти хотелось подобраться поближе к чужому космическому кораблю, однако старательные солдаты НАТО твердо держали оборону, сдерживая атаки при помощи мешочков с песком, рояльных струн и тысячи вооруженных снайперов, имевших приказ стрелять в каждого смутьяна без предупреждения.

Позади своих оборонительных рубежей солдаты войск ООН терпеливо ждали, наблюдая за тем, как взмокший от пота офицер нью-йоркской полиции медленно движется к ним, еле переставляя ноги по одной из велосипедных дорожек Парка. В левой руке, которая странным образом скрючилась, он держал ничем не примечательный черный кейс, а правой волочил за собой неподвижное тело майора армейской разведки. Каблуки его ботинок шуршали по гравию, оставляя на нем две параллельные борозды. Приказ генерала Николаева гласил, что никто, кроме

лиц, наделенных специальными полномочиями, не имеет права даже одной ногой ступать на территорию Парка, и войска НАТО остались стоять там, где стояли, не сдвинувшись с места, однако лишь только окровавленная парочка оказалась на тротуаре, она сразу же попала под юрисдикцию войск ООН.

С чрезвычайной заботливостью солдаты освободили полицейского от его портфеля и на руках отнесли обоих в ожидавшую военную санитарную машину. Атташе-кейс сразу попал в руки еще одного ядерного агента, который обезвредил устройство и, не глядя, забросил его в специальное отделение своей тележки на колесах, ни на миг не переставая продавать мороженое и сэндвичи наседавшим прохожим.

Двое военнослужащих войск ООН, стоя в оцеплении на границе Парка, наблюдали за совершением этой операции. Затем рядовой родом из Канады поскреб голову под шлемом и заговорил с британским капралом, стоявшим рядом.

— Как ты думаешь, что это было, а?

— Не имею представления, — ответила женщина-капрал, поправляя на ремне свою винтовку. — Небось этот армейский майор был на самом деле секретным агентом, которого послали с ядерной бомбой взорвать корабль пришельцев, а коп — тот был противоагентом, которого послали остановить агента. Они подрались, и полицейский в последний момент успел вырубить этого армейского зануду и тем самым спас и нас, и весь Манхэттен от гибели в атомном взрыве.

Рядовой некоторое время обдумывал то, что сказала ему капрал.

Да... задашь дурацкий вопрос — получишь дурацкий ответ.

14

До ленча оставалось полчаса времени, и «Зашибалы» занимались тем, что знакомились с управлением кораблем. Протонная пушка — единственное оружие корабля была, разумеется, первым пунктом на повестке дня. Несколько минут «Зашибалы» забавлялись тем, что превращали в дым деревья и скамейки в парке, тренируясь в прицеливании и стрельбе, так что Центральный Парк вскоре стал напоминать Дрезден после бомбежки.

Кто-то потянул Трелла за одежду. Он повернул голову, и Шлямбур спросил у него, где сортир. После некоторого замешательства пришелец наконец понял, что от него хотят, и послал Шлямбура по коридору налево. Техник также объяснил ему, что перед пользованием туалетом необходимо приложить руку к квадратной металлической пластине справа от двери, чтобы система настроилась на определенный вид живых существ. Шлямбур кивнул и удалился.

Минут десять спустя некто, отдаленно напоминающий Шлямбура, медленно вошел в командную рубку. Определенно, это был все-таки самозванец, потому что этот Шлямбур был ослепительно чист, чист от носков своих сияющих ботинок до аккуратно подстриженных и причесанных волос. С майки исчезли жирные пятна, прорехи были тщательно заштопаны, а изображение ящика на спине кожаного жилета выглядело как только что нарисованное. Даже кроличьи зубы сияли белизной.

Пораженные Курок и Бур спросили, что это с ним случилось? Шлямбур, естественно, ответил, что он только зашел в туалетную комнату, как она его укусила. Выяснилось, что не только сам Шлямбур, но и все, что было на нем надето, теперь сверкало чистотой. Даже его ножи были заточены.

На изумленные расспросы Трелл только пожимал плечами. У него не было ответов — туалетная комната и есть туалетная комната. Разве на этой планете не так?

Возбужденные, словно детишки перед Рождеством, Бур и Курок бросились из рубки прочь, чтобы испробовать на себе это чудо технологии. Оба возвратились спустя некоторое время, выскобленные, выстиранные, начищенные, отглаженные и — чуть не до мозга костей — чистые. Это состояние было для них внове, ни разу им не случалось бывать такими опрятными. И это было приятно.

Пока «Зашибалы» со смехом ощупывали друг друга, Трелл перенастроил техпосты в командной рубке, чтобы новые хозяева могли ими пользоваться. Для Курка он подготовил командирский пульт, Бур должен был занять пост охранителя, он сам — инженера, а Шлямбур — коммуникатора, так как системы Скви обладали собственным разумом и большинство работ выполняли самостоятельно.

Во время разгоревшейся дискуссии о том, каким образом лучше всего принять на борт полагающуюся им контрибуцию,

Курок принялся настаивать, чтобы все имущество было телепортировано на борт точно так же, как в свое время попали на корабль «Кровавые Зашибалы».

Трелл возражал против этого, основываясь на том, что полагающаяся им дань будет гораздо массивнее, чем шестерка грязеланд... Тут он осекся, но быстро поправился — чем шестеро людей. Оборудование не сможет телепортировать такую большую массу за один раз, а устройству требуются для перезарядки сто тысяч секунд. Погрузка займет, таким образом, слишком длительное время. Гораздо лучше выключить на некоторое время защитное поле, пропустить грузовики внутрь и снова включить. Пока поле будет выключено, каждый должен будет внимательно наблюдать, не затевается ли что-то против них, а Бур будет держать палец на триггере протонной пушки.

Курок поворчал, но согласился. Это был риск, но «Кровавым Зашибалам» приходилось рисковать еще сильнее — например, когда они ходили на последние сеансы в кинотеатр на Сорок второй улице.

Если только ленч запоздает или ООН попытается сделать какую-нибудь глупость, то первым зданием, которое уничтожит Бур, станет самый высокий небоскреб Нью-Йорка, находящийся в поле зрения. Он так решил. Эх, жаль, что Центр Мировой Торговли не дожил до этих дней! Специалисту по замкам всегда нравился Эмпайр Стейт Билдинг, а эти сопливые ублюдки-строители словно назло ему выстроили две высотные башни Центра на семь этажей выше. Ну и поделом им! Бур подумал, сумеет ли он заставить выбранное здание упасть таким образом, чтобы властям пришлось эвакуировать резиденцию мэра, а лучше — штаб полиции.

Заметив уголком глаза сигнал индикатора, Трелл немедленно направил свои сканеры в то место, где чуткие приборы уловили движение.

— Сэр, в двенадцатом секторе наблюдаю колонну транспортных средств, приближающуюся к нашему кораблю, — доложил техник.

— Дай-ка мне посмотреть, — скомандовал Курок, ворочаясь в своем командном кресле, которое послушно приноравливалось к каждой его новой позе.

Обзорный экран перед ним засветился, и на нем возникло изображение пострадавшего в результате боевых действий парка.

Извиваясь и петляя между кучами развороченной земли, завалами из обожженных деревьев и раскаленными докрасна озерами лавы, к кораблю двигалась колонна автомобилей, во главе которой ехали четыре серебристо-голубых роллс-ройса. За ними, переваливаясь на неровностях почвы, следовали несколько бронированных банковских грузовиков, которые волокли за собой открытые прицепы, в кузовах которых были навалены тюки темно-зеленых листьев.

— Йох-хо! — завопил Бур, от избытка чувств молотя кулаками по твердым подлокотникам своего стального кресла. — Настоящий парад, черт возьми, шеф, правительство на самом деле решило выплатить нам премию!

— Вот наше золото! — прошептал Шлямбур, и контрольные огоньки на его панели ярко вспыхнули, откликаясь на улучшившееся эмоциональное состояние своего нового хозяина. — Золото...

Курок про себя отметил, что банковские грузовики скорее напоминают конвой. Дурные предчувствия одолевали его. Там, снаружи, было слишком много барахла. Гораздо больше, чем они просили. Какой-то инстинкт, отточенный в сотнях уличных драк, предупреждал вожака о возможном вероломстве, но за всю свою жизнь Курку так ни разу и не удалось определить, откуда же угрожала ему опасность.

— Здесь гораздо больше, чем вы потребовали, не так ли? — спросил Трелл, разворачиваясь в своем кресле. — Может быть, они пытаются вас... — и он заговорил о широко распространенной среди его соплеменников практике богато одаривать победителей, чтобы смягчить их отношение к побежденной стороне. Его транслятор, поразмыслив, выдал одно лишь слово «подкупить».

Курок кивнул. Да, возможно, так оно и было. Мир до полусмерти испугался его ребят и теперь надеялся купить их добрую волю. Правительство всегда платило людям приличные деньги только за то, чтобы они вели себя как следует. Из этого никогда ничего путного не выходило, но правительство не оставляло попыток.

Главарь потер руки. Эта традиция была ему по душе.

— Трелл, направь их к грузовому люку и приготовься отключить поле, — и он пристально посмотрел на караван с добром.

— Ты уверен, что весь этот хлам поместится в грузовой шлюз?

— Запросто, сэр. Вместе с транспортными средствами.

— Проблем не будет?

— Никаких.

На лице Бура появилась кривая ухмылка.

— У каждого из нас будет по собственному банковскому автомобилю, скажите пожалуйста! Интересно, сможем ли мы... — и он замолчал на полуслове.

Его рот и оба глаза превратились в большие-пребольшие буквы «О», расположенные треугольником. Курок и Шлямбур ничем от него не отличались.

Караван машин достиг условленной точки у границы защитного поля, и водители вышли из кабин. Это были женщины, и какие! Прекрасные женщины. Роскошные женщины. Рыжеволосые и блондинки. Изящные, длинноногие и грудастые, одетые в одежду из узких полосок полупрозрачной паутины, которая ничуть не скрывала их прелестей. Несколько женщин застенчиво помахали руками кораблю. Роскошная девица в микроскопическом купальнике наклонилась, чтобы поднять что-то с земли, и трое бандитов хором сглотнули.

— Черт побери, — с трепетом прошептал Бур. — Это именно то, что я называю премией!

Шлямбур попытался закрыть рот, пока Курок отлеплял его язык от обзорного экрана. Трелл с недоумением наблюдал за их реакцией. Наконец он припомнил, что его новые командиры заказывали завтрак или что-то вроде того.

— Вы... выключи это силовое поле, — заикаясь приказал главарь. — Загружай это... этих... на борт!

— Девчонки... — прошептал Шлямбур. — Хабба-хабба!

— Ну и вечеринка у нас будет сегодня! — уверенно определил Бур.

Демонстрация объемных фигур особей женского пола, принадлежащих к человеческой породе, не произвела на Трелла никакого впечатления. Он бдительно следил за показаниями сенсоров, ощупывая ими все пространство вокруг корабля, медленно уменьшая напряженность защитного поля.

Сухая веточка, брошенная в сторону защитного экрана, упала на землю, и черная, наскоро сделанная коробочка в руках военного в форме войск НАТО тихо пискнула.

— Поле выключено, сэр, — доложил капрал офицеру.

— Тогда быстро вперед, — шепотом ответил полковник Роберт Вайс в свой укрепленный на горле микрофон.

Из-под огромной кучи стволов и ветвей деревьев тут же появился целый взвод вооруженных до зубов солдат. Низко пригибаясь, солдаты быстро преодолели несколько метров, которые отделяли их от границы защитного поля чужого корабля. Последний из солдат волочил за собой большую покрытую листьями ветку, заметая следы. Неощутимые лучи сенсоров корабля следили за каждым их шагом, но охранная система корабля никак на них не отреагировала, так как ее сигналы полностью глушились той черной коробочкой, которую держал в руках капрал. Все тридцать человек проворно вскарабкались на осыпающийся холмик у подножия корабля, произведя гораздо меньше шума, чем колонна грузовиков и машин с противоположной стороны шара.

Впередсмотрящая и Семнадцатый не пошли вместе со штурмовым отрядом, а остались в бункере, ибо профессор Раджавур счел их познания в технике и видах космического оружия слишком ценными, чтобы подвергать их опасности во время возможной перестрелки. Джианцы неохотно согласились на его просьбу остаться, тем более что их гипнотренинг также призывал их действовать разумно и осмотрительно, не поддаваясь желанию собственноручно совершить акт возмездия.

Когда все коммандос благополучно собрались под изгибающейся стеной гигантского космического корабля, полковник Вайс достал длинный стержень из полированной меди и торопливо присоединил к нему микрочипы, которые извлек из кармана рубашки. Это и был ключ для блокировки запорной автоматики, который соорудил Семнадцатый. Включив устройство нажатием кнопки, полковник помахал им в воздухе в непосредственной близости от обшивки корабля. Штурмовой отряд с нетерпением ждал. Джианец мог только предположить, каким кодом пользовались Айдоу и его шайка. Если его предположение было правильным, тогда — отлично. Но если он предположил неправильно... Солдаты НАТО не боялись умереть, но их страшила бессмысленная гибель и последующее страшное возмездие, которое обрушат на беззащитный мир «Кровавые Зашибалы».

Все с облегчением вздохнули, когда секция корабельной обшивки шириной в метр сама собой отворилась, откинувшись

в сторону на петлях. Из образовавшегося отверстия посыпался всякий инопланетный мусор: кости, сосуды, оберточная бумага, разнообразный изломанный хлам и один тщательно, со знанием дела умерщвленный кватралианин. Солдаты притворились, что не обращают внимания на гнусное соседство. Как можно тише они начали карабкаться в люк, за которым начиналась круто уходящая вверх труба. Их ботинки на резиновых подошвах помогали им не соскальзывать вниз. Лишь только последний солдат проник внутрь, полковник Вайс снова нажал кнопку на ключе. Люк закрылся, и их окружила темнота.

— Визоры! — шепнул сержант, и солдаты опустили забрала шлемов, сделанные из специального стекла, чувствительного к инфракрасному излучению.

Тьма рассеялась настолько, чтобы можно было разглядеть черно-белые фигуры солдат и удивительно вонючую трубу, внутри которой они оказались. Кто-то проворчал что-то насчет выгребной ямы, в которой они оказались, но нарушителю дисциплины тут же напомнили о том, что разговаривать нельзя, причем напомнили без слов, довольно сильно ударив ослушника по голове.

— Все на месте, сэр, — доложил лейтенант Нилон и кивнул, чувствуя себя неловко оттого, что не может присовокупить к рапорту отдание чести. Правой рукой своей он упирался в пол, прижимаясь спиной к узкому потолку трубы, чтобы не скатиться вниз. Отдавать честь левой рукой вышестоящему начальнику считалось в армии страшным оскорблением, из-за этого случались даже дуэли.

Вайс поблагодарил лейтенанта и сверился с планом, который по памяти набросал Семнадцатый. Прямо впереди по трубе должен был быть установлен сенсор безопасности мусоропровода. Подняв к своему визору специальный бинокль, полковник увидел то, что искал — выступающий из стены шестиугольный ящичек.

То и дело оскальзываясь на липкой дряни, которой были вымазаны все трубы, Вайс и его солдаты осторожно приблизились. Капрал с черной коробочкой в руках поднес ее к устройству и, дождавшись, пока коробочка пискнула, кивнул головой. К нему приблизился рядовой и аккуратными движениями, словно обезвреживая бомбу, снял панель. Затем рядовой перерезал провода и подключил обводные контуры, чтобы в командной рубке не было известно о продвижении группы по мусоропроводу.

Полковник Вайс сосредоточенно закусил губу. Одно неверное движение — и всех их ждет смерть. На сей раз, кажется, обошлось.

Последний грузовик пересек границу защитного поля, и Трелл незамедлительно снова включил его. Снова в безопасности. Его внимание привлекли удары и проклятья. Трелл обернулся. Вращающийся Железный Коловорот лупил кулаками по своему обзорному экрану.

— Что случилось, Бур? — спросил транслятор.

— Эта гребаная штука сломалась! — взорвался бандит. — Баб больше не видно!

— Они вошли в мертвое пространство под корпусом корабля, — терпеливо объяснил Трелл. — Наши камеры не могут показывать на таком близком расстоянии, — его гибкие зеленые пальцы переключили тумблер контроля, и на экранах возник погрузочный шлюз — огромных размеров помещение, вдоль стен которого — белых, как и повсюду — было установлено непонятное инопланетное оборудование.

— Трап на грунте, — официально доложил Трелл, нажимая белую кнопку и поворачивая наборный диск. — Открываю главные двери шлюза.

Белая стена вдруг раздалась, отверстие стало расширяться до тех пор, пока в шлюз не хлынули яркие лучи полуденного солнца. Зрелище напоминало вид яйца изнутри, разбиваемого снаружи. Взревели двигатели, и в проеме оказался грузовик, за которым последовали остальные машины. Явные уроженки Нью-Йорка, водители парковались как им вздумается, ничуть не заботясь даже о слабом подобии порядка. Женщины тут же выбрались из кабин и, разинув рты, уставились на странное оборудование шлюза, время от времени вздрагивая, несмотря на то, что в шлюзе было довольно тепло.

Огромные двери беззвучно захлопнулись.

— Трелл, ты готов? — спросил Курок, не отрывая взгляда от аппетитных женских форм на экране.

— Да, сэр.

— Тогда начинай, пижон.

Грузовой шлюз залил пульсирующий желтый свет, энергетические лучи затратили меньше минуты на исследование каждой женщины, затем проверили лимузины и грузовики с прицепами, вплоть до последней шайбы. Толстая броня банковских грузови-

ков была для лучей сенсоров прозрачнее стекла. Нигде не было ни спрятанного оружия, ни ядов, ни взрывчатых веществ, ни радиопередатчиков, ни...

— Чисто, мой командир, — объявил Трелл, довольный тем обстоятельством, что ему не нужно включать в число представляющих опасность предметов вспыльчивый характер главаря «Зашибал». — Они — те самые, за кого себя выдают: по преимуществу раздетые самки вашего вида и транспортные средства, работающие на бензине...

«Двигатели внутреннего сгорания! — с отвращением подумал Трелл. — Горячий Вакуум! Как он не сообразил!» И он включил свой микрофон.

— ВЫКЛЮЧИТЕ ДВИГАТЕЛИ НЕМЕДЛЕННО! — загремел голос техника с потолка погрузочного шлюза.

Женщины бросились исполнять приказ. Трелл с отвращением высморкался. Наверное, теперь придется вручную скоблить шлюз, чтобы истребить эту мерзкую вонь!

— Можно нам пойти и поздороваться, шеф? — смущенно поинтересовался Шлямбур.

Женщины для него всегда были тайной за семью печатями. Что, например, нужно говорить, когда, как заставить женщину перестать рыдать?.. Эти тайны он надеялся вскоре открыть для себя. А заодно и выяснить, какой у него темперамент.

— Пусть эти сучки придут сюда, — предложил Бур, не отрывая своего голодного взгляда от экранов. Ему ни разу не приходилось видеть таких женщин, ни в кино, ни в журналах!

— Это будет не очень разумно, — возразил Трелл, — не стоит показывать им нашу командную рубку. Почему бы вам не встретиться с ними в Комнате наслаждений?

— Где-где?! — недоверчиво переспросил Курок.

Маленький инопланетянин повторил. Комната удовольствий... это звучало заманчиво. Эти пришельцы неплохо устроились.

— Трелл, скажи им куда идти, затем покажешь нам, как туда попасть.

— Разумеется.

Главарь поднялся во весь рост и улыбнулся.

— Ты останешься здесь и будешь охранять корабль, пока мы с парнями спустимся вниз.

— Да-да, — подтвердил Бур, облизываясь. — Пока мы спустимся вниз.

— Но, сэр, — заговорил Трелл, собираясь исправить их ошибку, — комната наслаждений находится над нами и...

Курок погрозил ему пальцем.

— Ты только объясни, как туда попасть, а уж мы... Нет, я подумал, что тебя не стоит здесь оставлять, — волосатый главарь навис над зеленым пришельцем, как сама Смерть. — Не хочу, чтобы тебе в голову приходили всякие веселые мысли. Ты пойдешь с нами.

Треллу каким-то образом удалось улыбнуться.

— К-конечно, сэр.

«О Вакуум!» — только и подумал он про себя.

* * *

Лишь только выбравшись из люка мусоросбрасывателя, солдаты торопливо расстегнули и сняли с себя грязные накидки, бросив их на пол. Пока полковник Вайс пытался отыскивать их месторасположение на плане, солдаты тщательно закрыли за собой дверцу люка и проверили свое оружие. Затем они скрытно, ускоренным маршем, быстро двинулись по чистому белому коридору, стараясь не шуметь и не привлекать внимания противника.

Внутренность корабля оказалась настоящим запутанным лабиринтом разветвляющихся коридоров, проходов, пандусов и спиральных тоннелей. Очень скоро полковник понял, что его карта не совсем точна, так как левый поворот привел их в кухню, вместо того чтобы вывести их к реакторам. Ужасно. И хотя без помощи Авантора и Семнадцатого земляне оказались бы в еще большей беде, с другой стороны, если бы эти двое не допустили посадки на Землю корабля под командованием Айдоу и его шайки, ничего из того, что случилось, вовсе бы не произошло. А может быть, просто — «зелен виноград»...

Капрал потянул полковника за рукав.

— Сэр, — прошептал он, — тут развилка, которой нет на плане. Куда нам идти?

— Еще раз налево, — приказал полковник, мысленно скрестив пальцы, и отряд двинулся вперед.

Огромное вам спасибо, Великие Золотистые Ничтожества...

Направо по коридору от развилки, скрытый изгибом стены, огромный, напоминающий бегемота боевой робот прекратил свое безостановочное движение из стороны в сторону перед запертой дверью воздушного шлюза № 4 и повернул массивную бронированную башню. Р-р-р? Шум. Изготовив к бою свое многочисленное вооружение, боеробот покатился по коридору.

* * *

Лишь только двенадцать красавиц вступили в Комнату наслаждений, они хором ахнули от восхищения, совсем как «Кровавые Зашибалы» несколько минут назад.

«Зашибалы» вошли в помещение несколько раньше, но комната не произвела на них никакого особенного впечатления. Для них это была просто еще одна белая комната. Но стоило только Треллу прикоснуться к сверкающей панели около входа, как тут же стены и куполообразный потолок комнаты превратились в яркое голубое небо, по которому медленно плыли голографические изображения развеселых оранжевых облаков. На полу возник яркий зеленый ковер из живого мха, каждый стебелек которого, мягкий как пух, в буквальном смысле умолял о прикосновении к босым ногам вошедших. Наличие говорящей травы на первых порах держало «Зашибал» в напряжении, но после нескольких осторожных попыток им даже понравилось топтать ногами мазохистский мох, прислушиваясь к его сладострастным стонам и крикам радости.

Пока они занимались этим приятным для обеих сторон делом, из стен словно выплыли широкие и удобные диваны и плюшевые кушетки, которые автоматические подстраивались под каждое новое положение сидящего или лежащего на ней существа. Это их свойство первым открыл Шлямбур. На столиках из отшлифованного хрусталя, которые внезапно упали прямо с облаков, нисколько при этом не пострадав, были со вкусом расставлены разнообразнейшие диковины и предметы искусства из других миров: нежно гудящие вазы из полупрозрачного металла, ледяная скульптура семиногой твари, несущаяся бешеным аллюром, которая не таяла, но и никуда не бежала, а также дешевый пластмассовый таракан с будильником в брюхе.

Из угла комнаты выкатилась целая библиотека видеосфер со стереофоническими записями воплей боли и страданий сотен различных пытаемых. Надеясь найти порнографический фильм или рок-концерт, Бур наудачу вытащил один радужный шарик и попытался привести его в действие, но ему так и не удалось заставить заработать хитроумное инопланетное приспособление. Разочарованный Бур прекратил попытки и окропил себя розовой жидкостью. В этот момент вошли девушки, и Бур посмотрел на них взглядом опытного ловеласа. «Ого! — подумал он. — Девочки такие знойные, так и пышут жаром — как бы не пришлось отключать пожарную сигнализацию».

Курок, забросив правую голень на колено левой ноги, возлежал на кушетке, словно король, окруженный своим двором, и ждал, пока женщины подойдут поближе. Устраиваясь поудобнее, он снял с себя кожаную куртку и аккуратно уложил ее на мох возле ботинок. Там же лежал снятый с предохранителя лазер. Его майка без рукавов и облегающие джинсы выгодно подчеркивали его мускулистую фигуру, одновременно обнажая его многочисленные шрамы.

Стайка полуголых красоток замешкалась в дверях, смущенно переглядываясь, пока рослая блондинка не указала на Курка и не поклонилась ему изысканно.

— Приветствуем тебя, предводитель «Кровавых Зашибал», — обратилась она к нему, явно декламируя текст по памяти. — Организация Объединенных Наций благодарит тебя и твоих отважных товарищей за захват инопланетного космического корабля и надеется, что вы не откажетесь принять... — в этом месте девушка весьма кстати покраснела, — эту добавочную премию, которую вам преподносят от чистого сердца.

— Ну, ты даешь! — заявил Бур, еле сдерживая свои инстинкты, настоятельно призывающие его к действиям. Взволнованный Шлямбур, сидя на краешке дивана, то скрещивал, то снова ставил прямо ноги.

Блондинка улыбнулась, словно прочтя его мысли.

— Меня зовут Аманда, — представилась она. — Это Роксана, Руфь, Алиса, Юлия, Синтия.

Синтия обворожительно улыбнулась в ответ на плотоядный взгляд Курка.

— А это... — Аманда указала на вторую группу девушек, — Джойс, Дебора, Линн, Стэйси, Вильма и Лаура.

Лаура, миниатюрная блондинка с восхитительными очертаниями бюста, приковала к себе внимание Шлямбура. Он на самом деле был выше нее! Перед юношей открылись такие сексуальные перспективы, от которых дух захватывало, и Шлямбур почувствовал, что краснеет.

Исполненные любопытства, такие огромные, что к ним подошел бы эпитет «двуспальные», глаза Линн обежали комнату.

— Я думала, что вас четверо, — заметила она, дразняще поднося палец к губам.

— Так и есть, — заявил Бур, ткнув пальцем в сторону Трелла.

Заскучавший техник устроился в углу, мрачно пересчитывая пальцы на конечностях.

«Давайте, трахнитесь, и покончим с этим», — мысленно приказал он людям.

В глазах Линн не было заметно никакого подвоха.

— Четверо людей, — поправила она.

Курок нахмурил брови: «Значит, они думали, что изменник остался в живых». Инстинктивно он солгал:

— Лом сейчас на мостике, — сказал он громко, так, чтобы и все члены его команды слышали. — Смотрит за тем, чтобы никто не сделал какую-нибудь глупость.

Аманда пожала плечами, отчего самые выпуклые части ее тела эротично заколыхались.

— Ну и пусть. Мы можем послать к нему кого-нибудь, чтобы он не чувствовал себя покинутым.

— Пусть он трахнется, — фыркнул Курок.

— И это тоже, — изящная блондинка улыбнулась, отчего на щеках ее появились симпатичные ямочки.

— Я имел в виду, что он потерпит. Я не хочу, чтобы мой человек отвлекался от дела, — главарь оскалился и мысленно раздел девушку, что, впрочем, не составляло особого труда и не требовало богатого воображения. — Но мы можем начать. Иди-ка сюда, малышка.

Женщина покорно приблизилась. Курок встал с кушетки, притянул к себе и стал целовать в губы. Блондинка сначала сопротивлялась, но потом прильнула к нему и ответила на поцелуй к обоюдному удовольствию. Когда они наконец отняли друг от друга губы, чтобы глотнуть воздуха, еще три девушки подбежали к вождю «Зашибал» и принялись ласкать и гладить его тело.

Компания роботов-стюардов, напоминающих самоходные сервировочные столики с двумя черными металлическими манипуляторами, вкатилась в комнату, доставив заказанный ленч, быстро и ловко разложив припасы на хрустальном голубом столе. Загремела музыка, это робот включил моднейший музыкальный центр. Трелл уставился на плэйер с болезненным любопытством. Что это? Аппарат для воспроизведения звука или установка для запуска ракет?

— Вечеринка начинается! — провозгласил Бур, на каждой руке которого повисло по женщине. Девица восточного вида тем временем стащила со Шлямбура кожаный жилет и уселась у него на коленях, восхищенно хихикая и кривляясь. Лишившийся дара речи уличный панк только слушал, как Линн и Вильма нашептывают ему в уши невероятные вещи и запечатывают свои послания смачными поцелуями.

— А я была танцовщицей, исполняла всякие эротические танцы, — призналась Синтия тяжело дышащему Курку, прижимаясь к нему горячим телом.

— Ну иди станцуй, — приказал взмокший главарь, — покажи нам!

Бур прибавил громкость в магнитофоне. Изящная блондинка выскочила на середину комнаты, скинула туфли и принялась извиваться всем своим податливым телом, вскидывая точеные ножки высоко в воздух в такт ритмичной музыке.

Стены Комнаты наслаждений улавливали гармонические колебания, исходящие от стереоустановки, обрабатывали их и отражали обратно, но более чистыми и звучными. Вскоре все, за исключением Трелла, весело отплясывали на зеленом полу, выкрикивая всякую чепуху и хохоча, доводя нежные мхи до состояния экстаза.

Трелл едва удержался, чтобы не вызвать медицинского робота, но вовремя догадался, что эти странные танцы, должно быть, являются частью человеческого брачного обряда. Как это примитивно! Почему самцы не забьют самок дубинками до бесчувствия, как это делают цивилизованные расы? Снедаемый скукой более обычного, Трелл утешился тем, что съел упаковку жареных цыплят, включая корзиночку, в которой они лежали. Корзиночка оказалась настолько вкусной, что Трелл дочиста вылизал пальцы. Вкуснятина! Техник отыскал вторую корзиночку, вывалил из нее цыплят и принялся блаженно жевать грязный,

промасленный картон. Великий Первый Строитель, умеют же готовить эти грязеландцы!

* * *

Первым признаком того, что случилась какая-то неприятность, были выстрелы из автоматической винтовки, донесшиеся из хвоста колонны.

— Назад! — приказал полковник Вайс солдатам, и головной дозор бегом вернулся к отряду.

Натовские солдаты завернули за угол и глазам их предстала картина, словно из самого Ада.

В дальнем конце коридора быстро двигался на них боеробот, который наконец обнаружил незваных гостей. Страшная машина вела себя точно таким образом, который в Уставах НАТО однозначно классифицировался бы как враждебные действия — суставчатые металлические руки заканчивались острейшими лезвиями, которые со свистом стригли воздух, а на кончиках изогнутых стержней мерцали светом голубые шары. Не тратя зря драгоценного времени, полковник Вайс приказал открыть огонь из гранатометов.

Обе базуки выстрелили одновременно, дотянувшись своими огненными пальцами, ударили робота в его единственную, метровой ширины гусеницу, превращая стальные траки в раздробленные металлические осколки.

Боеробот досадливо остановился, затем включил свои мощные реактивные двигатели, которые размещались у него под днищем. Мощные струи горячего воздуха подняли металлическое чудовище над полом примерно на фут, после чего робот заскользил вперед на своей воздушной подушке. Немедленно дюжина ручных гранат взорвалась прямо под ним, но робот лишь покачнулся в полете. Не дожидаясь приказа, гранатометы снова выстрелили, уничтожив изрядный кусок палубы прямо перед роботом, обрушив стены и часть потолка, так что роботу пришлось некоторое время разбирать завал, прежде чем он смог снова двинуться вперед.

Рядовые Анжело и Петере опять зарядили свои гранатометы сорокамиллиметровыми бронебойными снарядами и выстрели-

ли, попав точно в куполообразную голову бороботa, отчего робот заморгал. Град осколков обрушился на них, рикошетирующие кусочки металла ударялись в бронежилеты, один из солдат, вскрикнув, упал. Лейтенант Нилон выстрелил по роботу из огнемета, едва дотянувшись до цели на таком расстоянии и окатив робота жидким напалмом, который прилип к броне словно пылающий мед. Но робот не остановился, он продолжал свое движение вперед, и пламя стекало с его многочисленных рук-манипуляторов.

Полковник Вайс нахмурился. У них не было ни времени, ни возможности вести с этой чудовищной машиной позиционную войну.

— Отделение «В» — задержать эту штуку! — завопил полковник, перекрикивая шум битвы. — Отделение «А» — за мной!

Отряд распался. Отделение «В», прочно уперевшись каблуками в пол, заняло оборонительную позицию. Отделение «А» последовало за полковником, отлично понимая, что судьба всего мира теперь зависит от того, сумеют ли они найти командную рубку и захватить шайку «Зашибал». Коридор перед ними изгибался. Согласно плану здесь должна была быть еще одна развилка. Но лишь только отделение завернуло за угол, как обнаружилось, что они в тупике. Проклятая карта снова подвела их!

Вайс коснулся пальцами торцевой стены. Под его руками стена скользнула влево и со щелчком закрылась. Карта на этот раз не лгала. Они были заблокированы.

— Бенсон, Каминский! Пробейте дыру в этой переборке. Гельфанд и Лутсман, помогите им. Все остальные — назад! — и Вайс погнал своих солдат прочь от стены.

* * *

Полковник Вайс, однако, оставил отделению «В» последний козырь — капрала, вооруженного Вихревым Атомным Пистолетом. Это была экспериментальная модель, созданная в лаборатории вооружений ООН, и только одному Господу Богу было известно, что могла эта штука. ВАП взяли в эту экспедицию на самый крайний случай.

Лейтенант Нилон рассудил так, что, если остановить этого робота не является крайним случаем, значит, Вебстер[1] только что поменял определение в своем словаре.

— ВАП, огонь! — приказал Нилон, и капрал вынул из чехла свое — весьма вероятно, что смертоносное и обладающее значительной разрушительной силой, оружие. Ослепительное жаркое пламя полыхнуло во всю длину коридора, и кто-то вскрикнул.

* * *

Счастливая улыбка на лице Трелла погасла, когда коммуникационное устройство на его поясе, к которому подсоединялся техпост Бозтванка, сообщил ему при помощи ультразвуковых колебаний, что на шестой палубе идет сражение.

— Внимание! Внимание! На борту посторонние! — произнесла по-английски бежевая коробочка на поясе техника.

Но из-за оглушительного грохота музыки его никто не услышал. Трелл поднял магнитофон высоко в воздух, насколько позволял его малый рост, и вдребезги разбил его о хрустальный пол. В наступившей тишине транслятор спокойно повторил свое сообщение.

Курок грубо столкнул с коленей устроившуюся там девушку и подхватил с пола свою кожанку и лазер.

— За мной, ребята, нам нужно кое-кого прикончить!

— Брось! — воскликнул Бур. — У меня появилась отличная мысль!

— Что? — главарь остановился уже в дверях.

— Как насчет того, чтобы попробовать эту штуку... газ «Омега»? — спросил специалист по замкам. — Эй, Трелл, у нас еще что-нибудь осталось?

— Конечно, осталось! — с энтузиазмом воскликнул техник. — У нас его полно! Мы их заморозим насмерть!

— Ты хочешь сказать — поджарим! — поправил его Курок. — Вперед, зелененький! Наполним корабль кипящим газом и поджарим этих ослов, чтобы они позагибались!

---

[1] Вебстер (Уэбстер), Ной (1758—1843) — американский лексикограф, автор знаменитого словаря американского варианта английского языка.

Трелл был озадачен, но общую идею он уловил. Они должны были убить вторгшихся на корабль посторонних вместе с их вьючными животными.

— А что с девчонками? — спросил Шлямбур в кожаном жилете и с лазерной винтовкой в руке, но все еще окруженный своим гаремом полуголых красоток.

«Это просто приманка в ловушке», — с горечью подумал Курок, ничуть не виня себя за то, что не понял этого раньше. Именно такой уловки до сих пор никто против него не применял. Он также был вынужден признать, что находиться в этой ловушке было более чем приятно. Девушки прекрасно отвлекали на себя их внимание, пока копы пробились на корабль, чтобы захватить банду в буквальном смысле со спущенными штанами. Может быть, следует поубивать женщин и заказать других? Нет, нельзя так разбрасываться добром. Одна только Аманда... умм!

— Бегом за нами, — приказал Курок девушкам. — И тихо! А не то... Ясно?

Испуганные женщины кротко закивали и поспешили за мчащимися по коридорам «Зашибалами» так быстро, как только позволяли им высокие каблуки.

Несколько минут спустя вся компания уже толпилась в командной рубке, и Трелл вручную задвинул свежеотремонтированную дверь, применив магнитные запоры, чтобы удерживать стальные створки на месте. Немного подумав, он подпер дверь опустившимся летающим блюдцем Бозтванка.

— Кто там, снаружи? — небрежным тоном спросил Бур, которого на самом деле не очень занимал вопрос о том, кого им предстоит сейчас укокошить. — ФБР? Военные? — внезапно он побледнел. — Лишь бы только не эти проклятые звездные копы!

— Кого это трахает? — презрительно вымолвил Курок, усаживаясь в командирское кресло и включая те несколько переключателей, которыми он уже умел пользоваться.

— Трелл, где они?

— Палуба-6... 5... нет, они на 4-й палубе, — встревоженно пробормотал Трелл, прислушиваясь к транслятору на поясе и пробираясь сквозь толпу девушек к своему техпосту. Кто бы ни были попавшие на корабль, они подобрались слишком близко к командной рубке.

Внезапно пол под ногами вздрогнул, и несколько ламп на пульте погасло — из строя вышла целая секция сенсорных датчиков. Ради Вакуума, что они там такое делают?!

— Палуба-4, — повторил Трелл громко. — Палуба-3: сенсоры показывают наличие пулевого оружия, химическую взрывчатку, какое-то энергетическое оружие и большой металлический... Оу-еу! Они схватились с бороботом! — Трелл был потрясен. — Должно быть, робот охотится за вами с тех самых пор, как вы выбрались из испытательной камеры.

Так! Трелла передернуло, когда он подумал, что они, быть может, прошли совсем рядом со смертоносной машиной, скрытые пурпурными облаками газа Омега.

— Боевой робот? — спросил кто-то из женщин, и Курок приказал им всем заткнуться.

Перепуганные девушки обменивались встревоженными взглядами. Им даже трудно было себе представить этого монстра с бронированным как у танка туловищем и дюжиной конечностей, каждая из которых заканчивается каким-нибудь страшным оружием. Однако единственное, в чем они были не правы, так это в количестве рук робота — их было около сотни.

— Наши враги сражаются с нашими врагами, — пробормотал Бур, ворочаясь в своем жестком кресле. — Почти как в Библии.

Курок улыбнулся словам своего лейтенанта.

«Какой он все-таки начитанный», — подумал он.

Очаровательная брюнетка прижалась к Шлямбуру, словно ища защиты, но он оттолкнул ее. Не сейчас. Он был занят делом.

— Как нам приготовить этот газ? — спросил Бур, нажимая несколько кнопок и поворачивая какой-то рычаг.

Трелл подбежал к нему и поспешно повернул рычаг в обратном направлении, установив его на одно из делений шкалы.

— Нужно согреть его до температуры, равной восьмикратной температуре вашего тела, — сообщил транслятор на поясе техника, быстро приводя шкалы температур в соответствие. — Это займет около четырех тысяч секунд... — Трелл внезапно улыбнулся. — Нет, всего только тысячу секунд. Газ Омега еще не остыл с прошлого раза.

Корабль снова содрогнулся, и на пульте техпоста охранителя погасло еще с десяток индикаторов.

— У нас неприятности? — спросил встревоженный Курок.

— У них, — поправил его Трелл.

Он терпеть не мог убивать кого бы то ни было, но у его расы был очень сильно развит инстинкт самосохранения.

Курок, нахмурившись, рассматривал свою консоль.

— Какую кнопку надо нажимать? — спросил он.

Трелл показал ему — какую. Курок тут же занес указательный палец над мерцающим индикатором.

— Ты только скажи — когда, а уж я не подведу, — проворчал он сквозь стиснутые зубы. — Правило № 1 для всей Вселенной: «Никто не смеет задевать «Зашибал» и оставаться в живых».

Трелл кивнул в знак согласия и тщательно проверил показания приборов. В этот раз ошибки быть не должно. Он дождется, пока газ будет нагрет до нужной температуры, и только потом выпустит его в коридоры: пусть он испортит на стенах краску, но зато все, состоящее из органических веществ, будет им поглощено.

* * *

Глубоко в недрах корабля смертоносный газ Омега начал бурлить и пузыриться в своем стальном резервуаре. Растущее давление ускоряло процесс его нагревания, и боевой газ начал давить на выпускной клапан, стремясь вырваться на волю.

Но ему было приказано подождать.

Должно было пройти еще девятьсот секунд.

890...

885...

880...

875...

15

Наконец яркие звезды, ленты и спирали погасли, и зрение медленно вернулось к солдатам отделения «В». На расстоянии пятидесяти метров от них неподвижной черной громадиной ле-

жал на полу боеробот. Его многочисленные конечности позвякивали друг о друга, как колокольчики на ветру. На его лобовой панели были выжжены мощным выстрелом атомного пистолета глубокие шрамы. Солдаты чуть не закричали от радости, но остановились: все открытые участки кожи были обожжены яркой вспышкой. Тут же появились и были вскрыты индивидуальные пакеты и тюбики с мазью.

— Чем стреляет это оружие, капрал? — поинтересовался лейтенант Нилон, накладывая мазь на свои обожженные руки.

— Управляемое ядерное торнадо, сэр, — доложил капрал, продолжая заниматься своими собственными ранами.

Кто-то рассмеялся:

— Черта с два оно управляемое!

— Эй, а как насчет радиоактивного заражения? — спросил еще кто-то из солдат.

— В инструкции говорится, что опасности для здоровья нет, — заверил капрал товарищей, указывая на бедро, откуда свешивалась в кожаном переплете толстая книга размером с Большой телефонный справочник Манхэттена.

— Хватит трепаться, — проворчал сержант, вставляя в винтовку новый магазин. — У нас еще немало дел. Давайте убираться отсюда.

Едва сдерживая болезненные стоны, солдаты поднялись с пола и уже готовы были отправиться вдогонку за своими товарищами, ушедшими с полковником, когда позади них что-то лязгнуло. Они обернулись и увидели, как машина пришельцев задрожала, зашевелила конечностями и приподнялась над полом. В следующее мгновение она снова двигалась вперед так, как будто ничего не случилось. Лейтенант Нилон выругался. Боже правый! Что может остановить это механическое чудовище? Приговор суда? Атомный пистолет только ненадолго оглушил его. Как насчет того, чтобы попробовать еще разок?

— Опустить щитки! — приказал лейтенант, опуская забрало шлема. Солдаты поспешно сделали то же самое, ибо теперь они знали, чего ожидать от ВАП. — Огонь! — приказал лейтенант, тронув за плечо капрала.

Стрелок с готовностью поднял свое оружие и нажал на первый спусковой крючок. Малиновый луч лазерного прицела вырвался из крошечного цилиндра, укрепленного на раме неуклюжего, многоствольного атомного пистолета. Затаив дыхание,

капрал нажал на второй спусковой крючок. Из грушевидного главного ствола пистолета вырвалась ослепительная молния. Мощная отдача заставила тяжелое оружие подпрыгнуть вверх. Чудовищная желтая вспышка ослепила солдат, и сужающаяся спираль атомного пламени ударила торопливо отступающего робота. Тяжелая машина резко вздрогнула, когда острый конец энергетического вихря скользнул по лобовой броне, оставляя на черных досках робота раскаленные докрасна глубокие шрамы. Капли расплавленного металла брызнули во все стороны, и по корпусу корабля пробежали мощные электрические разряды. Когда энергия перестала изливаться из стволов Вихревого Атомного Пистолета, боеробот погасил огни и тяжело обрушился на пол, кромсая пластиковое покрытие пола конвульсивными движениями своих пробойников, дрелей и дисковых пил. Потом наступила минута абсолютной тишины, во время которой ошпаренные солдаты неслышно молились... Затем раздался дружный стон разочарования, ибо мигающие огоньки робота снова ожили, массивная голова повернулась в их сторону, а клацающие и лязгающие конечности боевой машины приподнялись, изготовившись к нападению. Робот всплыл над полом и начал скользить вперед.

Лейтенант Нилон состроил недовольную гримасу. На этот раз проклятое устройство оправилось от энергетического удара скорее, чем в первый раз. Это открытие ничуть его не утешило, и он, мгновенно вспотев, отдал новую команду:

— Атомный пистолет, пли!

Капрал, хватая ртом горячий воздух, покачал головой:

— Ничего не выйдет, сэр. Батареям нужно время, чтобы дозарядиться.

— Сколько времени?

— Шестьдесят секунд.

Лейтенант Нилон мрачно подумал, что шестьдесят секунд будут тянуться для них так же долго, как шестьдесят человеческих жизней, зато каждая секунда добавляла драгоценное время отделению «А».

— Огонь! — приказал он остальным.

Горячие пули вылетали из стволов автоматических винтовок, пытаясь нащупать уязвимое место в броне робота. Воющие гранаты врезались в стены, обрушивая их внутрь коридора, что должно было задержать движение чудовищной машины, однако

робот перехитрил людей: вместо того чтобы разбирать завалы, боеробот выпростал две могучие клешни и, вцепившись ими в потолок, раскачался и перебросил свое могучее тело через груду обломков. Да, это был не какой-нибудь безмозглый автомат, боеробот учился на своих ошибках.

Это завораживающее зрелище тем не менее заставило солдат с утроенной энергией прильнуть к прикладам своих автоматических винтовок. Вентиляционные системы космического корабля отлично справились со своей задачей, очищая воздух от дыма, давая солдатам возможность отчетливо видеть цель. Но это ничего им не давало. Ручные гранаты, ракеты, термит, напалм — ничто не причинило роботу ни малейшего вреда. Один лишь атомный пистолет приостановил его движение, но и только.

За углом раздался мощный взрыв, клубами повалил белый удушливый дым, и из него стали один за другим появляться отчаянно кашляющие солдаты отделения «А» во главе с полковником Вайсом. Глотнув свежего воздуха, солдаты развернулись и снова исчезли за поворотом.

Невероятно, но преградившая им путь стена стояла на прежнем месте и была покрыта лишь паутиной трещин. Бенсон и Каминский умело приладили к стене более сильный заряд пластиковой взрывчатки, воткнули в нее похожие на карандаши замедлители-детонаторы и, сорвав защитные колпачки, отступили от стены. Солдаты залегли, и заряд взорвался с оглушительным грохотом. Когда дым немного рассеялся, солдаты разразились проклятьями, которые прозвучали едва ли не громче самого взрыва. Трещины в переборке стали шире, такими, что в них можно было просунуть палец, но они на глазах затягивались, рубцевались, словно раны на теле.

— Давайте еще раз! — приказал полковник подрывникам. — Используйте всю взрывчатку, что у вас есть!

На этот раз пластиковую взрывчатку лепили к стене целыми фунтами вместо обычных унций; снова были сорваны колпачки детонаторов. Мощная взрывная волна пошвыряла солдат на пол. Лежа на полу, полковник Вайс перекатился на живот и схватил свое оружие, готовый нажать на курок и внести свою маленькую лепту в дело разрушения проклятой стены, но его помощь была не нужна. Стена исчезла, заряд разнес ее на кусочки.

— Отделение «А»! — победно крикнул полковник. — Вперед!

Без всякого усилия солдаты перепрыгнули через кучку дымящихся обломков и помчались вперед. Зигзагообразный извив коридора привел их в новый тупик, и все услышали металлический лязг запирающейся самовосстанавливающейся стены.

Полковник напряженно размышлял, тридцать лет ежедневной военной подготовки незамедлительно пришли ему на помощь.

— Ищите вентиляционный люк! Быстро! — приказал он. Увы, ни одного люка поблизости не оказалось. Им оставалось только одно: отступить, вернуться обратно и пробиться по коридору, в котором вел бой с бороботом отряд «В». «Богом клянусь, мы сойдемся с ним врукопашную!» — подумал полковник.

— Бегом! — приказал Вайс, и без возражений отважные солдаты НАТО развернулись и начали стремительное наступление в сторону тыла.

* * *

Двумя палубами ниже Аманда подошла к Курку, поддерживая на груди свою прозрачную ночную сорочку. Ее рука ласково легла ему на плечо.

— Курочек?

— Чего? — сквозь стиснутые зубы прошипел главарь, не отрывая взгляда от Трелла.

— Где мы? — спросила Аманда своим низким грудным голосом.

— Это моя командная рубка, подружка, и мы здесь командуем.

Аманда неуверенно огляделась по сторонам, вокруг были только белые гладкие стены и огромное количество всяких рукояток.

— А куда подевался ваш Лом?

— Кто? А... Гм-м... Пошел пописать, — главарь пошевелил бровями.

— О-о-о! — девушка, похоже, поверила. — А вы на самом деле можете покончить с копами при помощи какого-то газа?

Курок злобно покосился на высокую блондинку:

— Считай, что они уже мертвы! Эта «Омега» растворяет тебя, как вода сахар. Пух! — и ты мертв. На сто процентов.

— Ух ты! — в глазах Аманды вспыхнули огоньки. — Тогда для нас нет никакой опасности! Вы еще продолжаете командовать?

— Мы командуем всему миру! — завопил Бур, поднимая над головой сжатый кулак, как делали революционеры по телевизору. — Короли-Зашибалы!

Красотки зашептались между собой, и бандиты начали млеть от их испуга и уважения. Да, «Кровавые Зашибалы» стали королями всего мира!

— «Зашибалы» — короли всего мира! — почтительно объявила Аманда. — Но королю нужна королева... — полувопросительно прошептала она, придвинувшись к Курку так, что ее теплая грудь коснулась его щеки.

— Королевы, — поправил ее Курок, отвлекшись от своих кнопок и рычажков. Нежное прикосновение снова пробудило в нем сексуальные чувства. — Множество. По крайней мере — дюжина.

— Но все равно кому-то придется быть первой леди... — игриво промурлыкала Аманда, гладя Курка по удивительно чистым волосам.

— Можно я?.. — мягко спросила она.

Бандит с улыбкой повернулся к ней.

— Можно ты — что? — спросил он в свою очередь, задумываясь о тысяче разных штучек, которые она должна уметь проделывать в постели. Ему тоже приходилось читать «Пентхауз Форум».

— Копы, — сказала Аманда, глубоко вздыхая, что произвело на Курка ошеломляющее впечатление. Он чуть не вывихнул глаза. — Можно мне убить этих копов? Мне всегда хотелось вырубить пару этих свиней. — Курок заколебался. — Пожалуйста, миленький, это будет так здорово.

С коротким смешком Курок шлепнул Аманду по попке, и она восхищенно взвизгнула.

— Ладно, лисичка, ты их вырубишь. Тебе нужно будет только нажать на эту кнопку.

Выражение лица девушки выдавало ее восхищение.

— В самом деле? Просто нажать кнопку? Вот эту?

Курок самодовольно кивнул.

— Да, вот эту.

— Ну, спасибо... безмозглый болван.

Прошла целая минута, прежде чем до Курка дошло. Он сердито повернулся к Аманде в своем кресле, и она вцепилась ему в лицо, проводя когтями глубокие царапины на щеках, чудом не задев глаза.

Курок рванулся вперед, нанося такой сильный удар, что попади он в голову Аманде — ей бы несдобровать, но девушка легко увернулась и ударила его по горлу ребром ладони. Выпучив глаза и хватая ртом воздух, Курок отпрянул назад.

Громкие вопли досказали ему, что его дружки тоже подверглись нападению. Курок вслепую взмахнул кулаком и попал в нос Аманде. Девушка упала, кровь заливала ее лицо. Курок выскочил из кресла и повернулся как раз вовремя, чтобы избегнуть удара пяткой в голову, который нанесла длинноногая Джойс. Курок наклонился за лазером, готовясь открыть огонь, но лазера не было на месте.

Внезапно он обратил внимание на то, что женщины разбились на группы. Три красавицы в микроскопических купальниках и черных сетчатых чулках скопом навалились на Бура и колотили его своими маленькими кулачками. Еще три девушки в кружевных коротких накидочках окружили Шлямбура, который прижимался спиной к консоли и отмахивался от красоток левой рукой, засунув в рот правую, на которой был виден след жестокого укуса. На голове у него явно недоставало изрядного клока волос, и Курок решил было, что парень находится в шоке, однако буквально на глазах лицо Шлямбура приобрело знакомое выражение хладнокровного убийцы. Шлямбур выхватил нож и перешел от обороны к нападению. Полуголые девушки проворно отступили от него подальше.

Главарь «Зашибал» внезапно осознал, что девицы вовсе не были приманкой в ловушке, как он подумал; это были диверсанты, засланные к ним с тем, чтобы защитить от них вторгшийся на корабль штурмовой отряд. Курок скривил губы и глухо зарычал. Нет, грудастые сучки, ничего у вас не выйдет!

Курок мстительно надавил кнопку на панели... и на его глазах его командирское кресло провалилось в открывшийся в полу люк. Курок замолчал и беспомощно обвел взглядом ряды одинаковых белых кнопок. Проклятье, он забыл, какую кнопку надо нажимать!

В отчаянье Курок принялся нажимать все кнопки подряд обеими руками. На экранах замелькали пейзажи чужих миров.

Стенные шкафы и панели открывались и закрывались, из них вываливались лазерные ружья и всякое барахло. Пучки ионов начали двигаться по кругу. В туалете ринулась в унитазы вода, и на стене загорелось яркое табло «туалет занят». На кухне начал готовиться обед. Киберпрачечная стала добавлять крахмал. Не имеющие названия инопланетные механизмы перестали выполнять свою не имеющую названия работу и замерли. И еще корабль получил новое название «Езрлпткси».

К этому времени Трелл пришел к неутешительным выводам, касающимся брачного поведения грязеландцев после соития, и короткими перебежками добрался до небольшой кучки каменных обломков, ибо это было все, что осталось от Гастерфаза. Хоронец защищал даже после смерти, и техник затаился за этой кучкой.

Несколько женщин с развевающимися рыжими, светлыми и черными волосами бросились к вывалившемуся из шкафов оружию, но с огорчением обнаружили, что включены были только лазеры, отобранные у «Зашибал». Они, правда, попытались потянуть то и повернуть это, но без всякой пользы.

Три девушки, вооруженные работающими лазерами, встали в позицию для стрельбы и предупреждающе крикнули. Держали оружие они уверенно, без всякой тревоги и благоговейного трепета. Все остальные девицы бросились врассыпную, целомудренно натягивая на себя изодранные остатки своих пляжных костюмов. Их сладострастные формы были перемазаны свежей кровью. Инстинктивно Курок подхватил ошеломленную его ударом Аманду и, прикрываясь ею как щитом, прорычал:

— Только попробуйте — и эта свинья умрет! — и он добавил несколько выражений, которые воспитанные люди обычно не употребляют в присутствии дам.

Аманда, слегка придя в себя от его крика, ловко извернулась и вонзила острый каблучок прямо в подъем ноги главаря. Курок взвыл от боли и выпустил девушку. Аманда бросилась на пол, и три девушки — Вильма, Алиса и Линн — без промедления выпалили из лазерных ружей. Три огненных луча вылетели из стволов лазерных карабинов и, сверкнув яркой радугой, отразились от мерцающих защитных полей, которые появились вокруг «Зашибал». Все повторилось в точности как и в первый раз: защитные поля съежились, потом расправились и энергетические лучи возвратились обратно. Девушки были столь же растеряны,

как в свое время и «Зашибалы», когда лазерные ружья в их руках отключились, вместо того чтобы взорваться под действием вернувшихся к ним потоков обжигающей энергии.

Лязгнули выкидные ножи, и бандиты бросились в атаку, не зная снисхождения к слабому полу. Их предали, и женщины должны умереть. Их кровь станет лишь маленькой каплей в том море крови, которое уже пролили «Зашибалы». Правда, численное превосходство было на их стороне, но девушки были почти голые и не вооружены.

Когда «Зашибалы» приблизились, три девушки, одетые в бикини, проворно уклонились от неловких клинков и нанесли ответный удар при помощи своих трофейных лазерных ружей, прикладами вышибая зубы нападавшим. Маленькие кулаки врезались в изувеченные лица, расплющивая носы и ломая челюсти. Изящные колени ударили по локтям, хрустнули кости, и выкидные ножи выпали из бессильно повисших рук. Опрыскиватель Бура был пренеприятнейшим образом затянут вокруг его же шеи. Алиса и Вильма ударили Курка по голове одновременно с обеих сторон, вышибая последние мозги. Главарь рухнул на пол, и сверху на него обрушился бесчувственный Шлямбур, отправленный в нокаут симпатичной, но смертельно опасной Вильмой Фишер из Секретной Службы правительства США.

Когда битва была окончена, Аманда Джексон, лейтенант Нью-Йоркского отряда «SWAT», немедленно приняла командование своей смешанной бригадой коммандос.

— Фишер, Вебберт, остаетесь стеречь этих недоумков. Убейте их, если они пошевельнутся. Кохен и Бентли, найдите Трелла и прикажите ему выключить разогрев газа. Остальные — за мной.

При помощи одной только силы воли Трелл попытался превратиться в невидимку. Когда это ему не удалось, он принялся молиться, но его все равно нашли.

— Я — не вашего вида! — завизжал Трелл, извлеченный на свет божий из своего импровизированного укрытия. — Я не трахался с вами! НЕ ЕШЬТЕ МЕНЯ!

Офицер безопасности ООН Алиса Бентли оскалила свои ровные крепкие зубы и прорычала:

— Если ты не выключишь свой газ «Омегу» и не остановишь робота, я откушу тебе башку и потом трахнусь с тобой!

Зеленая кожа Трелла стало тошнотворного голубого оттенка. Он бросился к контрольной панели. В панике барабаня по кнопкам, он остановил разогрев газа. Повернувшись к техпосту Гастерфаза, он обомлел. Контрольная панель была уничтожена, выключатели, провода, микросхемы — все было сплавлено в один разноцветный слиток пластмассы и стали. Очевидно, в контрольную панель попал луч лазера. Ни сам Трелл, и никто другой, не смог бы исправить повреждения меньше чем за неделю тяжелой работы.

С унылым видом он повернулся к неистовым грязеландкам.

— Боюсь, что я несколько гнилостен на вкус, — довольно дерзко заметил он.

Линн Кохен сгребла маленького пришельца за одежду.

— Что ты хочешь этим сказать? — строго спросил оперативный работник Интерпола. Ее «двуспальные» глазищи на сей раз горели смертельным огнем.

— Остановить робота? — проквакал транслятор Трелла. — Горячий Вакуум, я не могу даже связаться с ним!

— А ты попробуй! — предложила изящная блондинка, демонстративно облизываясь, и маленький пришелец побледнел еще сильнее.

Тем временем «Зашибалы» были профессионально быстро раздеты, и женщины разделили между собой их костюмы. Каждая из девушек получила по меньшей мере по два ножа из обширной коллекции Шлямбура. Самые рослые и крепкие девушки получили кожаные доспехи «Зашибал» и вооружились мотоциклетными цепями. Три девушки в разорванных купальниках натянули майки, прикрыв ими свою ставшую абсолютной наготу. Они же получили лазерные ружья.

Лейтенант Джексон, все еще в порванной кружевной сорочке, разорвала носовой платок и заткнула все еще кровоточащий нос. Опытными руками она проверила обойму кольта сорок пятого калибра, пересчитала количество оставшихся патронов и передернула затвор, досылая патрон в патронник для немедленной стрельбы. По ее приказу дверь в командную рубку была открыта, и штурмовой отряд «С» выдвинулся в направлении третьей палубы, где шел бой с роботом.

Башмаки «Зашибал» были настолько большими, что не подошли никому, а туфли на высоких каблуках мешали двигать-

ся быстро, поэтому девушки разулись и побежали босиком по главному коридору, ощущая ступнями странное, почти живое тепло пола под ногами.

Компьютеры Группы Первого Контакта выбрали этих девушек за их физическую привлекательность, мужество и отличную военную подготовку, и поэтому они спешили на битву с грозным противником с одной лишь мрачной решимостью. Они хорошо осознавали, в какое затруднительное положение попали их товарищи из отрядов «А» и «В», и надеялись, что лазерное оружие, которое они несли с собой, сможет оказать решительное воздействие на исход сражения. Но так же, как уличная шайка и как сам Трелл, они точно не знали, в каком именно месте идет бой. У развилки коридора они остановились.

— Куда дальше, сэр? — выдохнула офицер безопасности Шведских авиалиний, которую рекомендовал лично доктор Малавади, прекрасно осведомленный о ее любви ко всему новому и необычному.

Аманда наклонила голову и прислушалась.

— Мне кажется, что шум доносится отсюда, — сказала она, но шум боя внезапно прекратился как раз в тот момент, когда они добежали до того места, где коридор разделялся на четыре новых.

— Проклятье, — выругалась в голос пышная зеленоберетчица, прекращая попытки подвязать изодранным сетчатым чулком свои непокорные, пепельного цвета волосы. — Слишком поздно.

— Не думай об этом, сестрица, — возразила оперативница Секретной Службы, желая только того, чтобы вместо этого сверхмощного инопланетного фонарика у нее в руках был ее верный «Магнум-357».

Полногрудая девица, агент ФСБ, скромно заправила свою безупречной формы грудь в крошечный полупрозрачный лифчик, откуда ее грудь постоянно выскальзывала на бегу.

— Может быть, мы попробовать еще одна палуба вниз, — сказала она на плохом английском.

— Скажи нам, как туда попасть, товарищ, — едко заметила ближайшая к ней девушка, снимающаяся для плакатов ВВС США, оператор систем учебных ракет для тренировки пилотов, знаменитая как своей раздражительностью, так и легендарными, словно надувными формами.

Одна из девушек, отправившаяся в разведку по левому от группы коридору, внезапно остановилась, приложив ухо к стене.

— Манделл! Что ты, черт возьми, там делаешь? — строго спросила Джексон, подходя к ней.

Стейси Манделл, инструктор рукопашного боя и экс-мисс «Голышка из Коннектикута», оторвала ухо от вибрирующей белой стены и махнула лейтенанту рукой.

— Отойдите все! — закричала она неожиданно сильным голосом. — Убирайтесь! Все назад, быстро!

Лишь только девушки закончили тактическое отступление, как по коридорам разнесся пронзительный визг. Визг становился все громче и громче, все пронзительней и пронзительней, вскоре он стал совершенно непереносимым, таким, что девушкам самим впору было закричать. Но эти женщины были еще и солдатами; стиснув зубы, они оставались на месте, не желая уступать ни фута коридора. Теперь стало очевидно — что-то ломится прямо сквозь стену, но они не хотели отступать. Отряд был готов сражаться, хотя бы только затем, чтобы отомстить за отважных мужчин, которым они были посланы на помощь. Что бы ни продиралось сейчас сквозь белые переборки, оно будет подвергнуто атаке и атаке жестокой — с применением лазерных винтовок, кольта 45 калибра, ножей, мотоциклетных цепей, ног и рук.

Дьявольский шум достиг своей высшей точки, и стена взорвалась, ослепив женщин ярким светом и огнедышащим жаром. Капли расплавленного металла впились буквально в каждый квадратный дюйм нежной кожи женщин. За взрывом последовал настоящий фонтан искореженных и обожженных частей робота. Четыре металлические руки громко ударились о противоположную стену коридора, вращающийся зубчатый диск оставил на белом металле глубокий разрез, черная голова робота зарылась в упругий пол коридора, словно пушечное ядро в снег. Мгновения спустя корабельные вентиляторы очистили воздух от едкого дыма, и из зияющего пролома в стене появился кашляющий человек в военной форме НАТО. Аманда бросилась ему навстречу.

— У вас все в порядке? — одновременно спросили друг у друга лейтенант Джексон и полковник Вайс.

Девушки помогали перепачканным солдатам проникнуть в коридор. Командир группы «С» воспользовалась возможностью доложить обстановку.

— «Кровавые Зашибалы» взяты в плен, — сообщила Аманда, отдавая честь. — Мы захватили корабль. Потерь нет, раненых — тоже нет, но каждая из нас, я думаю, хотела бы подвергнуться тщательной дезинфекции, хотя после всего этого и за неделю не отмоешься, — в глазах у девушки загорелись огоньки.

— Я вижу, вы-таки заполучили этого робота.

— Даже не напоминайте мне о душе, — рассмеялся полковник, вытирая капли пота со своего раскрасневшегося лица. — Да, мы смогли одолеть это дьявольское устройство. Но я все же должен сказать пару ласковых слов парням из оружейной лаборатории.

— Почему же?

— Они не удосужились сообщить нам, что эта их штука — Вихревой Атомный Пистолет — убивает на дистанции не более трех футов.

Заметив недоуменное выражение на лице Аманды, полковник добавил:

— Я потом объясню.

16

Меньше чем через полчаса после описываемых событий в подземном бункере Группы Первого Контакта, вокруг укрытого полотняной скатертью покерного стола собрались все члены ГПК и пришельцы-джианцы. Они пристально рассматривали разложенные на столе самые интересные из всех трофеев, которые нашлись в корабле Айдоу.

Тем временем все, что осталось от «Кровавых Зашибал», было в цепях и под конвоем отправлено в штаб-квартиру НАТО для тщательного допроса и последующего тюремного заключения, срок которого можно было, пожалуй, измерить только в периодах радиоактивного полураспада. Несмотря на это, в ближайшие недели в Центральном Парке должен был быть воздвигнут памятник — статуи «Зашибал», которые спасли Землю от Айдоу и его экипажа. Граждане Нью-Йорка будут регулярно забрасывать монумент грязью, а по ночам его станут тщательно чистить члены местного отделения мотоклуба «Ангелы Преисподней».

Сэр Джон пренебрежительно бросил генератор защитного поля на стол, где лежали остальные пояса, лазерные ружья, части боеробота и остатки опрыскивателя Бозтванка.

— Игрушка, — раздраженно сказал он. — Совершенно бесполезная вещь. Со стороны пришельцев было недальновидно полагаться на столь ограниченное средство защиты.

Доктор Ву заняла свое привычное место между Бронсоном и Николаевым.

— Пожалуй, — согласилась китаянка. — Силовое поле, непроницаемое как для энергетического, так и материального оружия, подобное защитному экрану вокруг корабля пришельцев, потребовало бы мощного источника энергии. Гораздо более мощного, чем генераторы поля, укрепленные на поясах. Но в чем разница, если в любой момент вы можете подключиться к реактору звездолета и черпать энергию от него?

— Ограниченная подвижность? — предположил профессор Раджавур, трогая пальцем сотканную из металлической нити ткань поясов.

— А если пойти на компромисс? — заговорил генерал Бронсон, раздавив в пепельнице окурок сигары. — Например, силовой щит? Округлой формы силовое поле, примерно... метрового диаметра, которое располагается непосредственно впереди вас? Стоит только пригнуться, и вот — вы обезопасили себя от атаки по фронту.

— Плюс к этому можно бежать вперед и вести огонь по краям щита. Мне это нравится, Уэйн, очень нравится! — поддержал его Николаев.

При помощи нетканой салфетки доктор Ву стерла с полупрозрачного ствола лазерной винтовки след засохшей крови. Осмотрев казенную часть оружия, она подняла винтовку таким образом, что свет от лампы прошел сквозь ствол, отбросив на ее лицо настоящую радугу цветов.

— Любопытно, какие результаты даст полный лабораторный анализ механизма фокусировки луча. Будет ли это электромагнитная призма, вроде той, над которой работает профессор Ричард Хилл из Бостонского университета, или что-нибудь совершенно новое?

Профессор Раджавур мысленно отметил это новое имя, с тем, чтобы он смог собрать всю доступную информацию относительно исследований этого профессора и передать ее Ву. Однако по

зрелому размышлению он, зная энергичную китаянку достаточно хорошо, с известной долей вероятности предположил, что упомянутый профессор давно числится у Юки Ву лаборантом.

— Как скоро вы сможете сделать это сообщение? — спросил исландец у своего научного консультанта, пряча улыбку.

— Предварительный доклад будет готов через двадцать четыре часа, — ответила Ву, чопорно сдвигая коленки и недоумевая, чем это так доволен седой исландский дипломат. — Может быть, даже несколько раньше, если нам повезет. Интерпол уже выслал бронированный автомобиль, чтобы забрать эти вещицы и отвезти их в лабораторию ООН на Лонг-Айленде.

Нажатием пальца Мохад повернул выключатель генератора поля.

— Я уверен, что результаты исследования позволят нам узнать много нового.

— Вы займетесь экспериментами вместе с Юки? — поинтересовался генерал Николаев, наслаждаясь своим старым креслом, сидя в котором он провел так много времени за картами. Пользуясь возможностью, он слегка потянулся, следя за тем, чтобы не задеть никого из сидящих за столом. Бронированный аквариум успел изрядно ему надоесть.

— Нет, — ответил Малавади. — По крайней мере, не сразу. Я и доктор Ву некоторое время должны прожить в космическом корабле, вместе с интернациональной командой ученых различных специальностей для детального и полного исследования всех его механизмов. Одно только коммуникационное оборудование...

— Я хотела бы взглянуть на его двигатели, — хладнокровно вставила Юки.

— Ты хочешь сказать, медицинское оборудование, — возразил Мохад.

— Генераторы защитного поля, — внес свою лепту Броисон.

Сэр Джон с горящими глазами так и подался вперед.

— Трелл — вот что меня интересует, — заявил он. — Он может многое рассказать нам об устройстве галактического сообщества и о том, как оно функционирует. Даже то, чего он не знает, может дать нам немало полезной и поучительной информации. Видите ли...

Генерал Николаев предупреждающим жестом поднял руку.

— Пожалуйста, Джонатан, сегодня обойдемся без лекций.

— Не забывайте держать Уэйна в курсе всех дел, — несколько резко сказал Раджавур. — Он же поможет разрешить все недоразумения. Генерал Бронсон отвечает за безопасность всего проекта в целом. Новый Генеральный Секретарь передал решение всех вопросов в наши, цитирую: «в высшей степени компетентные руки». Конец цитаты.

Бункер огласился веселым смехом. За эти напряженные дни это был первый раз, когда члены Группы Контакта смеялись столь непринужденно. Двое Золотистых, на которых никто не обращал внимания, обменялись многозначительными взглядами и отставили в сторону свои чашки с кофе, в которые сообразно с их вкусом были добавлены соль и сливочное масло. На короткое время их руки соприкоснулись. В следующее мгновение Авантор выступила из дверей кухонного блока, куда Великие Золотистые забрели по чистой случайности, и обратилась к ученым:

— К сожалению, мы не можем позволить вам получить доступ ко всем этим знаниям.

Смех немедленно прекратился. Профессор Раджавур, сохраняя на лице нейтральную дипломатическую улыбку, отставил в сторону свою огромную кружку с кофе.

— Почему, позвольте спросить?

— Да! — подозрительно пропыхтел генерал Бронсон, закуривая свежую сигару и выпуская изо рта клубы дыма. — Почему?

— В конце концов, мы можем даже улучшить вашу конструкцию, — не совсем тактично заметила доктор Ву.

— Очень возможно, доктор. — Авантор слегка поклонилась. — Но правила строжайше это запрещают.

— Устав Галактической Лиги, — пискнул ее лояльный помощник. — Глава девятая: «Кодекс поведения», раздел три: «Правила передачи технической информации неприсоединившимся планетам», пункт первый: НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ.

— Это же нелепо! — заявил генерал Бронсон, изрядно обескураженный.

Его дерзкое замечание ничуть не смутило Впередсмотрящую.

— Тем не менее, это факт, генерал.

Члены группы, не имея никакой возможности остановить Золотистых, кроме как применив к ним грубую физическую

силу, беспомощно наблюдали за тем, как оба пришельца сложили все предметы, доставленные в бункер с космического корабля, в большой металлический ящик, любезно предоставленный им землянами. Авантор надежно заперла ящик, Семнадцатый переломил ключ напополам, и джианцы спрятали его половинки среди складок своих бесшовных одежд.

— Безусловно, однако один лишь факт того, что мы узнали о существовании устройства такого рода, делает ваши усилия в этом направлении почти бессмысленными, — заметил сэр Джон.

«Один-ноль в нашу пользу, — дерзко подумал доктор Малавади и застыл, почувствовав, как чья-то рука коснулась его ноги под столом. — Что бы это могло значить?»

Авантор слегка пошевелила ушами в знак несогласия.

— Ничуть. Мы действуем в соответствии со сводом правил и установлений. Что касается меня, то лично я считаю, что ваша раса слишком жестока и склонна к насилию, чтобы ей можно было без опаски передать столь совершенные технологии и научные познания.

— Это мы-то слишком жестоки и склонны к насилию? — взорвался генерал Бронсон, выхватив изо рта сигару и яростно тыча ею в сторону пришельцев. — А кто же тогда был Айдоу со своей командой? Космические бойскауты?

Семнадцатый хрипло кашлянул в кулак и помахал перед собой рукой, разгоняя дым. Нет, это явно не кулгуланская сигара!

— Вы правы, они были преступниками. Вы все-таки не являетесь таковыми.

«Во всяком случае, он не называет нас преступниками в открытую», — подумал профессор Раджавур, продолжая выстукивать сообщение азбукой Морзе по колену доктора Малавади. Эксперт по коммуникации легко пожал под столом руку профессора в знак того, что все понял, вежливо извинился, вышел из-за стола и покинул бункер через главную дверь.

Сэр Джон мысленно привел в порядок все факты и, призвав на помощь весь свой опыт парламентских дебатов, начал наступление.

— Хорошо же, — начал он, крепко ухватив себя за отвороты безупречного серого твидового пиджака и принимая позу адвоката на процессе. — Должно быть, вам не известны все

последствия вашего появления на Земле. На нашей планете наступил мир, наступил внезапно, как простуда. Китай, Россия, США подписали беспрецедентный мирный договор. Англия договорилась с Ирландией. Израиль и Организация освобождения Палестины стали единым народом. То же самое произошло с Северной и Южной Кореей, с Восточной и Западной Германией... — социолог широко развел руками по сторонам. — Это настоящая эпидемия! Родилось чувство всепланетного братства. Подобная реакция с нашей стороны просто обязана заставить вас изменить свое мнение.

Но его доводы не произвели на Впередсмотрящую никакого видимого впечатления.

— Нет, — еще раз повторила она.

Генерал Николай Николаевич Николаев разглядывал Стражей Галактики с выражением неодобрения, настолько присущим всем русским генералам, как если бы они его запатентовали.

— Если бы мы действительно были столь злобными и примитивными существами, какими вы нас считаете, — рассудительно сказал он, — разве не попытались бы мы просто-напросто захватить эти машины, не позволив вам воспользоваться этим космическим кораблем, в котором вы весьма нуждаетесь для возвращения домой?

«Отлично! — подумал Кортни, мысленно аплодируя генералу. — Отнюдь не прямая угроза, но прозрачный намек на то, что мы могли бы сделать, но не сделали. Этот старый медведь довольно ловок. Может быть?..»

С нечеловеческим самообладанием Впередсмотрящая повернула свои лишенные выражения бездонные черные глаза в сторону Николаева.

— Товарищ генерал, мы поддерживаем непрерывную связь со своей родиной. Любое направленное против нас действие чревато неизбежным возмездием Великого Золотистого Флота. Космический корабль «Все То, Что Блестит», его оборудование и единственный оставшийся в живых член его команды принадлежат исключительно нам. Неужели вам и впрямь хочется испытать на себе нашу военную мощь?

Генерал Бронсон в сердцах вынул изо рта сигару, но, заметив, что все повернулись в его сторону, немного помедлил и снова возвратил сигару в привычное положение у себя в зубах. Его мысль осталась так и не высказанной.

— Ну что же, — заключил профессор Раджавур, смиренно вздыхая, — если такое ваше последнее слово... Вы уверены, что мы не можем сделать ничего такого, что могло бы заставить вас передумать?

Золотистая женщина покачала головой, она успела усвоить этот человеческий жест:

— Сожалею, профессор, нет.

Дипломат грустно пожал плечами и поднялся.

— Значит, так тому и быть. По крайней мере, я надеюсь, что вы позволите проводить вас, как положено провожать уважаемых представителей чужих миров? Мы могли бы собрать здесь руководителей всех государств меньше чем... за два дня.

«Чепуха, — подумал генерал Николаев, не изменившись в лице. — Генеральную Ассамблею можно собрать меньше чем за два часа. Что задумал этот исландец?»

Однако Впередсмотрящая и здесь не уступила.

— Мы отправляемся немедленно. Мы не хотим быть невежливыми, однако для нас это выгоднее всего. Мы обязаны возвратиться в наш штаб со всей возможной скоростью. Это приказ. Надеюсь, вы понимаете.

Оба генерала согласно кивнули. Приказ есть приказ. Очевидно, это правило было всеобщим. Таким же, как не плакать над разлитым молоком. Или добровольно вызваться на неприятную работу, если все равно назначат.

— Да, разумеется, — сочувственно согласился Раджавур. Он галантно протянул руку, и пришельцы по очереди пожали ее.

— Вы не будете против, если мы вас проводим?

Наконец-то Впередсмотрящая улыбнулась:

— Напротив, профессор. Я и мой Семнадцатый почтем это за честь.

* * *

Этот разговор, переданный в конце концов в штаб Великих Золотистых, был рассмотрен, проанализирован, и линия поведения Авантора и Семнадцатого была расценена как правильная. Их можно было поздравить с успешно выполненным заданием.

Позднее, после более тщательного рассмотрения, было, однако, решено, что именно в этом месте ими была допущена серьезная ошибка. Но пока этого никто не знал.

* * *

Над Центральным Парком сгустилась ночь. Электрические башни Нью-Йорк Сити заливали горизонт своим ярким светом, а в парке горели мощные прожектора, и в их свете колоссальный космический корабль сверкал ярче, чем само солнце. В относительном спокойствии и тишине члены Группы Контакта попрощались с гостями, пожелав им счастливого пути, в то время как тысячи невидимых глаз следили за каждым их движением или жестом. Шумные толпы горожан находились далеко, на расстоянии нескольких сотен метров, за заграждениями и кордонами НАТО, которые буквально недавно были усилены спецподразделениями городского департамента полиции по сдерживанию толпы. Даже во время рок-концерта, если это подразделение начинало действовать, полиция облегченно вздыхала, а рок-фанатам не удавалось даже как следует напиться!

Дань, которую потребовали себе «Кровавые Зашибалы», была давным-давно изъята из грузового шлюза, а конфискованные у землян трофеи, напротив, возвращены на борт корабля. Стоя возле погрузочного трапа, Авантор и Семнадцатый проверили наличие всех устройств по инвентарной описи, чтобы быть уверенными в том, что ничто из корабельного имущества не пропало. Семнадцатый первым обнаружил недостачу и прямо спросил у землян, где находится Трелл-дезамо-Трелл-ика-Трелл-форзуа-Младший.

Блистательный дипломат в сером утреннем костюме, черном шелковом цилиндре, с алой посольской лентой через плечо, профессор Раджавур талантливо изобразил удивление:

— Бог мой! Мне казалось, что «Скорая помощь» уже доставила его!

Авантор некоторое время пыталась понять новое для нее человеческое словосочетание.

— «Скорая помощь», — повторила она. — Медицинский транспорт? Почему технику понадобился медицинский транспорт? Разве он был ранен в бою за корабль?

– Собственно говоря, — заговорил генерал Бронсон, стараясь, чтобы в голосе его прозвучало смущение, — он был убит. При попытке к бегству. Наши ребята были слегка на взводе после схватки и... не промахнулись.

Инопланетянка в задумчивости посмотрела на генерала своими загадочными черными глазами.

— Почему мне ничего не сказали о его смерти? — спросила она ледяным тоном.

Бронсон пожал плечами, так что медали у него на груди звякнули.

— Вы не спрашивали, — искренне ответил он.

— Где находится тело Трелла? — вмешался Семнадцатый, с угрожающим видом выступая вперед. Его электронная папочка с зажимом для бумаг и стило порхали в воздухе на высоте его пояса.

Генерал Николаев, так же как и его американский коллега «Скорая помощь», облаченный в парадный мундир со множеством лент, золотых галунов и позвякивающих медалей — ни одной за достойное управление войсками, — ответил на вопрос Семнадцатого:

— Он находится через улицу от нас, в подвижной лаборатории ООН. Подвергается полному анатомированию. Или это тоже нельзя?

На краткий миг руки Семнадцатого и Впередсмотрящей соприкоснулись.

— Доставьте его останки немедленно, — приказала женщина. Она не добавила сакраментального «А не то!..», но всем показалось, будто они его услышали.

Члены Группы Контакта обменялись тревожными взглядами, а генерал Николаев пробормотал что-то своему адъютанту, стоявшему неподалеку. Адъютант в форме войск ООН отдал честь и что-то кратко проговорил в свою портативную рацию. Меньше чем через минуту толпа зевак раздалась в стороны, и через кордон НАТО проехала карета военной медслужбы. Пришельцы подошли к ее белому борту, и двое вооруженных охранников услужливо распахнули перед ними дверцы. Там, на покрытом резиновыми матами полу стоял пенопластовый контейнер. Внутри контейнера, обложенное дымящимися обломками сухого льда, покоилось обыкновенное жестяное ведро с простой пластиковой крышкой.

Джианцы уставились на ведро, друг на друга, затем — снова на ведро. Семнадцатый приподнял пластиковую крышку. Ведро оказалось до краев наполненным густым зеленоватым пюре, напоминающим по консистенции переваренный гороховый суп. Пришельцы с тревогой уставились на эту субстанцию.

— Трелл? — воскликнул 17-й, словно ожидая ответа от изумрудно-зеленого супа.

Авантор круто повернулась и уже открыла рот, чтобы сказать что-то гневное, но доктор Ву перебила ее.

— Полное анатомирование, — повторила Юки, пряча ладони в широких рукавах своего богато расшитого драконами черно-красного парадного кимоно.

Впередсмотрящая с легким чмоканьем закрыла рот.

Выглядящий весьма представительно в кремовом жилете а-ля Джавахарлал Неру и шелковой чалме, доктор Малавади заметил, что несчастных случаев бывает очень трудно избежать.

— Наука в своем рвении заработала еще одно очко, — с легкой грустью подвел итог сэр Джон, ради такого случая облаченный в несколько старомодный, но исторически безупречный костюм шотландских горцев: берет с помпоном, камзол, клетчатую шерстяную юбку, гетры с кисточками и туфли с серебряными пряжками. Только пришельцы — и другие шотландцы, конечно, — могли счесть его наряд щегольским.

Разглядывая ничего не выражающие лица землян, Авантор на мгновение задумалась, не протухло ли что-нибудь в ближайшей сыроварне.

— Попробуй, он ли это! — приказала она Семнадцатому.

Как и было приказано, мужчина-пришелец опустил палец в теплое варево и засунул его в рот. Гм-м-м, не так уж плохо! Растительные волокна, легкая радиоактивность, обогащено элементарными бериллием и бензолом. Что тут проверять, набор веществ полностью соответствовал физиологии расы Трелла.

— Это он, моя госпожа, — доложил Семнадцатый, не заметив своей ошибки.

Ответ удовлетворил Впередсмотрящую. Круто повернувшись, она пошла внутрь корабля. Семнадцатый, подхватив ведро, поспешил за ней. Через несколько секунд створки грузового шлюза захлопнулись за ними.

Не прошло и нескольких минут, как грозное гудение зазвучало над парком. Белый корабль легко, словно воздушный шар,

приподнялся над землей и начал неторопливо подниматься в темнеющее небо. С днища его посыпалась прилипшая земля. Заботясь о том, как бы не повредить стоящим внизу людям, Авантор начала подъем на 10/10 мощности, едва достаточных, чтобы преодолеть притяжение планеты. Когда они удалились на безопасное расстояние, Семнадцатый перевел регулятор на 20/20. В яркой энергетической вспышке корабль рванулся вперед и затерялся в звездной черноте космоса.

НАСА лаконично сообщила доктору Малавади через его карманный коммутатор, что белый корабль пришельцев прорвался в гиперкосмос, и индиец радостно сообщил об этом остальным.

— Хорошо, хорошо, — прогудел генерал Николаев, крайне довольный собой и всем миром. — Мы сделали это!

Доктор Ву сняла свое церемониальное облачение и аккуратно повесила его на согнутую в локте руку. Под кимоно оказалось все то же цветастое платье, которое она так любила.

— Похоже на то, — согласилась она.

— Как вы думаете, сколько времени им понадобится, чтобы разгадать наш трюк? — задал вопрос генерал Бронсон, поднося к сигаре колеблющееся на ночном ветру пламя зажигалки.

Профессор Раджавур пожал плечами:

— Если нам повезет — то никогда. Но все равно мы планируем запуск через месяц.

Генерал Бронсон наконец разжег сигару и выпустил аккуратную струйку дыма.

— Возможно ли это? За тридцать дней собрать космический корабль, начав с нуля?

— Имея в своем распоряжении ресурсы всего мира? — вопросом на вопрос ответил Сигерсон, снимая с плеча свою красную посольскую перевязь и запихивая ее в шелковый цилиндр.

— Очень возможно.

— А все-таки, что было в ведерке? — поинтересовался Малавади, разматывая чалму. Глупая это штука — чалма, но женщинам нравится. К тому же в чалме он выглядит более высоким.

Юки устало улыбнулась ему:

— Пропущенный через мясорубку салат из спаржи, подвергнутый воздействию жесткого излучения, толченый бериллий и ложечка пятновыводителя. Я основывалась на том, что Трелл просил на обед.

— Я очень рад, что это сработало, — сказал сэр Джон, снимая свой берет. — На всякий случай у меня наготове был двойник Трелла. Я основывался на плане, который мы разрабатывали четыре года тому назад. Помните? Как замаскировать людей под инопланетян? У меня были даже двойники этой Впередсмотрящей, Айдоу, «Кровавых Зашибал» и всех нас.

Генерал Николаев приподнял бровь. Вторая Юки?!

Доктор Ву нахмурилась. Второй Николаев? Нет уж, благодарю покорно.

Глубоко ушедшие в свои мысли, члены выполнившей свою задачу Группы Первого Контакта отвернулись от осыпающегося края обширной воронки в земле. Медленно они пошли к ожидающему их лимузину, навстречу самой грандиозной задаче, которая когда-либо стояла перед людьми.

— А где Трелл на самом деле? — спросил сэр Джон.

Раджавур улыбнулся.

— Именно в эти минуты? На борту самолета-разведчика, летит в Космический Центр имени Кеннеди, чтобы рассказать нам все, что ему известно о космических двигателях, силовых полях, протонных пушках и движении в гиперпространстве...

Дипломат вдруг мрачно наподдал ногой ком вывороченной земли.

— А все-таки жаль...

— Что? — спросил Николай Николаев удивленно. — Наш план осуществился без сучка, без задоринки.

— Почти, — дипломат засунул руки глубоко в карманы брюк. — Видишь ли, Трелл клянется, что ему ничего не известно об отклоняющем покрытии.

Доктор Малавади остановился и, запрокинув назад голову, стал смотреть на мерцающие высоко над городом огоньки — на звезды, которые больше не казались ему такими далекими и недосягаемыми, как раньше.

— Действительно жаль...

17

Высоко над Землей, прижимаясь к борту почти готового космического корабля, повис на стальном тросе, словно чертик

на веревочке, облаченный в спецкостюм техник космического центра на мысе Кеннеди. Женщина мрачно сосредоточилась на процессе сварки, ибо судьба всей планеты могла зависеть от того, насколько хорошо она справится со своей работой. Теплый морской бриз вытащил из-под кепки женщины-техника прядь волос, и она с видимым недовольством заправила волосы за воротник своего пропитанного потом рабочего костюма. Времени не хватало даже на отдых и на еду, не говоря уже о стирке, если она, конечно, хотела выдержать напряженный рабочий график.

Далеко-далеко, у самого горизонта, у самой границы ровного, покрытого железобетонными плитами пространства, высились корпуса и ажурные фермы «космического челнока». Отсюда они казались не больше кукольных домиков, и все же они выглядели солидно даже на фоне огромного космического корабля, который был воздвигнут на этой стартовой площадке. Гордость за то, чего удалось достичь, вытеснила из сердца женщины даже раздражение заумной технологией НАСА, которая устаревала буквально по часам и ежедневно заменялась каким-нибудь свеженьким достижением.

Осторожно, чтобы не прищемить пальцы, женщина поставила на место последнюю пластину бронированной обшивки корпуса первого звездолета и включила свое устройство. С величайшей тщательностью и осторожностью женщина провела вдоль шва лучом, который ослаблял межмолекулярные связи, заставляя атомные структуры по краям двух пластин взаимно перемешиваться между собой, образуя единый, не подверженный шовному разламыванию монолит. Весь корпус космического корабля был собран именно таким способом, для чего потребовались тысячи и тысячи слегка изогнутых сверхпрочных пластин, которые нельзя было сварить между собой никакой высокотемпературной, даже лазерной сваркой.

Пока женщина водила вдоль швов правой рукой, левой она придерживала в нужном положении сменный сердечник этого хитроумного устройства, собранного под непосредственным руководством Трелла.

За последние тридцать дней НАСА, поддерживаемая авторитетом и финансовыми возможностями Организации Объединенных Наций, полностью перевооружила свою базу во Флориде. Машины и приспособления с невиданными доселе возможностями появились как по мановению волшебной палочки в счи-

танные часы. Время — вот что было самым важным. Каждая сбереженная секунда ценилась гораздо выше золота — эти слова навязли у всех на зубах.

За прошедший месяц Группа Первого Контакта сложила свои полномочия и вернула миру его самостоятельность и суверенитет. ООН вежливо поблагодарила группу за отлично выполненную работу, наградив каждого целым мешком медалей и знаков отличия. Затем группа была распущена, а ее члены получили новые назначения. После этого, улучив минутку, когда никто не смотрел в его сторону, Совет Безопасности предпринял ряд шагов, которые должны были предотвратить в будущем подобную неслыханную узурпацию власти небольшой группой людей. Среди прочих других вещей был предан огню Главный Компьютер ГПК, бункер залит бетоном, а двери в него наглухо заварены.

Тем временем Великие Золотистые начали организовывать блокаду Земли, используя свои подвижные космические крепости. Земляне узнали о начале этих действий довольно скоро и во всех подробностях благодаря многократно возросшей чувствительности сканеров и следящих систем (снова любезность Трелла), и запуск космического корабля был перенесен на более ранний срок. Высшим приоритетом работ стала пригодность к выходу в космическое пространство — внутренние работы можно было завершить уже непосредственно в полете.

Удовлетворенно кивнув, женщина-техник спрятала свой сварочный аппарат и отвернула кран воздушного резервуара своего снаряжения. Она находилась под постоянным визуальным контролем своих руководителей, для которых этот жест означал окончание работы. Стальной трос, поддерживавший женщину на весу, был немедленно перерезан, и женщина стала падать вниз, изогнувшись в воздухе таким образом, чтобы упасть точно в большой чан с жароупорной желеобразной субстанцией, находящийся прямо под ней на высоте примерно шести этажей. С громким лязгом толстые стальные плиты встали на место, закрывая чан сверху. Как раз вовремя. Мощные вихри горячего зеленого пламени хлестнули по бетону стартовой площадки с такой силой, что сверхпрочные плиты покрылись сетью трещин, а все металлическое оборудование расплавилось. Первый межзвездный космический корабль Земли взмыл в голубой купол неба.

Однако на высоте около одного километра ионный двигатель космического корабля начал чихать и заработал с перебоями, отчего звездолет задергался и завихлял. Плохо настроенные антигравитационные поля звездолета, распростершиеся вокруг корпуса на сотни квадратных метров, начали создавать многочисленные турбулентные воздушные потоки, отчего вокруг комично подпрыгивающего шарика разыгрался настоящий шторм. Одно только это сделало огромный космический корабль вдвое более заметным из космоса, и Великие Золотистые немедленно послали на перехват неуклюжему беглецу стремительный золотой корабль.

* * *

На борту золотого флагманского корабля, движущегося во главе армады автоматических кораблей и мобильных крепостей, Авантор, ставшая младшим авантором, и ее первый помощник Шестнадцатый сурово вглядывались в мониторы следящих систем. Только смягчающие вину обстоятельства дали им еще один шанс попытаться исправить свою ошибку и заработать пенсию, установив вокруг примитивной планеты непроницаемую блокаду. Бюджетный Департамент хотел даже отправить провинившихся стражей обратно на Грязь на списанной шаланде Класса-2, однако Департамент Тактики сумел заставить бюджетников отказаться от столь суровых мер — хотя оба Золотистых вполне это заслужили — и снабдил их сверхдредноутом Класса-10, усилив его мощь по меньшей мере тысячью автоматических крепостей. Это было проделано исходя, во-первых, из стремления к тому, чтобы важное задание не было сорвано, а во-вторых, из вполне объяснимого желания ткнуть засохшей веткой дерева в зрительные рецепторы Бюджета.

Новый корабль Впередсмотрящей не был ни шаром, ни кубом. Это был мощный сантиэдр, многогранная сфера с сотнею сторон и ста пятьюдесятью углами, каждый из которых представлял собой мощное энергетическое лучевое оружие потрясающей мощности и пробойной силы. Несмотря на то, что новый корабль во много раз превосходил своими размерами их предшествующий корабль, он все так же был рассчитан на экипаж из

двух джианцев, поскольку огромный хоронский реактор занимал очень много места. Личные апартаменты младшего авантора и Шестнадцатого были достаточно уютными, а гауптвахта была просторной и теплой.

Новый бортовой мегавычислитель сверхдредноута, когда его об этом спросили, оценил вероятность того, что грязеландцы предпримут что-нибудь неожиданное, прежде чем окончательно смирятся с поражением, в девяносто с хвостиком процентов, и поэтому Золотистые не были слишком удивлены, когда Шестнадцатый заметил почти точную копию космического корабля Айдоу, которая стартовала с планеты внизу, пытаясь прорваться в космическое пространство.

Впередсмотрящая изогнула брови в знак восхищения подделкой, хотя ее профессиональный взгляд сразу отметил некоторую сыроватость конструкции. Должно быть, у грязеландцев нашлось немало талантливейших ученых, которые сумели так точно воспроизвести галактические технологии, бросив на приборы и устройства корабля Айдоу всего один лишь взгляд. Авантор даже почувствовала некоторое сожаление в связи с полученным ею распоряжением о карантине планеты, хотя, безусловно, столь склонный к насилию и сообразительный вид живых существ стоило на некоторое время запереть в их собственном доме, пока они не усвоят некоторые правила поведения в обществе и не проникнутся уважением к галактическому закону.

— Каково наше положение, Шестнадцатый? — спросила Впередсмотрящая, расслабленно откинувшись на спинку своего нового командирского кресла, пребывая в спокойной уверенности, что все в порядке и все контролируется ее экипажем. Как и в первый раз, она ошиблась.

— Похоже, кое-что идет совершенно не так как надо, моя госпожа, — доложил Шестнадцатый, слегка поглаживая выбритое место на своей голове, куда было имплантировано устройство дистанционного управления компьютером. — Я получил сообщение от наших беспилотных космических крепостей, что на планете был замечен не один, а сразу несколько стартующих космических кораблей. Двадцать... сорок... пятьдесят запусков, госпожа.

— Дай мне посмотреть, — попросила Авантор.

Техник взмахнул головой, и на стенах рубки появились голографические изображения планеты Грязь. И повсюду — огром-

ные голубые шары медленно всплывали из атмосферы, стараясь преодолеть притяжение планеты.

Авантор состроила гримасу, ей было не до веселья. Массовое бегство, исход, так сказать, да? Проклятье, эти грязеландцы весьма хитры, но их уловка ничем им не поможет.

— Подключи светоследящую систему, — величественно распорядилась она.

Ее помощник кивнул головой, чуть не выключив по неосторожности системы жизнеобеспечения корабля.

— Слушаюсь, госпожа.

Однако в этот самый момент что-то на мониторах привлекло к себе внимание Впередсмотрящей. Она заморгала недоуменно и еще ближе наклонилась к экранам, тщательно вглядываясь в изображение стаи космических кораблей грязеландцев.

Над планетой плыли несколько дюжин красных шаров. Стоп, стоп, разве они не были голубыми мгновение назад?

— Корабли грязеландцев изменили цвет! — воскликнул Шестнадцатый, подтверждая, что ей не почудилось. — Моя госпожа, мы не сможем следить за ними в гиперпространстве, если они способны изменять окраску.

Женщина-воительница решительно поднялась с кресла.

— Что же, они сами решили свою судьбу, — сердито сказала она. — Включай пробойники силовых полей и приготовься открыть огонь из нашей главной пушки. Терпеть не могу убивать разумные существа, но мы их предупреждали. Пусть знают, что с Великими Золотистыми не стоит шутить.

— Будет исполнено, моя госпожа, — проворчал Шестнадцатый. Он тоже не любил убивать. Уставившись в монитор, невысокий Шестнадцатый наклонил голову, и из тридцать четвертой вершины их золотого многогранника вырвался мерцающий золотым светом пучок смертоносных лучей. Эти лучи ударили в ближайший к сверхдредноуту шар. Эти лучи были способны пронзить насквозь небольшую луну и не знали никаких преград, кроме разве что вещества в нейтронном состоянии. Однако случилось невероятное: смертоносный энергетический луч отразился от гладкого зеленого корпуса корабля грязеландцев и рикошетом испарил один из автоматических кораблей сопровождения Золотистых. Для джианцев это был настоящий шок.

— Не может быть! — взволнованно воскликнула младший Авантор, откидываясь на спинку кресла. — Это же дезинтегри-

рующий луч, и мы выстрелили в корабль грязеландцев с такой маленькой дистанции. Как получилось, что они нисколько не пострадали?

— Г-госпожа... — заикаясь пробормотал Шестнадцатый, на лбу которого выступили крупные капли испарины. — Не хотите же вы сказать, что они изобрели... могли изобрести... сами... — его глаза широко открылись, и Авантор вспомнила.

— Отклоняющее покрытие! — взвыли они хором. — О, НЕТ!

* * *

Из пятидесяти пурпурных шаров, стартовавших с поверхности Земли, только в одном, в том самом, который отправился в путь со стартовой площадки во Флориде, был экипаж из живых людей. Все остальные шары были просто приманкой, отвлекающим маневром, хотя каждый из них стоил по нескольку миллионов долларов. Ими управляли специальные пилотирующие устройства, и единственной их задачей было отвлечь на себя внимание Великих Золотистых и сбить их с толку, чтобы единственный настоящий корабль смог затеряться в толпе себе подобных.

Будучи почти точной копией корабля Айдоу Микон-4, корабль землян имел диаметр намного больше полукилометра и нес в своем чреве экипаж из восьмидесяти персон — семьдесят девять человек и один Трелл. Маленький зеленый оппортунист был счастлив сотрудничать с Группой Первого Контакта, поведав им все, что было ему известно. Он даже создал отклоняющее покрытие, изобретя его буквально на ходу, когда ему намекнули на то, что было бы неплохо, если бы он сделал это. За это его не выдали Великим Золотистым.

Соглашение между землянами и Треллом оказалось взаимовыгодным, ибо ни одна из сторон, в особенности сам Трелл, не желали, чтобы техник попал в каторжную тюрьму на Галоптиконе-7.

Внутри космический корабль представлял собой невообразимую свалку пустых упаковочных контейнеров, мягкой стружки, нераспакованного оборудования, запасных частей, запасов про-

довольствия, постельного белья и прочих необходимых мелочей. Запасных деталей на борту было столько, что из них можно было бы собрать еще один космический корабль такого же размера, однако это было совершенно необходимо, так как звездолету предстояло преодолеть значительное расстояние, а за время долгого путешествия всякое может случиться.

На борту построенного руками людей космического корабля Полномочный посол планеты Земля профессор Раджавур, Трелл и взвод космической морской пехоты ООН — совершенно новый род войск — в тревоге скрестили пальцы рук и прочли молитву. Они были очень рады, что Великие Золотистые сделали по их кораблю только один предупредительный выстрел, угодивший в нос корабля. Они надеялись, что галактическая полиция не успеет развернуть действительно мощные системы вооружений до того, как они скроются с их глаз. Едва сдерживая нетерпение, профессор, техник и солдаты ждали того мига, когда швейцарец, капитан корабля, соединит вместе защитные концы двух проводков, включив таким образом бортовой компьютер. Этот компьютер должен был существенно уменьшить радиус антигравитационных полей, должным образом отрегулировав их и превратив хилую реактивную струю, вырывающуюся из двигателей, в тугой хвост яростной энергии, который позволил бы кораблю резко увеличить скорость. Они рассчитывали, что благодаря этому им удастся захватить джианцев врасплох в гиперпространстве на значительном удалении от Земли.

Это был отважный, безрассудный, почти дурацкий план, и высшие должностные лица Земли не имели никакого представления о том, удастся ли космическому кораблю прорвать внушительное кольцо блокады вокруг планеты. Но если бы им это удалось, если бы капитану затем посчастливилось отыскать в космических просторах полумифическую Галактическую Лигу, тогда Раджавур мог попытаться договориться с ее представителями о принятии Земли в члены сообщества. Экипаж пузатого корабля наверняка знал только одно...

Отважная команда корабля Сил Безопасности ООН «Гектор Рамирес» была полна решимости все это проделать.

НОВЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭКИПАЖ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ СИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ООН «ГЕКТОР РАМИРЕС»:

Дагстрем Келлер — капитан
Абигайль Джонс — первый помощник
Пауль Ван Луун — главный хирург
Марта Соукап — навигатор
Пурити Лиллиокалани — коммутатор
Марвин Хемлих — ответственный за сенсорное оборудование
Джон Бакли — стрелок, канонир-оператор
Абдул Бенни Хасан — космонавт Первого класса

КОСМИЧЕСКАЯ МОРСКАЯ ПЕХОТА ООН «АДСКИЕ КОТЫ ГЕКТОРА»:

Курт Сакаэда — лейтенант
Таня Либерман — старший сержант
Джеймс Фюрстенберг — рядовой

ОСТАЛЬНЫЕ:

...(непроизносимо) — Королева-Мать РпорРа
Эйнда — проститутка
Сильверсайд — главарь преступников
Галактическая Лига
3000-й — Верховный главнокомандующий Великих Золотистых
Бачалоп Синтфессел — репортер отдела новостей
Хосе де Сан-Мартин — Генеральный Секретарь ООН

КНИГА ВТОРАЯ
В КОСМОСЕ

18

«Рамирес» скрылся в гиперпространстве, сопроводив свое скорое исчезновение потрясающим пиротехническим эффектом, став недосягаемым за доли мгновений до того, как джианцы успели применить еще одно свое сверхоружие. Чужакам оставалось только молча смотреть на пустой экран, по которому зигзагами перемещались беспилотные крепости и корабли сопровождения, да и размышлять о том, что их снова постигла неудача.

* * *

Когда на экранах вместо черноты космоса возникло серое ничто гиперпространственного вакуума, все члены команды, находившиеся на мостике космического корабля «Гектор Рамирес», разразились неистовыми радостными воплями. Они сделали это! Какая удача!

— Ну ладно, успокойтесь, — приказал капитан Келлер несколько минут спустя, когда выяснилось, что радостное столпотворение и не думает стихать. — Это была самая легкая часть. По местам! У нас еще полно дел!

Экипаж мигом помрачнел и с озабоченным видом разбрелся по рабочим местам. Капитан звездолета посмотрел на кварцевые часы, вмонтированные в левый подлокотник его кресла. Должно было пройти четыре минуты.

Светлые волосы, голубые глаза, квадратная челюсть, шесть футов роста и темный загар — капитан Дагстрем Келлер больше походил на звезду киноэкрана в роли боксера-профессионала, чем морского офицера. Собственно говоря, Келлер изрядно боксировал во время учебы в колледже, и его даже прочили в олимпийские надежды швейцарского спорта. Однако, когда тренировки стали мешать занятиям в колледже, Келлер был вынужден забросить спорт, отдавшись учебе. Он продолжал боксировать только на флотских чемпионатах Швейцарских ВМС и был широко известен как «Старина Раз-два-Келлер», во-первых, благодаря своему коронному двойному удару сначала левой, потом правой, а во-вторых, как это ни печально, благодаря своей удали в постельных делах.

Генеральная Ассамблея ООН не подозревала о существовании Дагстрема Келлера вплоть до того самого момента, когда Группа Первого Контакта представила его в качестве кандидата на пост капитана звездолета. Однако после тщательного рассмотрения его кандидатуры выяснилось, что он подходит для этой должности лучше всех остальных претендентов. Келлер был самым молодым командиром атомного авианосца, четырежды отмеченным медалями за храбрость. В свое время он закончил Технологический Институт в Цюрихе с отличием и на досуге увлекался научной фантастикой. Это его хобби, как полагала Группа Первого Контакта, могло помочь капитану справиться с любой невероятной ситуацией, которая могла возникнуть во время его донкихотских поисков Галактической Лиги.

Несколько старшин пробежали по рубке с охапками пластиковых футляров, рядовые проворно смели с палубы упаковочную стружку, и капитан, порывшись в правом подлокотнике кресла, извлек на свет божий и соединил между собой два провода, не обращая внимания на слабый удар электротоком.

— Машинное отделение? Говорит капитан Келлер. Хочу получить от вас сводку о работе преобразователя пространства.

— Простите, капитан, — раздался голос из крошечного громкоговорителя, который словно из крысиного гнезда выглядывал

из дикого переплетения разноцветных проводов, — мы не в состоянии сделать этого.

— Почему же нет, мистер?

— Мы еще не распаковали измерительную аппаратуру.

Ох ты, Боже мой...

— Хорошо, сделайте все что можно и доложите, когда будете готовы.

— Понятно, сэр.

Двенадцатью палубами ниже, в самой середине гигантского корабля, защищенный сотнями футов свинца и высокопрочного стального сплава, Трелл отключил интерком машинного отделения и вернулся к своей работе.

Чуть ли не с того самого момента, как он был спасен из рук «Кровавых Зашибал», маленького пришельца использовали как «Сарстд гик». Это выражение не имело аналога в человеческом языке, если не считать ситуации, когда чернильную ручку засовывают в электрическую точилку для карандашей.

Тяжелая работа? Да. Но маленький техник никогда не был счастливее. Неограниченное количество материалов, квалифицированные помощники и многое другое — все было предоставлено в его распоряжение. Треллу была присуждена ученая степень доктора философии, и он же получил все научные премии и награды, которые только существовали на этой планете. Кроме того, ему выплачивались огромные суммы в качестве вознаграждения за затраченные усилия и его драгоценное время. Никакой гик подобным похвастаться не мог.

На борту «Рамиреса» (это название по-прежнему заставляло его испытывать жгучий стыд, хотя к гибели уважаемого Рамиреса он не имел никакого отношения) Трелл официально занимал должность старшего техника и был вторым после команди... то есть капитана, лицом. В довершении всего НАСА поручила ему разработать те светло-голубые костюмы, в которых щеголяли все служащие его инженерной секции: директорат НАСА[1] всерьез подозревал, что в душе каждого инженера скрывается художник.

Зеленый пришелец оказал НАСА эту честь. Таким образом НАСА сократила платную единицу портного-дизайнера и по-

[1] НАСА (NASA) — одинаковая аббревиатура, употребляемая в США для обозначения Национального управления по аэронавтике и космическому пространству и Национальной ассоциации художественных школ.

лучила превосходную, исключительно функциональную и эргономическую, голубого цвета, рабочую одежду, очень удобную для человеческих существ. На ней было больше восьмидесяти самых разнообразных карманов, она не грязнилась и приятно пахла пивом, что избавляло персонал машинного отделения от необходимости постоянно жевать мятную жевательную резинку. И уж совершенно случайно оказалось, что голубой цвет был любимым цветом старшего техника, прекрасно сочетаясь с зеленым цветом его лица.

Под бдительным присмотром Трелла ключи, молотки, отвертки и паяльники были применены с дополнительным артистизмом и виртуозностью, и в самой середине гигантского корабля было смонтировано дополнительное сложнейшее оборудование. Целая армия работников наконец-то установила все приборы в надлежащем порядке, благодаря чему они наконец-то сумели извлечь из недр реле мощности чадящий бюстгальтер. Одна находчивая техничка в свое время сберегла целый рабочий день, воспользовавшись этой деталью своего туалета для того, чтобы приподнять и разъединить пару раскалившихся докрасна электродов ионного размыкателя, не потеряв при этом руку. Тогда ей аплодировала вся инженерная секция, частично восхищенная гениальным решением сложной технической проблемы, частично сраженная ее выпуклыми скульптурными формами. Так или иначе, но с тех пор бюстгальтер оставался внутри реле и досаждал им едким дымом.

* * *

С музыкальным перезвоном некрашеные створки подъемника разошлись, и на мостик взошел корабельный врач Пауль Ван Луун. Он уже начинал лысеть, а главными его приметами были крупный нос и высокая, атлетическая фигура. Для должности, которую он занимал на корабле, это была самая подходящая кандидатура. Голландец был опытнейшим военным хирургом НАТО, отслужившим на Ближнем Востоке два срока подряд, а также обладал научной степенью в области ветеринарии и был неплохим ботаником-любителем.

Это был первый его визит на командирский мостик, и врач с любопытством огляделся по сторонам: корабль должен был

стать для него, так же как и для других членов экипажа, родным домом на неопределенно долгий срок.

Расположенная в непосредственной близости от вершины шарообразного космического корабля комната, в которой размещался мостик, была круглым по форме помещением, разделенным напополам толстой переборкой. В переборке помещались турболифт, подъемник, спиральная пожарная лестница, а также установлен ящик с песком и повешен пожарный багор, что стало высшим достижением НАСА в стремлении все предусмотреть.

Вдоль стены располагались консоли технической службы, а все пространство стены напротив подъемника занимал поразительных размеров трехчастный обзорный экран. Из соображений стратегии командирское кресло и пульт располагались на небольшом возвышении, так что капитан корабля буквально царил над отдельно стоящими консолями навигации, коммуникации и вооружений. Над командирским креслом свешивалась с потолка видеокамера, которая записывала все происходящее и сказанное с тем, чтобы потом можно было пересмотреть и подвергнуть анализу. Другими словами, студия промышленного дизайна Родденберри создала шедевр функциональности.

Прокладывая себе путь по замусоренной палубе, врач отметил серые водовороты непроницаемого тумана на всех трех частях обзорного экрана. Его взгляд случайно упал на консоль контроля окружающей среды, и он поразился, обнаружив, что температура за бортом превышает 1000 градусов по шкале Цельсия. Должно быть, инопланетяне неспроста употребляли слово «вакуум» в качестве ругательства, а также клялись им. В этом мертвом, стерильном, огнедышащем пространстве не могло быть ничего живого.

Ван Луун внезапно подумал о том, что досужее наблюдение, возможно, станет для него единственным занятием на корабле. Компьютеры ООН получили доступ к личным делам всего населения планеты, и потому вовсе не удивительно, что им было из кого выбирать команду первого космического корабля: все на борту, начиная с капитана, отличались отменным здоровьем, и каждый был выпускником колледжа, ветераном многих сражений, специалистом в целой дюжине отраслей знания и наверняка умел прилично петь и танцевать. В компании столь разносторонних и талантливых людей доктор чувствовал себя неуютно, ибо ему казалось, что он — самый тупой член экипажа.

Небрежной походкой голландец приблизился к капитану и сел за незанятую консоль вооружений.

— Ну что, сэр, вот мы и в гиперкосмосе. Что будем делать дальше? — спросил он.

Капитан вздрогнул от неожиданности и покосился на него.

— Разве ты не знаешь?

— Прошу прощения, но я был слишком занят в медотсеке со своим оборудованием, и поэтому меня не было на последнем собрании.

Капитан Келлер кивнул. Да, последние несколько дней перед стартом были настоящей гонкой со временем, все лихорадочно трудились, забывая про сон и еду, словно перед выпускными экзаменами в колледже.

Капитан бросил взгляд на часы. Две минуты прошли.

— Трелл утверждает, что в гиперпространстве лучше всего путешествовать при помощи авантора. К сожалению, среди всех зарегистрированных на земле людей с паранормальными способностями не нашлось никого, кто обладал бы безупречным чувством направления в шестимерном пространстве.

— Неужели в шести?.. — переспросил доктор.

Капитан Келлер кивнул, приподнимая ноги под столом, чтобы дать возможность занятому уборкой рядовому вымести из-под своего кресла мусор.

— Да. Это означает, что нам придется прибегнуть к довольно неуклюжему способу навигации при помощи компьютера, как это делают, впрочем, все расы в космосе, — он опустил ноги, так как уборщик переместился дальше. — Но для этого нам нужен гиперпространственный навигационный куб. И хотя Трелл объяснил нам, как самим построить это устройство, однако он не знает координат ни одной планетной системы, в том числе и координат своей родной планеты. Они слишком сложны и громоздки, чтобы их запомнить — тысячи чисел. Поэтому, прежде чем отправиться в Галактическую Лигу, нам нужно сначала раздобыть ГН — гипернавигатор.

В это время второй матрос, смуглый парень в накидке грязно-голубого цвета, с вышитым крупными буквами именем «ХАСАН» над нагрудным карманом, легким шагом приблизился к командиру и принялся устанавливать панель кнопочного управления на развороченный правый подлокотник его кресла.

— Значит, мы летим за этим устройством?

— Совершенно верно, доктор.

— Но каким образом? — Ван Луун привстал, чтобы дать возможность технику привинтить к полу кресло, на котором сидел. — Мы же не можем вслепую двигаться по всей галактике в надежде повстречать дружественную расу, у которой по чистой случайности окажутся два лишних гипернавигатора. Да к тому же они наверняка очень дороги.

— Очень дороги, — подтвердил Келлер, — но мы не воры и не грабители, «Рамирес» способен заплатить за ГН-кубик его рыночную стоимость.

— По-моему, вы что-то не договариваете, — заявил голландец после небольшой паузы.

Капитан Келлер кивнул, не отрывая взгляда от циферблата часов в подлокотнике кресла.

— Это — вторая часть нашего плана. Нам известно точно, где находится один, только один ГН-куб. Мы хотим им воспользоваться.

Врач сначала не понял, но затем лицо его вытянулось. Нет, не может быть...

* * *

Новый Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций Земли, аргентинец по происхождению и во всех отношениях достойный джентльмен, Хосе де Сан-Мартин почувствовал, как по его спине побежали щекочущие струйки холодного пота. Он готовился приветствовать Впередсмотрящую. Его бюрократический аппарат оттягивал этот момент сколь возможно долго, однако джианцы упорно требовали разговора именно с ним.

Несколько минут спустя после того, как «Рамирес» исчез в гиперпространстве, джианцы произвели ракетный залп удивительно маленькими ракетами, каждая из которых была не больше карманного фонаря. Один за одним беспилотные шары землян исчезали во вспышках пламени, которое было проанализировано сенсорной аппаратурой. Подтвердилось подозрение, что это были взрывы антиматерии. Лимонно-желтые ракеты пробивали отклоняющее покрытие шаров словно бумагу, что, разумеется,

никого на Земле не утешило. Очевидно, существовали различные степени неуязвимости.

— Простите меня за то, что заставил долго ждать, сеньорита,— извинился Генеральный Секретарь, обращая к видеокамерам профессиональную улыбку политикана. — Я был нездоров.

— Не принимается, — отчеканила Авантор, излучая жгучую ярость каждым квадратным дюймом своего тела. — Сообщите мне, куда направился ваш звездолет, или я уничтожу все спутники и орбитальные станции, вращающиеся вокруг вашей, с позволения сказать, планетки.

Для Хосе было крайне непривычно, чтобы беседа начиналась и тут же заканчивалась.

— Надеюсь, вы не имеете это в виду, — промямлил он. — На многих космических станциях находятся экипажи, и к тому же...

Изображение инопланетянки на экране немедленно исчезло, и вместо него на непродолжительное время возникла картина ночного неба над Северной Америкой. Бархатная темнота расцветилась крошечными вспышками взрывов. Затем в ослепительной вспышке света в кабинете Генерального Секретаря внезапно появились двенадцать астронавтов, восемь космонавтов и один очень удивленный шимпанзе. Вся компания была телепортирована джианцами прямо с орбиты.

— Мы не убийцы, — мрачно заметила Авантор, когда ее лицо снова возникло на экране.

— Но вы не имеете права! — вскричал Сан-Мартин, хотя все его существо рвалось к дверям. — Часть спутников и космических станций является частной собственностью, поэтому вы ничем не лучше обыкновенных преступников.

Златокожая женщина нахмурилась.

— Моя задача состоит в том, чтобы организовать вокруг вашей планеты блокаду, с тем чтобы ваша раса не получила несанкционированного доступа к космическим путешествиям. Как я обеспечиваю это — уже моя забота. Вы только что потеряли право использовать любые орбитальные станции на срок не менее десяти оборотов солнца. Вы что, хотите утратить и свои суборбитальные привилегии? Я вполне в состоянии сделать так, чтобы ваша транспортная система базировалась исключительно на движении по поверхности планеты!

Свирепое лицо джианки внезапно резко увеличилось и заполнило собой весь экран.

— В последний раз спрашиваю, куда они направились?!

Как у любого подготовленного политика, ложь без труда сорвалась с языка Сан-Мартина:

— Поскольку они действовали без согласования и официального разрешения нашей организации, я не имею сведений о том, куда они собирались отправиться. С вашей стороны, таким образом, неразумно требовать от меня ответа...

— Человеческое существо пытается нас надуть, госпожа! — перебил Шестнадцатый, сильно нахмурившись.

Авантор согласилась со своим помощником, но лишь только ее палец коснулся кнопки, готовясь истребить все находящееся в воздухе самолеты, неподалеку от сверхдредноута Золотистых разверзся транспространственный переходный тоннель, и в пределах защитного поля корабля джианцев возник «Рамирес». В самом деле, корабль Авантора был единственным местом в пределах досягаемости землян, где можно было найти куб гипернавигатора.

Звездные корабли с лязгом столкнулись. Авантор вылетела из своего командирского кресла и врезалась головой в видеоэкран, в то время как половину цепей корабля закоротило. В тусклом оранжевом свете аварийных химических ламп, Авантор безвольно соскользнула на пол, и ошеломленное выражение, появившееся на ее лице, смягчило ее суровые черты.

— Госпожа! — вскричал Шестнадцатый, лежа в углу комнаты. Янтарного цвета кровь сочилась из его разбитого носа. Не обращая внимания на сильную боль в голове, в которой на все голоса завывал поврежденный блок дистанционного управления компьютером, потерявший ориентацию в пространстве джианец зигзагом пополз по палубе и, добравшись до Впередсмотрящей, помог ей сесть на полу. Голова Авантора задергалась, как воздушный шарик на нитке, когда она попыталась сконцентрировать свое внимание на лице Шестнадцатого.

— Конечно... — невразумительно забормотала женщина, — никуда они не полетели... не могли полететь... нет гипернавигатора... явились забрать наш, — она стала падать вперед, и 16-й поддержал ее.

— Останови их, Шестнадцатый... Не дай грязеландцам завладеть ГН-кубом! Если придется — сожри его и... — Авантор потеряла сознание.

Но ее слова уже успели причинить немалый вред. Несмотря на свои добрые намерения, Авантор не сумела выбрать подходящие слова. Даже в тот момент боевой корабль Золотистых вполне мог защитить самого себя и свой экипаж, но лишь только в том случае, если бы ему приказали это сделать. Вместо этого Шестнадцатый, в котором сработала заложенная обучением под гипнозом программа, вынужден был выползти из рубки и ползти в направлении навигационного компьютера, не способный не только остановить свое движение, но даже задержаться на минутку на кухне, чтобы захватить бутылочку органического овощного соуса.

* * *

В воздушном шлюзе «Рамиреса», нисколько не поврежденные титанической силы столкновением двух звездолетов, стояли в ожидании двенадцать до блеска отполированных статуй. Огромные металлические чудовища вовсе не были украшением — это были высокомобильные боевые костюмы, весьма странная помесь танка и космического скафандра. Боевые костюмы имели броню толщиной в два дюйма, сделанную из множества пластин особопрочного стального сплава, и приводились в движение десятками взаимосбалансированных сервомоторов, которые в свою очередь черпали энергию от миниатюрных атомных батарей. Отсек питания — размером не больше бумажника — вмещал в себя более тысячи киловатт-часов энергии и был, как ни удивительно, не очередным изобретением Трелла, а скромным вкладом Норвегии. Эта страна держала конструкцию атомных батарей в секрете на протяжении целого десятка лет, несмотря на то, что никакого военного применения для них, за исключением использования в передвижных правительственных саунах, норвежцы придумать не смогли.

Надежно защищенные боевым костюмом — совместным детищем НАСА и Института космических исследований — морские пехотинцы могли с удобством сражаться с врагами в вакууме, под водой, под воздействием смертельных доз излучения, словом — повсюду. Совершенные системы жизнеобеспечения, встроенные в костюмы, а также сервомоторы, увеличивающие

физические возможности каждого пехотинца, позволяли солдату пробежать в костюме несколько сот километров и не устать или же разорвать напополам «кадиллак» — достойный конец для машин-переростков, пожирателей бензина. Кроме того, внутренние амортизаторы боевого костюма, состоящие из многих сотен крошечных пузырьков микроскопических защитных полей, позволяли пехотинцу выдержать прямое попадание орудийного снаряда и остаться в живых после падения с высоты восьмидесятиэтажного здания на бетон. Именно этим и объяснялось то, что десант никак не отреагировал на резкий толчок. Иными словами, до тех пор, пока батареи давали энергию, морские пехотинцы были практически неуничтожимы в своих костюмах.

Однако НАТО, не удовлетворившись одними только защитными свойствами боевых костюмов, вооружила каждого космодесантника специальной штурмовой винтовкой, пока не имеющей названия, которая стреляла пятимиллиметровыми бронебойными пулями и была отдаленным потомком помпового ружья, 20-миллиметровым гранатометом, парой противобортовых ракетных установок «Чарч Кей» и полициклическим лазером. Кроме всего прочего, лазерное ружье взрывалось, если из него пытался выстрелить кто-то, не относящийся к команде корабля. Этот хитрый трюк не раз становился предлогом любопытнейших споров и стратегических заседаний, во время которых истреблялось неимоверное количество вареных креветок и пива.

Морские пехотинцы терпеливо стояли в шлюзе, касаясь друг друга металлическими плечами, ожидая сигнала к выброске. Все они были участниками многих сражений, опытными ветеранами, каждый имел звание не ниже старшего сержанта в войсках у себя на родине, но каждый из них был согласен снова стать простым рекрутом, лишь бы получить возможность принять участие в столь ответственном деле.

Лейтенант Курт Сакаэда, назначенный командиром свежеиспеченного отряда космической морской пехоты, был дьявольски привлекательным для любого пола американцем японского происхождения; некогда он был полковником, командиром сверхсекретного подразделения «Дельта», которое усиленно рекламировалось, но которое мало кто видел воочию. Говорили, что бойцы этого отряда способны были без труда позавтракать «Зелеными Беретами». Тем более странным было то, что Сакаэда вовсе не выглядел огромным громилой, а скорее напоминал тихого

школьного учителя, а единственными вещами, которые интересовали его, помимо воинской службы, были ценные бумаги и женщины.

Пока белый космический корабль землян вращался вокруг сверхдредноута Золотистых, пытаясь определить местоположение их шлюзов, один из солдат, стоявший в последней шеренге, внезапно заговорил, нарушив тем самым затянувшееся молчание.

— Сэр? Лейтенант?

— Да? Что такое, Хиггинс?

— Как насчет «Дьявольской повозки»?.. Это же черт знает что на колесах.

Лейтенанту потребовалось некоторое время, чтобы полностью понять то, что солдат имеет в виду название для их оружия, которое не имело даже удобопроизносимого индекса, не говоря уже о прозвище, которое пришлось бы по душе всем. Прежнее обозначение «эта чертова штуковина» как-то не прижилось, несмотря на то, что генералы довольно часто заглядывали в оружейные лаборатории ООН и осведомлялись: «Как поживает эта чертова штука?»

— Позднее, солдат.

Послышался вздох.

— Понятно, сэр.

В этот момент вращающиеся сферы снова соприкоснулись с сильным ударом, который больше ощущался, нежели был слышен, и Сакаэда отдал отряду приказ приготовиться. Затаив дыхание, солдаты ждали, пока металлические створки воздушного шлюза раскрывались, обнажая золотистую поверхность обшивки дредноута. Но их шлюз оказался плотно заперт.

По команде капитана Келлера бортовые компьютеры «Рамиреса» принялись подавать по очереди 914 разных сигналов, которые, как полагал Трелл, могли быть использованы Золотистыми в качестве шифра, запирающего створки главных дверей. Но землянам было невдомек, что поврежденный при столкновении компьютер Золотистых воспринимает все сигналы, в том числе и правильный, введенный под порядковым номером 675, как полнейшую белиберду. Шлюз оставался запертым.

Трелл заподозрил наведенные радиопомехи и предложил десантному отряду вручную набрать код срочной эвакуации медицинской службы, который непременно должен был открыть

доступ в корабль. В любом случае это была наилучшая из всех вариантов возможность деблокировать запоры. Лейтенант Сакаэда достал из чехла на поясе хрустальный стержень и махнул им в сторону золотого корабля. Тут же на его обшивке отворилась небольшая панель с клавиатурой. Лейтенант набрал необходимую последовательность символов, однако и это не принесло результатов, ибо компьютер воспринял информацию как очередной поток бессмысленных сигналов.

Лейтенант начал беспокоиться. Время истекало, и он не мог понять, почему их до сих пор не атаковали. Очевидно, джианцы внутри готовили ловушку. Его возрастающее беспокойство передалось и его отряду.

Один из космических пехотинцев, повинуясь инстинкту, выработанному двадцатилетним боевым опытом, развернул свою штурмовую винтовку и выпалил в клавиатуру, надеясь вышибить замок. Рикошетирующие пули и осколки золотистого металла разлетелись по всему помещению, и десантники инстинктивно попадали на пол. Металлическая клавиатура почти не пострадала от выстрелов, однако попадавшие в кнопки пули послали в компьютер сигнал, который был воспринят им как набранный с двумя допустимыми ошибками пароль командующего флотом, прибывшего с неожиданной проверкой, и компьютер с вежливым шипением открыл створки шлюза.

Лежа на полу, солдаты обменялись взглядами. Да, победителей не судят.

В поднявшемся шуме лейтенанту ничего не оставалось, как перестать трясти солдата и поздравить его:

— Отлично, капрал Фюрстенберг.

— Я рядовой, сэр.

— С этой минуты — нет.

— Благодарю, сэр!

Вторая дверь шлюза, ведущая внутрь космического корабля, была снабжена простым рычагом, открывавшимся вручную, и вскоре десантный отряд проник на борт корабля Золотистых. Прямо перед ними простирался невинного вида бледно-желтый коридор. Прямо на полу перед ними лежал небольшой резиновый мат, на котором был изображен квадрат, образованный множеством изломанных линий — универсальный символ приветствия.

Солдаты дружно кашлянули. Тонко, очень тонко!..

Нажатием подбородка лейтенант Сакаэда включил переговорное устройство своего боевого костюма.

— Мейнхард!

— Я!

— Ну-ка, подмети в прихожей.

— Слушаюсь, сэр.

Солдат неловко установил на полу треногу своего нескладного оружия, отрегулировал фокусировку на максимальное рассеивание и, сняв оружие с предохранителя, нажал первый спусковой крючок. Из ствола Вихревой Атомной Винтовки вылетел спиральный, ослепительно яркий конус пламени, который ринулся вдоль коридора.

По мере того как ядерный шторм заполнял все пространство, резиновый мат на полу выстрелил вверх тысячью острых стрел, которые расплавились еще в полете; из стен ударили лучи лазеров, погасшие только тогда, когда замаскированные установки взорвались; на потолке открылись многочисленные люки, и оттуда вывалились омерзительного вида роботоподобные устройства, бессильно корчащиеся на полу и истекающие удушливым дымом. Затем вся средняя часть длинного коридора трижды сложилась с такой силой, что солдаты невольно вздрогнули внутри своих боевых костюмов и дрожали бы довольно долго, если бы мощные моторы смертоносного устройства не перегорели. Когда же раскаленный энергетический смерч достиг дальнего конца коридора, он прожег небольшое отверстие прямо в замке следующей двери, и дверь со скрипом стала открываться.

— О Боже небесный! — прошептал солдат. — Это еще что за...

Из-за двери выпал в коридор вниз лицом улыбающийся робот-привратник, роняя на пол тяжелый поднос с целой коллекцией золотистых кубиков. В груди робота зияла дыра. Содержимое кубиков расплескалось вокруг его тела и стало с шипением испаряться. Никто из пехотинцев не удивился, когда анализаторы окружающей среды в шлемах костюмов перескочили на отметку «Смертельно опасно».

В наушниках переговорных устройств что-то лязгнуло, и лейтенант Сакаэда обратился к своим солдатам.

— Это все слишком просто, парни, смотрите по сторонам.

Облизывая пересохшие губы, два пехотинца выдвинулись вперед, взвод построился и начал свое движение через развалины

коридора. Двери воздушного шлюза автоматически захлопнулись за ними.

Следуя указаниям сенсоров, настроенных на поиск живых существ, солдаты довольно скоро отыскали командную рубку. Единственный инцидент по пути был связан с лестницей эскалатора, которая попыталась откусить им ноги на полпути между этажами. Однако тяжелые металлические подковы солдатских башмаков без труда обломали скрежещущие зубы робота-эскалатора, и взвод продолжил путь без потерь.

Подозрительно задержавшись около приоткрытой двери в рубку, солдаты действовали согласно боевому уставу. Двое из них прыгнули внутрь комнаты, держа оружие на изготовку, в то время как остальные прижались к стенам снаружи по обе стороны от входа. Маневр был проделан на отлично, однако внутри командной рубки они обнаружили лишь лужицу какого-то желтого, напоминающего мед вещества и потерявшую сознание Впередсмотрящую.

Лейтенант посмотрел на лежащую на полу женщину и почувствовал, как его сердце сбилось с ритма. Авантор была все еще так же прекрасна, как и месяц назад, когда он в первый раз увидел ее на экране телевизора.

— Лейтенант!

Сакаэда вернулся к окружающей действительности.

— Да, сержант?

Сержант Таня Либерман выступила вперед, напоминая неуклюжего металлического голема в своем квадратном боевом костюме. Невысокая, робкая и тихая блондинка была капитаном израильской армии и считалась лучшим в мире стрелком из автоматической винтовки.

— Никаких следов мужчины, сэр. Сенсоры показывают наличие второго живого существа дальше по этому проходу.

— Проверьте. Рядовые Таусц и Совардс, вперед и на середину! Охраняйте Впередсмотрящую. Свяжитесь с кораблем и сообщите, что ей может понадобиться медицинская помощь.

Рядовые Таусц и Совардс подтвердили получение команды. Лейтенант Сакаэда поудобнее перехватил винтовку.

— Остальные — за мной!

Следуя указаниям своих сенсоров, пехотинцы двинулись дальше по коридору, преодолев настоящий лабиринт перекрещивающихся между собой коридоров, и оказались перед запертой

дверью, на которой были изображены расположенные треугольником три переплетенных между собой кольца. Это был универсальный символ, обозначающий: «Только для уполномоченного персонала». Лейтенант фыркнул и посмотрел на сержанта. Они были уполномочены, но уполномочены не той стороной.

Заряд пластиковой взрывчатки, прикрепленный к дверям в нужном месте, открыл отряду доступ в главный компьютерный зал. Пехотинцы бросились вперед и увидели пару дрыгающихся золотистого цвета ног, которые торчали из боковой панели башнеподобного компьютерного блока.

— Взять его! — приказала сержант Либерман.

На бегу забрасывая на плечо оружие, двое одетых в металл космических морских пехотинца подбежали к Шестнадцатому и выволокли его на свободное пространство. Слишком поздно. Они только успели заметить, как Шестнадцатый с усилием проглотил хрустальный кубик размером с кулак, испещренный черными иероглифическими надписями.

Шестнадцатый рыгнул и почувствовал, как гипнотренинг ослабил свою хватку. Лишь только его мозг немного прояснился, джианец включил имплантированный в голову компьютер, чтобы с его помощью привести в действие ужасное оружие, которое испепелит пришельцев на месте. Но в этот миг капрал Фюрстенберг бросился на него, схватил и попытался применить к нему прием доктора Хеймлиха[1]. На свою (и Шестнадцатого) беду, капрал совершенно забыл, что он одет в доспехи, многократно усиливающие силу его мышц. Он понял свою ошибку только тогда, когда Шестнадцатый поменял цвет и стал из золотистого коричнево-бурым. Пехотинец немедленно выпустил хрипящего пришельца, и джианец свалился на пол в глубоком обмороке.

— Отлично, рядовой Фюрстенберг, — заметил Сакаэда.

— Это капрал, — поправил кто-то из юристов.

— С этой минуты — нет.

Джеймс Фюрстенберг выключил радио, прежде чем вздохнуть. Действительно, что легко дается, то легко теряется...

---

[1] Прием Хеймлиха — способ спасения человека, подавившегося каким-либо предметом. Разработан американским хирургом Г. Дж. Хеймлихом. Прием заключается в том, что пострадавшему внезапно и сильно надавливают на живот ниже грудной клетки, в результате чего часто удается извлечь застрявшее в горле инородное тело.

19

— Зашей, пожалуйста, — скомандовал доктор Ван Луун, стягивая с рук инертные хирургические перчатки.

Утыканное щупальцами сооружение, напоминающее по форме мусорную корзину, утвердительно квакнуло и принялось умело зашивать глубокий разрез в брюшной полости безмятежно спящего на хирургическом столе Шестнадцатого.

Над столом медленно таяли в воздухе голографические схемы желудочно-кишечного тракта пациента, и доктор Ван Луун, сняв халат, затолкал его в устройство, которое, как он правильно догадался, и было настоящим ящиком для мусора. Сверкнула маленькая молния, и халат исчез в короткой вспышке атомной дезинтеграции. Доктор повернулся к пациенту, чтобы в последний раз убедиться, что с ним все в порядке, да так и обмер: робот-санитар поджег нечто, напоминающее длинную зеленую сигару, и вставил ее тонкий конец в рот Шестнадцатому. Все инстинкты врача толкали немедленно вырвать сигару у больного и растоптать ее, но за время операции он преисполнился чуть ли не божественной веры во все эти странные маленькие машины, которые помогали ему в работе.

Пока он с изумлением смотрел на разыгрывающуюся перед ним сцену, из боковой панели робота-санитара высунулась небольшая гибкая трубочка, которая всосала в себя наросший на сигаре столбик пепла с такой осторожностью, словно это была величайшая драгоценность. Совершенно растерявшийся доктор покачал головой и вышел. «Религиозный обряд? — думал он. — А может быть, — действенная лечебная процедура?» Когда у него будет время, он, пожалуй, попытается в этом разобраться.

Когда двойные двери захлопнулись за ним, Ван Луун, пошатываясь, выбрался в коридор и прислонился к холодной золотистого цвета стене, чтобы перевести дух. Он был уже немолод, и ему потребовалось все его мастерство полевого армейского хирурга, знания ветеринара и ботаника, а также опыт автомеханика, чтобы справиться с этой операцией. Может быть, это чудо, но, похоже, все кончилось благополучно. Джианец перенес хирургическое вмешательство хорошо, и возможно, что у него не останется даже шрама. Благодарение Богу за то, что под руками оказались чуткие, самопрограммирующиеся роботы-санитары. Без них он бы не справился, да и никто другой.

Они выполнили девяносто процентов всей работы. Скажи ему кто раньше — он бы не поверил в возможность существования реверсивных скальпелей, безлампового освещения и кроветворных кустарников — цветущих растений, которые способны были выработать любой необходимый вид биоплазмы в количестве около галлона, да еще и перекачивать ее в сосуды тела пациента сквозь свои пустотелые гибкие ветки с острым шипом на конце. Роботы-санитары объяснили ему через встроенный транслятор, что растения эти — примитивные родичи легендарных кулгуланцев. Интересно, кто это такие?

Торопливо прочитывая джианские медицинские тексты, касающиеся различных видов живых существ, доктор Ван Луун выяснил, что ему крупно повезло, что он не должен работать над хоронцем, ибо этот вид живых существ, покрытых каменной броней, не знал врачей как таковых. Врачей хоронцам заменяли горные инженеры и буровики, специализирующиеся на взрывчатых веществах и вскрышных работах.

Уголком глаза Ван Луун заметил вдалеке бранящуюся группу членов команды корабля, они изо всех сил напрягались, таща к воздушному шлюзу пластиковый контейнер огромных размеров. Хирург улыбнулся. Не испытывая ни малейших угрызений совести, он отдал распоряжение о конфискации всего медицинского оборудования на борту сверхдредноута Золотистых, включая кроветворные кустарники. Рядом с этими футуристическими устройствами его собственное оборудование, находящееся на борту «Рамиреса», выглядело столь же устаревшим и примитивным, как каменные ножи и пиявки. Когда инженерная секция будет немного посвободнее, они смогут проанализировать принципы функционирования всего этого сложного оборудования, и если «Рамирес» сумеет привезти все это на Землю, то медицина сделает величайший шаг вперед со времен открытия стерилизации.

— Привет, док!

Ван Луун поднял взгляд и увидел Абигайль Джонс, первого помощника капитана «Рамиреса». Трудно было поверить, что девушка с такой превосходной фигурой может быть лучшим австралийским астронавтом. Учитывая состояние, в котором была космическая программа этой страны до контакта с инопланетянами, можно было предположить, что у Абигайль было достаточно свободного времени, чтобы стать выдающимся экспертом по военной стратегии. Три монографии по теории космической

войны, написанные ею, были великолепны настолько, что одну из них даже конфисковало правительство Австралийского Союза под предлогом сохранения национальной безопасности. Одного этого факта было достаточно, чтобы привлечь к рыжеволосой красавице внимание Группы Первого Контакта.

Когда Джонс узнала, что место первого помощника на звездолете вакантно и может достаться ей, она развила бешеную деятельность и сделала все, что было в ее силах, чтобы получить это место. И хотя ее имени не было в первом списке кандидатов, однако ее многочисленные таланты, решимость и богатый ассортимент компрометирующих фотографий произвели на директорат НАСА столь благоприятное впечатление, что это место было единогласно отдано австралийке.

Первый помощник находилась при исполнении своих служебных обязанностей, о чем красноречиво свидетельствовал ее мундир, надетый поверх рабочего комбинезона и строго официально застегнутый на все пуговицы. На воротничке мундира сверкали до блеска надраенные лейтенантские шпалы. По сторонам и чуть сзади первого помощника стояли двое морских пехотинцев в боевых бронекостюмах, сжимая в металлических кулаках короткие и толстые свои винтовки, по-прежнему не имеющие названия.

Пользуясь тем, что доктор и первый помощник не могли их слышать, солдаты вели между собой беседу при помощи радио, обсуждая все тот же вопрос. Оба мудро сошлись на том, что называть винтовку «Всем каюк» было так же глупо, как «Мастер-Бластер» и «Калибр Икс».

— Ну как? — нетерпеливо поинтересовалась Джонс. — Удалось ли вам достать его?

— Да, конечно, — вздохнул хирург и достал из кармана сверток. Осторожно он развернул несколько стерильных слоев марли и передал матовый хрустальный кубик первому помощнику. — Вот он.

Абигайль Джонс повертела кубик в руках, внимательно рассматривая шесть его сторон. Только некоторые из черных иероглифов на гранях навигационного кристалла выглядели неповрежденными.

— Разве он должен так выглядеть? — озабоченно спросила она.

Доктор пожал плечами.

— Откуда я знаю? Когда я увидел эту штуку в первый раз, она находилась внутри этого парня.

— Не парня, пришельца, — поправила его лейтенант. — Один из Великих Золотистых. Чужак. Не забывайте об этом.

Ван Луун обычно находил ее ксенофобию слегка забавной. Частенько члены экипажа намеренно рассказывали в ее присутствии разнообразные истории о пришельцах, чтобы подразнить первого помощника. Однако теперь он почувствовал внутри только странную опустошенность и отвращение к этому неизбежному злу. Абигайль была включена в состав экипажа также и в качестве противовеса добродушному отношению команды в целом к инопланетным существам. Даже наиболее подготовленные из космонавтов подчас относились к пришельцам как к игрушкам или забавным домашним зверькам. Эта не слишком умная практика могла при определенных обстоятельствах поставить под удар выполнение их миссии и как следствие — будущую свободу планеты. Лейтенант Джонс спрятала гипернавигатор в карман.

— Пошли. Не годится заставлять капитана ждать.

Когда Джонс вместе с пехотинцами тронулись по коридору, доктор, взглянув на двух неуклюжих спутников помощника капитана и спрятав улыбку, спросил:

— Ждете неприятностей? — в его голосе сквозило любопытство.

— Нет. Но я к ним готова, — ответила Джонс. — Гипернавигатор — слишком ценная вещь, чтобы рисковать ею.

Ван Луун не мог с ней не согласиться. Чтобы заполучить устройство, они уже наделали немало дел.

У перекрестка их на некоторое время задержала небольшая транспортная пробка — матросы с «Рамиреса» катили на корабль тележки с трофейным оборудованием.

— Похоже на то, что мы забираем все, что не привинчено к полу, — заметил Ван Луун.

— Только то, в чем мы нуждаемся, — вздохнула Абигайль, не пряча нотку горечи и досады. Морякам, будь то в море или в космосе, идея пиратства здорово претила. — К тому же мы оставляем плату за все, что забираем.

— Плату? Ах да! Тулий... — припомнил Ван Луун. — Хватит ли его запасов, чтобы расплатиться за медицинское оборудование, которое я распорядился тоже конфисковать?

Вместо ответа лейтенант указала на космического морского пехотинца, который как раз показался со стороны «Рамиреса», неся в руках пятисоткилограммовый стальной сейф.

— Мы оставляем им тысячу стандартных галактических фунтов.

Эта сумма заслуживала того, чтобы доктор удивленно присвистнул, что он и сделал. Этого должно было хватить, чтобы купить весь золотой дредноут вместе с планетой, на которой он был построен.

К вящему ужасу международной ассоциации банков и большинства ювелиров, редкоземельный металл тулий, а отнюдь не золото или серебро, оказался основой галактической экономики. Причин для этого было несколько.

Сталь была крепче, платина — красивее, алюминий — легче, серебро лучше проводило электрический ток, мышьяк был вкуснее. Фактически в мире не существовало такого устройства, в котором любой другой металл не оказывался бы более дешевым, более быстродействующим и лучше подходящим. Иными словами, тулий был совершенно бесполезным, но очень редким металлом, что и сделало его наиболее пригодным для того, чтобы служить в качестве валюты. Его стоимость была привязана непосредственно к его атомному весу. Одна галактическая унция этого металла, что было чуть меньше тройской унции, считалась очень хорошей месячной зарплатой, а «Рамирес» нес в своих трюмах больше десяти метрических тонн этого вещества, или 320000 унций. Этого количества могло хватить даже для того, чтобы дать Галактической Лиге взятку, а этой возможности пока никто не исключал.

Когда группа достигла воздушного шлюза, лейтенант Джонс ответила на приветствия часовых и четыре пары герметических дверей автоматически открылись перед ними, а затем закрылись.

— Как там Авантор? — поинтересовался Ван Луун, когда они вступили на палубу «Рамиреса». — Пока я оперировал, я послал помощника, чтобы он ее осмотрел.

— Она все еще без сознания, — ответила лейтенант. — Мы разместили ее на гауптвахте. Надеюсь, ей там будет удобно.

Доктор Ван Луун схватил Абигайль за плечо и с силой повернул к себе.

— На гауптвахте? А почему, черт побери, не в медотсеке? Или вместе с Шестнадцатым?

Лейтенант Джонс многозначительно посмотрела на руку доктора, вцепившуюся в ее плечо, и солдаты подвинулись ближе.

Хирург смутился и убрал руку. Лейтенант повернулась и, как ни в чем не бывало, пошла дальше по коридору.

— Авантор и Шестнадцатый скоро снова соединятся, — произнесла она так, словно ничего не случилось.

Голландцу понадобилась почти минута, чтобы понять, что она имеет в виду.

— Вы собираетесь посадить их обоих под замок? Но мне казалось, что с ними надо обращаться как с дорогими и уважаемыми гостями! Мы потому и берем их с собой, чтобы они были наблюдателями Лиги у нас на борту.

— Их камера оборудована видеомонитором, — спокойно пояснила Джонс. — Им будет отлично видно все, что происходит на мостике.

Ван Луун вытаращился на первого помощника. Ксенофобия ксенофобией, но должны же быть пределы!

— Я собираюсь доложить об этом капитану, — сообщил он, сдерживая ярость.

— Пожалуйста, доктор. Только не забудьте сообщить ему также и то, что существо, обладающее неизмеримо большим опытом в отношении Великих Золотистых, а именно Старший техник Трелл, считает, что мы подвергаем нашу миссию опасности, позволив этим созданиям приблизиться к нам на расстояние меньше двух световых лет. Он считает, что мы должны сбросить обоих на ближайшее солнце, — она слегка наклонила голову. — Я же просто пыталась держаться золотой середины.

С этими словами Абигайль Джонс удалилась в сопровождении своих вооруженных охранников, оставив доктора стоять посреди коридора с разинутым ртом.

* * *

Когда весь личный состав вернулся на «Рамирес» и был тщательно сосчитан, два космических корабля вновь разъединились, и корабль землян снова проник в гиперпространство, медленно двигаясь по спирали в никуда, пока Трелл пытался расшифровать запись на кубе гипернавигатора для корабельного компьютера.

Капитан Келлер как раз принимал рапорт о наличии личного состава, когда на мостик поднялась лейтенант Джонс.

— Ну что, лейтенант? — спросил Келлер, вручая тонкую папку корабельному старшине. Старшина схватил бумаги и удалился. — Получилось ли что-нибудь? Я имею в виду — удалось ли нам извлечь из гипернавигатора хоть что-нибудь?

— И да, и нет, сэр, — грустно отозвалась Абигайль. — К несчастью, пищеварительные соки Шестнадцатого оказались столь едкими, что устройство серьезно повреждено. Фактически, насколько Трелл успел определить, сохранились координаты только шести планетных систем, а все остальное, за исключением разрозненных обрывков, необратимо разрушено.

Капитан задумчиво прикусил губу.

— Я думаю, бессмысленно спрашивать, помогут ли нам эти координаты добраться до Галактической Лиги?

— Боюсь, что не помогут.

— Можем ли мы извлечь какую-то пользу из этих планетных систем?

— Неизвестно, сэр. Трелл все еще устанавливает информационное соотношение и сверяет сведения.

— Проклятье! — Келлер фыркнул. По крайней мере, он знает свой следующий шаг.

Капитан ловко повернул правый подлокотник своего кресла и приподнял его так, что в кресле приоткрылась небольшая кубическая ниша. В нише, рядом с лазерным пистолетом, лежал крошечный микрофон. Кроме микрофона и пистолета, в нише помещались кофеварка, какой-то роман в мягкой обложке и две кнопки. Правая кнопка могла испарить корабль вместе с двигателями, запустив их на 100/100 мощности, левая служила для вызова секретаря. Капитан всегда был предельно осторожен, чтобы их не перепутать. Закрыв нишу, капитан поднес беспроволочный микрофон к губам. Затем он нажал на микрофоне переключатель, помеченный полоской пластыря с карандашной надписью «интерком».

— ВНИМАНИЕ! ПРОШУ ВНИМАНИЯ! — его слова разнеслись по всему кораблю и прозвучали во всех отсеках и каютах экипажа. Все, кто слышал капитана в этот момент, замерли, чем бы они ни занимались — завязывали ли шнурки, жевали ли сэндвич, вскрывали ли замок — всем было любопытно, что скажет капитан.

— КАПИТАН — ЭКИПАЖУ. ПРОШУ СОБРАТЬСЯ В КАЮТ-КОМПАНИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ВСЕХ СЕКЦИЙ. ЗАХВАТИТЕ РАПОРТЫ О ТЕКУЩЕМ СОСТОЯНИИ ДЕЛ. — Келлер дал им минуту, чтобы прийти в себя и смириться с мыслью. — ДО СЛЕДУЮЩЕГО ОБЪЯВЛЕНИЯ НА КОРАБЛЕ ВВОДИТСЯ СОСТОЯНИЕ ГОТОВНОСТИ НОМЕР ДВА — ЖЕЛТАЯ ТРЕВОГА. КОСМИЧЕСКАЯ МОРСКАЯ ПЕХОТА ОСТАЕТСЯ В ПОЛНОМ ВООРУЖЕНИИ, ЗАЩИТНЫЕ ЭКРАНЫ ВКЛЮЧЕНЫ НА ПОЛНУЮ МОЩНОСТЬ. ЭТО ВСЕ. КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ.

Убрав микрофон, капитан Келлер обратился к своему помощнику:

— Я разговаривал с доктором Ван Лууном.

— Да, сэр?

— Джианцам необходимо предоставить все удобства и обращаться с ними предельно вежливо. Как только Впередсмотрящая придет в себя, немедленно сообщите мне.

Лейтенант Джонс кивнула.

— Я все поняла, капитан.

— Посмотрим.

Последовала многозначительная пауза. Каждый из офицеров напряженно размышлял над тем, что не было высказано вслух. Наконец капитан Келлер поднялся:

— Мостик в вашем распоряжении, лейтенант. Постарайтесь не врезаться ни в какую луну или что-нибудь подобное.

— Понятно, сэр, — Абигайль Джонс отсалютовала.

Не успела дверь турболифта закрыться за капитаном, как Джонс заняла командирское кресло и удовлетворенно вздохнула.

Наконец-то...

* * *

Турболифт доставил капитана на нужную ему палубу без всяких затруднений и суеты. Дагстрем Келлер вышел из кабины улыбаясь. Боже, ему так нравились подобные штуки! Подъемник мог двигаться только вверх или вниз, в то время как турболифт мог совершать свое движение по горизонтали и по диагонали. Увеличь скорость, добавь колокольчики и гирлянду разноцветных

огоньков — и хитроумное приспособление легко превращалось в карнавальный поезд.

В кают-компании капитан застал одинокого техника, который затягивал болты с нижней стороны длинного стола для заседаний. Техник начал было выползать из-под стола на четвереньках, чтобы отдать честь, но капитан велел ему не беспокоиться, и техник продолжил свое занятие.

Кают-компания была правильной прямоугольной формы, что объяснялось единственно эстетическими соображениями.

Ковер на полу был густого красного цвета, а обшитые деревянными панелями стены пестрели городскими пейзажами Женевы, Орландо и Нью-Йорка.

Располагая практически неограниченными возможностями, НАСА без труда снабдила кают-компанию установкой, которая позволяла воссоздать на стенах и на полу объемные изображения деревянных панелей и красного ковра. Установка включалась автоматически, лишь только в кают-компании зажигался свет. Это создавало гораздо более благоприятную атмосферу для отдыха и для работы, и только сверхточный спидометр навигационной консоли мог обнаружить микроскопическую потерю скорости, когда установка включалась. Разумеется, в случае боевых действий ковер и деревянная обшивка превращались в гладкие белые стены.

Прохаживаясь по комнате, капитан Келлер заметил нечто странное и повернулся, чтобы спросить об этом у техника, который только что вылез из-под стола.

— Прошу прощения, моряк...

— Хасан, сэр, — молодцевато вытянувшись, ответил юноша, сверкнув ослепительно-белыми зубами. Внезапно он вспомнил о своем долге и поспешно козырнул. — Абдул Бенни Хасан, сэр. Космонавт первого класса. Инженерная секция.

— Да. Прекрасно. Благодарю. А где... э-э... стулья?

Техник неуверенно указал на штабель плоских картонных коробок, лежавших возле стены у входной двери. Их было плохо видно, так как голографическое изображение деревянной обшивки легло прямо на их бока.

— Вот они, капитан. Я подумал, что сначала надо собрать стол, на случай, если вы захотите создать между собой и офицерами психологическую подготовительную зону, которая увеличит ваш авторитет.

Келлер уставился на юношу во все глаза.

— Я просто хотел помочь, сэр.

— Спасибо. Премного благодарен, — сказал капитан звездолета. — Продолжай в том же духе.

Юноша принялся с удвоенной энергией орудовать отверткой и пассатижами, а капитан Келлер напомнил себе, что у него лучший на Земле экипаж. Такие инциденты, как только что, должны стать обычным делом. И да поможет им Бог.

Ожидая, пока прибудут вызванные им члены экипажа, Келлер присел на край стола и принялся играть своим талисманом, который хранился в нагрудном кармане его рубашки. Это была монета из светлого серебристого металла, размером со швейцарский франк или с американскую полудолларовую монету. На лицевой стороне был изображен герб ООН, а на задней — шестилучевая звезда со вписанным в ее центр кругом. Этот универсальный, принятый во Вселенной символ означал: «100% чистого тулия — честно!» Это была одна из первых монет подобной чеканки, и первая монета, которой суждено было побывать в космосе. Незадолго до старта члены Группы Первого Контакта выцарапали на ней свои имена, пожелав командиру удачи. Келлер был доволен подарком, хотя прекрасно знал, что как только нумизматы прослышат об этом, то самые ярые пуристы из числа собирателей монет вовеки проклянут эти имена.

Дверь в кают-компанию широко распахнулась, и на пороге возник лейтенант Сакаэда. Лейтенант был облачен в бурую полевую форму, перетянутую ремнем, с которого свисал лазерный пистолет в кобуре. Влажные после душа волосы были тщательно расчесаны и блестели. Келлер простил его за душ — он прекрасно знал, как сильно потеешь после работы в боевом костюме. Даг и сам провел в боевом костюме немало времени, еще во время подготовки к полету.

Следующим появился профессор Раджавур в своем пепельно-сером костюме-тройке. В руке профессор держал кружку той самой жидкости для промывки мозгов, которую он отважно именовал просто «кофе». Сразу вслед за дипломатом вошли доктор Ван Луун в безупречном форменном мундире и Трелл, который ухмыльнулся, заметив отсутствие стульев.

— Абдул, что помешало тебе сделать все побыстрее? — строго спросил Трелл у техника.

— Но, шеф, у меня всего лишь две руки! — пожаловался Абдул из-под кучи распорок, спинок и ножек для стульев.

Услышав этот ответ, Трелл расхохотался, лицо его при этом сморщилось. Одна пара рук, ха! Попробовал бы он сказать нечто подобное оолианину!

Капитан Келлер слегка откашлялся.

— Итак джентльмены, прошу са... занимать места.

Когда офицеры и один гражданский встали возле стола, демонстрируя внимание, Дагстрему Келлеру пришло на ум, что его команда представляет собой почти полную коллекцию национальных подвидов человеческой расы, существующих на Земле, за исключением, разумеется, греческого народа.

— Вот ваш стул, сэр, — сказал Хасан, пододвигая Келлеру стул. Келлер поблагодарил техника и, когда казалось, что пружина напряжения взведена так, что дальше некуда, сел.

— Давайте начнем с вас, мистер Старший техник, — распорядился он.

— Наш первоначальный план полностью провалился, — печально сообщил Трелл. — Благодаря героическим глотательным усилиям Шестнадцатого куб гипернавигатора поврежден, и восстановить его не представляется возможным.

Ответом на это заявление было потрясенное перешептывание.

— Стало быть, наш налет пошел коту под хвост? — спросил лейтенант Сакаэда, снимая свою пилотку и засовывая ее в карман брюк.

— Ни самец животного семейства кошачьих, ни его атавистический отросток позвоночника никуда не летали, — опроверг обвинение Трелл, не совсем хорошо понимая, о чем идет речь. — Напротив, нам даже удалось переписать всю ценную информацию с гипернавигатора на наши носители.

— И что? — поторопил капитан Келлер. Трелл сделал значительное лицо.

— Удалось получить только шесть полных координат шести различных звездных систем. Кроме того, там были еще сотни частично сохранившихся наборов координат, но я решил отфильтровать весь бесполезный мусор.

— Как это? — не понял Ван Луун.

— Мы можем выскочить из гиперпространства и приземлиться на планету, на которую собирались попасть, на скорости десять тысяч километров в секунду, — пояснил Трелл.

Доктор вынужден был согласиться, что это серьезно осложнило бы задачу экспедиции.

— А не могли бы мы сами вычислить недостающие элементы координат? — осведомился профессор Раджавур, отпив глоток кофе из своей новой чашки, на боку которой было начертано: *Я помогал спасти Землю от инопланетных захватчиков, и все, что я за это получил, была эта паршивая кофейная чашка.*

Удивительно, но Трелл ответил на вопрос утвердительно.

— Грязь... то есть Земля... нет, Терра (официальное наименование) обладает превосходными вычислительными машинами. Компьютеры, которые установлены на борту нашего корабля, — одни из лучших, что мне приходилось когда-либо видеть, особенно если принять во внимание отсутствие собственного интеллекта у этих приборов. Работая совместно, эти компьютеры навряд ли затратят на вычисление каждого набора координат больше одного оборота луны вокруг Терры.

— Мы не можем позволить себе истратить на это целый месяц, — жестко заявил капитан. — Но у нас есть шесть различных мест, на которых мы можем побывать и попытаться добыть там гипернавигатор. Это звучит обнадеживающе.

Трелл замахал руками в знак несогласия.

— Дела обстоят несколько хуже, сэр. Две планеты могут и не обладать кубом, об одной планете ничего не известно, а летать на три остальные обитаемых мира крайне нежелательно.

— Что это за три планеты, которые мы не можем почтить своим присутствием? — полюбопытствовал доктор Ван Луун, но в этот момент душераздирающе завыла сирена тревоги.

Протяжный вой сирены сбивал с толку и так путал мысли, что все присутствующие, вспоминая свою предстартовую подготовку, никак не могли сообразить, что означает этот сигнал: пожар? наводнение? разгерметизацию? перегрев двигателя? трещину в корпусе?

— Прорыв с гауптвахты! — выкрикнул лейтенант Сакаэда и, запнувшись о недособранный стул, бегом выбежал из кают-компании.

* * *

С каратистским криком «Киа!» Авантор пинком ноги отбросила с дороги остатки двери в свою камеру и дерзко шагну-

ла в коридор. Стальной замок двери она превратила в горстку оплавленных деталей еще раньше, применив один-единственный направленный психокинетический удар, которому научила ее бабушка.

Довольно бормоча себе под нос, джианка сорвала с себя хлопчатобумажный больничный халат и голышом отправилась по коридору на поиски Шестнадцатого.

На мгновение ее внимание привлекла какая-то возня в ближайшей камере, но, когда страж галактики заглянула в зарешеченный глазок, она увидела там лишь несколько грязеландцев, прячущихся за небогатой меблировкой камеры. Грязеландцы смущенно помахали ей в знак приветствия. Авантор внезапно поняла, в чем дело, и ее большие глаза превратились в узенькие щелочки, и грязеландцы опасливо пригнулись. Ох уж эти...

И Впередсмотрящая двинулась дальше.

Сквозь зарешеченное отверстие в следующей двери Авантор увидела комнату, заваленную похищенным с ее корабля оборудованием. Ни одежды, ни оружия здесь не было. Ей показалось странным, что оборудование было по большей части из медотсека. Очень, очень странно.

Следующая камера содержала как раз то, что разыскивала Авантор, но радость джианки быстро сменилась ужасом, когда она увидела своего первого помощника, без сознания лежащего на постели. Загадка медицинского оборудования разрешилась.

Преодолеть запертую дверь заняло не больше секунды, и Впередсмотрящая бросилась вперед. Шестнадцатый спокойно лежал на мягком водном матрасе, погруженный в целебный сон. Его тело было до самого подбородка укрыто белыми простынями, по контрасту с которыми лицо Шестнадцатого все-таки выглядело живым, не потерявшим всех красок, свойственных Золотистым. На небольшой тумбочке рядом с кроватью был установлен видеомонитор и кроветворное растение в горшке. Гибкие ветки растения уходили под простыни.

Авантор тихо позвала его по имени и, опустившись на колени, прикоснулась к руке Шестнадцатого. Его дыхание было ровным, пульс — нормальным, но когда Авантор телепатически проникла в его разум, она обнаружила, что Шестнадцатый полностью дезориентирован и что живот его все еще болит.

Впередсмотрящая почувствовала, как ее лицо вспыхнуло от стыда. Это она своими неловкими словами причинила ему вред,

в результате чего Шестнадцатый чуть не умер. ГН-куб, если его полностью переварить в желудке, убил бы и хоронца, профессионала-штангиста.

В каком-то тумане проступали воспоминания Шестнадцатого об операции, среди которых преобладали картины с изображением врача-грязеландца, пытающегося извлечь куб гипернавигатора. Авантор не почувствовала благодарности к хирургу: без сомнения, он стремился заполучить устройство, а не спасти жизнь Шестнадцатому.

Итак, необходимо было коренным образом пересмотреть свои планы. Авантор должна захватить корабль в одиночку. Тренировочный видеофильм № 460/В — «Как правильно захватывать звездолет, если ты гол, невооружен и сражаешься в одиночку» — моментально пронесся в ее мозгу, и Авантор постаралась тщательно проанализировать все, что подходило ей к данному случаю. Так, понятно. Это займет не больше девятисот секунд.

Оставив дверь приоткрытой, Авантор вышла из отсека и тут же развернулась, увидев солдата в боевом костюме, который неуклюже затопал к ней.

— Подождите! — закричал рядовой Фюрстенберг через внешний громкоговоритель своего костюма. — Нам нужно...

Он хотел сказать «побеседовать», но не успел. Джианка прервала его мощнейшим психокинетическим разрядом, который с такой силой толкнул злосчастного рядового назад, что он буквально вмялся в стальную переборку. Генераторы амортизирующих защитных полей внутри скафандра аж взвыли от перегрузки — это испытание было на пределе их возможностей. Между тем пехотинец со стоном обмяк, но его боевой костюм так и остался торчать из переборки словно барельеф, тяжелые ботинки солдата не доставали до пола на несколько дюймов.

Золотистые волосы Впередсмотрящей победно развевались в воздухе, наэлектризованные вторичным электростатическим разрядом, который всегда сопровождает разряд ментальной энергии; ее изумительной формы крупные груди высоко вздымались от напряжения, но Авантор ни на секунду не остановилась, чтобы перевести дух. Главная дверь на гауптвахту оказалась запертой на простой замок, состоящий из магнитного механизма, неподвижного ригеля и изогнутого рычага, поэтому лишь мгновение спустя Авантор оказалась в коридоре космического корабля грязеландцев.

Завидев ее, двое готовых ко всему часовых расслабились и опустили свое оружие в кобуры.

— С вами все в порядке? — спросил один из них, в то время как второй — женщина — принялась снимать свой форменный китель, чтобы отдать его обнаженной Впередсмотрящей. Авантор выбросила вперед сразу оба своих золотистых кулака, и они, словно стальные поршни, ударили в подбородки обоих пехотинцев. Часовые без звука завалились друг на друга, и Авантор наклонилась над ними, чтобы забрать у обоих лазерные пистолеты.

В этот самый миг на дальнем конце коридора открылись тяжелые створки двери турболифта, и в коридоре показался лейтенант Сакаэда в сопровождении четверки солдат в боевых костюмах. Солдаты тащили с собой обрезок трубы, похожей на канализационную, на одном конце которого мерцал светлый хрустальный шар. При виде этого оружия страж галактики сильно побледнела. О Вакуум!

Остановившись метрах в двадцати от Впередсмотрящей, солдаты уставили ствол похожего на пушку оружия прямо на нее, и хрустальный шар замерцал сильнее, набирая энергию.

— Авантор, не делайте этого, мы можем все объяснить, — сказал лейтенант Сакаэда самым мирным тоном, на какой только был способен. — Не стоит прибегать к насилию, мы не хотим этого.

— Зорклоп! — резко ответила женщина, выдергивая из кобуры лежащих охранников лазерные пистолеты.

Только теперь Сакаэда понял, что никто из них не взял с собой переводящего устройства. Это была главная ошибка, «Проклятье, — подумал лейтенант, — но ничего не попишешь».

— Винтовки — не стрелять! — выкрикнул он. — Канониры, задайте ей!

НУ-КА, СТОП!

Вздрогнув, джианка выронила лазеры и попятилась обратно в дверь гауптвахты. Ствол пушки «НУ-КА, СТОП!», снятой с ее собственного корабля, продолжал угрожать ей. Жадно хватая ртом воздух, Авантор навзничь упала на пол, и лейтенант Сакаэда, удовлетворенно улыбнувшись, сделал несколько шагов вперед. Впередсмотрящая с трудом встала на колени и, стоя в этой наиболее соблазнительной позе, сконцентрировала свои незаурядные ментальные способности и прожгла здоровенную

дыру в стене рядом с солдатами, державшими пушку. Промах! Осколки стали горячим дождем, забарабанили по броне боевых костюмов, и Авантор раздраженно скривилась.

Поморщившись, Сакаэда коснулся ладонью щеки, которую вдруг что-то обожгло, и увидел на пальцах кровь. О'кей, черт побери! Не хватит ли на сегодня?

— Канониры! — скомандовал он. — Пли! Пли! Пли!

Потребовалось целых пять псионных выстрелов, каждый из которых поражал Впередсмотрящую с силой бейсбольной биты, пока в конце концов она не потеряла сознание. Пальцы ее вытянутой вперед руки сумели все же дотянуться до порога двери, а это было намного дальше, чем, по общему мнению, она могла достать.

Когда из дверей подъемника выскочила бригада медиков, морские пехотинцы осторожно проникли в помещение гауптвахты, и в их радиоприемниках раздался сдавленный стон.

— А где Фюрстенберг? — спросил лейтенант Сакаэда.

Солдатам не понадобилось много времени, чтобы отыскать своего контуженного товарища, ну а как они его высвобождали — это совсем другая история.

* * *

— Итак? — вопросительно пробормотал капитан Келлер в свой наручный передатчик.

— Авантор водворена обратно в камеру, — ответил ему голос лейтенанта Сакаэда. — Ремонтная бригада уже восстанавливает то, что разрушила Впередсмотрящая. Псионическая пушка «НУКА, СТОП!» установлена напротив ее комнаты и подсоединена к замку. В следующий раз, когда нашей леди Годиве вздумается прогуляться, она не уйдет так далеко, — он помолчал. — Мы дали ей костюм и транслятор.

— Очень хорошо, лейтенант. Как только закончите, возвращайтесь в кают-компанию.

— Слушаюсь, сэр, — лейтенант со щелчком отключился.

— Я предупреждал вас по поводу джианцев, — напомнил Трелл. — Никому пока еще не удавалось долгое время держать в плену хотя бы одного.

— Тебе приходилось встречаться с ними раньше? — поинтересовался Ван Луун.

— Да, когда я еще был с Айдоу.

— Не хотелось бы обижать тебя, Трелл, но как получилось, что ты оказался в одной компании с этим ублюдком? Я просто уверен, что по натуре ты вовсе не преступник.

Профессор Раджавур знал ответ на этот вопрос, но промолчал, позволив Треллу рассказать свою историю.

— Я оказался с Айдоу по необходимости, а не по своему выбору, — спокойно начал свой рассказ Трелл, ничуть не обидевшись.

Его служба на борту корабля Айдоу отнюдь не была самым светлым периодом в его жизни, но он ничуть этого и не стыдился, хотя только очень немногие воспоминания доставляли ему удовольствие. По-настоящему лицо маленького инопланетянина просветлело лишь тогда, когда он припомнил смерть Бозтванка.

— Мой родитель был игроком, но, к большому моему сожалению, не слишком удачливым... он очень задолжал. Единственным достойным выходом для него было продать меня в рабство, чтобы расплатиться с долгами. — Трелл слегка раздул ноздри. — В моем мире эта практика не является чем-то из ряда вон выходящим.

Капитан Келлер удивленно нахмурил лоб.

— Родитель? Один? — с любопытством спросил он.

— В том-то и дело! — вступил в разговор Ван Луун, не в силах противостоять искушению поделиться своими знаниями. — Морманзуманцы — народ Трелла — не воспроизводят потомства путем оплодотворения созревшей женской яйцеклетки, как мы. Они размножаются почкованием. Фактически это контролируемый процесс клеточного деления, в результате которого появляется второе существо. Это не клонирование, прошу заметить, так как новое существо обладает собственной уникальной индивидуальностью...

Пока хирург говорил, Трелл отвернул лицо и зарделся. Он всегда чувствовал себя неловко, когда говорили о сексе.

— Любопытно, — пробормотал Келлер. — Почему он в таком случае так похож на человека? Скажи, Трелл, твоя раса произошла от приматов, как и мы?

Трелл пошевелил ушами. Он понятия не имел. Его раса вовсе не интересовалась историей, одной только техникой. Никого все-

рьез не интересовало, кто, что, кому и когда сделал, если только в результате этого не было совершено какого-нибудь открытия.

Как раз в этот момент на пороге кают-компании снова появился лейтенант Сакаэда.

— Сэр! — отсалютовал он.

— Входите, лейтенант, — кивнул ему Келлер, также отдавая лейтенанту честь. — Я вижу, вы ранены.

— Пустяки, сэр, это просто царапина, — ветеран группы «Дельта» потрогал приклеенный к щеке кусок пластыря.

— Хорошо же, садитесь.

Закрыв за собой дверь, лейтенант прошел к столу, возле которого появились стулья, задержавшись на минуту возле мусорной корзины, чтобы выкинуть скомканный кусок бумаги. На бумаге было написано очередное название для винтовки: «Штурмовая винтовка № 666, потому что она вышибает из вас дьявола». Глупо! Лейтенант кинул бумагу в корзину, где она исчезла во вспышке аннигиляционного пламени. Ему придется поговорить с солдатами по этому вопросу и очень скоро.

— Продолжим, — капитан Келлер вернулся к первоначальной теме собрания. — Итак, у нас есть координаты всего трех планет, где мы могли бы достать ГН-куб, не прибегая к пиратству, — он справился со служебной запиской, которую держал в руках. — Первая планета — Дарден. Сельскохозяйственная планета, где до сих пор можно встретить паровые двигатели и повозки на гужевой тяге. Очевидно, передовая технология идет вразрез с религиозными убеждениями аборигенов. Своего рода квакеры, которые когда-то были и у нас на Земле. Может быть, у них и есть гипернавигатор, который они могут продать нам. Если так, то он, скорее всего, заперт в старом сарае, который служит у них чем-то вроде межзвездного космопорта.

— Как-то это не воодушевляет, сэр, — заметил Ван Луун, делая пометки в своем карманном медицинском блокноте.

Капитан был с ним согласен.

— Вариант второй находится на порядочном расстоянии от Дардена. Планета называется «О, да?» и представляет из себя радиоактивное кладбище, оставшееся как напоминание о глупости и войне. По орбитам вокруг планеты вращаются десятки мертвых звездолетов, и Трелл полагает, что существует возможность того, что нам удастся найти на одном из них действующий ГН-куб. Но это довольно-таки сомнительно.

Никто не сказал ни слова по поводу того, что грабить могилы довольно противное занятие, важность их миссии не допускала подобных проявлений щепетильности.

— Что касается последней группы, то Трелл утверждает, что об этом мире ему не известно ровным счетом ничего.

Лейтенант Сакаэда прекратил почесывать измазанный красным пластырь на щеке и переспросил:

— Совсем ничего?

В свою защиту Трелл немедленно заявил, что в галактике существуют миллионы обитаемых планет, однако признал, что координаты кажутся ему странно знакомыми, как, впрочем, и многие другие.

— Шансы на успех ничтожные, — откровенно признался командир. — И это еще в лучшем случае.

Профессор Раджавур отпил кофе из своей кружки, его превосходный вкус и отличное качество развеяли миф о корабельном неудобоваримом пайке. В глубине души профессору хотелось, чтобы Юки Ву и его прежние товарищи по ГПК оказались здесь, чтобы вместе с ним насладиться превосходным напитком.

— Возвращаясь к вопросу доктора Ван Лууна, хотелось бы знать, что представляют собой планеты, которые мы не можем использовать. Что это — подводные колонии? Тюрьмы? Приюты для сирот?

Капитан Келлер снова заглянул в список. Несмотря на то, что текст был отпечатан, содержание не всегда удавалось прочесть. По-видимому, сопряжение между транслятором Трелла и корабельным компьютером не было до конца налажено.

— Первая в списке — планета РпорР. Я правильно произнес, Трелл? Р-п-о-р-Р?

Зеленый инопланетянин кивнул.

— Совершенно точно, капитан. Только все в галактике произносят его так, словно выплевывают. Немного энергичнее — и все будет правильно.

Капитан проигнорировал замечание.

— РпорР — это закрытый для посещения мир. Никто не может проникнуть туда и вылететь из него, — капитан слабо улыбнулся. — РпорР блокирован Золотистыми, как должна была быть блокирована наша Земля.

— Отлично! — Сакаэда так широко улыбнулся, что ощутил во рту солоноватый вкус крови, и поспешно вернул губы

в нормальное положение. — Это же наши потенциальные союзники.

В наиболее убедительных выражениях Трелл объяснил командиру космической морской пехоты, что он сильно ошибается. РпорРианцы никогда не были ничьими союзниками — разве что союзниками наемных убийц или сборщиков мусора.

— Вторая планета — секретная база преступников, о которой Трелл узнал во время своего знакомства с командиром Айдоу. Это центр торговли угнанными космическими кораблями. В этом месте можно без труда приобрести гипернавигатор, но мы и так уже нарушили слишком много законов. Наша миссия состоит в том, чтобы вступить в Галактическую Лигу, а не в том, чтобы скупать краденое оборудование.

Какую бы досаду ни вызвало в слушателях это решение, никто не посмел опровергнуть соображения, на которых это решение основывалось. Слишком скверно, увы.

— А номер шесть, капитан?

Келлер нахмурился, глядя в список, затем отложил его в сторону.

— Шестая планета называется Джии, это штаб-квартира Великих Золотистых.

— Нет, мы туда не полетим, — заключил Хасан, сидя на полу и привинчивая спинку к последнему стулу.

— Спасибо, моряк, — холодно ответил капитан Келлер. — Твоя работа закончена. Можешь быть свободным.

Смущенный техник быстро собрал инструменты и ушел. Келлер спокойно рассматривал лица своих старших функционеров.

— Возражения? Вопросы? Дальнейшее обсуждение? Нет? Значит, принимается.

Поднявшись, швейцарец подошел к стене и включил интерком.

— Мостик? Говорит капитан... Пусть навигаторы закончат преобразование корабля в белый цвет, выправят траекторию и введут в компьютер координаты планеты Дарден.

— Понятно, сэр, — проскрежетал из коробочки интеркома голос лейтенанта Джонс. — Какие еще будут распоряжения, сэр?

— Я вам сообщу, когда сам поднимусь на мостик. У меня все, — Келлер выключил интерком и побарабанил костяшками пальцев по полированной поверхности стола. — Совещание

переносится, джентльмены. Встретимся на мостике через шесть с половиной часов.

— И быть может, тогда Первый Строитель помажет нас своей собственной ушной серой! — вскричал Трелл, вскакивая на сиденье своего стула и потрясая в воздухе зеленым кулаком.

Точное значение этой фразы было неизвестно землянам, но тон его был уверенным, и они также разразились приветственными криками просто из солидарности.

20

Столетия назад, когда Галактическая Лига только создавалась, из соображений в большей степени политических, нежели военных, было решено, что Лига не должна помещаться ни на одной из существующих обитаемых планет, чтобы не возвысить тем самым ни одну расу над другими. По обоюдному согласию всех сторон была выбрана необитаемая планетная система, и инженерная наука совершила исторический подвиг, соорудив в пространстве гигантскую металлическую сферу, в которую полностью поместилось и центральное солнце системы, и орбиты всех обращающихся вокруг него планет. На Земле это циклопическое сооружение наверняка назвали бы сферой Дайсона, в честь почетного гражданина Дайсона, американского ученого, который первым постулировал концепцию зигзагообразного развития разума или «концепцию разума пошатнувшегося».

Все остальные жители галактики называли эту сферу просто очень большой.

Внутри этой сферы были построены дома, города, разбиты парки, посажены леса, выкопаны озера и постоянно возводились здания, здания, здания, причем во всевозрастающих масштабах. Затем сюда переселилось население целых двенадцати миров. Однако огромная сфера с ее девятью сотнями квадриллионов квадратных километров была миром, которому вовеки останется неведомым слово «перенаселение». Даже теперь, когда население этого искусственного сооружения достигло двадцати триллионов человек, жителям его частенько приходилось ехать на работу и с работы — то есть в часы пик — по одному или по двое в вагоне монорельсовой дороги.

Довольно любопытным представляется тот факт, что дебаты относительно того, как лучше всего назвать сферу, бушевали меньше одного планетарного года, так как один крайне разумный субъект предложил назвать ее просто Большой — ибо это было единственное ее очевидное качество, которое не оспаривалось никем. Это наименование и было с радостью принято.

Подобно паутине протянулись от светила к поверхности сферы мощные кабели, по которым передавалась солнечная энергия — угольно-черные ленты из сверхпроводящего материала, больше километра в поперечнике. Эти кабели сосали из недр солнца энергию, необходимую для работы генераторов антигравитационного поля, без которых перевернутый с ног на голову город не мог существовать. Та же самая энергия питала телекоммуникационные установки дистанционной аннигиляции, без которых эффективное управление галактическим сообществом было немыслимо.

На внешней поверхности сферы были смонтированы батареи лазеров класса «Нова» площадью с целый континент каждая; расквартированы дивизионы гигантских лучевых пушек, которые использовали термоядерные бомбы для удаления пыли из стволов; квазарные стержневые антенны длиной в миллион километров; ремонтные доки и ангары для сотни миллионов звездолетов-сверхдредноутов; башни генераторов силовых полей, каждая из которых была сделана из небольшого астероида, а также закусочная быстрого обслуживания, которой управлял, несомненно, очень богатый субъект, напоминающий гигантского слизняка.

Как ни трудно в это поверить, Большая не была изобретением Лиги. На другом конце галактики (второй спиральный рукав, четвертое солнце налево) было обнаружено еще одно светило, заключенное в металлическую сферу искусственного происхождения. Когда команда полных энтузиазма отважных молодых исследователей приземлилась на ее поверхность и проникла внутрь, чтобы приветствовать ее строителей, они обнаружили, что внутри нее темно, а сама сфера давно покинута обитателями. Внутри этой сферы обнаружилась еще одна сфера меньшего диаметра, выстроенная, по всей видимости, тогда, когда местное солнце стало уменьшаться в результате беспощадной эксплуатации и естественных процессов старения светил. Исследователи храбро проникли во вторую сферу и обнаружили

там третью, потом еще одну, и еще... После двухсот девятой сферы исследователи (изрядно постаревшие) наконец-то сдались и отправились по домам.

Одна из современных гипотез утверждает, что сумасшедшие строители до сих пор находятся где-то внутри, но никто особенно не горит желанием с ними встретиться. Во Вселенной и без того хватает придурков-любителей, поэтому дураки-профессионалы никому не нужны.

На Большой, посреди привольно раскинувшегося великолепия выстроенного вверх ногами мегатрополиса, в точке, которая соответствовала математически выверенному северному полюсу сферы — широта 0, долгота 0 — был выстроен небольшой каменный амфитеатр. Не имеющее крыши строение было освещено повисшим над самой головой солнцем. Архитектор несколько раз публично клялся, что на это его подвиг исключительно порыв вдохновения, чем срывал громкие аплодисменты. Однако, честно говоря, амфитеатр был выстроен без крыши исключительно для того, чтобы некое растение не было вынуждено каждые несколько часов прерывать работу и выходить наружу, чтобы поесть.

Амфитеатр заполняли тысячи сидений, и все они были повернуты внутрь, по направлению к небольшому каменному возвышению в центре, где стояла простенькая золотая кафедра. Это был пресс-центр Великих Золотистых, в котором стражи галактики выпускали текущие бюллетени или испрашивали совета ученых существ.

Сегодня там были репортеры — сотни собирателей новостей из такого же количества различных миров. Достойное собрание представляло собой настоящую кунсткамеру, в которой были представлены существа, которые лишь слегка походили на существующие на Земле формы жизни и предметы: коврики для ботинок и коромысла, крысы и летучие мыши, приматы и виноградные кисти, туманы, бараны, барабаны, собаковидные, ящерицы, пернатые, каменные и даже пара гуманоидов. Репортеры были созваны сюда срочным аллюром «Двойная звезда (альфа прим) ультрасрочно», что могло означать либо межзвездную войну, либо грозящий взрыв солнца или грандиозную вечеринку.

Прямо в воздухе, сверкая на солнце, парили над толпой тысячи металлических шаров. Большинство из них были дистанционно управляемыми передающими телекамерами, несколько шаров сами были репортерами-представителями механистических

цивилизаций, и совсем малая их часть являлась летательными аппаратами и одновременно контейнерами для энергетических существ. Среди них была еще дюжина металлических шаров, про которые никто не мог сказать, что это такое.

При звуке гонга на возвышение взошел мускулистый самец-гуманоид в развевающейся золотой тунике, и бормочущая толпа стихла. 3000-й, Верховный главнокомандующий Великих Золотистых (это был он), взял себя в руки, хотя его очень занимал вопрос, стоит ли ему тратить свое драгоценное время на разговоры с этими идиотами. Репортеры были проклятьем его жизни.

— Прошу внимания, разумные господа, — произнес рослый командующий в микрофон из невидимого силового поля, который парил в воздухе прямо перед ним:

— Я прибыл сообщить вам потрясающие новости, весьма неприятные по своей природе.

Репортеры напряглись. Они-то знали, что означает подобное вступление — вечеринки не будет.

3000-й откашлялся.

— Раса опасных примитивных существ преодолела блокаду, установленную вокруг их планеты, и затерялась где-то на просторах галактики.

На мгновение воцарилась напряженная тишина, репортеры были потрясены. В голове у каждого возник призрак рпорРианской угрозы. Тишина, однако, очень быстро превратилась в настоящий шквал вопросов.

— Есть ли у них обычай держать домашних животных? — выкрикнул журналист в первом ряду, перекрывая поднявшийся гам.

Испуганный джианец моргнул.

— Что? Ах да, у них есть домашние животные!

— Какие? — продолжал настаивать репортер.

— Ну... разные. Я полагаю...

— Насекомые? Держат ли они насекомых в качестве домашних животных?

— Да, да! Они держат насекомых, — обрадовался Золотистый. — А теперь давайте вернемся...

— РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ! — истерично выкрикнул паукообразный журналист и яростно засучил в воздухе своими восемью конечностями. — Мои сограждане должны быть немедленно освобождены!

— Лишенных разума насекомых! — громко пояснил 3000-й, стараясь перекричать шум. — «Таких как ты», — добавил он про себя.

— Ох... — репортер потупил все свои глаза и покраснел. — Тогда конечно...

Разумное растение рядом с пауком дружески подтолкнуло его одной из своих веток.

— Ну, ладно, подбодрись, — упрекнуло растение, напоминающее своим обликом переспелую брюкву. — Это ерунда. Вот если бы они питались овощами — тогда совсем другое дело.

Джианец мудро промолчал.

— Применяют ли они сушеную протозакваску? — спросило что-то из заднего ряда.

3000-й сделал над собой усилие и вежливо улыбнулся:

— Мы отклонились от главной темы. Эти преступники...

— Каково их мнение о проблеме «Сарстд»? — спросило полупрозрачное существо, напоминающее воздушный шар. Существо было привязано ремнями к своему стулу, дабы предотвратить попытки утреннего бриза унести его прочь.

— Да им просто-напросто ничего не известно об этом! — взорвался джианец, теряя над собой контроль. — Ради Вакуума, какое у них может быть мнение?!

— Новая раса настаивает, что ей ничего не известно об ужасном состоянии «Сарстд гик», — произнес репортер в пластиковый диктофон, укрепленный на его коротеньком, пухлом запястье.

3000-й стиснул зубы и привычным движением выхватил из-под своей туники пистолет с широким стволом. Не испытывая ни малейшей жалости, он нажал на спуск и окатил шумное сборище потоком невидимых лучей. Репортеры застыли без движения и, что было более важно, прекратили шум, ибо в их головах и других частях тела, где располагался мозг, раздалась телепатическая команда «НУ-КА, ЗАТКНУЛИСЬ ВСЕ!» Псионный пистолет в руках 3000-го был специальной модификацией телепатической пушки «НУ-КА, СТОП!», и его применение было санкционировано Советом Безопасности Великих Золотистых исключительно для восстановления порядка на этих печально известных собраниях журналистской братии. В наступившей тишине матовая стена за спиной джианца вдруг высветилась яркими красками, и на ней появилось изображение самой Галактической Лиги. Веп-

ценосная рептилия царственно улыбнулась толпе, и все репортеры, заполнившие амфитеатр, по-своему салютовали монаршей персоне. Даже повисшие в воздухе металлические шары слегка приспустились в почтительном реверансе.

— Ваше превосходительство! — выдохнул Трехтысячный. — Я польщен.

— Благодарю, Трехтысячный. Давненько мне не случалось бывать на этих собраниях. — Королева милостиво оглядела собравшуюся толпу.

— А что, эти опасные примитивные существа летят сквозь Галактику вслепую, или у них есть гипернавигатор?

— Есть! Они украли его! — в праведном гневе воскликнул Трехтысячный.

— Ну, конечно. А у кого?

Оп-па!.. Трехтысячный не ожидал перекрестного допроса, особенно со стороны Лиги. Он пробормотал нечто, что очень отдаленно напоминало местоимение «нас».

Земноводная рептилия изящно приподняла кожистое веко:

— Не могли бы вы повторить внятно!

— У нас. Они украли куб гипернавигатора у нас, — признался джианец с удрученным видом. — Они напали на сверхдредноут, находившийся на орбите вокруг их планеты, и похитили гипернавигатор и экипаж.

В помещении воцарилась мертвая тишина. Примитивная раса взяла на абордаж сверхдредноут Золотистых? Уя! Улю!

— Как? — осведомилась Лига, добравшись до самой сути.

— Эта информация не подлежит публичному оглашению, — твердо ответил 3000-й, заложив руки за спину.

— Понятно, — произнесла чешуйчатая ящерица с экрана. — Они, должно быть, достаточно высоко развитый народ, если сумели построить звездолет, хотя у них и не было куба. Может быть, они достаточно развиты, чтобы присоединиться к Лиге.

— Но они не изобретали звездолета, — возразил 3000-й, — они просто украли и скопировали устройство двигателей.

— У кого же? Надеюсь, не у Золотистых?

Из этой западни Трехтысячному не так-то и легко было выкарабкаться.

— У командира Айдоу.

Журналисты потрясенно вздохнули, а Лига в гневе сузила свои выпученные глаза.

— Если они заключили союз с Айдоу, то мы повелеваем немедленно уничтожить целиком их солнечную систему вместе с солнцем!

— Ну... они не совсем заключили союз...

— Объяснитесь, Трехтысячный!

Трехтысячный попался, и он знал это. Под гипнотическим взглядом Лиги было совершенно бесполезно лгать и выкручиваться, даже слегка скрыть правду — и то было безнадежно. Печальная история о некомпетентности экипажа золотого куба Х-47-Д станет достоянием гласности.

— Люди убили Айдоу и скопировали устройство двигателей прежде, чем мы успели помешать им.

Репортеры яростно строчили. Командир Айдоу погиб? Это настоящие новости!

— Когда торжественный парад? — спросил похожий на кота репортер.

— Какова будет их награда? — задал вопрос другой борзописец.

Гранитная глыба подняла каменную голову.

— Где будет поставлен памятник? — прогудел хоронец, так как его народ больше всего любил читать о гранитных монументах и прочих каменных изваяниях.

— Как пишется слово «люди»? — пропищал арахноид.

— Любопытно, — пробормотала Галактическая Лига, и ее гортанный голос, усиленный громкоговорителями, разнесся по всему амфитеатру. — Люди уничтожили величайшую опасность, которая когда либо нависала над цивилизованной Галактикой, а вы блокируете их планету. Почему?

Журналисты заинтересованно подались вперед. Хороший вопрос. Лига могла бы стать отличнейшим репортером. Журналисты ждали, держа карандаши наготове в своих разнообразных конечностях и отростках.

— Они — опасны, ваше превосходительство. Они угрожают миру и спокойствию в галактике.

По тому, как он произнес эту фразу, Лига догадалась, что джианец отчаянно пытается скрыть какой-то крупный просчет Золотистых. В последнее время Золотистые допустили порядочно крупных ошибок и промахов.

— Вы сказали — опасны? Разве они убили экипаж захваченного дредноута?

— Нет...

— И?..

Трехтысячный со смирением вздохнул. О Вакуум, от внимания Лиги ничто не может ускользнуть!

— Они оставили в дредноуте целый мешок тулия. Тысячу фунтов.

В толпе журналистов послышался озадаченный ропот.

— Довольно необычно для воров оставлять на месте преступления денег достаточно, чтобы на них можно было купить все, что они украли, — отметила царственная рептилия. — Наше мнение таково: прежде чем принимать какие-то карательные действия, мы должны побеседовать с этими «людьми». Найдите этот корабль, Трехтысячный, и доставьте сюда экипаж, не причинив ему вреда. Джианец отсалютовал:

— Сделаю все, что можно, ваше превосходительство!

— Они нужны нам живыми. Запомните это!

Лишь только изображение на стене погасло, 3000-й дотронулся до собственной головы и телепортировался прочь в ослепительной желтой вспышке. Репортеры повскакивали с мест и скопом ринулись к дверям. Достойное и респектабельное сборище мгновенно превратилось в неуправляемую толпу в видеотеатре, в котором кто-то крикнул: «Утечка радиации!».

На переднем ряду остался сидеть только один репортер, на которого, казалось, не произвело никакого впечатления поспешное бегство его коллег-газетчиков. Это было водное существо, выдающийся спинной плавник которого был увешан телекоммуникационным оборудованием для дальней связи. Малиновой расцветки двуногое рыбообразное было одето в самую разную одежду, причем различные предметы его туалета не только не подходили друг к другу, а противоречили друг другу словно намеренно.

Существо звалось Бачалоп Синтфессел, для друзей, которых было немного, но которые редко бывали трезвыми и которых, как и друзей всякого великого репортера, постоянно разыскивали джианцы, он был просто Бач. Он был журналистом на вольных хлебах и зарабатывал себе на жизнь тем, что оказывался впереди всех своих коллег в тех местах, где происходило что-то важное.

А это были действительно сенсационные новости! Пиратство! Похищение! Прорыв блокады! Гибель командира Айдоу!

А теперь еще межзвездная охота за этой непонятной штукой «люди», приказ о которой отдала сама Галактическая Лига.

С опаской оглядываясь по сторонам, Бачалоп протянул свою четырехпалую конечность и проверил хитроумное звукозаписывающее устройство, замаскированное под одну из многочисленных ярко-алых пряжек на его поясе. Хорошо! Он зафиксировал на проволоку не только весь разговор, но и панический исход корреспондентской братии. Теперь, если ему удастся обнаружить местоположение примитивных существ раньше, чем это удастся сделать джианцам, он сумеет сделать из всего этого репортаж века! Но как это ему сделать, ведь придется обшаривать всю Галактику?

Бачалоп зубасто улыбнулся. Да, дело того стоило!

* * *

В околоземном пространстве кишели эскадрильи джианских сверхдредноутов, высланные 3000-м для надзора за размещением целой армады беспилотных роботов, которые должны были окружить планету плотным кольцом. Флотилия мобильных космических кораблей была разведена по стратегическим позициям, с тем чтобы батареи их ракет с зарядом из антивещества смогли гарантированно остановить любую мыслимую попытку массированного прорыва с поверхности планеты в космос.

Организация Объединенных Наций ответила на это тем, что отдала распоряжение посадить все самолеты, запереть в доках все корабли, а все попытки джианцев выйти на связь с Землей натолкнулись бы на каменную стену заполнившей эфир рок-музыки, механического смеха и брачных песен горбатого кита. Пришельцы перевели песню следующим образом: «О бэби, я так горю сегодня ночью! Хабба-хабба! Давай сделаем это. Давай сделаем это сейчас. О бэби! О бэби! Хочешь свежей рыбки?»

Песня кита изрядно раздражала джианцев. Кому понравится визг лебедки?!

Тем временем оставшиеся на Земле члены Группы Первого Контакта рассыпались по всему земному шару, делая необходимую работу. Генералы Бронсон и Николаев находились в Звездном Городке в России, помогая пролетариату создать сверх-

скоростную противороботную интерконтинентальную баллистическую ракету. Доктор Ву находилась в Австралии, в Порт-Вумера, помогая и всячески содействуя постройке первого земного звездного флота. Доктор Малавади уехал в Нью-Мексику, чтобы там перестроить гигантские радиотелескопы в мощные как квазары импульсные передатчики, которыми человечество могло бы воспользоваться, чтобы попытаться связаться с кем-нибудь еще, кроме проклятых джианцев. И, наконец, сэр Джон находился в Нью-Йорке, на Рокфеллер Плаза, откуда он бомбардировал население Земли тщательно обработанными информационными сообщениями (фактически это были не новости, а пропаганда), которые заставляли человечество не ослаблять свой трудовой порыв и обеспечивали надежное сотрудничество и кооперацию.

Все остальное человечество тоже не теряло времени даром и проделывало все то, что только приходило в голову: начиная от попыток улучшить отклоняющее покрытие и кончая втыканием булавок в пластиковые муляжи Золотистых.

Но и Великие Золотистые тоже во всю мощь развернули свои миротворческие силы, и не было никакого сомнения, что конечный стратегический баланс сил будет не в пользу Земли.

Одновременно с этим на планете Дарден местные крестьяне уныло сообщили команде «Рамиреса», что у них нет никакого ГН-куба. Однако один из фермеров предложил экипажу подождать прибытия грузового автоматического корабля с Большой, который должен был появиться примерно через год по местному времени, чтобы забрать урожай дрожжевых грибков.

Фермер уверял, что экипаж, состоящий из роботов, не будет сильно возмущен, если ему придется подать сигнал Великим Золотистым и попросить их прислать новый гипернавигатор. Капитан Келлер, однако, вежливо отклонил предложение, и «Рамирес» стартовал с Дардена за несколько секунд до посадки Межзвездной информационной капсулы срочной почты, которая принесла на Дарден сообщение о том, что люди — это разыскиваемые преступники, которых надлежит задержать любой ценой.

Совершив прыжок к обугленным останкам планеты «О, да?», команда «Рамиреса» обнаружила немало гипернавигационных кубиков в разгромленных корпусах обожженных атомным пламенем звездолетов, вращающихся по орбитам вокруг планеты. Однако все уцелевшее оборудование на этих звездолетах было

так сильно загрязнено радиацией, что гипернавигаторы могли стать не только бесполезными, но и опасными.

Когда «Рамирес» покидал зловеще молчащую планету, зрелище оплавленных руин напомнило ему, что они отправились в космос с мирными целями, так что силу можно было применять только как последнее средство.

Затем последовал еще один короткий прыжок сквозь гиперпространство, в результате которого звездолет землян оказался в окрестностях третьей планеты из их короткого списка. Команда была поражена большим сходством между этой планетой и Землей. Планета была примерно того же размера, вращаясь вокруг солнца примерно на том же расстоянии, что и Земля, обе планеты были в основном покрыты водными пространствами и имели по одной луне.

— Почти как дома, — с тоской произнес один из членов команды.

Доктор Ван Луун был с ним согласен.

— Жители этой планеты, должно быть, очень похожи на нас по внешнему виду и устройству, — сказал он.

— Или же похожи на динозавров, — заметил на это старший мичман флота Бакли, шевеля своими жесткими длинными усами, столь характерными для офицеров британских ВМС. Джону Бакли все же пришлось немного укоротить их, чтобы усы помещались в шлем космического скафандра.

— Динозавры жили на Земле еще до людей.

Сдержанно улыбнувшись, Ван Луун заметил, что вероятность этого невелика.

— Капитан! — заговорил рядовой Хемлих, склонившись над консолью датчиков сенсорной аппаратуры.

Капитан Келлер отвлекся от изучения внутреннего устройства электронного контроля гидропонной станции и закрыл крышку консоли.

— Что там у тебя?

— Сканеры показывают, что вокруг этой планеты вращается по орбите золотое яйцо.

— Что золотое? — спросил швейцарец, присаживаясь к сенсорной консоли рядом с бледным, костлявым Хемлихом.

— Яйцо, сэр, — повторил Хемлих. — Честное слово. Его дизайн довольно совершенен. Мои анализаторы пока не могут определить, что это за штука.

Капитан, нахмурившись, перегнулся через плечо рядового Хемлиха и уставился взглядом на крошечный четырехдюймовый монитор.

— Переключи изображение на главный экран, будь добр.

— Понято, сэр.

Изображение зелено-голубой планеты стало ближе. Значительную часть экрана теперь занимал овальный, суживающийся к одному концу сфероид золотисто-коричневого цвета, вращающийся вокруг своей вертикальной оси. Данные о размерах, скорости и особенностях поверхности загадочного космического тела возникли в нижней части экрана. Два десятка глаз с пристальным вниманием впились в экран.

— Примерно величиной с обычный холодильник, — пробормотал кто-то.

— Мостик — не место для легкомысленных шуток, мистер, — строго сказал капитан, и девушка вздрогнула.

— Ваше мнение, доктор?

Ван Луун подошел к экрану поближе, внимательно рассматривая быстро вращающийся объект:

— Ничего достойного вашего внимания, сэр.

Капитан Келлер прищурил один глаз.

Похоже, пора вызывать их местного эксперта по всему необычному.

— Рядовая Лиллиокалани, будьте добры вызвать Трелла.

— Слушаюсь, сэр, — оператор средств коммуникации, родом с Гавайских островов, нажала кнопку на консоли и произнесла в микрофон:

— Старший техник Трелл — на мостик. Старший техник Трелл... Сэр! Входящий сигнал, — вдруг воскликнула она.

— С планеты? — удивился Келлер, занимая свое командирское кресло.

— Нет, сэр, это яйцо передает.

Капитан пристегнулся к креслу ремнем.

— Переведите и пустите через главный громкоговоритель, мисс.

— Есть, сэр, — оператор не глядя переключила что-то на своем пульте, и укрепленные на потолке громкоговорители, предварительно крякнув, заговорили:

...ЖДЕНИЕ ВСЕМ КОСМИЧЕСКИМ КОРАБЛЯМ. НЕМЕДЛЕННО ПОКИНУТЬ ЭТУ ПЛАНЕТНУЮ СИСТЕМУ. СТА-

ТУС — ОМЕГА. ПОВТОРЯЮ: СТАТУС — ОМЕГА. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВСЕМ КОСМИЧЕСКИМ КОРАБЛЯМ. НЕМЕДЛЕННО ПОКИНУТЬ...

Громкоговорители замолчали.

— И эта возможность накрылась, — посетовал кто-то.

Пока Келлер обдумывал информацию, двери подъемника распахнулись, и на мостике появился Трелл. Вернее, он находился еще на площадке подъемника, когда ему в глаза бросилась планета, изображенная на главном экране. Трелл с лязгом захлопнул челюсти, а его кожа стала бледно-зеленого оттенка.

— Что-то не так? — с тревогой спросил капитан Келлер, повернув свое кресло в сторону Трелла.

— Уходим. — Треллу каким-то образом удалось выдавить из себя несколько слов. — Немедленно. Здесь для нас ничего... Уходим. Отчаливаем.

Трелл, покачиваясь так, словно у него закружилась голова, сделал несколько шагов вперед, и капитану пришлось снова развернуть кресло, чтобы видеть его.

— Ты говорил, что ничего не знаешь об этом мире, — заметил капитан.

— Я говорил только, что не узнаю координат, — пояснил техник, мелко дрожа. — Давайте убираться отсюда. Пожалуйста.

— Сэр! — раздался голос оператора коммуникационных систем. — Послание с планеты.

Келлер кивнул, и громкоговорители под потолком ожили.

— НУ ЧТО, ОЗЕРНЫЙ ИЛ, СТАЛО БЫТЬ, ТЫ ВЕРНУЛСЯ? — прогремел дрожащий от ярости голос. — НА ЭТОТ РАЗ ТЕБЕ НЕ УДАСТСЯ ПРОВЕСТИ НАС, АЙДОУ! ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ!

У всех, кто был на мостике, сами собой вытаращились глаза. Айдоу?

Капитан Келлер опомнился, схватил Трелла за воротник и приподнял над полом — частый прием, к которому Трелл даже начал привыкать.

— Ты уже бывал здесь, не так ли? — грозно спросил он. Трелл не без труда пробормотал что-то утвердительное. Эту планету командир Айдоу посетил, когда Трелл только-только очутился в составе его экипажа. Несколько тысяч дней назад. Вот почему координаты казались ему знакомыми.

Капитан Келлер выпустил из рук маленького техника.

— Боевая тревога! — заорал капитан. — Защитные поля на полную мощность! Коммуникатор, передайте им, что это не «Все То, Что Блестит»! Навигаторы — полный стоп! И...

— Выстрел! — перебил его младший офицер у пульта вооружений, и все увидели, как стрела раскаленной голубой плазмы вылетела из орудий одной из космических станций. Секунду спустя она с силой парового молота обрушилась на корабль, и «Рамирес» вздрогнул с такой силой, что непристегнутых членов экипажа повыбрасывало из кресел. Тем не менее ни одну консоль не закоротило, и контрольные огни не погасли.

Пока люди на мостике забирались в свои кресла и пристегивались ремнями, с поверхности планеты поднялась черная туча. Это были ракеты, и в том, какова их цель, ни у кого не было никаких сомнений.

— Защитные поля? — потребовал Келлер.

— Держатся, — доложил старший мичман Бакли, стараясь, чтобы его голос не дрожал. — Но уж больно их много...

Тем временем ракеты приблизились, а с космической станции по ним ударил еще один плазменный луч. Капитан принял мгновенное решение.

— Ложимся на обратный курс, — скомандовал Келлер и запоздало вздрогнул, когда проплывающая неподалеку от них луна раскололась и изрыгнула из своего зияющего чрева, как ему показалось, миллионы боевых кораблей, и все они ринулись на ни в чем не повинного «Рамиреса».

— ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ, АЙДОУ! — проревел в громкоговорителях все тот же голос. — ТЫ, ЛИШЕННЫЙ ЧЕШУИ ПОЖИРАТЕЛЬ ЯИЦ...

— Прыжок! — завопил капитан, увидев, что рулевой положил палец на нужную кнопку. В яркой вспышке света «Рамирес» провалился в гиперпространство. Плазменные лучи, ракеты, лазерные лучи и ядерные мины взорвались в том месте, где он был всего секунду назад, с такой силой, что пространство прогнулось и звездолет землян ощутимо вздрогнул даже в гиперпространстве, а контрольные огни на мгновение пригасли.

— Состояние корабля? — спросил Келлер, когда мостик снова осветился, а на всех консолях ожили и замигали индикаторы. Прошло несколько минут, пока компьютер собирал и обрабатывал информацию. Когда все сообщения поступили и капитан с удовлетворением узнал, что корабль не пострадал, он отменил

состояние боевой тревоги и снова вернулся к готовности № 2. Затем капитан приказал снизить скорость до нуля, и «Рамирес» лег в дрейф.

— У джианцев будет немало проблем с этими ребятами, — сухо заметил Ван Луун, отходя от своей медконсоли. Он только что узнал, что в медотсеке все в порядке и что Авантор и Шестнадцатый не пострадали от толчков. Ни один человек из команды также не был ранен.

Келлер был полностью согласен с доктором. С местным населением будет непросто договориться.

— Наверняка у них тоже нет гипернавигатора, — прагматично заметил Трелл.

Глубоко задумавшись, капитан откинулся в кресле и принялся потирать ямочку на подбородке. По мере того как одна за другой исчерпывались все возможности для маневра, ситуация, увы, становилась все хуже. Будучи официально назначенным на пост командира корабля космического флота ООН, Дагстрем Келлер давал клятву строго подчиняться галактическим законам, пока у него есть такая возможность. Но теперь у них остался только один путь, и этот путь, к сожалению, был совершенно незаконным. Хотя весьма простым и незамысловатым, и никакие аргументы и мировые катаклизмы не в силах были изменить этого факта. Капитану предстояло решить только одно: должен ли «Рамирес» пойти на нарушение границ или воспользоваться краденными материалами. Судебно наказуемый проступок или уголовное наказание? К черту, о чем тут думать?

— Рулевой, проложите курс до РпорРа. Посмотрим, как наш экипаж справится с блокадой Золотистых, установленной в полном объеме.

— Понято, сэр.

Послышался мягкий удар, и все обернулись, но оказалось, что это Трелл свалился в глубоком обмороке.

21

— Королева-мать! Королева-мать! — кричал рпорРианец-охранник, отбрасывая занавеску, сделанную из нанизанных на нитки бус, и вбегая в тронный зал.

Восхищенное насекомое лишь на мгновение задержалось у простого глиняного горшка, чтобы бросить туда кусочек серебра, что было обычной таксой за право сообщить что-либо Ее Самой Высокой Божественной Прелести, Собирательнице Налогов, Хранительнице Казны, Мастеру Воспитания и Разведения, Лучшей Извлекательнице Мелочи Пик-пик-тромм-уиии-буль-буль-буль-гнаш-фррр Четвертой. Горшок был уже наполовину полон.

Тучная самка возлежала на куче монет в темном сыром алькове, в комнате, напоминающей пещеру, и спокойно наслаждалась поеданием сладкого кристаллизованного мха. При звуке голоса стражника ее самые маленькие конечности, постоянно занятые бездумным пересчитыванием монет, замедлили свое безостановочное движение, а установленные на стенах органические биолазеры по бокам алькова напрягли свои фокусирующие короны, сопровождая каждый шаг приближающегося самца.

Королева лениво приподняла четыре века и взглянула на крошечного инсектоида, приплясывающего от нетерпения на мраморном полу тронного зала.

— Что за тсс-тьфу? Еще одна возможность что-то купить и что-то получить в придачу?

— Нет, ваше величество! К нам приближается космическое судно!

— Разведчик идет домой? — спросила королева, приподнимая еще несколько пар век и начиная проявлять некоторые признаки заинтересованности. Проклятая блокада, установленная джианцами, была довольно хитрой западней. РпорРианцы могли проникать внутрь, но не могли вырваться наружу.

— Нет, нет, ваша жадность! Это голубой Микон-4.

— Пришельцы? — на краткий миг ее недоруки прекратили свою вечную работу и замерли. Королева даже отложила в сторону свой сладкий мох. — И что нам сообщили наши сенсоры, дорогой?

Посланец затрепетал от счастья.

— Тулий, королева, много-много тулия!

— Превосходно! — вздохнула королева и достала из футляра церемониальный рашпиль, которым давным-давно ей не приходилось пользоваться. Нужно было как следует наточить жала и клешни, чтобы успешно торговаться с пришельцами.

— Давайте устроим гостям теплый прием.

— Устроим парад?! — вскричал посланник, щелкая передними ногами, как кастаньетами. — Можно, мы устроим парад, возлюбленная Сборщица Податей?

Королева широко улыбнулась, улыбка у нее была такая, что казалось, будто ее голова вот-вот развалится пополам.

— Похоже, это неплохая идея, тсс-тьфу. Да, им нужно устроить показ.

— Ур-ра! — вскричал посланник-охранник, начиная пятиться из комнаты.

— Ой, а тсс-тьфу?

Затаив дыхание, насекомое остановилось в дверях. Преломляющийся в бусинах свет отбрасывал на его хитиновый панцирь радужные сполохи.

— Что вы сказали, ваша алчность?

— Вынь из горшка свое поддельное серебро и положи туда две полноценные монеты, или я заставлю тебя залезть на стремянку.

Королева больше не обращала на него внимания, но коленные чашечки ее рудиментарных конечностей угрожающе щелкнули.

Самец в страхе шумно сглотнул.

— Как прикажете, в вашем распоряжении.

О Первый Строитель, это Королева-мать или что?..

* * *

По мере того как «Рамирес» медленно дрейфовал в пространстве, зеленая точка на его носовом обзорном экране постепенно росла, превращаясь в буйный тропический мир. Подробности, однако, невозможно было разглядеть из-за тонкого серого тумана, укрывающего всю планету.

— Стоп машина, — приказал капитан Келлер, и звездолет остановился, неподвижно зависнув в космосе.

Командир пристально всмотрелся в экран, пытаясь рассмотреть, как и из чего организована джианская блокада. Ничего.

— Тактические данные, мистер Бакли.

— Так точно, сэр. — Мичман быстро повернул несколько наборных дисков на консоли, и на нижней части его экрана появился текст. — Звезда класса К, солнечных пятен не обнаруже-

но. В системе восемь планет — три перед нами, пять — позади. Поблизости от корабля нет ничего, кроме нескольких астероидов. Никаких боковых течений. На планете обнаружены значительные скопления металлических объектов, которые заставляют предположить наличие высокоразвитой цивилизации. — Бакли постучал ногтем по стеклу датчика. «Эй, это еще что? Ну-ка, погоди...»— подумал он. Металлические объекты находились вовсе не на поверхности планеты, а высоко над нею.

— Господи Иисусе! — тихо прошептал ирландец и перекрестился.

— Докладывайте, мистер, — желчно заметил Келлер. Его голос прозвучал как щелканье бича, и это произвело должное впечатление.

— Сначала я подумал, что туман вокруг планеты — это пыльная буря или смог, — быстро ответил Бакли, снова превращаясь в хладнокровного профессионала. — Но эта туча гораздо выше верхней границы атмосферы.

Ответственный за сенсорный контроль Хемлих завозился за своей консолью, подключая свой монитор.

— Не хочешь ли ты сказать, что?..

— Это джианская блокада, — уверенно сказал Бакли, хотя ему самому непросто было поверить в это. — Целый рой серых металлических пирамид, который полностью окружает планету.

Капитан Келлер фыркнул.

— И они видны на таком расстоянии? Не может быть! Для этого их должно быть не один миллион...

— Девяносто семь миллионов, сэр, — подсказал Бакли, сверившись с мерцающей шкалой. — Подсчет еще не закончен.

Келлеру удалось сохранить на лице видимость спокойствия, и он лишь крепче стиснул подлокотник своего кресла. Великие Золотистые отнюдь не собирались шутить, устанавливая блокаду. Назвать это просто блокадой значило погрешить против истины. Это было нечто потрясающее, почти величественное. Страшно подумать, что нечто подобное джианцы собирались установить и вокруг Земли. Только теперь капитан начал по-настоящему понимать, какой могущественной силе они осмелились бросить вызов.

В задумчивости капитан бросил взгляд на главный экран. Левая его часть работала в информационном режиме и была исписана сложными математическими уравнениями, правая часть

работала в аналитическом режиме, и на ней была изображена схема планеты, испещренная разноцветными пятнами, отражающими химический состав и структуру коры планеты и термальную активность мантии. На центральной секции экрана была видна планета в десятикратном увеличении, окруженная серым металлическим облаком.

— Почему блокада кажется тоньше всего прямо по курсу? — спросила навигатор Марта Соукап, высказав мысль, которая занимала и капитана.

— Сейчас посмотрим, — ответил Хемлих, вращая рукоятки своих приборов.

— Ну и что? — заинтересованно осведомился капитан минуту спустя. Хемлих щелкнул очередным переключателем и нахмурился. — Насколько я могу судить, сэр, это происходит потому, что мы находимся внутри спирального коридора, который ведет сквозь блокаду к поверхности планеты, — он кивнул в направлении центральной секции главного экрана. — Единственной причиной, по которой РпорР виден нам так ясно, является то, что мы вышли из гиперпространства где-то в самом конце этой спирали.

— Коридора? — пробормотал капитан. Внезапно его хмурое лицо просветлело, и он щелкнул пальцами. — Ну конечно! Должно быть, мы находимся на тропе джианцев, которую они проложили сквозь это минное поле для себя.

— Это вполне вероятно, сэр, — признала Соукап. — Особенно если учесть, чьим ГН-кубом мы воспользовались, чтобы попасть сюда.

— Шкипер! — позвала капитана Лиллиокалани, вахтенный коммуникатор, прикасаясь пальцами к радиоприемному устройству у себя в ухе. — Я только что получила сигнал от охранного устройства, расположенного с противоположной стороны планеты и напоминающего своей формой золотой улей.

— Он приказывает нам убираться?

Офицер связи повернулась к нему.

— Нет, сэр, просто настоятельно советует нам не совершать посадки. А уж если мы вынуждены, то оно рекомендует нам не дышать там воздухом.

— Не похоже, чтобы тамошняя атмосфера была непригодна для дыхания или отравлена, — заметила медсестра от медицинской консоли с сильным русским акцентом.

— Налог на дыхание, — с невозмутимым видом пояснила Лиллиокалани.

Капитан Келлер задумался о том, хотела ли коммуникатор просто рассмешить их.

— Дайте-ка я сам послушаю, — сказал Даг, наклонясь вперед так, что его локти уперлись ему в колени. — Я так понял, что блокада запрещает покидать систему местным жителям, в то время как посещать планету разрешено, нужно только уплатить пошлины?

— По-видимому, так, сэр.

Капитан Келлер удовлетворенно вздохнул и откинулся на спинку своего кресла. Неплохо. В этом случае их визит не будет полностью незаконным.

— Это было бы слишком просто, — вздохнула Соукап, поворачиваясь вместе с креслом. — Наверняка местное население наблюдает, каким путем прибывают звездолеты. Почему бы им не попытаться выбраться этим же путем?

— Я полагаю, что они пытались, — признал Бакли, — однако пирамидальные роботы-охранники расположены таким образом, что тридцать процентов из них могут одновременно выстрелить по одной и той же цели.

— И какова же суммарная мощность такого выстрела? — поинтересовалась Лиллиокалани.

Хемлих только пожал плечами в ответ:

— Понятия не имею, на моих сенсорах просто не хватает шкалы.

Капитан поморщился.

— Включить защитные поля, сэр? — спросил Бакли, кладя палец на соответствующую клавишу.

— Нет необходимости, — решил Келлер. — Похоже, что до тех пор, пока у нас на борту нет рпорРианцев, мы в безопасности.

— Понятно, сэр.

— Есть что-нибудь непосредственно с планеты, мисс Лиллиокалани? — спросил Келлер.

— Никак нет, сэр.

Капитану это показалось весьма странным. Аборигены, безусловно, уже давно знали об их корабле, идущем на посадку.

— Двигайтесь по этой спирали, Соукап, — приказал Келлер. — Но идите на сближение с осторожностью.

— Понятно, сэр. — Марта Соукап взволнованно сглотнула. — Будет исполнено.

Экипажу, который нервно поглядывал на экраны, казалось, что их корабль медленно ползет сквозь бесконечную гряду серого тумана, а в иллюминаторах не было ничего, кроме серых треугольных тел бесчисленных джианских роботов.

— Входим в атмосферу, — объявил Хемлих, лишь только серый цвет на обзорном экране начал сменяться прозрачной голубизной неба. На далеком горизонте клубились пухлые белые облака.

— В каком месте будем садиться, сэр? — спросила Соукап.

Капитан Келлер внимательно рассматривал лежащий перед ними континент, подмечая малейшие детали. Большую часть территории занимали либо фермерские поля, либо дымящие корпуса фабрик. Эти исторические противники причудливо чередовались внизу, словно на планете был неизвестен эффект загрязнения продуктов сельского хозяйства отходами производства. А может быть, местным жителям нравился вкус промышленного смога. От чужой расы можно было ожидать чего угодно. Побережье было заселено редко, а крупных городов капитан разглядел всего три штуки: два напоминали собой военные базы, а третий — парк для увеселений.

— Здесь. — Капитан показал налево. — Вот этот город, окруженный неким подобием «американских горок». Он соответствует описанию здешней столицы.

— Сканеры сигнализируют наличие посадочных площадок для звездолетов к западу от столицы, — сухо сообщил Хемлих. — Изменить курс на шесть градусов с севера на северо-запад.

— Есть! — ответила Соукап, поворачивая рукоятки.

— Отставить! — вмешался капитан Келлер. — Посадите корабль в парке в центре города. Трелл утверждает, что это — общественная собственность, которой каждый может пользоваться бесплатно.

— Бесплатно? — удивился космонавт первого класса Хасан, отвлекшись от своей консоли инженерного обеспечения. — Вы уверены, сэр?

Капитан ответил, что да, уверен, и приказал Хасану заткнуться.

— Коммуникатор Лиллиокалани, передайте группе высадки приказ собраться в выходном шлюзе № 1, — приказал Келлер. — Группа высадки будет состоять из посла Раджавура, сержанта Либерман и шестерых пехотинцев охраны, вооруженных пистолетами. Не годится нам выглядеть угрожающе и демонстрировать дурные манеры.

— Понято, сэр.

— На случай непредвиденных обстоятельств должен быть готов спасательный отряд под командой лейтенанта Сакаэда. В отряд должны входить все остальные пехотинцы в полном вооружении и в боевых костюмах. С борта корабля их должны поддерживать лазерная батарея, а также наш главный калибр...

— Слушаюсь, сэр, — ответила Лиллиокалани, но одна лишь мысль о страшном оружии заставила ее вздрогнуть.

* * *

— Нет, так тоже мы ее не назовем, — сказала сержант Либерман, ставя начищенный до блеска башмак на краешек койки и любуясь им. Сверкающий кожаный мысок башмака оставил небольшую вмятину на безупречно ровном покрывале. — Послушайте, чем вам не нравится «штурмовая винтовка ООН, модель первая»?

— Но, сержант, — возразила одна из рядовых, почесывая за ухом, — это скучно!

— А как бы ты ее назвала, Григгс? «Подставка для утюга»? Просто потому, что против лома нет приема?

— А как насчет С-20? — предложил рослый, костистый рядовой. Голос у него, однако, был гулким, как у радиоведущего.

Сержант Либерман не без труда взяла себя в руки.

— Хорошо, я не против. А почему?

— Потому что когда мы идем в атаку, мы кричим: «Смерть! Смерть! Смерть! Смерть! Смерть! Смерть! Смерть!..»

— Спасибо, Фюрстенберг, — перебила его Либерман. — Мы поняли.

— Как сюда попала эта туповатая... — прошептал Фюрстенберг стоящему рядом с ним капралу, но в этот момент динамик под потолком пискнул и начал объявлять порядок высадки.

— Разберемся позже, — отрывисто сказала Либерман, бросаясь вместе со всеми перечисленными пехотинцами к шкафчикам и начиная надевать необходимое снаряжение.

* * *

— РпорР... — вздохнул Трелл, глядя на вспомогательный крошечный экранчик, установленный в десантном шлюзе № 1. То, что он спустился на самую нижнюю палубу, дало ему лишь небольшую отсрочку. Ужасная новость, что «Рамирес» по своей собственной воле собирается совершить посадку на РпорР, настигла его и здесь. Пожалуй, это будет последняя вещь, которую каждый из членов команды земного звездолета совершит по собственной воле, прежде чем все они попадут в печально известные долговые тюрьмы инсектоидов, которые битком набиты исключительно пришельцами с других планет, которые наивно полагали, что сумеют перехитрить рпорРианцев. Кстати, это было еще одним доказательством того, что глупость была в одинаковой степени присуща всем обитателям Вселенной.

— Что там не так с этим местом? — поинтересовался один из рядовых пехотинцев, застегивая вокруг талии ремень подсумка с дополнительным снаряжением. — Мне кажется, там, снаружи, должно быть неплохо.

После того как старший техник Трелл кратко, тезисно и местами невразумительно поведал морским пехотинцам краткую историю карьеры, которую сделали насекомоподобные обитатели планеты, даже коренные жители Нью-Йорка, оказавшиеся среди десантников, были поражены непомерной и аморальной алчностью рпорРианцев. Эти ребята могли дать десять очков вперед даже кубинскому торговцу наркотиками.

Десантный шлюз № 1, расположенный чуть ниже экватора шарообразного корабля землян, представлял из себя прямоугольную комнату, гладкие металлические стены которой еще даже не были покрашены. Начиная от середины комнаты были проведены по направлению к боковой стене люминесцентные желтые линии, которые поделили пол шлюза на двадцать прямоугольных площадок. На этих площадках были расставлены изящные серебристые аэрокары.

Разработанные исключительно для движения ниже верхней границы атмосферы, аэрокары сильно напоминали обыкновенные автобусы без крыши, с большим количеством сидений, одним водительским креслом и, как во всех автобусах, без единого намека на полки для багажа. Для полного сходства не хватало лишь таблички «Не курить», разменного автомата и жевательной резинки на полу.

В отличие от космических шлюпок, которые получали свои имена в честь космонавтов и астронавтов, аэрокары были поименованы в честь реально существовавших и вымышленных воздухоплавателей: «Икар», «Ван Пинг», «Вербо», «Д'Амикурт», «Граф Цеппелин», «Орвилл и Уилбур», «Калэл» и так далее.

Снабженные генераторами антигравитационных полей производства компании «Роллс-Ройс» и донными турбинами для нагнетания воздушной подушки, а также мощными хоронскими всепогодными ионными толкателями для движения вперед, удивительные аэрокары могли поднять в воздух армейский танк, по башню залитый свинцом, и развивали с этим грузом скорость более 800 километров в час. Универсальные машины могли также целыми сутками плавать по воде и обладали шипованными, непробиваемыми колесами для движения по суше в случае чрезвычайных обстоятельств, однако пехотинцы считали их чем-то вроде летающих гробов, поскольку аэрокар не обладал никакой броневой защитой, о которой стоило упомянуть, а маневренности у него было не больше, чем у дохлого кита на роликовых коньках.

Облаченные в повседневную форму цвета хаки и боевые ботинки, космические морские пехотинцы были вооружены лазерными пистолетами с пятью запасными батареями, 10-миллиметровыми автоматическими пистолетами «Хеклер и Кох» с девятью запасными обоймами. Кроме этого, у каждого из них за спиной висел в неуклюжем брезентовом чехле 40-миллиметровый одноразовый гранатомет. Как и приказал капитан — одно только легкое вооружение. В глубине души каждый из десантников жалел, что им нельзя захватить с собой что-нибудь более существенное.

— Как у вас дела, сэр? — спросила сержант Либерман, подходя к аэрокару, на котором они должны были отправиться на вылазку, «Икар экспресс».

— Все готово, сержант, — ответил Трелл, закрывая капот двигателя и вытирая нижнюю пару рук замасленной ветошью. — Я дозарядил акселератор антивеществом, подсоединил фотоэлектрический диск, отрегулировал гироскопы и сменил дворники.

Сержант помолчала и улыбнулась:

— Отлично.

В дальнем углу шлюза техник инженерной секции прекратила скрести шваброй пол.

— Фотоэлектрический? — переспросила она у своего напарника, который зачищал стену шлюза, готовя ее к покраске. — Но узел ДРЛ уж наверняка электронный.

— Ерунда, — ответил мужчина. — Магнитная линза должна контролироваться волоконно-оптическим устройством. Только в этом случае можно будет исключить всякую возможность отрицательной обратной связи.

— Ну да, — сказала уборщица, с силой налегая на швабру. — Тогда, конечно, это имеет смысл.

Оставив пришельца любоваться делом своих рук, сержант Либерман построила свои войска и учинила им тщательную инспекцию. Удовлетворенная результатами осмотра, она кивнула. Солдаты подобрались крепкие, поджарые и в меру умные. Сержант помолчала. Это звучало как закон морской пехоты: «Крепкий, поджарый, не слишком умный — поверенный войны».

— Безопасность — вот основная задача, — объяснила Либерман, оттягивая затвор пистолета, чтобы загнать в ствол патрон. — РпорРианцы будут делать все, чтобы выбраться с этой планеты, а роботы имеют приказ вести огонь на поражение. Местные жители больше не обладают спутниками связи и не пользуются самолетами. Роботы их немедленно сбивают.

— Вы не шутите, сержант? — спросил рядовой, проверяя заряд гранатомета.

— Это действительно так, — вмешался Трелл, аккуратно собирая свои инструменты в складной металлический ящик. — Самые трусливые из насекомых даже опасаются стоять вертикально. Преступников иногда подвергают наказанию, заставляя влезать на разные высокие предметы под открытым небом, но это относится только к тем, кто совершил мелкие проступки.

— А что они делают с теми, кто совершил тяжкое преступление?

— Спариваются с ними.

Этот лаконичный ответ тем не менее скрывал в себе такой мощный заряд отвращения и ненависти, что перед глазами пехотинцев возникли картины, достойные ночных кошмаров шизофреника. Вдоль спин пробежал холодок, и кое-кто откровенно вздрогнул. Да, есть вещи, о которых лучше не знать.

— О'кей, пора загружаться, — заметила Либерман, поглядев на часы. Она намеренно разрушила настроение, начавшее было овладевать солдатами. — Садитесь только возле окон, но не слишком расслабляйтесь. Я хочу, чтобы вы в любую минуту были готовы к любым неприятностям. Но первый, кто начнет действовать без команды, однозначно получит пинка под зад. Всем ясно? Марш!

Пехотинцы начали занимать места в аэрокаре, а технари в дальнем углу шлюза рассмеялись. Либерман фыркнула. Это же надо — «линзы контролируются волоконной оптикой»! Чушь! Неужели им не понятно, что поток магнитной индукции от генератора обязательно нарушит работу столь примитивного лазерного реле? Тупицы! Хотя что с них взять? Наверное, неспроста они попали в уборочную команду.

* * *

Когда громкое гудение двигателей превратилось в глухое ворчание, «Рамирес» наконец завис на высоте двух метров над обширной травянистой равниной, на которой было несколько озер и невысоких пригорков. Этот пасторальный пейзаж и был центром города — Беспошлинным Центром Отдыха на Открытом Воздухе, расположенным в столице РпорРа, городе под названием Бульбуль-кх-берп.

Завидев приближающийся космический корабль, местные жители стремительно разбежались, как предположили путешественники, — в страхе. Однако всего лишь через несколько минут туземцы вернулись и принялись торопливо устанавливать на траве пластиковые торговые павильоны и палатки, плотно окружая ими корабль. Затем они принялись делать фотоснимки и расхваливать товары, но не друг перед дружкой, а перед землянами. Среди товаров были такие редкие вещи, как съедобные почтовые открытки, джианские доски для «дартс», кулгуланские

сигары (поддельные), а также пластиковые мешочки с землей РпорРа — сувениры на память.

Стоя перед главным обзорным экраном, капитан Келлер разглядывал флажки и вымпелы, которые гордо трепетали на ветру над палатками и ларьками. На большинстве из них был изображен незамкнутый треугольник — универсальный символ, означающий «НА ПРОДАЖУ». Гораздо меньше было вымпелов с изображением треугольника и двух колец, что трактовалось как «МОЖНО ТОРГОВАТЬСЯ». Только один вымпел мог похвастаться тремя кольцами, что означало, как предположил Келлер, «ДЕШЕВО», но нигде он не увидел изображения незамкнутого круга — символа, означающего «БЕСПЛАТНЫЕ ОБРАЗЦЫ».

— Ты уверен? — спросил в стену Келлер.

— Определенно, сэр, — ответила стена голосом Трелла. — Корабль слишком низко, чтобы ему потребовалась лицензия на полеты, и слишком высоко, чтобы с нас можно было содрать плату за парковку.

— Что за безумный мир! — мягко заметил Хемлих.

— Разве только этот? — согласилась Соукап.

* * *

— Вот он идет, — негромко заметил водитель аэрокара. Сержант Либерман нахмурилась.

— Почти вовремя.

Придерживая на голове свой шелковый цилиндр, профессор Раджавур бежал по стальной палубе шлюза по направлению к аэрокару с морскими пехотинцами. По случаю парадного выхода профессор был одет в свой лучший костюм — «токседо» черного цвета, и щеголял транслятором в пластиковом корпусе и алой посольской лентой через плечо. Ботинки посла были надраены, седые волосы тщательно причесаны, к тому же профессор даже прополоскал рот сладкой водой, чтобы быть наиболее привлекательным для насекомых. Забравшись в аэрокар, Раджавур огляделся и был даже несколько испуган тем количеством оружия, которое взяли с собой пехотинцы. Ему, однако, было понятно, что в случае осложнений, никакое оружие не будет лишним. У рпорРианцев была не слишком хорошая репутация.

— Прошу простить меня за опоздание, — извинился дипломат. — Мне необходимо было собрать подношение королеве.

— Никаких проблем, профессор, — солгала Таня Либерман, которой приходилось иметь дело с шишками и разнообразными высокопоставленными персонами. Этот, по крайней мере, умел вести себя вежливо.

— Водитель, сообщи на мостик, что мы выдвигаемся.

— Есть, сэр, — ответил водитель и отцепил от приборной доски небольшой микрофон.

— «Икар» — «Рамиресу». Прошу разрешения на взлет.

— Взлет разрешаю, — ответил ему голос капитана. — Удачи, и да поможет вам Бог!

— Вас понял, взлетаю, — ответил водитель и снова прикрепил микрофон к приборной доске.

— Надеть респираторы, — приказала сержант Либерман, натягивая на голову ремни усовершенствованной газовой маски. Вместо отчетливого ответа «Есть, сэр!» прозвучали неразборчивые похрюкивания — солдаты облачились в противогазы.

— Солдат, поехали, — приказала Либерман.

Пилот кивнул и принялся крутить рукоятки, бормоча обычную пилотскую молитву:

— Ходовые огни... проверено. Резервное сцепление... включено. Атомные батареи... есть питание. Турбины включить... есть включить.

В потоках нагретого воздуха «Икар» приподнялся над металлической палубой и поплыл над остальными аэрокарами, похожими на него как родные братья. Затем он совершил неуклюжий маневр, разворачиваясь носом к открывающимся створкам шлюза, и выскользнул наружу, после чего створки плотно сомкнулись опять.

Прямо перед ними распростерся по равнине столичный град, состоящий из многих тысяч зданий разных форм и размеров. Теперь Раджавур разглядел, что напоминающая «американские горки» постройка, виднеющаяся вдали, на самом деле сооружена из удивительно толстых металлических колонн и огромных каменных плит. Удивительно было, почему все это сооружение не ушло в землю под собственным весом, к тому же неясно было и то, для чего оно здесь воздвигнуто.

Через некоторое время «Икар» опустился ниже и очутился среди зеленого парка, давая десантникам возможность спланиро-

вать наступление на местности, если таковое окажется необходимым. Аэрокар медленно планировал между стволами гигантских папоротников, чуть выше крыш многочисленных торговых павильонов, выбросы донных турбин его вызвали настоящую бурю, распугивая прилипчивых торговцев. Разочарованные стоны и сердитое чириканье неслись им вслед.

Преодолев наконец все экономические преграды, аэрокар ООН спустился еще ниже, став более доступным для общения. Теперь «Икар» двигался вдоль по главной улице столицы со скоростью пешехода — так во всяком случае казалось пилоту.

Все здания, что попадались им на глаза, были невысоки — не больше четырех этажей. По большей части все они были сделаны из кремово-розового материала, происхождение которого путешественникам никак не удавалось определить. Широкие тротуары были отгорожены от проезжей части серебристыми кружевными башенками, на взгляд Сигерсона — довольно безвкусными. Проезжая часть улицы была изрезана канавками, по которым текла вода, а места для парковки возле тротуаров и вовсе были ничем не примечательны, словно в Нью-Йорке или любом другом городе мира.

На тротуарах кишмя кишели многочисленные любопытные прохожие, которые с шумом переговаривались и сердито посвистывали друг на друга. Когда аэрокар притормозил у перекрестка, дабы водитель сумел разобраться, как здесь организовано уличное движение, один жирненький таракан вырвался из толпы зевак и помчался по улице, стараясь не отстать от транспортного средства.

— Унцию тулия за секрет, как преодолеть блокаду! — выкрикнул он. — Даю целую унцию! — и в подтверждение своих слов он выхватил из плетеной сумочки на брюшке тусклую монету.

Профессор Раджавур не был готов к такому конкретному предложению и предпочел действовать, как подсказывал ему инстинкт.

— Не знаю никакого секрета, — невинно заметил он. — Какой такой секрет?

Его слова эхом отдались внутри его противогаза.

Таракан сделал паузу в словах, но отнюдь не в своем стремительном беге. «Эге, да они, оказывается умеют торговаться по мелочам!»

— Ну хорошо, две унции, но не больше.

— Увы, приятель...

— Четыре, — быстро согласился стремительно перебирающий ногами инсектоид. — И фото моей сестры в придачу.

Исландец испуганно заморгал:

— Как-как, простите?..

Таракан азартно помахал перед сидящими в аэрокаре людьми полноцветной, трехмерной голограммой своей обнаженной родственницы, эротично истекающей чем-то зеленым, похожим на злокачественный гной. В ответ раздался сдавленный смех всей команды. Сбитый с толку рпорРианец постучал передней ногой по своему транслятору. Проклятое устройство, должно быть, снова начало барахлить, поскольку ответ пришельцев напоминал оскорбление.

В следующий момент серебристые башенки на тротуарах начали мелодично звенеть, и из зданий изверглись тысячи и тысячи насекомых. Вокруг «Икара» началось что-то вроде невероятного, фантастического парада.

Из замаскированных ангаров появились весело разукрашенные цветами аэростаты, изображающие собой планеты и космические корабли. Аэростаты заняли позиции впереди и позади летающей лодки землян. Команды установок прецизионного бурения дружно поднимали и опускали острые сверла в такт мерному шагу. В воздухе проносились воодушевленные насекомые-акробаты. Восьмирукие жонглеры жонглировали одновременно мерцающими стеклянными шарами, топориками с двойными лезвиями, горящими факелами и живыми белками. Насекомые, чьи панцири были выкрашены белой краской — очевидно, мимы — начали со своего стандартного набора, а закончили совершенно непонятной землянам пантомимой, которую морские пехотинцы примерно расшифровали как «Съешь свой Телевизор» или «Проветри свою Крошку».

С каждой крыши взлетали в воздух сверкающие, рассыпающие огненные искры фейерверки, наполнившие воздух различными пиротехническими изысками, отчего роботы джианцев на орбите пришли в немалое беспокойство. Воздушные шары рвались в небо, а на землю дождем сыпалось конфетти. Затем пришел черед piece de resistance[1], когда словно из-под зем-

[1] Piece de resistance *(фр.)* — главное событие, гвоздь программы.

ли возник огромный оркестр музыкантов в кожаных мундирах малинового цвета и шляпах с перьями. Музыканты окружили раскачивающийся аэрокар. Струнные, духовые и ударные звучали замечательно — словно земной университетский оркестр: натужно и энергично, но слегка фальшиво. Шумная толпа насекомых, однако, веселилась вовсю, смеясь, распевая и просто немузыкально вопя. Это выходило у них шумно, неорганизованно, дико, но все-таки — удивительно.

— Сэр! — крикнула сержант Либерман, прижимая ладони к ушам и вкладывая в единственное слово всю полноту страдания. Полуоглушенный дикими воплями и шумом дипломат только кивнул. Они могли выдержать, пожалуй, еще несколько секунд адского концерта, прежде чем нанести ответный удар. Каковы бы ни были последствия.

22

Тем временем на «Рамиресе», на девятнадцатой палубе, мощный взрыв разнес кафетерий, раскидав стулья, людей и продукты. Из дымящегося отверстия в металлической палубе появилось сердитое лицо и взъерошенные волосы Впередсмотрящей.

Схватившись за ближайшую ножку стула, она начала выкарабкиваться из дыры, когда единственный устоявший на ногах член команды звездолета обрушил ей на голову тяжелый поднос, заставленный разнообразной снедью. Пиво, жаркое и бисквиты оказались в воздухе, но цель была достигнута. Глаза Авантора закрылись, и она повалилась обратно в пролом.

— Медперсонал — на гауптвахту, срочно, — приказала лейтенант Джонс в свой наручный передатчик, медленно поднимаясь с пола. — Ремонтная бригада инженерной секции — живо в кафетерий «Б». Охрана — и туда, и сюда, бегом!

Отряхивая с мундира макароны и чесночный соус, лейтенант Джонс повернулась к герою дня, который все еще держал в руках помятый в бою поднос.

— Отличная работа, капрал, — заметила она.

— Рядовой, — с кислой миной поправил пехотинец.

Лейтенант терпеливо улыбнулась.

— С этой минуты — капрал.

Рядовой первого класса Джейс Фюрстенберг вздохнул, низко опустив голову и разглядывая ботинки.

Ему пришло в голову, что ему, наверное, следует сделать капральские нашивки, которые крепились бы к мундиру на «липучке».

* * *

Профессор Раджавур решил, что теперь, пожалуй, пора, и, опершись одной рукой на покрытый мягкой обивкой борт аэрокара, другой рукой похлопал по плечу ближайшего марширующего таракана, пытаясь привлечь его внимание.

— Между прочим, — дружелюбно сказал профессор насекомому, — мы не собираемся платить за весь этот парад.

Музыка немедленно стихла, и шествие остановилось.

— К-как вы сказали? — переспросил испуганный таракан-повар, прижимая саксофон к грязному фартуку, все еще повязанному вокруг его брюшка.

— Мы не станем за это платить, — повторил дипломат, и его слова прозвучали в наступившей тишине неожиданно громко и ясно.

Парад прекратился так же быстро, как и начался. Артисты и акробаты разбежались, аэростаты вернулись в ангары, лазерные голограммы фейерверков растаяли в воздухе, а воздушные шары вернулись на привязь. Вскоре улицы опустели, и ни одна инопланетная собака не осталась на виду, чтобы составить землянам компанию.

Сигерсон сознательно выжидал до последнего, чтобы дать насекомым отведать их собственного лекарства. На кратком совещании с участием Трелла дипломат узнал, что стоило только гостям ступить на Главную Рыночную Площадь, как они официально считались согласившимися оплатить все увеселения и развлечения, которые устраивались вдоль дороги. И если вы оказывались не в состоянии уплатить назначенную цену тулием или каким-либо равноценным товаром, то вас ожидал изрядный срок заключения в трудовой колонии, который оканчивался только естественной продолжительностью вашей жизни. Многие и

многие пришельцы из других миров, попавшиеся в эту коварную ловушку, пытались спастись бегством, но если рпорРианская полиция и была шуткой, то этого нельзя было сказать о роботах джианцев.

По всей видимости, хотя основной задачей этих пирамидальных роботов и было не позволять рпорРианцам покидать родную планету, с другой стороны они же выполняли функцию союзных войск, к которым Королева-мать могла обратиться за помощью. Могучие роботы могли совладать с любым злостным неплательщиком.

В этом соображении было мало утешительного, однако профессор Раджавур сумел разглядеть в нем нечто позитивное. Джианцы перестали выглядеть как каратели, бессовестно угнетающие свободолюбивый народ, и приобрели благородные признаки резервных полицейских сил, которые всего лишь обеспечивали поддержание на планете существующих законов.

Сержант Либерман взмахнула рукой.

— О'кей, поехали!

«Икар» увеличил скорость и двинулся дальше по опустевшей главной улице города, оставляя позади жилые кварталы, торговые ряды и косметические салоны, где насекомые могли за умеренную плату привести в порядок свои хитиновые покровы, надраив их гуталином.

Проезжая мимо кинотеатра, земляне не могли сдержать гримасы отвращения. Здание было украшено огромным, кричащеярким плакатом, на котором истекающий слюной гуманоид волок куда-то изящную насекомую особь женского пола в изодранной шелковой накидке. Несколько насекомых-роботов преследовали их.

«ВТОРЖЕНИЕ ГЛАДКОГЛАЗЫХ ЧУДОВИЩ» — гласила самая крупная надпись.

«Они хотят наших женщин!» — было написано шрифтом чуть помельче. «Даже деньги не могут остановить этих чудовищ!» — сообщала последняя строчка. Земляне преисполнились гордости за то, что даже Голливуд не производит подобной дряни. Во всяком случае, не часто.

Аэрокар замедлил свое движение. Делегация землян прибыла на ровную каменную площадку площадью около шести акров, которая была расположена прямо напротив странного покосившегося сооружения, увенчанного группами каких-то оплывших

куполов, водруженных один поверх другого. Это и была их цель — Главная Рыночная Площадь — единственное место, на котором разрешалось вести торговлю с пришельцами, а покосившееся сооружение, по всей видимости, и было Имперским Ульем — резиденцией Королевы-Матери РпорРа.

— Здесь я выхожу, — сказал профессор Раджавур, выбираясь из аэрокара. От его движения аэрокар начал покачиваться, словно лодка на воде. — Вы двигайтесь позади меня, но не приближайтесь слишком вплотную.

— Яшир коаш, сэр, — пожелала ему сержант Либерман, поднимая вверх большие пальцы рук. Транслятор Раджавура перевел эту фразу со староеврейского языка как «Желаю вам много сил».

Следуя за дипломатом, «Икар» осторожно вплыл в арку, сделанную из двух гигантских мандибул, и оказался внутри устрашающего Колизея от Коммерции.

Площадь Коммерции была окружена ярусами деревянных кресел, чьи сиденья принимали горизонтальное положение только после того, как вы опустите монету в специальную прорезь. Кроме первого взноса, механизм приходилось постоянно подкармливать все новыми и новыми денежными суммами, чтобы сиденье кресла оставалось в горизонтальном положении, поэтому собравшиеся на трибунах зрители предпочитали стоять. Оказывается, давешняя толпа на улицах вовсе не разошлась, а просто перекочевала сюда, чтобы поглядеть, как Королева-мать даст урок этим прямоходящим млекопитающим. Это легендарное зрелище было весьма поучительным для подрастающего поколения и, что было важнее всего, устраивалось совершенно бесплатно.

Единственным украшением этого места была статуя рпорРианского самца в натуральную величину, установленная на небольшом возвышении. Это были подлинные высушенные останки великого поэта Тссбрбрбр-кх. За медную монету, опущенную в прорезь на пьедестале, статуя декламировала бессмертные строчки, принадлежащие великому поэту:

Тулий!
Тулий и тулий!
За мешок тулия я бы убил
собственных детей!

Даже в переводе строчки ничуть не утрачивали своей силы. Профессор Раджавур, стоя в ожидании, потер башмаком странное серое вещество, из которого была сделана вся площадь.

— Что это такое? — вслух спросил он. — Какой-то особый вид бетона?

— Проверяется, сэр, — ответил ему крошечный коммуникатор на запястье. Минуту спустя коммуникатор снова заговорил: — Отнюдь, сэр. Материал в основном органического происхождения. В его основе лежит эпоксидная смола, смешанная с костной мукой и армированная силикатами.

Дипломат не удержался и спросил:

— Не врешь?

Последовала пауза.

— Истинная правда, сэр.

Заглушая смех Раджавура, из Имперского Улья послышался громкий звук рожка, и толпа зевак расступилась, пропуская движущийся парадным строевым шагом взвод марширующих тараканов, каждый из которых был вооружен электрическим хлыстом и колчаном с хрустальными змеями. Строй солдат дошел до центра площади и разделился надвое, встав по сторонам от входа. Затем из Улья выполз на восьми членистых ногах волосатый портшез, гибрид тарантула и пляжного кресла.

Только теперь Раджавур припомнил, что рпорРианцы были мастерами в биотехнологии. Сразу же ему стало понятным назначение канавок, проложенных вдоль улиц города. Биоорганические средства передвижения рпорРианцев, по-видимому, были недостаточно разумны, чтобы испражняться в специальные контейнеры, и стекающая вдоль канавок вода смывала нечистоты. Раджавуру это пришлось по нраву. Решение было эффективным и отвечало требованиям санитарии. Несмотря на свою фантастическую жадность, тараканы вовсе не были варварами.

Украшенное связками драгоценных камней и серебряной сканью, волосатое тело ходячего кресла весело поблескивало на солнце. Сама Королева-мать была укрыта в тени, которую отбрасывал широкий зонтик, сооруженный из тонких костей и перепонок, укрепленных на скорпионьем хвосте экзотического кресла. Поверх зонта был установлен проблесковый маяк королевского синего цвета. Все части тела Королевы, которые были видны землянам, были массивными, тучными или напоминали недоразвитые ноги.

* * *

— Что скажете по поводу это мохноногого паланкина, доктор? — поинтересовался капитан Келлер, не отрывая пристального взгляда от главного экрана. Ответа не было, и капитан оглянулся.

— А где Ван Луун? — осведомился капитан.

— Доктор Ван Луун занят экспериментом, товарищ капитан, — мрачно сообщила ему медсестра, сидящая у медицинской консоли.

— Экспериментом?

Полная медсестра кивнула головой.

— Да, командир, он пытается что-то сделать с джианским медицинским оборудованием.

Келлер многозначительно откашлялся. То, что доктор пропустит это зрелище, могло оказаться весьма важным.

— Вы ведете для него видеозапись происходящего? — спросил он.

— Конечно, сэр, — ответила сестра.

— Очень хорошо, продолжайте.

* * *

Один из пехотинцев наклонился вперед и дотронулся до плеча сержанта Либерман.

— Послушайте, сержант, а что мы будем делать в том случае, если профессору не удастся мирно договориться с этими букашками?

— Сматываться, — лаконично ответила Таня.

— Отступать?

Сержант Либерман наморщила лоб.

— Оглянитесь вокруг, Эндрьюз. Если мы сделаем только один шаг по направлению к Королеве, каждый таракан на этой планете бросится на ее защиту.

Рядовой Эндрьюз с беспокойством посмотрел на толпу насекомых, следящих за каждым движением землян, отметив немалое количество зазубренных челюстей-мандибул, когтей и ядовитых жал. Пожалуй, Либерман права. Никто не хотел воспроизводить

битву у Литтл-Биг Хорн, особенно если приходится быть в роли генерала Кастера[1].

Раздался сигнал трубы, и живой экипаж остановился в самой середине площади. Стражник-рпорРианец, совершенно нагой, если не считать обязательного плетеного кошелька на брюшке, приблизился к землянам, держа в протянутых вперед верхних конечностях стальной контейнер с прорезью в крышке.

Помня уроки, которые преподал ему Трелл, профессор Раджавур опустил в контейнер несколько серебряных монет, уплатив таким образом за всех членов своей группы. Стражник немедленно вскрыл контейнер и, наугад выбрав монету, попробовал ее на зуб. После того как этот примитивный тест на подлинность был закончен, стражник слегка кивнул, и Королева заговорила:

— Мы позволяем начать ваши приветствия, — заявил транслятор, свисающий на ремне с волосатого передка многоногого кресла. — Назовите себя.

Дипломат поклонился, взмахнув своим цилиндром.

— Я — посол Раджавур Сигерсон с планеты Терра, — он намеренно не стал представлять морских пехотинцев, помня, что в мире насекомых насекомые-солдаты считаются существами низшего порядка. — Мы пришли к вам с мирными намерениями. Позвольте же в подтверждение моих слов и в знак уважения к вашему величеству преподнести вам наши скромные дары, — первоначально профессор планировал сделать царице насекомых комплимент, обратившись к ней «ваше великолепие», но в последний момент язык ему не повиновался, и он ограничился «величеством».

Один из пехотинцев передал профессору серебряный поднос, который профессор в свою очередь передал одному из стражей. На подносе были: широкая и низкая банка египетского меда, коробка бельгийских шоколадных конфет, серебряный китайский кинжал в изукрашенных гравировкой ножнах и превосходная коллекция ожерелий, по которым можно было составить представление о всех народах, населяющих Землю. Из предосторожности, однако, ни один из подарков, за исключением меда, не был желтого или золотистого цвета и не был сделан из золота.

---

[1] В 1876 г. в битве у реки Литтл-Биг Хорн войска генерала Кастера были полностью разгромлены и уничтожены превосходящими по численности силами индейцев-сиуксов.

В соответствии с протоколом Королева-мать улыбнулась, обнажая всего несколько сотен своих кинжальных зубов.

— Мы с радостью принимаем ваши подарки, — сообщила платиновая коробочка-переводчик, — и в свою очередь позволяем вам бесплатно дышать воздухом нашей планеты до конца вашего здесь пребывания.

Раджавур снова поклонился.

— Благодарю. Кстати, распространяется ли ваша милость и на моих спутников?

«Ах вот как? Начинаешь торговаться?»

— Безусловно.

— Благодарю вас, ваше величество.

Земляне с облегчением стащили с лиц газовые маски и тут же пожалели об этом: воздух был изрядно загрязнен, и только курящие пехотинцы не имели ничего против густого химического привкуса, ощущавшегося в воздухе. Вонь стояла похлеще, чем в Бомбейском порту в летний полдень.

— Прекрасно, — заметил профессор, стараясь не поперхнуться. — Позвольте еще раз поблагодарить вас за милостивое позволение разделить с вами этот чудесный воздух.

Один пожилой инсектоид выскочил из толпы, чтобы спросить у млекопитающего профессора, не хочет ли он приобрести немного здешнего воздуха, чтобы взять с собой, но стражник толкнул импульсивного старца обратно. Перебивать королеву не разрешалось.

— Что привело вас, благородные пришельцы, в мой бедный мир? — спросило профессора жирное насекомое в кресле, поигрывая засахаренной головой бывшего любовника.

— Любопытство, — ответил Раджавур и, выдержав десятисекундную паузу, добавил: — Кроме того, нам нужно кое-что из оборудования.

Услышав эти слова, Королева-мать от удовольствия выпустила из ротового отверстия несколько капель липкого гноя, а ее отточенные клешни вытянулись вперед.

— Наша цивилизация не основывается на металлических приспособлениях, посол. Однако я уверена, что за небольшое вознаграждение мы сумеем предоставить вам все, что вам потребуется.

У Сигерсона появилось такое ощущение, что замечание о «небольшом вознаграждении» в стоимостном выражении означа-

ет примерно то же самое, когда говорят, что «счет мы вышлем по почте».

— Наш куб гипернавигатора дал трещину, и мы ищем еще один куб, чтобы сравнить координаты, — заметил профессор.

Королева-мать вопросительно посмотрела на своего управляющего двором, и он что-то прошептал прямо в ее слуховое отверстие.

— Да, у нас есть такое устройство, которое мы могли бы продать, — ответила Королева при посредстве коробочки транслятора. — Продажная цена — полное уничтожение джианской блокады вокруг планеты.

Исландский дипломат похолодел. Королева с ходу взяла быка за рога. Капитан просил дипломата связываться с ним для консультации по наиболее сложным вопросам, но в данном случае Раджавуру не нужен был ни чей совет.

— Мне очень жаль, но это невозможно.

— Ваш корабль не обладает достаточным количеством вооружений? — пытливо поинтересовалась Королева, ее нижние конечности задвигались так, что их немая пантомима напомнила профессору сцену удушения кролика.

— На нашем корабле вообще нет никаких вооружений, — ответил Раджавур. — Наша раса настолько же мирная, насколько ваша — благородная, — добавил он с трагическим видом.

РпорРиане застыли в угрожающих позах, затем начали перешептываться между собой. Сержант Либерман, задавшись вопросом, было ли достаточно мудро со стороны профессора оскорблять насекомых, тем не менее тихо скомандовала пехотинцам приготовиться.

Из транслятора послышался довольный смех.

— Прелестно. Я отдам вам гипернавигатор, если вы согласитесь взять десятерых моих подданных на свой корабль и доставить их на любую другую планету.

По сигналу Королевы из-за ее восьминогого кресла появилась стайка насекомых-подростков. Прелестные создания внушали к себе такую любовь, что так и хотелось раздать им лакричные леденцы.

Посол Земли серьезно задумался. В самом деле, какую опасность для Галактики могли представлять десять детенышей?

Трелл, с которым сержант Либерман срочно связалась по радио, тут же спросил, имеется ли у детишек зеленый оттенок

на хитиновых пластинках, прикрывающих брюшко. Когда Таня ответила, что да, зеленый отлив имеется, Трелл чуть не задохнулся от возмущения.

— Это не детеныши, а оплодотворенные принцессы, — объявил он. — Стоит только выпустить их на планету, и через один оборот солнца вся галактика будет наводнена этими чудовищами.

— На нашем корабле строго ограничено свободное пространство, — громко сказала сержант Либерман, чтобы профессор услышал. — Десять лишних пассажиров — и наши системы жизнеобеспечения выйдут из строя.

Благодарный за помощь, профессор Раджавур с сожалением пожал плечами. Королева-мать со счастливой улыбкой благосклонно кивнула в ответ на заведомую ложь.

— Может быть, мы могли бы купить его у вас? — предположил профессор с таким видом, словно обмен товаров на деньги изобрел он сам, только что. — Например за... сахар?

Королева Пик-пик-тромм-уиии-буль-буль-буль-гнаш-фррр скромно пустила еще капельку зеленой слюны. Это было восхитительно.

— Ваш корабль недостаточно большой, чтобы вместить необходимое количество сахара, — сообщила Королева-мать.

— А как насчет тулия?

Ага, похоже, что ритуальные пляски вокруг цены начинают убыстряться!..

— Какова ваша цена? — поинтересовалась Королева, пряча голову брата в рефрижератор-холодильник, расположенный в основании бронированного хвоста самоходного королевского трона для парадных выездов.

Раджавур решил начать с нормальной рыночной стоимости.

— Один фунт.

Королева чуть не поперхнулась своим собственным смехом.

Раджавур воспринял это как отказ.

— Пять фунтов.

— Мы — примитивный народ, посол, — извинилась заплывшая жиром туша. — Мой народ верит, что любое число меньше десяти является несчастливым и может вызвать мор.

— В таком случае, наша раса еще более примитивна, — парировал Раджавур. — Мы просто не умеем считать свыше пяти. К тому же, в соответствии с нашими религиозными убеждениями,

наши священники должны будут проверить ГН-куб на святость еще до того, как за него будут уплачены деньги.

— Подвергать куб проверке — значит нанести оскорбление тому, кто его сделал, моему сыну-ученому, — сообщил транслятор. — Для того, чтобы утешить его тонкую артистическую натуру, понадобится еще пять фунтов.

— Входят ли сюда соответствующие налоги, обложения, выплаты, транспортный налог, дополнительный налог, пени, импортные пошлины, экспортный гербовый сбор, акциз, церковная десятина и отчисления владельцу патента?

Королева-мать с уважением прищелкнула клешнями. Млекопитающий неплохо вел свою партию.

— В цену включено все.

Профессор приподнял цилиндр и пригладил свои жесткие волосы. Пятнадцать фунтов за настоящий ГН-куб, да? Цена была непомерно высока, к тому же им до последнего придется опасаться, как бы его у них снова не отняли, и все-таки...

Сирена завизжала, как собака, которой прищемили хвост, с каждой минутой она звучала все громче и пронзительней, пока ее скрежещущий вой не перекрыл все звуки.

— Рейд! — еще громче сирены заверещал какой-то таракан, и стенающие толпы рпорРианцев бросились врассыпную.

— Тревога! — громко объявила Таня Либерман, прижимая к уху наушник радиопереговорного устройства. — Сверхдредноут джианцев движется к планете по спиральному проходу.

Раджавур молча запрыгнул на борт аэрокара. Великие Золотистые во второй раз помешали ему достойно завершить начатое дело. Они в самом деле начали безмерно его раздражать.

Неуклюжий аэрокар сумел каким-то образом круто развернуться на ограниченной площадке арены, затем сверкнуло зеленое пламя, и «Икар» стремительно понесся прочь, горячие выхлопы турбин подожгли на трибунах разбросанные бумажки и мумифицированные останки великого поэта на пьедестале. Королева-мать уже давно исчезла в Улье вместе со своим двором. Неожиданные вторжения Великих Золотистых были для нее просто неизбежным злом, повторяющимся с завидной регулярностью.

Автопилот аэрокара прилежно следовал по маршруту, которым земляне летели по направлению к Главной Торговой Площади. Возвращались они, однако, со скоростью, близкой к скорости

звука. Повсюду в городе насекомые поспешно разбегались по домам, с разбега запрыгивая в окна и двери. Немедленно после этого здания начинали погружаться в землю, исчезая с глаз. По мере того как город погружался, странная конструкция, напомнившая Раджавуру «американские горки», стала подниматься выше, и профессору стало ясно ее назначение.

— Это противовес! — воскликнул Раджавур, ослабляя хватку и теряя шелковый цилиндр.

Сержант Либерман, отчаянно цепляющаяся за приборную доску в надежде не вывалиться на вираже и таким образом остаться в живых, отвернула лицо от ураганного ветра, хлещущего ее по лицу и мешающего смотреть.

— Клянусь Богом, профессор, вы правы! — прокричала она в ответ.

— Грандиозно!

— Надеюсь, мы все доживем до того момента, когда сумеем рассказать кому-нибудь об этом.

С проворством, которое сделало бы честь любой летучей мыши, аэрокар промчался сквозь парк, переворачивая ларьки и торговые павильоны. Белые бока «Рамиреса» вздымались перед ними, как утесы Дувра, и пассажиры приготовились распрощаться с жизнью в неминуемом ужасном столкновении, но в это время створки причального шлюза разошлись, и пилот-пехотинец, успевший перехватить у робота управление, бережно, как перышко, посадил неуклюжую машину на стальную палубу. Створки люка с лязгом захлопнулись, и звездолет немедленно стартовал.

* * *

— До встречи с дредноутом осталось две минуты, — доложил ответственный за сенсорное оборудование.

— Экраны на полную мощность, главный калибр — к бою! — приказал капитан.

— Есть, сэр. Все готово, сэр!

— Каким курсом следовать? — спросила навигатор.

Капитан Келлер прикусил губу. У него не было желания сразиться с Золотистыми, но, если «Рамирес» попытается прорвать-

ся сквозь боевые порядки роботов-охранников, их соединенная огневая мощь продырявит его корабль посильнее, чем может продырявить бюджет иное политическое выступление. «Соображай быстрее, космический рейнджер», — тихо процитировал Келлер одну из своих любимых книг.

— Проложите курс на 90 относительно поверхности, — приказал он.

— Прямо вверх? — удивленно выдохнул Трелл, на секунду отвлекшись от своей консоли. — Вы с ума сошли, капитан!

Только пришелец мог отважиться сказать такое, хотя все на мостике об этом подумали.

— Не думаю, — возразил командир звездолета.

— Навигатор Соукап, будьте готовы по моей команде включить максимальную скорость. Это означает, что должны быть задействованы на полную мощность не только маршевые двигатели, но и резервные химические двигатели. Вам ясно?

— Д-да... Так точно, сэр.

«Рамирес» быстро приближался к границе охраняемого роботами пространства, и все автоматические устройства взяли его на прицел. Не удовлетворившись этим, Великие Золотистые в сверхдредноуте изготовили к бою все вооружение, которое только могло поразить корабль землян на таком расстоянии.

— Сэр! — воскликнул мичман Бакли, молотя кулаками по своей консоли. — Оба защитных экрана отказали.

— Золотистые применили обнулитель гиперскорости, — доложил от сенсорной консоли Хемлих. — Мы не можем уйти в гиперкосмос.

— Отказ двигателя номер один, — доложил Трелл, с бешеной скоростью переключая тумблеры и нажимая кнопки.

— Отказ двигателя два... отказ третьего двигателя.

Капитан покрепче затянул на себе пристяжные ремни.

— Лиллиокалани, психонический залп! Навигатор — дайте полный ход! Консоль вооружений, смена окраски на золотую!

* * *

С выражением триумфа на лице Тридцать четвертая выпустила из рук контрольный пульт сверхдредноута и повернулась

к заросшему янтарной бородой старшему авантору, встающему с командирского кресла.

— Мы поймали их, мой господин! — улыбнулась Тридцать четвертая. — На планете им некуда укрыться, если они поднимутся выше — роботы расстреляют их на орбите, а мы блокируем единственный проход.

Авантор с довольным видом погладил бороду и кивнул:

— Отличная работа, Тридцать четвертая! Мы оба получим повышение. А теперь давай подберем наших пленников. Вызови их на стандартной частоте и...

НУ-КА, СТОП!

Неожиданно сраженные своим собственным оружием, джианцы попадали на палубу. С трудом поднявшись на колени, джианцы попытались встать, но их настиг второй выстрел, за которым последовало еще два попадания. По своему обыкновению аккуратная Лиллиокалани, прочтя рапорт о попытке Вперед-смотрящей выбраться из помещения гауптвахты, обратила особое внимание на количество выстрелов, которое потребовалось, чтобы Авантор потеряла сознание.

Скорчившись на полу, Тридцать четвертая каким-то образом сумела дотянуться до локтя командира. Командир был мокрым от пота.

— Что делать, мой господин?

— Молиться, Тридцать четвертая...

Обоих окутала тьма.

К сожалению, находясь в бессознательном состоянии, джианцы не могли следить за своими экранами, и, таким образом, маневр корабля землян остался без должной оценки.

* * *

Пирамидальные роботы двинулись навстречу «Рамиресу», готовые безжалостно поразить нарушителя, обрушив на него всю свою немалую огневую мощь. Полмиллиона протонных пушек взяли «Рамиреса» на прицел, но в последний момент, за считанные секунды до того, как гигаватты атомной смерти обрушились на жалкую скорлупку, космический корабль вдруг изменил свой цвет.

Сначала это испугало роботов, затем они, словно смутившись, отвернули от корабля смертоносные стволы пушек и излучателей и торопливо убрались с траектории движения золотого шара. Их не слишком сложно устроенные мозги не могли понять, откуда вдруг взялся второй джианский корабль, если припомнить, что всего лишь секунду назад этот корабль был белого цвета. Золотистый цвет служил паролем, пропуском на выход, а все остальное не имело значения. Никто в галактике не осмелился бы воспользоваться им под страхом ссылки на Галоптикон-7.

К счастью, в этот момент на поверхности РпорРа не было никого из обитателей планеты, и поэтому секрет, как преодолеть джианскую блокаду, так и остался секретом.

На скорости, близкой к скорости света, «Рамирес» вырвался из коридора, по которому он двигался внутри роя серых роботов, его раскаленные выхлопы превратили в шлак несколько автоматических часовых, которые не успели убраться с дороги. Некоторые из роботов, которых реактивная струя только задела, но не вывела из строя полностью, восприняли это воздействие как нападение и выстрелили вслед звездолету, но они либо промахивались, и тогда их энерголучи испаряли роботов-часовых по соседству, либо, когда их лучи попадали на отклоняющее покрытие «Рамиреса», поток энергии рикошетировал в обратном направлении и приканчивал незадачливого стрелка.

Вырвавшись на простор космоса, преследуемый всего лишь несколькими дымящими от усилий пирамидальными автоматами, земной звездолет снова изменил цвет и рывком переместился в относительно безопасное гиперпространство.

* * *

— Ха! — вскричал мичман Бакли и громко щелкнул пальцами перед обзорным экраном в знак победы.

Капитан Келлер простил ему это небольшое нарушение дисциплины, ему самому хотелось пройтись по палубе колесом или затрубить в рог.

Марта Соукап ослабила мертвую хватку, с какой она вцепилась в рычаги управления на своей консоли. Вот черт, они

все-таки сделали это! С таким везением капитан Келлер вполне мог оставить службу и стать профессиональным игроком. Марта попыталась заговорить, но в горле у нее застрял какой-то комок, и ей пришлось несколько раз сглотнуть, прежде чем она сумела выдавить из себя несколько слов:

— Сэр, должна ли я развернуть корабль с тем, чтобы мы попробовали еще раз?

— Нет, черт побери! — фыркнул капитан. — Мы едва выкрутились.

— Шкипер?

Капитан Келлер неожиданно развернулся вместе с креслом влево.

— Слушаю вас, Лиллиокалани?

— Мы могли бы облететь систему и попытаться проникнуть с другой стороны. Надо бы только перекраситься в красный цвет и передавать выдуманные позывные. К подобной хитрой тактике прибегли византийцы в борьбе с монголами в XII веке...

Капитан многозначительно уставился на нее, девушка смешалась и замолчала.

— А может быть, и нет, — закончила она наконец.

— Очень мудро, отчего же... — согласился капитан. Дагстрем Келлер тоже был знаком с военной историей. Эта тактика не сработала против Османской империи в 1453 году, и он не думал, что джианцы поддадутся на уловку теперь.

— Мне кажется, что этот корабль, с которым мы только что имели дело, есть не что иное, как авангард могучей армады, которая послана Золотистыми в погоню за нами. Если мы попытаемся вернуться на РпорР, наши шансы на то, чтобы благополучно унести ноги, не говоря уже о том, чтобы заполучить гипернавигатор, будут равны нулю.

— Но, сэр, — озабоченно проговорил Хемлих. — Это значит, что у нас больше нет выбора, нам осталось только одно...

Келлер нахмурился; жизнерадостное настроение покинуло его так же быстро, как его корабль избег ловушки джианцев.

— Увы, это так. Навигатор, продолжите курс к звездной системе № 553646. Мы должны развеять последние сомнения касательно нашего статуса галактических преступников.

Послышался вздох.

— Слушаюсь, сэр.

* * *

На гауптвахте земного звездолета Шестнадцатый в изнеможении откинулся на свой водяной матрас. Усилие, которое он совершил, дорого ему далось. Шестнадцатый попытался активировать свой имплантированный в голову компьютер, дотянуться с его ограниченным радиусом действия до пирамидальных роботов охраны, разблокировать их передатчики и заставить их позвать на помощь Центральную Станцию Золотистых. Это ему не удалось. Жители Терры снова показали себя сообразительными, ловкими и удачливыми. Но офицер галактической полиции сдаваться не должен. Рано или поздно его тюремщики сделают ошибку, которая станет их последней ошибкой.

23

Четырнадцать часов спустя «Рамирес» снова появился в обычном космическом пространстве. Его защитные экраны были включены, а орудия приведены в боевую готовность. Чувствительные сканеры жадно ощупывали пустое космическое пространство вокруг корабля, выискивая хоть что-то, что могло таить в себе опасность. Но экраны оставались пусты, и стрелки датчиков ни на йоту не отклонялись от нулевых делений. После нескольких минут тщательного наблюдения лейтенант Джонс наконец отменила готовность номер один и перевела корабль сначала на «желтую тревогу», потом на «зеленую». Только после этого экипаж с облегчением вздохнул. Безопасность. По крайней мере на некоторое время.

Потянувшись в командирском кресле, Абигайль Джонс подавила зевок и до дна осушила чашку горячего шоколада. Ей выпала долгая и скучная вахта, и наконец-то они у цели. Корабль показал неплохое время. Золотой цвет был действительно скоростным, но белый был гораздо безопасней, и Джонс скомандовала поменять окраску, ни к чему привлекать к себе слишком много внимания.

Отставив в сторону пустую чашку, девушка расправила мундир, почистила кусочком замши свои лейтенантские шпалы и легким движением рук взбила свои золотисто-каштановые во-

лосы. Вахта на мостике сменилась час назад, и с минуты на минуту должен был появиться сам капитан.

— Капитан на мостике! — раздалась команда.

Все, кто был на мостике, проворно вскочили и отсалютовали капитану, который появился в дверях турболифта, натужно зевая, чтобы скрыть улыбку. Ей-богу, это не лифт, а настоящий аттракцион. Капитан всерьез подумывал о том, чтобы после возвращения из похода завести у себя дома собственный турболифт, хотя он и жил в небольшом коттедже, похожим на букву «А».

— Вольно! — скомандовал Келлер, отсалютовав в ответ.

Вахта вернулась к своей работе, но теперь люди сидели попрямее и меньше болтали, чем когда на мостике заправляла Джонс.

— Доброе утро, лейтенант, — поздоровался Келлер, усаживаясь вместо Абигайль в командирское кресло.

— Доброе утро, сэр. Как спалось?

— Отлично. Эти водяные матрасы — замечательное изобретение. Мне снилось, что я опять в море. У вас есть что доложить?

— Ничего, сэр. В гиперпространстве все спокойно.

Капитан одарил ее улыбкой.

— Так и должно быть. Хемлих, как там наше местоположение?

— Прямо у цели, шкип, — доложил ответственный за сенсорное оборудование с такой скоростью, словно он один сделал это. — Всего за 50 000 километров от внешнего пояса астероидов.

— Прекрасно, лейтенант Джонс, официально объявляю вам, что вы свободны. Можете отдыхать.

— Слушаюсь, сэр, — рыжеволосая девушка вытянулась по-уставному. — С вашего позволения, капитан, я не устала и хотела бы остаться на мостике, чтобы наблюдать за сближением.

Дагстрем попытался скрыть свое удовольствие.

— Разрешаю вам остаться, — официально ответил он. — Я рад, что вы будете со мной, Абигайль. Можете занять место за консолью контроля повреждений.

— Спасибо, капитан, — Джонс повернулась. — Вы свободны от вахты, мсье де Леллис. Ступайте насладитесь свободным временем.

— Слушаюсь, лейтенант... — дородный ученый-француз мысленно выругался. Ему хотелось самому принимать участие в грядущих событиях, а не наблюдать за ними при помощи монитора в кубрике. Проклятье!..

По мнению Трелла, в солнечной системе, на подходе к которой находился «Рамирес», не было ничего особенного. В галактике было довольно много похожих друг на друга отклонений от астрономических норм. В то время, когда галактика только формировалась, горячая плазма, вырываясь из недр новорожденного светила, в силу ряда причин не сформировала крупные сферические тела планетного типа, а превратилась в несчетные миллиарды и миллиарды астероидов, которые вращались вокруг светила в виде нескольких широких колец или поясов. Сами астероиды представляли собой скальные обломки или глыбы сверхтвердого льда, размером от небольшой луны до теннисного мяча.

Пролетев над эклиптикой системы, «Рамирес» приблизился к запретной зоне на весьма небольшой скорости в каких-нибудь 100 000 километров в час, его Q-соленоиды еле слышно гудели при столь малом расходе мощности. Центральный обзорный экран командной рубки между тем был заполнен мрачным великолепием окруженного каменными кольцами чужого солнца. Волшебные темные кольца вокруг испуганного светила лишь изредка вспыхивали крошечными радугами, когда лучи света проходили сквозь прозрачные глыбы замороженного газа. Где-то в этой невообразимой путанице больших и малых планеток и обломков материи был спрятан их последний шанс, их последняя надежда на успех: небольшой астероид под названием «Бакл», на котором обитал галактический преступник по кличке «Лидер Сильверсайд».

— Навигатор, коммуникатор, секция вооружений, медицинская консоль и сенсорная секция, — включить аппаратуру на автоматический поиск, — приказал капитан Келлер отрывистым голосом. — Как только где-то будет зафиксирована жизнь, прошу немедленно доложить.

Ответом ему был стройный хор голосов, произнесших «слушаюсь» и «сэр».

— Не кажется ли вам, сэр, что настал подходящий момент, чтобы попытаться поговорить с Авантором? — спросил де Лелис, который ничуть не спешил покидать мостик. — Она, должно быть, может помочь нам отыскать Бакл.

— Весьма сомнительно, чтобы джианка согласилась разговаривать с нами, не говоря уже о том, чтобы помогать советами, — высказалась Абигайль Джонс.

Капитан Келлер задумчиво рассматривал огромные расплющенные костяшки пальцев — наследие своего боксерского прошлого.

— С другой стороны, мне кажется, это никому не повредит, если мы все же попытаемся, — сказал он. — Попробуйте, де Леллис, может быть, у вас что-нибудь выйдет.

— Благодарю, сэр! — широко улыбаясь, француз козырнул и покинул мостик.

Вернулся он ровно через десять минут. Его прическа была в беспорядке, то немногое, что оставалось от его форменной одежды, свисало клочьями, верхняя губа распухала буквально на глазах. В руке француз держал дымящуюся дверную ручку.

— Авантор по-прежнему отказывается от сотрудничества, — с трудом выговаривая распухшей губой слова, доложил он.

Капитан не знал, плакать ему или смеяться.

— Отправляйтесь в медотсек, мистер, — предложил он в качестве компромисса. Де Леллис с трудом поднял руку для салюта, чуть не попав себе дверной ручкой в лоб.

— Шпашибо, шэр, — произнес он. Чуть не споткнувшись о ящик с песком, пострадавший ученый скрылся в дверях подъемника.

Капитан Келлер с облегчением вздохнул.

— Мне очень этого не хотелось бы, но, похоже — пора пускать в дело нашу особую резервную команду.

— Вынуждена согласиться с вами, сэр, — Джонс, нахмурясь, кивнула. — Морские пехотинцы будут нам совершенно бесполезны, поскольку придется иметь дело не с солдатами противника, а с преступными элементами. Как это ни ужасно, но Особая Команда — это наш последний козырь и последняя ставка. Как бы там ни было, но на всей Земле они — единственные ветераны сражений с пришельцами.

— К несчастью, это так.

В этот момент двери подъемника распахнулись, и массивная железная фигура неуклюже затопала по палубе командной рубки. Подойдя к креслу капитана, пехотинец в боевом костюме отдал честь, что сопровождалось еле слышным гудением сервоприводов скафандра, и протянул Келлеру папку с документами на под-

пись. Капитан быстро расписался в углу, и пехотинец, вторично отсалютовав, с лязгом удалился.

— Лейтенант, я хочу, чтобы вы лично занялись их снаряжением. Проверьте все еще раз. Хочу вас предупредить — когда будете открывать дверь их камеры, пусть с вами будет не меньше дюжины таких ребят, как этот, и в боевых костюмах.

— Слушаюсь, сэр. Можно стрелять, если они попытаются что-то предпринять?

— Только по ногам, лейтенант, — ответил капитан Келлер, поразмыслив. — «Кровавые Зашибалы» нам пока нужны.

* * *

В окружении взвода одетых в броню охранников, держащих в руках устрашающих размеров винтовки, уличная банда проследовала с гауптвахты в комнату подготовки. Там заключенным разрешили снять их полосатые тюремные робы и переодеться в коричневую военную форму без знаков отличия, но зато с отличными широкими ремнями, и высокие ботинки из настоящей свиной кожи.

До сих пор путешествие в космос было для них весьма приятным. Кормили как на убой, а новая камера выгодно отличалась от их карцера размером 10 на 15 футов в невадской тюрьме для особо опасных преступников, где они только что начали отбывать первый из девяносто семи сроков пожизненного заключения. Хреновое местечко, да. И все же банда должна была совершить что-то сверхординарное, чтобы в конце концов ее столь надежно упрятали подальше от людей, готовых целовать им ботинки. Господи Иисусе, стоит только один раз поднапрячься и завоевать весь мир, как некоторые люди начинают буквально сходить с ума.

— Привет, профессор, — весело сказал Бур, застегивая «молнию» своего нового костюма и передергивая плечами, чтобы куртка лучше сидела. — Мы как, должны исполнить нашу партию без инструментов?

— В челноке, на котором вы отправляетесь, полно оружия, — ответил исландец, укрывшись за железными телами пехотинцев. — Но будьте осторожны — во всех них установлены

компьютерные сенсоры, так что при попытке использовать их против экипажа эти пушки взорвутся. То же самое произойдет, если вы попытаетесь воспользоваться оружием для того, чтобы снять свои браслеты — в этом случае взорвется и то, и другое.

Сжимая и разжимая свои покрытые шрамами в сражениях, кулаки, Курок нахмурился и посмотрел на керамические обручи на запястьях. Затем он покосился в сторону Бура, но тот лишь печально покачал головой в ответ. Эти штуковины были заварены прямо у них на руках методом холодной сварки с применением какого-то инопланетного устройства, и следовательно, здесь не было никакого замка, над которым Бур мог бы потрудиться. Браслеты должны были взорваться, если бандиты без разрешения покинут пределы камеры, вступят в запретный коридор, слишком сильно ударят по браслетам, и... и... и... Иными словами, они крепко увязли, и им оставалось только быть послушными, строго следуя заведенному порядку и выжидая удобного случая.

— А как насчет ножей? — спросил Шлямбур, пытаясь завязать шнурок ботинка.

Его мозг был так занят сим интеллектуальным трудом, что детсадовский стишок «Если домик мы построим, человечек к нам придет...» не пришел ему на память.

Лейтенант Джонс была готова к этой просьбе.

— В челноке вы найдете ящик, а в ящике — наверное, сотня разных ножей, крючьев и резаков. И все — для вас.

Шлямбур рывком затянул узел и распрямился. Он был разочарован: всего сотня?! Но ему приходилось мириться.

Когда уличная шайка закончила приводить себя в порядок, невооруженный пехотинец выдал каждому по тяжелому кожаному кошельку. Любознательный Бур немедленно полез внутрь.

— Что это за штуки? Канадские деньги?

— Жетоны на метро, — предположил Шлямбур, обнюхивая серебристый кругляш.

В ответ Джонс начала было рассказывать любопытнейшую историю тулия, но потом передумала.

— Космические доллары, — кратко объяснила она.

— Круглая сумма, должно быть, — заметил Курок, засовывая кошелек в набедренный карман брюк. — Мелочь на мороженое, церковное подаяние или серьезная капуста?

— Считайте, что у вас в кошельках бриллианты.

— Ух ты! — удивился Шлямбур, слегка облизываясь. — Да мы богаты!

Бур незаметно спрятал монету между пальцами, а затем ловко опустил ее в ботинок.

— Вам понятен план действий? — осведомился профессор Раджавур, когда бандиты налюбовались деньгами и снова стали способны воспринимать серьезные вещи. По крайней мере, дипломату так показалось.

Автоматически приглаживая рукой свою ненавистную тюремную прическу, главарь банды согласно хрюкнул:

— Ну да. Не нужно быть гениальным ядерным физиком, чтобы сварганить это дельце. Идем туда, разыгрываем крутых, добираемся до ихнего босса, покупаем у него эту квадратную штуку и бегом обратно, а не то...

Затем, несмотря на присутствие вооруженных охранников, Курок добавил еще несколько слов, хотя вся ситуация напомнила ему старый давно забытый фильм о Второй мировой войне:

— И еще, старый пердун, я не хочу быть гребаным мальчиком-паинькой, и если это дело не принесет нам полной амнистии, мои ребята и пальцем не пошевельнут, ты, яйцеголовый пожиратель тараканов...

После РпорРа это было сильное оскорбление.

— Я все понял, Мелвин. А теперь заткнись и ступай на борт шлюпки, пока я не приказал, чтобы твою левую руку оторвало взрывом за ослушание. Марш!

Главарь банды стал красным, как свежая свекла — его всегда приводило в бешенство, когда его называли его настоящим именем. Затем он внезапно расхохотался и пошел из комнаты прочь. Хихикающие дружки Курка и вооруженные солдаты последовали за ним.

Лейтенант Джонс расслабилась и убрала в кобуру лазерный пистолет.

— Отличный блеф, сэр.

— Я никогда не обманываю человека, которому нечего терять, лейтенант, — холодно возразил профессор Раджавур. — Курок мог бы справиться с этим делом и с одной рукой, и он знал это.

Именно тогда австралийка решила, что однажды она просто будет вынуждена сыграть с этим человеком в покер.

* * *

— Снова никаких результатов, сэр, — спокойно доложил Хемлих, хотя внутри у него все бурлило.

Ученый терпеть не мог неудач ни в чем. Такое отношение к вещам стоило ему немалого количества друзей, которых он продолжал терять на протяжении всей своей сознательной жизни, но с другой стороны, именно благодаря этой жизненной позиции он стал лауреатом Нобелевской премии по физике в возрасте двадцати пяти лет, что было удивительным достижением.

В знак того, что он слышал, капитан Келлер несколько раз стукнул пальцами по подлокотнику своего кресла, а затем громко шлепнул ладонью по пластиковой крышке.

— О'кей. Трелл, как нам все-таки найти это место? Прочесывать радарами всю планетную систему?

— Можно и так, — согласился пришелец. — Однако обычно не вы находите их, а они находят вас.

— Что это значит?

— Нужно двигаться вдоль четвертого пояса астероидов и передавать сообщение на малой мощности. Когда на Бакле примут наши сигналы, они дадут пеленгационный луч.

Капитан кивнул.

— Лиллиокалани, вы слышали? Приступайте.

— Понятно, шкипер. На какой частоте вызвать Бакл?

Трелл разразился целой речью, которая состояла из цифр и обозначений, и гавайская девушка послушно передвинула ползунки контроля частоты и включила передатчик нажатием тумблера.

— Существует ли какая-нибудь кодовая фраза или пароль, которым я могла бы воспользоваться, сэр Старший техник? — спросила она. Трелл взмахнул рукой.

— Нет. Просто скажите что-нибудь нехорошее о джианцах.

— Ясно, сэр, — офицер-коммуникатор набрала на клавиатуре какую-то фразу и нажала клавишу ввода. Минуту спустя она уже диктовала необходимые координаты.

Капитан очнулся от размышлений.

— Как быстро! — удивился он. — Что вы им такого сказали?

Лиллиокалани вспыхнула:

— Я передала, что нам нравится отрубать головы джианских младенцев и мастурбировать над кровоточащими трупами.

Келлер во все глаза уставился на женщину.

— Я была чересчур многословна, сэр?

— Н-нет... это было хорошо придумано. Пожалуй, именно то, что надо, — выдавил капитан, однако в уме он сделал себе пометку: не забыть попросить доктора, чтобы он приглядел за женщиной. При мысли о Ван Лууне он поднял голову и оглядел рубку. Кстати, а где наш Эскулап? Ну конечно, он опять внизу, в лаборатории. Положительно он там днюет и ночует. Любопытно, что хорошего он успел за это время открыть?

Следуя указаниям, поступившим на борт из толщи пояса астероидов, «Рамирес» развернулся и начал двигаться в направлении, противоположном тому, в котором вращались вокруг солнца обломки материи. Под корпусом «Рамиреса» неслась настоящая река из камня, в которой попадались обломки величиной с самую большую гору — невозможная лавина, несущаяся в никуда.

— Почему мы не можем обнаружить их? — громко спросил мичман Бакли. Его провинциальный ирландский акцент стал почему-то особенно заметным в последнее время. — С нашими-то сенсорами мы могли бы сосчитать все веснушки в Ирландии!

Трелл говорил несколько минут, затем его транслятор вымолвил лаконично: «Маскировка».

— Как они маскируются? — задал вопрос капитан Келлер. — При помощи камуфлирующей окраски, или у них есть какое-то поле, которое глушит наши сигналы? А может быть, это какое-то особое устройство, которое заставляет луч радара огибать препятствие?

И снова Трелл прочитал слушателям небольшую лекцию, попытавшись разъяснить землянам сложные физические законы, используемые для противодействия сенсорным устройствам любых типов. На сей раз его переводящее устройство было еще лаконичнее. «Да», — сказала коробочка и отключилась. Капитан хмыкнул. С таким же успехом можно было разговаривать с Впередсмотрящей.

— Навигатор, лево на борт, поворот оверштаг, две сотни метров, — скомандовала Лиллиокалани, прижимая к ушам беспроволочные наушники.

— Есть поворот оверштаг две сотни метров, — откликнулась Соукап, производя необходимую коррекцию курса.

Лишь только земной корабль преодолел заслоны маскировочного силового поля, на главном обзорном экране немедленно появилась небольшая планета-астероид длиной в несколько миль. Вся ее поверхность была затянута гирляндами ламп и утыкана какими-то металлическими купонами. По орбитам вокруг астероида вращалось около дюжины космических кораблей различных форм и размеров, все они, разумеется, были белого цвета.

— Довольно странно, что мы вышли из гиперпространства так близко от этого места, — заметила Соукап, занося информацию в астролоцию. — Как вы думаете, капитан, знают ли джианцы об этой планете?

— Об этом придется спросить у Авантора, — сурово ответил Келлер.

На сей раз добровольцев не было. На свете существовало достаточное количество более простых способов свести счеты с жизнью, например, подбрасывать и ловить намыленную бутылку с нитроглицерином на территории военного завода во время небольшого землетрясения.

— Загоняйте «Рамирес» на парковочную орбиту, мисс Соукап, — распорядился капитан. — Но смотрите за тем, чтобы у нас было достаточно места для маневра на случай поспешного бегства.

— Понятно, сэр!

Не отрывая пальцев от клавиатуры на своей консоли, Бакли развернулся к капитану:

— Шкип, могу ли я посоветовать перейти к состоянию «Желтой тревоги», сэр?

Капитан Келлер терпеливо улыбнулся. Когда-то и он тоже был во флоте старшим мичманом.

— Я как раз собирался сделать это, Бак. Лиллиокалани, объявите готовность номер два.

Команда капитана немедленно была передана всему экипажу. Затем капитан внезапно с хрустом потянулся, и его движение было в точности повторено некоторыми членами вахтенной команды.

— И пусть, ради Христа, кто-нибудь принесет с камбуза кофе!

В самой середине десантного шлюза № 2 стоял один-единственный изящный, плоскодонный космоплан. Его мерцающий белый корпус был сделан из того же отклоняющего покрытия,

из которого была сделана и обшивка самого «Рамиреса». На носу корабля было жирными буквами выведено его название: «Леонов». «Кровавые Зашибалы» полезли на борт космоплана без лишних разговоров, по всей видимости, совершенство линий космоплана не произвело на них должного впечатления. Готовые к любой неожиданности вооруженные пехотинцы не ослабляли внимания до тех пор, пока фонарь обтекателя космоплана не был крепко заперт и из шлюза не был откачан воздух.

Космоплан такого класса обычно имел три сиденья для экипажа и десять пассажирских кресел, но теперь лишние кресла были убраны, а на их место установлены грузовые контейнеры из гофрированного пластика.

Словно детишки на дне рождения, бандиты с энтузиазмом принялись вскрывать контейнеры. Кроме многочисленных трансляторов, пакетов срочной медицинской помощи, продовольственных наборов и прочей бесполезной ерунды, «Зашибалы» обнаружили три лазерных пистолета и три кобуры для ношения под мышкой. Со стонами разочарования бандиты извлекли на свет металлические пояса с генераторами защитного поля, и с радостными криками — бронежилеты. Обещанные «пушки» оказались автоматами «Узи» с глушителями. «Зашибалы» быстро отрегулировали ремни и проверили магазины.

Именно такое в высшей степени незаконное оружие помогло «Зашибалам» объявить Центральный Парк в Нью-Йорке своей вотчиной. Иными словами, «Узи» и «Кровавые Зашибалы» были старыми знакомыми.

Завидев коллекцию ножей в одном из ящиков, Шлямбур взвыл от восторга и по локоть погрузил в ящик обе руки, не обращая внимания на бритвенно-острые лезвия. Курок позволил приятелю схватить лежавший сверху Боуи и выбрал себе обычный выкидной нож. Бур выбрал себе пару японских ножей-«бабочек», и Шлямбур распихал по карманам все остальное. Когда он закончил вооружаться, все его карманы, рукава и ботинки оттопырились так, что даже не позвякивали при движениях, а вес тела Шлямбура сразу увеличился на двадцать процентов.

Обнажая в довольной улыбке свои кроличьи зубы, Шлямбур попытался разгладить на себе одежду, но у него ничего не вышло. Шлямбур не расстроился — впервые за последний месяц он был одет как полагается.

Как всегда, ненасытный Бур принялся обшаривать челнок в поисках сигарет. Он начал с кокпита и больше никуда лезть не захотел.

— Эй, шеф! — позвал он главаря, его невозмутимый голос слегка дрожал.

Курок, чувствуя себя настоящим мужчиной, ибо в руках у него было оружие, наклонился к Буру и замер. К приборному щитку было намертво приварено большое металлическое яйцо с лаконичной надписью: «Бомба».

— А эти ребята всерьез взялись за дело, — прошептал Курок в искреннем восхищении.

— ДА, ЭТО ТАК! — сказал женский голос в громкоговорителе под панелью. — А ТЕПЕРЬ, БУДЬТЕ ЛЮБЕЗНЫ ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ. МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ К ЦЕЛИ И СКОРО ЗАПУСТИМ ВАШ ЧЕЛНОК.

— А что потом? — спросил Курок, который ненавидел выполнять чьи-либо команды, но был достаточно умен, чтобы подчиниться им сейчас.

— МЫ ПОСАДИМ ЧЕЛНОК В УКАЗАННОМ МЕСТЕ, ПОСЛЕ ЧЕГО ВСЕ БУДЕТ ЗАВИСЕТЬ ОТ ВАС.

«Кровавые Зашибалы» согласно закивали головами. Отлично, вот тогда они и попытаются смыться!

— МЫ БУДЕМ ПОСТОЯННО ПОДДЕРЖИВАТЬ ЗА ВАМИ ВИЗУАЛЬНЫЙ, А ТАКЖЕ СЛУХОВОЙ КОНТРОЛЬ ПРИ ПОМОЩИ НАШИХ СКАНЕРОВ, НО ВЫ БУДЕТЕ ДЕЙСТВОВАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО. МЫ ВМЕШАЕМСЯ ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ВЫ ПОПРОСИТЕ О ПОМОЩИ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ ВЫ ДОЛЖНЫ ОТСТУПИТЬ. — Последовала длинная пауза. — ПОВТОРЯЮ: ОТСТУПИТЬ, ТО ЕСТЬ СДЕЛАТЬ ШАГ НАЗАД.

— Понятно? — строго поитересовалась в микрофон Лиллиокалани.

«Зашибалы» что-то пробормотали в ответ, видимо, утвердительное, так как оператор связи отключилась и уложила микрофон в гнездо на консоли.

— Они готовы, сэр! — доложила она. Капитан Келлер смял в кулаке пустой стаканчик из-под кофе и затолкал его пластиковый трупик в щель мусороприемника, расположенного на подлокотнике кресла.

— Выпускайте челнок, Соукап, — приказал он.

— Слушаюсь, сэр, — навигатор достала миниатюрный джойстик и вставила его в разъем на своей консоли, затем повернула переключатель. Наблюдая за извивами графика, который рисовал на следящем мониторе ее компьютер, Соукап в нужный момент нажала кнопку на торчащем конце джойстика, и космоплан отправился в путь.

Управляемый опытным пилотом, космоплан вырулил из распахнутых створок шлюза, и толстые стальные двери закрылись за ним. Чуть более чем простые пассажиры «Кровавые Зашибалы» с восхищением следили за своим путешествием в черных, словно бархатных просторах космоса, которое, однако, вскоре завершилось столь же изящным маневром: челнок скользнул в черную пасть пещеры на суживающемся конце астероида.

Словно специально сделанный так, чтобы контрастировать с грубым, изобилующим острыми углами ландшафтом поверхности астероида, тоннель, по которому двигался «Леонов», оказался на удивление ровным, с гладкими стенами, высоким сводчатым потолком и аккуратно посыпанным гравием полом. Семь разноцветных светящихся линий, начертанных на потолке, бежали по всей длине коридора, слегка мерцая и направляя полет челнока.

Медленно и осторожно «Леонов» развернулся на удивительной стоянке, где были представлены самые удивительные космические шлюпки и боты: шары, кубы, пирамиды. Большинство из них было из белого металла, и только один — из клепаного дерева. Большой голубой челнок, мимо которого проплыл «Леонов», был выполнен в форме раковины, его сосед — в форме футбольного шлема. Была здесь и четырехэтажная бейсбольная бита с окошками, в которых туда-сюда плавали крошечные рыбки, а толстая часть ее была разукрашена наподобие рождественской елки. Было среди этих удивительных машин и хорошо знакомое землянам летающее блюдце, несколько старомодное на фоне своих совершенных братьев. На вершине его красовался знак, состоящий из незамкнутого треугольника, перечеркнутого волнистой синусоидой. Только Трелл знал, что это был печальный универсальный символ, означающий «ПРОДАЕТСЯ ВМЕСТЕ С КАПИТАНОМ». Возможно, это был несчастливый игрок, спустивший все свои сбережения и проигравшийся до нитки, как это случилось с родителем Трелла.

* * *

На главном экране корабля капитан Келлер разглядел несколько инопланетных существ, спокойно прогуливающихся по соседству с челноками, и про себя с удивлением отметил, что они не пользуются какими-либо разновидностями космических скафандров.

— Разве на стоянке есть воздух? — спросил он.

— Так точно, сэр, — доложил Хемлих, не переставая играть арпеджио на клавиатуре контроля сканеров. — При входе в тоннель установлено что-то вроде силового поля низкой энергии, которое не позволяет воздуху улетучиваться.

— Любопытно. Бакли, начните вычислять энергию, которая понадобится, чтобы нейтрализовать это поле.

Бакли улыбнулся. Такая перспектива была ему по душе.

— Слушаюсь, сэр!

* * *

Отыскав свободное место между челноком в форме штопора и шлюпкой в форме пенька, Марта Соукап искусно посадила «Леонова» и законопослушно выключила двигатели. Лишь только затих вой ионных толкателей, «Зашибалы» выкарабкались из своих кресел и сгрудились у выходного шлюза. Они немного колебались, выходить им или нет, и Соукап со своей консоли открыла перед ними обе двери.

— ВЫХОДИТЕ ЖЕ!

Бандиты растерянно переглянулись между собой и пожали плечами. Какого черта! Если они там, на «Рамиресе», хотели их умертвить, то для этого наверняка существовали более простые способы, чем высаживать их здесь, снабдив средствами к существованию.

— Пошли! — сказал Курок, хлопая своих друзей по плечам.

— Надаем какому-нибудь пришельцу по заднице! «Зашибалы» мы или нет? Вышибем у него из задницы все мозги!

Подстегивая свое мужество бравадой, банда прокричала свой боевой клич и покинула космический челнок.

24

Минуя самораскладывающийся ступенчатый трап, бандиты попрыгали из люка на землю, и гравий громко захрустел под их башмаками. Оглядевшись по сторонам, они заметили медленно движущуюся ленту транспортера, которая выходила из далекого створа тоннеля и проходила вдоль гладкой каменной стены. «Зашибалам» это устройство было известно — о таком же рассказывали им парни, промышлявшие кражами багажа в аэропорту. Ободряюще улыбаясь друг другу, бандиты попрыгали на ребристую ленту, которая потащила их в глубь астероида.

Яркие огни и шум были первыми предвестниками большого города. Натренированные жизнью в Нью-Йорке рефлексы позволили им безошибочно угадать в хрипящем бульканье, которое издает очень большой кипящий котел, типично городской шумовой фон. Вскоре показался и сам город — средоточие самых разнообразных строений, от ветхих иглу до башен из слоновой кости, от стальных небоскребов до смешных кирпичных коттеджей. Почти на каждом здании была какая-то яркая неоновая вывеска. Разумеется, несколько зданий, наиболее кричаще ярких и бросающихся в глаза, были сверху донизу увешаны неоновыми вывесками, а сбоку к ним скромно лепился какой-нибудь деревянный скворечник.

Сама улица была не чем иным, как разветвляющейся во многих местах дорогой, проходящей прямо по скальной породе, из которой состоял астероид. Квартал за кварталом эта улица петляла между очередными образцами анахронического стиля в архитектуре, словно обкурившаяся наркотиков змея.

А прохожие...

Улица была заполнена существами, не то сбежавшими из зоопарка, не то вырвавшимися из цирка уродцев; то там, то сям попадались чудовища, сошедшие с экранов фильмов ужасов или персонажи карнавального шествия в канун Дня Всех Святых. Как истые горожане, пешеходы шли там, где хотели и когда хотели, не обращая внимания друг на друга даже тогда, когда сталкивались, что и происходило буквально каждую минуту. Уличные торговцы предлагали на каждом углу самые разнообразные товары. Удушливый пар поднимался из канализационных люков, и улица скрывалась в тумане. Невообразимые рекламные щиты венчали крыши. Где-то словно пел хор ангелов;

где-то били в барабан; флейты и тромбоны старались заглушить друг друга под брезентовым навесом, а из зарешеченных окон квадратного бетонного здания доносились громкие вопли. Издалека донесся грохот взрыва, и высокий хрустальный шпиль исчез из вида с невероятным шумом. Никто не обратил на это внимания. Одним словом, это напоминало канун Нового Года, приправленный небольшой войной и усиленный лихорадочной фантазией сумасшедшего дальтоника.

— Мне тут нравится, — улыбнулся Бур.

Курок был с ним полностью согласен. Место было — что надо. Оно напоминало город из фильма про охотников за андроидами. И, что было крайне важно, они не увидели ни одного полицейского.

Лишь только банда сошла с самодвижущейся ленты, какой-то осьминог на колесной тележке пулей вылетел из боковой аллеи и попытался взрезать карман у Шлямбура. Шлямбур хладнокровно ткнул наглое щупальце кинжалом, чуть не отрезав совсем, и пошел дальше, оставив завывающее чудовище истекать кровью. Этот антиобщественный акт ничуть не обеспокоил землянина, напротив — он почувствовал себя так, словно очутился в родном Манхэттене.

— СИЛА ТЯЖЕСТИ ЗДЕСЬ МЕНЬШЕ, ЧЕМ НА ЗЕМЛЕ, — предостерег их тихий голос, прозвучавший из воротников их костюмов.

— СЛЕДИТЕ ЗА КООРДИНАЦИЕЙ ДВИЖЕНИЙ, КРОМЕ ТОГО, ПРИ СТРЕЛЬБЕ ИЗ ПУЛЕВОГО ОРУЖИЯ ПАДЕНИЕ ТРАЕКТОРИИ ПУЛИ БУДЕТ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМ ДАЖЕ НА БОЛЬШОМ РАССТОЯНИИ, ТАК ЧТО ПРИМИТЕ ЭТО К СВЕДЕНИЮ.

— Спасибо, мамочка, — пробормотал Курок, жалея, что не может регулировать громкость надоедливого устройства. Уж тогда он бы знал, как выдернуть эту занозу из своей задницы. После людей, любящих совать нос в чужие дела, он больше всего ненавидел тех, кто разговаривал во время киносеанса. Хлещущая из них кровь часто портила ему удовольствие, попадая в пакет с воздушной кукурузой.

— Ну что, босс, каков наш план? — нараспев проговорил Бур, подражая покойному предателю Лому. — Разделимся, разведаем все вокруг и снова встретимся здесь?

Главарь нахмурился:

— Оставь это, разделяться не будем. У меня такое ощущение, что в этом местечке народ поопаснее, чем наши честные фараоны.

— Я с тобой согласен, — кивнул специалист по замкам и вдруг заметил, что чего-то не хватает. — А куда девался наш придурок?

Услышав, что его зовут, Шлямбур вынырнул из толпы прохожих.

— Эй, парни, я нашел это! — крикнул он, с энтузиазмом тыча пальцем на противоположную сторону перекрестка пяти улиц.

Бур вытянул шею, чтобы посмотреть поверх голов мельтешащей толпы, а Курок оттолкнул прямо в грязную лужу старого, полуслепого киноида, чтобы лучше увидеть. На крыше убогого здания напротив стояли два изваяния, сцепившиеся в смертельной схватке. Главарь кивнул. Да, это было именно то место, которое им было нужно, постоялый двор «Братья хоронцы».

Когда-то, еще до того как «Зашибалы» попали на борт «Рамиреса», Трелл рассказал им историю о том, как двое хоронцев, напившись пьяными, однажды ночью решили устроить состязание, но их силы оказались настолько равными, что они простояли на крыше неподвижно довольно долгое время — Трелл утверждал, что не меньше трех оборотов солнца — пока не протрезвели. К тому времени, как им надоело стоять на крыше и они разошлись по домам, огромное количество завсегдатаев питейного заведения настолько привыкли к этой отличительной примете, что руководство города вынуждено было поставить на улице эту скульптурную группу, чтобы как-то возместить отсутствие легендарных персонажей. Скульптор, получивший в свое распоряжение все фотографии, отлично справился с работой, и поэтому на протяжении довольно долгого времени наименее внимательные из завсегдатаев бара наивно полагали, что хоронцы на крыше все еще продолжают свою дуэль.

«Кровавые Зашибалы» хладнокровно проложили себе дорогу сквозь толпу и вошли в бар.

Как ни странно, однако, если не принимать во внимание необычную внешность посетителей, инопланетный бар мало чем отличался от всех заведений подобного рода на Земле. По залу были расставлены столики и кресла, пол был засыпан опилками, а по стенам развешаны доски для игр в «дартс» и голографи-

ческие космические пейзажи. Вдоль задней стены помещения протянулась десятиметровая стойка. За стойкой маячил оранжевый жилистый гуманоид в прочном кожаном жилете. Гуманоид жевал зеленую мятную палочку, а левой рукой чистил стеклянный графин.

Больше всего «Зашибал» заинтересовала странная машина, которая занимала все пространство за спиной бармена, от пола до потолка и от стены до стены. Выстроенная в стиле Руби Голдберга[1], эта машина состояла из пластиковых стоек, медных чайничков, керамических бочонков, стеклянных крайников, деревянных чанов и сотни миллионов металлических трубочек и змеевиков, некоторые из которых были раскалены докрасна, а некоторые, напротив — покрыты инеем. Никто из бандитов понятия не имел, что это мог быть за аппарат.

Оглядываясь по сторонам в поисках свободного места, Курок заметил возле стойки два свободных табурета, однако оба были расположены по обеим сторонам от гризли-альбиноса, который, сидя на третьем табурете, выпивал, держа в каждой когтистой лапе по стаканчику. Курок улыбнулся, припоминая, как это бывает в вестернах, чтобы поступить по правилам. Ага, понятно.

Торопливо пошептавшись с товарищами, Курок приблизился к чудовищному существу слева. Бур и Шлямбур встали рядом с ним.

— Эй, белобрысый! — позвал Курок самым оскорбительным тоном, на какой был способен.

Медведь перестал потягивать свои напитки и повернул свою уродливую мохнатую голову, чтобы посмотреть, к кому это обращается эта козявка. Не может быть, чтобы это маленькое бурое существо осмеливалось разговаривать подобным образом с ним.

— Ты занял мой любимый стул, толстозадый, — прорычал Курок, чтобы прояснить вопрос. — Давай, спасай свою поросшую мхом задницу, пока я не сделал из твоей шкуры коврик для ног!

С яростным ревом гризли повернулся к обидчику и потянулся лапой к нейронному разрушителю, который висел у него

---

[1] Руби (Рубен) Лусиус Голдберг (1883—1970) — американский карикатурист и скульптор.

на бедре. В следующий миг целый рой смертоносных пуль, калибра 9 миллиметров в стальных рубашках, ударил ему в грудь и сбросил ничего не подозревавшего инопланетянина с табурета. Медведь обрушился на пол, ударившись головой о пластиковую стойку с такой силой, что обломки отлетели чуть не до входной двери. Три лазерных луча из трех лазерных пистолетов мгновенно отсекли медведю его толстые, как стволы деревьев, лапы, а сверкающий нож с тупым стуком вошел прямо между удивленно-испуганными глазками существа. Поверженный голиаф громко застонал, опустился на пол, в последний раз дернулся и затих.

Когда дым рассеялся, «Зашибалы» были готовы к репрессиям, но все остальные посетители таверны вернулись к своей выпивке и разговорам.

«Какого черта, — подумал каждый из них, — наверное старый дурак заслужил того, что с ним сделали».

И это было действительно так.

* * *

Зато на мостике «Рамиреса» все были потрясены.

— Никогда не приходилось видеть подобного зрелища! — вздохнула Соукап, более бледная, чем обычно.

Лиллиокалани с трудом могла говорить:

— Убить... разумное существо, брата по разуму, лишь затем, чтобы овладеть его стулом...

— С точки зрения тактики все это было проделано безукоризненно, — профессионально заметил Бакли.

— Все равно это было убийство! — в праведном гневе заявил Хемлих. — Просто хладнокровное убийство!

— Все в порядке, — заявил профессор Раджавур, появляясь из раскрывшихся дверей подъемника.

Капитан Келлер повернулся к нему:

— Полностью с вами согласен, мистер посол. Они поступили правильно, показав себя лю... существами, с которыми не стоит шутить. К тому же вряд ли кто-то заподозрит, что у них есть какие-то скрытые мотивы.

Дипломат медленным шагом пересек рубку.

— И только «Зашибалы» могли исполнить это столь однозначно, — заявил он, усаживаясь на стул для посетителей, установленный рядом с консолью медобеспечения. — Меня только удивляет, почему они не забросали помещение гранатами.

— У них просто не было гранат, — пояснила лейтенант Джонс.

Раджавур кивнул. Это все объясняло.

* * *

Пока «Зашибалы» занимали места за стойкой, в углу зала группа местных хулиганов и известных задир, убедившись в неограниченных способностях пришельцев-гуманоидов, вернулась к прерванной было партии в Виспар — самой грубой и смертоносной из существующих азартных игр. Эта игра включала в себя элементы карточной игры и игры в кости, рулетку, генератор случайных чисел, постгипнотическое внушение и умение обращаться со взрывчаткой.

— Эй! Нас здесь будут обслуживать?! — взревел Бур, требовательно стукнув ладонью по стойке.

Как только в баре снова стало безопасно, бармен вставил в свое ротовое отверстие новую мятную палочку и вылез из своего убежища. Оранжевое полнеющее существо напомнило «Зашибалам» губку для мытья посуды.

— Спокойствие! — воззвал оолианин, держа в каждой руке по четыре оловянных кружки, с которых капала пена. — Сейчас прибуду. У меня всего восемь рук, господа...

Студенистое существо, оказавшееся за стойкой по соседству с «Зашибалами», громогласно расхохоталось, услышав старинную шутку, показывая всем, насколько сильно оно уже было пьяно. Затем тварь опорожнила графин молочно-белой жидкости прямо себе на голову, с шумом всасывая напиток дюжиной небольших ротовых отверстий, расположенных вокруг основания ее шеи.

Отточенными долгой практикой движениями похожий на губку оолианин ловко вытер излишек белой жидкости, попавшей на стойку, абсорбируя напиток кожей рук и усваивая алкоголь. В заведении, подобном «Братьям хоронцам», облюбованном

многочисленными пьяницами, бармен мог не тратиться на еду и все равно полнеть от переедания.

— Алле! — дружелюбно сказал Курок вместо приветствия.

Бармен вынул изо рта свою жвачку.

— У нас здесь уважаемое предприятие, которое пользуется хорошей репутацией, существо, — заявил бармен.

— Ну да?!

— Точно. Вам придется заплатить за разрушения и убрать мертвое тело.

— Это справедливо, — рассмеялся главарь, бросая на прилавок одну серую монету.

Бармен почувствовал, как его дыхательные трубки перехватило. Держа монету на виду, он положил ее на мерцающий контакт сенсора, встроенного в якобы деревянную стойку. Анализ занял всего секунду. Это был химически чистый металл, тулий высшей пробы!

— Боюсь, у меня не найдется столько сдачи, достопочтенный сэр! — с уважением сказал бармен.

Курок отмахнулся от него и велел открыть ему кредит, оставив золотой себе. «Зашибалам» нужно было произвести впечатление, и это был один из лучших способов. Ничто не завоевывает вам такого уважения и почета, как деньги и жестокость.

— Что желаете выпить, добрые существа? — осведомился осчастливленный похожий на губку бармен, который стал богаче на одну недельную зарплату. Он всегда любил гуманоидов, особенно таких, наголо стриженных и в коричневых костюмах.

— Виски, — ответил Курок. Он ждал, и бармен тоже.

— Ну? — отрывисто спросил Курок.

— Положите вашу ладонь на контакт сенсора, чтобы напиток соответствовал вашему метаболизму, — терпеливо объяснил оолианин. — Или вы никогда раньше не были в баре?

— Был, но не в таком шикарном, как этот, — соврал Курок не моргнув глазом.

Никогда не раздражайте бармена — он может плюнуть вам в напиток, и придется его убить, а потом громилы из охраны вышвырнут тебя вон. Это им вовсе не подходило, так как могло нарушить их план.

И Курок послушно положил руку на мерцающую панель. Лишь только он сделал это, как странная конструкция за спиной бармена принялась посвистывать и перестраиваться, буквально

на глазах трубки и змеевики системы подсоединялись к новым емкостям. Некоторое время машина квохтала и попискивала, потом маленькая дверка с мелодичным звоном отворилась, и оттуда показался низкий широкий стакан, наполненный янтарного цвета жидкостью.

Курок подхватил стакан в полете и пригубил, потом осушил его одним глотком.

— Черт побери, это лучшее из всего, что я когда-либо пробовал! — воскликнул он. — А ну давай еще!

Бармен с готовностью подчинился. Имея на своем счету целый туль, гуманоид мог хлестать свое виноградное пойло весь вечер, не повредив своему открытому кредиту хоть сколько-нибудь серьезно.

— А есть у вас что-нибудь розовое? — спросил Бур; при одном лишь упоминании об этом он ощутил приятное покалывание во всем теле.

Оранжевый бармен подмигнул Буру, как это было принято среди представителей его расы, и достал из-под прилавка пластиковый распылитель. Бур торопливо нажал кнопку, и из сосуда брызнула замечательная розовая струя. Бур поспешно брызнул себе в лицо, потом еще раз. Ах!..

Шлямбур крепко прижал ладонь к сенсорной пластине.

— Хочу Кони-Айлендский, особый...

После этих слов Шлямбура особо надежная, непогрешимая, класса Альфа машина «Коктейль-Мастер-Супер» заколебалась. Она самоперестроилась один раз, потом остановилась, подумала, начала сначала, и... еще раз начала сначала. Трубки и змеевики соединялись и разъединялись, некоторые из них закручивались в спирали, а змеевики, напротив, распрямлялись, в то время как все остальные емкости и краники принялись разбрасывать во все стороны крупные фиолетовые искры статистических зарядов, пытаясь изогнуться в четырех измерениях. Чайники принялись раскручиваться как центрифуги. На пластиковых стойках нарастали сосульки льда, потом лед таял и снова нарастал в другом месте. Вся установка тряслась, стонала, свистела, бурлила и позвякивала, нерегулярно выбрасывая откуда-то из своего многосложного чрева язычки разноцветного пламени.

К тому времени у стойки собралась целая толпа, заключались пари, сумеет ли «Коктейль-Мастер» в конце концов приготовить напиток или нет. Между тем в недрах машины, казалось, про-

исходила битва с применением лазерных пистолетов. Стальная труба вдруг разлетелась вдребезги, и металлические осколки посыпались на пол. Из верхнего змеевика ударил фонтан пара, сбивая с потолка облицовочную плитку. Внезапно наступила гробовая тишина. В этой тишине заслонка печально звякнула, и на подносе возникла заиндевелая стальная кружка, наполненная особо густым взбитым молочным шоколадом без соломинки.

Под взглядом толпы Шлямбур попробовал и одобрительно кивнул. Машина забыла положить сливки, но, в общем, это было неплохо.

Грустно кашлянув, «Коктейль-Мастер» выплюнул на стойку порцию взбитых сливок и проспиртованную вишню. Оолианец с ужасом уставился на продукты, потом побежал за тряпкой.

Посмеиваясь над опростоволосившейся машиной, Бур не забывал оглядываться по сторонам. У дальней стены он заметил три двери, на которых было написано: «Излучатели», «Разбрызгиватели» и «Испражнение под высоким давлением». Ему нетрудно было догадаться, что это, должно быть, туалетные комнаты, и он решил любым способом воздержаться от посещения этих может-быть-туалетов, вне зависимости от того, сколько он выпьет за сегодняшний вечер.

На другом конце зала воодушевленный примером зубастого гуманоида арахноид в космическом скафандре заказал дохлую муху с соломинкой в голове. Мгновенно огромная муха в кольчужной тунике в другом углу зала заказала себе паука с соломинкой в голове. Два существа с ненавистью уставились друг на друга через весь бар, и Шлямбур довольно хрюкнул, отпив из своей кружки изрядный глоток. Соломинками пользуются одни слабаки!

— Когда двинемся дальше, босс? — спросил Бур. Курок допил очередную порцию виски и облизнул губы.

— Наслаждайся своей выпивкой, пижон, и веди себя, как положено в обществе. Если мы не получим того, что ищем, пришьем нескольких посетителей и подожжем этот сарай.

— Естественно.

Между столиками, за которыми выпивали или играли в азартные игры посетители таверны, медленно шла в ожидании клиентов полупрозрачная, слегка напоминающая своими формами гуманоидов представительница самой древней во Вселенной профессии. Ее звали Эйнда, и она была датианской гетерой.

Страстная амеба была совершенно универсальна в качестве проститутки и могла трансформировать свое тело так, чтобы удовлетворить существо любой расы. Присутствие хотя бы одной такой особи — представительницы в высшей степени гибкого и способного к трансформации народа — считалось совершенно необходимым в любом приличном баре по всей галактике.

И она только что нашла нового клиента.

После инцидента с коктейль-машиной легко приспосабливающаяся фемина решила попытаться завоевать благосклонность того, кого она по ошибке приняла за самого отчаянного парня в группе и который, по всей видимости, и был главарем. Это был невысокий, с крупными передними зубами самец по имени Шлямбур. Без сомнения, это слово означало какой-то почетный титул.

Эйнда небрежной походкой стала приближаться к стойке, миновав по пути волосатого, голубокожего субъекта, который в одиночестве сидел за столиком на четверых, поигрывая куском проволоки и маленьким фруктом. Это объясняло, почему в переполненном баре места рядом с ним пустовали. Никто не осмеливался беспокоить террориста-убийцу.

К тому времени, как Эйнда оказалась рядом с избранным ею юношей, она вполне успела завершить метаморфозу и превратиться в очень близкое подобие щедро одаренной всеми прелестями Лауры — той самой невысокой блондинки, которая похитила сердце Шлямбура и, будучи федеральным агентом, сломала ему же нос в схватке на борту звездолета Айдоу.

— Привет, симпатяга, — соблазнительно промурлыкала Эйнда. Ее простые и обыкновенные слова сулили все что угодно, даже при переводе. Безусловно, она умела подать себя. — Не желаешь пообщаться?

Загипнотизированный видом полупрозрачной, абсолютно голой девицы, чье лицо, вдобавок, казалось ему смутно знакомым, Шлямбур без колебании столкнул с соседнего табурета какую-то ящерицу и предложил новой подруге сесть. Рептилия, мудро предпочтя не обижаться и не поднимать скандала, торопливо побежала прочь.

— Меня зовут Эйнда, — представилась амеба, усаживаясь. Уголки ее светящихся губ приподнялись в мимолетной улыбке, отчасти в благодарность за вежливое обращение, отчасти — для тренировки.

— Шлямбур, — представился Шлямбур. Привычное слово далось ему не без труда. Он почувствовал в себе непривычно сильное желание, и голос его прозвучал хрипло.

— Это... хочешь чего-нибудь выпить?

Проститутка обвила талию Шлямбура рукой и плотно прижалась к нему, теплая и близкая.

— Пожалуй.

Шлямбур весь напрягся, но когда понял, что ее рука тянется вовсе не к нему в карман, он расслабился и почувствовал, как его лицо вспыхнуло, сначала от смущения, потом — от страсти.

— Не хочешь ли выпить из моей кружки? — спросил он, вежливо предлагая девице свой молочный коктейль.

Эйнда была потрясена. Всем было известно, что для ее расы действие подобного рода — священное смешение соков организма — означало предложение о брачном союзе. Проститутка мельком подумала, что этот гуманоид с большими зубами довольно невзрачен на вид, но он был первым, кто предложил ей брак; для нее это был билет в респектабельное общество. Будь она проклята, если упустит этот шанс.

Будучи истинными гермафродитами, представители ее расы могли спариваться с любым видом живых существ; получая образцы зародышевой плазмы от своих сексуальных партнеров, они трансформировали изменчивую плоть своих организмов таким образом, чтобы выращивать эмбрионы внутри себя, как в инкубаторе. Она, разумеется, не сможет дать отпрыскам ничего, кроме материнской любви, но и этого будет достаточно. Эйнда вздохнула — да, вполне достаточно.

— С радостью, — проститутка прижалась губами к стальной кружке с напитком, принимая предложение.

Шлямбур был обрадован реакцией девицы и подумал, можно ли ему теперь слегка подтолкнуть ее коленом под стойкой, но не решился, можно было заработать по морде.

В следующий момент Бур ткнул его в ребра, и Эйнда была временно забыта. Делу — время...

— Вот что, буфетчик, может быть, ты сможешь нам помочь, — заявил Курок, ставя пустой стакан из-под виски на стойку рядом с остальными четырьмя и борясь с желанием насухо его вылизать.

— Да, мы кое-кого ищем, — вставил Бур и окатил себя струей розовой жидкости.

— А разве здесь кое-кого нет? — устало ответил бармен, которому приходилось слышать этот вопрос, наверное, тысячу раз. И каждый раз все заканчивалось неприятностями.

Курок обнажил в улыбке несколько зубов.

— Ты не понял. Нам нужен босс... тот парень... нет, та штука, которая владеет этим заведением.

— Я владею, — соврал губчатый гуманоид, нажимая на полу кнопку тревоги своей протоконечностью.

Бур презрительно хрюкнул. Курок был с ним вполне согласен, а потому решил объяснить более доходчиво. Начал он с того, что придвинулся поближе, вытащил «Узи» и приставил теплый ствол автомата к волокнистому животу оранжевого существа.

— Сколько у тебя пальцев на руке? — спросил Курок обманчиво-сладким голосом.

Перепуганный бармен начал быстро жевать свою мятную палочку, выплюнул ее короткий конец и только тогда ответил:

— Восемь...

— Семь, — подхватил Курок, передергивая затвор и снимая оружие с предохранителя.

— Шесть... пять... четыре... три...

— КТО ХОЧЕТ СО МНОЙ ГОВОРИТЬ?

Лишенный интонации голос прозвучал словно ниоткуда, и экс-налетчик убрал автомат, снова поставив его на предохранитель.

— Новые владельцы корабля «Все То, Что Блестит»! — громко пролаял в ответ Курок. — Можешь посмотреть — он на орбите вокруг астероида.

После этого утверждения в баре наступила тишина. Разговоры смолкли, а некоторые из посетителей — самые разумные и осторожные — поспешно попрыгали в окна, не потрудившись их открыть.

— ЛЮБОПЫТНО, — проговорил тот же голос. — А ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МОИМ ДОБРЫМ ТОВАРИЩЕМ, КОМАНДИРОМ АЙДОУ?

В духе гангстерских фильмов 50-х годов Курок поковырял в зубах грязным ногтем и сплюнул.

— Мы его съели.

Голос недоверчиво рассмеялся.

— НУ КОНЕЧНО, КАК Я СРАЗУ НЕ ДОГАДАЛСЯ. НАДЕЮСЬ, МЫ СМОЖЕМ ВЕСТИ ДЕЛА ВМЕСТЕ...

После этих слов стены возле дверей туалетов раздвинулись, и в проеме появился сверкающий лифт из нержавеющей стали. Приглашение было более чем красноречивым, но «Зашибалы» лишь переглянулись. Да что же это такое, черт побери, любительский спектакль? Лучи лазера и очереди разрывных пуль ударили одновременно, довольно быстро превратив коробку лифта в искореженный металлолом.

— Прошу прощения, но так дело не пойдет, — с расстановкой проговорил Курок, вставляя в автомат новый магазин. — Твой подъемник, похоже, немного испортился.

Снова раздался смех, и рядом с дверьми разрушенного лифта в стене открылась еще одна створка, открывая проход в серый каменный коридор.

— Я ЛИЧНО ГАРАНТИРУЮ, ЧТО ЭТОТ КОРИДОР НЕ ПРИЧИНИТ ВАМ НИКАКИХ НЕУДОБСТВ.

— Вот это другое дело, — заметил уличный бандит, прекрасно зная, что парни вроде того, который разговаривал с ними, скорее явятся с повинной, чем нарушат слово. Так было принято, и Курок твердо заучил это.

«Зашибалы» храбро вступили в коридор и исчезли с экранов «Рамиреса», вызвав на мостике некоторую растерянность, близкую к панике. Лишь только стены снова сомкнулись за гуманоидами, оранжевый бармен позвал Эйнду и ткнул волокнистым пальцем в угол зала.

— Тебя хочет вон тот клиент, — грубо сказал он.

— Я завязала, — высокомерно ответила проститутка.

Бармен отстал, и пышнотелая амеба погрузилась в размышления о том, как они назовут детишек, поджидая возвращения своего жениха и коротая время за бокалом молочного коктейля.

* * *

Пройдя прихожую, «Зашибалы» вступили в комнату, которая больше напоминала бомбоубежище, чем контору босса.

Пол был сделан из отполированного бетона, потолок — из сверкающей стали, а все пространство стен было занято видеомониторами. На экранах были видны астероиды из космоса, панорама внутреннего города, посадочная площадка, статуя Бра-

тьев хоронцев, а также множество существ самых разных форм и размеров, которые играли в карты, совокуплялись, напивались, танцевали, ремонтировали экипаж на воздушной подушке, дрались на кулаках и строили дом. Только несколько экранов были выключены. Когда они вошли, центральный экран как раз потемнел. В середине этой странной комнаты стояла угрожающая фигура черного металлического боеробота. Его шасси и верхние конечности были покрыты платиной.

Опасливо косясь на боевую машину, в арсенале которой было больше сотни орудий смерти, бандиты прошли глубже в комнату, высматривая того парня — Сильвер-сайда — о котором им рассказывал Трелл. Но в комнате никого не было кроме...

— Ты, — понял Бур, ткнув в робота пальцем.

С гулом, похожим на отдаленные раскаты грома, боеробот повернул к ним свою шарообразную бронированную голову, и наблюдательные камеры странно блеснули, утрачивая свой бессмысленный машинный вид.

— Я, — ответил Лидер Сильверсайд бесстрастным механическим голосом. — Мне просто было любопытно, сколько времени вам потребуется, чтобы догадаться.

Какие-то огоньки на его лобовой броне изменили свой цвет с голубого на оранжевый.

— Пять секунд. Гораздо выше среднего результата.

«Опять этот моральный онанизм, — мрачно подумал Курок. — Неужели люди разучились говорить прямо?»

— Эй, не обижайся, — заговорил Бур так вежливо, как только умел. — Но я думал, что роботы — это просто глупые машины.

Шлямбур вообще смутился. Неужели внутри этого танка никого нет?

Вместо ответа Сильверсайд рассмеялся коротким лающим смехом, словно заскрежетал сорвавшийся консервный нож.

— Другие роботы, подобные мне, — это действительно просто механические устройства, да. Но не я. Я обладаю свободой воли, — робот взмахнул в воздухе серебристо сверкнувшей конечностью.

— Можно считать, что я обязан своим появлением гримасе случая.

Пока банда осмысливала — каждый в меру своих умственных способностей — полученную информацию, металлическое чуди-

ще закатилось в некое подобие дока позади контрольной панели, и гидравлические домкраты приподняли его тушу над полом.

— Какое у вас ко мне дело?

Курок сделал шаг вперед.

— Нам нужно кое-что для нашего корабля, — сказал он, с ходу приступая к делу.

Металлический робот фыркнул:

— Тогда вам нужно обратиться в «Микон». Здесь не пахнет золотом. Я имею дело только с очень дорогими вещами.

— Например, с протонными пушками? — вкрадчиво спросил Курок, поправляя ремень автомата. Проклятая игрушка начинала чувствительно оттягивать его плечо.

— Это сложно, но — возможно, — признал робот, ставя систему своих вооружений на предохранители. Жест главаря он воспринял как выражение доверия. — Каждый имеет право защищать себя.

— И немного газа Омега, — пискнул Шлямбур.

Главарь одобрительно подмигнул товарищу.

Оранжевые огни робота стали красными.

— Вам известно, что за обладание этим газом вас могут сослать на Галоптикон-7?

За неимением стула, на который можно было бы сесть, Бур скрестил на груди руки и пошевелил бровями.

— А в чем проблема?

— Ни в чем, — сказала машина. — Я просто пытаюсь объяснить вам, почему цена этой штуки столь высока. К тому же я придерживаюсь правила — плата только наличными.

— Не боись, мы не обедняем, — дерзко заявил Шлямбур.

— Хорошо, если так, — строго предупредил боеробот. — Если вы собрались попусту тратить мое время, то я продам вас сазинцам в качестве подопытных образцов.

«Зашибалы» понятия не имели, кто такие сазинцы, но угроза явно была нешуточной. Лучше пусть все идет гладко.

— Это справедливо, — улыбнулся Курок, нервно проводя рукой по ненавистной короткой стрижке. Когда они вернутся в Нью-Йорк, ему просто необходимо будет кое-кого убить. Начнет он с тюремного парикмахера.

— Да, кстати... — он вдруг вспомнил, зачем они, собственно, пришли. — Нам нужен еще куб гипернавигатора, — произнося сложное слово, главарь запнулся.

Сильверсайд уменьшил фокус своих наблюдательных видеокамер:

— Не слишком ли многого вы хотите?

— Простите, а кого это волнует? Мы платим тулием, — вызывающе заявил Бур, бросив тяжелый кошелек с монетами на панель перед роботом, счастливо не угодив им ни в какой переключатель.

Испсчьзуя свои боевые сканеры, робот взвесил мешок и теперь рассматривал его содержимое. Ровно два фунта чистого тулия. Очевидно, этим существам не известна подлинная ценность этого дорогого металла.

— Ну что же, это меня устраивает, — сказал робот, подключаясь к консоли и приказывая извлечь необходимое оружие из хранилища. Затем робот отодвинул панель с контрольной консоли и достал новенький, даже с неповрежденными заводскими пломбами куб гипернавигатора.

— Вот ты где... — сказал боеробот, аккуратно держа хрупкий прибор гибкой рукой с вилочным зажимом. — Все остальное подвезут к посадочной площадке чтобы удобнее было погрузить все это на ваш челнок.

— Валяй... то есть — спасибо, — поблагодарил Курок, небрежно перебрасывая с ладони на ладонь будущее человечества.

ГН-куб был достаточно прозрачен, размером с яблоко, и был намного тяжелее, чем если бы он был сделан из стекла или хрусталя. На трех его боках были написаны черным крошечные иероглифы, а четвертая была украшена выпуклой эмблемой треугольника, который был вписан в круг, который в стою очередь был вписан в квадрат. Уголком глаза Курок заметил уменьшенную копию этого символа, выдавленную на броне робота, и лениво подумал о том, что бы это могло значить. Благодаря тому, что в их скоротечной подготовке кое-что было опущено, он пребывал в блаженном неведении относительно значения этого знака. На самом деле это переплетение геометрических фигур было своего рода клеймом, которое ставилось исключительно на собственности Великих Золотистых.

Пожав плечами, Курок засунул ГН куб в карман. Иисус, столько суеты из-за вонючего пресс-папье! К тому же в дурацкой игрушке совсем ничего не видно — даже «Рождественского снегопада» — если ее трясти или переворачивать.

Когда с вопросами бизнеса было покончено, Лидер Сильверсайд предпринял попытку выжать из гуманоидов еще немного информации.

— Я так думаю, что первый куб был поврежден во время захвата корабля? — предположил он дружелюбно.

Курок усмехнулся:

— Неприятности всегда случаются и будут случаться.

— Ты, наверное, воображаешь себя настоящим героем, млекопитающий? — спросил боеробот, всегда восхищавшийся природной агрессивностью, столь свойственной органическим формам жизни.

Бур, покачиваясь на каблуках, заткнул за пояс большие пальцы рук.

— Эй, пижон, мы — «Кровавые Зашибалы»! Хоронцами мы мостим улицы!

Любопытная постановка вопроса. Боеробот почти полюбил эти маленькие существа. Возможно, он может использовать их в качестве агентов в той хитрой комбинации, которую он планировал осуществить. Они могут и погибнуть, но, в конце концов, за что он платит всем этим неполноценным созданиям?

— Никто не смеет с нами связываться! — бахвалился Курок, пытаясь поразить робота и позлить тех, кто остался на борту «Рамиреса». — Да у нас на гауптвахте сидит пара этих Золотистых, они — наши пленники.

Как? Пленники? Сильверсайд некоторое время размышлял над этим словом, перебирая все его значения и то, что могло под этим подразумеваться. С какой стати кто-то станет хвалиться тем, что он взял в плен Золотистых? Убил — да, но взял в плен?..

Мощный поток энергии прокатился по цепям и контурам робота, и предохранительное устройство со щелчком разъединилось. К чему хвалиться, если это абсурдное заявление не соответствует действительности? Но это означало, что они на самом деле убили и съели командира Айдоу — милое, дружелюбное создание, которое похитило робота у проклятых джианцев и дало ему сознание, свободу воли и имя своими собственными голубыми руками...

Не кто иной, как Айдоу, помог Сильверсайду захватить этот астероид и встать во главе империи преступников, чтобы у боеробота всегда был свой дом. Айдоу ничего не потребовал у

него за свои услуги, и робот сам настоял на том, чтобы ему было позволено снабжать сазинца всем, что может понадобиться ему и его кораблю — продовольствием, топливом, оружием и новыми членами экипажа. Командир Айдоу с благодарностью принимал его подарки и всегда — на протяжении стольких десятилетий — оставался его другом, ни разу не оскорбив робота предложением заплатить за все это оборудование и припасы.

И вот теперь возлюбленный освободитель мертв. Мертв!

Боеробот почувствовал, как в его чреве напряглись соленоиды. Он должен отомстить этим ходячим мешкам с кровью и костями, а их корабль — «Все То, Что Блестит» — разнести на кусочки. Одна мысль о том, что подлые грабители станут жить в корабле, украденном у его освободителя и спасителя, заставила боеробота задрожать от едва сдерживаемой ярости.

Двойное лезвие вырвалось из бронированного передка робота, мгновенно изрубив главаря «Зашибал» на тысячу кровавых кусочков. Когда под яростными ударами тело Курка рухнуло на пол, Бур и Шлямбур в ужасе отвернулись. Но уже в следующую секунду закаленные во множестве уличных битв бандиты преодолели внезапное оцепенение. С грозными воплями последние «Зашибалы» бросились на врага.

25

Наклонившись вперед, Бур включил генератор защитного поля и попытался подобрать ГН-куб, оставшийся в кармане Курка, но Лидер Сильверсайд с грозным ревом покатился вперед, подмяв гусеницами кровоточащие останки главаря, превращая ГН-куб в стеклянную пыль.

Бур испуганно отпрянул, с большим трудом увернувшись от смертоносных конечностей робота. В этот миг раздался оглушительный грохот выстрелов, но пули и брошенный вслед за ними нож, не причинив роботу вреда, отскочили от его металлического тела. Раздавшийся затем вопль Шлямбура подсказал Буру, что робот не промахнулся.

— На помощь! «Рамирес», на помощь! — завопил Бур, вскакивая на ноги, однако его отчаянный крик был полностью заглушен защитным полем комнаты, и на «Рамиресе» его не слышали.

Ловко уклонившись от луча плазмы, который испарил дюжину экранов на стене, Бур мудро решил податься восвояси и, развернувшись, ринулся в единственную дверь. Избыток адреналина в крови и обыкновенный страх помогли ему развить скорость, достойную олимпийского чемпиона.

Не знающая жалости стальная громадина преследовала его.

* * *

— Внимание! — воскликнула Лиллиокалани, вскакивая со своего места.

Капитан Келлер немедленно прервал свой разговор с Трелом.

— Отлично, коммуникатор. Я полагаю, вам удалось пробиться сквозь поле намеренных радиопомех?

— Нет, сэр. Просто Бур снова появился в зоне видимости.

Вся вахта отвлеклась от своей работы и повернулась к главному экрану. На экране был виден отчаянно вопящий юнец, умоляющий о спасении

— Телепортировать на борт, сэр? — осведомился Трелл, готовя необходимое оборудование.

— Цель поймана, сканеры зафиксированы на нем, — доложил Хемлих, проворно шевеля пальцами и вводя расчет координат в консоль техника. Келлер поморщился.

— Гипернавигатор у него?

— Нет, сэр, — ответил ему старший мичман Бакли, сверившись с показаниями своих приборов.

— Тогда оставьте его там, где он есть, и отправляйте отряд морской пехоты, — мрачно распорядился капитан звездолета. — Мы должны получить куб и, клянусь Богом, в этот раз мы его получим!

* * *

Когда помощь не пришла, Бур, отлично понимая, что ему не удастся убежать от быстрого робота никогда в жизни, принялся

занимать оборону. Перепрыгнув через стойку, он оттолкнул с дороги губчатого бармена и плотно прижал ладонь к пластине сенсора «Коктейль-Мастера».

— Коктейль Молотова, живо! — закричал он, совершенно позабыв о том, что умная машина не нуждается в словесной информации. Никакие слова в мире не могли заставить ее делать что-либо быстрее, чем она умела.

— И ради бога, сделай их побольше!

Пока машина перестраивалась, Бур окатил себя струей розовой жидкости и приготовил оружие для последней схватки: автомат, лазерный пистолет, нож — проклятье!.. если бы хоть пару гранат... И Бур тихонько выругался.

Укрывшись под стулом, как и большинство посетителей, Эйнда начала понимать, что происходит. Сделавшись плоской, как это умеют только жители Датиана, она распласталась по полу и поползла вдоль плинтуса в коридор, чтобы попытаться отыскать своего жениха — Шлямбура.

— А-а! Вот ты где! — с восторгом проревел робот, его гулкий бас, словно гром, прогрохотал под сводами опустевшего бара. — Готовься к смерти, убийца!

Выкрикивая непристойные ругательства, Бур в ожидании зажигательной смеси ударил залпом из автомата и лазерного пистолета, а когда подоспели первые порции коктейля Молотова, он метнул в робота и их, но против смертоносной машины все эти средства были бессильны.

Прорываясь сквозь ревущее жаркое пламя, Сильверсайд на мгновение припомнил все битвы, в которых ему приходилось участвовать, чтобы основать свою преступную империю и стать ее главой. Каждая битва доставляла ему немалое удовольствие, но все они имели один недостаток — все они очень скоро кончались. Робот надеялся встретить однажды достойного противника и насладиться настоящим, полнометражным сражением. Может быть, хоть этот гуманоид продержится дольше шестидесяти секунд...

Разбив стойку ударом своих мощных манипуляторов, Сильверсайд дотянулся до барахтающегося гуманоида и прижал его к стене тремя телескопическими штангами вспомогательных рук, неосторожно ломая ему ногу. Впрочем, это не слишком тревожило боеробота. В его лобовой броне открылся люк, и оттуда появилась бешено вращающаяся дисковая пила на телескопиче-

ском штативе. С плотоядным жужжанием сверкающий диск стал медленно приближаться к извивающемуся пришельцу.

— Жаль, что я не знаю, как погиб мой друг и создатель, — бесстрастным, лишенным интонаций голосом проговорила машина. — Но я уверен, что твоя смерть будет еще более болезненной.

Блестящий стальной диск со звоном рассек пуленепробиваемый жилет Бура. Вторым взмахом робот разрезал на нем солдатскую форму, заодно оставляя на груди Бура глубокую царапину. Показались крупные капли крови, которые потекли вниз по животу, впитываясь в ткань костюма. Бур сосредоточенно плюнул в линзы робота и приготовился к смерти. Он всегда знал, что погибнет во время потасовки в баре, только думал, что это произойдет на Манхэттене.

В этот миг зал озарился яркими вспышками света, и взвод морских пехотинцев ООН в боевых костюмах телепортировался в помещение.

Лейтенант Сакаэда мгновенно оценил обстановку, выбирая наилучшие возможности. Пули наверняка бесполезны против бронированного чудовища, а лазерные винтовки не смогут преодолеть защитного поля, которое, как подсказало ему сенсорное оборудование шлема, окружало боевую машину. Оставались только ракетные снаряды или гранаты, но и те и другие гарантированно прикончили бы Бура вместе с роботом.

— «Сухой» залп! — приказал Сакаэда по встроенному радио, и пехотинцы выпустили в робота целую тучу своих противороботных специальных ракетных снарядов «Черч Ки», не сорвав с гранат колпачков безопасности.

Одновременно из обоих воронкообразных стволов их до сих пор никак не названных штурмовых винтовок вылетело два десятка стремительных огненных птиц, которые алыми молниями прочертили пространство полутемного бара и с силой врезались в бронированное тело робота, взорвавшись в его толстой броне. Яростные удары заставили робота заколебаться и завибрировать, но все повреждения были поверхностными. Только выстрелы сержанта Либерман достигли цели.

Первая граната, выпущенная ею, ударила точно в основание телескопического штатива пилы, которая продолжала тянуться к незащищенному горлу Бура. Штатив отлетел и врезался в коктейль-машину, которая весело запылала, так как послушно

продолжала производить адскую смесь бензина с мылом, заказанную Буром.

Вторая ракета врезалась точно между наблюдательными видеокамерами робота и там застряла.

Сильверсайд в ужасе испустил могучий импульсный сигнал, пытаясь перехватить управление этими неожиданно напавшими на него роботами, чтобы подчинить их своей власти. Однако вместо того чтобы немедленно подчиниться, как подчинялись ему все механические устройства, железные воины угрожающе сделали в его сторону еще несколько шагов, а один из них приказал бороботу сдаваться, иначе он будет разрушен.

Утыканный ракетами робот в отчаянии снова и снова посылал свои сигналы, но все так же безрезультатно. Невероятно! Ни один робот или компьютер не мог сопротивляться этой команде, особенно после того, как ее еще усовершенствовал и расширил технический гений Айдоу. Даже боевые компьютеры джианцев оказывались беспомощными перед этим мощным сигналом. И наконец Сильверсайд догадался, что внутри металлических доспехов спрятаны живые существа — чужие, враждебные создания, неподвластные его воле и обладающие как желанием, так и технической возможностью причинить ему серьезный вред.

Тревожная мысль о предстоящей схватке, в которой робот не будет обладать подавляющим преимуществом, заполнила его центральный процессор обработки данных, и боеробот впервые испытал настоящий страх.

Решив про себя, что ненужного риска лучше избегать, робот выпустил своего пленника и проворно отступил, задом вкатившись прямо в коридор, который вел в его контору, и двустворчатая дверь захлопнулась перед носом преследующих его пехотинцев.

— Очистить бар от посторонних и окопаться! — приказал Сакаэда, но, оглядевшись, увидел, что в зале никого не осталось, кроме его собственных солдат и одного «Зашибалы». Лейтенант подумал и отменил приказ.

— Либерман, посмотрите, что с Буром.

Опустившись на колено на замусоренном полу, Таня сильно встряхнула Бура, пытаясь вывести его из состояния ступора, в котором он находился.

— Где гипернавигатор? — требовательно спросила она через внешний громкоговоритель скафандра.

— Моя нога... — простонал уличный грабитель сквозь стиснутые зубы, держась обеими руками за раненую конечность.

Сквозь ткань его брюк, напитавшуюся кровью, торчал острый обломок кости, и сержант, активировав внутри металлической перчатки прибор первой медицинской помощи, вкатила ему в шею десять кубиков натовского противошокового снадобья — смесь морфия, кокаина, сока наперстянки и метамфетамина. Если это дьявольское зелье оказывалось не в состоянии вернуть бойца в строй, оставалось только вызвать похоронную команду.

— Уничтожен, — выдохнул Бур, когда боль немного отпустила. — Но у него в конторе их полно, — и он указал дрожащей рукой на двери, за которыми скрылся робот.

— А что случилось с твоими приятелями?

— Мертвы. Погибли, когда пытались надраить задницу этому... железному... Я чуть его не достал... Хотел утопить ублюдка в собственной крови... — Буру удалось слегка улыбнуться. — Теперь ваша очередь, леди, — прошептал он и потерял сознание.

— Отличная работа, солдат, — мягко произнесла сержант Либерман. В ее устах это была высшая похвала. Бережно опустив его голову на пол, сержант встала. После хорошей подготовки из парня вышел бы прекрасный солдат морской пехоты.

— Лутсман, останешься с ним, — приказал Сакаэда. — Кушнер, проверить двери, сквозь которые смылся этот проклятый робот.

— Никаких дурацких сюрпризов, сэр, — доложил несколько секунд спустя взводный эксперт по предупреждению возможных поползновений. — Но створки сварены вхолодную.

— Отлично! — выкрикнул лейтенант Сакаэда. — Матулич, Бероузи — откройте-ка эту дверцу. Взвод — приготовиться к движению, а пока — всем отойти.

Несколько снарядов из базуки разнесли двери в коридор, и морские пехотинцы ринулись вперед еще до того, как стих грохот взрывов. Отваливающиеся с потолка облицовочные плиты отскакивали от их боевых костюмов или разбивались вдребезги.

В тоннеле их никто и ничто не атаковало, и вторая пара накрепко заваренных дверей была открыта отрядными умельцами столь же ловко, как и первая. Перепрыгивая через горы дымящегося мусора, пехотинцы увидели, как Лидер Сильверсайд промчался на своей моногусенице через странную пустую комнату,

с грохотом врезался в стену, раздробив видеомониторы, и исчез во тьме с другой стороны. Осколки стекла и куски проводов сверкающим дождем просыпались на гладкий бетонный пол.

Озабоченные выполнением этой задачи, морские пехотинцы не стали его преследовать, а принялись обыскивать помещение в поисках гипернавигатора. Однако в комнате ничего не было, не считая расплющенной по бетону кучи окровавленного тряпья.

— Интересно, кто это? — спросил, запинаясь, кто-то из рядовых.

— Я думаю, что они оба здесь, — ответил хриплый голос.

Кто-то пробормотал итальянское ругательство, но оно было понятно и без перевода.

— Ваше мнение, Таня? — спросил Сакаэда на персональной командирской частоте, чтобы никто из подчиненных не услышал их служебных переговоров.

— Нам придется захватить этого робота, — сказала сержант Либерман, снаряжая подствольник своей винтовки очередной гранатой и выдергивая предохранительное кольцо. — Во всяком случае эта штука должна знать, где хранятся ГН-кубы.

— Согласен. Пошли, надо догнать этого ублюдка.

Таня мрачно улыбнулась:

— И надрать ему задницу.

— Начинаем преследование Сильверсайда, — передал Сакаэда по радио остальным солдатам. — Передовое охранение — выдвинуться на свои места, но стрелять только если на вас нападут. Эта консервная банка нужна нам живьем.

Сержант Либерман отсалютовала.

— Есть, сэр. Отлично, давайте выдвигаться.

Взвод выстроился и в таком порядке начал спускаться по короткому, закрученному в спираль пандусу, но их нашлемные фонари не в силах были разогнать непроницаемую темноту вокруг.

— Ночные визоры! — подсказал лейтенант Сакаэда, и солдаты, включив устройства, с удивлением обнаружили себя в огромной подземной пещере, размеры которой заставили их буквально задохнуться от восхищения.

Пещера была подлинным чревом казавшегося таким маленьким астероида. Обширный город, раскинувшийся над их головами, занимал микроскопическую часть подлинной площади этого космического тела. Одни только размеры вряд ли поразили бы

пехотинцев, но то, что хранилось в пещере, заставило их задержать свое движение.

Высоко над их головами были прикреплены к каменным стенам сотни тысяч золотистых ракет, каждая размером с боевой корабль. Их ряды тянулись вдоль всей длины пещеры. Еле различимый, вдали виднелся колоссальных размеров янтарного цвета лазер-излучатель, рядом с которым грозные ракеты казались игрушечными. Солдаты нервно зашаркали ногами. Теперь всем стало до боли понятно, где они находятся. Гигантский квадрат высотой с двенадцатиэтажный дом, в который были вписаны круг и треугольник, высеченный в каменной стене пещеры по левую руку от отряда, выглядел и вовсе экстравагантно.

— Ах ты, черт побери! Похоже, это арсенал Великих Золотистых, — с трепетом произнес чей-то голос.

— Без дураков, — фыркнул кто-то в ответ.

— Но если Сильверсайд правит астероидом, он должен бы знать об этом месте.

Тогда либо эти Золотистые — величайшие обманщики, что сомнительно, либо этот Сильверсайд изменил им в силу каких-то причин и забрал этот склад себе.

— Отлично! — раздался женский голос. — Тогда, если мы убьем этого железного придурка, это станет нашей заслугой и мы заработаем очко в свою пользу. Может быть, мы даже получим за этого преступника награду!

Пока солдаты оживленно обсуждали возможные финансовые выгоды от охоты за бороботом внутри склада оружия, лейтенант Сакаэда потрогал контрольные рукоятки своего радио и снова попытался вызвать «Рамирес».

— Десант — «Рамиресу», десант — «Рамиресу», как слышите? Прием, — ответом ему был шорох разрядов статистического охранного поля.

Лейтенант подумал, что, вероятно, источник помех, с которыми столкнулись связисты «Рамиреса», находился в конторе робота. Это имело смысл. С появлением сверхчувствительных сканеров стало невозможным спрятать что-либо надежно, просто зарыв в землю и укрыв под ногами миллионами тонн гранита и руды. Однако без связи с кораблем мы оказываемся предоставлены самим себе. О'кей, никаких проблем.

Сержант Либерман приблизилась к лейтенанту.

— Какие указания, сэр?

— Независимо от нашего местоположения мы будем продолжать поиск робота, — резко сказал лейтенант. — Наша задача — добыть ГН-куб. Эта задача должна быть выполнена.

Сержант кивнула. Звучало это хорошо, вот только смогут ли они это проделать?

Хотя он не был приспособлен к скоростному передвижению, Лидер Сильверсайд тем не менее довольно легко оторвался от преследователей и, опрокидывая позади себя штабеля ракет, укрылся в чуланчике для запасных частей в одной из опор гигантской лазерной установки. Не имея под рукой ничего более подходящего, он заложил дверь электрощваброй.

Очутившись, по крайней мере на некоторое время, в безопасности, боеробот воспользовался возможностью извлечь невзорвавшуюся ракету из пространства между глазами-камерами, куда она угодила. Гранату он осторожно положил на ближайшую полку.

Выпростав из-под бронированного обтекателя свои самые точные руки-манипуляторы, боеробот порылся в шафранного цвета ящике с инструментами, вмонтированном в его собственное тело, и принялся обрабатывать зияющую во лбу дыру.

Неудивительно, что робот перепугался до высыхания смазки в подшипниках. За многие годы, на протяжении которых он правил Баклом, робот ни разу не был поврежден в битвах. То, что бронебойная ракета попала ему в лоб, крайне неприятно и опасно, и Сильверсайд твердо решил не допускать этого впредь. Ни в коем случае, клянусь горячим Вакуумом!

Покончив с ремонтом, Сильверсайд запер ящик с инструментами, втянул под броню манипуляторы и осторожно подкатился к вентиляционным отверстиям, просверленным в двери из полированного металла. Сквозь них он мог наблюдать, что делается в пещере. В правильном боевом порядке одетые в скафандры гуманоиды неуклонно приближались к его ненадежному укрытию. Наверняка они разыскивали его, чтобы отомстить. Столь внезапное и быстрое появление этих закованных в броню воинов, вскоре после того как он расправился в своей конторе с двумя двуногими млекопитающими, не могло быть простым совпадением.

Чувствуя горячее дыхание близкого поражения на поворотном механизме своей черепной коробки, робот понял, что у него нет иного выхода, кроме как пустить в ход свой последний козырь.

С этой мыслью он выпустил из-под контроля главный компьютер обороны планеты, который он не ослаблял ни на миллисекунду с того самого дня — много-много оборотов вокруг солнца тому назад, — когда он завоевал этот астероид.

Освободившись от тягостного диктата робота-изменника, верный своему долгу главный компьютер немедленно послал на планету Джии срочный тревожный сигнал категории «альфа», а также включил все оборонительные системы, которые имелись на планете.

Морские пехотинцы резко остановились, когда целая секция далекой каменной стены отъехала в сторону и прямо из-под огромной эмблемы торговой марки Золотистых на них двинулась целая сотня бороботов. Завидев людей, запылившиеся в своем чулане джианские роботы открыли огонь из своих нейтронных разрушителей и дали залп из плазменных установок, чтобы воздать агрессору полной мерой. Воздух в пещере наполнился видимой и невидимой смертью.

* * *

Между тем в космосе несколько астероидов вышли из плоскости вращения астероидных поясов и, обогнув эклиптику, включили реактивные двигатели и атаковали множество кораблей, зависших на орбитах вокруг Бакла, поливая их обжигающими разрушительными лучами. Около дюжины космических кораблей ничего не подозревавших гостей и покупателей исчезли в ослепительных бесшумных взрывах, прежде чем их перепуганные экипажи успели среагировать. Внешнее защитное поле «Рамиреса» тоже не устояло под ударом смертельной дозы радиации, и земной звездолет уцелел только благодаря отклоняющему покрытию.

Главный обзорный экран на мостике ярко засветился и в следующий миг потемнел — это испарились укрепленные на корпусе видеокамеры.

— Боевая тревога! — приказал капитан Келлер, вытирая выступившие на глазах слезы. — Соукап, включить защитные экраны на полную мощность. Лиллиокалани, переключитесь на резервные камеры № 4 через десятую. Трелл, задраить все вну-

тренние люки и разогнать до 40/40. Хемлих, лазерные батареи на автоматический огонь. Бакли, не дожидаясь команды, бейте из протонной пушки.

На сей раз никто не стал тратить время на ответ. Все уже были заняты своими обязанностями.

Когда прошел элемент неожиданности, уцелевшие звездолеты принялись защищаться. Алые лучи лазеров и зеленые — протонных пушек шарили по темному космическому пространству, то перекрещиваясь между собой, то снова расходясь, образовав в пространстве смертоносную мелкоячеистую сеть. Многие лучи, хоть и наведенные второпях, попали в цель, и в атакующих роботах-охранниках появились белые от жара отверстия. Некоторые роботы взорвались, превратившись в редкие облачка металлического пара. Несколько роботов резко отвернули еще на дальних подступах к обороняющимся звездолетам, так как лучи смерти повредили их системы самонаведения, но все больше и больше замаскированных под камень и лед роботов появлялось из плоскости вращения колец и бросалось в бой, столь яростно сверкая длинными спицами своих огненных мечей, что само светило, казалось, померкло рядом с этим жарким огнем. Вскоре все космическое пространство вблизи «Рамиреса» превратилось в невообразимую ядерную топку, в которой пылал огонь войны самых совершенных технологий.

— Следует ли телепортировать морскую пехоту обратно на борт, сэр? — спросил Трелл, с бешеной скоростью оперируя переключателями на своей консоли и желая, чтобы у него было больше чем четыре руки и хотя бы один бог, который бы ему помог.

— Нет, пока они не сообщат, что гипернавигатор у них в руках, — твердо отвечал капитан. Мирная миссия «Рамиреса» не очень хорошо сочеталась с жестокостью подобного решения, но гипернавигатор был сейчас гораздо важнее, чем жизнь каждого отдельного десантника.

Кувыркающийся в пространстве булыжник врезался в корпус «Рамиреса» на скорости, близкой к световой, и превратился в ослепительный огненный шар, а звездолет содрогнулся. Восстановленное было внешнее защитное поле снова не выдержало, но внутреннее силовое поле еще держалось. Командир звездолета громко хрустнул суставами пальцев рук. Огоньки индикаторов отчаянно перемигивались на всех консолях, и было очевидно, что полумерами тут не отделаешься.

— Отставить первый приказ, зарядить главный калибр, — приказал он канонир-оператору. — Стреляй после готовности, постарайся не развалить астероид, Бакли.

— Слушаюсь, сэр! — Старший мичман Бакли в азарте сражения стремительно переключал тумблеры оружейной консоли. Черт побери, не зря он поступил на космическую службу!

* * *

На гауптвахте короткая серия микровзрывов прорубила в белой металлической стене камеры Шестнадцатого кривое, но достаточно большое отверстие. Горячая секция металлической переборки с громким лязгом упала на пол, и в отверстии показалась голова Впередсмотрящей. Позади нее были видны две другие стены с точно такими же пробоинами.

Авантор подмигнула Шестнадцатому, и он, проворно выбравшись из своей больничной койки, вытащил из-под простыни мягкую, просторную шапочку, сплетенную из медной проволоки и нескольких слегка модифицированных Шестнадцатым микросхем, которые он позаимствовал из своего медицинского сканера. Сбоку к замысловатой конструкции из проволоки подсоединялась батарея элементов питания, которую Шестнадцатый вынул из видеомонитора.

Без лишних слов Авантор протянула Шестнадцатому свой транслятор, и он вынул из него крошечное хоронское кристаллическое реле, которое, собственно, и приводило устройство в действие. Шестнадцатому понадобилось всего несколько секунд, чтобы закончить свою электронную шапочку.

Сняв с головы бинт, Авантор натянула проволочную шапку на лицо, пересекла камеру и резко распахнула дверь. При выстреле псионной пушки «НУ-КА, СТОП!», Шестнадцатый со стоном повалился на пол. Авантор, защищенная самодельным анти-псионическим экраном (учебный видеофильм № 23: «Что делать, если против вас применяют ваше собственное оружие, а умирать вы не хотите»), едва заметила, что мощное оружие выстрелило в нее в упор.

Быстрым рывком Авантор отсоединила пушку, и вскоре уже оба джианских офицера, крадучись, двигались по коридору, на-

мереваясь захватить этот звездолет и арестовать всех, кто на нем находится. Это желание стало уже сокровенно личным, и примитивный гипнотренинг был совершенно ни при чем.

* * *

Первые залпы оружия бороботов не причинили морским пехотинцам никакого вреда, отраженные круглыми щитами защитных силовых полей, которые возникли впереди каждого солдата. Нисколько не обескураженная неожиданным нападением, космическая морская пехота ответила на выстрелы роботов дружным огнем, но пули и лучи полицейских лазерных винтовок оказались бесполезны против защитных полей и толстой брони пришедших в яростное возбуждение роботов.

Сержант Либерман, нахмурившись, вставила в свою винтовку новый магазин. Сотня роботов против десятка пехотинцев. Если она что-то и ненавидела, так это битву на равных.

— Всем укрыться! — приказала она в микрофон передатчика. — Мейнхарт, пли!

Лишь только солдаты убрались с линии огня, Вихревая Атомная Винтовка выпалила в пространство, вращающийся конус ядерной энергии коснулся переднего ряда бороботов и принес ожидаемый результат. Лишь только роботы остановились, чтобы оправиться от неожиданно сильного нападения, как солдаты выпустили по ним целую тучу своих противороботных ракет.

Десять роботов первой шеренги превратились в сияющие огненные шары, и горячая шрапнель со звоном разлетелась в разные стороны. Нисколько не испуганные гибелью собратьев, оставшиеся девяносто боевых машин перекатились через пылающие останки своих павших товарищей и продолжили наступление, ощетинившись пробойниками, электропробниками, сверлами и дисковыми пилами, укрепленными на многочисленных телескопических кронштейнах, выдвинувшихся из их бронированных корпусов.

Лейтенант Сакаэда отрегулировал свой визор так, чтобы видеть окружающее при нормальном освещении, и ухмыльнулся. Для того, чтобы уничтожить десяток презренных роботов, потребовалась полная огневая мощь всего отряда. Для того, чтобы

справиться с оставшимися, потребуется много больше боеприпасов, чем у них было. Стало быть — не избежать долгой и трудной схватки.

— Приготовиться к отходу! — закричал на командирской частоте какой-то рядовой.

Пока его пораженные товарищи поворачивали головы, чтобы посмотреть на него, Фюрстенберг поднял прицел своей винтовки и выпалил от бедра. Вырвавшийся из стволов штурмовой винтовки поток пуль, смертоносных лазерных лучей и гранат угодил в центральный кронштейн планерной бомбы, укрепленной высоко на стене прямо над ними. Быстро поняв план товарища, остальные пехотинцы последовали его примеру, и через секунду сосредоточенный огонь из всех стволов вдребезги разнес все три кронштейна. Раздался пронзительный скрежет раздираемого металла, гигантская бомба сорвалась со стены и быстро покатилась по склону туда, где тесной группой стояли земляне.

— По моей команде — ПРЫГАЙТЕ! — приказал лейтенант Сакаэда, и в тот момент, когда, лязгая и брякая по неровному полу, словно пустая консервная банка, разрушительная бомба прокатилась по позициям землян, все они оказались высоко в воздухе.

Привязанные к твердой поверхности, бороботы были лишены этой важной способности — подпрыгивать — и поэтому, несмотря на то, что они все-таки предприняли несколько суетливых движений, пытаясь увернуться от катящегося на них тяжелейшего чудовища, все они были без всяких церемоний расплющены массивным корпусом бомбы. Сама бомба, с громким лязгом задев одну из опорных конструкций гигантского лазера, вихляя, покатилась дальше в темноту, пока не запнулась о колоссальных размеров реле усилителя мощности. Несмотря на длительное путешествие по каменному полу пещеры, на металлических боках мегатонной бомбы не осталось ни одной царапины.

— Надо это заснять, иначе в это не поверит даже Рипли, — пошутил кто-то из пехотинцев, снимая на укрепленную в шлеме видеокамеру металлические блины на полу, толщиной не более бумажного листа.

— Что ты там болтаешь? — обиделся рядовой первого класса Рипли, несколько смущенный. — Я же стоял рядом с тобой и помогал все это устроить.

Послышался вздох.

— Не обращай внимания.

— Эй, сэры! — раздался возглас другого рядового, который махал им руками от подножия спирального пандуса. — Посмотрите-ка сюда!

Сержант Либерман и лейтенант Сакаэда бросились к размахивающей руками женщине и увидели, что она обнаружила нечто вроде комнаты, вырезанной в скале. Дверь была сделана из камня и потому с трудом различима на фоне стены пещеры. Слегка задыхаясь от волнения, девушка объяснила Либерман и лейтенанту, что от сотрясения, вызванного падением и последовавшим качением супербомбы по полу, эта дверь распахнулась, и ей удалось вставить ствол винтовки в дверной проем, чтобы она не закрылась снова.

Призвав к себе на помощь остальных солдат, командиры открыли дверь настежь и, выставив часовых, осторожно проникли в комнату. Квадратной формы, маленькая пещера вовсе не была пустой. Вдоль стен тянулись бесконечные пластиковые полки, забитые многочисленными коробками, на каждой из которых был проставлен какой-нибудь номер. Прямо под квадратной панелью в потолке располагалась панель управления, установленная на гидравлическом подъемнике. На то, чтобы справиться с потрясением, потребовалось несколько секунд. Все-таки они нашли главный склад Сильверсайда!

Торопливо разрывая картонные коробки, набитые всевозможным оружием, точными инструментами, поясами с генераторами защитного поля и прочими предметами, угадать назначение которых было невозможно, десантники обнаружили двадцать семь драгоценных, чисто-белых гипернавигационных кубов.

— Отлично! — взревел один из пехотинцев, в восторге хлопая соседа по металлической спине.

— Спасибо, — ворчливо отозвался сосед, вставая. Сервомоторы в его скафандре обиженно загудели.

— Пусть каждый возьмет по два ГН-куба, и надо выбираться отсюда, пока на нас не напало еще что-нибудь, — распорядился лейтенант Сакаэда, забрасывая на плечо винтовку.

— Приказ ясен? — желчно осведомилась Либерман. — Собирай добычу и — пошли!

— Есть, сэр!

— Понятно.

— Будет исполнено!

— НА ПОМОЩЬ!!!

Сканеры немедленно определили, что призыв о помощи раздался из главной пещеры, и пехотинцы, сломя голову, бросились из комнаты.

В главной пещере, около опоры огромной лазерной установки, стоял Лидер Сильверсайд, обвив восемью своими металлическими щупальцами отчаянно сопротивляющегося пехотинца, прикрываясь им как щитом.

— Не пытайтесь помешать мне бежать, иначе этот узел будет поврежден так, что не починишь! — предупредил робот, его ничего не выражающий, ровный голос лишь усиливал зловещие предчувствия, охватившие десантников.

— Прошу прощения, сэр! — официально обратился к лейтенанту пехотинец. — Я только открыл дверцу в опоре лазера, а он был там. Виноват, сэр.

— Забудьте об этом, рядовой, — успокаивающе заметил лейтенант Сакаэда. — Он мог схватить любого из нас.

Окантованный светлой платиной, робот начал медленно двигаться к спиральному пандусу.

— Единственное мое желание — продолжить свое существование, поэтому я меняю его жизнь на свою, — заявил робот. — Даю слово чести, что отпущу этот экземпляр, как только мой челнок вылетит с астероида и я окажусь в безопасности.

Сильверсайд прекрасно знал, что рискует, но эти существа могут быть достаточно глупыми, чтобы поверить его словам. Однако морские пехотинцы способны были определить, где тут враки, просто на слух, не прибегая к помощи высокотехнических сенсоров.

С угрожающим ворчанием земляне приготовили оружие и начали осторожно приближаться. Сержант Либерман вдруг заметила, как фигура одного из солдат исчезла из последней шеренги...

Ей потребовалось меньше секунды, чтобы обнаружить недостающего члена отряда. Солдат воспользовался невероятной силой сервомоторов своего боевого костюма, прыгнув с места высоко вверх, он теперь описывал над отрядом крутую дугу — маневр, возможный только благодаря огромной высоте пещеры.

— Замри-и!!! — громко закричала Либерман через внешний громкоговоритель скафандра, отрегулировав усилитель на мак-

симальную громкость. Сильверсайд невольно замер, и Таня победно улыбнулась. — Экий шмук[1]!

В следующее мгновение пятьсот фунтов крепчайшей стали, да еще с космическим пехотинцем внутри, обрушились на робота на скорости 30 футов в секунду, что было равнозначно падению с высоты десятиэтажного дома.

Кристаллическое стекло, пластик, проволока, брызги, осколки, крошево и прочий мусор так и брызнули во все стороны, как если бы в помойную яму упал крупный метеорит, и десантник по колено погрузился в шасси робота.

От мощного удара Сильверсайд покачнулся, но все же нашел в себе силы повернуть к противнику свою куполообразную голову и попытался при помощи всех манипуляторов, которые у него еще оставались, дотянуться до своего странного врага и превратить его в кровавые обломки.

Поднырнув под лес смертельно опасных конечностей робота, солдат сделал выпад и ударом кулака проломил заплату, наложенную на то место, куда попала ракета. Сильверсайд словно взбесился и удвоил усилия, пытаясь прикончить оседлавшего его десантника. Не обращая внимания на яростные удары конечностей, солдат засунул руку в голову робота еще глубже, нащупал мозг и с силой сжал в кулаке, произведя роботу грубую лоботомию.

Для наблюдавших за всем этим морских пехотинцев все выглядело таким образом, как будто Сильверсайд просто взорвался. Длиннофокусные объективы его видеокамер выдвинулись на всю длину, а из всех щелей в помятом металлическом корпусе повалил черный дым. Гусеница с лязгом рассыпалась, а механические манипуляторы напряглись и замерли, последним судорожным движением отшвырнув в сторону заложника, слегка контуженного, но живого. Затем, выплюнув из себя дождь ярких искр, преступный боеробот затрясся, его ходовые огни погасли, и машина впала в давно заслуживаемое ею состояние окончательного и полного рассоединения.

Весьма удовлетворенный результатами собственных усилий, солдат осторожно высвободил ноги из перепутанных внутренностей побежденного робота и спрыгнул вниз на каменный пол. Он был рад, что его умение расплющивать ногами пустые пив-

[1] Шмук *(идиш)* — половой член.

ные банки, в чем он упорно практиковался почти всю жизнь, в конце концов оказалось полезным.

— Отличная работа, капрал, — поздравила его сержант Либерман.

Прежде чем ответить, рядовой первого класса Фюрстенберг помолчал.

— Спасибо, сэр.

— И на сей раз мы действительно имеем это в виду, — искренне, от всего сердца добавила Таня.

Пехотинец мудро промолчал, не желая неуместным замечанием дразнить судьбу или... гауптвахту.

— О'кей, — нетерпеливо поторопил их лейтенант Сакаэда. — Давайте поскорее вернемся в таверну, пока ничего больше не случилось. Ускоренным маршем... марш!

Когда отряд поднимался по спиральному пандусу, бывший заложник робота догнал своего спасителя и слегка подтолкнул:

— Эй, помнишь, я спросил, зачем здесь держат этого зануду Фюрстенберга?

— Да.

— Ты прости меня, приятель...

* * *

Тем временем в открытом космосе острые кинжалы чистой энергии продолжали ударять и нанизывать на себя металлические корпуса роботов, нащупывая наиболее уязвимые, жизненно важные узлы, чтобы гарантированно вывести роботов из строя. Космические торпеды, ракеты и ракетные снаряды носились в пространстве даже не стаями, а плотными тучами, стремясь поскорее найти свой огненный конец, взорвавшись в теле вражеского корабля. Управляемые ракетные снаряды подчас совершали довольно сложные маневры, уклоняясь от защитного огня роботов, и могли поражать цели с любой стороны, даже сзади, в то время как торпеды и ракеты честно летели в цель по прямой. Звездолеты поражали роботов также залпами крупнокалиберных пушек, и космос заполнился огромными смертоносными снарядами кумулятивно-бронебойного действия, начиненными мощными зарядами взрывчатки, газом Омега и радиоактивным

термитом. Лучи плазмы безмятежно пронизывали пространство страшной битвы во всех направлениях, усваивая энергию всех разрушительных снарядов, которые попадались на их пути, и усиливая собственную мощь в несколько раз, чтобы обрушиться на цель всесокрушающим энергетическим ударом.

Однако роботы-часовые джианцев могли похвастаться несколькими метрами огнеупорной брони в комбинации со множеством защитных и силовых щитов, в то время как звездолеты имели толщину брони всего несколько дюймов и по одному или по два защитных поля. Довольно скоро поэтому агрессивное поведение звездолетов с экипажами превратилось под беспрестанными атаками практически неуничтожимых роботов-астероидов в некое подобие глухой защиты.

Под бешеными ударами лучей разрушения силовое защитное поле звездолета сначала распухало, становясь видимым, пока энергетический экран пытался сопротивляться энергетической атаке, стараясь удержаться, а потом вдруг пропадал. Потом уступало обреченное внутреннее силовое поле, подставляя лучам беззащитный корпус корабля, и звездолет превращался в разноцветный огненный шар. Многие из кораблей, спасаясь от роботов, нырнули в безопасное гиперпространство, где их поджидали транспространственные космические мины, притягиваемые вибрациями Q-соленоидов, которые и превращали звездолеты вместе с их экипажами в горстку разрозненных атомов.

Это было страшно. Это было безумно. Это была ВОЙНА! Это было даже хуже, чем война, — как космическая битва «Дока» Е.Е. Смита в известном комиксе, только немного побольше.

Затем от днища «Рамиреса» отделилось пятнадцатиметровое массивное блюдце, похожее на параболическую антенну, на универсальном шарнирном подвесе. Внутри этой керамической чаши располагался толстый ствол с трехзубчатой мушкой прицела. Со стороны казенной части к стволу была подсоединена лента конвейера со вставленными в нее черными металлическими овальными предметами. Это и был главный калибр звездолета землян — Вихревая Атомная Пушка.

Чисто-белое керамическое блюдо осветилось яркой вспышкой и метнуло в пространство целую череду квазиплотных молний — пылающий луч атомной аннигиляции, который ударил прямо в пояс астероидов, уничтожив целую эскадру роботов-

часовых, оставив вместо них лишь облако светящегося пара и несколько тлеющих в пространстве глыб шлака.

Когда ослепительное сияние луча рассеялось, лента конвейера передвинулась вперед на один шаг, и новая термоядерная бомба встала в боевое положение.

— Контрольный выстрел произведен, сэр! — доложил стрелок. — Все индикаторы на зеленых полях. Готов начать бомбардировку.

Келлер достал из кармана и надел солнцезащитные очки, то же самое проделали и все остальные, находящиеся на мостике. Теперь-то уж никто не станет высмеивать кремлевско-пентагоновскую концепцию «Чем больше, тем лучше». Так-то!

— Дайте им отведать настоящего космического блюда, Бакли, — приказал капитан.

— С удовольствием, шкипер.

Отражатель пушки снова высветился адским огнем, и луч страшного оружия пошел гулять среди атакующих порядков роботов, кося их налево и направо, словно огненный жезл волшебника. Малейшего прикосновения этого луча было достаточно, чтобы каменные громады роботов вспыхивали, превращаясь в облачка перегретого пара и исчезая. Силовые поля, защитные экраны и искусно сделанная броня джианских устройств перед бешеной яростью раскаленного реакцией ядерного расщепления луча были не прочнее бумаги.

Атомная пушка выстрелила еще дважды, и на обзорном экране «Рамиреса» образовалась в поясе астероидов удивительно большая прореха, в центре которой болтался одинокий Бакл. Разочарованный до глубины души Бакли чуть не состроил обиженную гримасу, когда его тактический экран показал лишь быстро улепетывающие звездолеты, уцелевшие после нападения роботов. Самих роботов нигде не было видно. Сражение закончилось слишком быстро.

Поскольку сражение, по всей видимости, закончилось, капитан Келлер сложил и убрал в карман солнечные очки.

— Поздравляю, Бакли, — сказал капитан, пораженный одновременно меткостью стрельбы и характеристиками нового оружия.

— Благодарю вас, сэр! — выпалил Бакли. — Может быть, вы хотели бы, чтобы я уничтожил что-нибудь еще?

— Нет, не сейчас.

— Вы уверены, сэр?

— Определенно, — несколько резко заметил капитан.

Он одобрял энтузиазм, но не энтузиастов-фанатиков.

Мичман Бакли пожал плечами и принялся ставить оружие на предохранители, подготавливая его к возврату в походное положение. Да, пока это продолжалось — это было прекрасно!

— Сообщение десанта, сэр! — доложила Лиллиокалани, разворачиваясь в своем кресле. — Они добыли несколько ГН-кубов. Потерь нет, раненых — тоже.

— Отлично, — улыбнулся Келлер. — А как «Зашибалы»?

Лиллиокалани коснулась наушников узкой ладонью.

— Бур тяжело ранен, но жив. Курок и Шлямбур — оба были... раздавлены всмятку. От их тел ничего не осталось, чтобы их можно было восстановить.

— Понятно. Мистер Хемлих, телепортируйте десант на борт, и пусть доктор Ван Луун встречает их в посадочном шлюзе со своей бригадой медиков.

— Ясно, шеф! — приветливо отозвался Хемлих.

Внезапно задняя стена мостика взорвалась. Сильнейший удар чуть не повыбрасывал землян из кресел. Все головы одновременно повернулись в одном направлении, и из дымящихся развалин подъемника на мостик шагнула Авантор. Ее длинные золотые волосы легким нимбом трепетали над головой.

Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, система безопасности мостика автоматически откликнулась на присутствие постороннего, и рядом с укрепленной на потолке видеокамерой появился ствол 40-миллиметрового гранатомета. Скорострельная машина была снаряжена электрохимическими боеприпасами парализующего действия, способными на месте уложить бешеного слона. Мрачная джианка бросила на устройство всего лишь взгляд, и оно взорвалось.

— Вы все арестованы! — сообщила она, осколки пластика и металла сыпались сверху на палубу и на ее голову.

— Послушайте, Авантор, не могли бы мы обсудить это? — спросил мичман Бакли, вставая со своего места и тем самым отвлекая на себя внимание женщины, в то время как лейтенант Джонс и Хемлих готовились прыгнуть на нее с боков. Но в этот момент точно по расписанию огни в рубке слегка пригасли, а постоянный, ставший привычным ровный гул двигателей стих.

— ГОВОРИТ ШЕСТНАДЦАТЫЙ! — рявкнул в полумраке громкоговоритель под потолком. — Я КОНТРОЛИРУЮ ВСЕ ИСТОЧНИКИ ЭНЕРГИИ И СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ. НЕМЕДЛЕННО ПОДЧИНИТЕСЬ АВАНТОРУ ИЛИ УМРЕТЕ!

При свете вспыхнувших аварийных светильников вахта неохотно расселась по местам, а Трелл в отчаянии уронил голову на свою отключившуюся консоль. Они были так близки к успеху! Проклятые мягкосердечные земляне! Говорил же он им, что джианцев надо убить. Теперь всех их наверняка ждет Галоптикон-7...

Некоторое время капитан Келлер взвешивал ситуацию, прикидывая, стоит ли воспользоваться лазерным пистолетом, который был спрятан в подлокотнике его кресла. И хотя ему казалось, что у него немало шансов на успех, он решил не прибегать к оружию. Он знал, что единственным способом остановить джианку было убить ее, а этого он сделать не мог.

Лишь только капитан открыл рот, чтобы попросить Авантора быть благоразумной, главный обзорный экран вспыхнул радугой света, и на нем показались тысячи джианских сверхдредноутов, выходящих из гиперпространства, чтобы полностью окружить корабль землян. Затем не прошло и нескольких секунд, как на мостике появились тысячи голографических изображений Великих Золотистых, женщин и мужчин. Золотистый свет от их шафрановой военной формы упал на лица землян, так что все они мгновенно покрылись великолепным и темным калифорнийским загаром.

— Грязеландцы! Вы все арестованы! — хором, но несколько вразнобой, сказали они.

Крепко сжав кулак так, что костяшки пальцев сухо щелкнули, Келлер лихорадочно обдумывал новую ситуацию, в поисках выхода из создавшегося положения пытаясь выбрать самое правильное решение. «Надо подумать... — размышлял он. — Двигатели заглушены, экраны погашены, оружие дезактивировано. Джианцы внутри и снаружи. Ах... гм-м... черт возьми...»

— Рах[1], — со вздохом сказал капитан Келлер, поднимая вверх обе руки. — Мы сдаемся.

Морской офицер знал, что он побежден. Его команда со вздохом последовала его примеру. Итак, все кончено. Их миссия

---

[1] Рах *(лат.)* — на ваших условиях.

закончилась провалом, и, несмотря на все свои усилия, Земля потеряла свое право на звезды...

И самое худшее было то, что человечество даже не получило испытательного срока...

26

СТЕНОГРАММА № 1 — «Земля против Джии». Выдержки. Из полной копии судебного заседания, для доступа обращаться в Пузырь №45789253475, подраздел N1-250. Рекомендовано для чтения студентам юридических колледжей, историкам и лицам, страдающим бессонницей.

* * *

ИЗ ТЕМНОТЫ МЕДЛЕННО ПРОЯВЛЯЕТСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЛИННОЙ СТУДИИ. ЗА КОНСОЛЬЮ УПРАВЛЕНИЯ КАБЕЛЬНОЙ СЕТЬЮ СИДИТ ЖЕНЩИНА-ГУМАНОИД В ПЛОТНО ОБЛЕГАЮЩЕМ ЕЕ ФИГУРУ ЗЕЛЕНОМ ПЛАТЬЕ, ПО КОТОРОМУ ПЕРЕБЕГАЮТ СИНИЕ ОГНИ. ЭТО ДЕМБРЕКСИАНКА, ЕЕ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ — ОРБЛАК СНИИВ. ФОЛЛИКУЛЫ ЕЕ ВОЛОСЯНОГО ПОКРОВА НА ГОЛОВЕ ПРОРОЩЕНЫ ПО ПОСЛЕДНЕЙ МОДЕ «СВИДЕТЕЛЬ».

РЯДОМ С НЕЙ В СТУДИИ НАХОДИТСЯ САМЕЦ-АМФИБИЯ. РОД: ДКОНДЖ, ИМЯ СОБСТВЕННОЕ: ВОК АК-АК. ЕГО ЭПИДЕРМИС ОГОЛЕН ДО НЕЙТРАЛЬНОГО КРЕМОВО-БЕЛОГО ЦВЕТА. ВОЗЛЕ НЕГО НА ПАРЯЩЕМ В ВОЗДУХЕ СТОЛИКЕ МЫ ЗАМЕЧАЕМ ШИРОКИЙ АССОРТИМЕНТ КИСТОЧЕК, ЩЕТОЧЕК И АППЛИКАТОРОВ, А КРОМЕ ТОГО — РАЗЛИЧНЫЕ КРАСКИ, ГРИМ, ПУДРУ, ПРИТИРАНИЯ И ДАЖЕ ФЛОМАСТЕРЫ С ШИРОКИМИ ВОЙЛОЧНЫМИ КАПИЛЛЯРАМИ. КАМЕРА «НАЕЗЖАЕТ» НА СИДЯЩИХ, И ЖЕНЩИНА ШЕВЕЛИТ НОСОМ В ЗНАК ПРИВЕТСТВИЯ, В ТО ВРЕМЯ КАК САМЕЦ НАЧИНАЕТ НАКЛАДЫВАТЬ ЯРКУЮ ОРАНЖЕВУЮ КРАСКУ ПРИВЕТСТВИЯ НА СВОЙ ВЕРХНИЙ ПРАВЫЙ ПЛАВНИК.

ОРБЛАК. Приветствую вас, разумные существа! Я — Орблак Сниив...

ВОК. И Вок Ак-Ак, это я!

ОРБЛАК. Мы будем комментировать для вас этот процесс века. Великие Золотистые против обитателей звездной системы так называемого Солнца. На протяжении судебного заседания обвиняемые не только будут сами защищаться по всем пунктам обвинения, которых, можете мне поверить, невероятно много, но станут одновременно просить о принятии их планеты в члены Галактической Лиги. Итак, у этих существ прекрасное ощущение времени и того, что оно требует от всех разумных существ, не так ли, Вок?

ВОК. (начинает намазывать на хвост голубое желе.) Ты, Орблак, говоришь верно! Ожидается весьма многоцветное заседание, вот как! Может быть, даже достойное того, чтобы я нацепил на тело перманент (смешок). Благодаря огромному интересу к процедуре, решено было проводить заседание не в обычном месте...

ВИДЕОЭКРАН НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ ОСВЕЩАЕТСЯ, И НА НЕМ ПОЯВЛЯЕТСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПРОСТОРНОГО АМФИТЕАТРА, БИТКОМ НАБИТОГО СУЩЕСТВАМИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ И РАСЦВЕТОК.

ВОК. Впервые за всю писаную историю Галактики церемониальный Парк Отдохновения был полностью покинут игроками, и зрители со всех концов галактики набились в этот трехкилометровый просмотровый зал.

ВНЕШНЯЯ ПАНОРАМА. ВИД АМФИТЕАТРА СВЕРХУ. В ФОКУСЕ КАМЕРЫ — ЗОЛОТИСТЫЙ ПАТРУЛЬНЫЙ КАТЕР ДЖИАНЦЕВ, ПРОЛЕТАЮЩИЙ НАД СКОПЛЕНИЕМ ЗРИТЕЛЕЙ. ЭТО МЕДЛЕННО ВРАЩАЮЩАЯСЯ ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА, НАШПИГОВАННАЯ РАЗЛИЧНЫМ ОРУЖИЕМ. БОЕРОБОТЫ ШНЫРЯЮТ ПО ПРОХОДАМ В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ, А ТЫСЯЧИ ДЖИАНСКИХ СОЛДАТ ПАТРУЛИРУЮТ ТОЛПУ, ПРОВЕРЯЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ КАРТОЧКИ НА ВХОДЕ В АМФИТЕАТР И РАЗВОДЯ ЗРИТЕЛЕЙ ПО СВОБОДНЫМ МЕСТАМ.

ОРБЛАК. Как вы можете видеть, Великие Золотистые учли все, организуя безопасность процесса. Учитывая эмоциональную заряженность всех вопросов, с которыми придется иметь дело судьям, их нельзя обвинить в излишних предосторожностях, гра-

ничащих с фанатизмом (пауза). А теперь давайте спустимся на арену, где будут разворачиваться главные события, в этом нам помогут Могачеф и ЛД59, которые познакомят вас со многими участниками процесса.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА ОТКОРМЛЕННУЮ САМКУ ГУМАНОИДА, ЗАВЕРНУТУЮ В ПРОСТЕНЬКОЕ ВЯЗАНОЕ ПЛАТЬЕ. РОД: ЛООО[, ИМЯ СОБСТВЕННОЕ: МОГАЧЕФ. ПОЗАДИ НЕЕ ДЮЖИНА ТЕХНИКОВ С БЕШЕНОЙ СКОРОСТЬЮ И ПРОВОРСТВОМ ОПЕРИРУЮТ СЛОЖНОЙ ТЕХНИКОЙ И ПРОКЛАДЫВАЮТ КАБЕЛИ. С ЛЕГКИМ ТРЕСКОМ ПОЯВЛЯЕТСЯ ВЫСОКО НАД ИХ ГОЛОВАМИ ГОЛОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ЛИГИ. СОБРАНИЕ РАЗРАЖАЕТСЯ ПРИВЕТСТВЕННЫМИ КРИКАМИ.

МОГАЧЕФ. Благодарю. Связь с Галактической Лигой налажена, и процесс вскоре должен начаться.

В НИЖНЕМ ПРАВОМ УГЛУ ПОЛЯ ЗРЕНИЯ КАМЕРЫ ПОЯВЛЯЕТСЯ ДИАГРАММА АМФИТЕАТРА. В ЕЕ СЕРЕДИНЕ НАЧИНАЕТ ПУЛЬСИРОВАТЬ КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК.

МОГАЧЕФ. А теперь перенесемся в людской сектор, и я передаю слово ЛД-59.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА ГЛАДКИЙ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ШАР, ПЛАВАЮЩИЙ В ВОЗДУХЕ. ИЗ ЕГО ВЕРШИНЫ ТОРЧИТ ШАРНИРНЫЙ ЗРИТЕЛЬНЫЙ ШТАТИВ. РОД: ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ КОЛИЧЕСТВА ИЗ МАШИННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРТХИХ. ПРИБОР СЕРИИ ЛД-59.

ЛД-59. Вас понял, подключаюсь. Приветствую всех, кто меня сейчас видит. Факт: обвиняемые на месте, тщательно пересчитаны. Среди них: команда космического корабля «Рамирес», Группа Первого Контакта и Объединенные Страны Ассоциаций Грязи, также известные как ООН. Группа последних была доставлена с планеты Терра нешуточной командой Великих Золотистых, обслуживающих процесс. Все они немедленно были награждены медалями за доблесть. (Пауза.) Похоже на то, что большинство так называемых «людей» переживают нечто похожее на то, что у нас называют стрессом или сильным беспокойством. Без сомнения, это может объясняться только лишь неожиданностью, которой стало для них участие в подобном событии. Заглядывая вперед, можно с уверенностью сказать, что мы с вами увидим все ужимки и прыжки из арсенала этих существ, чья биохимия основывается на углеродно-кислородных

структурах, к которым подобным образом организованные существа обычно прибегают, лишь только оказываются в ситуации, когда вопрос идет об их жизни или прекращении нормального функционирования. Давайте же теперь побеседуем с адвокатом терранцев, также известным под именем Великий Сочинитель, Семи-Лордом Тшог Брентом.

ЭКРАН ДЕЛИТСЯ НА ДВЕ ЧАСТИ, В ОДНОЙ ЕГО ПОЛОВИНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ДВУНОГИЙ ДИНОЗАВР. ОН ВЫГЛЯДИТ ОЧЕНЬ ОЗАБОЧЕННЫМ. ЕГО НОСОВОЙ РОГ УКРАШЕН ЗЕРКАЛЬНЫМИ ПЛАСТИНАМИ И КОЕ-КАКИМИ УСТРОЙСТВАМИ, ОТНОСЯЩИМИСЯ К СИСТЕМАМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ. ГИБКИЕ ШЛАНГИ ТЯНУТСЯ ОТ ЭТИХ УСТРОЙСТВ К ЗУБЧАТОМУ СПИННОМУ ХРЕБТУ ЯЩЕРА. АДВОКАТ ОДЕТ В ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ — БОЕВЫЕ ШОРТЫ С ЯРКИМИ ЦВЕТАМИ.

ЛД-59 (с другой половины экрана). Я почти приветствую вас, Семи-Лорд.

БРЕНТ. Я едва принимаю ваши приветствия.

ЛД-59. Вы понимаете, что ваши клиенты почти не имеют никаких шансов на оправдательный приговор.

БРЕНТ. Я уверен, что после тщательного рассмотрения и анализа действия моих клиентов будут признаны крайне полезными для галактического сообщества и цивилизации. Они будут оправданы и приняты в Галактическую Лигу в качестве полноправных членов, или я откушу себе хвост!

ЛД-59. Отважные слова, сэр! Великодушно благодарю вас. Как я уже упоминал раньше, я предвижу немало жарких споров и неистовых дебатов в ближайшие несколько дней. А теперь мы восстанавливаем визуальный контакт с Орблак Сниив и Вок Ак-Аком, которые начнут свой комментарий к церемонии открытия.

* * *

СТЕНОГРАММА № 5

НА ЭКРАНЕ — ИЗОБРАЖЕНИЕ 3000-ГО. ОН СТОИТ НА САМОМ ВЕРХУ ВОЗВЫШЕНИЯ ДЛЯ ПРОКУРОРОВ, ЧУТЬ НИЖЕ НЕГО — АВАНТОР И ШЕСТНАДЦАТЫЙ. ВСЕ СТОЯТ

В ПОЛОЖЕНИИ «СМИРНО», И НИКТО НЕ ВЫГЛЯДИТ ДОВОЛЬНЫМ.

ОРБЛАК (голос за кадром). Перед нами — Трехтысячный, руководитель Великих Золотистых. Он официально огласит список обвинений, выдвинутых против терранцев. Ходят слухи, что в силу большого количества необычных обстоятельств этого дела, Трехтысячный будет просить суд о снисхождении в случае, если терранцы будут приговорены.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА КРУПНЫЙ ПЛАН ТРЕХТЫСЯЧНОГО.

3000-й. Обвинения, выдвинутые против терранцев, таковы: пользование космическим кораблем без санкции, незаконное использование золотого цвета, укрывание известного преступника, два случая прорыва установленной блокады, посадка на запретной территории, пиратство, кража собственности джианцев, два похищения, порча имущества джианцев, превышение скорости, сброс мусора в неположенном месте, сопротивление при аресте. (Пауза.) Большинство из этих преступлений карается смертью. Принимая во внимание совокупный итог, я требую, чтобы все население планеты Терра было приговорено к заключению на планете Галоптикон-7. (Пауза.) Признавая жестокость этого наказания, я не возражаю, если жители планеты предпочтут гибель в результате бомбардировки Терры планетарными бомбами.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ С ЛИЦА ТРЕХТЫСЯЧНОГО НА СТУДИЮ. ОРБЛАК И ВОК СИДЯТ В КРЕСЛАХ СПИНОЙ К ЗРИТЕЛЯМ, ГЛЯДЯ НА ЭКРАН. КОГДА ДЖИАНЕЦ ЗАКАНЧИВАЕТ СВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ, ОБА ПОВОРАЧИВАЮТСЯ ЛИЦОМ К КАМЕРЕ.

ОРБЛАК. Итак, слухи о том, что Трехтысячный станет просить суд о снисхождении, подтвердились.

* * *

СТЕНОГРАММА № 20

НА ЭКРАНЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ МОГАЧЕФ. ОНА СТОИТ ПЕРЕД ДИАГРАММОЙ АМФИТЕАТРА. НЕБОЛЬШОЙ КРУЖОК В ЛЕВОМ НИЖНЕМ УГЛУ МЕРЦАЕТ СЛАЩАВЫМ ЗЕЛЕНЫМ ЦВЕТОМ.

МОГАЧЕФ. Сегодня в качестве свидетелей в суде выступят рпорРиане. Они были доставлены со своей родной планеты РпорРа. Любопытно, как Великие Золотистые решились на такой шаг? Но для терранцев это, безусловно, плохие новости. Обратимся к ЛД-59...

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА ЛД-59. ИЗ ЕГО НИЖНЕЙ ПОЛУСФЕРЫ ТОРЧИТ МИКРОФОН. ЛД-59 ПЛАВАЕТ В ВОЗДУХЕ В НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ БЛИЗОСТИ ОТ ЛИЦА ОФИЦЕРА-ДЖИАНЦА.

ЛД-59. Вы — Четырестадвенадцатый, лицо, ответственное за рпорРианцев. Почему суд счел необходимым вызвать представителей этой расы? Это повышает риск того, что они сумеют улизнуть и начать плодиться.

412-й. Мы хотим воспользоваться показаниями рпорРианцев в качестве очевидцев, чтобы уточнить количество преступлений, совершенных терранцами на их планете. Что касается их намерений «улизнуть», то мы полностью в курсе событий. Когда мы спросили у Королевы-Матери РпорРа, каков должен быть состав делегации, она любезно предложила нам взвод бойцов-коммандос и десяток оплодотворенных принцесс. Если им удастся освободиться и проникнуть в многочисленные подземные коммуникации Большой, то мы, разумеется, никогда не сможем отыскать их всех. Однако мы уверены, что предприняли все необходимые меры предосторожности и даже сверх того, чтобы предотвратить возможную трагедию.

ОДНОВРЕМЕННОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО ИНТЕРЬЕРА МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЫ КВАДРАТНОЙ ФОРМЫ. В КАМЕРЕ, ПОМЕЩЕННЫЕ ВОВНУТРЬ ЦИЛИНДРИЧЕСКОГО СИЛОВОГО ПОЛЯ, НАХОДЯТСЯ ШЕСТЕРО РПОРРИАНЦЕВ В СМИРИТЕЛЬНЫХ РУБАШКАХ. ОНИ ПОДВЕШЕНЫ К ПОТОЛКУ НА ЦЕПЯХ. ПРЯМО ПОД НИМИ УСТАНОВЛЕН СТАЛЬНОЙ ЧАН, В КОТОРОМ КИПИТ ГАЗ ОМЕГА. ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУБИЧЕСКОГО ПОМЕЩЕНИЯ ЗАНЯТО ПРУЖИННЫМИ МЕДВЕЖЬИМИ КАПКАНАМИ, НАТЯНУТЫМИ НАД ПОЛОМ ТРОСАМИ И АТОМНЫМИ БОМБАМИ, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ ВЗОРВАТЬСЯ В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ К НИМ КТО-НИБУДЬ ПРИБЛИЗИТСЯ.

412-й. Как ни удивительно это звучит, но рпорРианцы все еще строят планы, надеясь освободиться. Однако насекомым

пришлось внести в свои расчеты кое-какие поправки. (Джианец достает из кармана коммуникатор рпорРианского образца и подносит его к микрофону ЛД-59-го. Слышны тихие голоса.)

РПОРРИАНЕЦ. Если... если бы все джианцы могли упасть мертвыми, а все их машины — взорваться, а мы чудесным образом обрели бы сверхмогущество, тогда, может быть, мы смогли бы...

ЛД-59. Да... Теперь становится понятным, почему потребовались такие строгие меры безопасности. Когда же мы сможем выслушать их свидетельские показания?

412-й. Видите ли, это оказалось не так просто. РпорРианцы требуют, чтобы за дачу свидетельских показаний им было уплачено. Несмотря на то отвращение, которое мы питаем к подобной постановке вопроса, мы все же ведем с ними переговоры. Однако к настоящему моменту все наши четыре предложения были ими отвергнуты.

ЛД-59. Напомню нашим зрителям, что рпорРианцы известны своим умением торговаться и набивать цену, иными словами — грабить вас вслепую. Скажите, Четырестадвенадцатый, как вам кажется, сколько времени это будет продолжаться и выйдет ли из этого какой-нибудь толк?

412-й. Я уверен, что в скором времени мы решим эту проблему.

СНОВА ВКЛЮЧАЕТСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕ КУБИЧЕСКОЙ КАМЕРЫ. ЦИЛИНДРИЧЕСКОЕ СИЛОВОЕ ПОЛЕ НАЧИНАЕТ ГАСНУТЬ, А ПУРПУРНЫЕ ИСПАРЕНИЯ ГАЗА ОМЕГА ПОДНИМАЮТСЯ ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ. ИЗ КОММУНИКАТОРА СЛЫШНЫ ВОПЛИ УЖАСА.

412-й. Нам необходимо решать вопросы как можно скорее.

* * *

СТЕНОГРАММА № 25

НА ЭКРАНЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕ СТУДИИ. В СТУДИИ ОРБЛАК СНИИВ И ВОК АК-АК. НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ — КОКТЕЙЛЬ-МАШИНА «МИСТЕР ЗИШ». ОРБЛАК УВЕЛИЧИЛА СКОРОСТЬ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ СИНИХ ПЯТЕН ПО СВОЕМУ ПЛАТЬЮ, А ТЕЛО ВОК АК-АКА ПОКРЫТО

ПЕРВЫМИ ЛИНИЯМИ ИСКУСНО РАЗРАБОТАННОГО УЗОРА. ОБА ПЬЮТ ИЗ ЧАШЕК ГОРЯЧУЮ, МОЛОЧНОГО ЦВЕТА ЖИДКОСТЬ.

ОРБЛАК. Мы только что видели с вами любопытный финал допроса рпорРианцев. Видимо, обвинения, связанные с прилетом терранцев на этот мусорный контейнер всех миров, будут исключены из протокола.

ВОК. (делая глоток из чашки) Для меня это имеет смысл. Если бы суд продолжал настаивать на том, чтобы эти незначительные преступления были доказаны или отвергнуты, это привело бы к продолжению контактов с РпорРом. (Свободным плавником Вок накладывает грязно-зеленую пасту на заднюю поверхность шеи.) По всей вероятности, Великие Золотистые пришли к заключению, что доказательства этих преступлений не заслуживают того, чтобы из-за них рисковать, давая возможность рпорРианцам вырваться на свободу.

ОРБЛАК. Не могу не согласиться с этим утверждением. Фактически рпорРианцы уже вернулись в свой родной мир. (Пауза. Орблак улыбается.) А теперь у нас есть для наших зрителей небольшой сюрприз. Многие ученые были крайне разочарованы тем, что рпорРианцы вообще согласились подвергнуться допросу. Поэтому наши друзья из Отдела Спецэффектов разработали компьютерную версию того, что могло бы случиться, если бы рпорРианцы отказались. Давайте посмотрим...

НАЕЗД КАМЕРЫ НА УКРЕПЛЕННЫЙ НА СТЕНЕ ЭКРАН. НА ЭКРАНЕ — ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО КУБИЧЕСКОЙ КОМНАТЫ. ЦИЛИНДРИЧЕСКОЕ СИЛОВОЕ ПОЛЕ ВЫКЛЮЧАЕТСЯ. ВОПЯЩИЕ РПОРРИАНЦЫ ОДИН ЗА ОДНИМ ПАДАЮТ В КИПЯЩИЙ ГАЗ. ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ: «СЮЖЕТ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В БИБЛИОТЕКАХ. ВКЛЮЧАТЬ ДОРОЖКУ С ЗАПИСЬЮ СМЕХА».

* * *

СТЕНОГРАММА № 37

ТЕМНОТА НА ЭКРАНЕ СМЕНЯЕТСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕМ МОГАЧЕФ. ИЗ ВСЕХ ОТВЕРСТИЙ ЕЕ ТЕЛА ПОДНИМАЕТСЯ ПАР.

ТЕХНИЧЕСКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ: «ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ВЫДЕРЖАТЬ ПЕРЕДАЧУ В ХОРОШЕМ ВКУСЕ, ПРОСЬБА ОТВЕРНУТЬ КАМЕРУ ОТ ДВУХ НИЖНИХ ОТВЕРСТИЙ, ПОКА НАПОР ПАРА НЕ ОСЛАБНЕТ. ЗАТЕМ НАЕЗД КАМЕРЫ ДЛЯ КРУПНОГО ПЛАНА».

МОГАЧЕФ. Семи-Лорд Брент только что подал подлинно прочувствованное прошение за своих клиентов. В нем он утверждает, что джианская блокада вокруг Терры не была полностью установлена и что Объединенные Страны Грязи не получали официального уведомления о том, что линию блокады пересекать запрещается. То, что они применили насилие, вламываясь на борт патрульного сверхдредноута Золотистых, может быть истолковано как жест отчаяния. Кроме того, терранцами было оставлено достаточное количество тулия, чтобы купить упомянутое космическое судно целиком. Авантор и Шестнадцатый к тому же были вовсе не похищены, а взяты на борт корабля землян «Рамирес» для оказания им срочной медицинской помощи. Именно асоциальные поступки этих двоих заставили землян снова и снова сажать Золотистых под замок. (Пауза.) На протяжении всего судебного заседания снова и снова затрагивался вопрос о некомпетентности Великих Золотистых. Это касается как того, что они допустили посадку корабля Айдоу на планету Терра, так и случайного посещения терранцами наводненного преступными элементами секретного оружейного склада в звездной системе № 553646. Неформальный опрос общественного мнения, который был проведен у временно приостановленного терминала Зишмашины, показывает, что джианцы дегенерировали, выродились в массу неумелых, бестолковых и некомпетентных существ. Нет нужды подчеркивать, что это опасный симптом.

НА ЭКРАНЕ — ВИД АМФИТЕАТРА ИЗНУТРИ. НАЕЗД КАМЕРЫ НА ПЬЯНОГО ХОРОНЦА, КОТОРЫЙ БЕШЕНО ПАЛИТ ИЗ ПЛАЗМЕННОГО ПИСТОЛЕТА В ВОЗДУХ. ПОЯВЛЯЕТСЯ АВАНТОР И ПСИОНИЧЕСКИМ УДАРОМ ВЫБИВАЕТ ОРУЖИЕ ИЗ РУКИ ХОРОНЦА. ОТРЯД БОЕРОБОТОВ ТЕЛЕПОРТИРУЕТСЯ К НАРУШИТЕЛЮ, СБИВАЕТ ЕГО НА ЗЕМЛЮ И ТАЩИТ К ОЖИДАЮЩЕМУ ДЕСЯТИГРАННОМУ ТЮРЕМНОМУ КАТЕРУ.

МОГАЧЕФ (голос за кадром). Как вы сами можете убедиться, если джианцы и являются расой, утратившей свои прежние качества, то они все еще обладают грозным оружием и широкими

возможностями. Может быть, все-таки стоит предусмотреть эти выводы Семи-Лорда Брента?

СНОВА НА ЭКРАНЕ КРУПНЫЙ ПЛАН: ЛИЦО СЕМИ-ЛОРДА БРЕНТА. ЕГО НОСОВОЙ РОГ ОСЛЕПИТЕЛЬНО СВЕРКАЕТ ПОД ЛУЧАМИ СТОЯЩЕГО В ЗЕНИТЕ СОЛНЦА.

БРЕНТ. Основное возражение джианцев против того, чтобы мои клиенты получили право стать членами Галактической Лиги, сводится к тому, что человечеству не удалось — цитирую — «заработать это право» — конец цитаты, заработать общепринятым способом, разработав свой собственный аппарат для движения в космическом пространстве на дальние расстояния. Такая точка зрения означает, что они просто закрывают глаза на смягчающие обстоятельства, которые стоят за этими поступками. Населению Терры сначала стало известно о существовании галактического сообщества цивилизаций, потом ему закрыли доступ к этой цивилизации — ведь джианская блокада была предназначена именно для этой цели — и это неминуемо привело бы к гибели этой молодой культуры, с той же степенью вероятности, с какой она неминуемо пострадала бы, сумей командир Айдоу осуществить свои планы. Что должны были сделать терранцы, чтобы заработать похвалу Великих Золотистых? Оживить мертвого? Я снова готов повторить, что Галактическая Лига просто обязана даровать моим клиентам немедленное разрешение на членство в ней и освободить их от всех обвинений!

ЗРИТЕЛИ В АМФИТЕАТРЕ РАЗРАЖАЮТСЯ ПРИВЕТСТВЕННЫМИ КРИКАМИ, ВОЕМ И ПИСКОМ. ПОСЛЕ ТОГО КАК ТРЕБОВАНИЯ О СОБЛЮДЕНИИ ПОРЯДКА, ПЕРЕДАННЫЕ ЧЕРЕЗ ГРОМКОГОВОРИТЕЛИ, НЕ ВОЗЫМЕЛИ СВОЕГО ДЕЙСТВИЯ, С НЕБА СПУСКАЮТСЯ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ДЖИАНСКИХ СВЕРХДРЕДНОУТОВ, КОТОРЫЕ ОКАТЫВАЮТ СОБРАНИЕ ЗАЛПАМИ ПУШЕК «НУ-КА, СТОП!».

* * *

СТЕНОГРАММА № 150

ВКЛЮЧЕНИЕ СТУДИИ. ОРБЛАК В СОЛНЕЧНЫХ ОЧКАХ. ВОК АК-АК ОСЛЕПИТЕЛЬНО СИЯЕТ, ОТЧЕГО В КАМЕРЕ ПРОИСХОДИТ РАЗЛОЖЕНИЕ ЦВЕТА ПО ГОРИЗОНТАЛИ.

ВОК. Великие Золотистые приняли поразительное решение, а, Орблак?

ОРБЛАК. Вок совершенно прав. Это — важная улика Великих Золотистых, и теперь стало возможным проследить все значительные достижение терранцев, такие как победа над командиром Айдоу, разрушение негодяя-робота Сильверсайда, умелый торг с Королевой-Матерью РпорРа — факты, на которые Великим Золотистым не удастся больше закрывать глаза в свете общественной волны одобрения, которую удалось вызвать Семи-Лорду Бренту. Давайте еще раз посмотрим, как было принято это решение.

КРУПНЫЙ ПЛАН: ЛИЦО 3000-ГО. У НЕГО ТАКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ, СЛОВНО ОН С РАДОСТЬЮ ЗАНЯЛСЯ БЫ ЧЕМ-НИБУДЬ ДРУГИМ.

3000-й. С большой неохотой мы вынуждены признать, что из-за некоторых ошибок, допущенных с нашей стороны, командиру Айдоу удалось совершить посадку на планету и вступить в контакт с человеческой расой. Вдыхание через отверстия на носу запаха галактической цивилизации, ее реальности, могло бы погубить более слабые существа. И все же перед лицом неминуемой гибели Терра сумела полностью перестроить свое правление, перейдя от противостоящих друг другу национальных государств к объединенному централизованному управлению, причем почти мгновенно, то есть за очень короткий срок. Это производит крайне благоприятное впечатление. Последующие действия этой молодой культуры также заслуживают лицеприятной оценки и могли бы стать примером для подражания любой молодой, ориентированной вовне расе разумных существ, не страдающей психическими заболеваниями.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЖИАНЦА ЗАМИРАЕТ НА ЭКРАНЕ.

ВОК (голос за кадром). Мне бы говорить, что «люди» настаивали на том, чтобы этот абзац был передан другими словами, но Семи-Лорд Брент велел им не обращать на это внимания, раз у них до сих пор имеется два отверстия на обонятельном органе.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЖИАНЦА СНОВА ОЖИВАЕТ.

3000-й. В настоящий момент мы готовы пойти на то, чтобы снять большинство обвинений с терранцев.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА БЕСНУЮЩУЮСЯ ТОЛПУ. ВНЕЗАПНО ВСЕ ЗАМИРАЮТ, ТАК КАК ГОЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗО-

БРАЖЕНИЕ 3000-ГО НЕОЖИДАННО ВОЗНИКАЕТ В ВОЗДУХЕ И НАЧИНАЕТ УВЕЛИЧИВАТЬСЯ, ПОКА НЕ ЗАПОЛНЯЕТ ВЕСЬ АМФИТЕАТР.

3000-й (голос его гулким эхом раздается в чаще стадиона). Обвинения, которые мы не снимаем, связаны с намеренной и тщательно спланированной атакой на сверхдредноут авантора М-21-3. Этот пиратский акт мы не можем простить никому. Все человечество мы обвиняем в пособничестве и соучастии в этом разбойном нападении. За это, и только за это преступление мы требуем высшей меры наказания!

СНОВА ВКЛЮЧЕНИЕ СТУДИИ.

ОРБЛАК. Ну что ж, я думаю, что это последнее обвинение ставит крест на всех надеждах терранцев.

ВОК. Воистину так. (Бросает взгляд на свое разрисованное тело. Рисунок почти закончен.) Жаль, как новая раса они привнесли бы в нашу жизнь немало новых красок. (С печальным лицом размешивает в большой жестянке крем и щедрыми мазками накладывает его на свое тело.)

* * *

СТЕНОГРАММА № 151

ЗАМЕЧАНИЕ: ЛЮБОЕ ВНЕСЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ И ПОДДЕЛКА НИЖЕСЛЕДУЮЩЕГО ТЕКСТА ЗАПРЕЩЕНЫ ПОД СТРАХОМ СУДЕБНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.

СРОЧНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ СТУДИИ. НА ЭКРАНЕ — ОРБЛАК С ВЫПУЧЕННЫМИ ГЛАЗАМИ И ГРЯЗНЫЙ ВОК АК-АК. ОБА С ТРУДОМ СОХРАНЯЮТ САМООБЛАДАНИЕ.

ОРБЛАК. Дорогие зрители! Только что мы получили известие о чрезвычайно важном событии, которое произошло в лагере терранцев. Мы немедленно связываемся с нашим обозревателем...

ВОК. Да! Давай, включай скорее!

НАЕЗД КАМЕРЫ НА ЭКРАН, УКРЕПЛЕННЫЙ НА ЗАДНЕЙ СТЕНЕ СТУДИИ. НА ЭКРАНЕ — РАСТРЕПАННАЯ МОГА- ЧЕФ. ЕЕ ПЛАТЬЕ ПО ВСЕМ ПРИЗНАКАМ БЫЛО НАДЕТО В ВЕЛИЧАЙШЕЙ СПЕШКЕ, ТАК КАК ВСЕ ШВЫ ТОРЧАТ НАРУЖУ. ЗА ЕЕ СПИНОЙ ВИДНА ЧАСТЬ ТЕРРИТОРИИ ЛАГЕРЯ ТЕРРАНЦЕВ, А ТАКЖЕ ИХ КОРАБЛЬ «РА-

МИРЕС». ПОВСЮДУ СУЕТЯТСЯ, БЕГАЮТ ИЛИ ЛЕТАЮТ РОБОТЫ И ЛЮДИ.

МОГАЧЕФ. Разумные существа! На борту терранского космического корабля было сделано величайшее научное открытие. Напомню, что на протяжении всего судебного заседания терранцы жили в своем корабле, который носит гордое имя «Рамирес». Сейчас я разговариваю с главным виновником торжества, медицинским техником терранцев Паулем Ван Лууном. Расскажите, доктор, что вам удалось сделать?

ВАН ЛУУН. Я до сих пор не могу понять, почему поднялся такой шум. Джианцы осматривали нашу гидропонную оранжерею и вдруг словно обалдели... гм-м... сошли с ума. Это был просто эксперимент. Я хотел посмотреть, удастся ли мне прорастить несколько инопланетных семян, которые я нашел на корабле Великих Золотистых. И мне это удалось...

КАМЕРА ДВИЖЕТСЯ В ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ СОБЕСЕДНИКАМИ. КРУПНЫМ ПЛАНОМ — ЛЮК «РАМИРЕСА». В ЛЮКЕ ПОЯВЛЯЕТСЯ ДЖИАНЕЦ, И АМФИТЕАТР ЗАМИРАЕТ. КАМЕРА НАЕЗЖАЕТ ЕЩЕ БЛИЖЕ, И ВСЕ ВИДЯТ, КАК ДЖИАНЕЦ БЕРЕЖНО ВЫВОДИТ ИЗ ЛЮКА НЕБОЛЬШОЙ ХОДЯЧИЙ КУСТ СО МНОЖЕСТВОМ ВЕТВИСТЫХ КОНЕЧНОСТЕЙ, НЕБОЛЬШИМ, СМОРЩЕННЫМ СЛОВНО ДРЕВЕСНАЯ КОРА, ЛИЦОМ И ЯРКО ВЫРАЖЕННЫМИ КОРНЯМИ-НОГАМИ, НА КОТОРЫХ СУЩЕСТВО ПЕРЕДВИГАЕТСЯ. ТИШИНУ ВНЕЗАПНО НАРУШАЕТ ОТДАЛЕННЫЙ МЯГКИЙ ГРОХОТ — ЭТО ПАДАЮТ В ОБМОРОК ТЫСЯЧИ ЗРИТЕЛЕЙ.

МОГАЧЕФ (шепотом). Клянусь сердцем и кровью Первого Строителя — это кулгуланец!!!

ВАН ЛУУН (голос за кадром). Ничто не помогало, пока мне в голову не пришла гениальная идея: я отжал листья растений и замочил семена в соке. Если сок листьев настолько целебен, то почему бы ему не потрудиться над семенами своей собственной расы?

ВНЕ ПОЛЯ ЗРЕНИЯ КАМЕРЫ РАЗДАЕТСЯ ГРОМКИЙ ВОПЛЬ. ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА СТУДИЮ. ИЗ-ЗА КОНСОЛИ ТОРЧАТ ВВЕРХ ТОЛЬКО НОГИ ОРБЛАК СНИИВ, ОБУТЫЕ В САНДАЛИИ. ОЧУМЕВШИЙ ВОК АК-АК ПЫТАЕТСЯ РАСКРАШИВАТЬ СЕБЯ ЧЕТЫРЬМЯ ПЛАВНИКАМИ ОДНОВРЕМЕННО.

* * *

СТЕНОГРАММА № 250

НА ЭКРАНЕ ВОЗНИКАЕТ ИЗОБРАЖЕНИЕ ГАЛАКТИЧЕСКОЙ ЛИГИ, КОТОРАЯ СТОИТ НА МАЛЕНЬКОМ ОСТРОВКЕ СВЕТА, ОКРУЖЕННАЯ ОКЕАНОМ ТЕМНОТЫ.

ЛИГА: Разумные существа, друзья! Наше решение по этому вопросу не может не принимать во внимание величайшее открытие, которое сделали терранцы ко всеобщему благу. Желания некоторых отдельных личностей, будь это желания даже отдельных миров, были взвешены, тщательно проанализированы, оценены и в конце концов оставлены без внимания. (Пауза.) Наше решение поэтому таково: обитатели планетной системы Солнца, живущие на планете под названием Терра, освобождаются от всякой ответственности по предъявленным им обвинениям и получают, таким образом, право стать членами Галактической Лиги. (Пауза.) Однако команда космического корабля «Гектор Рамирес» признана виновной в преступлениях, в которых ее обвиняли, и приговаривается к пожизненному заключению на Галоптиконе-7. (Пауза.) Тем не менее, приняв во внимание все смягчающие вину обстоятельства и действия терранцев в сложнейших ситуациях, каковые прямо или косвенно, но были направлены на благо галактического сообщества, — в том числе и действия доктора Ван Лууна, которые изменили ход истории, властью, данной нам Галактикой, повелеваем: срок заключения терранцам сократить до пяти стандартных лет, по прошествии которых все оставшиеся в живых будут выпущены на свободу. Таково решение Галактической Лиги. В заседании объявляется перерыв.

ГОЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ТУСКНЕЕТ И ТАЕТ. КАМЕРА СТРЕМИТЕЛЬНО ОПУСКАЕТСЯ И ПОКАЗЫВАЕТ ЗРИТЕЛЯМ УЛЫБАЮЩИХСЯ ТЕХНИКОВ, КОТОРЫЕ ДЕМОНТИРУЮТ ГОЛОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОРУДОВАНИЕ.

ПАНОРАМА ТОЛПЫ, КОТОРАЯ ПРИХОДИТ В НЕИСТОВСТВО, ФОНОГРАММА ПРИВЕТСТВЕННЫХ И РАДОСТНЫХ КРИКОВ ЗВУЧИТ ДО КОНЦА ПЛЕНКИ.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА КРУПНЫЙ ПЛАН 3000-ГО. ОН КИВАЕТ И ОТВОРАЧИВАЕТСЯ.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА ПРОФЕССОРА РАДЖАВУРА И КАПИТАНА КЕЛЛЕРА. ТЕРРАНЦЫ ПОЖИМАЮТ ДРУГ ДРУГУ

РУКИ И В ВОСТОРГЕ ХЛОПАЮТ ПО СПИНЕ СЕМИ-ЛОРДА БРЕНТА.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА ВИД ИЗДАЛЕКА. ТЫСЯЧИ ДЖИАНСКИХ СОЛДАТ ПРИБЛИЖАЮТСЯ К ЛАГЕРЮ ТЕРРАНЦЕВ.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА ШИРОКООХВАТНУЮ ПАНОРАМУ. ТЕРРАНЦЫ ОКРУЖЕНЫ ЗОЛОТИСТЫМИ, НАРУЧНИКАМИ ИХ ПРИКОВЫВАЮТ ДРУГ К ДРУГУ. ПОХОЖЕ, ЧТО НЕКОТОРЫЕ ИЗ ПЛЕННИКОВ ПЛАЧУТ, ОДНАКО НА ЛИЦАХ БОЛЬШИНСТВА ПОБЕДНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ И ГОРДОСТЬ.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА СТУДИЮ, ГДЕ ВОК АК-АК ОПРЫСКИВАЕТ СЕБЯ ПРОЗРАЧНЫМ ПЛАСТИКОМ. ОРБЛАК И МОГАЧЕФ ПЬЮТ ЗАЗДРАВНУЮ ИЗ ВАЗЫ ДЛЯ ЦВЕТОВ. ЛД-59 ВЕСЕЛО ПОДПРЫГИВАЕТ В ВОЗДУХЕ, В КАЖДОЙ ИЗ ЕГО РУК ЗАЖАТО ПО БЛОКУ БАТАРЕЙ ПИТАНИЯ.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА ЗОЛОТИСТЫЙ МНОГОГРАННИК, ПРИЗЕМЛЯЮЩИЙСЯ В ЛАГЕРЕ ТЕРРАНЦЕВ. ЭТО — ТЮРЕМНЫЙ КОРАБЛЬ.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА ПРОТЕСТУЮЩУЮ ТОЛПУ ОСТАЮЩИХСЯ ТЕРРАНЦЕВ. СОЛДАТЫ ОТТАЛКИВАЮТ ИХ.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА КОЛОННУ СКОВАННЫХ ТЕРРАНЦЕВ, КОТОРЫЕ ПОДНИМАЮТСЯ НА БОРТ ТЮРЕМНОГО ТРАНСПОРТА. ФОКУС КАМЕРЫ НА НЕСКОЛЬКО СЕКУНД ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ НА КАЖДОМ ЛИЦЕ, ПЕРЕД ТЕМ КАК ТЕРРАНЦЫ ИСЧЕЗАЮТ В ЛЮКЕ. ОДНОВРЕМЕННО НА НИЖНЕЙ ЧАСТИ ЭКРАНА ПОЯВЛЯЮТСЯ ИХ ИМЕНА: ВАН ЛУУН, ДЖОНС, БАКЛИ, СОУКАП, ХЕМЛИХ, ЛИЛЛИОКАЛАНИ, ХАСАН, ТРЕЛЛ, САКАЭДА, ЛИБЕРМАН, ФЮРСТЕНБЕРГ, РАДЖАВУР, КОРТНИ, БРОНСОН, МАЛАВАДИ, ВУ, НИКОЛАЕВ, БУР...

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА СТАРТ ТЮРЕМНОГО ТРАНСПОРТА. КАМЕРА СЛЕДИТ ЗА НИМ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ НЕ ДОСТИГАЕТ КОСМОСА И НЕ ПЕРЕСКАКИВАЕТ В ГИПЕРПРОСТРАНСТВО. КАМЕРА ПОКАЗЫВАЕТ ОПУСТЕВШЕЕ НЕБО В ТЕЧЕНИЕ 30 СЕКУНД.

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ НА ТОЛПУ РЕПОРТЕРОВ И ДЕЛЕГАЦИЮ БОЛЬШОЙ, КОТОРАЯ НАПРАВЛЯЕТСЯ, ЧТОБЫ ПРИВЕТСТВОВАТЬ И ПОЗДРАВИТЬ ОБЪЕДИНЕННЫЕ СТРАНЫ ГРЯЗИ. КАМЕРА ПОСТЕПЕННО ОТЪЕЗЖАЕТ, УМЕНЬШАЯ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПО МЕРЕ ТОГО, КАК ОБЕ ГРУППЫ СМЕШИВАЮТСЯ МЕЖДУ СОБОЙ. ЗАТЕМ НА ЭКРАНЕ СНО-

ВА ВНЕШНИЙ ВИД АМФИТЕАТРА. НА ЕГО ФОНЕ ИДУТ ТИТРЫ. ЭКРАН ТЕМНЕЕТ. ЗАТИХАЮТ ПРИВЕТСТВЕННЫЕ КРИКИ.

Конец стенограммы.

27

Разумеется, все, что увидели на своих экранах граждане галактики, все было чистой воды подделкой. Настоящий суд над человечеством состоялся в личных апартаментах Галактической Лиги и продолжался ровно пять минут.

* * *

Захваченный мощными силовыми буксирными лучами джианских звездолетов, «Рамирес» был бесцеремонно заброшен через гиперкосмос прямо на Большую, где его посадили на военном космодроме. Все окружающее пространство контролировалось тысячами бдительных сверхдредноутов, так что даже мысль о побеге представлялась невероятной. Земляне, впрочем, и не помышляли о бегстве. С самого начала они только и стремились к тому, чтобы повстречаться с Галактической Лигой.

Под пристальным вниманием боероботов и патрульных катеров экипаж высадился и последовал к телепортационному комплексу под конвоем до зубов вооруженных, мрачных и настроенных решительно Впередсмотрящей и Шестнадцатого. В ослепительных вспышках оборудования комплекса семьдесят девять землян и три чужака исчезли, исчезли, чтобы появиться во внутреннем пространстве великолепного зала из полированного камня, отделанного изогнутыми золотыми арками. Землян, однако, встревожило то обстоятельство, что в зале не было никаких окон и всего одна мерцающая дверь, расположенная в дальней стене на расстоянии двадцати метров от их группы.

— Вот гребаная красотища! — искренне восхитился Бур.

Вся комната показалась ему прекраснее, чем парадная прихожая отеля «Шератон» на Тридцать четвертой Стрит. Опершись

на трость, юноша дал отдых своей раненой ноге. Он высокомерно не обращал внимания на угрозу, которую таила в себе далекая дверь — только вход, и не видно выхода, — полностью и окончательно уверовав в способность космической морской пехоты ООН вытащить его из любой передряги. Эти парни могли надрать задницу кому угодно.

— О'кей. А что дальше? — спросил капитан Келлер, держась от джианцев на почтительном расстоянии.

Авантор немедленно оскалилась, наводя на капитана ствол своего нейтронного разрушителя. Страшное оружие было отрегулировано на самый мощный уровень болезненных ощущений: похмелье после четырехдневного запоя.

— Никаких разговоров среди пленников! — строгим голосом приказала Авантор.

Капитан пожал плечами, Раджавур хмыкнул, а сержант Либерман тихо спросила что-то у лейтенанта Сакаэда. Выражение его лица стало таково, что Таня поняла: ждать. Кашлянув и шевельнув пальцем, сержант передала приказ лейтенанта войскам.

Несмотря на то что гладкий голубой пол у них под ногами казался сделанным из твердого камня, вся группа внезапно начала двигаться вместе с ним. Без всяких препятствий они пересекли зал и, преодолев постоянно действующий энергетический занавес, оказались в каком-то слабо освещенном пространстве. Лишь только за землянами захлопнулась переборка безопасности, огни стали ярче, и земляне обнаружили, что они все находятся в небольшой квадратной комнате.

Простые, ничем и никак не украшенные стены помещения и пол были сделаны из какого-то неизвестного материала, состав которого невозможно было определить на глаз. В середине комнаты, однако, словно для того, чтобы скрасить ее суровый, аскетический вид, был установлен мерцающий хрустальный пьедестал высотой примерно по пояс. На вершине его лежала зеленая шелковая подушка. На подушке гордо восседала жирная лягушка. Да-да, именно так — темно-вишневая и с шестью ногами, и тем не менее — вульгарная озерная лягушка.

— Отряд salientia, вид: rapa[1], — заметил кто-то из членов команды, но Трелл громко шикнул. Время для урока биологии в самом деле было выбрано не слишком удачно.

---

[1] Salientia *(лат.)* — бесхвостые амфибии; rapa *(лат.)* — лягушачьи.

— Галактическая Лига приветствует вас, — произнесла лягушка тонким голоском, едва не квакнув в конце.

Золотистые вложили оружие в кобуру и дружно поклонились, пока земляне быстро приходили в себя.

— Это вы — Лига? — спросил ошеломленный Хасан.

Прежде чем ответить, амфибия раздула щеки.

— Не совсем. Это тело — всего лишь органический кондуит, приспособление, с помощью которого Лига может общаться. Вот — Галактическая Лига.

Стены комнаты вокруг них растаяли, словно утренний туман, и земляне обнаружили, что стоят на небольшом участке пола, окруженном огромным сводчатым куполом. Повсюду под куполом видны были тела спящих существ, заключенные в заиндевевшие стеклянные сосуды. Хрустальные штыри — а может быть, это были лучи света — соединяли сосуд с другими сосудами, и все вместе они были подключены к совершенно непонятному и головокружительному сложному устройству. Это было настоящее чудо техники, построенное по всей видимости, с применением закона Кларка в соотношении технологии и волшебства.

— Мадре миа...

— Господи Иисусе...

— Майн Готт...

— Мать-прыгунья...

По всей видимости, лягушка наслаждалась их восторгом и удивлением. И хотя члены Галактической Лиги преимущественно были когда-то дипломатами или учеными, в каждом из них жила склонность к драматическим эффектам.

— Погодите, я поняла... — прошептала Лиллиокалани. — Здесь представлены все расы, какие только есть в космосе, по одному существу от каждой. Их процессы жизнедеятельности приостановлены, а разумы соединены в одно — в Галактическую Лигу.

Никто не возразил против блестящей догадки. Возразить было нечего.

Лягушка, казалось, была потрясена, хотя этого никто не мог утверждать наверняка. Никто и никогда не постигал так быстро главного принципа управления Лиги. Терранцы начинали подтверждать все то, что о них говорилось.

— В высшей степени замечательно, — заметил вежливый профессор Раджавур. Пятнадцать лет игры в покер помогли ему

сохранить на лице спокойное выражение. — И я, наверное, впервые в жизни слышу, чтобы имперское «мы» вместо «я» было настолько уместно.

Объединенный мозг сдавленно хихикнул над шуткой через посредство пурпурной лягушки.

Один только электронный клерк-робот в Зале Информации и Досье знал, что существо, в настоящее время исполняющее обязанности Лиги, было отдаленным потомком сверхпреступника Скви, стоящим гораздо выше на эволюционной ступени, но таким же безжалостным и злодейским. Как и многие другие до него, преступное существо, поставленное перед выбором: ссылка на Галоптикон-7 или исполнение обязанностей голоса Лиги, с радостью согласилось на последнее. После того как внутренние процессы существа были стабилизированы, а в мозг вживлено устройство связи с компьютером, оно начало свою вторую жизнь, долгую и полезную, заглаживая свои ужасные преступления верным служением сообществу миров.

— Эти люди в колбах — они там навсегда? — поинтересовался Ван Луун, желая знать, подразумевается ли тем самым, что представители миров несут свою службу вечно.

Самой лиге очень понравились слова, при помощи которых доктор выразил свою мысль. Не каждое разумное существо считало остальные расы «людьми», особенно это касалось лейтенанта Абигайль Элизабет Джонс.

Лягушка слегка откашлялась.

— Нет, избранные представители каждой расы служат Лиге на протяжении пятидесяти стандартных лет, после чего покидают Лигу. Необходимо добавить, что выглядят они при этом ничуть не старше, чем когда только попали в Лигу. Приостановление жизнедеятельности организма для этого и предназначено.

Пока земляне бурно обсуждали между собой поразительную информацию, в пьедестале открылось крошечное окошко и оттуда с жужжанием вылетела муха. Галактическая Лига на лету сбила муху своим языком и с хлопком закрыла пасть.

Профессор Раджавур набрал в грудь побольше воздуха и заговорил:

— Возвращаясь к нашим проблемам, хотелось бы узнать, когда состоится судебное заседание?

— Судебное заседание? — удивилась лягушка. — Ах, да. Оно уже закончено.

Капитан Келлер недоуменно поднял брови:

— Прошу прощения?..

Лягушке потребовалась целая секунда, чтобы понять, что замечание Келлера означает недоверие и недоумение, а вовсе не мольбу о снисхождении.

— Позвольте мне объяснить вам... — назидательно сказала лягушка. — Когда вы входили в комнату, телепатические устройства прочли информацию, заложенную в ваших мозгах, обработали и передали нам, — амфибия потерла бородавчатый лоб перепончатой лапой. — Должна признать, что такого нагромождения ошибочных представлений и заблуждений нам не приходилось видеть с тех пор, как было созвано собрание по наименованию Большой.

— И каково же было ваше решение? — спросил профессор Раджавур.

Лягушка расплылась в улыбке:

— Вам, должно быть, будет радостно узнать, что Терра была признана невиновной и будет немедленно принята в члены Лиги.

Волна облегчения, которую испытали земляне, заставила их расслабить напряженные мускулы и радостно улыбнуться. Трелл, не в силах выразить свое восхищение в словах, крепко обхватил себя всеми четырьмя руками. Авантор и Шестнадцатый со своими громоздкими нейтронными разрушителями в кобурах вдруг почувствовали себя совершенно в дурацком положении. Одна лягушачья улыбка — и враги превратились в союзников. Ну что ж, такова жизнь у них, на Большой.

Однако Галактическая Лига вовсе не забыла о двух джианских офицерах. Они будут наказаны чуть позже и весьма хитрым способом. Ох уж эта страсть к драматическим эффектам!

— Команда звездолета «Рамирес» также признана невиновной... — продолжала между тем лягушка, — если точнее, то виновной, но сопутствующие обстоятельства смягчили эту вину...

«Я слышу здесь „но“», — разом подумали Раджавур, Келлер, Сакаэда.

— Однако... — сказала лягушка. «Это почти то же самое».

— ...однако совершенно случайно во время вашего достойного всяческой похвалы рейда, ибо причиной его было стремление к звездам, вы выставили Великих Золотистых полными идиотами. Между нами говоря, это вовсе не так уж плохо, но

если об этом станет известно межзвездной общественности, то это может подорвать саму структуру и общественный строй галактического сообщества. Преступления галактического масштаба довольно трудно пресекать как таковые. Поэтому ради сохранения единства галактики мы должны провести публичное слушание дела, во время которого вы будете признаны виновными и приговорены.

— К Галоптикону-7? — спросил Шестнадцатый, который уже начал подозревать, чем все это закончится.

— Именно так и будет объявлено сообществу, — с поистине королевским достоинством и невозмутимостью произнесла лягушка. — Однако на самом деле место вашего заключения будет гораздо более приятным. И любопытным тоже.

— Что же это за место? — первым спросил профессор Раджавур, опередив капитана Келлера и всех остальных.

Галактическая Лига трижды моргнула:

— Планета Джии, разумеется. Какое же еще?

ЭПИЛОГ

За последующие несколько оборотов луны галактическое сообщество само урегулировало все проблемы, словно робот, который автоматически регулирует свой собственный источник питания.

Во-первых, была снята блокада вокруг Земли, а Греция реабилитировала себя блистательным дипломатическим ходом, предложив Галактической Лиге остров Крит в качестве места для посадки космических кораблей. Прекрасный климат острова, символическая цена и коленопреклоненные мольбы греков в немалой степени содействовали тому, что это решение было принято.

Корпорация Гендерсона стала межпланетной, мисс Боливар получила повышение, а Макдогерти — уволен, за излишнюю жестокость в обращении с персоналом, после чего софтбольная команда стала регулярно выигрывать внутренний чемпионат.

Алкоголик с расстроенной психикой, утверждавший, что он — Рамирес, был принят приверженцами культа Гектора в качестве инкарнации знаменитого героя и прожил долгую и счастливую жизнь в этой ипостаси, купаясь в вине, наслаждаясь вниманием множества женщин и исполняя роль главного действующего лица в праздниках воскресения, во время которых участники, собравшись в Центральном Парке, подбрасывали в воздух яйца.

Хосе де Сан Мартин, Генеральный Секретарь ООН, стал вдруг весьма занятым человеком, так как многие и многие планеты назначили за голову Айдоу, Скви, Бозтванка и Гастерфаза

щедрые награды и премии. Совершенно неожиданно для себя Земля вдруг оказалась буквально завалена наличными деньгами, а льготные кредиты так и сыпались на нее. Большая часть этих средств пошла на то, чтобы модернизировать планету в соответствии с галактическими стандартами, как то: покончить с уличной преступностью, очистить воздух и воду и соорудить на луне комфортабельный отель.

Довольно любопытно, что за голову Трелла никакой награды не полагалось, так как вплоть до суда о его существовании никто даже не подозревал. Самая большая награда полагалась за Бозтванка, и назначил ее его родной мир. Это стало еще одним подтверждением тому, что возмездие, как и милосердие, начинается дома.

Лейтенант Аманда Джексон из Сил Поддержания Порядка Нью-Йоркского Департамента Полиции и полковник НАТО Роберт Вайс поженились и открыли целую сеть школ рукопашного боя, специализирующихся на внезапных атаках и отвлекающих маневрах.

Агент Таурус, после того как он наконец выписался из госпиталя, решил оставить свою профессию и вышел в отставку, поселившись в пригородах Лондона как раз рядом с атомной электростанцией — просто на всякий случай.

Доминик Мастрамонико — представитель Италии в ООН, человек, который первым предложил продуманную концепцию Группы Первого Контакта — был избран официальным представителем Земли в Галактической Лиге. Пожилой джентльмен вовсе не возражал против того, чтобы прожить лишние полсотни лет, и с нетерпением ждал того времени, когда он станцует на могилах своих политических оппонентов, которые высмеивали его идеи.

Доктор Пауль Ван Луун (замаскированный) был назначен руководителем сверхсекретной оранжереи в Кулгулане, чтобы помочь выращивать рассаду кулгуланцев. Это была работа не из легких, но врач был доволен, так как знал, что в конце его ждет галактическая медаль «За Мудрость», так же как и должность главного хирурга в любом госпитале галактики, включая и Бостонскую больницу.

Когда известие о состоявшемся судебном заседании достигло наконец слуховых отверстий Бачалопа Синтфессела, вольного журналиста, он с отвращением покинул планетную систему, в

которую, как он полагал, должен прежде всего направиться звездолет терранцев. Малиново-красный рыбообразный, любитель соленой воды, глубоко вздохнул. Когда он пропустил сигнал, который был так важен, ему впору было менять профессию. Но на что еще годилась эта малиновая селедка, кроме как рыскать по всей галактике в поисках новостей?

Астероид Бакл был подвергнут тщательному спринцеванию почти в библейских масштабах, к тому же было тщательно проверено состояние его остальных секретных оружейных складов. Было обнаружено немало разнообразных и крайне любопытных вещей, но Лидер Сильверсайд, к счастью, оказался единственным в своем роде.

Пока морские пехотинцы сражались с роботом, Эйнда проникла в контору и обнаружила там смертельно раненного Шлямбура. Используя легко приспособляющуюся протошють своего собственного тела, она сумела остановить обильное кровотечение из ран и вынесла потерявшего сознание юношу с поля боя. Ей удалось пробраться на стоянку космических кораблей и бежать на одном из них, увозя с собой тело Шлямбура. Корабельные мед-роботы торопливо принялись исправлять причиненные человеческому существу повреждения. К счастью, раны Шлямбура оказались не слишком глубокими, так как лезвия многочисленных ножей, заткнутых во все карманы одежды, приняли на себя основную массу противопехотной шрапнели, выпущенной Сильверсайдом. Пробоины в плоти, органах и кровепроводящих артериях роботам удалось довольно быстро заделать, справились они и с опасным дефектом разума пациента, что поначалу бесконечно озадачило целителей-техников. Им даже показалось, что пациенту в силу каких-то причин позволило родиться с таким умственным отклонением Санитарное управление его родного мира. Теперь только Эйнда поняла, почему Шлямбур сделал ей предложение о замужестве, и приготовилась к худшему. Взяв себя в руки, она терпеливо ждала у его постели, когда он наконец очнется. Светлое воспоминание о выражении смущения на его лице, которое быстро превратилось в сияющую улыбку, лишь только Шлямбур увидел ее, часто согревало душу счастливой проститутки на протяжении всей их долгой совместной жизни.

Бежав на другой конец Галактики, новобрачные воспользовались двумя фунтами талия, который остался в неприкосновенности в кармане Шлямбура, чтобы купить себе небольшой

дворец и открыть на законных основаниях закусочную в самом бойком месте космопорта. Это был бар, который по настоянию Шлямбура был назван «Макдональдс», и потом ему пришлось объяснять всем и каждому, что у него на родине это слово означает «замечательное заведение, где можно с удовольствием провести время».

Гики устроили настоящую бескровную революцию и отстояли-таки свое право разассимилироваться, когда им захочется, хотя никто и никогда не мешал им это проделывать.

На планете Джии капитан Келлер и другие члены команды «Рамиреса» с огромным удовольствием обучали Великих Золотистых основам лавирования, элементарной тактике и тому, «как анализировать сражение». Золотистые воины хмурились, скрипели зубами и... скрипели перьями, делая заметки. Каждый вечер после занятий лейтенант Джонс запиралась в своем одноместном номере и подолгу стояла под душем, стараясь отмыться после тесного общения с множеством чужаков. Тьфу...

Бур — единственный оставшийся в живых член банды «Кровавых Зашибал» — во всяком случае согласно общеизвестным данным — получил полное отпущение грехов и стал называть себя своим настоящим именем: Томас Джон Гленн. Под этим именем он и поступил в отряд космической морской пехоты ООН.

Еще в курсе начальной подготовки первым, что он узнал, было настоящее название его новенькой штурмовой винтовки: «Фюрстенберг». Да, она была неуклюжей и выглядела весьма нелепо, но в бою она была подлинно смертоносной. Именно рядовой первого класса Гленн (напившись розового вина, похищенного из запертого помещения гарнизонной лавки) начертал на стене справедливо ставший известным лозунг: «Первый в бою. Первый в мире. Фюрстенберг». Совершив этот подвиг, он рыгнул и забылся.

Посадка на РпорР официально была запрещена, и спиральный проход сквозь минные поля — замурован.

Члены Группы Первого Контакта с радостью воссоединились и немедленно приступили к работе в том же количестве, но уже для Галактической Лиги. Эта работа, кроме всего прочего, включала также разработку мобильного командного бункера, который должен был поместиться внутри переоборудованного «Рамиреса». В часы, когда они были свободны от работы, ГПК познакомила джианцев с игрой в покер и успела нанести эко-

номике планеты немалый урон, прежде чем был принят закон об ограничении ставок.

И разумеется, ужасное наказание настигло Авантора — младшего Авантора — и ее Шестнадцатого.

* * *

Призвав на помощь всю свою решимость, джианские офицеры постучались в дверь конторы, готовясь представиться своему новому командиру. Мужской голос из-за двери приказал им войти.

Лейтенант Сакаэда, одетый в мужскую униформу, поднял взгляд от кипы бумаг и ухмыльнулся.

— Авантор! Шестнадцатый! Какой приятный сюрприз! Присаживайтесь! — и он указал вошедшим на два стула.

— Благодарю, сэр, нет, — строго официально ответил 16-й, вручая озадаченному офицеру чистый листок серого пластика.

От прикосновения лейтенанта на пластике появились диковинные письмена, и Сакаэда потянулся за джианско-английским словарем.

— Мы прикомандированы к вашему подразделению для переподготовки, — перевела Впередсмотрящая, эти слова жалили ее губы, словно удары крошечного хлыста.

Лейтенант стремительно побледнел. «О нет, только не это», — подумал он.

Авантор и Шестнадцатый почувствовали легкую тошноту, неверно истолковав выражение лица лейтенанта как досаду. Даже чужие не желали иметь с ними дела после стольких грубых ошибок. Кто посмел бы их за это осудить?

Ощущая себя все более и более беспомощным, командир морских пехотинцев вертел в руках серый пластик, снова и снова читая те несколько слов, которые он знал.

— Если я правильно понял, вы должны были представиться мне завтра в 9.00.

— Тогда — до завтра, — отрывисто произнесла Авантор, и джианцы повернулись кругом, чтобы уйти.

— Подождите! — воскликнул Сакаэда. Джианцы остановились, и 16-й повернулся к терранцу.

— Что, уже завтра, сэр? — саркастически осведомился он.

Лейтенант вскочил со стула и стремительно обогнул стол.

— Нет еще, но потом может быть слишком поздно.

16-й выглядел озадаченным.

— Тогда я не понимаю, сэр.

Сакаэда не обратил на него внимания.

— Я... я не знаю, как об этом принято говорить... но вы всегда были для меня чрезвычайно сексуально привлекательны, Авантор, и я хотел бы принять участие в... физзлорпе...

Курт Сакаэда искренне надеялся, что он правильно произнес это слово. Медицинское руководство, которое утверждало, что их две расы сексуально совместимы, не было снабжено транскрипцией.

Авантор и Шестнадцатый удивленно заморгали, затем улыбнулись. На борту их старого доброго Х-47-Д они могли заниматься сексом только друг с другом, и это осточертело им до последней степени. Среди своих соплеменников они были изгнанниками, париями, отверженными. Быть может, групповое соитие с несколькими терранцами — это как раз то, что им необходимо для того, чтобы преодолеть некоторую натянутость и укрепить их новые служебные взаимоотношения. Да, в конце концов, это не могло принести никакого вреда!

— Мне это нравится, моя госпожа!

— Тогда давай сделаем это, мой красавчик.

— Принимается, — сообщила Авантор, ощущая первый прилив страсти. — Соберите четырех ваших друзей и приходите к нам с Шестнадцатым в комнату, скажем... через десять минут по земному времени.

Курт колебался.

— Четверых мужчин? — спросил он. Авантор нежно погладила его по щеке.

— Это будет довольно скучно, — пробормотала она ласково.

— Определенно, — подтвердил Шестнадцатый, внося таким образом свою лепту. «Гм-м... — подумал он про себя. — Интересно, умеют ли терранские женщины горгловать? На вид у них для этого было все».

Слегка пошатываясь от сильного плотского желания, лейтенант Сакаэда почувствовал, что под бархатной рукой Авантора кожа его щек запылала. Черт возьми, она была полностью в его вкусе! И он бросил взгляд на часы.

— Через десять земных минут, и время уже пошло!

Шестнадцатый выскочил из комнаты вне себя от восторга. Авантор, напротив, шла медленно и плавно, начиная на ходу расстегивать воротник мундира. Обернувшись к лейтенанту, золотистая джианка добавила:

— И еще я захвачу флейту, на которой играют носом.

СОДЕРЖАНИЕ

Бог Кальмар 5

Внезапное вторжение 335

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых
разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Поллотта Ник, Фоглио Фил

Бог Кальмар
Внезапное вторжение

Фантастические романы

Ответственные за выпуск А. Костыгин, А. Тишинин
Ведущий редактор Е. Волков
Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерная верстка: А. Шакиров
Корректор Н. Богачева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Ник Поллотта – автор более семидесяти книг разных жанров, от юмора до триллеров. Но наиболее известным его сделали романы в жанре иронической фантастики, переведенные на многие языки мира и любимые не только читателями, но и критиками, сравнивавшими их с произведениями Роберта Асприна, Терри Пратчетта и Пирса Энтони.

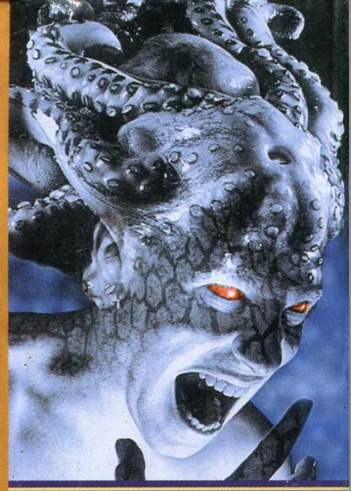
Викторианской Англии – а заодно и всему миру – грозит мучительная гибель, потому что таинственная мистическая секта упрямо намеревается возродить ужасного Бога Кальмара, которого не убить никаким человеческим оружием.
Извечное «бремя белых» – спасение цивилизации – мужественно принимают на себя верные подданные ее величества – чудаковатый владелец Музея украденных артефактов и экстравагантный аристократ... Охота за сектантами начинается!..

В Центральном парке Нью-Йорка садится звездолет пришельцев, и гнусные «чужие» под видом «тестирования землян на цивилизованность» захватывают шестерых пленников.
Ма-а-аленькое «но»: захваченные представители человеческой расы – лихие ребята из МОЛОДЕЖНОЙ БАНДЫ, не боящиеся ни Бога, ни черта, ни копов – что уж говорить о каких-то жалких пришельцах!..

Поклонники иронической фантастики!
НЕ ПРОПУСТИТЕ!

ISBN 5-17-035122-4
9 785170 351220

НИК ПОЛЛОТТА

ФОГЛИО

БОГ КАЛЬМАР
ВНЕЗАПНОЕ ВТОРЖЕНИЕ